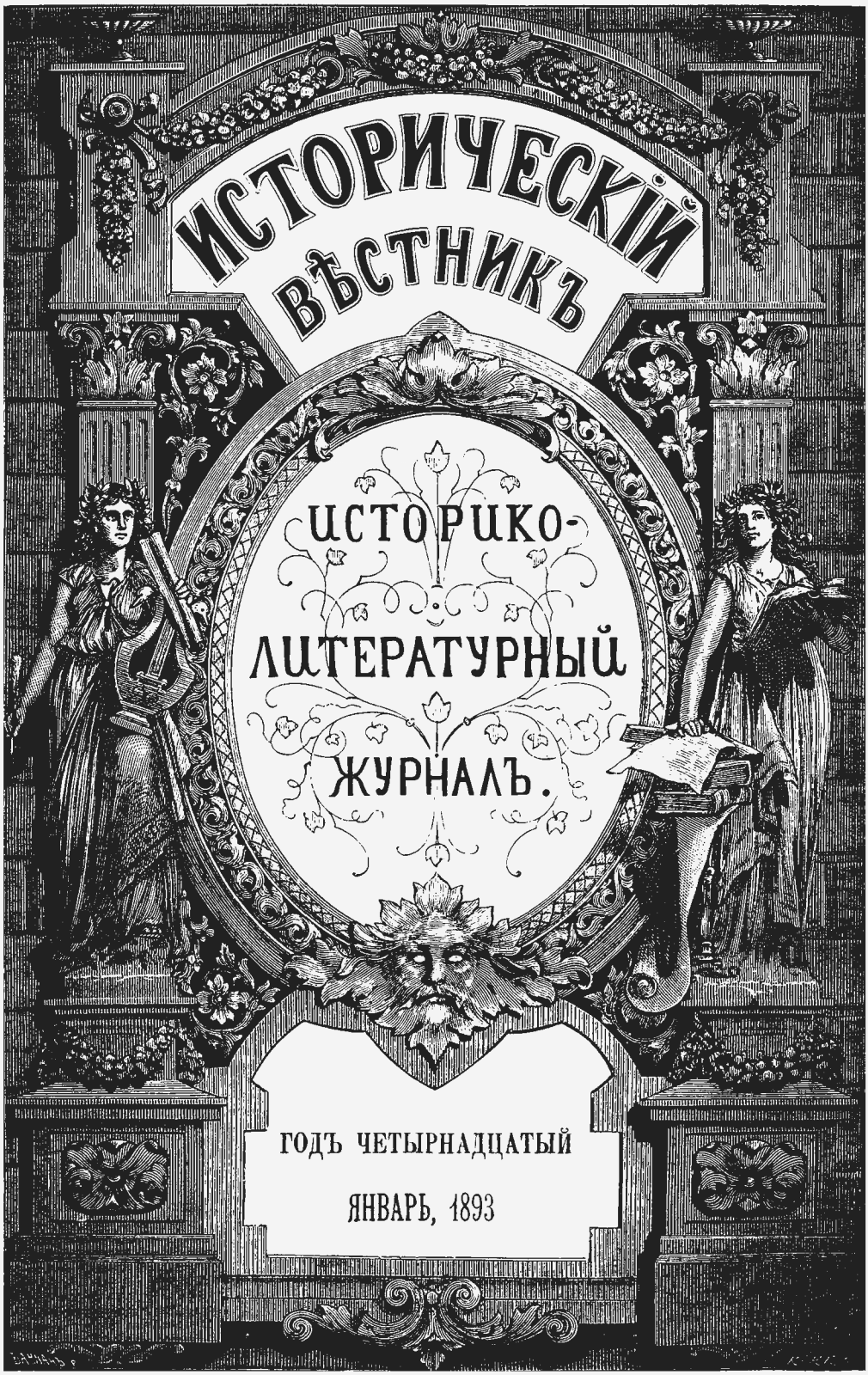

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ Владиміръ Алексѣевичъ Полторацкій, старшій сынъ тверскаго губернскаго предводителя дворянства Алексѣя Марковича Полторацкаго, родился 16-го сентября 1828 года и получилъ образованіе въ Пажескомъ корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ въ 1846 году прапорщикомъ въ Куринскій князя Воронцова полкъ, расположенный на Кавказѣ. Въ рядахъ этого, знаменитаго тогда, полка Полторацкій участвовалъ съ отличіемъ во всѣхъ экспедиціяхъ и сраженіяхъ, происходившихъ втеченіе 1847 — 1854 годовъ въ Большой и Малой Чечнѣ и Азіатской Турціи. Тяжело раненный нѣсколькими пулями въ битвѣ при Чолокѣ, Полторацкій вынужденъ былъ выдти въ отставку и, женившись на С. Д. Левшиной, поселился въ своемъ родовомъ имѣніи, селѣ Завражьѣ, Новоторжскаго уѣзда, гдѣ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ предался сельскому хозяйству и псовой охотѣ. Освобожденіе крестьянъ вызвало Полторацкаго къ общественной дѣятельности. Выбранный новоторжскимъ предводителемъ дворянства, онъ энергично работалъ по введенію мировыхъ учрежденій; но въ 1869 году, вслѣдствіе разстройства своихъ имущественныхъ дѣлъ, снова поступилъ въ военную службу съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи Туркестанскаго генералъ-губернатора. Шахрисябская экспедиція и Хивинскій походъ дали В. А. случай къ новымъ боевымъ отличіямъ. По возвращеніи изъ Туркестана, ему поручается формированіе крымско-татарскаго дивизіона, а во время русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ онъ командуетъ Чугуевскимъ уланскимъ полкомъ. По заключеніи мира, Полторацкій назначается состоять въ распоряженіи

Библиотека "Руниверс"

намѣстника Кавказскаго, великаго князя Михаила Николаевича, и въ 1882 году, по производствѣ въ генералъ-маіоры, выходитъ въ отставку, поселяется сперва въ Кіевской губерніи у своего сына, а затѣмъ въ Крыму. Здѣсь, уступая настоятельнымъ просьбамъ близкихъ людей, Полторацкій началъ приводить въ порядокъ свои воспоминанія, которыя велъ аккуратно, въ формѣ дневника, съ 1846 года до самой своей кончины, послѣдовавшей 16-го августа 1889 года. Воспоминанія эти составляютъ 27 рукописныхъ томовъ и, обнимая сорокалѣтній періодъ времени, представляютъ большой интересъ, такъ какъ Полторацкій, человѣкъ наблюдательный, правдивый и остроумный, живыми красками рисуетъ не только событія своей жизни, но и то общество, среди котораго онъ вращался и въ которомъ всегда занималъ видное мѣсто.

Къ сожалѣнію, по многимъ причинамъ, печатаніе воспоминаній Полторацкаго вполнѣ теперь еще несвоевременно; пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ его сына, Анатолія Владиміровича, мы имѣемъ возможность помѣстить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» лишь нѣсколько отрывковъ изъ нихъ.

Ред.

I.

Производство въ офицеры.—Представленіе императору Николаю въ Аничковомъ дворцѣ.—Балъ у Е. В. Апраксиной.—Столкновеніе съ хозяйкой бала.—Приключеніе съ коляской.—Великій князь Михаилъ Павловичъ.—Пикникъ на императорской фермѣ.—Встрѣча съ государемъ и государыней.—Князь Багратіонъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Графъ П. Д. Киселевъ.—Д. А. Милютинъ.—Прощанье.—Грузины.—Софья Борисовна и Константинъ Марковичъ Полторацкіе.—Московская станція.—Ставрополь.—Эггеръ и его разсказы.—Плѣнъ Глѣбова.—Кавказскія горы.—Владикавказъ.—Кайшуръ.—Тифлисъ.

Августа 11-го, 1846 года, въ послѣдній разъ явился я въ корпусъ уже довольно поздно. Ночь эту я провелъ почти безъ сна. Нетерпѣливое ожиданіе на столько волновало меня, что я вскочилъ съ постели и въ десятый разъ сталъ пересматривать всѣ приготовленные къ моему обмундированію доспѣхи, начиная съ сапогъ и кончая темлякомъ. Итакъ, я офицеръ! Да, егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка прапорщикъ. Какое счастье быть свободнымъ, быть признаннымъ человѣкомъ, а не ребенкомъ! Утромъ послышался шумъ подъѣхавшихъ дрожекъ, за нимъ другихъ, и на верхъ вбѣжалъ Лобановъ, затѣмъ два брата Гербель, графъ Пушкинъ и, спустя пять минутъ, всѣ выпускные. Николай Пушкинъ подбѣжалъ ко мнѣ и вручилъ еще сырой, только что отпечатанный высочайшій приказъ о нашемъ производствѣ. Мы обнялись и, сбросивъ съ себя пажеское бѣлье и платье, стали облекаться въ новую собственную форму. Черезъ нѣсколько минутъ

Библиотека "Руниверс"

я былъ кавказскимъ офицеромъ. Когда послѣ привѣтствій и поздравленій прибывшаго инспектора Жирардота мы записали подробные наши адресы, намъ разрѣшили отправляться куда угодно, но съ тѣмъ, чтобы 16-го утромъ всѣмъ собраться въ корпусъ для представленія генералу Зиновьеву, а затѣмъ ждать дальнѣйшихъ распоряженій.

До отхода поѣзда въ Павловскъ оставалось довольно времени, а потому въ новенькомъ съ иголочки мундирѣ я пошелъ по Невскому. Все кругомъ улыбалось мнѣ; казалось, всѣ встрѣчные смотрѣли на меня съ почтеніемъ и завистью. Лишній разъ прошелъ я мимо Аничкова дворца, тамъ часовой дѣлалъ мнѣ на караулъ, не догадываясь, конечно, что онъ въ русской арміи первый оказывалъ мнѣ эту воинскую почесть... Вездѣ было хорошо, весело, отрадно. Такихъ дней въ жизни немного. Послѣдующіе дни прошли въ хлопотахъ по случаю принесенія присяги въ пажеской церкви и затѣмъ общемъ сборѣ нашемъ въ Аничковомъ дворцѣ (въ Зимнемъ шли капитальныя передѣлки) для представленія государю Николаю Павловичу. 25-го августа мы нарядились въ парадную форму, отправились во дворецъ и ожидали пріѣзда государя императора. Построили насъ по корпусамъ: гвардейскихъ съ праваго фланга, потомъ артиллерійскихъ, рядомъ съ ними армейскихъ и на каждомъ лѣвомъ флангѣ заведеній—штатскихъ. У насъ тутъ фигурировалъ одинъ Пушкинъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Въ часъ по полудни раздались крики: «Пріѣхалъ, пріѣхалъ!..», а затѣмъ команда: «Господа офицеры, смирно!». Величественною походкой государь въ преображенскомъ мундирѣ вступилъ въ первую, нами занятую, залу и вмѣсто прежняго привѣтствія: «Здорово, мои дѣти!»—онъ молча, но съ привѣтливой улыбкой, раскланялся съ нами, а мы вмѣсто отвѣта: «Здравія желаемъ, ваше императорское величество», почтительно и низко ему поклонились.

— Поздравляю васъ, господа, съ производствомъ въ офицеры и вполнѣ увѣренъ, что вы всѣ безъ исключенія будете всегда и вездѣ достойными слугами престолу и отечеству!—громко сказалъ государь.

Съ нашей стороны опять поклоны и при нихъ звонкое побрякиваніе шпоръ у счастливцевъ-кавалеристовъ. Его величество подходилъ ко всѣмъ поочередно и каждому съ улыбкой сказалъ нѣсколько милостивыхъ словъ. Меня же государь разсмотрѣлъ съ особеннымъ вниманіемъ: нѣсколько разъ вертѣлъ во всѣ стороны, причемъ приказалъ надѣть папаху и остался вполнѣ доволенъ новою, высочайше утвержденною имъ, формою бывшаго Куринскаго, нынѣ Егерскаго князя Воронцова полка.

— Молодецъ! и я надѣюсь будешь имъ и на Кавказѣ!—выразился государь.

Библиотека "Руниверс"

Черезъ два дня былъ балъ у статсъ-дамы Екатерины Владиміровны Апраксиной, куда мать съ сестрами и я были заранѣе приглашены. Въ началѣ 11-го часа карета подвезла насъ къ подъѣзду ея дворца. Яркое освѣщеніе, нескончаемый лѣсъ тропическихъ растеній на лѣстницѣ, вереница напудренныхъ лакеевъ—все было по строгому порядку вещей. Но вотъ за тремя залами богато убранная гостинная, обтянутая вся отъ панели до золоченаго карниза пунцовымъ сукномъ съ золотыми звѣздами, переполненная вся мебелью à la Louis XV, загроможденная зеркалами, жардиньерками, козетками и саксонскими куклами и бездѣлками. Гостинная эта множествомъ разнокалиберной мебели, картинъ, зеркалъ и ковровъ напоминала скорѣе складъ старинный bric à braque, чѣмъ пріемный залъ большой барыни. Я еще болѣе удивился, когда вмѣсто ожидаемой величественной хозяйки отдѣлилась отъ дивана и сдѣлала три шага, припадая на лѣвую ногу, на встрѣчу матери, la grande dame Екатерина Владиміровна Апраксина; маленькая, не болѣе двухъ аршинъ ростомъ, сморщенная старушка, съ громаднымъ горбомъ на спинѣ, приняла величественный видъ и гордымъ взглядомъ окинула насъ всѣхъ, снизу вверхъ, конечно! Съ важностью Апраксина пригласила насъ садиться и сѣрыми глазками своими не переставала разбирать туалеты сестеръ моихъ. Вслѣдъ за нами большая гостинная стала наполняться приглашенными, и я, чтобы избѣжать инспекціи внушавшей мнѣ страхъ хозяйки, счелъ благоразумнымъ уйти въ другіе залы, гдѣ, встрѣтивъ много знакомыхъ, вздохнулъ свободно. Прошло съ четверть часа, какъ вдругъ передъ нами явилась сама Екатерина Владиміровна. Окинувъ издали всѣхъ мужчинъ инквизиторскимъ взглядомъ, она внезапно направила быстрые шажки свои прямо въ мою сторону и, пожирая меня своими глазками, какъ ястребъ, налетѣла и неистово-раздраженнымъ голосомъ сказала:

— Comment, monsieur, vous ne saviez donc pas qu'à un bal chez moi il falait se présenter en uniforme? (Какъ, милостивый государь, развѣ вы не знаете, что на мои балы нужно являться въ мундирѣ?).

— Mais oui, madame,—почтительно отвѣтилъ я: — je ne le sais que trop! (Какъ же, сударыня, я это очень хорошо знаю).

— Et dans ce cas,—сердито возразила старуха:—veuillez m'expliquer, monsieur, de quel droit vous êtes arrivé chez moi en redingote? Il faut bien, jeune homme, connaître les devoirs du monde et ne pas oser les paralyser, dès le premier jour de votre apparition dans la société choisie!.. (Въ такомъ случаѣ потрудитесь объяснить мнѣ, по какому праву вы пріѣхали ко мнѣ въ сюртукѣ? Необходимо, молодой человѣкъ, знать обычаи свѣта и не смѣть нарушать ихъ съ перваго же дня вашего появленія въ избранномъ обществѣ).

Удивленный неожиданнымъ обвиненіемъ, я всячески сталъ ей доказывать, что на Кавказѣ, въ этомъ полку, другаго мундира

Библиотека "Руниверс"

нѣтъ, какъ мой, однобортный, но съ фалдами, только что утвержденный. Статсъ-дама сердито и недовѣрчиво выслушивала мои объясненія, и не знаю, чѣмъ бы они кончились, если бы на мое счастье вблизи не оказался старый мой знакомый, гусаръ Манзей. Онъ вò время подоспѣлъ и энергически отстоялъ правоту мою передъ грозной старухой. Она, смягчивъ свои взоры, что-то пробормотала мнѣ вслѣдъ и заковыляла во внутренніе свои покои.

Балъ былъ блистателенъ, но для меня значительно испорченъ сценою съ хозяйкой дома. Я даже не танцовалъ, хотя въ волю любовался прекрасными парами, особенно красивымъ и статнымъ кирасиромъ полка его величества барономъ Дризеномъ и внушающей удивленіе Hedvige Штрандманъ.

Послѣ бала у Апраксиной пришлось мнѣ быть еще на нѣсколькихъ балахъ, пикникахъ и базарахъ, до моего отъѣзда на Кавказъ. Однажды, катаясь съ матерью и сестрами по парку, остановились мы передъ самымъ вокзаломъ, противъ оркестра. Здѣсь нашли мы много знакомыхъ; въ десяти же шагахъ отъ насъ оказалась коляска Свистуновой, а около нея стоялъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Я открылъ дверцу и, чтобы размять ноги, выскочилъ изъ экипажа, мать же велѣла поворачивать назадъ, такъ какъ сопровождавшей насъ кавалькадѣ барышенъ и молодыхъ Татищевыхъ не стоялось на мѣстѣ. При оборотѣ довольно крутомъ, подручная лошадь заступила постромку и начала бить. Форрейторъ съ испуга затянулъ свою подсѣдельную лошадь, обѣ уносныя осадили на дышловыхъ, весь четверикъ спутался и сталъ на мѣстѣ бить задомъ и передомъ. Я бросился къ коляскѣ и поспѣшилъ вытащить испуганныхъ барынь, а великій князь въ то же мгновеніе съ неимовѣрнымъ присутствіемъ духа въ три прыжка очутился у дышла съ одной стороны, а артиллерійскій генералъ Бибиковъ съ другой, и, не взирая на усиленное ляганье задомъ передней пары, они натянули наносныя постромки, сорвали ихъ съ дышловаго крюка и крикнули форрейтору убираться вонъ. «Теперь,—сказалъ великій князь,—они могутъ бить сколько имъ угодно!» и, подойдя къ моей матери, его высочество любезно ее успокоилъ и, снова посадивъ въ коляску, приказалъ кучеру проѣхать сначала шагомъ, затѣмъ раскланялся и, какъ будто ничего не случилось, вернулся къ Свистуновой.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія устроивался пикникъ на императорской фермѣ. Общій сборъ былъ назначенъ въ 11 часовъ утра у Штрандмана, въ Константиновскомъ дворцѣ. Графиня Блудова и Ковальковы везли завтракъ, а Штрандманы, Ушаковы, Татищевы и мы обязаны были доставить вина. Согласно программѣ, поѣздъ двинулся по парку, а мы, верховые, разсыпались во всѣ стороны, расчитывая собраться снова всѣмъ на фермѣ. Подъѣзжая къ ней, увидали мы скачущаго всадника на сѣрой лошади; узнаемъ Леонида Татищева.

Библиотека "Руниверс"

— Государь, самъ государь и вся царская фамилія здѣсь на фермѣ!—еще издали кричалъ онъ.

— Какимъ образомъ? Что такое?—разспрашивали мы.

— Очень просто, — взволнованнымъ голосомъ объяснялъ Татищевъ:—государь вздумалъ воспользоваться сегодня хорошей погодой и предложилъ императрицѣ и всему семейству своему ѣхать въ видѣ прогулки изъ Царскаго въ Павловскъ завтракать молокомъ.

Государь, уже прежде замѣтившій сдѣланныя приготовленія къ нашему пикнику, изволилъ очень милостиво встрѣтить нашихъ матушекъ и любезно предложилъ имъ соединить оба завтрака въ одинъ общій. А теперь его величество ждалъ еще прибытія кавалькады.

«Но очень ли просто,—подумалъ каждый изъ насъ,—такъ неожиданно представиться на глаза его величества Николая Павловича?» Каждый осмотрѣлся, оправился и не съ спокойнымъ духомъ подвигался къ фермѣ. На балконѣ ясно выдѣлялся силуэтъ императора. Онъ издали очаровательной улыбкой уже привѣтствовалъ всю компанію, а когда кавалькада подъѣхала ближе, его величество быстро сошелъ по внутренней лѣстницѣ и внизу на подъѣздѣ встрѣтилъ нашихъ амазонокъ. Здѣсь государь, повторивъ привѣтствія свои всему обществу, поочередно помогъ обѣимъ сестрамъ моимъ слѣзть съ лошадей и, взявъ Ольгу и Софью подъ руку, онъ улыбаясь сказалъ имъ:

— Il y a longtemps que j'attends en vain que votre oncle me demande votre présentation; il faut bien, mesdemoiselles, se passer de lui. (Я уже давно тщетно жду, чтобы вашъ дядя просилъ у меня позволенія представить васъ; приходится обойтись безъ него).

И съ этими словами государь, поднявшись съ ними по лѣстницѣ въ залу фермы, подвелъ и лично представилъ ихъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Вся компанія наша, по приглашенію его величества, также поднялась наверхъ, и глазамъ нашимъ представилась слѣдующая картина: большой по срединѣ комнаты столъ, весь заставленный блюдами общаго завтрака, былъ занятъ государыней и членами императорской фамиліи вперемежку съ нашими старыми барынями. Такъ, около ея величества по одну сторону сидѣла старуха Н. Ѳ. Плещеева, а по другую моя мать. Возлѣ великой княгини Маріи Николаевны—графиня Блудова и т. д. Поодаль между амазонками нашими расположились молодые великіе князья Михаилъ и Николай Николаевичи, а противъ государыни—Николай Павловичъ, предложившій около себя мѣста Софьѣ и Машѣ Ковальковой. Необыкновенная простота въ обращеніи и удивительная любезность императрицы скоро развязали языкъ нашимъ дамамъ, и черезъ нѣсколько минутъ возникъ непринужденный и веселый разговоръ. Ея величество неоднократно повторить изволила, что всѣ присут-

Библиотека "Руниверс"

ствующія дамы такія же здѣсь хозяйки дома, какъ и она сама, и что ея величество очень довольна этимъ милымъ, неожиданнымъ пикникомъ, причемъ изъ особенной любезности похваливала все привезенное на завтракъ нашими барынями и съ большимъ аппетитомъ кушала печеный картофель съ сливочнымъ масломъ, тутъ же купленнымъ на фермѣ.

Государь былъ также въ особенно хорошемъ расположеніи духа и, расточая любезности всѣмъ дамамъ, молодымъ и старымъ, обратилъ вниманіе на насъ, офицеровъ, съ замѣчаніемъ, «что, если нѣкоторымъ изъ насъ не достаетъ мѣстъ за общимъ столомъ въ ротондѣ, то это только по милости непрошенныхъ гостей изъ Царскаго Села», причемъ его величество отдалъ приказаніе накрыть столъ въ той же залѣ, рядомъ съ первымъ и совершенно успокоился, когда увидѣлъ, что всѣ мы до одного за нимъ размѣстились. Болѣе полутора часа продолжался оживленный завтракъ. Всѣ безъ исключенія были въ своей тарелкѣ, и всякая тѣнь смущенія исчезла, когда его величество, замѣтивъ, что, «кажется, все съѣдено и выпито, теперь пора и по домамъ», изволилъ встать, и по его примѣру всѣ поднялись изъ-за стола. Передъ отъѣздомъ государь обратился къ каждому изъ насъ съ милостивыми словами, а меня спросилъ, скоро ли собираюсь на Кавказъ, и на мой отвѣтъ: «черезъ недѣлю, ваше императорское величество», государь замѣтилъ: «Какъ? Уже? Желаю тебѣ всякаго счастья!»...

По возвращеніи съ пикника, мы застали у насъ въ гостинной драгунскаго офицера, насъ ожидавшаго, князя Багратіона, пріѣхавшаго нарочно условиться со мной о днѣ нашего выѣзда на Кавказъ. Онъ обязательно предложилъ матери, въ качествѣ моего попутчика до Воронежа, взять на себя заботу покупки экипажа и договорился заѣхать за мной окончательно 18-го сентября.

Такъ какъ передъ отъѣздомъ надо было еще побывать въ Петербургѣ, то я и двинулся туда 15-го числа. Получивъ въ штабѣ казенную подорожную до крѣпости Грозной и по выданному мнѣ талону изъ казначейства 92 р. 60 к. прогонныхъ денегъ, я забралъ всѣ заказанныя вещи у портного и сапожника и поѣхалъ съ прощальнымъ визитомъ къ дядѣ, графу Павлу Дмитріевичу Киселеву, но попалъ къ нему не во время, такъ какъ онъ очень старался скорѣе меня выпроводить. Обнявъ, перекрестивъ и съ нѣкоторымъ чувствомъ напутствовавъ меня фразой: «Богъ съ тобой!», Павелъ Дмитріевичъ далъ мнѣ уже время пройти всю залу и вдругъ громко позвалъ меня обратно. Въ дверяхъ своего кабинета дядя меня встрѣтилъ и, сунувъ что-то въ руку, прибавилъ скороговоркой: «Это тебѣ на путевыя издержки!». И самъ, не давъ мнѣ опомниться и поблагодарить его, заперъ дверь въ кабинетъ свой. Въ рукѣ моей оказалось 200 рублей... Отъ Киселева я поѣхалъ на Васильевскій Островъ къ Димитрію Милютину. Когда я входилъ въ его столовую,

Библиотека "Руниверс"

слышны были дѣтскіе крики; вскорѣ ко мнѣ вышла Наташа и объявила, что мужа нѣтъ дома, а если я соглашусь у нихъ обѣдать, то скоро его увижу. Въ сосѣдней комнатѣ опять раздался крикъ ребенка, Nathalie ушла къ нему, а я вошелъ въ кабинетъ Димитрія и, найдя на этажеркѣ книгу: «Войны Суворова въ Италіи въ 1799 году», составленную имъ же, увлекся ею и прочелъ три главы, не замѣтивъ времени и вошедшаго Димитрія. Обѣдъ былъ простой, но очень радушный; послѣ кофе я распростился съ хозяевами, такъ какъ зналъ, что у Димитрія слишкомъ мало времени для послѣобѣденнаго кейфа.

Дома засталъ Булгакова и Сологуба. Послѣдній привезъ нѣсколько писемъ и двѣ книги своего сочиненія, съ порученіемъ передать ихъ въ Тифлисѣ княгинѣ Воронцовой, а письма молодому князю, ея сыну, и Мишкѣ Глѣбову.

17-го мать заказала обѣдню и затѣмъ напутственный молебенъ, послѣ котораго всѣ провожающіе меня сѣли въ экипажи и двинулись со мной до Ижоры.

«Дальніе проводы, лишніе слезы»,—говорилъ всегда графъ Павелъ Дмитріевичъ, и мать моя была того же мнѣнія, а потому совѣтовала мнѣ сейчасъ же потребовать лошадей и я, какъ ни крѣпился, но, простившись со всѣми, въ слезахъ бросился въ фургонъ и крикнулъ: «Пошолъ! пошолъ! Цѣлковый на водку!»... По дорогѣ заѣхалъ сначала въ наше имѣніе Вельможье (Тверской губ.), а затѣмъ въ Грузины къ любимѣйшему моему дядѣ Константину Марковичу Полторацкому. Съ распростертыми объятіями встрѣтилъ меня дядя; очень любезно принялъ онъ и Багратіона, приказавъ сейчасъ же приготовить мнѣ рядомъ съ галлереей красную комнату, а ему другую возлѣ. Даже Софья Борисовна снизошла со мной до нѣкоторой нѣжности и на первыхъ порахъ осыпала любезностями моего князя, но ея благоволеніе къ нему длилось недолго, и воспослѣдовало разочарованіе, когда она узнала, что сіятельный гость не говоритъ даже пофранцузски, что̀ въ ея глазахъ было не малое преступленіе.

За обѣдомъ, пока я весело болталъ съ старинной пріятельницей моей Анной Львовной Трунской, князь Багратіонъ расхвастался о роднѣ своей: Альбединской, княгинѣ Багратіонъ, Солнцевой, Гагариной и проч. Послѣ обѣда мы перешли въ кабинетъ Константина Марковича, гдѣ онъ расположился въ покойномъ креслѣ, противъ камина и, пригласивъ насъ курить, просилъ меня разсказать ему подробно, какъ и почему случился мой выпускъ изъ Пажескаго корпуса въ армію, равно какъ и отъѣздъ на Кавказъ. На возраженіе мое, что это длинная и скучная исторія, дядя съ усиленнымъ любопытствомъ пожелалъ ее услышать и заставилъ меня начать разсказъ. Но я не дошелъ еще до первыхъ каверзъ на экзаменахъ Игнатьева, какъ замѣтилъ неровное, но очень сильное его дыханіе;

Библиотека "Руниверс"

взглянувъ ближе, я увидѣлъ, что милый старикъ давно уже храпитъ. На цыпочкахъ вышелъ я изъ комнаты, но, когда за мною неосторожно всталъ и Багратіонъ, Константинъ Марковичъ проснулся, вскочилъ на ноги и съ безпокойствомъ спросилъ: «А гдѣ же Володя? Онъ вѣрно подумалъ, что я заснулъ! Нисколько, я все его слушалъ!»... Вечерній чай пили въ гостинной, на половинѣ Софьи Борисовны. Она очень серьезно вязала на спицахъ какую-то полосу къ одѣялу, задавала вопросы и, не дожидаясь отвѣта, заботливо и вслухъ пофранцузски считала петли на своей работѣ, а потомъ внезапно обращалась съ вопросомъ: «A où en sommes nous?» (на чемъ мы остановились?). Дядя съ длинною въ зубахъ трубкою не всегда впопадъ поддерживалъ разговоръ своей супруги и, пробуждаясь отъ дремоты, не разъ вставлялъ совсѣмъ не кстати: «oui, oui, comme de raison, ma chère amie!» (да, да, это правда, милый другъ). На другой день, въ воскресенье, я проснулся очень поздно и, когда поднялся на верхъ, засталъ уже тетушку, возвратившуюся отъ обѣдни, за чайнымъ столомъ, въ обществѣ священника грузинской церкви, отца Василія. Когда я входилъ, она объясняла почтенному старцу о необходимости для блага отечества нашего большихъ преобразованій во всемъ организмѣ государства. Священникъ слушалъ ее внимательно и, выпивъ уже третью большую чашку чая, опрокинулъ ее на блюдечко вверхъ дномъ; затѣмъ, вынувъ изъ кармана клѣтчатый платокъ, усердно утиралъ съ лица потъ, выступившій на челѣ его отъ теплаго напитка или отъ усиленнаго вниманія его къ поучительной рѣчи Софьи Борисовны. Не сводя глазъ съ генеральши, старикъ священникъ видимо не понималъ всего имъ слышаннаго, а Софья Борисовна, въ полголоса выговоривъ цѣлыя фразы пофранцузски, переводила ихъ буквально на русскій языкъ и громко, внушительно обращалась тогда къ отцу Василью. Милостиво протянувъ мнѣ бѣлую руку свою, покрытую дюжиной дорогихъ колецъ, къ которой поспѣшилъ я почтительно приложиться, и спросивъ меня, по обыкновенію, въ носъ: «Et comment, mon cher, avez vous passé la nuit?» (какъ провелъ ты ночь, мой милый?), она, не дожидаясь моего отвѣта, продолжала: «Итакъ, батюшка, où en sommes nous?» (гдѣ я остановилась?). Священникъ, наклонившись къ ней, подобострастно выговорилъ: «Ваше превосходительство изволили выразиться о необходимости для блага отечества большихъ преобразованій во всемъ орг...» — «Oui, oui, c'est ça,— перебила Софья Борисовна,—да я помню. Для блага отечества большихъ преобразованій во всемъ организмѣ государства, à fin que la Russie puisse renaître avec gloire de ses cendres»... — вполголоса, почти про себя, докончила она и затѣмъ громко повторила: «въ конецъ, чтобы Россія возродилась со славою изъ золы своей». Она подняла когда-то прекрасные глаза свои на отца Василія, чтобы насладиться произведеннымъ на него

Библиотека "Руниверс"

впечатлѣніемъ краснорѣчивой своей тирады, но тутъ же увидѣла по смущенному лицу его, что онъ ничего не понялъ. «Вы меня, кажется, не поняли, батюшка?»—«Нѣтъ, ваше превосходительство, сознаюсь, не уяснилъ себѣ послѣдняго». Софья Борисовна, съ чуть замѣтною ироническою улыбкою на губахъ, слово въ слово опять повторила послѣднюю фразу и на этотъ разъ, не спуская глазъ съ бѣднаго старика, безошибочно убѣдилась, что и теперь онъ ничего не уяснилъ себѣ. Тутъ она, не скрывая оттѣнка презрѣнія къ тупости отца Василія, обратилась ко мнѣ со словами: «Il n'y est pas, mon cher! Et c'est si clair: la Russie doit renaître de ses cendres!» (Онъ ничего не понялъ, а между тѣмъ это такъ ясно, что Россія должна возродиться изъ пепла).—«Да, тетушка, Россія должна возродиться изъ-подъ пепла»,—рѣшился замѣтить я. —«Ah oui, oui, изъ подъ пепла, изъ-подъ пепла»,—улыбаясь начала опять пилить она отца Василія, но послышались шаги дяди и Багратіона, и политическій диспутъ самъ собою прекратился.

Дядя Константинъ Марковичъ вошелъ къ намъ совершенно не въ духѣ. Онъ былъ очень недоволенъ Багратіономъ, et pour cause. Утромъ старикъ, выйдя въ садъ, черезъ окно увидѣлъ уже одѣтаго князя и воспользовался случаемъ похвастать ему своимъ хозяйствомъ. Дядя на своемъ вѣку прожилъ громадныя деньги, сначала при началѣ службы своей въ Семеновскомъ полку, потомъ во время Отечественной войны и въ Парижѣ, гдѣ, командуя бригадой въ отрядѣ Воронцова, онъ вошелъ въ составъ оккупаціоннаго нашего корпуса во Франціи, а наконецъ впослѣдствіи губернаторомъ въ Ярославлѣ. Вездѣ и всюду онъ извѣстенъ былъ своею щедростью, гостепріимствомъ и роскошью, а потому изрядно разстроилъ финансовыя дѣла свои. У него были серьезные долги, его не мало безпокоившіе, но этого добраго и радушнаго, стараго вѣка, барина утѣшало то, что при всѣхъ критическихъ переворотахъ онъ сумѣлъ сохранить за собою родовое имѣніе, завѣтное наслѣдіе матери своей, Агафоклеи Александровны. Усадьба поражала своей громадностью. Домъ въ Грузинахъ по масштабу и отдѣлкѣ могъ назваться дворцомъ. Кромѣ огромной съ хорами залы и знаменитой внизу галлереи, въ его трехъ этажахъ и двухъ смежныхъ флигеляхъ было до 120 комнатъ. Всѣ хозяйственныя постройки соотвѣтствовали главному дому. Конный дворъ вмѣщалъ до 250 лошадей. Скотный дворъ изъ жженаго кирпича, какъ и конный, съ черепичною крышей, отличной старинной выдѣлки, вмѣщалъ въ себѣ до 600 штукъ рогатаго скота, крупнаго, независимо отъ отдѣльныхъ помѣщеній для мелкаго. Въ такихъ же размѣрахъ обширныя риги, оранжереи, теплицы, грунты, мастерскія и проч. Церковь во имя Грузинской Божіей Матери напоминала скорѣе соборъ; крестьянскія даже избы и тѣ построены вдоль большой Старицкой дороги, изъ жженаго кирпича съ черепичными кры-

Библиотека "Руниверс"

шами. Кромѣ того, тамъ находился еще каменный старинный винокуренный заводъ, въ послѣднее время перестроенный и приспособленный къ новой системѣ, со всѣми вновь изобрѣтенными аппаратами, ежегодно выкуривающій до 200 тысячъ ведеръ спирта. Наконецъ, въ довершеніе полноты усадьбы, передъ господскимъ домомъ садъ, съ роскошными цвѣтниками, а за нимъ паркъ на 25 десятинахъ земли, съ рѣкой, прудами, островами, мостиками, бесѣдками, статуями и безчисленными затѣями. Милѣйшій владѣлецъ, какъ истинно-радушный хозяинъ, самъ повелъ всюду дорогаго гостя. Но тутъ-то мой князь и показалъ свою безтактность. Онъ не только ничему не удивлялся, ничему не отдавалъ должнаго, но напротивъ все безъ исключенія критиковалъ безпощадно, нагло увѣряя дядю, что у него въ Курской губерніи домъ вдвое больше, конный и скотный заводъ гораздо обширнѣе и удобнѣе, а что касается прочаго, то и смотрѣть не стоитъ. Константинъ Марковичъ, какъ старинный благовоспитанный баринъ, ничего не возразилъ своему гостю, но поспѣшилъ сократить свою прогулку и возвратиться въ домъ. Здѣсь я постарался развлечь его, и благодаря безграничной добротѣ этого идеально добродушнаго человѣка, мнѣ удалось заставить его забыть испытанное непріятное впечатлѣніе, и часъ спустя онъ былъ уже веселъ, разговорчивъ, какъ всегда. Въ кабинетѣ своемъ Константинъ Марковичъ, распахнувъ фалды сюртука своего, у камина, усердно грѣлъ спину и безъ умолку разсказывалъ намъ эпизоды изъ войнъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а особенно подробно объ Аустерлицѣ, за который въ петлицѣ его красовался Георгіевскій крестъ.

Только на четвертый день, вмѣсто двухъ, пребыванія нашего въ Грузинахъ, мы soi-disant послѣ ранняго обѣда выѣхали прямо на Мѣдное. Софья Борисовна передъ моимъ отъѣздомъ нѣжно поцѣловала меня на воздухъ и въ промежутокъ съ большимъ чувствомъ повторила просьбу не пить кофе: «il porte à la tête, mon cher!», а дядя отъ души цѣловалъ, крестилъ, благословлялъ, выражая сожалѣніе, что не можетъ проводить меня до Москвы, гдѣ бы онъ непремѣнно свозилъ меня къ старому, высоко имъ чтимому начальнику и другу своему Алексѣю Петровичу Ермолову, такъ какъ, по его убѣжденію, всѣмъ проѣзжающимъ на Кавказъ черезъ Москву безусловно подобаетъ поклониться Иверской Божіей Матери въ Кремлѣ и Ермолову на Пречистенкѣ...

Въ Воронежѣ разстался я съ своимъ спутникомъ, не скажу, чтобы съ большимъ сожалѣніемъ. Отъ Воронежа до Новочеркасска 533 версты я осилилъ въ трое сутокъ. Около Аксая встрѣтилъ лихую тройку въ саняхъ, съ сѣдокомъ въ адъютантской формѣ. Казакъ-ямщикъ мой, обернувшись, пояснилъ мнѣ, что «это кульеръ, вишь какъ гонитъ». Когда я наконецъ дотащился до станціи, смотри-

Библиотека "Руниверс"

тель поспѣшилъ сообщить мнѣ, что проѣхавшій курьеромъ адъютантъ намѣстника кавказскаго отправленъ въ Петербургъ съ донесеніемъ государю императору о славной побѣдѣ надъ самимъ Шамилемъ, у котораго отняли пушку и сѣкиру; что послѣднюю адъютантъ везетъ съ собой и только-что ее показывалъ ему. «Важнѣющая штука, — добавилъ онъ про сѣкиру:—но ужъ не очень, чтобы сказать, вострая!»—Заглянувъ въ книгу проѣзжающихъ, я увидѣлъ, что курьеръ былъ адъютантъ главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ поручикъ Давыдовъ (Ростиславъ).

Увидѣвъ курьера, спокойно катившаго въ саняхъ, мнѣ страшно захотѣлось тоже продолжать путь мой не на колесахъ: до того измучилъ и избилъ мнѣ бока мой грустный экипажъ; но смотритель ни за что не соглашался отправить меня въ саняхъ; даже пріобрѣтеніе безвозмездно фургона въ свою пользу не соблазняло его. «Да отчего же курьеру вы дали сани, а мнѣ не хотите?»—«То адъютантъ намѣстника, князя Воронцова, онъ можетъ все требовать и внѣ закона, не только на Кавказѣ, но и во всей Россіи!» — порѣшилъ смотритель, наотрѣзъ отказавъ исполнить просьбу прапорщика. Дѣлать нечего, опять поплелись черезъ пень-колоду. Съ каждымъ днемъ погода портилась, шелъ дождь со снѣгомъ, потомъ стало студить, повалилъ снѣгъ хлопьями, прилипалъ къ колесамъ и ступицамъ. Подвигались мы безобразно тихо, по 5 и 6 верстъ въ часъ, на душѣ было не весело, а тѣлу очень холодно. За 30 верстъ до Ставрополя, на станціи Московской, познакомился я съ милѣйшимъ, добродушнѣйшимъ инженеръ-полковникомъ Эггеромъ, который сжалился надо мною, взялъ меня въ свой дормезъ, и мы уже вмѣстѣ продолжали путь. Артуръ Ѳедоровичъ Эггеръ былъ старый кавказскій служака, много видѣвшій и слышавшій на своемъ вѣку. Словоохотливый отъ природы, онъ своими разсказами доставилъ мнѣ истинное удовольствіе. Зеленому прапорщику очень интересно было узнать особенности кавказской войны и жизни, которыя сложились здѣсь совсѣмъ иначе: иные обычаи, исключительныя отношенія.

Около Ставрополя, миновавъ вторую станцію, мы проѣхали казачій постъ, привлекшій мое вниманіе. Эггеръ по этому случаю разсказалъ мнѣ грустное происшествіе, три года назадъ случившееся на этомъ самомъ мѣстѣ съ Глѣбовымъ, тѣмъ самымъ Глѣбовымъ, которому въ чемоданѣ я везъ письмо отъ графа Сологуба. Въ концѣ 1843 года Глѣбовъ, будучи адъютантомъ командира кавказскаго корпуса генерала Нейдгарта, отправленъ былъ курьеромъ изъ Тифлиса въ Петербургъ. Отъ Владикавказа до ст. Прохладной былъ колесный путь, а тутъ уже выпалъ снѣгъ, и хотя зимній путь еще не установился, но Глѣбовъ, разбитый скачкой на перекладной, потребовалъ сани и покойно уже поскакалъ далѣе. Передъ сумерками, въ семи верстахъ отъ станціи Базовой, на

Библиотека "Руниверс"

самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ мы видѣли казачій постъ, изъ глубокой, съ крутыми берегами балки на проѣзжающаго Глѣбова бросилось 8 человѣкъ горцевъ; ямщикъ погналъ лошадей, а всадники пустились въ погоню. До станціи оставалось версты 4, не болѣе, но на самой дорогѣ былъ курганъ, который обыкновенно объѣзжаютъ кругомъ. Глѣбовъ, взглянувъ назадъ и видя непріятеля очень близко, желая сократить путь свой, приказалъ ямщику валить напрямикъ черезъ курганъ. Лихая тройка быстро вынесла сани на вершину, но здѣсь на верхней точкѣ кургана вѣтромъ смело снѣгъ, желѣзные подрѣза въѣхали въ песокъ, и тройка сразу стала, какъ вкопанная. Нѣсколько мгновеній спустя, горцы окружили сани, выстрѣломъ убили коренника, а на пристяжныхъ лошадей посадили со связанными ногами Глѣбова и деньщика его и быстро увезли ихъ по балкѣ, наутекъ. Ямщикъ, въ первую же минуту бросившійся бѣжать, добрался до станціи благополучно и, конечно, поднялъ тамъ тревогу. Казаки выскочили и погнались за хищниками, но при наступившей темнотѣ ночи потеряли слѣдъ и дали возможность горцамъ увезти плѣнниковъ за Кубань. Храбрый всегда до безумія, Глѣбовъ въ этомъ несчастномъ случаѣ, не имѣя оружія въ рукахъ, былъ взятъ въ плѣнъ, какъ баранъ, и втеченіе болѣе года у шапсуговъ переиспыталъ неимовѣрныя истязанія и муки. Въ выкупѣ его, какъ общаго любимца всего Кавказа, приняли участіе не только мѣстныя войска, но и гвардія, такъ какъ онъ, Мишка Глѣбовъ, служилъ въ Конной Гвардіи, гдѣ оставилъ о себѣ лучшія воспоминанія. Такъ какъ катастрофа съ Глѣбовымъ и другіе подобные случаи еще были свѣжи въ памяти, то въ горахъ отъ самаго Ставрополя до станціи Ларсъ проѣзжающихъ не пускали ночью со станцій; курьеровъ же и почту сопровождали конные казаки. Утромъ, въ ясный ноябрьскій день, дивная панорама представилась глазамъ моимъ! Я увидѣлъ отчетливо передъ собой весь Кавказскій хребетъ, съ высокою бѣлою шапкою Казбека, а на западѣ величественный Эльбрусъ. Освѣщеніе самыхъ вершинъ всего снѣжнаго хребта красными лучами восходящаго солнца было чудно-неподражаемо. Я разинулъ ротъ и отъ восторга не могъ вымолвить слова. «А какъ вы думаете, юноша, близко отъ насъ эти горы?»—спросилъ меня Эггеръ.—«Версты три или четыре»,—съ убѣжденіемъ отвѣчалъ я.—«До Казбека, который какъ будто бы виситъ надъ нами, около 150 верстъ, а до Эльбруса гораздо болѣе», — съ улыбкой осадилъ меня Эггеръ. Я не вѣрилъ словамъ его, но двое сутокъ пути нашего по прямому направленію къ горамъ поневолѣ убѣдили меня въ истинѣ его словъ. Великолѣпный видъ на Кавказскія горы скоро исчезъ, небо заволокло густыми облаками, и за ними скрылись Казбекъ, Эльбрусъ и весь хребетъ.

24-го ноября, въ третьемъ часу по полудни, торжественно въѣхали мы наконецъ въ градъ Тифлисъ и остановились на Головинскомъ

Библиотека "Руниверс"

проспектѣ, въ лучшей тогда гостинницѣ Крылова. Ухъ!—сказалъ я съ облегченіемъ: не легко одолѣть было въ осеннюю пору три тысячи верстъ отъ Петербурга.

II.

Знакомство съ Кауфманомъ.—Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ; княгиня и князь Simon. — Новыя знакомства, нравы и обычаи; Глѣбовъ, Щербининъ, Дондуковъ, Васильчиковъ и друг.—Грузинскій праздникъ.—Прощаніе съ Тифлисомъ.—Терская линія.—Крѣпость Грозная. — Фрейтагъ и баронъ Меллеръ-Закомельскій.—Пріемъ и письмо намѣстника. — Приготовленіе къ походу. — Выступленіе.—Алдинскіе хутора.—Костырко, Греченевскій и 7-я рота.—Дѣло 15-го декабря.—Обычаи походной жизни.—Опять Грозная.—Воздвиженское.—Жизнь въ штабѣ полка.

По пріѣздѣ въ Тифлисъ Эггеръ первымъ дѣломъ еще въ гостинницѣ поспѣшилъ навести справки, въ Тифлисѣ ли теперь другъ его инженеръ Кауфманъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сейчасъ же на извозчикѣ, послалъ за нимъ. Не успѣли мы еще расположиться въ отведенномъ намъ номерѣ, какъ на зовъ явился Кауфманъ; послѣ самыхъ искреннихъ объятій старыхъ друзей, Эггеръ познакомилъ меня съ Константиномъ Петровичемъ фонъ-Кауфманомъ, инженеръ-штабсъ-капитаномъ, очень тогда добродушнымъ, любезнымъ и сообщительнымъ. Обѣдъ и весь вечеръ прошли въ разсказахъ Кауфмана о всемъ случившемся въ Тифлисѣ и на всемъ Кавказѣ; говорилъ онъ умно, весело и пріятно, и время пролетѣло незамѣтно.

На другой день, съ утра, надѣвъ парадную форму, мы вмѣстѣ съ Эггеромъ явились въ комендантское управленіе, откуда старикъ комендантъ повелъ насъ всѣхъ, къ нему явившихся, во дворецъ главнокомандующаго. Представляющихся намѣстнику было два генерала, кажется, пять штабъ-офицеровъ и до 20 оберъ-офицеровъ. Насъ выстроили всѣхъ въ большой пріемной залѣ и, конечно, меня съ лѣваго фланга. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, вошелъ съ дежурнымъ адъютантомъ и нѣсколькими лицами своей свиты главнокомандующій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Я прежде еще, при вступленіи моемъ въ предѣлы Кавказа, на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ смотрѣлъ и внимательно изучалъ фигуру и физіономію князя по литографированнымъ его портретамъ, но когда я его увидѣлъ не на бумагѣ, а въ дѣйствительности, то не могъ не удивиться. Славный участникъ всѣхъ войнъ съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, герой Отечественной войны, безсмертный виновникъ Краона и побѣдоносный полководецъ въ столькихъ битвахъ, кончая знаменитой здѣсь Даргинской экспедиціей,—князь Воронцовъ наружностью своей и манерами былъ

Библиотека "Руниверс"

болѣе похожъ на высшаго дипломата, на гражданскаго сановника, но не на военнаго, закаленнаго въ дѣлахъ генерала...

Высокаго роста, стройный, худощавый, съ очень тонкими чертами лица и тончайшими губами, съ сѣдыми, подъ гребенку остриженными волосами, тщательно выбритымъ подбородкомъ и безъ малѣйшаго признака усовъ,—вотъ по наружности князь Михаилъ Семеновичъ, однимъ только куринскимъ мундиромъ и большимъ крестомъ св. Георгія 2-го класса напоминавшій о своемъ военномъ званіи, о боевыхъ заслугахъ, оказаннымъ имъ такъ безпримѣрно славно своему отечеству. Даже аристократическіе его пріемы, изысканные и исполненные утонченной вѣжливости, не обнаруживали вовсе солдата, проливавшаго столько разъ кровь свою на поляхъ битвъ...

Съ улыбкой на тонкихъ губахъ, князь привѣтливо и ласково разговаривалъ со всѣми ему представлявшимися, любезно пожимая имъ руки. Дошла очередь до меня.

— А, здравствуй, мой милый Полторацкій, очень радъ тебя видѣть,—три раза обнявъ меня, сказалъ главнокомандующій.—Какъ ты чувствуешь себя въ твоемъ здоровьѣ?—отведя меня на пять шаговъ въ сторону, продолжалъ онъ, распечатывая мною поданное ему письмо Киселева.—Очень, очень радъ твоему пріѣзду. Теперь поживи съ нами, ознакомься въ Тифлисѣ, и прошу тебя, когда не будешь имѣть другаго ангажемента, то, пожалуйста, приходи къ намъ обѣдать, всегда къ 6-ти часамъ.

Обвороженный ласковымъ пріемомъ князя, я доложилъ его сіятельству, что желалъ бы представиться супругѣ его, имѣя къ ней порученія и передачу книгъ отъ графа Сологуба, на что̀ князь Михаилъ Семеновичъ не только изъявилъ согласіе, но предложилъ мнѣ лично отрекомендовать меня княгинѣ, а потому, раскланявшись со всѣми остальными, князь приказалъ узнать, приметъ ли его съ гостемъ Елизавета Ксаверьевна, и въ ожиданіи отвѣта отошелъ къ окну залы и сталъ читать письмо графа Павла Дмитріевича.

Когда камердинеръ княгини доложилъ, что она принимаетъ, князь Михаилъ Семеновичъ, взявъ меня за руку, повелъ по длиннымъ переходамъ и заламъ на половину его супруги. Княгиня Елизавета Ксаверьевна встрѣтила насъ въ своей богатой гостинной и, допустивъ меня къ ручкѣ, очень милостиво выслушала переданныя мною порученія отъ графа Сологуба и выразила желаніе получить книги, на что̀ князь-супругъ поспѣшилъ сказать ей, что я буду къ обѣду и, вѣроятно, привезу ей посылку.

Елизавета Ксаверьевна, рожденная графиня Браницкая, дочь знаменитаго графа Ксаверія, была не первой молодости, но еще на столько свѣжа и привлекательна, что вѣрится легко о воспѣтой ея красотѣ. Довольно полнаго сложенія, она сохранила чудный цвѣтъ лица, много оживленія въ прекрасныхъ глазахъ и очарова-

Библиотека "Руниверс"

нія въ обращеніи. Выслушавъ и отъ княгини приглашеніе къ обѣду, я вернулся домой, захватилъ письма къ молодому князю Семену Михайловичу и Глѣбову и, заѣхавъ сначала къ Глѣбову, не оказавшемуся дома, представился молодому князю. Молодой Воронцовъ, лѣтъ 25 или 26, не болѣе, былъ высокаго роста, блондинъ, съ большими рыжеватыми баками и представлялъ изъ себя типъ Джонъ-Буля. Рѣзкія черты лица его съ нависшими густыми бровями придавали ему очень угрюмый видъ, а туалетъ дэнди и непринужденныя движенія носили особый отпечатокъ своеобразія и оригинальности заморскихъ друзей нашихъ—англичанъ. Не будучи наружностью вовсе похожъ на отца своего, онъ и характеромъ и гибкостью ума не напоминалъ его. Принявъ меня вѣжливо, даже любезно, князь Семенъ Михайловичъ внимательно прочелъ посланіе къ нему Сологуба, черезъ письмо пристально разглядѣлъ меня и, не зная, съ чего начать разговоръ, долго жевалъ что-то въ роту и наконецъ, предложивъ мнѣ прекрасную одесскую папиросу, причемъ обязательно подалъ мнѣ зажженную свѣчу, началъ разговоръ съ вопроса: «какихъ лошадей предпочитаю я, англійскихъ или русскихъ». Не ожидая вовсе подобнаго предмета разговора, я что-то пробормоталъ въ отвѣтъ, по поводу чего князь Simon оживился и сталъ доказывать мнѣ несравненныя превосходства кровныхъ англійскихъ лошадей надъ нашими скаковыми, даже лучшихъ заводовъ, и въ подтвержденіе доводовъ своихъ пригласилъ меня взглянуть на двухъ гунтеровъ, только что доставленныхъ ему изъ Лондона. Лошади, въ особенности одна, темно-гнѣдая, были по правдѣ прекрасныя, но и цѣна имъ была немалая, до 500 фунтовъ стерлинговъ каждая. Вернувшись въ гостинную князя, я познакомился съ рыжимъ барономъ Николаи, очень натянутымъ чиновникомъ особыхъ порученій при канцеляріи намѣстника, и отъ него узналъ адресъ Щербинина, къ которому я имѣлъ письмо изъ Петербурга отъ князя Вяземскаго.

За обѣдомъ у главнокомандующаго, роскошно сервированнымъ, было до двадцати приглашенныхъ. Хозяинъ былъ очень внимателенъ и разговорчивъ, но я замѣтилъ, что самъ онъ почти не ѣлъ и ничего не пилъ. Послѣ обѣда я познакомился съ ротмистромъ и адъютантомъ князя Глѣбовымъ и, передавъ ему письмо Сологуба, тутъ же получилъ приглашеніе непремѣнно переѣхать къ нему изъ гостинницы. Удивительно была симпатична личность Глѣбова, съ первой минуты внушающая любовь и довѣріе. «Какъ могли шапсуги,—вотъ первая мысль, мелькнувшая во мнѣ, когда я глядѣлъ на открытую, полную добродушія и честности физіономію Глѣбова:—мучить и терзать подобнаго человѣка!» Вечеръ провелъ въ гостинницѣ съ Эггеромъ, Кауфманомъ и Вастеномъ, тоже чиновникомъ канцеляріи намѣстника, очень веселымъ, игривымъ и умнымъ.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдующая затѣмъ недѣля прошла крайне безпорядочно, но быстро. Перебравшись къ милѣйшему Глѣбову, я въ нѣсколько дней познакомился съ массою личностей, частныхъ и по службѣ. Первый визитъ послѣ главнокомандующаго былъ къ начальнику штаба Кавказскаго округа, генералъ-адъютанту Коцебу. Очень маленькій ростомъ, но крупный по способностямъ, Коцебу, хотя, какъ начальникъ, далеко не мягкій, пользовался репутаціей весьма дѣльнаго и честнаго генерала. Пріемъ его былъ вѣжливъ, но не выходилъ изъ рамки строгихъ служебныхъ отношеній. Второй визитъ былъ къ тифлисскому губернатору Сергѣю Николаевичу Ермолову, племяннику Алексѣя Петровича. Онъ былъ первоклассный добрякъ; со мною былъ не только любезенъ, но познакомилъ меня даже съ своимъ семействомъ, отдалъ мнѣ визитъ и пригласилъ на обѣдъ по случаю именинъ жены. Изъ штабныхъ я познакомился почти со всѣми, кто былъ тогда на лице: Минквицъ, бывшій лейбъ-гусаръ, теперь полковникъ и адъютантъ князя, пріятный, веселый и хорошій господинъ, Моллеръ Эдуардъ, старшій братъ нижегородскаго драгуна Александра; Лисаневичъ—адъютантъ главнокомандующаго; князь Дондуковъ-Корсаковъ, Виртембергскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ; онъ былъ раньше при генералѣ Нейгардтѣ, и вмѣстѣ съ Глѣбовымъ они только двое были оставлены княземъ Воронцовымъ изъ всего штаба его предмѣстника. Дондуковъ очень бойкій, ловкій и способный, но, по общимъ о немъ отзывамъ, не чуждъ интриги; тѣмъ не менѣе, игривостью и гибкостью ума, развязностью разговора и всѣмъ свѣтскимъ обращеніемъ онъ едва ли по умственнымъ способностямъ и образованію не занималъ перваго мѣста въ блестящей свитѣ князя Воронцова. Но кто особенно завладѣлъ моимъ сердечнымъ расположеніемъ, это—князь Сергѣй Васильчиковъ, сынъ друга отца моего, князя Иларіона Васильевича. Трудно было найти человѣка честнѣе, добрѣе и съ болѣе возвышенными правилами. Васильчиковъ пользовался общимъ расположеніемъ какъ въ средѣ сослуживцевъ своихъ, такъ и во всемъ тифлисскомъ обществѣ. Меня онъ совсѣмъ побѣдилъ теплыми воспоминаніями о покойномъ отцѣ моемъ, котораго онъ хорошо зналъ и очень уважалъ со времени пребыванія его у нихъ въ селѣ Выбити, Псковской губ., когда наши старики охотились въ 1840 году вмѣстѣ съ дядей его, оберъ-егермейстеромъ Дмитріемъ Васильевичемъ Васильчиковымъ.

Встрѣтился я здѣсь и съ княземъ Иракліемъ Грузинскимъ. Онъ уже былъ поручикомъ и адъютантомъ главнокомандующаго; злополучный выходъ его юнкеромъ изъ пажескаго корпуса не повредилъ его карьерѣ. Хотя Ираклій среди туземцевъ игралъ исключительную роль по своему царскому происхожденію, но со мною встрѣтился, какъ со старымъ пріятелемъ и однокашникомъ. Графъ Галатери, князь Андронниковъ, графъ Гейденъ-Фрицъ, князь Гагаринъ, Понсетъ, братъ Натали Милютиной, князь Сергѣй Кочу-

Библиотека "Руниверс"

бей, Вастенъ, Токаревъ, Челяевъ, Крузенштернъ, Кулебакины и многіе другіе быстро стали моими добрыми знакомыми.

Тифлисъ, какъ городъ, замѣчателенъ своей наружностью; раскинутый въ котловинѣ, по обоимъ берегамъ быстрѣйшей въ Грузіи рѣки Куры, онъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ высокими скалами. По наружному же виду, по внутреннему образу жизни, по населенію и даже по обычаямъ, Тифлисъ представляетъ смѣсь Европы съ Азіей. Дома строгой европейской архитектуры красуются рядомъ съ восточными постройками и плоскими крышами. На Головинскомъ проспектѣ и Эриванской площади зданія большія, высокія, прекрасно отдѣланныя, съ магазинами всѣхъ европейскихъ національностей, съ галантерейными предметами высшей роскоши и цивилизаціи, а рядомъ армянскій базаръ, гдѣ на узкихъ улицахъ олицетворялась восточная жизнь, во всѣхъ ея подробностяхъ: мастерскія, пекарни, кухни, лавки, кузницы и проч., все это наружу, на виду, съ безпрерывной толкотней, вонью, криками на всѣхъ нарѣчіяхъ востока. Въ то время былъ тамъ театръ русскій и армяно-грузинскій, но что удивительнѣе всего—и итальянская опера. Князь Михаилъ Семеновичъ горячо содѣйствовалъ развитію общественной жизни въ Тифлисѣ, и благодаря его иниціативѣ, скоро европейская цивилизація должна была вытѣснить оттуда остатки полудикихъ обычаевъ Азіи. Балы и праздники у намѣстника и представителей какъ русскаго, такъ и грузинскаго общества по богатству могли соперничать съ обѣими нашими столицами, но по роскошной красотѣ своихъ женщинъ они, конечно, стояли гораздо выше. Общество, окружавшее князя Воронцова, было изысканное. Онъ употребилъ всѣ силы, чтобы привлечь сюда на службу людей съ блистательнымъ положеніемъ, образованіемъ, именемъ и средствами, и, надо сознаться, успѣлъ въ этомъ.

На одномъ изъ обѣдовъ князя я получилъ приглашеніе вечеромъ на грузинскій праздникъ, въ своемъ родѣ очень любопытный и веселый, хотя, къ сожалѣнію, на это собраніе не допустили женщинъ, а приглашенные были одни мужчины, всѣ молодые люди свиты и канцеляріи намѣстника. Въ большихъ, высокихъ комнатахъ князя Чавчавадзе вся компанія расположилась на тахтахъ и лежа на коврахъ, по восточному обычаю; подавали шербетъ и сласти, играла персидская музыка, которую заглушала пронзительная зурна, а нѣсколько туземцевъ виртуозовъ выводили горломъ непостижимо высокія и протяжныя ноты, убійственно грустнаго тона. Когда на столѣ появился шашлыкъ изъ молодаго барашка въ разныхъ формахъ и видахъ, а вмѣстѣ съ нимъ громадныя горы пилава, четверо бичо втащили за ноги бурдюкъ, т. е. шкуру съ цѣлаго вола, налитую сполна лучшимъ кахетинскимъ виномъ. Не хозяинъ, а избранный тулумъ-башъ князь Тумановъ вступилъ въ свои обязанности и права. Тулумъ-башъ на всѣхъ пиршествахъ

Библиотека "Руниверс"

Грузіи есть неприкосновенный деспотъ и распорядитель. Его велѣніямъ должны всѣ подчиняться, и тосты, имъ предложенные, осушаться быстро и безапеляціонно. Когда все общество пришло въ оживленіе, на арену залы вышелъ сначала одинъ, а за нимъ другой изъ туземной аристократической молодежи. Музыка заиграла веселый мотивъ, и ловкіе юноши пустились танцовать лезгинку, подъ хлопанье ладошами въ тактъ всей окружающей публики. Замѣчательно граціозный и вмѣстѣ воинственный танецъ лезгинка! Безъ нея здѣсь не проходитъ празднества какъ у туземцевъ, такъ и у европейцевъ. На балахъ у князя намѣстника, мнѣ разсказывали очевидцы, когда среди французскихъ кадрилей, полекъ и вальсовъ вдругъ раздается туземная музыка, и на средину залы выйдутъ танцующія пары для лезгинки, то зрители изъ самыхъ отдаленныхъ комнатъ бѣгутъ въ залу, а самъ хозяинъ главнокомандующій бросалъ партію свою въ карты и спѣшилъ туда же полюбоваться танцемъ, выполняемымъ обыкновенно мужчиной и женщиной. Послѣднихъ на нашемъ праздникѣ не было, а, всетаки, неподражаемая лезгинка и вино сдѣлали свое — черезъ нѣсколько часовъ во всѣхъ углахъ неподвижно покоились трупы гостей, а посреди комнаты—одного пустаго бурдюка!

Нѣсколько дней спустя, обѣдалъ я опять у намѣстника. Вставъ изъ-за стола, князь съ улыбкой спросилъ меня, нравится ли мнѣ Тифлисъ, веселился ли я, многихъ ли пріобрѣлъ знакомыхъ, а затѣмъ, пожимая мнѣ руку, ласковымъ голосомъ добавилъ: «завтра, мой милый Полторацкій, заѣзжай ко мнѣ, мы поговоримъ съ тобою». Когда князь отошелъ отъ меня, я долго не могъ сообразить, о чемъ именно можетъ быть разговоръ его сіятельства главнокомандующаго съ прапорщикомъ Куринскаго полка. Но когда на слѣдующій день князю угодно было потребовать меня изъ пріемной комнаты, гдѣ я съ часъ проболталъ съ дежурнымъ адъютантомъ,—въ кабинетъ свой, я робко вошелъ и раскланялся.

— Садись, милый другъ, и потолкуемъ,—встрѣтилъ меня князь прежней фразой, а затѣмъ продолжалъ:—я увѣренъ, что ты не только стремишься нести честно службу на Кавказѣ, но и теперь желаешь уже принять участіе въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, не такъ ли? А потому я пригласилъ тебя, мой другъ, чтобы передать и мое желаніе объ отправленіи твоемъ въ полкъ, для участія въ зимней экспедиціи. Когда думаешь ты ѣхать?

— Завтра, ваше сіятельство!—вставъ съ мѣста, доложилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой милый, не завтра, а послѣзавтра,—возразилъ князь.—Я приготовлю съ тобою письмо твоему полковому командиру, барону Меллеръ-Закомельскому, которому тебя отрекомендую и попрошу взять тебя въ экспедицію, а затѣмъ я увѣренъ, что ты, мой другъ, съ честью выйдешь изъ испытанія и вполнѣ заслужишь доброй славы въ отличномъ Куринскомъ полку. Не правда ли?—

Библиотека "Руниверс"

любезно протягивая мнѣ руку, спросилъ князь Михаилъ Семеновичъ и тутъ же добавилъ:—А когда ты послужишь во фронтѣ и пріобрѣтешь нѣкоторую опытность въ пороховомъ дыму, я съ особеннымъ удовольствіемъ исполню желаніе моего душевнаго друга, графа Павла Дмитріевича, и возьму тебя къ себѣ адъютантомъ.

Три раза обнявъ меня, но еще не простившись со мною окончательно, главнокомандующій отпустилъ меня, съ приглашеніемъ сегодня къ себѣ обѣдать. Послѣ обѣда, вручивъ мнѣ собственноручное письмо свое на имя Меллеръ-Закомельскаго, поцѣловалъ три раза, перекрестилъ и простился со мною. Елизавета Ксаверьевна тоже очень любезно протянула мнѣ свою изящную руку и выразила сердечныя пожеланія всего лучшаго. Отъѣздъ мой изъ Тифлиса, конечно, лишалъ меня веселой здѣсь жизни и пріятнаго общества, но съ другой стороны вѣдь не бражничать я сюда пріѣхалъ; надо было себя испытать. Глѣбовъ и Васильчиковъ отъ души меня благословили и напутствовали самыми искренними совѣтами. На душѣ у меня было свѣтло, какъ на воздухѣ. Въ этотъ день, 3-го декабря, на солнцѣ было 26° тепла, и на Головинскомъ проспектѣ всѣ барыни гуляли въ однихъ кисейныхъ платьяхъ, а тамъ, за сѣвернымъ склономъ, куда я отправлялся, морозъ и снѣгъ, но Глѣбовъ увѣрялъ, что и тамъ можетъ быть жарко, смотря по ходу экспедиціи.

Обратное путешествіе мое изъ Тифлиса по Военно-Грузинской дорогѣ до Екатеринодара, а затѣмъ по Терской линіи до станицы Червленной, совершилось благополучно. На перекладной отъ Тифлиса до Квишета, на шести парахъ воловъ въ Кайшаурскую анаѳемскую гору, съ Кайшаура до Ларса на саняхъ и опять на перекладныхъ до Владикавказа—провезли меня безъ всякихъ приключеній въ тридцатичасовой путь. Миновавъ Екатеринодаръ, а съ нимъ вмѣстѣ предѣлъ возмутительной грязи, ямщикъ оправился, подобрался, вскрикнулъ, и лихая тройка вихремъ понесла по гладкой дорогѣ неизмѣримо просторной степи. Гдѣ же эти кавказскія трущобы? Гдѣ черкесы въ ихъ кольчугахъ и злые чеченцы, ползущіе съ кинжалами на берегъ Терека? Терекъ вправо отъ насъ течетъ уже здѣсь широкою рѣкою, но такъ же спокойно и безобидно для проѣзжающихъ, какъ Волга или Тверца въ Тверской губерніи. Быстро проѣхавъ въ два перегона 35 верстъ, мы очутились въ Моздокѣ, болѣе, чѣмъ Екатеринодаръ, имѣвшемъ гражданскія права на званіе города. На улицахъ въ немъ хотя и была та же убійственная грязь повсюду, но и красовалось не мало каменныхъ, даже двухъ-этажныхъ домовъ и лавокъ, а на базарной площади толпилось такое множество народа, всевозможныхъ націй и восточныхъ костюмовъ, что мы съ трудомъ добрались до станціи. Пообѣдавъ здѣсь какимъ-то супомъ и жаренымъ фазаномъ и захвативъ нѣсколько великолѣпныхъ арбузовъ, которыхъ здѣсь въ изобиліи,

Библиотека "Руниверс"

я поспѣшилъ выѣхать по дорогѣ къ станицѣ Науръ, гдѣ смотритель задержалъ меня на ночлегъ, причемъ въ видѣ утѣшенія сообщилъ мнѣ, что и пріѣхавшій раньше меня господинъ офицеръ тоже по необходимости остался ночевать на станціи. При извѣстіи, что я силою случайныхъ обстоятельствъ встрѣчаюсь и могу сойтись съ кавказскимъ офицеромъ, можетъ быть, даже и Куринскаго полка, который посвятитъ меня во всѣ тайны предстоящей драмы въ Чечнѣ,—я не только смиренно покорился, но даже мысленно возрадовался. Перешагнувъ черезъ порогъ указанной мнѣ комнаты, я увидѣлъ растянувшуюся на диванѣ фигуру офицера; при появленіи моемъ онъ вскочилъ на ноги и съ замѣтнымъ удовольствіемъ неожиданной встрѣчи съ новымъ спутникомъ поспѣшилъ отрекомендоваться: «Кременчугскаго егерскаго полка подпоручикъ Дорошенко». Увы, разочарованіе мое было полное! Но по забавному совпаденію обстоятельствъ и россійскій офицеръ испытывалъ его въ той же степени. При видѣ входящаго офицера въ буркѣ, башлыкѣ и прочихъ походныхъ принадлежностяхъ, онъ въ полумракѣ счелъ его за закаленнаго въ бояхъ стараго кавказца; но когда этотъ грозный воинъ сбросилъ съ себя доспѣхи, а смотритель внесъ въ комнату свѣчу, г. Дорошенко увидѣлъ передъ собою безусаго прапорщика. Но что дѣлать? Мы одинаково горько ошиблись и, откровенно разъяснивъ ошибку, отъ души расхохотались.

Дорошенко былъ не первой молодости; долго тянулъ онъ лямку юнкеромъ, а затѣмъ прапорщикомъ, и наконецъ вынулъ жребій ѣхать на годъ на Кавказъ. Нѣсколько часовъ проболтали мы о его житьѣ-бытьѣ въ полку, о службѣ, караулахъ, смотрахъ и парадахъ, и рѣшили дальше продолжать путь вмѣстѣ, такъ какъ намъ обоимъ одинаково приходилось представляться Фрейтагу и Меллеръ-Закомельскому.

10-го декабря, отдохнувъ въ первой попавшейся хатѣ въ Грозной, мы оба облеклись въ парадную форму, въ сущности присвоенную обычаями только на Кавказѣ, а именно: мундиръ безъ эполетъ, форменная папаха, верблюжьяго желтаго сукна съ малиновымъ шелковымъ канаусовымъ очкуромъ, широкіе шаровары, заправленные въ высокіе походные сапоги, чеченская шашка на тонкомъ черезъ плечо ремнѣ и шарфъ съ кистями. Въ этомъ блестящемъ нарядѣ мы долго, но напрасно, хлопотали о средствахъ къ передвиженію въ экипажѣ; всѣ усилія оказались, по неимѣнію таковаго, тщетными, и волей-неволей пришлось по невообразимой грязи понтировать пѣшкомъ сначала къ коменданту крѣпости, полковнику Невѣровскому, а отъ него къ начальнику 20-й пѣхотной дивизіи и вмѣстѣ лѣваго фланга Кавказской линіи, знаменитому Фрейтагу. Невѣровскій насъ принялъ снисходительно-ласково, просилъ присѣсть и въ разговорѣ, между прочимъ, сообщилъ, что командиръ Куринскаго полка Меллеръ-Закомельскій живетъ

Библиотека "Руниверс"

постоянно въ штабѣ полка, въ крѣпости Воздвиженской, за 30 верстъ отъ Грозной, но завтра ожидается сюда, для окончательнаго обсужденія съ начальникомъ фланга предстоящей экспедиціи, а слѣдовательно намъ обоимъ надо дождаться его пріѣзда въ Грозной. Отъ коменданта мы поплелись къ дому его превосходительства начальника дивизіи. Генералъ былъ дома. Около четверти часа провозились мы въ передней съ приведеніемъ въ приличный видъ ногъ нашихъ и затѣмъ уже вступили въ залу.

Дорошенко, какъ старшій чиномъ, сталъ правѣе меня, и мы молча и недвижимо стали ожидать появленія начальства. Впереди насъ была анфилада комнатъ, и въ дверяхъ между второй и третьею изъ нихъ, на взгроможденномъ сверхъ стола стулѣ, а сверхъ стула на скамейкѣ, копошилось какое-то живое существо, повидимому, прибивающее молоткомъ портьеру.

Ординарецъ, присѣдая на ципочкахъ, чтобы не произвести сапогами своими непочтительнаго при начальствѣ стука, устремился прямо къ этому призраку, и по докладѣ о нашемъ прибытіи мы услышали отрывистый отвѣтъ: «сейчасъ!», а вслѣдъ затѣмъ увидѣли слѣзающую, какъ съ эшафота, небольшую, лысую фигурку, со спущенными на животѣ военными рейтузами, безъ помочей, безъ галстуха, безъ сюртука, въ одной рубашкѣ, быстрыми шагами направившуюся къ намъ. По описанію наружности, но никакъ не по костюму, мы узнали генерала Фрейтага. Легкимъ наклоненіемъ головы и вопросительнымъ на насъ взглядомъ онъ вызвалъ на стереотипный, закономъ указанный, речитативъ:

— Вашему превосходительству честь имѣю явиться, Кременчугскаго егерскаго полка, подпоручикъ Дорошенко, назначенный въ прикомандированіе къ Егерскому князя Воронцова полку, на время зимней экспедиціи.

— Хорошо!—былъ отвѣтъ Фрейтага, уже обратившаго голову ко мнѣ.

— Вашему превосходительству и т. д. прапорщикъ Полторацкій,—проговорилъ въ свою очередь и я.

— Хорошо!—былъ снова лаконическій привѣтъ его превосходительства, не замедлившаго движеніемъ головы показать на дверь, за которой мы и поспѣшили исчезнуть.

Очутившись на улицѣ, мы въ одинъ голосъ разразились въ порицаніяхъ прославленному герою за неблагосклонный пріемъ.

На слѣдующій день, узнавъ о пріѣздѣ командира полка въ Грозную, мы опять облеклись въ парадную форму и съ прежними же маневрами на путикъ дому Меллеръ-Закомельскаго побѣдили всѣ жидкія препятствія. Причалили къ берегу,но, увы! на вопросъ, обращенный къ куринцу-ординарцу, дома ли командиръ, получили отвѣтъ: «дома, кушаютъ, ваше благородіе!». Что дѣлать? уходить, чтобы возвратиться опять по грязи, въ наступающихъ сумеркахъ было не-

Библиотека "Руниверс"

возможно; рѣшили посидѣть у дома, на заваленкѣ. Проходитъ полчаса, опять вопросъ и тотъ же отвѣтъ куринца: «еще кушаютъ, ваше благородіе!». Ждемъ еще; въ окнахъ сосѣднихъ домиковъ показались уже огни, на улицѣ же стало темно, хоть глазъ выколи. Опять встаемъ и съ тѣмъ же вопросомъ обращаемся на этотъ разъ не къ ординарцу, а къ партикулярно-одѣтому приличному человѣку.

— Сейчасъ доложу,—отвѣтилъ онъ и черезъ минуту объявилъ:—пожалуйте!

Мы вошли: Дорошенко впереди, я за нимъ. Въ первой комнатѣ, въ столовой, гдѣ еще не убраны были со стола приборы,—сначала ничего не было видно. Съ трудомъ оглядѣвшись, замѣтилъ я вдоль стѣны нѣсколько человѣческихъ фигуръ, а одну—сидящую у окна на стулѣ; во рту у нея былъ длинный чубукъ, а огонь въ трубкѣ служилъ единственнымъ освѣщеніемъ всей комнаты. Тѣнь эта встала и размашистыми шагами, перекачиваясь изъ стороны въ сторону, приблизилась къ намъ.

— Господинъ полковникъ, честь имѣю явиться, подпоручикъ Дорошенко,—стоя на вытяжку, отчеканилъ мой сожитель.

— Хорошо-съ!—съ прищелкомъ отвѣтила темная тѣнь.

— Господинъ полковникъ, ввѣреннаго вамъ полка прапорщикъ Полторацкій.

— Хорошо-съ!—еще болѣе прищелкнувъ, повторила та же фигура.—Ступайте.

Дорошенко уже повернулъ въ переднюю, а я осторожно, вынувъ изъ кармана письмо князя Воронцова, несмѣлыми шагами подошелъ къ тѣни, уже усѣвшейся на прежнемъ своемъ мѣстѣ.

— Что вамъ угодно?—рѣзко обратилась она.

— Позвольте, полковникъ, передать вамъ письмо,—протягивая руку, скромно промолвилъ я.

— Какое письмо?—чуть не съ крикомъ, еще рѣзче оборвала меня фигура.

— Отъ главнокомандующаго князя Воронцова.

— Алексѣй, Алексѣй, подай скорѣе огня!—закричала вскочившая на ноги тѣнь.—Полторацкій, садитесь, пожалуйста, будьте, cher ami, какъ дома!—нѣсколько разъ повторила засуетившаяся около меня тѣнь, пока двѣ свѣчи, внесенныя Алексѣемъ, не освѣтили его наружности.

Въ то время, какъ онъ распечатывалъ и внимательно разбиралъ не четкое, но длинное письмо князя Михаила Семеновича Воронцова, я успѣлъ разсмотрѣть таинственную до той минуты фигуру Петра Петровича, подъ прямымъ начальствомъ котораго мнѣ, по волѣ судебъ, суждено было начать боевую мою службу. Средняго роста, съ рыжими волосами и того же цвѣта густыми усами, съ лицемъ, сплошь покрытымъ веснушками, но съ очень умными и выразительными глазами, Петръ Петровичъ движеніями и ухватками

Библиотека "Руниверс"

своими показался мнѣ сразу какимъ-то развинченнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оригинально-симпатичнымъ. Вдоволь насмотрѣвшись на него, я окинулъ глазами и остальныхъ.

— Ярцевъ,—сказалъ Меллеръ одному изъ нихъ, не отводя, однако, своихъ глазъ отъ священнаго талисмана, письма князя Воронцова:—прапорщика Полторацкаго приказомъ по полку сейчасъ же зачислить въ 7-ю егерскую роту прибывшимъ къ полку... Съ котораго, mon cher, желаете числа?—обратился онъ ко мнѣ.—Вы вѣдь, вѣроятно, просрочили?

— Нѣтъ, полковникъ, я произведенъ 12-го августа, а сегодня 11-е декабря,—отвѣтилъ я.

— Ну, такъ покажите, Ярцевъ, прапорщика Полторацкаго прибывшимъ въ полкъ до опредѣленнаго срока,—порѣшилъ полковникъ и, взявъ меня за руку, ввелъ въ сосѣднюю комнату.—Садитесь, пожалуйста, mon cher, хотите курить? Разскажите мнѣ про Тифлисъ, про главнокомандующаго, какъ вы доѣхали, какъ устроились. Не нужно ли вамъ чего нибудь передъ выступленіемъ въ экспедицію? Вѣдь я назначилъ васъ, по желанію главнокомандующаго, въ 3-й батальонъ, который идетъ въ походъ, въ 7-ю роту, къ хорошему командиру. А обѣдать прошу васъ являться ежедневно. Да, можетъ быть, вамъ, юноша, нужны деньги?—забрасывалъ меня вопросами командиръ полка любезно, ласково, предупредительно до-нельзя.—Чаю, Алексѣй! Чаю, скорѣе! Вы вѣрно еще не пили?

Черезъ полчаса въ теплой и свѣтлой гостиной барона, за третьимъ стаканомъ чая, поданнымъ въ щегольскомъ сервизѣ, я совершенно былъ въ своей тарелкѣ и, забывъ прежнее смущеніе, откровенно разсказалъ Петру Петровичу о всемъ случившемся со мною со дня отъѣзда изъ Петербурга. Въ два часа ночи, узнавъ о моихъ скудныхъ финансахъ и ссудивъ мнѣ 200 рублей, онъ привѣтливо простился, пригласивъ меня назавтра къ себѣ обѣдать.

«Вотъ оно» письмо-то отъ главнокомандующаго, — думалъ я, входя къ себѣ въ комнату, гдѣ шагалъ еще, прозябшій на заваленкѣ, бѣдный подпоручикъ Дорошенко.

На другой день я еще не былъ одѣтъ, какъ вошелъ ко мнѣ поручикъ Ярцевъ, полковой адъютантъ. Онъ пріѣхалъ верхомъ отъ барона Меллера съ порученіемъ научить меня уму-разуму, другими словами подробно объяснить мнѣ все, о чемъ заблаговременно я долженъ позаботиться къ завтрашнему выступленію въ экспедицію, а именно: покупкой верховой лошади, сѣдла, полушубка и прочихъ хозяйственныхъ мелочей. Съ его помощью я за 24 рубля купилъ очень хорошее съ полнымъ приборомъ кабардинское сѣдло и за 35 рублей добраго коня, хотя и не кабардинскаго. Къ вечеру я уже былъ готовъ. На другой день, на разсвѣтѣ, выступили мы

Библиотека "Руниверс"

изъ Грозной, переправились черезъ Сунжу и среди Алдинскихъ хуторовъ соединились съ Фрейтагомъ. Люди шли бодро и весело, но безъ пѣсенъ и громкихъ разговоровъ. Всюду царила тишина, спокойствіе и нѣкоторая торжественность. Мы вступили въ предѣлы непріятеля—Малую Чечню. Фрейтагъ на ворономъ конѣ, извѣстномъ въ краѣ своимъ ходомъ, двигался вслѣдъ за линейцами, впереди пѣхоты и, не выпуская изъ зубовъ коротенькой трубки, упорно хранилъ молчаніе. Гдѣ-то былъ онъ мысленно? Впереди среди виднѣющихся Чеченскихъ хуторовъ или позади въ будуарѣ своей молодой жены? Я съ любопытствомъ разсматривалъ фигуру и осанку знаменитаго кавказскаго бойца, такъ непохожаго теперь на нѣжнаго поклонника прекраснаго пола... Гурьбой за нимъ толпилась свита его, среди которой, въ двухъ шагахъ отъ генерала, молодецъ-казакъ съ крестомъ и бантомъ везъ значекъ большой, бѣлой, шелковой матеріи, съ вышитымъ фамильнымъ гербомъ его. У линейцевъ-казаковъ тоже въ каждой сотнѣ на высокихъ древкахъ яркихъ цвѣтовъ значки развѣвались по вѣтру и очень оживляли общую картину. Увидѣвъ меня, Меллеръ подозвалъ меня къ себѣ и со словами: «поѣдемте со мною!»—пустился къ своей колоннѣ. Указавъ рукою въ лѣвую отъ насъ сторону, онъ обратился ко мнѣ: «вонъ 3-й батальонъ, ступайте туда и тамъ найдете 7-ю роту». Ѣду по назначенному направленію и, встрѣтивъ на пути двухъ солдатиковъ, спрашиваю ихъ, гдѣ командиръ 3-го батальона. «А вотъ они, ваше благородіе, стоятъ верхомъ, въ шинели!»—Тогда только замѣтилъ я въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя оригинальную по наружности фигуру, въ длинной съ капюшономъ шинели, въ папахѣ на самомъ затылкѣ и съ длиннымъ хлыстомъ въ рукѣ. То былъ подполковникъ Ѳома Васильевичъ Костырко, ветеранъ кавказскій, старѣйшій куринецъ, командиръ 3-го батальона. Приложивъ руку къ папахѣ, я явился ему по общепринятой формѣ, но къ удивленію замѣтилъ, что неожиданность моего появленія какъ будто бы смутила его. Поправивъ рукою папаху и при этомъ почесавъ себѣ голову, Костырко несвязно проговорилъ: «Да, да, да, да, я уже знаю, баронъ уже говорилъ, да—да, въ 7-ю егерскую роту, такъ, такъ! да, да, вонъ она!»—и, хлыстомъ указавъ мнѣ направленіе, круто повернулъ лошадь и сталъ ко мнѣ спиной.—«Что за оригиналъ?»—подумалъ я, подъѣзжая къ указанной мнѣ кучкѣ солдатъ, стоявшихъ тутъ невдалекѣ. Я впился глазами въ эти фигуры, достойныя удивленія и той громкой славы, которая гремитъ о нихъ на всемъ Кавказѣ... Со вниманіемъ разсматривалъ я ихъ энергическія лица, осанку и костюмы. Всѣ до одного были въ исправныхъ дубленыхъ полушубкахъ, папахахъ чернаго курнея, въ высокихъ сапогахъ по колѣно, а черезъ плечо въ черныхъ ремняхъ, поддерживающихъ поясные патронташи; у каждаго въ рукахъ было со штыкомъ ружье, которое держали они свободно, у

Библиотека "Руниверс"

ноги. Нѣсколько минутъ я любовался этими молодцами, какъ вспомнилъ, что надо прежде всего представиться командиру роты, о которомъ я уже такъ много слышалъ и отъ начальства, и отъ сослуживцевъ его, а потому, увидѣвъ отдѣльно стоявшаго человѣка, въ такомъ же полушубкѣ, какъ были всѣ остальные, и не разсмотрѣвъ, что вмѣсто ружья у него была черезъ плечо шашка, я обратился къ нему съ вопросомъ: «Любезный, а гдѣ здѣсь ротный командиръ?» — «Я-съ ротный командиръ. Что вамъ угодно?» — скромно отвѣчалъ мнѣ подпоручикъ Греченевскій. Смущенный своею неловкостью, я соскочилъ съ лошади и, желая поправить свою невѣжливость, поднялъ руку къ папахѣ и только успѣлъ сказать: «Господинъ подпоручикъ, имѣю честь...» — какъ онъ схватилъ меня за руку и въ самыхъ радушныхъ выраженіяхъ сталъ упрекать въ излишнихъ, нигдѣ на Кавказѣ не принятыхъ формальностяхъ и кончилъ свою не краснорѣчивую, но сердечную рѣчь предложеніемъ жить и служить потоварищески, дружно; при этомъ онъ поспѣшилъ объявить мнѣ, что самъ полковникъ ему уже говорилъ обо мнѣ, и что онъ весьма доволенъ и польщенъ назначеніемъ меня въ 7-ю роту.

— Почему же вы довольны, господинъ подпоручикъ?

— Не называйте меня такъ, это у насъ не принято: я-съ Александръ Григорьевичъ, а попросту Греченевскій,—радъ же очень, что вы назначены ко мнѣ потому, что въ ротѣ нѣтъ настоящаго субалтернъ-офицера, то-есть, если хотите, есть одинъ, да болѣзненный и для службы совсѣмъ безполезный. Вотъ и теперь его нѣтъ на лице. А васъ-то я еще немного побаивался,—тихимъ голосомъ прибавилъ Греченевскій.

— Меня побаивались? Почему же?—съ изумленіемъ спросилъ я.

— Да вѣдь вы, говорили мнѣ, аристократъ.

— Какъ? Чѣмъ? Объясните Бога ради!

— Да какъ же, вѣдь вы изъ Пажескаго корпуса, значитъ сынъ генерала, да притомъ и фамилія, и связи, и все прочее... да вотъ хоть бы и шинель у васъ съ бобрами, а мы вѣдь голь отпѣтая, мы-съ безъ образованія.

Я остановилъ потокъ рѣчей его искренними увѣреніями въ моемъ къ нему уваженіи и, тотчасъ же попросивъ его познакомить меня съ его лихою ротой, какъ видно, доставилъ ему этимъ большое удовольствіе.

Пока мы, усѣвшись на барабанахъ, болтали съ Греченевскимъ, люди 7-й роты развели костры и разбили палатки. Принесли приказаніе: на завтрашній день, въ 8 часовъ утра колонна въ составѣ трехъ батальоновъ Егерскаго князя Воронцова полка, восьми орудій и полка кавалеріи подъ командой полковника Меллеръ-Закомельскаго назначалась идти жечь непріятельскіе аулы, слѣдовательно вѣрно ожидается дѣло.

Библиотека "Руниверс"

Наступило это завтра, 15-е декабря. Въ этотъ день я узналъ, что такое опасность, и сдѣлалъ экзаменъ самому себѣ. Подробно помню я мое первое дѣло. Было еще темно, когда я вскочилъ на ноги, одѣлся, вооружился, у костра выпилъ стаканъ горячаго чаю и нетерпѣливо ожидалъ выступленія нашего батальона. Скоро зашевелились всѣ роты, выстроились и двинулись впередъ, послѣ чего, сомкнувшись въ общую колонну, встрѣтили барона Меллера. Онъ торопливо объѣхалъ роты, поздоровался съ ними и повелъ впередъ, но куда?—никто опредѣлить не могъ, такъ какъ кругомъ была мгла, туманъ ложился сильный, въ воздухѣ было сыро, моросилъ мельчайшій дождь. Впереди за Меллеромъ и его проводниками, вслѣдъ за кавалеріей, шелъ 1-й батальонъ нашъ, за нимъ 2-й и 3-й. Разсыпанные стрѣлки отъ ротъ 1-го батальона, съ ихъ резервами, тотчасъ же исчезли у насъ изъ виду; мѣстность была пересѣченная, лѣсистая. Мы шли усиленнымъ шагомъ, солдатамъ случалось даже бѣжать, чтобы не отстать отъ переднихъ и не потерять направленія пути. Въ двухъ шагахъ въ сторону нельзя было разглядѣть окружающей мѣстности; знаю только, что изъ лѣсу мы шли, или полубѣжали, по полянамъ, потомъ опять лѣсомъ, опять полянами; на дорогѣ нашей встрѣчались одиночныя чеченскія сакли, со свѣжими признаками недавняго жилья въ нихъ; но мы не останавливались, спѣшили впередъ и совершенно неожиданно наталкивались на остановившіяся впереди части. Опять маршъ! Двигаемся впередъ то медленно, то бѣгомъ; растягиваемся по узкому пути, а, выйдя на поляну, чтобы стянуться, бѣжимъ опять со всѣхъ ногъ. Опредѣлить время и пройденное пространство было бы невозможно. Стало нѣсколько свѣтлѣе въ воздухѣ, туманъ рѣдѣлъ, и сквозь него иногда и кое-гдѣ различались фигуры солдатъ сосѣднихъ ротъ.

Насъ остановили. Батальонъ въ ротныхъ колоннахъ взялъ ружья къ ногѣ и отъ безтолковой бѣготни перевелъ духъ. Ѳома Васильевичъ Костырко, на томъ же, какъ и вчера, конѣ, въ той же шинели, съ хлыстомъ въ рукѣ, еще глубже насунувъ папаху свою, смотрѣлъ какъ-то сумрачно и, не обращаясь ни къ кому отдѣльно, безпрерывно шевелилъ губами и что-то шепталъ себѣ подъ носъ. Греченевскій, очень сосредоточенный, обходилъ ряды своей роты, о чемъ-то внушительно толкуя въ полголоса съ унтеръ офицеромъ. Бернардъ съ Оболенскимъ въ сосѣдней 8-й ротѣ тянули изъ фляги водку, закусывая холодною курицей, разложенной кусками на бумагѣ на ротномъ барабанѣ. Солдатики садились на корточки и, застилая съ вѣтренной стороны свои полушубки, зажигали отсырѣвшія сѣрныя спички и закуривали тютюнъ въ безобразно коротких своихъ трубочкахъ. Не разъ сквозь густой туманъ виднѣлись намъ одиночные всадники, подъѣзжавшіе къ Костыркѣ и тот-

Библиотека "Руниверс"

часъ же снова исчезавшіе. Но вотъ выстрѣлъ, одинъ, другой, точно щелкнули орѣхи: звукъ короткій и сухой. А нѣсколько секундъ спустя раздаются выстрѣлы громкіе и протяжные. «Ага, вотъ онъ начинаетъ!»—послышалось въ рядахъ. И точно: щелкнувшіе орѣхи оказались чеченскими выстрѣлами изъ винтовокъ, а звукъ протяжный—изъ нашихъ кремневыхъ ружей. «3-й батальонъ, въ полъоборота налѣво, впередъ, бѣгомъ!»—торопясь передалъ Костыркѣ подскакавшій поручикъ Ярцевъ, и въ мгновеніе роты одна за другой бѣжали, путались, спотыкались. Впереди раздающіеся выстрѣлы трудно различить: чеченскіе и наши слились въ одно, и въ ушахъ раздавалась общая, единая трескотня... Выбѣжавъ на ближайшую поляну, батальонъ развернулся фронтомъ, въ ротныхъ колоннахъ, карабинеры на правомъ флангѣ, а 9-я рота на лѣвомъ, тутъ же вызваны стрѣлки въ цѣпь. Я повелъ своихъ 7-й роты, въ связи съ цѣпью слѣва 8-й роты и имѣя съ правой стороны 3-ю карабинерную роту при двухъ полевыхъ орудіяхъ.

Впереди насъ увидѣли мы разбросанныя сакли, на этотъ разъ не пустыя. Между ними замелькали тѣни, и при приближеніи нашемъ щелканье орѣшковъ разъяснило положительно, въ чемъ дѣло. Не отвѣчая на первые выстрѣлы, мы ринулись впередъ и, занявъ сакли, оттѣснили чеченцевъ въ лѣсъ, примыкающій къ самымъ хуторамъ. Приказывать, указывать и распоряжаться мнѣ не приходилось. Люди мои такъ твердо знали дѣло свое, такъ проворно и находчиво занимали мѣстныя прикрытія и съ такою увѣренностью и хладнокровіемъ осматривали свои ружья, готовясь встрѣтить непріятеля дружнымъ свинцовымъ гостинцемъ, что мнѣ пришлось только удивляться и самому учиться у нихъ. Но вотъ чаще защелкали пули, открыли огонь и наши, пошла потѣха опасная, страшная... но опьяняющая. За цѣпью, шагахъ въ полутораста сзади, спокойно стояли резервы нашихъ ротъ. Обернувшись къ нимъ, я увидѣлъ Греченевскаго, посылавшаго горниста взять у меня лошадь, такъ какъ она при препятствіяхъ въ занятой нами мѣстности стѣсняла всѣ мои движенія. Проворно соскочилъ я и пѣшкомъ пошелъ вдоль цѣпи. Перестрѣлка разгоралась съ обѣихъ сторонъ. Подходя къ четвертой парѣ, я увидѣлъ пошатнувшагося солдатика: со стономъ выронилъ онъ изъ рукъ ружье свое и грохнулся на землю. Подбѣгаю узнать, въ чемъ дѣло: раненъ бѣдный въ животъ пулей. Унтеръ-офицеръ Ефремовъ живо распорядился унести раненаго къ резерву. Пули щелкаютъ близко и почти безпрерывно. Туманъ, немного порѣдѣвшій, отъ пороховаго дыма становится еще гуще и плотнѣе. Въ десяти шагахъ впереди нельзя ничего разсмотрѣть, и наши пули пускаются въ тьму, наугадъ, безъ всякаго прицѣла. А чеченцы близко: ихъ голоса, крики и ругань слышны внятно. «Не зѣвай, ребята!»—рѣшился наконецъ и я вставить внушеніе свое солдатамъ...

Библиотека "Руниверс"

— Прапорщикъ Полторацкій! Гдѣ прапорщикъ Полторацкій?— неистово кричалъ въ туманѣ голосъ слѣва.

Спѣшу въ ту сторону и вижу бѣгущаго ко мнѣ штабсъ-капитана Бернарда.

— Бога ради, прикажите вашимъ лѣво-фланговымъ не отрываться отъ моихъ! Бѣда будетъ при отступленіи!—предсказывалъ разгоряченный эксъ-гусаръ.— Съ моими стрѣлками въ цѣпи князь Оболенскій, не теряйте, Христа ради, ихъ изъ виду.

Отдавъ приказаніе лѣво-фланговому унтеру быть постоянно въ связи со стрѣлками 8-й роты, я повернулъ назадъ и пошелъ вдоль своей цѣпи. Солдаты зорко всматривались передъ собою и, только что замѣчали мелькавшія въ туманѣ тѣни, вскидывали ружья и пускали пулю. Со всѣмъ тѣмъ, проходя мимо самыхъ паръ, я замѣтилъ, что при приближеніи моемъ они съ видимымъ любопытствомъ глядѣли на меня, изучали мое состояніе духа... На душѣ было жутко. Раненыхъ прибывало ежеминутно. На глазахъ вотъ двое убито наповалъ, а третій Мамченко, падая возлѣ меня съ разбитою въ дребезги головою, мозгами своими обрызгалъ мой полушубокъ. Я вынулъ платокъ и обтеръ имъ платье, повидимому, невозмутимо, но сердце стучало сильно, и подлыя кошки скребли его... Въ эту минуту я не взглянулъ на ближайшихъ ко мнѣ людей, но инстинктивно чувствовалъ, что всѣ взоры ихъ непремѣнно устремлены на меня, и что репутація моя теперь, въ эту минуту, поставлена на карту. Облегчивъ свои нервы, я твердымъ голосомъ и громко сказалъ: «Царство ему небесное, братцы!». Человѣкъ пять сняли шапки, перекрестились, но никто не молвилъ слова, со всѣмъ тѣмъ я уже чувствовалъ нѣкоторую побѣду надъ собою и надъ ними...

Направившись къ правому флангу моей цѣпи, я наткнулся на близь стоящую карабинерную роту, среди которой въ ухарской позѣ громко ораторствовалъ усатый Доможировъ. Прикрытый спереди высокою саклей, онъ избралъ себѣ, ротѣ и орудіямъ безопасное мѣстечко и, не принимая къ сердцу положенія сосѣднихъ цѣпей нашихъ, какъ у себя дома, распоряжался закуской своей. Меня поразило его равнодушное бездѣйствіе, о чемъ я и сказалъ ему, но получилъ въ отвѣтъ: «вотъ при отступленіи я вамъ покажу себя и каковы орудія мои, а теперь еще рано». Я слѣпо повѣрилъ ему и отошелъ къ срединѣ моей цѣпи. Подъѣхалъ Греченевскій узнать, все ли у меня благополучно, и, отозвавъ меня отъ солдатъ, на нѣсколько шаговъ въ сторону, не обращая вниманія на летающій рой пуль, отчетливо передалъ мнѣ приказаніе: когда будетъ поданъ сигналъ къ отступленію, вести людей какъ можно тише и въ порядкѣ, строго слѣдя за равненіемъ цѣпи. «Поддерживать васъ я буду, но вмѣшиваться въ ваши распоряженія не стану»,—добавилъ онъ, уѣзжая. Черезъ нѣсколько времени

Библиотека "Руниверс"

по приказанію начальника колонны вспыхнули всѣ окружающія насъ сакли. Туманъ, дымъ пороховой и дымъ пожарища сгустили воздухъ до неимовѣрной степени. Вѣтеръ урывками наносилъ на насъ тучи чернаго дыма, который страшно ѣлъ глаза; хаосъ спереди и съ боковъ, а стрѣльба не умолкаетъ, напротивъ крики чеченцевъ слышны отчетливѣй и гораздо ближе. Раздается сигналъ отступленія. Не успѣли стрѣлки мои сдѣлать и пяти шаговъ назадъ, какъ раздались отчаянные крики чеченцевъ, и оглянувшись мы ясно увидѣли громадную толпу ихъ, съ обнаженными шашками, бросившуюся вслѣдъ за нами. «Стой, налѣво кругомъ!»— громко на всю цѣпь закричалъ я, и солдаты ружейнымъ огнемъ, а нѣкоторые штыками, отбили яростный натискъ, но не успѣли мы отойти и десяти шаговъ, какъ крикъ тысячи шакаловъ оглушилъ воздухъ, и чеченцы насѣли на насъ снова. Впереди ихъ, въ бѣлой чалмѣ мулла, прыгая, какъ звѣрь, и громко взывая къ сынамъ Магомета, собственнымъ примѣромъ увлекалъ ихъ за собою. Насъ раздѣляло шаговъ 10, много 15. «Стой, стой, стой! Налѣво кругомъ, ура!»—крикнулъ я, бросаясь назадъ... «Ура, ура, ура!»—услышалъ я сзади себя и дѣйствительно, оглянувшись, увидѣлъ, какъ за мною вся цѣпь перешла опять въ наступленіе и снова ударила въ штыки. Исходъ былъ тотъ же. Съ быстротой улетучились чеченцы и будто провалились сквозь землю. «Вотъ бы теперь ихъ картечью», мелькаетъ въ мысляхъ у меня, но орудій нашихъ не видно, не слышно, напротивъ, унтеръ-офицеръ Подколодный съ праваго фланга цѣпи бѣжитъ ко мнѣ и въ смущеніи докладываетъ, что 3-я карабинерная рота съ орудіями давно уже отступила, и что справа у насъ нѣтъ никого, а непріятель сильно насѣдаетъ. Я сейчасъ же стянулъ недостающія пары къ моему обнаженному флангу и приказалъ отступать. Оставалось до открытой поляны шаговъ двѣсти, но до нея надо было пройти между пылающими саклями и плетнями. Здѣсь услѣдить за порядкомъ отступленія было крайне трудно, даже невозможно. Я запыхался и въ нѣсколько минутъ потерялъ голосъ. Едва горцы замѣтили опять наше движеніе, какъ густою толпою съ пронзительнымъ, потрясающимъ гикомъ снова ударили въ шашки. «Стой, налѣво кругомъ!»— что было силы, крикнулъ я, но не всѣ люди мои исполнили приказаніе, нѣкоторые изъ нихъ, какъ бы не слышавъ словъ моихъ, удвоили шаги по направленію къ резерву. «Стой!»—изо всей мочи, осипшимъ голосомъ повторилъ я команду, но и на этотъ разъ было тоже. «Стой, а то убью»,—заревѣлъ я въ изступленіи, уже видя настигающихъ чеченцевъ въ пяти шагахъ отъ цѣпи... Но паника взяла свое, и я уже предвидѣлъ роковую развязку... Не одни только передніе солдаты прибавляли шагу, но и всѣ остальные въ поспѣшномъ отступленіи видимо искали своего спасенія. Крики мои не помогали, а во что бы то ни стало надо было остановить оро-

Библиотека "Руниверс"

бѣвшихъ людей. Впереди одинъ струсившій окончательно солдатикъ пустился бѣжать. Примѣръ этотъ грозилъ общею гибелью... Я выхватилъ шашку и, бросившись за нимъ, въ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ черезъ горящія головни и тлѣющій плетень нагналъ его и со всего маху нанесъ ему по плечу ударъ. Клинокъ, разрубивъ ремень и полушубокъ, какъ по маслу, дошелъ до поясницы. Ударъ былъ смертельный... Какъ снопъ, свалился несчастный къ ногамъ моимъ, и я съ трудомъ и ужасомъ выдернулъ изъ него шашку, обагренную теплою, алою кровью... Мгновенно отрезвленный убійствомъ, я былъ пораженъ; сердце во мнѣ остановилось, но... моментально остановилась и вся цѣпь моя. «Ура, ура!»—раздались крики въ рядахъ, магическою силой обращенныхъ снова лицемъ къ чеченцамъ. «Ура!»—послышался мнѣ внятно голосъ Греченевскаго... Нѣсколько минутъ спустя, я вздохнулъ свободно, непріятель отсталъ отъ насъ, и я со взводомъ своимъ вышелъ изъ ада на поляну, среди которой стояла 7-я рота. «Ура, Полторацкому, и вамъ, ребята!»—поднявъ шапку, вскрикнулъ Греченевскій. Вмѣстѣ съ командиромъ всѣ люди 7-й роты были очевидцами происшедшей драмы, но приняли ее посвоему. Греченевскій соскочилъ съ лошади и бросился обнимать меня, а старые солдаты вслухъ повторяли: «молодецъ, ай да молодецъ!». Мои же нервы были жестоко потрясены всѣмъ случившимся. На обратномъ пути къ лагерю извѣстіе это быстро разнеслось. Меллеръ, переговоривъ съ Греченевскимъ, тоже подъѣхалъ ко мнѣ и, подавъ мнѣ руку, во всеуслышаніе сказалъ: «Поздравляю васъ съ крещеньемъ въ бою! Вы были совершеннымъ молодцомъ и со славою понюхали пороху». Фрейтагъ также выразилъ мнѣ свое одобреніе. Погибшій отъ руки моей Ковальчукъ, прости мнѣ смерть свою! Потеря въ трехъ взводахъ нашего батальона была свыше 40 человѣкъ. Но отчего произошла она, когда при поддержкѣ насъ дѣйствіемъ артиллеріи мы могли бы отступить благополучно? Разъясненіе сначала передавалось шепотомъ, а потомъ и громко. Доможировъ, какъ только зажглись сакли, подъ предлогомъ опасенія взрыва ящиковъ со снарядами, заблагоразсудилъ улепетнуть съ ротою и орудіями восвояси въ самую критическую минуту нашего отступленія.

Снова вернулись мы въ Алдинскіе хутора. Погода стояла холодная, днемъ еще сносная, но ночью, особенно передъ разсвѣтомъ, совсѣмъ жутко становилось. Солдатики вырыли среди моей палатки яму и съ вечера наносили жаръ, т. е. горячіе уголья, прямо на лопатахъ изъ костровъ своихъ, а во избѣжаніе угара посыпали ихъ поваренной солью. Безъ всякаго приказанія съ моей стороны они постановили между собою, «жалѣючи своего прапорщика», попеременно носить жаръ въ яму, и я, благодаря имъ, могъ даже спать раздѣвшись, какъ дома. Время проходило въ постоянныхъ тревогахъ и экскурсіяхъ; отражали набѣги кабардинцевъ, навагинцевъ и опять

Библиотека "Руниверс"

чеченцевъ; мѣстность кругомъ Алдинскихъ хуторовъ все пустѣла: аулы сожигались, и ихъ обитатели оттѣснялись дальше въ лѣса. Цѣль экспедиціи въ Малой Чечнѣ была достигнута вполнѣ и съ незначительною потерею. Теперь черкесы были лишены возможности безнаказанно уходить обратно въ лѣтнее время въ трущобы свои въ Алдахъ, такъ какъ плоскость Малой Чечни въ треугольникѣ между крѣпостями Грозной, Воздвиженской и Закатъ-Юртомъ очищена совершенно отъ жилищъ и лѣсовъ. Отданъ былъ приказъ къ возвращенію въ Грозную и Воздвиженскую. Переправа черезъ Сунжу совершилась благополучно, не смотря на неумолкаемый огонь чеченцевъ. Въ Грозной мы пробыли только день и двинулись въ Воздвиженскую, гдѣ и пришлось коротать скучнѣйшее мирное время. Самое положеніе крѣпости безотрадное. За стѣнами къ Грозной прилегаетъ степь, къ Аргунскому ущелью дремучій лѣсъ, а за р. Аргуномъ хищное гнѣздо злѣйшихъ враговъ нашихъ на всемъ Кавказѣ — жителей Большой Чечни. За крѣпостныя ворота выйти было нельзя изъ опасенія быть подстрѣленнымъ, какъ ворона; даже въ мирные аулы, построенные подъ самой крѣпостью, ходить было строго воспрещено, слѣдовательно не только охота, но и всѣ остальныя развлеченія деревни здѣсь были не мыслимы. Журналы и письма приходили съ оказіей, и то устарѣлые, съ двухнедѣльными новостями. Годъ подходилъ къ концу, но впереди предвидѣлось мало разнообразія. Оказіи или командировки частей въ лѣсъ за дровами и строительнымъ матеріаломъ набивали оскомину самымъ терпѣливымъ, а прогулки въ лѣсъ бывали черезъ день и съ утра до вечера, подъ дождемъ и снѣгомъ или густымъ туманомъ. Всегда коварные чеченцы мастерски пользовались выгодными для нихъ обстоятельствами, чтобы нанести намъ существенный вредъ. Зная отлично незнакомую намъ въ ихъ дремучихъ лѣсахъ мѣстность, чеченцы подползали незамѣтно къ нашимъ цѣпямъ и, увидавъ оплошность солдатъ, какъ хищные звѣри, бросались на свои жертвы и безпощадно рубили и кололи несчастныхъ зѣвакъ. Поэтому требовалось безпрерывно-напряженное вниманіе, конечно, очень утомительное для солдата. Въ лѣсъ ходило всегда шесть ротъ при двухъ орудіяхъ, которыя сразу строились ящикомъ, среди котораго помѣщались повозки; кромѣ того, вездѣ въ чащѣ разставлялись сторожа изъ стрѣлковъ попарно. Чинаръ и карагачъ гигантскихъ размѣровъ падали подъ ударами сотенъ топоровъ, тутъ же распиливались и съ дружнымъ крикомъ взваливались на роспуски, запряженные тройками полковыхъ лошадей. Матеріала требовалось много, такъ какъ Меллеръ строилъ въ этомъ году новыя, просторныя и свѣтлыя казармы на каждую роту отдѣльно и самъ съ утренней зари былъ на ногахъ и бѣгалъ по всѣмъ закоулкамъ крѣпости.

Библиотека "Руниверс"

III.

1847-й годъ.—Отпускъ Греченевскаго и назначеніе меня командующимъ 7-й ротой.—Оклобжіо.—Набѣгъ Дубы.—Смерть Сухецкаго.—Мщеніе—тризна по павшимъ товарищамъ въ аулѣ наиба.—Одобреніе намѣстника.—Пріѣздъ его и свиданіе съ нимъ въ Сунженской станицѣ.—Іедлинскій.—Представленіе главнокомандующему въ Грозной.—Обѣдъ; вѣсти о Русановѣ.—Отказъ взять меня подъ Гергебиль.—Отпускъ.—Свиданіе съ матерью и графомъ Киселевымъ.—Разочарованіе и обида.—Возвращеніе въ Воздвиженское.—Жизнь съ Ушаковымъ и Голицынымъ.—Разсказы о Гергебилѣ.—Смерть Миши Глѣбова.—Холера на Кавказѣ.

Перваго февраля уѣхалъ въ отпускъ Греченевскій послѣ пятилѣтней разлуки съ семьей, а наканунѣ состоялся приказъ о назначеніи меня командующимъ 7-й ротой; я былъ очень этимъ польщенъ, сожалѣлъ только, что подъ командой у меня не было офицеровъ: j'étais seul et unique dans mon genre въ 7-й егерской ротѣ. Прійдя однажды къ барону утромъ съ донесеніемъ, я засталъ у него новаго подпоручика—Оклобжіо; тутъ я вспомнилъ, что въ бытность мою въ Тифлисѣ въ прошломъ декабрѣ мѣсяцѣ, проѣзжая по Головинскому проспекту, я замѣтилъ проходящаго по тротуару статнаго, высокаго, въ очень оригинальномъ костюмѣ: фескѣ, широкой бѣлой юбкѣ, яркихъ шароварахъ и гетрахъ, красиваго собою черногорца. Изъ богатой шали кушакъ его, за которымъ былъ воткнутъ дорогой съ золотою насѣчкою кинжалъ, прочее блестящее оружіе и общій воинственный видъ чужеземца привлекали вниманіе встрѣчной публики, а толпа любопытныхъ мальчишекъ неотвязно слѣдила за нимъ. Въ тотъ же вечеръ, на мои разспросы, князь Сергѣй Васильчиковъ сообщилъ мнѣ, что это черногорецъ по фамиліи Оклобжіо фонъ Кокбургъ (почему было послѣднее прилагательное, онъ, впрочемъ, объяснить не сумѣлъ), австрійской службы подпоручикъ, желающій перейти на нашу службу, и что князь-намѣстникъ, въ силу ходатайства о немъ сестры своей леди Пемброкъ, вошелъ въ Петербургъ съ представленіемъ о принятіи Оклобжіо въ егерскій его имени полкъ, въ томъ же подпоручичьемъ чинѣ. И дѣйствительно объ этомъ состоялся Высочайшій приказъ, и Оклобжіо явился въ нашъ полкъ, но уже не въ національной своей юбкѣ, а въ мундирѣ Куринскаго полка, который съ непривычки онъ носилъ далеко не съ тою граціей, какъ свой оригинальный. Оклобжіо порусски не зналъ ни единаго слова и съ командиромъ объяснялся на ломанномъ французскомъ языкѣ, что, однако, не помѣшало Меллеру не только хорошо понять, но и очень ласково обойтись съ нимъ по той же причинѣ, которая такъ рѣзко измѣнила его тонъ при пріемѣ и меня въ Грозной, т. е. по милости собственноручно писанной рекомендаціи князя Воронцова. Оклобжіо зачислили въ 1-й батальонъ и въ числѣ немногихъ избранныхъ пригласили ежедневно бывать и обѣдать.

Библиотека "Руниверс"

Нѣсколько дней спустя, утромъ, когда я еще лежалъ въ постели и спокойно попивалъ чай, мой кейфъ внезапно былъ нарушенъ возгласомъ: «тревога!». Въ нѣсколько секундъ я вскочилъ, одѣлся и поскакалъ на площадь; моя 7-я рота, запыхавшись, уже выбиралась изъ низоваго укрѣпленія на кручу. Что случилось? Гдѣ непріятель? Оказалось нападеніе на нашихъ въ лѣсу близь Аргунскаго ущелья. Выскочивъ съ ротой за Чахъ-Киринскія ворота и соединившись по дорогѣ съ 6-ю ротой поручика Шидловскаго, мы устремились на выручку нашей колонны. Приближаясь къ лѣсу, мы отчетливо слышали ружейную и орудійную пальбу, а дальше и крики нападающихъ, стоны умирающихъ и раненыхъ. У опушки лѣса мы пустились бѣжать по плохо наѣзженной лѣсной дорогѣ, перепрыгивая черезъ поваленныя деревья и подготовленные кряжи. Наконецъ наткнулись на нѣсколько солдатъ 2-й карабинерной роты и, между прочимъ, на юнкера Желтухина. Боже, въ какомъ видѣ былъ злополучный юноша! Блѣдный, пѣна у рта, все лице, замаранное порохомъ, онъ въ изступленіи не могъ дать мнѣ должнаго объясненія, безсильно махая руками и что-то бормоча. Сосѣдній съ нимъ карабинеръ тоже не совсѣмъ ясно доложилъ мнѣ, «что онъ (непріятель) напалъ на ихъ цѣпь и шашками зарубилъ командира и видимо-невидимо карабинеровъ»... Дальше представилось раздирающее зрѣлище. Около оставшихся въ живыхъ людей 1-го взвода лежала большая груда тѣлъ, порубленныхъ на смерть солдатъ 2-й карабинерной роты, а впереди ихъ обезображенный трупъ храбраго капитана Сухецкаго. Тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ на перевязочномъ пунктѣ охали и стонали раненные, всѣ безъ исключенія холоднымъ оружіемъ. Подъѣзжая къ нимъ, я встрѣтилъ двухъ конныхъ «гаврилычей» (такъ зовутъ на Кавказѣ донскихъ казаковъ). Они на длинной веревкѣ волокли за собою привязанный за голыя ноги истерзанный трупъ чеченца, бритая голова котораго вся въ крови и грязи, съ открытыми глазами, подпрыгивала по неровностямъ дороги... Это было мщеніе надъ единственнымъ трофеемъ неравносильнаго боя.

Пальба утихла, непріятеля не было ни видно, ни слышно. Онъ сдѣлалъ свое дѣло и ушелъ восвояси. Начальникъ колонны, линейнаго баталіона маіоръ Ароновъ, сумрачный и совершенно растерянный, молча, какъ автоматъ, сидѣлъ на пнѣ; не завидно было въ ту минуту положеніе злополучнаго полководца. Когда, наконецъ, тронулась колонна въ обратный путь къ Воздвиженскому, впереди вытянулись донцы, прискакавшіе въ лѣсъ на тревогу; въ поводу вели они тощихъ коней своихъ съ перекинутыми черезъ сѣдла пятидесятью трупами павшихъ карабинеровъ, а вслѣдъ за ними на рукахъ несли куринцы еще до 30 раненыхъ товарищей своихъ... Случилось это такъ: баронъ Меллеръ, имѣя часть своего полковаго хозяйства на Терской линіи, отправился черезъ Грозъ-

Библиотека "Руниверс"

ную въ станицу Щедринскую, передавъ на время командованіе линейнымъ баталіономъ полковнику Гюлингу. Вопреки инструкціи, данной Меллеромъ, ничего не изобрѣтать новаго въ его отсутствіе, Гюлингъ вздумалъ выкинуть особенную штуку.

Вечеромъ 26-го февраля, узнавъ отъ лазутчиковъ, что сосѣдній намъ наибъ Дуба собралъ большую партію и тронулся съ нею за Сунжу, черезъ Малую Чечню, Гюлингъ, думая похвастать своею распорядительностью, отправилъ колонну въ 6 ротъ подъ начальствомъ неопытнаго Аронова въ цѣльный, никому изъ насъ незнакомый, участокъ дремучаго лѣса, близь самаго Аргунскаго ущелья. Чеченцы напали такъ неожиданно, такъ изумительно быстро на цѣпь, что большинство карабинеровъ не успѣли даже дать хоть одинъ выстрѣлъ, а самъ ихъ капитанъ Сухецкій не имѣлъ времени даже сбросить бурку и обнажить шашку, какъ уже палъ отъ удара по головѣ, смертельно раненный. Порубивъ почти безнаказанно до 80 солдатъ, чеченцы, при видѣ бѣгущаго секурса съ другихъ фасовъ нашей позиціи, бросились наутекъ.

Меллеръ съ экстренной оказіей вернулся въ Воздвиженское; онъ былъ страшно огорченъ происшествіемъ и рѣшился жестоко отомстить за него Дубѣ.

5-го марта, въ 10 часовъ ночи, фельдфебеля принесли командирамъ ротъ приказъ о немедленномъ выступленіи, и черезъ полчаса всѣ были на мѣстѣ сбора, за Атагинскими воротами. Меллеръ лично повторилъ намъ внушеніе принять всѣ возможныя мѣры къ соблюденію во время движенія полной тишины, строго запретивъ не только громкіе разговоры, но даже куреніе табаку, а затѣмъ, возгласивъ: «съ Богомъ», тронулся въ головной части. Солдатики набожно перекрестились и въ торжественномъ молчаніи зашагали впередъ. Ночь была звѣздная, совершенно тихая, но темная и очень свѣжая. Отрядъ ходко подвигался по открытой мѣстности къ рѣкѣ Голтѣ. Шли мы часа два, соблюдая мертвую тишину и молчаніе, и уже было далеко за полночь, когда голова колонны, взявъ правымъ плечемъ впередъ, втянула за собой весь отрядъ въ сплошную, лѣсную трущобу, къ гнѣзду, густо тогда населенному всѣми жителями Малой Чечни, бѣжавшими сюда изъ разоренныхъ нами Алдинскихъ хуторовъ. Здѣсь движеніе колонны встрѣчало затрудненія на каждомъ шагу, а необходимая расчистка пути для провоза орудій вызывала нѣкоторый шумъ и говоръ людей. Тѣмъ не менѣе непріятель, повидимому, спалъ мертвымъ сномъ. Нигдѣ не слышно было выстрѣла тревоги, кругомъ царила тишина и глубокое спокойствіе. Медленно подвигаясь впередъ, мы наткнулись на одинокую на полянкѣ саклю. Наружная дверь ея отворилась, и пылающій въ очагѣ огонь ярко освѣтилъ глазамъ нашимъ показавшійся на порогѣ силуэтъ старухи-марушки; молча взглянувъ на массу тянувшихся мимо нея солдатъ, она быстро

Библиотека "Руниверс"

захлопнула за собою дверь, и мы снова очутились въ глубокой тьмѣ, но ни крика, ни жалобъ, къ великому удивленію нашему изъ сакли не раздалось, и мы безпрепятственно продолжали путь нашъ впередъ еще версты двѣ или три.

Остановились. Я вынулъ часы и съ трудомъ разглядѣлъ черную стрѣлку на бѣломъ циферблатѣ Мозеровскаго хронометра и увидѣлъ ее на четверти четвертаго. До разсвѣта было близко. Черезъ часъ, а можетъ и раньше, должна была разъиграться ужасная драма. Казаки спѣшились, пѣхота повалилась на землю, сырую отъ ночной росы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, въ сторонѣ, слѣзъ съ лошади Меллеръ и, присѣвъ на брошенной буркѣ, сталъ шептаться съ переводчикомъ Али-Бекомъ и другимъ чеченцемъ-проводникомъ, наглухо закутавшимъ свою голову бѣлымъ башлыкомъ. Это былъ родной племянникъ наиба Дубы, подкупленный вмѣстѣ съ братомъ своимъ за хорошій кушъ изъ кармана Меллера. Оба родственника наиба вошли въ соглашеніе съ русскимъ военноначальникомъ не только за деньги указать путь отряду въ аулъ ихъ роднаго дяди, но и по возможности его самого предать въ наши руки. И вотъ въ то время, какъ одинъ изъ двухъ былъ, какъ аманатъ (заложникъ), арестованъ на гауптвахтѣ въ Воздвиженскомъ, другой съ спокойной совѣстью и духомъ велъ непріятельскій отрядъ въ родное гнѣздо свое. И не одинъ племянникъ Дубы помрачилъ совѣсть свою преступною измѣной. Многіе изъ довѣренныхъ стражниковъ наиба и даже старуха-марушка, подкупленные Меллеромъ, своимъ упорнымъ молчаніемъ много содѣйствовали успѣху нашего дѣла. Правда, нашлись и истинно преданные Дубѣ люди изъ нашихъ же мирныхъ ауловъ, поспѣшившіе заблаговременно предупредить наиба о грозившей ему опасности; но онъ не повѣрилъ имъ, возражая, какъ мы потомъ узнали, что Меллеръ слишкомъ хитрый человѣкъ, чтобы гласно собираться къ нему въ гости, и разъ онъ объ этомъ говорилъ, то это вѣрнѣйшее доказательство, что никогда не дерзнетъ онъ показать свой носъ въ окружающія наиба страшныя трущобы.

Итакъ, онъ мирно спалъ, а съ нимъ и все населеніе аула, въ ту роковую минуту, когда за полъ-версты отъ него таился отрядъ людей, жаждущій крови и мщенія. Мало-по-малу стало свѣтлѣе. Заря занималась на востокѣ, и всѣ таинственно окружающіе насъ предметы, деревья, кусты и люди стали яснѣе выдѣляться на сѣромъ фонѣ. «Маршъ!»—передалось изъ роты въ роту, и колонна заколыхалась впередъ. Въ аулѣ, за нѣсколько сотъ саженъ, слышался усиленный лай собакъ, но выстрѣла... ни одного. Казаки пошли рысью въ обхватъ аула и скоро перешли въ карьеръ, чтобы занять оврагъ въ лѣсу. 1-й баталіонъ широкимъ шагомъ направился налѣво, а нашъ 3-й направо къ самымъ стѣнамъ селенія. Двѣ роты 2-го баталіона оставлены въ резервѣ на мѣстѣ,

Библиотека "Руниверс"

а 2-я карабинерная и за нею 6-я приготовились ринуться въ самое сердце вражьяго аула. Высоко взлетѣла ракета и, обрисовавъ спиралью яркій путь свой по темно-сѣрому небосклону, съ трескомъ разорвалась на противоположной сторонѣ аула. Съ разрывомъ ракеты слилось громкое неистовое «ура!», и ожесточенные, вновь наэлектризованные возбудительными возгласами своихъ начальниковъ, разъяренные мстители за павшихъ братьевъ, карабинеры и егеря страшною волною ворвались въ аулъ, безпардонно на всемъ пути обливая все теплою чеченскою кровью... Ружейныхъ выстрѣловъ послышалось два, три, не больше,—видно, что въ ходу былъ русскій штыкъ, безъ промаха и милосердія разившій виновныхъ и невинныхъ. Стоны умирающихъ, застигнутыхъ врасплохъ, доносились со всѣхъ сторонъ и раздирали душу. Рѣзня людей всѣхъ половъ и возростовъ совершалась въ широкомъ, ужасающемъ размѣрѣ...

Казаки, подскакивая къ оврагу, пересѣкающему весь аулъ, увидѣли двухъ людей, бѣжавшихъ къ лѣсу. Передовому удалось вскочить въ опушку, втораго же достигъ «гаврилычъ», уже нацѣлившійся пронизать бѣглеца пикой. «Не тронь, я русскій»,—падая на колѣни, вскричалъ онъ. Его связали; это былъ за два мѣсяца назадъ бѣжавшій ночью изъ крѣпости деньщикъ штабсъ-капитана Бернарда—Фролъ Матвѣевъ, служившій наибу Дубѣ въ почетной должности его лейбъ-повара. «А гдѣ, говори, мерзавецъ, самъ наибъ?»—допрашивали окружающіе его донцы. «А вотъ впереди меня бѣжавшій, то и былъ самъ Дуба»,—дрожа всѣмъ тѣломъ, проговорилъ оробѣвшій Фролъ... Но изъ всѣхъ жителей обширнаго аула врядъ ли кому нибудь, кромѣ одного грознаго повелителя ихъ, Дубы, удалось еще разъ увидѣть восходящее солнце. При самомъ отчаянномъ сопротивленіи нѣкоторыхъ, большинство, застигнутое врасплохъ полунагими, старъ и младъ, женщины, дѣти и грудные младенцы, утонули въ своей крови отъ остро наточенныхъ штыковъ, никого не помиловавшихъ, не пощадившихъ...

Минутъ десять послѣ начала кровавыхъ дѣйствій на улицахъ и въ сакляхъ, когда Меллеръ подъѣхалъ къ расположенію нашего 3-го баталіона, къ нему подскакалъ ординарецъ его, разжалованный въ рядовые, Лауданскій, съ докладомъ, что разъяренные солдаты обѣихъ ротъ не внемлютъ его убѣжденіямъ и наотрѣзъ отказываются кого либо брать въ плѣнъ. «Избіеніе въ аулѣ,—добавилъ Лауданскій,—идетъ страшное, невообразимое!» Меллеръ отправился къ 1-му баталіону,ославъ ординарца куда-то съ новыми приказаніями.

Движимый любопытствомъ поближе взглянуть на разгорѣвшуюся драму, я толкнулъ лошадь и пустился по улицѣ, ведущей къ двухъэтажной саклѣ, среди аула, но жестоко былъ наказанъ за мое малодушіе. Глазамъ моимъ представились картины ужаснаго крова-

Библиотека "Руниверс"

ваго погрома, жертвы котораго, въ самыхъ отвратительныхъ позахъ, своею массою запрудили мой проѣздъ по узкимъ переулкамъ селенія. Гнѣдой мой, прижавъ уши, во многихъ мѣстахъ отказывался идти далѣе, и потребовалась нагайка, чтобы принудить его перескакивать черезъ груды тѣлъ, валявшихся по дорогѣ. И какъ изуродованы были трупы эти! Тамъ преклонныхъ лѣтъ старикъ, съ глубокими ранами отъ штыка въ животъ и грудь, распростертый, почти нагой, среди улицы, успѣлъ уже остыть, а возлѣ него, не обращая вниманія на кровь, алой струей бьющую изъ порубленной руки своей, миловидный мальчуганъ лѣтъ пяти силится крикомъ и слезами добудиться старика, вѣроятно, дѣда своего... Здѣсь въ двухъ шагахъ отъ сакли, совершенно обнаженная, навзничь растянулась красивая, лѣтъ 17, дѣвушка. Роскошная черная коса ея купалась въ лужѣ крови, а подъ лѣвымъ соскомъ дѣвственной груди бросалась въ глаза темная, уже запекшаяся, трехгранная рана... Нѣсколько десятковъ тѣлъ, съ отрубленными ногами и руками, валялись тутъ же въ разныхъ положеніяхъ; обезображенныя лица ихъ явно указывали на мученическія истязанія насильственной смерти, жестоко косившей всѣхъ безъ разбора.

Вижу у плетня двухъ человѣкъ, обнявшихся между собою. Подъѣзжаю къ нимъ... Оба—мертвецы со сквозными трехгранными отверстіями въ груди, поставленные въ стоячее положеніе, какъ бы въ приманку хищнымъ птицамъ. Подло, омерзительно! Спазмы схватили горло, а слезы такъ и просились наружу. Вотъ она, неизбѣжная обстановка ремесла военнаго. Въ бою, честномъ и равномъ, нѣтъ убійства, потому что, убивая, подвергаешь опасности въ равной мѣрѣ и свою жизнь, но тутъ... Повернувъ обратно лошадь и сильно ударивъ ее плетью, я, не помня себя и зажмуривъ глаза, стремглавъ выскочилъ изъ этого душу раздирающаго ада. Уже подскакавъ къ моей ротѣ, я оглянулся назадъ и увидѣлъ высокую саклю Дубы, пылающую со всѣхъ сторонъ. Она какъ будто послужила сигналомъ къ общему пожарищу, и вслѣдъ за нею со всѣхъ концовъ аула вспыхнули всѣ до единой сакли. Густой черный дымъ и столбы огненныхъ языковъ съ миріадами искръ понеслись высоко къ облакамъ, затмивъ собою красное, восходящее солнце. Рѣзко раздался сигналъ штабъ-горниста: «слушайте всѣ!», а затѣмъ «отступленіе». Бѣгомъ стянувшіеся люди 2-й карабинерной роты приволокли за собою 9 человѣкъ плѣнныхъ: трехъ беззубыхъ стариковъ и шесть женщинъ, оборванныхъ, жалкихъ и, вѣроятно, сильно избитыхъ, но единственныхъ счастливцевъ, для которыхъ Лауданскому удалось завоевать пощаду. Послѣ пребыванія въ аулѣ Дубы приблизительно около часа началось обратное движеніе. Не смотря на краткость срока нашего пребыванія, одного часа было достаточно, чтобы вызвать общую по сосѣдству тревогу. Безпрерывные сигнальные выстрѣлы по всѣмъ направленіямъ въ густо населенной той мѣстно-

Библиотека "Руниверс"

сти по сѣверному склону Черныхъ горъ и въ лѣсной равнинѣ возвѣстили на десятки верстъ кругомъ о появленіи въ ихъ предѣлахъ незванныхъ гостей—русскихъ. Какъ саранча, массами и со всѣхъ сторонъ слетались къ мѣсту побоища громадныя толпы пѣшихъ и конныхъ чеченцевъ. Въ цѣпяхъ завязалась живая перестрѣлка, ежеминутно усиливающаяся въ арріергардѣ. Минуты были дороги, надо было спѣшить скорѣе выбраться изъ дремучаго лѣса на поляну, но до нея было добрыхъ три версты. Задача нелегкая, при ожесточенномъ преслѣдованіи непріятеля въ густомъ лѣсу, среди заваловъ и природныхъ препятствій, безъ малѣйшаго признака дороги. Уже не слышны были голоса людскіе: трескъ ружейной пальбы и залпы батареи картечью заглушали командныя слова, и всякій инстинктивно шелъ и дѣйствовалъ по собственному внушенію или по примѣру другихъ. «Въ арріергардѣ очень плохо!»— подскакивая къ полковнику, доноситъ одинъ изъ его ординарцевъ. «Капитанъ Доможировъ!—пискливымъ голосомъ кричитъ Меллеръ:— стяните вашу роту и ведите ее въ арріергардъ!» Отчетливо долетали крики «ура» 1-го батальона. Опять несется ординарецъ съ извѣстіемъ, что чеченцы съ остервенѣніемъ бросаются въ шашки на арріергардныя роты, и что два фейерверкера у орудій убиты изъ пистолетовъ. «Подпоручикъ Руденко, ведите одинъ взводъ вашъ на помощь 1-му батальону!»—раздается снова суетливая команда Меллера. Но не прошло и пяти минутъ, какъ прискакавшій изъ арріергарда Ярцевъ докладываетъ барону, что въ 1-мъ батальонѣ очень большая потеря отъ холоднаго оружія, и что два наши орудія уже были захвачены непріятелемъ... «Подпоручикъ Мерклинъ, ведите бѣгомъ вашъ взводъ въ арріергардъ, скорѣе, скорѣе!» —засуетился опять Меллеръ, хватая изъ лѣвой цѣпи все, что ближе попадалось ему подъ руку. Мерклинъ подбѣжалъ къ арріергарду въ ту минуту, когда два орудія, влекомыя за колеса чеченцами, въ третій уже разъ переходили изъ рукъ въ руки. Медленно подвигались мы лѣсомъ, ежеминутно останавливаясь, чтобы не оторваться отъ арріергарда, гдѣ, не смотря на громадную потерю въ людяхъ, роты 1-го батальона всецѣло на плечахъ своихъ совершали неимовѣрно трудное отступленіе. По нѣсколько шаговъ дѣлая впередъ, они на пронзительный гикъ свирѣпыхъ чеченцевъ снова съ отчаяннымъ «ура» бросились назадъ въ штыки. Жестокій бой уже длился около двухъ часовъ, убитыхъ и раненныхъ выносили много, и все чаще и чаще. Двѣ сотни донцевъ посланы со спеціальнымъ назначеніемъ поднимать тѣла убитыхъ и подвозить раненныхъ, безпрерывно выбывающихъ изъ строя, со всѣхъ фасовъ. У меня пока потеря была не велика. Но вотъ просвѣтъ, уже проглядываетъ поляна. Вотъ, наконецъ, кавалерія, авангардъ и головы цѣпей уже выбрались на просторъ. Горцы въ отчаяніи, сознавая наше спасеніе, съ напряженными усиліями лѣзутъ въ арріергардъ и дорого

Библиотека "Руниверс"

продаютъ жизнь свою. Въ свою очередь и куринцы дерутся стойко, отлично; ни одна часть въ самыя критическія минуты не показала тыла. Когда на чистую поляну вытянулась вся лѣвая цѣпь, оказалось, что единственный ротный командиръ въ 3-мъ батальонѣ былъ я, такъ какъ всѣ прочіе со взводами были посланы въ арріергардъ, и потому тотчасъ же я принялъ надъ нею начальство. Меллеръ неоднократно вертѣлся около меня и поощрялъ всѣ мои распоряженія. Онъ видимо переживалъ тяжелыя минуты и старался казаться болѣе спокойнымъ, чѣмъ былъ на дѣлѣ; нѣсколько минутъ назадъ еще нельзя было ручаться за благополучное отступленіе арріергарда, но теперь, хотя рыло въ крови, но наша взяла! Однако горцы не унимались, и когда отрядъ выбрался на поляну изъ лѣса, пѣшій непріятель смѣнился конным, большими партіями. Со всѣхъ сторонъ, какъ пчелы, они окружили колонну нашу и, поочередно подскакивая къ цѣпямъ на полружейный выстрѣлъ, разряжали по насъ свои винтовки. Вотъ мчится ко мнѣ горсть всадниковъ; одинъ изъ нихъ на темно-сѣромъ конѣ пригнулся къ передней лукѣ, изъ чехла выхватилъ винтовку и, граціозно-ловко перекидывая ее со стороны на сторону, стремительно во весь карьеръ несется вдоль всей моей цѣпи. Батальнымъ огнемъ, на удалую, провожаютъ молодца всѣ семь взводовъ нашихъ, но онъ, цѣлый и невредимый, вихремъ летитъ впередъ къ авангарду и, завернувъ коня вправо, врѣзывается одинъ въ средину ошеломленныхъ его дерзостью донскихъ казаковъ. Ловко, отважно и лихо всадникъ сдѣлалъ между ними обширный вольтъ и тѣмъ же путемъ не далѣе, какъ на 20 шаговъ отъ цѣпи, скачетъ снова мимо нея, не обращая вниманія на возобновившуюся по немъ пальбу, а только, поровнявшись со мною, даетъ, наконецъ, выстрѣлъ и самъ невредимо и безнаказанно сворачиваетъ скакуна своего къ восторженно встрѣтившей его толпѣ чеченцевъ. Но пуля этого сорви-головы джигита не пропала даромъ, а вершка на два отъ моего лѣваго колѣна глубоко засѣла въ животъ моего бѣднаго гнѣдаго. Онъ ткнулся передомъ къ землѣ и отказался двигаться дальше; пришлось соскочить съ него и, снявъ сѣдло и уздечку, двигаться дальше пѣшкомъ; такъ какъ это было за 15 верстъ отъ Воздвиженскаго, то я сильно сталъ роптать на судьбу, когда Меллеръ, очевидецъ всего этого, прислалъ мнѣ лошадь одного изъ раненныхъ казаковъ, на которой я и добрался съ грѣхомъ пополамъ въ крѣпость.

Непріятель, утомленный, наконецъ, безуспѣшнымъ преслѣдованіемъ, мало-по-малу отсталъ, и Меллеръ остановилъ отрядъ для отдыха и перевязки раненныхъ, причемъ приказалъ собрать свѣдѣнія объ общихъ потеряхъ. Вся убыль наша: оберъ-офицеровъ ранено двое: Мансурадзе въ голову и Шидловскій въ шею, нижнихъ чиновъ убито 32, ранено 144 и безъ вѣсти пропало 6; но, не смотря на это, Меллеръ ликовалъ, что отомстилъ Дубѣ и нагналъ холоду на остальныхъ горцевъ.

Библиотека "Руниверс"

По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, отважный джигитъ на сѣромъ конѣ, ворвавшійся въ самую средину «гаврилычей» и ранившій затѣмъ моего гнѣдаго, былъ не кто иной, какъ знаменитый наибъ Саибдула, ближайшій сосѣдъ и другъ Дубы. Этотъ наѣздникъ и богатырь не впервые оказывалъ чудеса храбрости, чѣмъ и славился въ Большой и Малой Чечняхъ и высоко цѣнился самимъ Шамилемъ.

Много было разсказовъ и анекдотовъ послѣ нашего набѣга. Въ иныхъ изъ нихъ наивно выступала незнакомая до той поры натура нѣкоторыхъ товарищей. Такъ одинъ изъ нихъ, Кавешниковъ, съ особеннымъ юморомъ повѣствовалъ, какъ одинъ карабинеръ въ саклѣ наиба второпяхъ рванулъ съ полки жестяной ящикъ-сахарницу, вѣроятно, изъ русскаго погребца и разсыпалъ на полъ хранящіеся въ немъ до тридцати серебряныхъ рублей. Карбованцы, конечно, разсѣялись по всей саклѣ, и толкавшіеся тутъ солдаты жадно бросились подбирать ихъ.

— Въ карманѣ у меня уже двѣ недѣли не было ни гроша,—говорилъ Кавешниковъ,—но хватать разбросанные рубли хотя и представляло громадный соблазнъ, но на глазахъ солдатъ мнѣ казалось слишкомъ постыднымъ, и я рѣшился въ ожиданіи ихъ ухода только одну монету прикрыть ногою, крѣпко нажавъ ее ступней. Какъ только послѣдній изъ мародеровъ оставилъ саклю, я поспѣшилъ нагнуться и взять изъ-подъ ноги завѣтный цѣлковый. Но каково удивленіе мое? Разбойники ухитрились и его стянуть изъ-подъ подошвы совершенно для меня незамѣтно.

— Однако, какъ не стыдно было вамъ, Кавешниковъ,—вмѣшался Швахгеймъ:—допустить въ аулѣ звѣрское избіеніе неповинныхъ женщинъ и дѣтей? Вѣдь вы могли многихъ изъ нихъ спасти.

— Нѣтъ, трудно было обуздать злобное настроеніе солдатъ. Они не слушали ни просьбъ, ни приказаній и, опираясь на разрѣшеніе командира мстить за убитыхъ товарищей, не давали никому спуску. Вскочивъ въ одну саклю въ дальней части аула, около оврага, я засталъ молодцовъ въ разгарѣ работы штыками. Они перекололи тамъ мужчинъ и женщинъ, оставались въ живыхъ одни лишь дѣти. Дай, думаю я, спасу этихъ малолѣтковъ, по истинѣ жаль мнѣ стало невинныхъ душъ, и тутъ же схвативъ двухъ ребятишекъ, лѣтъ пяти, шести, вытащилъ на улицу и, не довѣряя ихъ солдатамъ, повелъ обоихъ самъ за руки. Что же вы думаете? Кричатъ пострѣлята благимъ матомъ. Я ихъ утѣшать, говорю—молчите, вамъ ничего дурнаго мы не сдѣлаемъ, чурекъ кушать дадимъ, а они орутъ еще пуще. Не кричите, все якши будетъ, говорю имъ, но ничего не беретъ. Кажется, дуракамъ и порусски, и поихнему толковалъ—ничего не вышло. Ревутъ, какъ будто ихъ рѣжутъ. Какъ ни жаль ихъ, но ничего не подѣлаешь. Подадутъ сигналъ отступленія, надо собирать людей, а тутъ возжайся съ этимъ добромъ...

Библиотека "Руниверс"

— Ну, что же вы придумали, Кавешниковъ? — нетерпѣливо спросилъ Руденко.

— Да что же оставалось мнѣ дѣлать?—какъ бы оправдываясь, замялся мягкосердый поручикъ.—Жаль ихъ отъ души, но помочь нѣтъ возможности, все кричатъ громче и громче... Да что, господа, я предъ вами покаюсь. Взялъ ихъ обоихъ за шиворотъ, потрясъ немного, стукнулъ одного объ другаго и швырнулъ въ кучу. Богъ съ ними!..

Нѣсколько дней спустя, за обѣдомъ у Меллера, явился къ нему начальникъ колонны изъ Грозной и передалъ конвертъ на его имя. Баронъ сорвалъ печать, просіялъ и, не скрывая полнаго удовольствія, прочелъ намъ громко его содержаніе. Письмо было отъ князя намѣстника, переполненное выраженіями самой искренней благодарности, самыхъ лестныхъ похвалъ, какъ самому барону Меллеръ-Закомельскому, такъ и всему полку своему за дѣло 6-го марта. Независимо отъ частнаго письма главнокомандующаго, прилагалось и форменное извѣщеніе начальника штаба о назначеніи его сіятельствомъ, помимо ожидаемаго представленія къ наградамъ за отличія, 128 знаковъ отличія военнаго ордена для раздачи нижнимъ чинамъ всего отряда. Къ сожалѣнію, большей половинѣ изъ нихъ пришлось навѣшивать его въ лазаретѣ на койкахъ.

Дни стояли хорошіе, теплые, подошло и Благовѣщеніе, когда по повѣрью «даже птица гнѣзда не вьетъ»; у насъ въ тѣни было 16° по Реомюру. Войска отдыхали. 7-го апрѣля вернулся мой сожитель и отецъ-командиръ, Греченевскій, и я сложилъ съ себя свое высокое званіе. Праздникъ Пасхи прошелъ очень скромно; изъ офицерства я сошелся еще съ вернувшимся изъ отпуска маіоромъ Ушаковымъ, бывшимъ пажемъ, выпущеннымъ изъ корпуса въ 1839 году, въ одно время съ Лисаневичемъ, адъютантомъ князя Воронцова. Ушаковъ былъ замѣчательный оригиналъ, но умный человѣкъ и отличный офицеръ, заявившій свои военныя доблести во всѣхъ дѣлахъ на Кавказѣ.съ 1844 года. Особенно оказалъ онъ мужество въ Даргинской экспедиціи, считающейся эрой войны кавказской. Онъ былъ тогда тяжело раненъ въ бедро пулей, получилъ чинъ маіора и уѣхалъ поправляться къ себѣ въ деревню, въ Симбирскую губернію, а также въ Петербургъ. Теперь онъ вернулся, и мы довольно близко сошлись съ нимъ. Рѣдкій вечеръ мы со скуки не устроивали партіи, но постояннымъ партнеромъ нашимъ была далеко не симпатичная личность, Вадковскій. Бывшій капитанъ гвардейской артиллеріи, этотъ господинъ, въ итальянской оперѣ, въ присутствіи государя императора, далъ пощечину совершенно неповинному Савѣ Яковлеву, извѣстному богачу-золотопромышленнику. Черезъ три дня, когда выяснилось, что Вадковскій всячески отклоняется дать требуемое Яковлевымъ удовлетвореніе, онъ былъ разжалованъ въ рядовые, но въ уваженіе государственныхъ

Библиотека "Руниверс"

заслугъ его тестя, свѣтлѣйшаго князя А. С. Меншикова, въ тотъ же день произведенъ въ прапорщики и высланъ на Кавказъ для выслуги полнаго помилованія. Когда-то красавецъ собой, Вадковскій въ мое время уже очень обрюзгъ, опустился, но не прочь былъ сильно похвастать и присочинить...

3-го мая, послѣ прогулки по Сунженской линіи, мы выступили къ Казакичу, гдѣ кое-какъ устроились бивуакомъ и ночевали подъ открытымъ небомъ, даже безъ палатокъ. На другой день вѣстовой требуетъ меня къ полковому командиру.

— Главнокомандующій вызываетъ меня, — объявилъ мнѣ баронъ:—въ станицу Сунженскую и добавляетъ въ своей запискѣ, что если Полторацкій въ здѣшнемъ отрядѣ, то привезти его съ собою. Итакъ, ѣдемте сейчасъ же!

Я бросился одѣться и черезъ пять минутъ былъ уже верхомъ у ставки Меллера, гдѣ конвой изъ полусотни казаковъ съ неизмѣннымъ спутникомъ Али-бекомъ ожидалъ его выхода. 12 верстъ до Сунженской прорысили мы менѣе чѣмъ въ часъ времени и около 4-хъ часовъ по полудни слѣзли съ лошадей у крыльца дома знаменитаго командира Сунженскаго полка, Слѣпцова, у котораго временно помѣщался князь Воронцовъ. Въ первой залѣ мы застали массу народа, а также и самого хозяина дома. Меллеръ былъ немедленно приглашенъ въ смежную комнату къ намѣстнику, а я, къ своему удовольствію, успѣлъ познакомиться съ храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ, Николаемъ Павловичемъ Слѣпцовымъ. Трудно представить наружность симпатичнѣе, открытѣе и энергичнѣе этого рыцаря безъ страха и упрека. Смуглое и выразительное лице его оживлялось блестящими черными глазами, внушающими полное довѣріе къ его честности, рѣшительности, соединеннымъ вмѣстѣ съ скромностью красной дѣвушки. Слѣпцовъ въ нѣсколько минутъ обворожилъ меня. Не прошло и четверти часа болтовни моей въ залѣ со старыми знакомыми: Дондуковымъ, Васильчиковымъ, Иракліемъ Грузинскимъ, Щербининымъ и многими другими, какъ дежурный адъютантъ князя, Лисаневичъ, пригласилъ меня къ его сіятельству, занятому разговоромъ съ Меллеромъ. Главнокомандующій при входѣ моемъ въ его комнату всталъ съ дивана и, сдѣлавъ ко мнѣ на встрѣчу нѣсколько шаговъ, обнялъ меня и осыпалъ самыми добрыми, самыми ласковыми выраженіями высокаго благоволенія за мою службу.

— Полковой командиръ твой, баронъ Петръ Петровичъ,—сказалъ князь, — такъ лестно отзывается о тебѣ, мой любезный Полторацкій, что я съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу повторить обѣщаніе скоро взять тебя въ мои адъютанты, а въ настоящее время позволь мнѣ выразить мою полную благодарность за отличную службу твою.—И при этихъ словахъ снова обнявъ меня, князь пригласилъ садиться, чѣмъ далъ мнѣ возможность изъ устъ его

Библиотека "Руниверс"

услышать личное мнѣніе о громадной пользѣ и важности для общаго дѣла погрома 6-го марта.

Съ особеннымъ интересомъ разспрашивалъ князь у Меллера о мельчайшихъ подробностяхъ боя, особенно о сумашедшей отвагѣ и дерзости наиба Саибдулы.

— А ты, любезный Полторацкій, видѣлъ его? — ласково обратился ко мнѣ Михаилъ Семеновичъ.

— Не только видѣлъ, ваше сіятельство, — поспѣшилъ за меня отвѣтить Меллеръ:—но Саибдула изъ винтовки убилъ подъ Полторацкимъ лошадь.

На это главнокомандующій выразилъ мнѣ свое сожалѣніе и тутъ же предложилъ Меллеру на будущее время принять за непремѣнное правило частно сообщать ему объ убитыхъ офицерскихъ лошадяхъ своего полка, за которыхъ онъ будетъ высылать на имя командира по 60 рублей за каждую.

— Надѣюсь,—вставъ на ноги и щелкнувъ шпорами, добавилъ главнокомандующій:—что ты, милѣйшій другъ Полторацкій, не откажешь мнѣ сдѣлать честь откушать съ нами.

Окончательно изумленный не только лестнымъ пріемомъ, но признаюсь даже слишкомъ утрированною любезностью мастистаго старца въ отношеніи безусаго прапорщика, я почтительно поблагодарилъ его сіятельство и, раскланявшись, поспѣшилъ выйти въ общую залу.

— От-то мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться!—радушно пожимая мнѣ руку, особеннымъ, ломаннымъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ и страннымъ оборотомъ рѣчи атаковалъ меня эсаулъ линейнаго казачьяго войска, Моздокскаго полка.—От-то, я Гедлинскій!—отрекомендовался оригинальнѣйшій изъ кавказцевъ, о которомъ я только зналъ по наслышкѣ.

Послѣ получаса оживленнаго и самаго забавнаго разговора съ моимъ новымъ знакомымъ, дверь изъ кабинета отворилась, вошелъ князь Михаилъ Семеновичъ въ сопровожденіи Меллера, и всѣ мы усѣлись за столъ. Обѣдъ мнѣ въ этотъ день показался особенно вкуснымъ, и я не доставилъ случая гостепріимному хозяину меня особенно потчевать, хотя и за столомъ главнокомандующій съ полнымъ радушіемъ и вниманіемъ неоднократно обращался лично къ моей особѣ.

Часу въ 10-мъ вечера мы выѣхали обратно къ Казакичу, откуда завтра же должны были двинуться въ штабъ-квартиру полка, Воздвиженское, а къ 15-му маю всѣмъ полкомъ въ Грозную для встрѣчи его сіятельства, шефа нашего. Я твердо рѣшилъ, во что бы ни стало, упросить главнокомандующаго взять меня въ Дагестанскую экспедицію, а потому, когда послѣ 15-го миновались всѣ парады, пріемы и смотры, я черезъ князя Сергѣя Васильчикова просилъ разрѣшенія лично представиться его сіятельству. Съ зами-

Библиотека "Руниверс"

раніемъ сердца явился я въ его пріемную. Князь встрѣтилъ меня очень милостиво, но не такъ отнесся къ изложенной мною просьбѣ; онъ выставилъ всѣ препятствія къ прикомандированію меня къ войскамъ, назначеннымъ въ составъ Дагестанской экспедиціи, такъ какъ всякій временный переводъ съ одного фланга кавказской линіи на другой влечетъ, по мнѣнію князя, одинъ только вредъ.

— Что же касается назначенія тебя, любезный Полторацкій,— добавилъ князь съ неизмѣнною своей улыбкой,—въ мою свиту, то оно въ настоящее время совершенно невозможно, въ силу увѣдомленія, только что полученнаго отъ военнаго министра, о высочайшемъ замѣчаніи, что при мнѣ состоитъ въ прикомандированіи слишкомъ большое число лицъ.

— Но что же буду я дѣлать здѣсь? — невольно вырвалось у меня, причемъ голосъ мой задрожалъ, и на глазахъ навернулись слезы.—Здѣсь, ваше сіятельство, на лѣвомъ флангѣ не предстоитъ теперь никакихъ военныхъ дѣйствій, кромѣ гарнизонной службы подъ палящимъ солнцемъ.

— А въ такомъ случаѣ, мой милый, поѣзжай къ своимъ въ отпускъ, я съ удовольствіемъ отпущу тебя на лѣтніе мѣсяцы, подъ предлогомъ болѣзни твоей матушки,—порѣшилъ главнокомандующій, снова ласково обнявъ меня.

Соблазнъ увидать семью, друзей, а къ тому же предаться въ сласть моей страсти къ охотѣ, былъ слишкомъ великъ, а потому, отъ души выразивъ его сіятельству мою признательность за милостивое разрѣшеніе, я поспѣшилъ къ барону Меллеру съ докладомъ о результатѣ моего представленія.

Наканунѣ выѣзда намѣстника изъ Грозной въ Дагестанъ черезъ Кумыкскую плоскость, я снова удостоился приглашенія обѣдать, причемъ князь повторилъ мнѣ увѣреніе въ своемъ расположеніи и любезно поручилъ кланяться отъ него моему дядѣ Павлу Дмитріевичу (Киселеву) и передать ему, что онъ очень и очень мною доволенъ. Приказъ о моемъ отпускѣ уже состоялся по отдѣльному кавказскому корпусу, и я могъ ѣхать въ края родные.

За обѣдомъ у главнокомандующаго услышалъ я о странномъ приключеніи съ бѣжавшимъ весной изъ Воздвиженской въ горы прапорщикомъ Русановымъ. Повидимому, его благородію не очень-то повезло у Шамиля на службѣ, такъ какъ на прошлой недѣлѣ казаки укрѣпленія Ачхая, преслѣдуя незначительную партію горцевъ, напавшую на ихъ скотъ, захватили въ плѣнъ, умышленно отставшаго отъ чеченцевъ, оборваннаго въ черкескѣ всадника, назвавшаго себя русскимъ офицеромъ. То былъ Русановъ, немедленно препровожденный за конвоемъ сюда на гауптвахту. Главнокомандующій полюбопытствовалъ его видѣть. Арестованнаго дезертира приводили къ нему, и самъ князь Михаилъ Семеновичъ его разспрашивалъ о причинахъ, побудившихъ его къ такому позорному

Библиотека "Руниверс"

и пошлому проступку. Свидѣтели говорили, что отвѣты Русанова были непомѣрно глупы и несвязны, и вообще самъ прапорщикъ производилъ жалкое впечатлѣніе. Замѣчательно сообщенное мнѣ извѣстіе, будто князь-намѣстникъ написалъ письмо государю съ изложеніемъ всеподданнѣйшаго ходатайства: «Прапорщика Русанова не въ примѣръ прочимъ, безъ преданія военному суду, лишить эполетъ и офицерскаго званія, возвративъ на годъ или два въ кадетскій корпусъ, гдѣ и наказать публично розгами, какъ мальчика, не заслуживающаго серьезнаго къ нему примѣненія, какъ къ офицеру, общихъ военно-законоположеній».

Такъ и осталось неизвѣстнымъ, какая воспослѣдовала на это высочайшая резолюція, а только прапорщикъ Русановъ въ то же лѣто умеръ отъ холеры, посѣтившей его на Грозненской гауптвахтѣ.

Переѣздъ изъ Грозной въ Петербургъ совершился безъ особенныхъ приключеній, но здѣсь ждало меня великое разочарованіе. Мать, не предупрежденная мною о пріѣздѣ, очень удивилась ему, и когда я бросился обнять ее, первымъ съ ея стороны вопросомъ было: «Какимъ образомъ такъ скоро уже вернулся ты? Вѣрно съ тобою случилось что дурное?!». Всѣ увѣренія мои, что главнокомандующій князь Воронцовъ остался мною очень доволенъ и самъ мнѣ предложилъ съѣздить въ отпускъ для свиданія съ семьей, очень слабо убѣдили мать, и на лицѣ ея—увы!—прочелъ я не счастье увидѣть сына цѣлымъ и невредимымъ, а только изумленіе и недоумѣніе. Никогда и прежде я не увлекался вѣрованіемъ въ любовь матери, какъ существовала она, напримѣръ, у ней къ Алешѣ, но такого холоднаго пріема я, всетаки, не ожидалъ. У дядюшки Павла Дмитріевича пріемъ былъ не лучше. Видно, мать его предупредила и въ немъ также возбудила недовѣріе къ моимъ словамъ, потому что, когда я передалъ ему во всѣхъ подробностяхъ обѣщанія и порученія къ нему князя Михаила Семеновича, онъ тоже съ сомнѣніемъ повторилъ тотъ же вопросъ, что̀ задавала мнѣ и мать: «А почему же Воронцовъ не захотѣлъ тебя взять подъ Гергебиль (въ Дагестанъ)?». При этомъ Павелъ Дмитріевичъ посвятилъ меня въ полученныя отъ главнокомандующаго донесенія на высочайшее имя о неуспѣшной осадѣ неприступнаго въ Дагестанѣ аула, о громадныхъ потеряхъ въ дѣлахъ и эпидемическихъ болѣзняхъ, свирѣпствующихъ въ дѣйствующихъ войскахъ, и о малыхъ надеждахъ довести экспедицію до желаемаго конца въ текущемъ году. «А тебя-то тамъ и нѣтъ!»—какъ бы съ упрекомъ добавилъ Павелъ Дмитріевичъ. — Такъ и отъ него не удостоился услышать я слова одобренія за мою, хотя кратковременную, но всеже добросовѣстную службу на Кавказѣ. «Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ», — подумалъ я, прощаясь съ дядюшкой.

Библиотека "Руниверс"

Дома, при одномъ разговорѣ ничего не смыслящихъ резонеровъ о послѣднемъ пораженіи нашихъ войскъ въ Дагестанѣ, гдѣ будто бы, бросивъ осаду Гергебиля, au sais-aller, подступили уже къ другому аулу—Салты, моя матушка, какъ бы скорбя за сына своего, не участвовавшаго въ этой неудачной, но очень опасной экспедиціи, при постороннихъ свидѣтеляхъ такъ многозначительно на меня взглянула, что я, не имѣя возможности провалиться сквозь землю, выскочилъ изъ ея гостинной, убѣжалъ въ глубину сада и тамъ, каюсь, залился горючими слезами. Нервы были ужъ очень натянуты. На другой день я уѣхалъ въ Вельможье, гдѣ весь остатокъ отпуска предался своей страсти къ охотѣ и частымъ посѣщеніямъ милѣйшаго Константина Марковича Полторацкаго въ Грузинахъ.

По возвращеніи въ Воздвиженское, я поселился съ Ушаковымъ и Голицынымъ. Жизнь потекла съ прежнимъ однообразіемъ, но съ несравненно бо̀льшими удобствами. Маіоръ очень любилъ поѣсть, Козьма его былъ отличнымъ поваромъ, и мы поэтому продовольствовались на славу. Для большаго удобства совмѣстной жизни, Ушаковъ выпросилъ у Меллера перевести меня изъ 3-го въ его 2-й баталіонъ, въ 4-ю егерскую роту, къ трижды раненному Руденкѣ. Кромѣ Руденки, остальные командиры ротъ были слѣдующіе: князь Голицынъ, подпоручикъ Дробышевъ, подпоручикъ Вельяминовъ, а субалтернъ-офицеры—Кирхманъ, Неѣловъ, Мухановъ, Вальбекъ, Юргенсонъ и я.

Въ разговорахъ съ Ушаковымъ подробно узналъ я о всѣхъ неудачахъ, болѣзняхъ и очень чувствительныхъ потеряхъ въ Дагестанѣ, изъ которыхъ самою главною, невознаградимою была смерть Миши Глѣбова, убитаго въ Гергебильскихъ садахъ, при штурмѣ аула, наповалъ. Этотъ честный храбрецъ и погибъ славно, какъ подобаетъ герою. Сидя верхомъ передъ баталіономъ молодцовъ ширванцевъ, Глѣбовъ подъ градомъ пуль блестящимъ хладнокровіемъ подавалъ изумительный примѣръ отваги, пока внезапно не рухнулся съ коня на руки до безумія его полюбившихъ солдатъ. Со смертью Глѣбова, Кавказъ лишился одного изъ храбрѣйшихъ своихъ дѣтищъ.

Всѣ усилія начальствующихъ лицъ подъ Гергебилемъ не довели дѣла до желаемыхъ результатовъ, такъ какъ въ довершеніе всѣхъ неожиданныхъ препятствій отъ климатическихъ условій и эпидеміи выяснилось, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, что безъ крѣпостныхъ, большаго калибра орудій и мортиръ бомбардированіе аула было невозможно. Гергебиль представлялъ необычайную твердыню. Весь аулъ былъ расположенъ по отвѣснымъ террассамъ, амфитеатромъ. Всѣ отчаянныя попытки штурмующихъ колоннъ разбивались, какъ мыльные пузыри, оставляя за собою лишь одни

Библиотека "Руниверс"

потоки безполезно пролитой крови. Въ одной изъ такихъ атакъ сложилъ голову дорогой Миша Глѣбовъ, въ другой лишился ноги Юрій Гагаринъ, и сколько еще храбрецовъ поплатились жизнью. Между прочимъ, при одной изъ болѣе другихъ удавшейся атакѣ, гдѣ самурцы и апшеронцы уже достигли едва ли не пятой террассы и съ бѣшеной отвагой бросились на штурмъ ближайшихъ сакель, — крыши подъ ними провалились, и они моментально всѣ безъ исключенія рухнули во внутрь подземныхъ мазанокъ, гдѣ и нашли ужаснѣйшую смерть на кинжалахъ ждавшихъ ихъ тавлинцевъ. Тогда обратились всѣми силами на сосѣднее большое же селеніе Салты, и это удалось вполнѣ и очень быстро. Роспускъ Дагестанскаго отряда былъ необходимъ по многимъ причинамъ: по безуспѣшной тратѣ силъ, болѣзни князя Михаила Семеновича, который за послѣдній періодъ экспедиціи очень страдалъ глазами, и, наконецъ, по случаю появленія страшной гостьи—холеры, которая не мало вырвала жертвъ и на лѣвомъ флангѣ въ лѣтніе мѣсяцы.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1].

IV.

Князь А. И. Барятинскій.—Кунаки кабардинцы.—Лагерь на Гойтѣ.—Жаркія дѣла.—Голенъ-Гойта.—Ушаковъ, Вадковскій и Голицыны.—Вечера у князя Барятинскаго, ужины и анекдоты (Іедлинскій и Волоцкой).—Производство меня въ подпоручики.—Карьера Тихонова.

ВЪ НОЯБРѢ въ Воздвиженское прибыли кунаки наши—Кабардинскій полкъ съ новымъ командиромъ своимъ, флигель-адъютантомъ княземъ Барятинскимъ. Красавецъ собою, богатый, знатный, съ громадными связями при дворѣ, онъ уже понюхалъ пороха на Кавказѣ въ 1844 и 1845 годахъ въ Дарго, гдѣ и получилъ георгіевскій офицерскій крестъ, командуя тогда 3-мъ баталіономъ Кабардинскаго полка, когда графъ Бенкендорфъ командовалъ 1-мъ нашего полка. Оба они, какъ гласила молва, вели себя примѣрными молодцами и не даромъ были украшены бѣлыми крестами за штурмъ воротъ въ Андію. Бенкендорфъ, тяжело раненый, лечился за границей, а Барятинскій, успѣвшій поразить по неосторожности сердце особы, слишкомъ высоко стоящей, обреченъ былъ снова воевать на Кавказѣ, что, впрочемъ, тогда въ его лѣта (31 годъ) при условіи стоять во главѣ такого полка, какъ полкъ князя Чернышева, Кабардинскій, далеко не внушало состраданія. Итакъ, 17-го

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 39.

Библиотека "Руниверс"

числа, на улицахъ нашей крѣпости послышались незнакомыя пѣсни удалыхъ полковъ Кабардинскаго, Грузинскаго Гренадерскаго и линейныхъ казачьихъ.

Всѣ начальствующія лица отдѣльныхъ частей, начиная съ генерала Фрейтага, собрались у барона Меллеръ-Закомельскаго, а каждому изъ нашей братьи пришлось принимать и угощать у себя офицеровъ соотвѣтствующихъ номеровъ частей войскъ. Одной съ нами бригады, Кабардинскій полкъ состоялъ съ незапамятныхъ временъ въ тѣсной дружбѣ, въ кунакствѣ, съ куринцами; по законамъ, усвоеннымъ долголѣтними на Кавказѣ обычаями, онъ валилъ къ намъ, или мы къ нему, не какъ въ гости, а совершенно, какъ въ собственный домъ, гдѣ всякая принужденность или церемонія не могли найти себѣ примѣненія. Въ казармахъ они находили приготовленную водку и сытый обѣдъ, а солдаты дѣлились не только чаркой своей, но и койкой. Никому на Кавказѣ и въ голову не могло прійти поступить иначе. Узы тѣсной дружбы и взаимнаго уваженія кавказскихъ полковъ достигаютъ здѣсь чрезвычайныхъ размѣровъ. Сколько разъ одна фраза: «Куринцы, на васъ смотрятъ кабардинцы!» вызывала на самые отважные подвиги, или: «Кабардинцы, поддержите братьевъ куринцевъ, имъ плохо!»—и кунаки лѣзли на вѣрную смерть, но грудью своей выручали гибнущихъ. Съ другой стороны, и соревнованіе между этими двумя полками было невѣроятное, неслыханное! Весною, при посѣщеніи главнокомандующимъ полковаго лазарета въ Хасавъ-Юртѣ на Кумыкской плоскости, рядовой Кабардинскаго полка, тяжело раненный двумя пулями въ животъ и голову, при приближеніи къ нему князя Воронцова, собралъ послѣднія силы, приподнялся на койкѣ и, съ угасающимъ огнемъ въ глазахъ, отчетливо проговорилъ: «ваше сіятельство... совсѣмъ умираю... будьте отцемъ роднымъ, скажите и утѣшьте на прощаньѣ, мы, кабардинцы, не ударили лицемъ въ грязь предъ куринцами?!». И не успѣлъ еще растроганный князь выйти изъ лазарета, какъ страдалецъ въ послѣднихъ судорогахъ закрылъ глаза на вѣки.

Итакъ, послѣ прихода кабардинцевъ отрядъ въ составѣ девяти батальоновъ пѣхоты, двухъ пѣшихъ и одной казачьей батарей и линейной кавалеріи, по дивизіону изъ полковъ: Гребенскаго, Моздокскаго, Горскаго и Владикавказскаго, 18-го числа ноября, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Фрейтага, потянулся по знакомой уже намъ дорогѣ къ рѣкѣ Гойтѣ и послѣ четырехъ-часоваго движенія занялъ позицію близь рѣки этой, на Черной полянѣ, кругомъ окруженной дремучими лѣсами. Цѣлью настоящей экспедиціи была вырубка лѣсовъ, соединеніе полянъ широкими просѣками и истребленіе ближайшихъ хуторовъ и ауловъ. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на джигитовавшихъ одиночныхъ всадниковъ, баталіоны быстро разбили лагерь и правильными линіями

Библиотека "Руниверс"

палатокъ обозначили четыре фаса позиціи по обѣимъ сторонамъ рѣки Гойты.

Съ 19-го начали мы систематическую рубку то подъ начальствомъ князя Барятинскаго, то подъ начальствомъ Меллера. Каждый разъ убыль въ колонѣ доходила до 60, 100 человѣкъ, потому что чеченцы дрались съ остервенѣніемъ и дорого уступали каждую пядь земли. Изъ всѣхъ стычекъ болѣе серьезная была 24-го ноября, когда баронъ Иполитъ Вревскій съ колонною, ему порученною, вздумалъ открытою силою, среди бѣлаго дня, бросивъ рубку лѣса, направиться прямо въ лобъ на батареи, сооруженныя непріятелемъ для бомбардированія нашего лагеря. Отважный полковникъ попалъ прямо подъ артиллерійскій и перекрестный огонь съ обѣихъ опушекъ вновь прорубленной просѣки; въ полчаса времени, не завладѣвъ, конечно, ни однимъ непріятельскимъ банникомъ, Вревскій вынесъ на носилкахъ убитыми и ранеными болѣе 200 человѣкъ, нисколько при этомъ не деморализовавъ непріятеля, такъ какъ онъ въ тотъ же вечеръ въ 11 часу открылъ канонаду по лагерю. Помимо потери въ людяхъ и лошадяхъ отъ ночной артиллерійской стрѣльбы, мы, злополучные, то-есть артель наша (Ушаковъ, Голицынъ, Вадковскій и я), потеряли еще въ тотъ вечеръ жаренную индѣйку! Ее несъ съ походной кухни къ намъ на столъ деньщикъ мой Иванъ Ильичъ, но въ это время надъ его головой съ шумомъ и трескомъ пронеслась огненная граната, онъ испугался и вмѣстѣ съ блюдомъ бросился прямо въ грязь, на земь. Потеря эта оказалась особенно чувствительной для Ушакова.

Не дешево досталась намъ такъ же новая позиція въ неприступномъ аулѣ Голенъ-Гойта. Аулъ этотъ былъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки, въ мѣстности очень крѣпкой, населенъ онъ былъ самыми отважными джигитами Малой Чечни и усиленъ еще за послѣдній годъ водворившимися въ немъ жителями изъ разоренныхъ Алдинскихъ хуторовъ, что составляло вмѣстѣ до 2-хъ тысячъ отчаяннаго люда. Чеченцы долго держались, дрались отчаянно и каждую саклю защищали съ остервенѣніемъ, но въ концѣ концовъ должны были уступить и отретироваться на лѣвый берегъ рѣки, куда Фрейтагъ, не смотря на усиленный огонь непріятеля, переправилъ половину отряда. Куринцы ворвались въ аулъ на лѣвомъ берегу, и работа штыками пошла на чистоту. Этой минутой воспользовались баталіоны Тенгинскіе и Грузинскій Гренадерскій, выдержавшіе во время нашей переправы весь отчаянный натискъ въ упоръ ихъ бившаго непріятеля; они бросились такъ же по грудь въ воду, молодцами вскарабкались на крутой берегъ съ фронта и одновременно съ подоспѣвшими справа кабардинцами, съ трехъ сторонъ, ужасающею, все истребляющею лавою, врѣзались въ самую средину гнѣзда чеченскаго. Не прошло и часа, когда обгорѣвшіе остовы сакель и на землѣ почернѣвшія густыя лужи крови и всюду

Библиотека "Руниверс"

разбросанные людскіе трупы напоминали о такъ недавно существовавшемъ богатомъ аулѣ Голенъ-Гойтѣ... Потеря непріятеля была громадна, но и наша не пустая. Убитыхъ офицеровъ 4, раненыхъ 21, нижнихъ чиновъ убито 168, ранено свыше 300.

Послѣ этого дѣла, съ двумя баталіонами Навагинскаго, двумя Тенгинскаго и однимъ Грузинскаго Гренадерскаго полка, подъ начальствомъ барона Вревскаго, было приступлено къ истребленію аула Саибъ-дулы, расположеннаго въ верховьяхъ рѣки Урусъ-Мартана. И въ этомъ случаѣ колонна приступомъ взяла аулъ, все въ немъ истребила и сожгла до основанія. Но отважный джигитъ изъ джигитовъ, наибъ Саибъ-дула, не такъ легко продалъ гяурамъ свою резиденцію. Ускользнувъ самъ изъ рукъ побѣдителей, онъ заставилъ ихъ на рукахъ вынести много убитыхъ и раненыхъ, а въ довершеніе, при отступленіи, ударивъ въ шашки на арріергардныя Навагинскія роты, принудилъ ихъ въ страшной паникѣ дрогнуть, бросить раненыхъ и до 20 человѣкъ, отрѣзанныхъ въ плѣнъ. Въ этотъ день всей убыли было до 400 человѣкъ, однихъ офицеровъ 16. Причину этой крупной потери объясняютъ дѣйствительно очень крѣпкою позиціею аула, но безспорно при этомъ есть и другая: необычайная и неумѣстная медленность барона Иполита Александровича Вревскаго. Прекрасныхъ нравственныхъ качествъ, высокаго образованія и самыхъ честныхъ принциповъ, отличнѣйшій штабъ-офицеръ этотъ справедливо пріобрѣлъ присужденное ему на Кавказѣ названіе Фабія Медлителя. То, что князь Барятинскій дѣлалъ въ 10 минутъ, Меллеръ въ 5 минутъ, баронъ Вревскій цѣлый часъ. Сторонники Вревскаго увѣряютъ, что онъ поставленъ былъ въ грустную необходимость дѣйствовать медленно, потому что навагинцы, не разъ уже потерпѣвшіе пораженіе, легко поддавались паникѣ, влекущей непремѣнно къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ. У Барятинскаго, впрочемъ, тоже была слабость понапрасну маневрировать подъ выстрѣлами, что̀ по отношенію такого геройскаго полка, какъ Кабардинскій, было по меньшей мѣрѣ непростительно, но князь нѣсколько разъ при мнѣ высказывалъ мнѣніе, что если въ дѣлѣ мало убитыхъ и раненыхъ, то въ высшихъ сферахъ въ Петербургѣ подобнаго дѣла не признаютъ за дѣйствительно существовавшее. Къ сожалѣнію, въ этомъ взглядѣ князя была своя доля грустной правды.

Между тѣмъ лагерная жизнь шла своимъ чередомъ. Ушаковъ еще въ Воздвиженскомъ соорудилъ отличную, очень просторную двойную палатку, съ подбоемъ внутри краснымъ сукномъ, деревяннымъ поломъ и стекляннымъ окномъ. Въ ней мы размѣстили три нашихъ желѣзныхъ кровати, а посреди складной обѣденный и вмѣстѣ ломберный столъ, на которомъ мы въ свободныя минуты дѣятельно подвизались въ вистъ. Толстый Вадковскій, хотя не приходился по душѣ никому изъ насъ, но, въ силу привилегіи состоять

Библиотека "Руниверс"

въ разрядѣ «несчастныхъ», нахально втирался къ намъ каждый день, окончательно завладѣвъ правомъ безсмѣннаго четвертаго партнера.

Всѣ мы неособенно церемонились съ Иваномъ Яковлевичемъ, но Ушаковъ уже черезчуръ откровенно выказывалъ ему свое неуваженіе. Какъ-то играя съ нимъ противъ Голицына и меня, маіоръ, провѣряя онёры, спросилъ своего партнера, была ли у него фигура. «Одна, моя собственная!» — сострилъ Вадковскій.— Э, любезный, это не онёръ!» — отрѣзалъ Ушаковъ къ невольной апробаціи присутствующихъ...

Во враньѣ своемъ Вадковскій нигдѣ не унимался Одинъ изъ свидѣтелей передавалъ намъ, что, будучи въ Грозной въ домѣ Шелиховскаго (инженера), онъ во всеуслышаніе разсказывалъ, что у насъ въ Воздвиженскомъ до того опасно, что вчетверомъ никогда не составляютъ партіи въ вистъ, а всегда приглашаютъ въ запасъ еще и пятаго. «Для чего же?» — наивно вопросили дамы. — «А потому, что дз... мимо уха: думаешь — муха, нѣтъ — пуля, братецъ!.. И одного въ живыхъ какъ не бывало!». Если за 30 верстъ такъ практикуется доморощенный баронъ Мюнхгаузенъ, каково же онъ изощрялся въ Петербургѣ. И то по дорогѣ въ отпускъ послѣ экспедиціи 1847 года онъ на каждой станціи разсказывалъ смотрителямъ и проѣзжающимъ о страшныхъ ранахъ нанесенныхъ ему холоднымъ оружіемъ, причемъ, не зная мѣры,, довирался до того, что клятвенно увѣрялъ ихъ, что ударъ кинжала въ бедро былъ такъ силенъ, что вмѣстѣ съ рукояткой вынули лезвіе изъ другой стороны туловища. «Да, братецъ,—кончалъ онъ свою наглую ложь:—я израненъ, какъ рѣшето, показалъ бы, да лѣнь раздѣваться».

Другой нашъ партнеръ, Голицынъ, тоже часто возбуждалъ въ насъ глубокое удивленіе. Такъ, между прочимъ, при выступленіи ему потребовался отдѣльный чемоданъ для вмѣщенія въ него однѣхъ памятныхъ книжекъ, всѣхъ тщательно переплетенныхъ съ золотыми обрѣзами и вывѣсками различныхъ содержаній: «общерасходная», «приходо-расходная», «карточная», «туалетная», «экстренная», «правила для прислуги» и т. д. Вся эта библіотека была накрыта сверху отдѣльною бо́льшею, чѣмъ всѣ прочія, бархатомъ обтянутой книгой, съ заглавіемъ: «мой дневникъ», который, не смотря на всѣ невыгоды и препятствія, каждый вечеръ

Библиотека "Руниверс"

являлся на сцену, и Голицынъ, усталый, замерзшій, до костей промокшій, свято исполнялъ принятый обѣтъ ежедневно вносить свои впечатлѣнія, но отнюдь не болѣе одной страницы. для чего заблаговременно еще въ типографіи завѣтная книга «Дневника» была размѣрена, разрѣзана и по страницамъ помѣчена числами и мѣсяцами, на три года впередъ.

Описывая Александра Голицына, нельзя пройти молчаніемъ его отца и брата Сергѣя, обоихъ также кавказскихъ дѣятелей. Первый изъ нихъ, князь Владиміръ Сергѣевичъ, субъектъ достойный замѣчанія по многому изъ его жизни. Будучи молодымъ человѣкомъ и блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ, князь Владиміръ Голицынъ назначенъ былъ флигель-адъютантомъ императора Александра I, въ то еще время, когда почетное званіе это жаловалось на рѣдкость и лишь двѣнадцати избранникамъ изъ всей побѣдоносной русской арміи. Счастливая наружность, острый умъ, свѣтское обращеніе, ловкость отличнаго танцора, знатное происхожденіе, родовое богатство, связи и родство—все вмѣстѣ давало исключительно завидное положеніе князю и не только въ высшихъ сферахъ, но и при дворѣ. Успѣхъ его и служебная карьера въ будущемъ казались вполнѣ обезпеченными. Такъ нѣтъ же!.. Все рушилось внезапно и безповоротно вслѣдствіе выкинутой имъ пошлѣйшей и безумно дикой продѣлки, въ 1823 году, на большомъ придворномъ балѣ, въ Зимнемъ дворцѣ. Лишенный флигель-адъютантскихъ вензелей, Голицынъ на другой же день съ жандармомъ былъ высланъ на Кавказъ, и хотя съ тѣхъ поръ не оставлялъ службы, но только недавно (въ 1847 году) произведенъ въ генералъ-маіоры, и этимъ онъ былъ обязанъ главнымъ образомъ родству съ Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой.

Смолоду Владиміръ Сергѣевичъ былъ страстный игрокъ въ карты и, живя всегда очень широко, обязанъ былъ отчасти временнымъ благосостояніемъ своимъ счастливому выигрышу у знаменитаго когда-то въ Москвѣ банкомета, Мусина-Пушкина, милліона рублей. Когда я съ нимъ познакомился, отъ выигрыша были одни лишь пріятныя воспоминанія, но Голицынъ продолжалъ очень любить карты и еще болѣе преферанса остроты и каламбуры. На этомъ поприщѣ онъ встрѣтилъ достойнаго соперника, въ лицѣ старшаго сына Сергѣя, личнаго адъютанта Фрейтага. Весною 1846 года, при вторженіи Шамиля въ Кабарду, когда въ укрѣ-

Библиотека "Руниверс"

пленіи Нальчикѣ ночью ворвался въ спальню князя (тогда начальника центра Кавказской линіи) его адъютантъ съ грознымъ извѣстіемъ: «ваше сіятельство, партія, партія!»,—«а кто третій?»— спокойно спросилъ пробужденный. Со всѣмъ тѣмъ, вся подвластная Голицыну страна потерпѣла страшный погромъ, вызвавшій, между прочимъ, очень характерную переписку отца съ сыномъ, тогда бывшимъ въ Грозной. Узнавъ о пораженіи, нанесенномъ Шамилемъ въ Кабардѣ, и о степени участія, принятаго отцомъ Голицынымъ при отраженіи непріятеля, князь Сергѣй отправилъ съ нарочнымъ къ нему въ Нальчикъ конвертъ, съ надписью на немъ: «бывшему начальнику бывшаго центра». Раздраженный злымъ сарказмомъ сына, папаша адресуетъ ему отвѣтъ: «дураку Голицыну», немедленно же ему возвращенный изъ Грозной съ поправкой на оффиціальномъ конвертѣ: «отъ дурака дураковича»... И этато игривая полемика между отцомъ и сыномъ производилась посредствомъ служебныхъ сообщеній, перевозимыхъ нарочными джигитами на двухверстномъ разстояніи, въ періодъ самаго критическаго разгара нашествія вражьихъ силъ въ предѣлы нашихъ владѣній...

Во время стоянки въ Голенъ-Гойтѣ познакомился я и сошелся съ обаятельнымъ княземъ Барятинскимъ. Узнавъ, что я нахожусь въ Куринскомъ полку, онъ самъ пожелалъ, чтобъ я ему представился, такъ какъ еще въ Петербургѣ ему обо мнѣ говорила и просила Софья Радзивиллъ, и съ тѣхъ поръ я получилъ разъ навсегда приглашеніе на его вечера и ужины, наравнѣ съ прочими завсегдатаями: Фрейтагомъ, Вревскимъ, Лорисомъ, Мирскимъ, Николаи, Іедлинскимъ. Трудно себѣ представить впечатлѣніе, производимое на каждаго изъ вечернихъ посѣтителей князя Барятинскаго, при рѣзкомъ переходѣ отъ дикой обстановки лѣсной позиціи, среди глубокаго снѣга и сильной морозной ночи, къ обширному, теплому, изящному и горящему огнями канделябръ, роскошному помѣщенію столовой нашего именитаго хозяина. Въ первую минуту, переступая порогъ его жилища, поражаешься перемѣною блестящей декораціи, а полчаса спустя, при видѣ окружающей обстановки, совершенно забываешь и не хочешь даже вѣрить самому себѣ, что находишься среди враждебной Чечни, на позиціи въ Голенъ-Гойтѣ, гдѣ двое сутокъ назадъ не было помина не только о европейскомъ комфортѣ, но и о простой солдатской палаткѣ. Столовая князя, этого настоящаго барина по происхожденію и богатству, была около 12 аршинъ длины и 6 ширины; стѣны и потолокъ были обтянуты зеленымъ, билліарднымъ сукномъ, съ такими же драпировками на двухъ дверяхъ и шести окнахъ. Деревянный полъ во всю комнату былъ обитъ пушистымъ, красивымъ ковромъ. Среди столовой вытянутъ рѣзной, орѣховаго дерева, обѣденный столъ, покрытый снѣжной бѣлизны скатертью. Сервизъ, то-есть блюда съ

Библиотека "Руниверс"

крышками, поставленные надъ горящими спиртовыми конфорками, тарелки, приборы, стаканы, бокалы, массивные канделябры на столѣ и такія же бра на стѣнахъ—все безъ исключенія было благороднаго металла, чистаго серебра и художественной работы. За знаменитый столовый сервизъ этотъ, удивительный по цѣнности и красотѣ, en relief, съ внутреннею позолотой, заплочено было дѣдомъ Александра Ивановича въ Англіи болѣе 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Воздухъ въ комнатѣ былъ не только чистый и теплый, но благоуханіемъ своимъ напоминалъ будуаръ молодой женщины. За ужиномъ подавались кушанья утонченной французской кухни, и лилось высшаго достоинства бордо, бургонь и шампанское. Ко всему этому добавьте милое и вполнѣ радушное обращеніе хозяина, веселый, неисчерпаемо-любезный разговоръ и безконечные, всегда оживленные разсказы его о видѣнномъ и слышанномъ въ жизни. Во избѣжаніе излишняго въ столовой присутствія прислуги, княземъ введена была система взаимнаго услуженія, то-есть блюда не подносились, а на конфоркахъ съ горящимъ спиртомъ всѣ стояли среди стола, и ближайшій къ очередному кушанью гость обязанъ былъ класть его на тарелки и передавать сосѣдямъ. Когда я ужиналъ въ первый разъ, князь среди ужина позвонилъ и приказалъ что-то своему мажордому Исаю. Исай вышелъ, но черезъ минуту вернулся и, направляясь прямо ко мнѣ, поднесъ на подносѣ серебряное шило. Въ недоумѣніи взглянулъ я на князя, поспѣшившаго очень серьезно объяснить мнѣ, что, по существующему закону его дома, я обязанъ этимъ шиломъ выскоблить мою фамилію на оборотной сторонѣ тарелки, «для воспоминанія, какъ любезно выразился хозяинъ, о чести, вами сдѣланной, откушать у меня хлѣба-соли». Я поторопился исполнить требованіе князя, но, къ удивленію, обернувъ мою тарелку, рѣшительно не могъ найти свободнаго мѣста для помѣщенія моей фамиліи, до такой степени она была уже испещрена другими. Мнѣ передали вторую и третью, и только на четвертой удалось мнѣ нацарапать мое имя. Взявъ эту тарелку изъ моихъ рукъ, князь Барятинскій тутъ же въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе разъ навсегда быть его дорогимъ гостемъ... Послѣ ужина вошедшая прислуга въ одну минуту убрала столъ, потушила огни и принесла большую вызолоченную чашу съ вычурнымъ крестомъ на серединѣ, которая тотчасъ же запылала чуднымъ синимъ огнемъ, въ то время какъ капли падающаго съ креста жженаго сахару издавали причудливые звуки... И Фрейтагъ, и Вревскій, и всѣ мы, но особенно Іедлинскій, были въ отличномъ расположеніи духа, хотя неумолкаемымъ юморомъ щеголялъ больше всѣхъ самъ хозяинъ. Барятинскій, не стѣсняясь, но въ самыхъ изысканныхъ формахъ, представлялъ поочередно каждаго изъ насъ въ лицахъ, удивительно удачно подмѣтивъ забавную сторону. Но Іедлинскому выпадала

Библиотека "Руниверс"

въ этомъ случаѣ львиная доля. Про него князь повѣствовалъ кучу анекдотовъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ опровергнутъ ихъ виновникомъ. Поводомъ къ началу разсказовъ послужило приключеніе наканунѣ, когда онъ, изрядно нагрузившись обычною у князя жженкой, ночью возвращался къ себѣ на бивуакъ, но сбился съ дороги и внезапно провалился въ глубокую яму. Ошеломленный паденіемъ, онъ сталъ кричать, и къ нему на помощь подоспѣлъ случайно проходившій тенгинецъ. Солдатъ за руки вытянулъ его изъ темной ямы, но, увидавъ черкеску, измятую папаху, растрепанный видъ есаула, при блестящемъ свѣтѣ костра, страшное его оружіе, онъ впалъ въ сомнѣніе; когда же услыхалъ на ломанномъ русскомъ языкѣ объясненіе Іедлинскаго, то окончательно проникся убѣжденіемъ, что пойманный имъ въ ямѣ не кто иной, какъ врагъ-чеченецъ. Никакими божбами и клятвами злополучный есаулъ не сумѣлъ разувѣрить вѣрнаго слугу отечества: тенгинецъ безцеремонно схватилъ его за шиворотъ и приволокъ въ караулъ къ ставкѣ начальника отряда. «Не пущу,—грозно твердилъ онъ дорогой,—тамъ тя разберутъ!». Фрейтагъ, еще не успѣвшій заснуть послѣ возвращенія отъ того же Барятинскаго, услышалъ шумъ, вступился и выручилъ мнимаго абрека. Іедлинскому было тогда около 30 лѣтъ, и онъ былъ на Кавказѣ уже четвертый годъ. Незаконный сынъ графа Браницкаго, брата Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, онъ бросилъ службу въ Австріи, гдѣ въ Венгерскомъ гусарскомъ полку былъ извѣстенъ, какъ замѣчательный ѣздокъ (скакавшій на пари на четырехъ смѣнныхъ лошадяхъ слишкомъ сто верстъ сряду), и перешелъ въ русскую службу, въ линейные казаки Моздокскаго полка сотникомъ. Родство и связи пріобрѣли Іедлинскому обширныя знакомства, но отличная боевая служба, а главное юморъ, веселый нравъ, оригинальнѣйшій языкъ и остроты завоевали ему обще-кавказскую популярность. Самыя экцентрическія выходки сходили ему даромъ, благодаря его исключительному положенію, какъ иностранца. Воздержностью онъ также не могъ похвалиться. Слухи о его дебошахъ дошли до помощника командующаго войсками Кавказской линіи и Черноморіи, генерала Волоцкаго, вновь назначеннаго на эту должность изъ Россіи. Волоцкой, узнавъ о временномъ пребываніи въ Ставрополѣ Іедлинскаго, вызываетъ его къ себѣ въ пріемный день и при многихъ постороннихъ лицахъ обиняками, но въ слишкомъ прозрачныхъ намекахъ на Іедлинскаго, долго и внушительно порицаетъ офицеровъ, позволяющихъ себѣ невоздержно вести себя на передовой линіи. Іедлинскій слушалъ, слушалъ, и вдругъ, подступивъ къ самому генералу, сразилъ всѣхъ фразой:

— «От-то, ваше превосходительство, пьяный проспится,—при этомъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь,—а дуракъ никогда!»—причемъ отчаянно махнулъ рукою на Волоцкаго...

Библиотека "Руниверс"

— «Есаулъ, какъ вы смѣете при объясненіи со мною такъ махать руками?»—строго спрашиваетъ Іедлинскаго атаманъ линейнаго казачьяго войска.

— «От-то, ваше превосходительство, что я чловѣкъ, а не собака! Она махаетъ хвостомъ, а я руками!»—ни секунды не задумываясь, отвѣтилъ Іедлинскій.

И опять-таки въ обоихъ случаяхъ все обошлось благополучно.

Вечеръ кончился. Фрейтагъ всталъ, а за нимъ и всѣ мы раскланялись съ гостепріимнымъ хозяиномъ и вышли на воздухъ холодный, рѣзкій, сильно-морозный. Глазамъ вновь представилась непривѣтливая картина бивуачной дѣйствительности, и на первомъ же ея планѣ трое солдатъ, совершенно голые, съ веселыми прибаутками жарившіе надъ огнемъ костра свои закорузлыя рубахи, въ которыхъ пламя губило съ трескомъ безчисленное въ нихъ количество паразитовъ.

Но и на солнцѣ есть пятна, и нѣтъ на землѣ совершенства въ людяхъ. Грустная истина, но и неопровержимая! Ближе изучивъ А. И. Барятинскаго, я убѣдился, что себялюбіе и податливость къ лести его губятъ. Съ самыхъ пеленокъ онъ былъ избалованъ судьбою, щедрою рукой надѣлившей его всѣми благами міра. Происхожденіе, рожденіе, красота, способности, здоровье, связи, богатство и исключительное положеніе при дворѣ, все ему улыбалось. Удачи его въ военной карьерѣ и безпримѣрный успѣхъ у женщинъ могли бы вскружить голову каждому изъ смертныхъ и ужъ ни въ какомъ случаѣ не придавать значенія низкопоклонству и самой грубой, прозрачной лести. Разъ меня сильно покоробило его тщеславіе. Былъ въ Кабардинскомъ полку поручикъ Ильченко, который началъ службу сдаточнымъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, затѣмъ въ фельдфебеля и наконецъ въ подпоручики. Какъ истый хохолъ по происхожденію, Ильченко, какъ говорится, былъ себѣ на умѣ. На это ясно указывало положеніе, имъ устроенное при всесильномъ и вліятельномъ командирѣ, котораго онъ сумѣлъ обойти до смѣшнаго, и чѣмъ же? Самою грубою и пошлою лестью! Никогда не повѣрилъ бы я степени затменія такой свѣтлой личности, какъ князь Александръ Ивановичъ, если бы, къ сожалѣнію, не пришлось быть очевидцемъ возмутительной сцены. Разъ вошелъ я въ зеленую палатку князя въ ту минуту, когда онъ съ большимъ вдохновеніемъ разсказывалъ Р. К. Фрейтагу объ испытанномъ имъ сегодня впечатлѣніи. Вотъ разсказъ Барятинскаго.

«Сегодня Ильченко, въ общей офицерской столовой, въ присутствіи всего моего полка, держалъ мнѣ рѣчь. Въ ней яркими и восторженными чертами этотъ достойнѣйшій добрякъ доказывалъ, что Кабардинскому полку выпало особенное, необычайное теперь благополучіе.

Библиотека "Руниверс"

— «Въ чемъ же оно?—въ недоумѣніи спрашиваю я.

— «Въ томъ, что въ нашемъ полку два солнца.

— «Кто же въ Кабардинскомъ полку другое солнце?—полюбопытствовалъ я.

— «У насъ два солнца,—восторженно вскрикнулъ Ильченко:—одно свѣтило небесное, а другое земное: это—вы, ваше сіятельство!

«Да нѣтъ, какъ бы я ни разсказывалъ, — довершилъ Барятинскій,—я никакъ не сумѣю передать вамъ, Робертъ Карловичъ, всей прелести рѣчи Ильченка, и если бы вашему превосходительству угодно было его услышать».

— Ахъ, пожалуйста,—впередъ отгадывая желаніе сіятельнаго хозяина, поспѣшилъ сказать Фрейтагъ,—пошлите позвать его, я буду очень радъ.

Барятинскій, потирая руки отъ удовольствія, немедленно отдалъ приказаніе, и черезъ пять минутъ въ дверяхъ показалась бурбонская фигура поручика Ильченка.

— Идите сюда,—ласково встрѣтилъ его князь:—генералъ желаетъ слышать лично отъ васъ сказанную сегодня рѣчь вашу, потому что я, признаюсь, плохо ее понялъ, а потому и передать не сумѣлъ.

Ильченко довольно развязно шаркнулъ передъ начальникомъ дивизіи и повторилъ бойко свою рѣчь, причемъ Барятинскій нѣсколько разъ повторялъ въ сторону Фрейтага: «n'est ce pas qu'il est charmant?».

17-го декабря, во время нашего обѣда, баронъ Меллеръ прислалъ намъ только что полученные съ почтою изъ Воздвиженскаго высочайшіе приказы, гдѣ краснымъ карандашемъ подчеркнутыя строки отъ 8 декабря я прочелъ съ восторгомъ: «за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлѣ при истребленіи аула Дубы, производятся такіе-то, и изъ прапорщиковъ въ подпоручики—Полторацкій со старшинствомъ съ 6-го марта сего года». Всѣ наши офицеры получили награды за 6-е марта. Въ числѣ ихъ, орденъ св. Владиміра — Меллеру; золотая шашка съ надписью «за храбрость» — счастливцу капитану Тихонову; орденъ Анны 3-й ст. съ бантомъ—Швахгейму, Мансурадзе, Мерклину, Руденку и другимъ. Въ подпоручики, кромѣ меня, произведены Юргенсонъ и Чекуановъ. Но больше всѣхъ везетъ Тихонову. За лѣнь и шалости исключенный изъ Полтавскаго корпуса и отправленный на Кавказъ юнкеромъ въ Куринскій полкъ онъ черезъ двѣ недѣли попадаетъ въ Даргинскую экспедицію и въ соникахъ же получаетъ солдатскій Георгіевскій крестъ, затѣмъ послѣ роковой сухарной экспедиціи, при отступленіи изъ Дарго, 8-го іюля, раненъ пулею въ бедро. Его кладутъ на носилки и влекутъ на перевязочный пунктъ, но по дорогѣ встрѣчается главнокомандующій, въ тотъ день лично, съ неимовѣрнымъ самоотверженіемъ, слѣдящій за ходомъ боя въ арріергардѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Кого несете, братцы? — спросилъ графъ Воронцовъ куринцевъ.

— Юнкера Тихонова, ваше сіятельство,—отвѣтили они.

— Поздравляю его прапорщикомъ,—громко возгласилъ гр. Михаилъ Семеновичъ. Тихонова пронесли на сотню шаговъ далѣе, и солдаты, чтобы вздохнуть отъ ноши, остановились въ сторонѣ. Тѣмъ временемъ главнокомандующій съ очень малою при немъ свитой, при общемъ движеніи отряда, проѣзжаетъ верхомъ впередъ и снова останавливается въ ожиданіи арріергарда, гдѣ тогда кипѣла отчаянная свалка. Мимо него опять проносятъ Тихонова.

— Кого несете, ребята?—спросилъ онъ. Куринцы, слышавшіе о пожалованіи ихъ юнкеру чина, смѣло отчеканили:

— Раненаго прапорщика Тихонова, ваше сіятельство!

— Поздравляю его подпоручикомъ, — объявилъ графъ. Опять солдаты понесли раненаго впередъ и опять остановились. Снова главнокомандующій обогналъ ихъ и опять придержалъ коня своего.

— Кого несете, куринцы?

— Подпоручика Тихонова!—уже весело отвѣчаютъ молодцы.

— Поздравляю его поручикомъ! — одобрительно, подъ градомъ пуль, кричитъ имъ графъ, приказывая дежурному при немъ адъютанту Глѣбову записывать фамиліи всѣхъ ежеминутно проносимыхъ мимо раненыхъ, тутъ же для вящаго поощренія награждая ихъ чинами, въ силу Высочайше дарованнаго главнокомандующему права, въ своемъ личномъ присутствіи, производить оберъ-офицеровъ на полѣ сраженія. Тихоновъ хотя былъ раненъ очень тяжело, но не на столько, чтобъ не сознавать всего случившагося. Четверть часа спустя, въ четвертый разъ его пронесли мимо озабоченнаго графа, и на этотъ разъ на вопросъ, кто раненый, Тихоновъ приподнялъ голову и слабымъ голосомъ самъ отвѣтилъ:

— Поручикъ Тихоновъ, ваше сіятельство!

— Поздравляю васъ, милѣйшій Тихоновъ, штабсъ-капитаномъ!— улыбаясь утѣшилъ раненаго страдальца гр. Михаилъ Семеновичъ, конечно, не подозрѣвая случившихся недоразумѣній. Въ этотъ же вечеръ на бивуакѣ, въ приказѣ графа по отдѣльному корпусу, было объявлено о вновь произведенныхъ, а въ числѣ ихъ и Тихонова—въ штабсъ-капитаны. Разсказываютъ, но за достовѣрность не ручаюсь, что впослѣдствіи было доложено главнокомандующему о происшедшемъ qui pro quo, на что, будто бы, онъ только возразилъ: «отъ своихъ словъ я никогда не отказываюсь»,—и это производство стало совершившимся фактомъ.

Преданіе свѣжо, но вѣрится съ трудомъ!—скажетъ какой нибудь Ѳома невѣрный, но для убѣжденія стоитъ взглянуть въ формулярный списокъ Тихонова, гдѣ за одно число, 8-е іюля, ему дано четыре чина. Впрочемъ и послѣдніе два года онъ служитъ счастливо: за Кабарду (1846 г.) онъ получилъ орденъ Анны 3-й ст. съ бан-

Библиотека "Руниверс"

томъ, за мелкія дѣла того же года—чинъ капитана, за Алдинскіе хутора—Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, а за Дубу—золотую шашку.

23-го числа, еще до разсвѣта, весь отрядъ поднялся съ бивуака и съ мѣста же раздѣлился на нѣсколько отдѣльныхъ колоннъ: тенгинцы и навагинцы съ Вревскимъ потянули къ Владикавказу, Кабардинскій полкъ, баталіонъ грузинцевъ и нашъ 4-й подъ начальствомъ Фрейтага—въ Грозную, а мы въ Богоспасаемую крѣпость Воздвиженскую. Чеченцы до того присмирѣли, что все отступленіе совершилось безъ боя, и мы благополучно достигли желанныхъ жилищъ, гдѣ отлежались и выспались въ волю.

V.

Лагерь на Урусъ-Мартанѣ.—Бой 22-го января.—Отдыхъ въ Воздвиженскомъ.—Пистолькорсъ и его выходки.—Переходъ по Сунженской линіи.—Отступленіе съ Валерика.—Приказъ «поселиться» въ Тифлисѣ.—Пріемъ намѣстника.—Дондуковъ, Васильчиковъ, Кочубей, Шеміотъ и его исторія.—Англійскій клубъ.—Замѣчательный вистъ.—Кулебакинъ и Беръ.—Пикникъ отъ дамъ.—Скачки.—Праздникъ въ ботаническомъ саду.

Не долго пришлось намъ пробыть въ Воздвиженскомъ: 9-го числа, въ томъ же составѣ, отрядъ нашъ стоялъ опять бивуакомъ подъ открытымъ небомъ на вырубленной три недѣли тому назадъ полянѣ. Устройствомъ передовой Сунженской линіи, отъ Грозной до Владикавказа, мы очень стѣснили Малую Чечню, но постройкой теперь крѣпостей на Мартанѣ, Валерикѣ и Ассѣ мы окончательно приводили въ исполненіе ея смертный приговоръ. Опять ходили мы въ лѣсъ съ Вревскимъ и съ Барятинскимъ, и 22-го января даже было у насъ жаркое дѣло. Первый баталіонъ нашъ, съ кабардинцами во главѣ, атаковалъ аулъ Джангаръ-юртъ, гдѣ жители, скрываясь за поперечными громадными завалами, били людей на выборъ. Одною изъ первыхъ жертвъ палъ командиръ 2-й егерской роты, поручикъ Голыгинъ, сраженный пулею въ грудь навылетъ. Тутъ, на вырубленной мѣстности, поляна, примыкающая къ Джангаръ-юрту, нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки: то кабардинцы, поддерживаемые справа 1-мъ баталіономъ куринцевъ, штыками дружно очищали всю поляну, то уступая значительному непріятелю, сплошною массою бросающагося въ шашки, егеря гнулись и подавались назадъ, но стройно, безъ суеты. Нѣсколько разъ имъ пришлось изъ вынужденнаго отступленія переходить въ бѣшеную атаку, и это случалось всякій разъ, когда тѣло убитаго или раненаго товарища грозило остаться въ рукахъ непріятеля. Когда свалился Голыгинъ, прапорщикъ Пистолькорсъ, очень видный собою, бросился впереди стрѣлковъ своихъ и, вскочивъ на высокій пень, громко и отчетливо сталъ съ него картинно распоряжаться,

Библиотека "Руниверс"

но въ ту минуту, когда онъ всею стройною фигурою своей обернулся назадъ отдать приказаніе унтеръ-офицеру, чеченская пуля насквозь пронизала его туловище, ударивъ въ спину и выйдя въ груди. Въ то мгновеніе, когда солдаты бросились поднять его и уже поволокли раненаго назадъ къ перевязочному пункту, молодой подпоручикъ Анастасьевъ, полный отваги и молодечества, какъ бы изъ слѣпаго подражанія Пистолькорсу, вскочилъ на очищенное послѣднимъ мѣсто на высокомъ пнѣ и тутъ же моментально, съ разбитымъ черепомъ, совершилъ страшное сальтомортале на землю. Князь Барятинскій хотѣлъ замѣнить нами пострадавшіе баталіоны своего полка, но молодцы кабардинцы громко кричали противъ этого, и подполковникъ Майдель, какъ старшій офицеръ, поспѣшилъ лично отъ имени своихъ героевъ исходатайствовать у князя разрѣшеніе не дѣлиться ни съ кѣмъ славою арріергарднаго дѣла. Мало-по-малу и насъ, однако, ввели въ огонь при общемъ отступленіи; одно время было очень жарко, но по мѣрѣ выхода изъ трущобы въ открытую мѣстность дѣлалось все легче и спокойнѣе и, наконецъ, къ 4-мъ часамъ дня мы выбрались съ верховьевъ Валерика на чистую поляну, въ виду лагеря, для перевязки раненыхъ и приведенія въ извѣстность потери. Убито 6 офицеровъ, ранено 21; нижнихъ чиновъ убито 162, ранено 290 и безъ вѣсти пропавшихъ около 30 человѣкъ. О степени силы огня можно судить по числу снарядовъ—орудійныхъ до 1.600, а ружейныхъ болѣе 330 тысячъ. Героями дня были князь Барятинскій съ кабардинцами и нашъ 1-й батальонъ куринцевъ.

Колонна ушла черезъ Гойту на Грозную, куда на рукахъ и понесли раненыхъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Пистолькорсъ; онъ со спартанскимъ мужествомъ переносилъ страшныя мученія отъ сквозной раны въ груди, шутилъ, острилъ и смѣялся. Такъ какъ и въ Воздвиженскомъ у него было много поклонниковъ, которые сами не были очевидцами его подвига, то пришлось удовлетворить ихъ любопытству. Надо сказать, что преобладающая въ Пистолькорсѣ страсть была играть первую роль руководителя, проповѣдника. Сообразивъ, что одною блистательною храбростью перещеголять всѣхъ въ Куринскомъ полку невозможно, или слишкомъ трудно, Пистолькорсъ бросился въ татароманію, то-есть свелъ куначество съ мирными чеченцами, перенялъ отъ нихъ одежду, посадку на конѣ, джигитовку и всѣ прочіе пріемы. Снисходительный взглядъ начальства на форму одежды офицерства устранялъ всякое стѣсненіе въ этомъ отношеніи, и при встрѣчѣ на улицѣ иного офицера трудно было отличить отъ чеченца или духанщика. Тогда-то Александръ Васильевичъ Пистолькорсъ пріобрѣлъ въ свою собственность домъ въ Грозненскомъ поселеніи, обзавелся по примѣру линейнаго казачества полнымъ домашнимъ хозяйствомъ, склонилъ завѣдывать имъ красивую мамуку Полю, облачился съ ногъ до головы

Библиотека "Руниверс"

въ военные доспѣхи горскаго туалета, навѣсилъ на себя весь комплектъ азіатскаго оружія и, возсѣвъ на караго кабардинца, натянулъ поводья, далъ плеть и, пронзительно гикнувъ почеченски, окончательно обрекъ себя въ непобѣдимые джигиты... Съ этой минуты новый абрекъ пустилъ въ ходъ самыя эксцентричныя выходки на удивленіе и благоговѣйное созерцаніе всевозростающей клики его поклонниковъ. Въ 1846 году, когда по тревогѣ, въ апрѣлѣ, подхватили наши баталіоны и повели ихъ въ Кабарду, многіе офицеры выѣхали по барабану за ворота крѣпости почти въ чемъ засталъ ихъ тревожный кличъ, то-есть безъ перемѣны бѣлья и гроша въ карманѣ. Пистолькорсъ выскочилъ также очень быстро и безъ всякихъ запасовъ. Форсированное движеніе отъ Грозной до Большой Кабарды, погоня за партіями Шамиля и обратный путь съ кавказскаго центра на лѣвый флангъ продлились болѣе трехъ недѣль безпрерывной толкотни взадъ и впередъ. Всѣ участвующіе терпѣли всевозможныя лишенія, но и тутъ пальма первенства выпала Пистолькорсу. Когда при вступленіи отряда въ Грозную все населеніе крѣпости высыпало за ворота на встрѣчу ощипанныхъ на видъ и очень утомленныхъ побѣдителей, впереди 4-й егерской роты пѣшкомъ (за потерею въ походѣ лошади), въ оборванномъ бешметѣ, босой, съ окровавленными по колючкѣ ногами, шагалъ бодро и гордо одинъ Пистолькорсъ. Какъ бы то ни было, но это былъ человѣкъ не дюжинный по смѣлости и умѣнью увлекать за собой другихъ.

Зимняя экспедиція 1847—1848 годовъ еще не кончилась, три періода уже сломали, четвертый же предстояло начать съ 30-го января, и уже изъ Грозной, откуда мы и выступили за Сунженскія ворота по открытой мѣстности вдоль лѣваго берега Сунжи. Мнѣ, какъ охотнику, не забыть пріятнаго эпизода, случившагося здѣсь въ нашей однообразной жизни. Въ день выступленія погода стояла теплая, на небѣ нависли тучи, которыя во время привала разразились частымъ дождемъ, мочившимъ насъ до самаго ночлега въ Казакичу. Ночь здѣсь провели мы съ грѣхомъ пополамъ, въ особенности къ утру, когда стало очень студить; но въ 8 часовъ, при выступленіи, солнце показалось въ полномъ величіи своемъ, и погода оказалась хотя и свѣжей, но ясной и тихой. Снѣгъ отъ вчерашняго дождя осѣлъ и, скованный ночнымъ морозомъ, образовалъ настъ, то-есть корку, чѣмъ въ этотъ день и суждено намъ было воспользоваться со славою. Только что обозъ отряда, вытянувшійся въ три ряда, успѣлъ отойти отъ ночлега версты двѣ, три, какъ съ лѣвой, а еще болѣе съ правой стороны разскакались по нѣсколько человѣкъ офицеровъ, казаковъ, юнкеровъ. Приблизившись къ одной изъ движущихся группъ, я увидѣлъ передъ нею скачущую дикую козу. Утомленное усиленною гоньбою настигающихъ ее преслѣдователей, граціозное животное, проваливаясь черезъ верхнюю снѣжную кору, съ окровавленными отъ наста ножками, тонуло во всю

*

Библиотека "Руниверс"

глубину снѣга, истощало свои силы и, ежеминутно сокращая быстроту бѣга, падало, наконецъ, подъ шашечными ударами конныхъ враговъ своихъ. Уже съ разныхъ сторонъ привезли въ колонну до восьми трофеевъ бѣшеной скачки, когда я на безобразно взмыленномъ ворономъ моемъ, совершенно одинъ, отдѣлился влѣво и въ параллель колонны, на разстояніи версты, поѣхалъ шагомъ. Впереди меня разстилалась безконечная равнина, слѣва окаймленная на нашемъ берегу Сунжи высокимъ лѣсомъ. Солнечные лучи играли на гладкой поверхности снѣга, и миріады серебряныхъ звѣздъ причудливо блестѣли, какъ брилліанты, рѣзко ослѣпляя зрѣніе. Больно было глазамъ глядѣть передъ собою, и я, руками оградивъ ихъ отъ яркихъ лучей, замѣтилъ передъ собою на разстояніи не болѣе ста саженъ массу черныхъ неподвижныхъ предметовъ, отчетливо выдѣляющихся на снѣжно-бѣломъ фонѣ. Принявъ ихъ за чеченскіе памятники надъ умершими, я беззаботно подвигался впередъ, но внезапно замѣтилъ, какъ это мнимое кладбище зашевелилось: я сталъ пристальнѣе всматриваться, и что же оказалось? Громаднѣйшее стадо дикихъ козъ числомъ въ нѣсколько сотъ штукъ. Изумленный, я остановилъ лошадь, а прелестныя животныя въ видимой нерѣшимости, въ какую сторону броситься, какъ будто ожидали указаній вожаковъ своихъ. Прошло нѣсколько минутъ обоюднаго созерцанія, но вотъ съ красивыми рогами козелъ сдѣлалъ рѣшительный прыжокъ, второй и третій, а за нимъ вслѣдъ устремилось и все громадное стадо какъ разъ по направленію нашего отряда. Нѣсколько минутъ назадъ я восторженно любовался изящною красотой и граціей этихъ миловидныхъ животныхъ, а теперь, когда они бросились къ намъ на свою погибель, я забылъ все и, толкнувъ вороного, съ крикомъ и махая папахой, понесся за ними.

Стадо козъ, по пятамъ преслѣдуемое мною, устремилось прямо въ разрѣзъ движущагося вагенбурга. При приближеніи ихъ, въ колоннѣ все зашевелилось, все приготовилось встрѣтить богатую дичину. Конные и пѣшіе бросились къ нимъ и открыли безпощадную стрѣльбу. При этомъ, какими судьбами ни одна изъ шальныхъ пуль не попала въ меня или въ лошадь мою, можно приписать лишь удивительной случайности. Но зато козлы и козы пострадали жестоко. Многіе изъ нихъ пали отъ пуль, другіе отъ холоднаго оружія, были даже схваченные живьемъ, а нѣкоторые сами съ размаха ударялись въ возы и добиты были тутъ же деньщиками и фурштатами.

Со всѣмъ тѣмъ значительная часть стада прорвалась чрезъ всѣ препятствія и выскочила въ открытое поле, гдѣ имъ и удалось спастись. Придя на ночлегъ въ Ачхосское укрѣпленіе, мы, не смотря на утомленіе, долго предавались еще разсказамъ и диспутамъ.

Въ день роспуска Чеченскаго отряда съ береговъ воспѣтаго Лермонтовымъ Валерика,—роспуска на этотъ разъ не временнаго,

Библиотека "Руниверс"

а окончательнаго, послѣ утомительной зимней экспедиціи, баронъ Меллеръ-Закомельскій получилъ письмо отъ главнокомандующаго, въ которомъ князь Воронцовъ, подробно входя въ разныя распоряженія, касающіяся его Куринскаго полка, между прочимъ, упомянулъ объ отправленіи подпоручика Полторацкаго въ Тифлисъ повеселиться. Въ припадкѣ высшаго благополучія, испытаннаго Меллеромъ, при чтеніи собственноручнаго къ нему посланія его свѣтлости, онъ второпяхъ, а, можетъ быть, по нечеткости почерка князя, прочелъ «въ Тифлисъ поселиться» и съ письмомъ въ рукахъ поспѣшилъ къ Фрейтагу. Робертъ Карловичъ, внимательно прочтя письмо отъ доски до доски, впалъ въ ту же ошибку и немедленно сдѣлалъ распоряженіе объявить въ приказѣ по 20-й дивизіи объ откомандированіи подпоручика Полторацкаго въ г. Тифлисъ, къ особѣ его сіятельства главнокомандующаго, причемъ Меллеръ также приказомъ по полку повелѣлъ мнѣ скорѣй отправляться къ мѣсту моего новаго служенія: выдачею прогонныхъ денегъ и подорожной меня также, конечно, не задержали, и я съ отраднымъ чувствомъ полнаго осуществленія двухлѣтнихъ ожиданій выѣхалъ въ давно желанный градъ Тифлисъ, гдѣ, однако, недолго пришлось парить мнѣ въ восторженныхъ мечтахъ, рѣзко разбитыхъ вопросомъ удивленнаго моимъ появленіемъ начальника штаба, генерала Коцебу: «зачѣмъ вы сюда прибыли?» Отвѣтъ мой повлекъ къ разъясненію грустнаго недоразумѣнія, вся тяжесть котораго, конечно, пала на одного меня. Какъ послѣ приказа по дивизіи и полку о лестномъ моемъ назначеніи я явлюсь обратно, не подавъ тѣмъ повода заподозрѣть, что я оказался недостойнымъ состоять въ свитѣ князя Воронцова?

Правда, что полковой командиръ мой, а также и начальникъ дивизіи, не разъ имѣли случай лично слышать изъ устъ главнокомандующаго о непремѣнномъ намѣреніи его сіятельства взять меня къ себѣ адъютантомъ, но во всякомъ случаѣ поторопились на основаніи лишь частнаго письма князя.

Отъ начальника штаба я отправился во дворецъ князя-намѣстника для представленія его сіятельству. Князь очень милостиво и ласково обошелся со мною и, пріятно улыбаясь, повторилъ мнѣ жестокія слова о вызовѣ меня въ Тифлисъ «повеселиться». Послѣ пріема всѣхъ представляющихся, главнокомандующій удалился въ кабинетъ, откуда дежурный адъютантъ, Лисаневичъ, вынесъ мнѣ приказъ его сіятельства—назавтра обѣдать въ клубѣ.

Видя мое удивленіе, Лисаневичъ посвятилъ меня въ существующую систему его сіятельства по четвергамъ обѣдать за табль-д'отомъ клуба, а потому являющихся къ нему въ среду онъ приглашаетъ обѣдать въ четвергъ въ англійскій клубъ, котораго онъ почетный старшина. На другой день, въ шестомъ часу, явился я въ клубъ, гдѣ уже по распоряженію князя былъ записанъ его гостемъ и за сто-

Библиотека "Руниверс"

ломъ имѣлъ честь сидѣть рядомъ съ его сіятельствомъ, усердно угощавшимъ меня на свой счетъ обѣдомъ и виномъ. Послѣ стола князь выразилъ желаніе видѣть меня членомъ клуба и довершилъ свое вниманіе, собственноручно записавъ меня кандидатомъ въ книгу на баллотированіе, а затѣмъ, пожимая мнѣ руку, добавилъ:

— Любезнѣйшій Полторацкій, прошу тебя, когда не будешь имѣть «иного ангажемента», то всякій день обѣдать у меня. Приборъ твой поставленъ разъ навсегда.

Помѣстился я въ гостинницѣ Крылова на Почтовой улицѣ, наискось отъ княжескаго дворца, очень удобной и недорогой, и сталъ дѣлать визиты всей свитѣ князя. Сосѣдомъ у меня былъ полковникъ Кулебакинъ, такъ называемый «немирной», умный, милый, но страшно горячій человѣкъ, уже два раза дорого поплатившійся за невоздержный характеръ солдатскою шинелью. Онъ снова выслужилъ штабъ-офицерскіе эполеты, но нрава своего не перемѣнилъ, такъ же вспыльчивъ, горячъ и необузданъ. Пронзительный голосъ его раздавался часто на весь домъ. Съ другой стороны стоялъ генералъ Багговутъ, прославившійся въ польскую кампанію, гдѣ подъ Остроленкой лишился частицы черепа, оторванной осколкомъ гранаты. Онъ носилъ золотую накладку, перевязанную черезъ лобъ черной повязкой, былъ очень красивъ и любезенъ въ обществѣ. Возбновивъ старыя знакомства, я много пріобрѣлъ и новыхъ, но особенно былъ счастливъ, когда Дондуковъ представилъ меня блестящей звѣздѣ тифлисскаго beau-monde'а княгинѣ Аннетѣ Мухранской. Такихъ глазъ и улыбки я никогда уже потомъ не видѣлъ! Дочь царевича Ивана Грузинскаго, она съ дѣтства воспитывалась въ Парижѣ, а затѣмъ вышла за добраго малаго князя Мухранскаго, адъютанта князя Бебутова. Своими изящными манерами, живымъ умомъ и замѣчательною красотой княгиня успѣла плѣнить многихъ до сумасшествія. Одна изъ жертвъ несчастной къ ней любви, какой-то князь Голицынъ (гримасникъ, по прозванью) пустилъ себѣ пулю въ лобъ, но этотъ фактъ не отрезвилъ другихъ. И на покойнаго Мишу Глѣбова указываетъ хроника, какъ на одного изъ самыхъ страстныхъ обожателей дивной княгини. Изъ туземныхъ домовъ я чаще другихъ сталъ бывать у Мухранскихъ, въ другихъ же, куда являлся изъ приличія, игралъ глупѣйшую роль, не понимая языка и осужденный самъ не произносить ни слова. Русскихъ семействъ было мало, но одно изъ нихъ, и чисто русское, меня обворожило совершенно: это—семейство Гогеля, помощника генерала Коцебу. Глава семейства, генералъ-маіоръ Иванъ Ивановичъ, былъ самымъ милымъ, самымъ радушнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ дома, въ душѣ и на дѣлѣ кровно-русскимъ бариномъ. Марья Дмитріевна, жена его, рожденная Исакова, любезна, привѣтлива и добра. Узнавъ о ложномъ положеніи, въ которое я былъ поставленъ, и мужъ и жена обласкали меня, какъ только могли

Библиотека "Руниверс"

сердечные, родственные люди. Вся милая семья, кругомъ большаго самовара за вечернимъ чаемъ, невольно заставляла забывать, что живешь въ Азіи, а не на дорогой родинѣ, въ Россіи.

Старые знакомцы, Дондуковъ съ Васильчиковымъ и Сергѣй Кочубей, занимали втроемъ прекрасный домъ въ Салолакахъ. Жили они общимъ хозяйствомъ, держали прекраснаго повара, принимали гостей, кормили и поили ихъ отлично. Я обѣдалъ у нихъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ; рѣчь всегда веселая, живая; ее поддерживали постоянные посѣтители, Минквицъ и Кулебакинъ, а изрѣдка Шеміотъ.

Кромѣ этого кружка, я все чаще и чаще сталъ бывать въ клубѣ, гдѣ единогласно былъ выбранъ въ члены и потому имѣлъ возможность ежедневно тамъ обѣдать. Клубъ былъ любимымъ мѣстомъ сбора всей почти свиты намѣстника, здѣсь играли въ карты, на билліардѣ, а главное болтали, болтали свободно и весело.

Изрѣдка приходилось, всетаки, являться и къ столу князя Воронцова. Обѣдая у него какъ-то съ Кулебакинымъ, я замѣтилъ, что тотъ не далъ дворецкому смести въ концѣ обѣда крошки со стола, а быстро отобралъ хлѣбъ у сосѣдей и положилъ къ себѣ на тарелку.

— Что вы дѣлаете, милѣйшій Николай Петровичъ?—съ любопытнымъ удивленіемъ спросилъ его намѣстникъ.

— А я слышалъ,—черезъ весь столъ невозмутимо серьезно отвѣчалъ Кулебакинъ:— что ваше сіятельство изволили за Шеміотомъ утвердить поставку хлѣба въ Тифлисъ, а потому во избѣжаніе риска умереть съ голоду я дѣлаю запасы.

Князь разразился громкимъ смѣхомъ, конечно, подхваченнымъ всѣми гостями.

Въ Тифлисѣ я, повидимому, ничего не дѣлалъ, а между тѣмъ не хватало даже времени на посѣщеніе многихъ семействъ, куда такъ любезно приглашали. Вертишься среди безпутной молодежи и завертишься окончательно. Клубъ особенно отрывалъ много времени. Попадешь туда съ утра на четверть часа пробѣжать газеты, а смотришь — тамъ ужъ составилась партія на билліардѣ, послѣ обѣда вистъ, а послѣ и просто выпивка.

Однажды, послѣ скромнаго обѣда въ клубѣ, составился вистъ: Багговутъ, Кулебакинъ, Беръ и я. Беръ, вице-губернаторъ кутаисскій, больной и уже старый человѣкъ, страдалъ хроническимъ воспаленіемъ горла и, потерявъ совершенно голосъ, говорилъ только шепотомъ. По картамъ Багговутъ сѣлъ играть первый роберъ со мною противъ Кулебакина и Бера. Намъ пришла ломовая игра, и мы сдѣлали противникамъ большой шлемъ. Кулебакинъ ударилъ кулакомъ по столу съ такой силой, что всѣ мѣлки разлетѣлись на полъ, и сталъ зычнымъ голосомъ разносить своего партнера

Библиотека "Руниверс"

такъ горячо и громко, что изъ сосѣднихъ комнатъ сбѣжалась испуганная публика.

— Какое вы имѣли право, милостивый государь, ходить въ бубны?—неистово кричалъ онъ.

— Да я,—шепотомъ оправдывался Беръ,—въ бубны не ходилъ, потому что въ рукѣ не былъ.

— Не были въ рукѣ?—опять разразился Николай Петровичъ,—а трефы-то зачѣмъ разнесли? Кто виноватъ, что мы проиграли шлемъ, вы или я? Отвѣчайте же, милостивый государь!—завопилъ Кулебакинъ.

— Да у меня ни одной трефы не было: напрасно, Николай Петровичъ, вы меня обвиняете, — опять смиренно прошепталъ Беръ.

— Милостивый государь, я вамъ не позволю на себя кричать!— заоралъ громче прежняго немирной.

— Господа! — умоляющимъ голосомъ, но чуть слышно, обращаясь къ публикѣ, прошепталъ Беръ:—господа, ради самого Бога, будьте справедливы и рѣшите, кто на кого кричитъ.

Эта мольба кроткаго Бера была до того комична, что всѣ разразились хохотомъ, а самъ немирной Кулебакинъ опомнился и бросился цѣловать Бера.

Особенно хорошо провелъ я Вербное воскресенье за 15 верстъ отъ города, на почтовой станціи, въ шумной и веселой компаніи съ прелестнѣйшими женщинами.

На Святой замышлялся отвѣтный фестиваль, въ ожиданіи котораго, въ видѣ репетиціи вѣрно, послѣдніе дни выдавались особенно безпутными... Послѣ одного изъ такихъ кутежей явилась пролетка тройкой для прогулки, на ней верхами усѣлись: на коренномъ—Циммерманнъ, на двухъ пристяжныхъ—Васильчиковъ и я, за кучера сѣлъ Дондуковъ, а на барскомъ мѣстѣ очень ненадежно укрѣпился Минквицъ. Подъ дугой зазвенѣлъ валдайскій колокольчикъ, на уздечкахъ забрянчали армянскіе бубенцы, кучеръ щелкнулъ кнутомъ, пронзительно взвизгнулъ, и тройка понеслась мимо дворца по Головинскому проспекту. Еще было свѣтло. Не доѣзжая рѣки, встрѣтили зурну съ оркестромъ и, усадивъ ихъ на двухъ извозчичьихъ дрожкахъ, торжественно съ музыкой совершили обратный путь на Эриванскую площадь. Толпа зѣвакъ не давала возможности катить быстро, и мы, къ великому удовольствію публики, по армянскому базару подвигались шагомъ. На другой день князь главнокомандующій прелюбезно объявилъ Дондукову, что онъ изъ окна любовался нашимъ поѣздомъ, причемъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что кучеръ ловко умѣетъ «править». Двусмысленное ли это было предсказаніе, или злая иронія? На-

Библиотека "Руниверс"

шего старца не раскусишь, а всетаки великое ему спасибо, что онъ не поставилъ намъ въ счетъ нашего безпутства и среди него умѣлъ усмотрѣть лучшее нашей натуры.

Итакъ, уполномоченные: Васильчиковъ, Лорисъ и я, собрались въ Ботаническомъ саду, гдѣ совокупно и занялись приведеніемъ въ чистоту грота, площадки и ближайшихъ дорожекъ для праздника, а также составили смѣту и заказы по устройству иллюминаціи, буфета, декораціи, музыки и проч.

Въ самый день праздника, утромъ, въ восьмомъ часу, когда я еще крѣпко спалъ, влетаетъ въ комнату Дондуковъ, безцеремонно будитъ меня и объявляетъ свѣжую новость, что я сегодня черезъ два часа скачу на его лошади. «Какъ? что?»—съ просонья ничего не понимаю. Объясняется загадка тѣмъ, что на назначенной сегодня императорской скачкѣ, между прочимъ, будетъ состязаніе любителей, и на персидскомъ жеребцѣ Дондукова долженъ былъ выѣхать корнетъ князь Абашидзе, но онъ ночью заболѣлъ, а слѣдовательно вмѣсто него Дондуковъ проситъ, требуетъ, чтобы скакалъ я.

Всѣ доводы мои о томъ, что я лошади его не знаю, что къ скачкѣ не подготовился, а главное, то обстоятельство, что необходимо сейчасъ же отправляться въ Ботаническій садъ,—остались гласомъ вопіющаго въ пустыни, и злой геній мой стащилъ меня съ постели, заставилъ надѣть парадную форму и, не позволивъ проглотить стакана чаю, повлекъ меня къ себѣ на конюшню, а оттуда къ скаковому кругу. Зданіе, выстроенное на иподромѣ, уже переполнено массой любопытныхъ.

Пользуясь праздничнымъ днемъ и восхитительною весеннею погодой, все населеніе Тифлиса, въ экипажахъ, верхомъ и пѣшкомъ, спѣшитъ къ мѣсту зрѣлища. Ложи всѣ до одной переполнены бомондомъ, а галлереи гнутся подъ тяжестью народа всѣхъ сословій и націй. Шумъ, гамъ, толкотня и душу раздирающіе звуки зурны буквально оглушаютъ, а облака поднятой пыли затемняютъ зрѣніе.

Изъ скаковыхъ на кругу конюшенъ выводятся кони, предназначенные къ скачкѣ. Около нихъ снуютъ ихъ владѣльцы-туземцы, заботливо осматриваютъ, горячатся, неистово бранятся съ нукерами. Но вотъ подъ роскошными попонами являются лошади любителей. Впереди смиренно выступаетъ знаменитый «Мальчикъ», чистокровный англичанинъ, собственность князя Семена Михайловича Воронцова. За нимъ два конюха ведутъ гордо выступающаго, гнѣдаго жеребца Ираклія Грузинскаго, а поодаль слѣдуетъ темно-сѣрый гр. Симонича, вороной Давыдки Грузинскаго, свѣтло-бурый кн. Накашидзе и pour la clôture караковый князя Дондукова. Послѣдній красотой и ланцадами, полными огня и жизни, сразу

Библиотека "Руниверс"

завоевалъ сердца всего женскаго персонала. Всюду слышны ихъ восторженные возгласы и одобренія красавцу, будто сознающему, что всѣ хорошенькіе глазки прикованы къ нему; онъ лѣзетъ изъ кожи, рвется, встаетъ на дыбы, ржетъ и визжитъ, не слыша подъ собою земли, весь на воздухѣ, легкій, гибкій и замѣчательно-граціозный.

Темноголубая на немъ попона съ капоромъ на головѣ, вышитая шелками, отчасти скрываетъ красоту статей его, но и содѣйствуетъ щегольскому виду кровнаго уроженца Персіи. Княгиня Анна Ивановна Мухранская оживлена, вызываетъ сосѣдокъ на пари за Ахмета, жеребца Дондукова, но ни одна изъ нихъ не рѣшается принять вызовъ въ твердомъ убѣжденіи, что чудный Ахметъ несомнѣнно у всѣхъ вырветъ призъ, назначенный любителямъ: богатую, по пунцовому бархату, золотомъ вышитую, попону. Я не раздѣляю надеждъ барынь, такъ какъ «Мальчикъ» соперникъ опасный, а ѣздокъ его, баронъ Александръ Николаи, слишкомъ опытенъ и ловокъ.

Но вотъ вдали показались столбы пыли, несется блестящій конвой, а за нимъ въ открытомъ ландо, окруженномъ многочисленною свитой, князь-намѣстникъ съ супругой. Они занимаютъ среднюю ложу, почетные судьи—нижнюю, раздается давно ожидаемый звонокъ, за нимъ второй и третій. Толпа всадниковъ-туземцевъ на императорскій первый призъ, съ пронзительнымъ крикомъ ринулась съ мѣста отчаянно, быстро, гурьбой; затѣмъ на второй верстѣ растянулись въ нитку, и послѣ втораго круга къ судейскому столбу, голова въ голову, дошли всего двѣ лошади. Имъ назначена перескачка, а тѣмъ временемъ играетъ музыка, раздается зурна и восторженный гулъ народа. Еще пять различныхъ состязаній, но всѣ на императорскіе призы, тянутся невыносимо долго, меня бьетъ лихорадка нетерпѣнія, а вмѣстѣ и неизвѣстности, что творится теперь въ Ботаническомъ саду, куда прямо съ ипподрома поѣдутъ приглашенные. Наконецъ, всѣхъ насъ шестерыхъ спортсменовъ собираютъ въ судейскую ложу, гдѣ вынимаемъ по жребію номера, мнѣ достается 1-й, то-есть ближе къ веревкѣ. Вести кругъ—шансъ счастливый. Намѣстникъ приглашаетъ насъ къ себѣ въ ложу и торжественно благословляетъ, каждому желая прійдти первымъ. Княгиня даетъ ручку на счастье, и мы садимся на коней. «Бога ради—въ сотый уже разъ повторяетъ мнѣ Дондуковъ,—сразу не давай полнаго хода, побереги «Ахмета» къ концу»...—«Знаю, знаю»,—нетерпѣливо отвѣчаю я, оправляясь въ сѣдлѣ, на безумно-пляшущемъ жеребцѣ его. По второму звонку выстроились, стали ровнять насъ. Нѣтъ, не ладно. «Карабахъ» Накашидзе вынесся на 20 саженъ впередъ. «Назадъ, назадъ»,—раздается крикъ судьи. Опять ставятъ насъ въ рядъ, и опять на этотъ разъ уже Давыдка вы-

Библиотека "Руниверс"

летаетъ чортъ знаетъ куда. Судья приказываетъ снова вернуться и отъ праваго фланга подходить всѣмъ къ столбу шагомъ. Беру веревку, двигаюсь съ другими впередъ, но шагомъ заставить идти «Ахмета» нѣтъ возможности. Онъ траверсомъ, весь въ ланцадахъ, сбиваетъ съ мѣста Симонича, тотъ бранится, но раздается третій звонокъ, и мы несемся... Въ глазахъ рябитъ, сердце стучитъ сильно, но не ровно. Изъ силъ лѣзу я удержать «Ахмета», когда Ираклій сталъ обгонять его; но веревки онъ не уступилъ и все идетъ впереди легко и лихо. На оборотѣ перваго круга, когда вздумалъ Ираклій опять съ нимъ поровняться, онъ наддалъ и рѣзко отдѣлился впередъ. Въ этомъ порядкѣ прошли мы мимо судей. Не смотря на быстроту бѣшенаго аллюра, съ которымъ мы птицами пролетѣли мимо рукоплескавшей намъ публики, мнѣ показалось возможнымъ уловить одобрительный взглядъ чудной пары глазъ, и я съ полной вѣрой въ неминуемое торжество, не помня себя отъ благополучія, далъ поводъ «Ахмету». Но, увы! счастливая иллюзія оказалась скоротечной... «Мальчикъ», управляемый опытною рукою сѣдока своего, на половинѣ второго круга спокойно, безъ малѣйшихъ усилій, рѣзко обошелъ «Ахмета» и шутя на десятки шаговъ отдѣлился впередъ. Отчаянно понукалъ я борзаго «перса», но силы видимо уже измѣнили ему, и онъ не только не догонялъ барона Николаи, но и второе мѣсто долженъ былъ уступить Ираклію. Подскакивая къ столбу, Накашидзе тоже старался обогнать меня, но «Ахметъ» озлился и не понесъ этого послѣдняго пораженія, на полъ-головы прійдя впереди «Карабаха». Озлобленный и внѣ себя отъ огорченія, соскочилъ я съ коварнаго коня и не могъ утѣшиться даже тѣмъ, что двухъ изъ насъ: Симонича и Давыдку (Грузинскаго), постигла болѣе горькая участь—остаться за флагомъ...

Во избѣжаніе грозящихъ мнѣ нареканій отъ Дондукова, а пуще всего насмѣшливыхъ взглядовъ княгини Аннеты, я кинулъ поводья нукеру и, вскочивъ въ свои дрожки, поѣхалъ скорѣе къ себѣ переодѣваться, а затѣмъ помчался въ Ботаническій садъ, но на Армянскомъ базарѣ столкнулся съ поѣздомъ всѣхъ гостей и, примкнувъ къ нимъ, одновременно въѣхалъ въ ворота. Здѣсь, прислонясь къ стѣнѣ, въ видѣ тріумфальной встрѣчи, сталъ Васильчиковъ, блѣдный и нѣмой. Сладко улыбаясь всѣмъ и каждому, онъ молча указывалъ на дорогу вверхъ. Сомнѣнія не могло быть, что бѣдный, милый нашъ труженикъ пожертвовалъ собою для пробы ликеровъ и вина. Но у грота, на площадкѣ стоялъ Лорисъ, привѣтливо встрѣчавшій дорогихъ гостей. Успѣхъ былъ полный. Прекрасный обѣдъ былъ сервированъ въ гротѣ, освѣщенномъ нѣсколькими сотнями свѣчъ и украшенномъ массой цвѣтовъ и тропическихъ растеній, чтобы скрыть сѣрыя, неприглядныя

Библиотека "Руниверс"

стѣны. Оперная музыка на площадкѣ, два хора военной по уступамъ сада и четыре хора пѣсенниковъ по угламъ оживляли тишину безподобной ночи. Весь садъ, верхній и нижній, загорѣлся огнями, деревья—разноцвѣтными фонарями, аллеи—плошками, лужайки—щитами съ аллегорическими изображеніями, Когда послѣ обѣда общество пошло въ садъ, неожиданно на одномъ изъ уступовъ скалы, задрапированный пунцовой альмавивой, внезапно освѣщенный бенгальскими огнями, показался красавецъ Минквицъ и съ увлеченіемъ, мастерски пропѣлъ арію изъ «Лукреціи Борджіо». Экспромтъ вызвалъ шумныя одобренія. Праздникъ удался вполнѣ, было все, рѣшительно все, увы, было даже лишнее: были мужья...

VI.

Неожиданный подвигъ въ театрѣ.—Князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ; его остроты.—Исторія генерала Шиллинга.—Приготовленія къ отъѣзду намѣстника.— Князь Сергѣй Кочубей.— А. А. Хастатовъ. — Воздвиженское, встрѣча князя, смотръ и обѣдъ всему полку.— Костя Тришатный, исторія его отца и Павелъ Полторацкій.

Апрѣля 18-го, въ Ѳомино воскресенье, въ театрѣ былъ балъ-маскарадъ. Партеръ, сцены, заднія залы и фойе были переполнены замаскированною публикой, а ложи отъ бенуара до райка заняты зрителями. Общее вниманіе было привлечено торжественнымъ шествіемъ костюмированныхъ артистовъ труппы, представлявшихъ собою любопытное собраніе экземпляровъ царства животныхъ всѣхъ пяти частей свѣта. Кромѣ того, фигурировало много фантастическихъ костюмовъ, съ неизбѣжными, конечно, пьеро, арлекинами, коломбиной и проч. Шумный говоръ, смѣхъ и радостные взвизги маскированныхъ доказывали ихъ настроеніе и общую потребность веселиться отъ души. На возвышеніи, на мѣстѣ бывшей сцены, красовался роскошный буфетъ; въ средней, царской ложѣ сидѣли князь-намѣстникъ съ супругой и дежурный адъютантъ Минквицъ. Къ нимъ безпрерывно входили высшаго полета мужчины и дамы. Первые въ мундирахъ и фракахъ, а вторыя въ открытыхъ платьяхъ и брилліантахъ. Красота многихъ тифлисскихъ дамъ была ослѣпительна, но ихъ всѣхъ затмила княгиня Мухранская; въ тотъ вечеръ она сдѣлала насъ всѣхъ влюбленными въ себя безъ ума, безъ памяти. Въ часъ уѣхалъ главнокомандующій, и по примѣру его начали пустѣть и прочія ложи, но внизу движеніе не умаля-

Библиотека "Руниверс"

лось, и бѣснованіе стало шире, шумнѣе. Въ три часа стали очень рѣдѣть залы театра, а полчаса спустя въ нихъ осталась только очень тѣсная компанія изъ свиты и канцеляріи намѣстника. Молодежь, сильно возбужденная виномъ, предалась беззаботному веселью. Задержанная на общій счетъ музыка увлекла всѣхъ въ танцы; въ ту минуту, когда она, повидимому, стала утомляться, и уже близился часъ общаго разъѣзда, Кочубей и Васильчиковъ вышли на средину залы. Такъ какъ они славились у насъ, какъ замѣчательные танцоры, то публика окружила ихъ плотной стѣною. Когда я подбѣжалъ къ зрителямъ, всѣ переднія мѣста были уже заняты. Не зная, какъ лучше удовлетворить свое любопытство, я увидѣлъ около себя «Китайца» Свѣчина [1]), тщетно подымающагося на носки, чтобъ что нибудь увидѣть. «Знаешь что? — предложилъ онъ,— пойдемъ на верхъ, въ раекъ, оттуда видъ отличный». Я побѣжалъ за нимъ и очутился скоро на галлереѣ, на противоположномъ концѣ отъ Свѣчина. Танцоры вошли въ азартъ, особенно Кочубей, и стали выдѣлывать такія замысловатыя, а вмѣстѣ и трудныя колѣнца, что зрители разражались криками удивленія и неистовыми рукоплесканіями. Но вотъ они выбились окончательно изъ силъ и, тяжело переводя духъ, сразу прекратили свои неистовыя упражненія... Я взглянулъ въ сторону Свѣчина, но его ужъ нѣтъ; бросаю глаза по всѣмъ ярусамъ и ложамъ, ищу его и вдругъ вижу, но гдѣ? Въ партерѣ, въ лежачемъ положеніи, какъ разъ подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ наверху за нѣсколько минутъ онъ спокойно возсѣдалъ.

— Свѣчинъ!— крикнулъ я ему сверху: — какъ ты попалъ въ партеръ?

— Очень просто, соскочилъ!—вставая на ноги, отвѣтилъ «Китаецъ».

— Не можетъ быть?—съ сомнѣніемъ возразилъ я.

— Какъ не можетъ быть? Повторяю тебѣ, я соскочилъ, а тебѣ мальчишкѣ, конечно, не соскочить? Куда тебѣ!

Названіе мальчишки, громогласно мнѣ данное «Китайцемъ», меня покоробило, но мысль, что онъ сдѣлалъ то, чего не сумѣю сдѣлать я, меня оскорбила, а все, вмѣстѣ съ винными парами, очень шумѣвшими въ возбужденной головѣ, двинуло меня на рѣшительную мѣру.

— Если ты, китайскій мандаринъ, могъ спрыгнуть, то, конечно, спрыгну и я! — вскочивъ на балюстраду, злобно крикнулъ

---

[1]) Дмитрій Ивановичъ Свѣчинъ, генеральнаго штаба тогда капитанъ, способный и милый человѣкъ, наружностью и усами олицетворялъ монгольскій типъ и потому получилъ въ Тифлисѣ названіе «Китайца».

Библиотека "Руниверс"

я на всю залу, чѣмъ, конечно, привлекъ на себя вниманіе публики!

— Messieurs, messieurs, ne le regardez pas, autrement en verité il est capable de fair coup (господа, господа, не смотрите на него, иначе онъ въ самомъ дѣлѣ способенъ выкинуть эту штуку),—въ полголоса, но, всетаки, слишкомъ громко предупреждалъ окружающихъ Минквицъ. Къ несчастью я отчетливо услышалъ эти слова, еще болѣе меня подзадорившія, и я, подпрыгнувъ съ бархатной обивки балюстрады такъ, что едва головою не коснулся потолка, ринулся внизъ. Публика съ крикомъ ужаса разступилась, а я со всего маха, хотя и на ноги, но всею тяжестью упалъ среди партера такъ, что оба каблука отлетѣли, какъ пробки отъ шампанскаго. Но когда Минквицъ, Кочубей, Васильчиковъ бросились поднимать меня, я быстро самъ вскочилъ на ноги, дернулъ Васильчикова за руку и пустился съ нимъ еще откалывать мазурку...

Впечатлѣніе было сильное, всѣ переглядывались, шептали, не вѣрили глазамъ, чтобы безумный прыжокъ съ 12-ти-аршинной высоты могъ такъ легко сойти мнѣ. Дондуковъ по этому случаю опять потребовалъ вина; когда же мы вышли на подъѣздъ, и я поднялъ ногу, чтобы сѣсть въ дрожки, голова закружилась, я потерялъ сознаніе и затылкомъ упалъ на мостовую...

Странное тутъ произошло явленіе! Я не помню ничего, какъ и кто меня поднялъ, какъ привезли и внесли меня въ комнату, какъ положили меня на постель и какъ Свѣчина, главнаго виновника катастрофы, послали отыскивать доктора. Но затѣмъ, не открывая глазъ и не будучи въ силахъ сдѣлать малѣйшее движеніе, я все уяснялъ себѣ и отлично слышалъ, что творилось кругомъ меня. Послѣ очень краткаго смущенія присутствующихъ въ комнатѣ, а ихъ по голосамъ было много, ясно долетѣла до меня фраза Дондукова: «что же, господа, мы вѣдь ничѣмъ не виноваты!» и тутъ же слышалъ, какъ онъ отдавалъ приказаніе растерявшемуся моему Ивану Ильину. Слышалъ я, какъ маленькій генералъ Чаплицъ поставилъ за ширмами, около самой моей постели, стулъ, слышалъ даже, какъ, нагнувшись ко мнѣ, онъ тяжело дышалъ. Всѣ гости сначала говорили шепотомъ, въ полголоса, а потомъ не стѣсняясь стали говорить громко. Нѣкоторые отзывы ихъ о моемъ прыжкѣ были далеко не лестные, но тогда они мало меня огорчали. Прошелъ добрый часъ, дверь съ шумомъ отворилась, но вмѣсто доктора ввалился въ комнату свирѣпый Кулебакинъ, котораго я, конечно, узналъ по могучему голосу. Свидѣтелемъ театральной сцены онъ не былъ, но, вернувшись домой изъ какой-то таинственной экскурсіи, увидѣлъ въ моихъ окнахъ свѣтъ и «такъ удачно, какъ выразился онъ, попалъ въ пріятную компанію». А компаніи этой было у меня не мало! Опять по-

Библиотека "Руниверс"

слышались шаги, и на этотъ разъ явились Свѣчинъ, а за нимъ и общій другъ нашъ, тезка Дондукова, Александръ Михайловичъ Соколовъ.

Я слышу, какъ онъ подходитъ ко мнѣ за ширмы, щупаетъ пульсъ, дотрогивается очень свѣжею рукою до моего пылающаго лба, нагнувшись выслушиваетъ біеніе сердца.

— Ну, что? что? будетъ ли живъ? — раздается нетерпѣливый, полный участія голосъ Чаплица.

— Живъ-то, вѣроятно, будетъ, но, что хуже всего, съ ума сойдетъ. Сотрясеніе становаго хребта и мозга слишкомъ сильное,— отрѣзалъ Соколовъ и тутъ же, отойдя отъ постели, разразился на все еще бушующую публику.

— Господа, да вѣдь вы Бога не боитесь! Знаете ли, что онъ опасенъ, и ему нуженъ абсолютный покой. Убирайтесь всѣ по домамъ, уже шестой часъ! А ты, голубчикъ, — обратился онъ къ Ильину:—позаботься о горячей водѣ и сейчасъ же доставь мою записку фельдшеру.

Слышалъ я еще щелкъ ланцета на лѣвой рукѣ и замѣчаніе Соколова: «эхъ, кровь-то, какъ чернила!». Затѣмъ я впалъ въ забытье и уже не чувствовалъ, какъ поставили мнѣ, excusez du peu, по 40 банокъ къ ногамъ, проснулся, когда стало сильно пощипывать. Чаплицъ одинъ, не шевелясь, сидѣлъ около меня на стулѣ, а Дондуковъ примостился уснуть на диванѣ.

Пролежалъ я такъ болѣе мѣсяца. Много перебывало у меня добрыхъ знакомыхъ и, между прочими, князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, который очень сострилъ по моему адресу: «qu'il a fait le plus grand saut du monde». Пріема главнокомандующаго я въ душѣ побаивался, хотя Дондуковъ увѣрялъ, что все обойдется, но болѣе осторожные, какъ, напримѣръ, Минквицъ, совѣтовали выждать благопріятнаго случая, а зря не соваться.

Первый мой визитъ былъ къ Голицыну, этому чудаку первой степени. Застаю его дома и въ самомъ восторженномъ состояніи. Что причиной?

— Очень уже порадовалъ меня сегодня мой Прокофій, такъ порадовалъ, что я сейчасъ же ему далъ вольную.

— Какую же великую услугу оказалъ онъ вамъ, князь?

— Услуги никакой; но лучше—онъ сдѣлалъ каламбуръ, просто прелесть! Видите ли, — объясняетъ князь: — онъ у меня съ дѣтства, отъ природы честный малый, но горьчайшій пьяница и, что того хуже, глупъ какъ пробка, а со всѣмъ тѣмъ лѣзетъ въ разговоры. Разъ я обѣщалъ ему, что если онъ скажетъ умное, очень умное слово, то я его отпущу на волю. Понятно, я думалъ, что ничѣмъ не рисковалъ, но теперь горжусь имъ.

Библиотека "Руниверс"

— Да что же онъ сказалъ?

— Постойте, постойте, я объясню вамъ. Надо вамъ сказать, что по утрамъ я всегда пью кофе, сегодня же звоню, звоню, мнѣ не подаютъ его; наконецъ входитъ мой жакрисъ на шаткихъ ногахъ.

— Что скажешь, Прокофій?

— Готовъ-съ, ваше сіятельство! — отвѣчаетъ онъ, такъ сильно покачнувшись, что чуть не упалъ. А видите ли, пьянъ да уменъ... Вы знаете пословицу? Не подозрѣвалъ Прокофій, что спрошенный про кофе сдѣлалъ великій каламбуръ, доставившій ему свободу.

Вмѣстѣ со мной были у Голицына генералы Чаплицъ и Шиллингъ, оба любители поиграть въ табельку; изъ нихъ Шиллингъ, кромѣ своей жадности къ деньгамъ, извѣстенъ былъ еще страшной суетливостью. Въ 1847 году, осенью, государь императоръ былъ въ Варшавѣ и производилъ высочайшій смотръ войскамъ, въ царствѣ Польскомъ расположеннымъ. Въ назначенный день и часъ полки выстроиваются на плацу. Фельдмаршалъ уже объѣхалъ всѣ линіи войскъ и передъ фронтомъ ожидаетъ пріѣзда его величества. Въ это самое время командиръ гусарской бригады, генералъ Шиллингъ, по свойственной ему суетливости, вздумалъ снова провѣрять равненіе полковъ и, понапрасну тревожа людей въ строю, сталъ шумѣть и ломать фронтъ. Командиромъ одного изъ его полковъ былъ Мельниковъ, бывшій адъютантъ и любимецъ князя Паскевича, офицеръ во всѣхъ отношеніяхъ отличный и человѣкъ безукоризненный, но раздражительный и нервный. Безтолковая суетливость генерала Шиллинга давно уже стояла ему поперекъ горла, и теперь, когда въ десятый разъ онъ услышалъ пронзительный голосъ нѣмца: «третій впередъ, шестой назадъ, седьмой осади» и т. д., командиръ полка вышелъ изъ себя и что-то рѣзкое ляпнулъ бригадному, отвѣтившему ему крупной дерзостью. Мельниковъ вспылилъ и обнажилъ саблю, далъ шпоры лошади и подлетѣлъ къ Шиллингу, а тотъ, видя, что дѣло плохо, поворачиваетъ коня и тягу. Но Мельниковъ догоняетъ его и, фухтеляя генерала по спинѣ саблею, гонитъ его во весь карьеръ вдоль развернутаго фронта всей гусарской бригады. Фельдмаршалъ, личный свидѣтель преступнаго дѣйствія своего любимца, виновника общаго смятенія въ войскахъ, приказываетъ отобрать у Мельникова саблю, а его самого отправить за фронтъ. Въ эту минуту раздается крикъ: «государь императоръ!».

— Смирно и на караулъ! — командуетъ фельдмаршалъ князь Варшавскій и скачетъ съ рапортомъ встрѣчать его величество, причемъ докладываетъ государю о только что случившемся происшествіи. Николай Павловичъ, выслушавъ Паскевича, тутъ же приказываетъ военному министру, князю Чернышеву, отдать сейчасъ

Библиотека "Руниверс"

же высочайшее повелѣніе о разжалованіи полковника Мельникова въ рядовые, а самъ, нахмуривъ брови, направляется въ объѣздъ трехъ линій собранныхъ войскъ.

Линейное ученіе, а затѣмъ церемоніальный маршъ удаются превосходно. Государь въ восторгѣ отъ смотра, приглашаетъ князя Варшавскаго сѣсть съ нимъ въ коляску и ѣхать въ Лазенки.

— Ваше величество,— смѣло разсчитывая на безграничное къ себѣ благоволеніе Николая Павловича, возражаетъ фельдмаршалъ:— я не могу сѣсть, пока ваше величество не соизволите исполнить мою просьбу.

— Изволь, Иванъ Ѳедоровичъ, впередъ обѣщаю, садись и скажи, въ чемъ дѣло,—милостиво улыбаясь, отвѣчаетъ императоръ...

Въ тотъ же вечеръ состоялся высочайшій приказъ: за отлично-примѣрную службу, генералъ-фельдмаршаломъ и намѣстникомъ въ царствѣ Польскомъ засвидѣтельствованную, рядовой Мельниковъ производится въ полковники, а генералъ-маіоръ Шиллингъ отъ командованія бригадой отрѣшается съ зачисленіемъ по кавалеріи и въ распоряженіе главнокомандующаго кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ. Этотъ-то самый пострадавшій генералъ и служилъ потомъ мишенью для остроумныхъ выходокъ кн. В. С. Голицына, который на его страсти къ игрѣ и деньгамъ строилъ разные фарсы.

Однако, какъ ни откладывалъ я, а объясненія съ главнокомандующимъ не миновать. По вѣрнымъ свѣдѣніямъ, отъѣздъ намѣстника изъ Тифлиса назначался на 24-е мая; князь ѣхалъ въ Елизаветполь, Шемаху, затѣмъ Лезгинской линіей въ Дербентъ и Кубу, оттуда въ Дагестанъ, гдѣ, поручивъ князю Аргутинскому-Долгорукову осаду Гергебиля, самъ черезъ Кумыкскую плоскость долженъ былъ прибыть на лѣвый флангъ и у насъ въ Воздвиженскомъ провести большую часть лѣта. Итакъ, оставалась только недѣля, чтобы узнать что либо опредѣленное о моей судьбѣ. Какъ то вечеромъ заѣхалъ ко мнѣ Минквицъ предупредить, что на утро, по случаю праздника Вознесенія, князь будетъ слушать обѣдню въ Сіонскомъ соборѣ, и что повѣсткой отъ штаба приглашаются туда всѣ военно-служащіе, а «потому, прибавилъ онъ, воспользуйтесь, милый другъ, удобнымъ случаемъ представиться главнокомандующему». Совѣта добрѣйшаго Минквица я послушалъ и, не смотря на значительную толпу народа въ соборѣ, протолкался на столько впередъ и сталъ близко отъ князя, что его сіятельство меня еще во время обѣдни замѣтилъ и, какъ мнѣ показалось, улыбнулся. По окончаніи богослуженія, приложившись къ кресту, главнокомандующій направился къ выходу, но вдругъ остановился, оглянулся и, увидѣвъ меня, подозвалъ къ себѣ:

Библиотека "Руниверс"

— Что ты, Полторацкій, совсѣмъ уже поправился? — ласково, положивъ мнѣ руку на плечо, спросилъ князь Михаилъ Семеновичъ и на утвердительный отвѣтъ мой, съ самой добродушной улыбкой на тонкихъ губахъ, добавилъ въ полъ-голоса: — а скажи мнѣ, милый другъ, ты никогда не пробовалъ прыгнуть съ Ивана Великаго?

Я смутился на столько, что князь это замѣтилъ и поспѣшилъ сказать:

— Охъ, молодость, молодость... золотая молодость!—и, сѣвъ въ коляску, послалъ по моему направленію воздушный поцѣлуй.

По мнѣнію близко знающихъ характеръ князя Михаила Семеновича, онъ, не смотря на частую добродушную иронію, очень расположенъ ко мнѣ, о чемъ они заключаютъ изъ того, что изъ всей свиты своей онъ говоритъ «ты» изрѣдка Васильчикову и постоянно только мнѣ и Дондукову, ко всѣмъ же остальнымъ постоянно относится на «вы». Не знаю, можно ли было придавать этому значеніе, но лучше отнестись къ le plus grand saut du monde врядъ ли было возможно. Дондуковъ же особенно пріобрѣлъ его благоволеніе, когда въ 1847 году былъ посланъ имъ въ Дагестанъ, въ качествѣ военнаго чиновника особыхъ порученій, съ очень спѣшными распоряженіями о направленіи различныхъ частей войскъ въ разные пункты. Дондуковъ не засталъ ихъ уже на мѣстахъ и по собственному внушенію, но именемъ главнокомандующаго, направилъ ихъ по извѣстному ему плану князя Воронцова. Результаты этихъ смѣлыхъ мѣръ Дондукова оказались на столько удачными, что князь Михаилъ Семеновичъ, обнявъ его, выразилъ ему полную благодарность и предложилъ адъютантскую при себѣ вакансію. Когда черезъ нѣсколько дней принесли росписаніе свиты главнокомандующаго, я съ восхищеніемъ прочелъ передъ своей фамиліей собственоручную помѣтку его сіятельства: «оставить отдохнуть въ Тифлисѣ, а къ 10 іюня въ станицу Червленную». Такая же помѣтка стояла и передъ С. Васильчиковымъ; значитъ, мы вдвоемъ съ нимъ оставались еще хозяйничать въ Тифлисѣ.

На другой день проводили намѣстника и его свиту, и миръ водворился въ городѣ. Сами же мы уѣхали 10-го и въ Червленной соединились съ поѣздомъ главнокомандующаго. За обѣдомъ у него познакомился я съ эксцентричною личностью—авангардным кавказскимъ помѣщикомъ и оригинальнѣйшимъ существомъ Акимомъ Акимычемъ Хастатовымъ. Онъ былъ виднымъ дѣятелемъ въ

Библиотека "Руниверс"

извѣстномъ Абулатъ-юртскомъ пораженіи горцами Гребенскихъ казаковъ, подъ командою Суслова, и на извѣстной всѣмъ картинѣ, изображающей горсть нашихъ удальцевъ, отбивающихся отъ чеченцевъ изъ-за труповъ ими зарѣзанныхъ лошадей, Хастатовъ этотъ изображенъ плантаторомъ въ круглой шляпѣ съ тростью. О немъ ходитъ много любопытныхъ анекдотовъ, но мнѣ лично онъ не понравился своей излишней развязностью и самоувѣренностью. Какъ совершенную противоположность этому господину, я встрѣтилъ въ лицѣ другаго новаго знакомаго, барона Розена, человѣка образованнаго, благовоспитаннаго и во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно симпатичнаго. Служивъ прежде адъютантомъ у князя Горчакова въ Варшавѣ, онъ перешелъ на Кавказъ во время командованія войсками здѣшняго края его дядей, барономъ Розеномъ, а Гребенской полкъ онъ принялъ недавно отъ извѣстнаго А. А. Суслова. Часть свиты князя Воронцова оставлена была имъ въ распоряженіи командующаго войсками въ Дагестанѣ князя Моисея Захарьевича Аргутинскаго-Долгорукаго, на котораго онъ возложилъ нелегкую задачу во что бы ни стало взять съ боя Гергебиль, а самъ съ нами переправился черезъ Терекъ сначала въ Грозную, гдѣ его встрѣтилъ вмѣсто Фрейтага вновь назначенный генералъ-маіоръ Нестеровъ, а затѣмъ въ Воздвиженское. Я пока состоялъ въ свитѣ и въ очередь дежурилъ при князѣ.

На другой день состоялся общій парадъ Куринскому полку, то-есть мимо шефа весь полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ поротно. Главнокомандующій очень благодарилъ свой полкъ за доблестную службу и отличное состояніе по фронту. При этомъ не могу не замѣтить, что ни одному взводу не удалось пройти мимо его сіятельства въ ногу или даже въ тактъ подъ музыку. Братья куринцы, парады не для васъ, и вы ходите на штурмъ, подъ градомъ пуль, гораздо лучше ровняясь, чѣмъ на церемоніальномъ маршѣ предъ вашимъ шефомъ. Да проститъ вамъ это Богъ, какъ снисходительно прощаетъ вамъ князь Михаилъ Семеновичъ. А самъ-то баронъ Меллеръ-Закомельскій, какъ шелъ онъ передъ полкомъ? По маханью рукъ, его скорѣй можно было принять за вѣтряную мельницу, чѣмъ за бывшаго командира гвардейской роты.

Послѣ парада былъ торжественный обѣдъ, который намѣстникъ давалъ своему полку. Отъ господъ штабъ-офицеровъ до послѣдняго цирульника все легло въ лоскъ. Значитъ, угощенье было на славу.

Библиотека "Руниверс"

Утромъ я разбуженъ былъ появленіемъ своего двоюроднаго племянника, славнаго джигита, Павла Александровича Полторацкаго и вновь прибывшаго въ отрядъ со взводомъ линейной казачьей батареи, сотника Тришатнаго. Оба они расположились въ лагерѣ за Аргуномъ: первый у своего пріятеля Михако Эристова, а второй при своей части.

Константина Тришатнаго я хотя въ Пажескомъ корпусѣ не засталъ (онъ съ братомъ Львомъ вышелъ въ 1842 году за три мѣсяца до моего поступленія), но часто встрѣчалъ его въ Петербургѣ, очень ему симпатизировалъ и по обычаю между пажами, даже не сверстниками, былъ съ нимъ на «ты». Отецъ Тришатнаго, бывшій командиръ корпуса внутренней стражи и резервныхъ войскъ, заслуженный ветеранъ, старый генералъ-лейтенантъ, добрый и честный человѣкъ (по отзывамъ всѣхъ его знающихъ, особенно дяди Константина Марковича), подвергся тяжелой карѣ, по случаю страшной исторіи въ кавказской резервной дивизіи, находившейся подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Добрышина. Злоупотребленія этого превосходительства были дѣйствительно неслыханныя! Генералъ Полтининъ, командированный отъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса въ Таганрогъ, за пріемомъ въ наши полки рекрутъ, изъ кавказской резервной дивизіи, донесъ главнокомандующему о претензіяхъ, ему заявленныхъ нижними чинами на притѣсненія, жестокое обращеніе и звѣрскую эксплоатацію, до истощенья физическихъ силъ, ихъ начальникомъ дивизіи Добрышинымъ, заставлявшимъ солдатъ, конечно, съ корыстною цѣлью обработывать поля, на себѣ возить при уборкѣ хлѣбъ, словомъ, замѣнять собою рабочій скотъ, причемъ въ довершеніе онъ кормитъ ихъ скудно, не отпуская имъ и половины пайка, денегъ и обмундированія, получаемыхъ имъ отъ казны. Князь Воронцовъ, поручивъ тщательнымъ опросомъ всѣхъ нижнихъ чиновъ провѣрить справедливость всѣхъ донесеній генерала Полтинина, поспѣшилъ сообщить о томъ военному министру, князю Чернышеву, для доклада о преступныхъ дѣяніяхъ Добрышина государю императору. Его величество потребовалъ къ себѣ Тришатнаго и, лично объяснивъ ему всю важность донесенія главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ, изволилъ приказать ему отправиться въ городъ Таганрогъ для строжайшаго разслѣдованія вопіющихъ обвиненій на начальника дивизіи. Старикъ Тришатный немедленно поскакалъ туда, но ничего не открылъ. Добрышинъ, предупрежденный о грозившей ему опасности, принялъ всѣ возможныя и не-

Библиотека "Руниверс"

возможныя мѣры, чтобы добродушному начальству, какъ говорится, вставить очки. Всѣ подчиненные его офицеры и солдаты не показали инспектору ни единой претензіи, и Тришатный, не сумѣвъ принять иныхъ мѣръ для открытія истины, по довѣрчивости и дряхлости, всласть угощенный, успокоенный, но кругомъ обманутый и одураченный, явился обратно въ Петербургъ съ личнымъ докладомъ государю, что все обвиненіе, взведенное на неповиннаго генерала Добрышина, основано лишь на интригѣ и клеветѣ. Тогда по высочайшему повелѣнію князь Чернышевъ увѣдомилъ князя Воронцова о результатѣ произведеннаго изслѣдованія, съ жесткимъ при этомъ намекомъ на неосновательность сдѣланныхъ его сіятельствомъ сообщеній. Но здѣсь коса нашла на камень. Самолюбивый и твердо убѣжденный въ правотѣ своей, князь Михаилъ Семеновичъ, задѣтый за живое, сейчасъ же написалъ всеподданнѣйшее письмо прямо государю императору, въ которомъ до-нельзя щекотливый вопросъ о преступленіяхъ начальника дивизіи поставилъ, такъ сказать, ребромъ, требуя вторичнаго и наистрожайшаго слѣдствія, прося въ противномъ случаѣ увольненія отъ службы.

Высочайше назначенная слѣдственная коммиссія была снаряжена немедленно и, явившись на мѣсто на этотъ разъ совершенно неожиданно, какъ снѣгъ на голову, застала продѣлки Добрышина въ полномъ ходу. Открылись страшныя злоупотребленія, но и кара, постигшая виновныхъ, была не мягкая. За ложное донесеніе, сдѣланное его величеству о мнимомъ только наговорѣ, Тришатный лишенъ чиновъ, орденовъ и дворянскаго достоинства, записанъ въ рядовые, съ увольненіемъ отъ службы и конфискованіемъ всего имѣнія его въ пользу пострадавшихъ, а Добрышинъ разжалованъ въ рядовые, съ лишеніемъ правъ, безъ выслуги...

У старика Тришатнаго были ограниченныя средства и, только благодаря большому содержанію на службѣ, онъ могъ поддерживать существованіе многолюднаго семейства своего въ Петербургѣ, гдѣ двѣ дочери фрейлины при высочайшемъ дворѣ, а два старшихъ сына, Константинъ и Левъ, гвардейцы конной артиллеріи, конечно, требовали значительныхъ издержекъ. Продолжать сыновьямъ службу въ гвардіи, безъ матеріальной поддержки изъ дома, было немыслимо, да къ тому же они, какъ истые столбовые русскіе дворяне, уже успѣли изрядно запутаться долгами, и кредиторы стали немилосердно тѣснить ихъ. Положеніе стало безвыходное. Судили, рядили и наконецъ рѣшили между собою бросить жребій, кому изъ двухъ остаться въ гвардіи, а кому при-

Библиотека "Руниверс"

нять на себя всѣ долги и идти служить на Кавказъ. Этотъ злополучный жребій выпалъ на долю Константина, и въ то время, когда Левъ, собравъ наличныя крохи прежняго великолѣпія, совсѣмъ чистый отъ долговъ, продолжалъ носить блестящій мундиръ гвардейской конноартиллеріи,—бѣдняга Костя съ общими долгами на шеѣ, въ оборванной черкескѣ, байгушемъ тянетъ тяжелую лямку въ линейной казачьей артиллеріи, не получая даже и скуднаго, по чину сотника, казеннаго содержанія, всецѣло вычитаемаго съ него на удовлетвореніе кредиторовъ. Но счастливый характеръ данъ свыше Константину. Грустная обстановка настоящаго положенія нисколько, повидимому, не приводила его въ отчаяніе и не мѣшала его веселому настроенію. Даровитый отъ природы въ музыкальномъ отношеніи и обладая сильнымъ и звучнымъ голосомъ, Константинъ Тришатный былъ вѣчнымъ запѣвалой во всѣхъ сборныхъ офицерскихъ хорахъ, а какъ отличный собутыльникъ, оживленный и вдохновленный, безсмѣнной душей общества. Наружность его сама по себѣ располагала всѣхъ въ его пользу. Живые, умные глаза, при объемистомъ, длинномъ носѣ и юмористическомъ выраженіи честнаго лица, какъ-то невольно вызывали общее веселое настроеніе въ окружающихъ, а постоянно мягкій его нравъ пріобрѣли ему любовь и симпатію всѣхъ сослуживцевъ, начальниковъ и подчиненныхъ. Замѣчательно то, что никогда и никто не выражалъ передъ Тришатнымъ и тѣни того пренебреженія, которое, къ сожалѣнію, зачастую проявляется въ людяхъ относительно угнетенныхъ судьбою; напротивъ, всѣ перебивали другъ у друга удовольствіе принять, пріютить и угостить, хотя байгуша, но всеобщаго любимца Тришатнаго.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ племянникъ мой Павелъ Александровичъ Полторацкій.

Отецъ его, Александръ Ѳедоровичъ, старшій сынъ дяди моего Ѳедора Марковича, былъ женатъ на прелестнѣйшей женщинѣ, Надеждѣ Александровнѣ Исленьевой, которая молодой еще скончалась отъ чахотки. Для характеристики Александра Ѳедоровича довольно разсказать слѣдующій эпизодъ. Отецъ мой, очень любившій Надежду Александровну, узнавъ о ея отчаянномъ положеніи, поспѣшилъ поѣхать къ ней, захвативъ и меня, тогда 8-милѣтняго мальчика съ собою. Это было въ Твери. Войдя по парадной, ще-

Библиотека "Руниверс"

гольски убранной лѣстницѣ въ просторную и свѣтлую переднюю, отецъ мой спросилъ у лакея, дома ли Александръ Ѳедоровичъ, и по полученіи утвердительнаго отвѣта вошелъ въ первую комнату. Раскутавшись изъ теплаго платья, и я бѣгомъ бросился за нимъ, но нагналъ его уже въ залѣ, гдѣ отецъ мой, пораженный представившимся зрѣлищемъ, остановился, какъ вкопанный: посреди комнаты, на большомъ столѣ стоялъ гробъ, а кругомъ него лежали всѣ траурныя принадлежности, начиная съ богатаго покрова и кончая грудою свѣчъ.

— Все кончено, — крестясь, глухимъ голосомъ проговорилъ отецъ.—Но какъ же вчера никто не ожидалъ такой близкой развязки?

Оглянувшись кругомъ и не увидѣвъ никого, отецъ тихими шагами вошелъ въ гостинную. Она была пуста, кабинетъ также, но въ спальнѣ слышался шорохъ. Двери были не заперты, а только притворены. Отецъ толкнулъ ихъ, и глазамъ нашимъ представилась потрясающая картина! На постели, тяжело дыша, со льдомъ на головѣ, лежала съ открытыми глазами его любимица, бѣдная, симпатичная Надежда Александровна, а въ ея ногахъ двѣ малютки дочери на низенькихъ креслецахъ сами обшивали плерезами свои черныя платьица... Пораженный неожиданностью, отецъ мой совершенно растерялся, и хотя больная, обратившись къ нему, нѣжно стала благодарить его за участіе, онъ, поцѣловавъ ее, но даже не присѣвъ, поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Въ залѣ насъ встрѣтилъ Александръ Ѳедоровичъ. Отецъ порывисто схватилъ его за руку выше локтя и съ пѣной у рта, съ трудомъ сдерживая бѣшенство, сказалъ:

— М..., что это значитъ? — причемъ указалъ на гробъ и погребальныя принадлежности.

— Ахъ, дядюшка,—съ подлѣйшей улыбкой отвѣчалъ племянникъ,—вѣдь заблаговременно гораздо лучше можно все устроить, а то какъ скончается, то подлецы гробовщики сдерутъ втрое.

Могъ ли по совѣсти человѣкъ съ такимъ чувствами ожидать лучшаго возмездія, какое испыталъ онъ впослѣдствіи отъ дѣтей своихъ?

Оба его сына, Борисъ и Павелъ, были отчаянными кутилами и надѣлали массу долговъ; изъ нихъ Борисъ женился впослѣдствіи на богачкѣ Любѣ Рюминой въ Москвѣ и поправилъ свои дѣла, а Павелъ, истощивъ совсѣмъ терпѣніе и кошелекъ отца, подался наконецъ его совѣту уѣхать отъ долговъ куда нибудь подальше, хотя бы на Кавказъ, тѣмъ болѣе, что Александръ Ѳедоровичъ обѣщалъ снабдить его изрядным кушемъ на дорогу. Ударили по рукамъ. Павелъ ѣдетъ на Кавказъ, но съ тѣмъ, чтобы тамъ подать прошеніе о принятіи его вновь на службу. «Нѣтъ, постойте, Александръ Ѳедоровичъ!—вдругъ вскрикнулъ предусмотри-

Библиотека "Руниверс"

тельный сынокъ:—я-то дамъ слово уѣхать, а какъ вы меня надуете? Не лучше ли денежки на столъ?». Дѣлать нечего, взаимнаго довѣрія мало, пришлось отцу сейчасъ же раскошелиться.

На утро непріятность! За Павломъ изъ канцеляріи губернатора прислали приглашеніе явиться. Онъ спѣшитъ къ губернатору. Бакунинъ принимаетъ Павла очень вѣжливо и съ участіемъ сообщаетъ ему, что одинъ изъ кредиторовъ какъ-то пронюхалъ о временномъ пребываніи его въ Твери и подалъ ко взысканію съ него 8 тысячъ рублей ассигнаціями, «до уплаты которыхъ,—очень любезно добавилъ начальникъ губерніи,—я не вправѣ васъ выпустить изъ города». Александръ Ѳедоровичъ при этомъ извѣстіи схватилъ себя за голову, быстро пошагалъ по амфиладѣ комнатъ и, взвѣсивъ «за» и «противъ», скрѣпя сердце, вынесъ изъ кабинета 8 тысячъ, которыя немедленно и были отправлены въ канцелярію губернатора. Прошло нѣсколько часовъ полнаго затишья, и снова записка съ приглашеніемъ Павла къ Бакунину. Тотъ же пріемъ, та же причина вызова, но на этотъ разъ требованіе по взысканію крупнѣе, въ 12 тысячъ... Съ Александромъ Ѳедоровичемъ чуть не приключился ударъ. Онъ заперся въ свой кабинетъ, долго боролся, охалъ и стоналъ, и только послѣ трехчасоваго раздумья о грозящемъ ужасѣ и обманутыхъ надеждахъ избавиться отъ сына, вынесъ опять злополучныя 12 тысячъ, торопя при этомъ дѣтей (Борисъ тоже гостилъ у него) уѣзжать скорѣе. На слѣдующій день раненько распорядился хозяинъ о приводѣ почтовыхъ лошадей. Все уложено, все собрано, даже слеза огорченія блеститъ уже на глазахъ нѣжнаго родителя... И сто тысячъ чертей! Посланный на почтовую станцію приноситъ убійственное извѣстіе, что, по приказанію губернатора, почтовыхъ лошадей не даютъ.

— Что это значитъ?—вскрикиваетъ пораженный ужасомъ Александръ Ѳедоровичъ и торопитъ скорѣе Павла съѣздить на объясненіе къ Бакунину. Тотъ и на этотъ разъ принимаетъ изысканно любезно и выражаетъ глубокое сожалѣніе о невозможности отмѣнить приказаніе, такъ какъ ночью поступило новое взысканіе въ 20.000 рублей.

Что сдѣлалось съ Александромъ Ѳедоровичемъ? Блѣдный, какъ смерть, съ искаженными и внезапно осунувшимися чертами лица, несчастный отецъ судорожно сжималъ кулаки... Но вдругъ Александръ Ѳедоровичъ встряхнулъ головою, вскочилъ съ кресла и, моментально вступивъ въ обычную колею, спокойнымъ и даже торжественнымъ голосомъ потребовалъ управляющаго (а вмѣстѣ и капельмейстера) Василья Михайлова. «Прикажи, почтеннѣйшій,— очень сладко обратился онъ къ вошедшему, — приготовиться оркестру и сейчасъ же нанять двѣ большія лодки!», а затѣмъ находчивый хозяинъ, не теряя минуты, сдѣлалъ распоряженіе: на своей парѣ вывезти черезъ вокзалъ дорожную карету сыновей

Библиотека "Руниверс"

помимо заставы на шоссе и доставить ее на станцію Городню, а сейчасъ же нести на набережную ковры и подушки. Часъ спустя, прекраснымъ майскимъ днемъ спустились по рѣкѣ двѣ лодки: въ первой сидѣли Александръ Ѳедоровичъ со всѣми членами дорогой семьи, а въ другой—собственный его оркестръ, стройно услаждавшій слухъ гуляющей публики.

Губернаторъ Бакунинъ былъ извѣщенъ о случившемся въ то время, когда милые туристы, высадившись въ Городнѣ, спокойно катили уже по Московскому тракту, а родитель ихъ побѣдоносно возвращался вверхъ по рѣкѣ, хотя и съ музыкой, но съ разбитымъ сердцемъ о раньше уплоченныхъ 20 тысячахъ.

Какъ быстролетная пташка, промелькнулъ черезъ Москву Пашенька по направленію на югъ, сюда на Кавказъ. Въ Екатеринодарѣ подружился съ казакомъ Михако Эристовымъ, братомъ прекрасной Елены, къ ногамъ которой не стѣснялся нести дань восторженнаго поклоненія самъ князь Михаилъ Семеновичъ. Когда Пашенька представился его сіятельству съ челобитной о принятіи его на службу, князь спросилъ, не родственникъ ли онъ Полторацкому, имени его полка. Павелъ съ радостью ухватился за меня и отвѣчалъ князю, что мы ближайшіе родственники. Какъ бы то ни было, но намѣстникъ милостиво предложилъ Павлу Александровичу для совмѣстнаго со мною служенія опредѣлить его въ нашъ полкъ (что дѣлалось княземъ далеко не для всѣхъ). Итакъ. я теперь на Кавказѣ не былъ одинъ. Пока же онъ былъ добровольно прикомандированъ къ казачьей сотнѣ. Онъ быстро свыкся съ обычаями и вкусами безшабашнаго линейнаго казачества и костюмомъ, ухватками и рѣчами мало чѣмъ отличался отъ мѣстныхъ джигитовъ.

VII.

Пріѣздъ барона Николаи изъ Гергебиля.—Докторъ Андріевскій.—Отъѣздъ главнокомандующаго.—Новый начальникъ лѣваго фланга, генералъ Нестеровъ.—Воспоминанія о Фрейтагѣ.—Высочайшіе приказы.—Предпочтеніе, оказанное барону Меллеру.—Смерть Гречневскаго и принятіе 7-й роты.—Производство Меллера въ генералы.

Іюля 14-го (1846 г.) я былъ дежурнымъ при князѣ-намѣстникѣ. Послѣ завтрака, когда всѣ разошлись, князь Михаилъ Семеновичъ, въ неизмѣнной синей фуфайкѣ, занимался одинъ въ кабинетѣ, а я изъ залы глазѣлъ въ окна. Вдругъ вижу ѣдущую по площади повозку и въ ней барона Льва Николаи. Зная, что онъ былъ въ дагестанскомъ отрядѣ при князѣ Аргутинскомъ, я смекнулъ, что онъ ѣдетъ къ главнокомандующему курьеромъ, а потому, не давъ

Библиотека "Руниверс"

ему времени подъѣхать къ дому, я бросился въ кабинетъ его сіятельства и доложилъ о прибытіи Николаи. Старикъ стремглавъ выскочилъ на встрѣчу уже входящему черезъ садъ курьеру и принялъ отъ него радостное поздравленіе съ паденіемъ Гергебиля, обнялъ его и повлекъ за собою въ кабинетъ. Прошло нѣсколько минутъ, дверь оттуда отворилась, и князь съ веселымъ лицемъ показался на порогѣ.

— Прикажи, милый другъ, поскорѣе попросить ко мнѣ начальника штаба и распорядись, чтобы барону сейчасъ же подали кушать,—а когда я бросился къ выходной двери, онъ остановилъ меня и, крѣпко обнявъ, добавилъ: — а я второпяхъ и не поцѣловалъ тебя, вѣдь ты, мой милый, первый сообщилъ мнѣ радостную вѣсть.

Итакъ, послѣ двухъ-лѣтней борьбы, наконецъ-то, палъ недоступный Гергебиль. Вѣстникъ этого счастливаго событія, баронъ Николаи, черезъ часъ послѣ своего пріѣзда, уже катилъ въ Грозную, а оттуда на курьерскихъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о побѣдѣ государю императору.

Послѣ 1-го августа назначенъ отъѣздъ главнокомандующаго, который уѣзжалъ на воды, а оттуда въ Крымъ. Я и Васильчиковъ оставались въ распоряженіи генерала Нестерова, но провожали князя изъ Воздвиженскаго и присутствовали при закладкѣ 4-го августа новой крѣпости Урусъ-Мартанъ, которая должна была служить звеномъ новой передовой линіи черезъ Ачхой и Нарзанъ съ Владикавказомъ. Вечеромъ, по случаю свободнаго времени, мы составили вистъ въ палаткѣ Семена Михайловича Воронцова: князь, баронъ Николаи (братъ), докторъ Андріевскій и я. Эрастъ Степановичъ Андріевскій былъ въ отличномъ расположеніи духа и во время игры, безъ умолку, распѣвалъ любимую свою пѣсню: «Auf der Brücke, Brücke, Brücke, auf Калиничьемъ мосту» и т. д. Зычный голосъ его раздавался далеко, до ставки главнокомандующаго, гулявшаго въ то время съ Завадовскимъ взадъ и впередъ, около своей палатки. Вдругъ Андріевскій смолкъ, сталъ прислушиваться и, узнавъ голосъ корпуснаго доктора Хотинскаго, громко пропекавшаго одного изъ полковыхъ медиковъ, порывисто кинулъ карты и, какъ свирѣпый звѣрь, бросился на шумъ. Удивленные внезапнымъ перерывомъ нашей игры, отъ его рѣзкаго исчезновенія, мы тоже вышли за нимъ изъ палатки и издали сдѣлались свидѣтелями оригинальнаго боя пѣтуховъ, Андріевскаго съ Хотинскимъ. Начала пререканій между ними мы не слыхали, хотя они, не стѣсняясь окружающею ихъ толпою, кричали другъ на друга во всю глотку, но мы застали финальное объясненіе, когда Эрастъ Степановичъ на передней линейкѣ во всеуслышаніе, въ припадкѣ сильнѣйшаго азарта, съ пѣной у рта проревѣлъ:

— Такихъ, какъ вы, я уже много, ваше превосходительство,

Библиотека "Руниверс"

въ борщу съѣлъ! Смотрите-жъ! — и затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ повлекъ насъ обратно въ палатку доигрывать робберъ...

Сильный былъ на Кавказѣ человѣкъ — Эрастъ Степановичъ. Домашній врачъ и другъ дома князя Михаила Семеновича Воронцова, еще съ Одессы, онъ здѣсь на столько пріобрѣлъ вліянія на князя намѣстника и вообще на администрацію края, что многимъ сталъ поперекъ горла. Очень умный, ловкій и даровитый отъ природы, при высокомъ образованіи и пріобрѣтенныхъ большихъ познаніяхъ, онъ, однако, отличался рѣзкимъ, даже дерзкимъ тономъ, который позволялъ себѣ, расчитывая на свою силу при дворѣ тифлисскомъ. Страсть его вмѣшиваться во всѣ дѣла вызвала забавную сцену съ самимъ княземъ, который своими ушами долженъ былъ выслушать отъ одного грузина отголосокъ общаго въ краѣ мнѣнія о докторѣ. Передъ часомъ обѣда своего князь Воронцовъ вышелъ прогуляться по Головинскому проспекту. Подходя къ Эриванской площади, онъ увидѣлъ впереди на тротуарѣ оборваннаго въ лохмотьяхъ бичо, при приближеніи князя опустившагося на колѣни и высоко поднявшаго надъ головою бумагу.

— Что такое? Прошеніе?— спросилъ намѣстникъ.

— Да, да, вашъ сіятельство, прòшеніе!— суя ему въ руки бумагу, подтвердилъ бичо.

— Встань, любезный, и объясни, въ чемъ дѣло,— сказалъ князь, бросивъ взглядъ на исписанный грузинскими гіероглифами листъ большаго формата, изрядно загрязненный.

Бичо вскочилъ на ноги, принялъ трагическую позу и при скопившейся кругомъ толпѣ любопытнаго народа, не переводя духа, продекламировалъ заученную имъ рѣчь:

— Вашу сіятельству! Съ тѣхъ поръ, какъ ваша ногу вступила на благословенную Грузію, всѣ несчастья обрушились на страну: холерва, депо [1]), сáранча и докторъ Андріевскій!...

— Любезный, — прервалъ просителя намѣстникъ, — приходи завтра во дворецъ, я прикажу разобрать твое дѣло.

И дѣйствительно, судя по вступленію, подробный разборъ жалобы угнетеннаго сына Грузіи былъ удобнѣе при закрытыхъ дверяхъ, чѣмъ на Эриванской площади.

6-го числа рано утромъ провожали главнокомандующаго три баталіона куринцевъ и вся кавалерія до рѣки Валерика, гдѣ колонна изъ Навагинскихъ и Тенгинскихъ баталіоновъ ожидала для дальнѣйшаго конвоированія князя; мы же вернулись въ нашъ лагерь на Урусъ-Мартанѣ. Много разговоровъ было о новомъ на-

[1]) Депо русскихъ издѣлій, открытое въ Тифлисѣ, по распоряженію князя намѣстника, конкуренціей своею очень подорвавшее торговлю грузинъ мѣстными произведеніями.

Библиотека "Руниверс"

чальникѣ отряда и дивизіи нашей, симпатичномъ, рѣдкой доброты, гостепріимномъ, красивомъ и статномъ генералѣ Нестеровѣ.

Назначенный къ намъ начальникомъ лѣваго фланга, вмѣсто Роберта Карловича Фрейтага, изъ Владикавказскаго округа, гдѣ онъ пріобрѣлъ общую любовь и уваженіе, онъ на время уѣхалъ теперь опять въ Владикавказъ за своимъ семействомъ, поручивъ командованіе дивизіей нашему барону Меллеру.

Но какъ жестоко несправедливо поступили съ Фрейтагомъ! Кто на Кавказѣ не признавалъ его выдающихся способностей, какъ военноначальника и честнаго человѣка? Кто не зналъ всѣхъ заслугъ его въ 1845 и 1846 годахъ? Кто изъ участниковъ злополучной Даргинской экспедиціи съ благоговѣніемъ не вспоминалъ о появленіи общаго спасителя генерала Фрейтага въ Герзель-аулѣ, гдѣ гибель всего отряда висѣла на ниткѣ. Кто, наконецъ, въ 1846 году безпримѣрною энергіей отстоялъ отъ погрома Шамиля Большую Кабарду? И вотъ всѣ эти выдающіяся заслуги, снискавшія громкую славу Фрейтагу, были преданы забвенію. Нѣтъ, впрочемъ, не забыты онѣ, а лучше сказать онѣ припомнились ему...

Когда въ 1845 году отрядъ нашъ, въ котловинѣ Шамхалъ-берды, со всѣхъ высотъ окруженный многочисленными полчищами горцевъ, погибалъ отъ ихъ оружія, а еще болѣе отъ болѣзней и всякаго истощенія силъ, безъ куска хлѣба и сухарей,—главнокомандующій посылалъ черезъ нарочныхъ мирныхъ горцевъ записки Фрейтагу объ отчаянномъ положеніи отряда, приказывая, умоляя его, идти къ нему скорѣй на выручку. Изъ девяти посланцевъ графа Воронцова не дошли по назначенію, а погибли отъ кинжаловъ тавлинцевъ и лезгинъ, восьмеро, и только девятому, Алдѣ, посчастливилось ночью проползти между освирѣпѣвшими и зорко за нами слѣдившими врагами. Непріятель въ громадныхъ силахъ окружалъ жалкіе остатки 24-хъ баталіоновъ, понесшихъ значительныя потери при наступленіи черезъ Андійскія ворота на Дарго, на половину истребленныхъ въ злополучной Сухарной экспедиціи и окончательно испытавшихъ полное пораженіе при отступленіи на Герзель-аулъ. Уже двѣнадцать дней въ котлахъ не варилась пища, уже семь дней во всемъ отрядѣ нѣтъ куска сухаря... Люди ѣдятъ недозрѣлую кукурузу и мясо павшихъ лошадей. Раненыхъ были тысячи, а больныхъ и разслабленныхъ прибывало не по днямъ, а по часамъ. Походные лазареты переполнены умирающими отъ голода и жажды, когда послѣдовалъ приказъ, при предположенномъ движеніи впередъ, жечь всѣ палатки, а больныхъ-безнадежныхъ бросить. Отчаянная мѣра эта не выполнена лишь потому, что двигаться впередъ оказалось невозможнымъ даже и для мнимо-здоровыхъ. Истощеніе физическихъ силъ не уступало нравственному упадку всего отряда. Отъ генерала до послѣдняго фурштата, всѣ въ ту незабвенную эпоху уже обрекли себя на вѣрную смерть если не отъ ядеръ и пуль вражьихъ, то отъ голода.

Библиотека "Руниверс"

Озлобленные появленіемъ врага въ трущобахъ, какъ имъ казалось, недоступнаго убѣжища имама, теперь разореннаго Дарго, горцы считали остатки нашего отряда совершенно пропавшими, а потому безъ усиленной энергіи, даже совершенно пассивно, вели военныя дѣйствія и черезъ часъ по ложкѣ бросали снаряды изъ орудій своихъ въ нашу котловину, но снаряды эти, кромѣ задѣтыхъ жертвъ, уже не производили никакой сенсаціи... Апатія была общая, безграничная. Всякій считалъ минуты до роковой развязки неминуемой драмы... Но въ деморализованномъ до-нельзя отрядѣ этомъ былъ еще человѣкъ и, вѣроятно, единственный, не потерявшій присутствія духа и надежды: это былъ самъ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Лишившись послѣдней булки, похищенной изъ его походнаго буфета старшимъ унтеръ-офицеромъ почетнаго караула, Алпидоновымъ, онъ уже третій день былъ почти безъ всякой пищи, но, полный нравственной силы и несокрушимаго мужества, съ неизмѣнною на устахъ улыбкой, два-три раза въ день объѣзжалъ ряды унылыхъ войскъ. Спокойная, но убѣдительная рѣчь графа умѣла вселить безотчетное, какъ казалось, ни на чемъ не основанное вѣрованіе въ возможность спасенія, и ободренные солдаты, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ читавшіе себѣ отходныя, сразу оживали, вѣрили, надѣялись и, бросая вверхъ папахи, громко оглашали воздухъ восторженными криками «ура!». И дѣйствительно, въ то время, какъ положеніе отряда достигло высшаго предѣла истязаній, мирный лезгинъ Алда вручалъ лаконическое посланіе графа Воронцова генералу Фрейтагу. Робертъ Карловичъ въ ту же минуту, схвативъ съ собою всѣ войска изъ Грозной, Воздвиженскаго, Ушаханъ-юрта и Куринскаго, а также изъ всѣхъ по пути укрѣпленій, оставивъ для защиты ихъ стѣнъ стариковъ, неспособныхъ и вооруженныхъ женщинъ, стремглавъ, безъ отдыха, бросился къ Герзель-аулу спасать остатки побѣдоносно завоевавшаго Дарго отряда. Издали, еще наканунѣ появленія своего въ виду погибающихъ, онъ пушечными выстрѣлами извѣстилъ о своемъ приближеніи и тѣмъ воскресилъ присужденныхъ къ смерти. Все ожило, ободрилось и безъ оглядки, безпорядочною толпою, бросилось на встрѣчу избавителей. Непріятель, изумленный неожиданнымъ появленіемъ свѣжихъ силъ, съ остервенѣніемъ бросился на разстроенную горсть обезсиленныхъ и раненыхъ и жестоко сталъ рубить оплошныхъ. Но со всѣмъ тѣмъ выручка свершила свое великое дѣло. Уцѣлѣвшіе отъ послѣдняго погрома были спасены и восторженно приняты въ объятія своихъ спасителей. Благословеній Фрейтагу не было конца.

Но прошло два года, и святыя чувства благодарности смѣнились иными, болѣе мелкими. Внутреннее убѣжденіе, тяжелое сознаніе, что славой въ спасеніи обреченнаго на гибель отряда пришлось подѣлиться съ другимъ, породило чувство недоброжелательства,

Библиотека "Руниверс"

даже ненависти. Усвоенное кавказскими солдатами названіе отряду Фрейтага «выручки», а ему самому «спасителя» глубоко оскорбляло вновь пожалованнаго князя и довело его до постыднаго малодушія. Весною 1848 года, по настойчивому ходатайству князя Воронцова, доблестный генералъ Фрейтагъ высочайшимъ приказомъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ въ армію князя Паскевича, а наша кавказская навсегда лишилась одного изъ лучшихъ и честнѣйшихъ ея дѣятелей... Фактъ возмутительный, особенно въ глазахъ старыхъ кавказцевъ. Ему-то эти безпристрастные служаки всецѣло приписываютъ предложенный планъ покоренія Кавказа не эфектными нашествіями на резиденціи Шамиля, какъ были въ Ахульго и послѣднее въ Дарго, стоившія милліоны рублей и многихъ тысячъ жизней, безъ всякой существенной пользы и результатовъ, а систематическое истребленіе лѣсовъ и шагъ за шагомъ твердое движеніе впередъ, въ самую глубь непріятельской страны. О Фрейтагѣ пѣли солдаты: «Опять насъ Фрейтагъ поведетъ искать побѣды, славу!», или далѣе: «Гдѣ Фрейтагъ нашъ, тамъ страха нѣтъ, и неизбѣжна слава», и, наконецъ, въ пѣснѣ о походѣ въ Кабарду: «А Фрейтагъ удалой, хоть вспотѣлъ... да поспѣлъ!».

Почта въ лагерѣ ожидалась всегда съ особеннымъ интересомъ; скоро получились высочайшіе приказы: баронъ Левъ Николаи назначенъ былъ флигель-адъютантомъ, князь Васильчиковъ произведенъ въ ротмистры, а Дондуковъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ гвардію; князь Барятинскій произведенъ въ генералъ-маіоры, конечно, свиты. Это производство должно было разлить желчь Меллера. Онъ на полтора года старше Барятинскаго въ чинѣ полковника и рисковалъ попасть къ нему, баловню судьбы, подъ начальство.

Для меня, однако, та же неопредѣленность. 12-го ноября предполагался роспускъ отряда по домамъ, а я еще не зналъ, куда мнѣ дѣваться, оставаться ли въ Воздвиженскомъ, или ѣхать въ Тифлисъ. Не долго длилось мое недоумѣніе. Рано утромъ Меллеръ прислалъ за мною ординарца.

— Ну-съ, mon cher ami, что вы намѣрены съ собою дѣлать?— встрѣтилъ меня вопросомъ баронъ.—Послѣзавтра мы всѣ въ Воздвиженское, а вы куда?

— Право, Петръ Петровичъ, я и самъ не знаю,—отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, Полторацкій, послушайте моего совѣта и возвратитесь въ полкъ, въ строй. Толкаться изъ угла въ уголъ молодому и хорошему (подчеркнулъ Меллеръ) офицеру право не хорошо. Изъ корпуснаго штаба главнокомандующаго о васъ ни письменно, ни словесно, не сдѣлано никакого распоряженія, а потому ѣхать вамъ опять въ Тифлисъ не представляется непремѣнною необходимостью. Къ тому же, я знаю, вы тамъ порядочно растрясли деньженки и запутались долгами, а въ этомъ, согласитесь,

Библиотека "Руниверс"

mon cher, хорошаго мало. Оставайтесь-ка лучше въ полку, гдѣ и дешевле, да и выгоднѣе вамъ будетъ по службѣ.

Я молчалъ, не зная, на что рѣшиться.

— Ей, ей, — продолжалъ полковникъ, — лучше подождите въ полку формальнаго назначенія адъютантомъ къ главнокомандующему. Тогда съ Богомъ, а пока принимайте роту.

— Какъ? какую роту?—въ недоумѣніи спросилъ я.

— 7-ю егерскую! По донесенію, полученному сегодня ночью, Греченевскій вчера въ Ханъ-Калахъ смертельно раненъ, а потому-то я послалъ за вами, чтобы рѣшить вопросъ о назначеніи новаго командира роты. Хотите, или нѣтъ, рѣшайтесь, mon cher?

— Хочу, хочу, Петръ Петровичъ, и именно 7-я рота мнѣ особенно по сердцу! — отвѣтилъ я барону, тутъ же пославшему за полковымъ адъютантовъ, чтобы отдать приказъ о моемъ назначеніи.

Но бѣдный Греченевскій! Въ Воздвиженскомъ я узналъ подробности. 9-го ноября, три роты, въ томъ числѣ и 7-я, провожали обратную оказію изъ Грозной въ Воздвиженское. Пройдя Ермоловскій курганъ, не вдалекѣ отъ Черной рѣчки, колоннѣ былъ данъ привалъ. На лѣвой Ханъ-Кальской горѣ показались два непріятельскихъ всадника. Они громкими возгласами ругани на ломанномъ русскомъ языкѣ всячески старались привлечь на себя вниманіе нашихъ въ ущельѣ расположенныхъ войскъ, но, видя безуспѣшность задиранья на словахъ, дали по нимъ два выстрѣла. Пули просвистѣли гдѣ-то высоко и на излетѣ шлепнулись около лежащаго на травѣ Греченевскаго.

— Эхъ, подлецы, задамъ же вамъ, но не отсюда, а поближе!— вскакивая на своего караго кабардинца, вскрикнулъ Греченевскій и вихремъ пустился къ кустамъ. У самой подошвы горы, осадивъ коня, онъ изъ чехла ловко выхватилъ винтовку, вскинулъ и уже прицѣлился, когда совершенно неожиданно вражья пуля ударила его въ грудь. Греченевскій попался въ ловушку! Онъ не ожидалъ, что одинъ пѣшій, скрывшись за кустомъ, поджидалъ свою жертву и мѣтко всадилъ ему пулю подъ самое сердце. Послѣ двухъ сутокъ страданій, Греченевскій въ полномъ сознаніи отдалъ Богу душу. Первую службу и самую грустную исполнилъ я при выносѣ и погребеніи праха этого рыцаря безъ страха и упрека и безпримѣрно-скромнаго Александра Григорьевича Греченевскаго.

Однообразная жизнь наша нарушилась радостью за нашего полковаго командира. 15-го декабря баталіонъ нашъ назначенъ былъ въ лѣсъ за строевымъ матеріаломъ. Рано утромъ до выступленія Ѳома Васильевичъ Костырко явился за приказаніемъ къ барону Меллеру.

— Господинъ полковникъ, честь имѣю.

— Нѣтъ, нѣтъ, не такъ!—прервалъ его Петръ Петровичъ.

Библиотека "Руниверс"

Костырко смутился и опять начинаетъ свою стереотипную фразу: господинъ полковникъ, честь...

— Да нѣтъ же, говорю вамъ,—снова перебиваетъ Меллеръ,—называйте по чину иначе!

— Да, да, да, да, — твердитъ Ѳома, уже почесывая свою шишку,—какъ же, какъ же величать васъ, полковникъ?

— То-то и есть, подымайте выше,—замѣтилъ весело Меллеръ.

— Да, да выше? выше? Не понимаю, полковникъ!—совершенно растерявшись, возражаетъ нашъ храбрый подполковникъ.

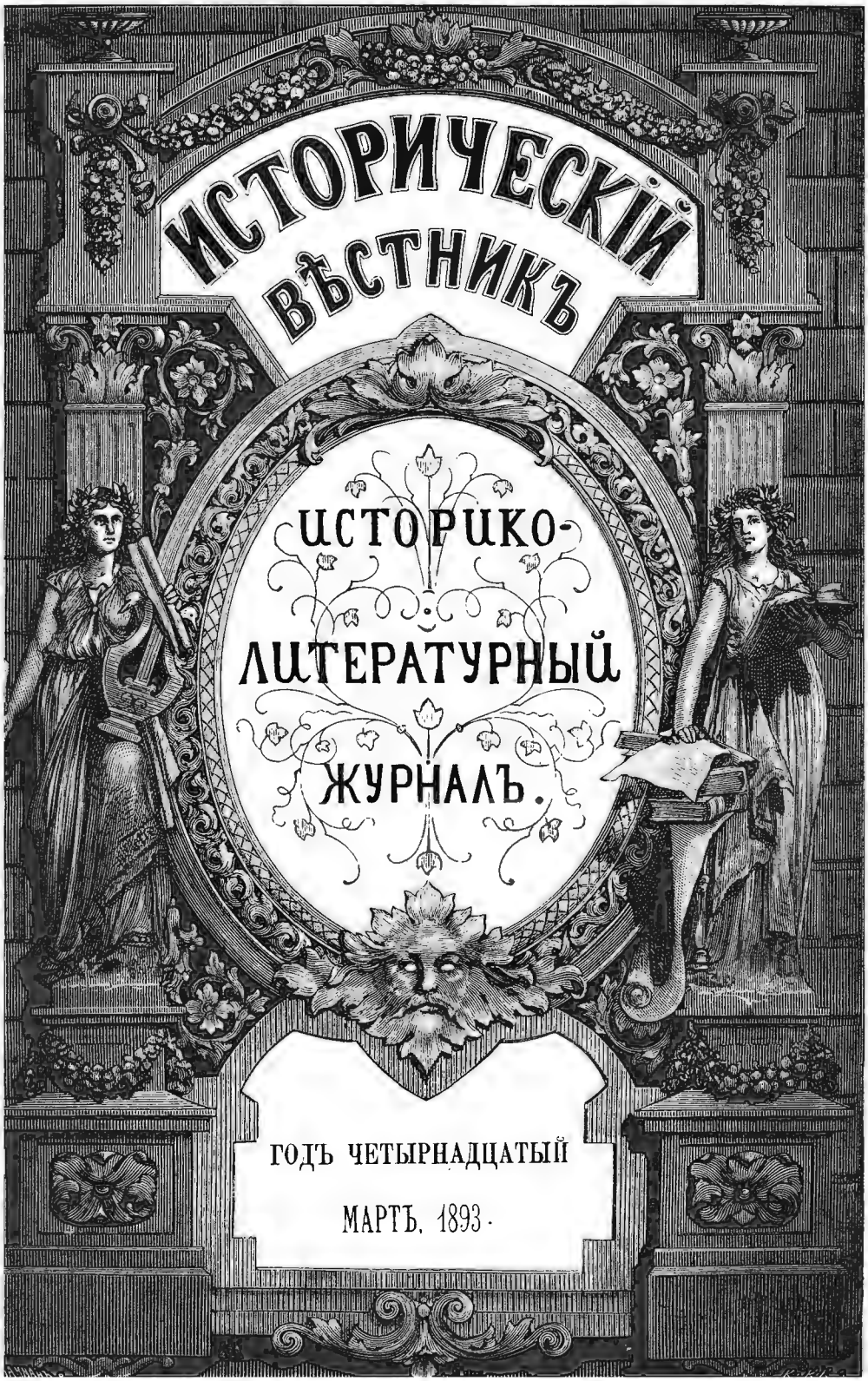
— Говорите, Ѳома Васильевичъ, не полковникъ, а ваше превосходительство!—счастливо улыбаясь, отвѣтилъ баронъ.

Старикъ опять задумался, сообразилъ, постигъ, въ чемъ дѣло, и разсыпался въ поздравленіяхъ передъ молодымъ генералъ-маіоромъ. Баронъ, на радостяхъ, оказалъ щедрость, съ нимъ небывалую, отсыпавъ на каждую роту полка по 100 рублей серебряныхъ, что въ суммѣ составляло, съ фурштатской и инвалидной ротами, расходъ почтенный въ 2.200 рублей, кромѣ трубачевской и писарской командъ. Меллеръ, не смотря на производство, остался, все-таки, командиромъ Егерскаго князя Воронцова полка, чѣмъ нашъ баронъ не огорчился вовсе.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1].

VIII.

Плачевная исторія Копьева. — Временное командованіе 3-мъ баталіономъ княземъ Семеномъ Михайловичемъ Воронцовымъ. — Дружба съ Тришатнымъ. — Инспекторскій смотръ.—Генералъ Козловскій.—Біографія Александра Алексѣевича Суслова. — Абулатъ-Юртовское дѣло 1846 года. — Авангардный помѣщикъ Хастатовъ.—Дуэль съ Фридерици.

ВСТРѢЧА 1849 года прошла очень тихо. Изъ новостей узнали мы резолюцію по дѣлу Копьева. Это была возмутительная исторія, разыгравшаяся въ концѣ 1848 года въ Гренадерскомъ полку. Въ желтый ящикъ, по приказанію главнокомандующаго, прибитый около параднаго подъѣзда дворца, съ надписью: «для пріема писемъ, жалобъ и прошеній», былъ опущенъ анонимный доносъ на противозаконныя дѣйствія командира помянутаго полка, флигель-адъютанта Копьева. Князь Воронцовъ, не придавая безусловной вѣры этому доносу, поручилъ довѣренному лицу произвести секретное дознаніе, которое, повидимому, на столько подтвердило анонимныя обвиненія, что внезапно арестованный полковникъ Копьевъ преданъ былъ военному суду. Назначена была судная коммиссія по личному усмотрѣнію главнокомандующаго, которой при всемъ усердіи не удалось найти малѣйшаго повода къ обвиненію подсудимаго, и, оправдавъ Копьева по всѣмъ статьямъ, она поневолѣ доказала, что

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 367.

Библиотека "Руниверс"

доносъ въ благодѣтельный желтый ящикъ былъ не что иное, какъ клевета, низкая интрига. Но какъ было не разобрать дѣла предварительнымъ разслѣдованіемъ всѣхъ голословныхъ обвиненій въ анонимной кляузѣ? Копьевъ, посаженный наканунѣ на гауптвахту совершеннымъ брюнетомъ, на утро оказался сѣдымъ, а во время восьмимѣсячнаго суда потерялъ сошедшую съ ума жену и ребенка. По всѣмъ отзывамъ, это былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный и симпатичный, и тѣмъ печальнѣе является фактъ роковаго недоразумѣнія.

Только 14-го числа (января) пришелъ изъ Грозной генералъ Нестеровъ съ отрядомъ, а съ нимъ и новый нашъ баталіонный командиръ, на время экспедицій, Семенъ Михайловичъ Воронцовъ. Ѳома же Васильевичъ Костырко назначался командиромъ двухъ баталіоновъ, 2-го и 3-го. Молодой князь Воронцовъ былъ отличный ѣздокъ (впрочемъ англійской школы) и, конечно, смѣлъ и отваженъ въ опасности, хладнокровно встрѣчая ее лично. Мы же сомнѣвались, войдетъ ли онъ въ нужды и всю тяжелую обстановку кавказскаго офицера и солдата. Но наши опасенія были напрасны. Молодой князь оказался очень сердечнымъ и вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ его отношенія къ Тришатному. Тришатный явился къ намъ со взводомъ своей линейной батареи совершеннымъ байгушемъ, безъ палатки, безъ кухни и даже безъ самовара. Разъ утромъ я пошелъ его отыскивать, и о ужасъ! Не смотря на стукнувшій въ прошлую ночь морозъ и довольно сильный сѣверный вѣтеръ, я нашелъ его лежащимъ на кошмѣ, между двухъ передковъ орудій: сверху онъ былъ прикрытъ натянутой дырявой буркой, а съ боковъ защищенъ отъ непогоды и пронзительно сквознаго вѣтра спицами колесъ орудій. Не успѣлъ я поздороваться и подсѣсть къ нему, какъ неизмѣнный Кириченко (денщикъ), съ неподражаемою важностью оберъ-шенка, на дощечкѣ отъ какого-то ящика изъ духана, поднесъ мнѣ громадную посудину съ кипящимъ глинтвейномъ.

— Какъ? Ни свѣтъ, ни заря, а ужъ ты прохлаждаешься горячими напитками?—удивленно спросилъ я хозяина фантастическаго помѣщенія.

— Да, милый другъ,—отвѣчалъ онъ,—чай, пожалуй, былъ бы и лучше, да не по средствамъ, съ нимъ хлопотъ много. Тамъ нуженъ самоваръ, вода, уголь, стаканы, ложки, сахаръ и, наконецъ, чай, а у меня этого ничего не имѣется.

Я предложилъ Тришатному перебраться ко мнѣ, но, какъ настойчиво ни убѣждалъ его, Костя упорно отвергалъ мои просьбы, ссылаясь на слишкомъ близкое ко мнѣ сосѣдство молодаго Воронцова.

— Какъ хочешь ты, Владиміръ, чтобы я согласился почти подъ одной крышей жить съ человѣкомъ, отецъ котораго погубилъ моего отца. Нѣтъ, нѣтъ, и сто разъ нѣтъ!

Библиотека "Руниверс"

Я бросился къ Семену Михайловичу, разсказалъ все видѣнное и слышанное, и нашелъ въ немъ самое живое участіе, самую неожиданную готовность искренно и отъ души протянуть руку Костѣ. Воронцовъ подтвердилъ, что служебныя отношенія отцовъ не должны имѣть вліянія на отношенія ихъ сыновей, а потому онъ готовъ сдѣлать первый шагъ къ знакомству съ человѣкомъ, о которомъ уже много слышалъ хорошихъ отзывовъ. Въ доказательство, что это не пустыя фразы, князь просилъ меня отвести его на бивуакъ сотника. Знакомство состоялось при самыхъ дружескихъ изліяніяхъ Воронцова, чѣмъ онъ не только обрадовалъ, но и удивилъ меня. Отстранивъ такимъ образомъ единственное препятствіе къ переселенію, я устроилъ Тришатнаго въ своей палаткѣ. Съ Воронцовымъ онъ сошелся по душѣ, и нашъ князь былъ отъ него въ восторгѣ; цѣлые дни мы проводили вмѣстѣ. Вообще, вопреки молвѣ и моимъ ожиданіямъ, Воронцовъ оказался въ обращеніи простымъ и подходящимъ, а подъ пулями такъ щегольски-хладнокровнымъ и смѣлымъ, что заставилъ уважать себя. Помимо этого, князь былъ очень радушенъ и гостепріименъ, кормилъ и поилъ насъ всѣхъ отлично и въ довершеніе угощалъ великолѣпными папиросами темно-лиловаго цвѣта, изъ Одессы.

Когда окончился первый періодъ экспедицій, князь распрощался съ нами, сдалъ командованіе 3-мъ баталіономъ и уѣхалъ восвояси. Прощаніе было съ обѣихъ сторонъ самое задушевное: двадцать дней бивуачной жизни подъ ядрами и пулями, конечно, сближаютъ людей болѣе, чѣмъ десятилѣтнія знакомства, поддержанныя встрѣчами на Невскомъ проспектѣ.

Между тѣмъ 31-го марта былъ отданъ приказъ о предстоящемъ инспекторскомъ смотрѣ начальникомъ бригады, генералъ-маіоромъ Козловскимъ. Давался всего одинъ день на приготовленіе, и въ этотъ день надо было обучить солдатъ ружейнымъ пріемамъ и церемоніальному маршу. Наканунѣ смотра, нашъ баталіонный командиръ, Ѳома Васильевичъ Костырко, отдалъ приказаніе выстроиться развернутымъ фронтомъ за Чечкеринскія ворота. Въ назначенный часъ мы вывели роты, но какъ строиться, не знали. Баталіонный адъютантъ, подпоручикъ Шуйскій, скачетъ на квартиру подполковника Костырко и вмѣстѣ съ нимъ является обратно. Мелларт, шведъ, нѣсколько знающій строевую службу, спрашиваетъ командира, какъ строиться: правымъ ли флангомъ, или лѣвымъ къ воротамъ.

Костырко осклабился и съ насмѣшкой отвѣчаетъ:

— Да, да, хлангомъ куда? Какъ будто не все равно, какъ ни строиться? Спереди подъѣдешь, будетъ направо правый хлангъ, а если, да, да, построиться иначе, да, да, и заѣдешь сзади,—опять же вправо будетъ правый хлангъ, а влѣво, да, да, лѣвый хлангъ!

Построились отъ воротъ, справа налѣво. Ѳома Васильевичъ, не торопясь, выѣхалъ къ серединѣ баталіона, съ неизмѣннымъ въ

Библиотека "Руниверс"

рукѣ хлыстомъ свѣжей черешни, нѣсколько разъ подернулъ папаху, снялъ ее, почесалъ на головѣ шишку и, въ раздумьѣ разъ десять проговоривъ: да, да! скомандовалъ: «смирно!».

— Шуйскій, Шуйскій! какъ въ томъ приказѣ бишь сказано, обучить... чему бишь?

— Ружейнымъ пріемамъ и церемон...

— Ну, да, да! Это насчетъ марша, послѣ! А теперь позовите всѣхъ ротныхъ командировъ.

Подходимъ, руку подъ козырекъ.

— Господа, помните, что у насъ на Кавказѣ на военномъ положеніи, а съ заряженными ружьями, да, да, строго запрещено брать на караулъ. Такъ ли это?

— Запрещено, г. подполковникъ!—вставляетъ Меллартъ.

— Да, да,—радуясь, что не совралъ, подхватываетъ Костырко.— Да, да, запрещено, а тамъ какіе же другіе пріемы? Одно развѣ шомполъ въ ложе, къ осмотру ру...жей! Под...высь! да, да, и больше ничего нѣтъ!—рѣшилъ онъ.

Въ силу этихъ глубокихъ соображеній и познаній военнаго артикула и рекрутской школы, Ѳома Васильевичъ слѣзаетъ съ своего воронаго и идетъ вдоль развернутаго фронта, притворяясь, что глядитъ на ружья, а въ сущности вскидываетъ глаза на лѣвый флангъ, съ явнымъ выраженіемъ на раскраснѣвшемся лицѣ: «Господи, скоро ли конецъ этой пыткѣ?». Поспѣшно провѣривъ всѣ три шеренги, онъ, наконецъ, добрался до желаннаго «хланга», взгромоздился на воронаго и скороговоркой сказалъ: «Ну, слава Богу, да, да! Теперь можно и за церемоніальный маршъ!» Хоръ полковой музыки давно ожидалъ въ сторонѣ. Построились въ ротныя колонны, музыканты зашли впередъ и, по указанію Шуйскаго, стали фронтомъ къ валу, а Ѳому поставили противъ нихъ спиной ко рву крѣпости, но такъ близко, что осади его лошадь на полшага, и Костырко бухнулся бы съ нею на влажное дно рва, но этого, слава Богу, не случилось. Начался церемоніальный маршъ. «Подивизіонно справа, на дивизіонную дистанцію, дирекція»,—командуетъ громко Ѳома то, что ему подсказываетъ Шуйскій. Проговоривъ «дирекція», онъ пріостанавливается и тихо возражаетъ Шуйскому: «Зачѣмъ же опять направо?». «Дирекція направо!» — неумолимо требуетъ Шуйскій. «Ну, да, да! пожалуй!» — громко соглашается Костырко. Музыка грянула «Гервель-аульскій маршъ», и 3-я карабинерная рота зашагала впередъ смѣло, бойко, но рѣшительно вся не въ ногу. За ней еще съ меньшимъ успѣхомъ пропонтировала моя 7-я рота; даже въ задней шеренгѣ одинъ изъ молодыхъ солдатъ неловко наступилъ на каблукъ выше шедшаго передней шеренги, споткнулся, и какъ ни старался удержаться въ вертикальномъ положеніи, а, всетаки, растянулся во всю длину свою какъ разъ противъ начальства, въ эту минуту

Библиотека "Руниверс"

благодарившаго 7-ю и 3-ю роту громкимъ и веселымъ одобреніемъ: «Да, да, славно, братцы», на что̀ дружно, но смѣясь, «рады стараться, ваше высокоблагородіе!»—во все горло орали солдаты. Не лучше моихъ прошли егеря Лазебникова и Мерклина, и такъ же, какъ и я, не зная, идти ли прогуливаться чистымъ полемъ, или остановиться, но по вдохновенію свыше, всѣ повели наши роты домой.

На другой день состоялся инспекторскій смотръ. Подробно и послѣдовательно описать его со всѣми эпизодами, приключеніями и анекдотами и долго, и скучно, а главное невѣроятно. Кто изъ военныхъ людей арміи, расположенной въ Россіи, а тѣмъ болѣе блестящей гвардіи, самъ не былъ здѣсь и своими глазами не видѣлъ тогда кавказскихъ боевыхъ полковъ въ строевомъ ихъ отношеніи, тотъ и писанному, какъ и словесному, ихъ очерку не повѣритъ. Надо хорошо знать обстановку службы кавказскаго солдата, чтобы не критически, а вполнѣ снисходительно разсуждать объ этомъ безобразіи. Будучи постоянно на передовыхъ линіяхъ, они вмѣстѣ съ систематическимъ напоромъ впередъ двигаются со всѣми штабами своими, тоже впередъ, на новыя мѣста. Не успѣютъ они совершенно устроиться на новой территоріи, какъ глядь, опять должны штыками выбивать горцевъ изъ насиженной мѣстности, основывать новыя укрѣпленія, крѣпости, цѣлыя передовыя линіи, и тотъ полкъ, который подумалъ: «ну, вотъ, мы отдохнемъ здѣсь», уже въ авангардѣ опять претъ впередъ, кровью обливаетъ отбитыя трущобы и подъ открытымъ небомъ, или того хуже, въ сыромъ подземельѣ, перезимовавъ годъ, иногда два, наконецъ приступаетъ къ постройкѣ новой штабъ-квартиры. Итакъ обвинять кавказскаго солдата за то, что онъ не умѣетъ ходить съ носка въ ногу, нельзя, невозможно, грѣшно

Нашъ бригадный генералъ, Викентій Михайловичъ Козловскій, дворянинъ Могилевской губерніи, воспитывался въ первомъ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ Петербургѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ онъ оставилъ заведеніе, такъ какъ былъ исключенъ безъ производства въ офицеры «за неуспѣхи въ наукахъ». Юнкеромъ онъ былъ зачисленъ въ Кабардинскій полкъ, гдѣ и подвизался болѣе тридцати лѣтъ сряду и заслужилъ единогласные о себѣ отзывы, какъ объ офицерѣ честномъ, исполнительномъ и беззавѣтно храбромъ. Послѣ знаменитаго его дѣла подъ Внезапной, въ Андреевѣ, гдѣ онъ съ двумя ротами своего батальона штыками выбилъ громадныя скопища непріятеля, предводимыхъ самимъ Шамилемъ, онъ въ чинѣ подполковника сначала завѣдывалъ, а вскорѣ затѣмъ Высочайшимъ приказомъ назначенъ командиромъ Кабардинскаго полка. Въ достославномъ походѣ Вельяминова въ Ичкерію, въ 1842 году, Козловскій съ своими батальонами вынесъ на плечахъ въ аріергардѣ отступленіе всего отряда черезъ дремучіе лѣса, не смотря на самые ожесточенные натиски непріятеля, и этимъ подвигомъ снискалъ себѣ громкую славу на

Библиотека "Руниверс"

столько, что съ тѣхъ поръ его имя сдѣлалось на Кавказѣ нарицательнымъ названіемъ всего безстрашнаго. Въ 1847 году онъ сдалъ свой родной полкъ, въ которомъ съ юнкерскихъ галуновъ взялъ съ боя генеральскіе эполеты,—флигель-адъютанту князю Барятинскому. Наружности Викентій Михайловичъ былъ далеко не красивой: небольшаго роста, сложенъ, какъ чурбанъ; лицо его изображало перепеченное яблоко съ воткнутымъ посрединѣ носомъ, въ видѣ пунцовой клюквы, но общее выраженіе всей его фигуры мягкое, прямое и самое добродушное. Отсутствіе краснорѣчія съ безпрерывнымъ повтореніемъ: «какъ, какъ!»—вознаграждалось оригинальностью его рѣчи и той простотой обращенія, которая выше всего цѣнится солдатомъ. Нужно къ этому прибавить, что Козловскій, пробывъ безотлучно на Кавказѣ впродолженіе всей своей службы, если и зналъ, то совершенно забылъ воинскій уставъ того времени, а съ новымъ не встрѣчался вовсе, считая, и не безъ основанія, что при существующемъ способѣ войны на Кавказѣ солдату слѣдуетъ внушать не умѣнье равняться съ другими, а быть всегда впереди ихъ!..

Съ этими высокими воззрѣніями Викентій Михайловичъ, вѣроятно, не разставался и во время нашего смотра, который, благодаря этому, и сошелъ благополучно. Мало того, онъ каждому офицеру нашелъ сказать что нибудь ласковое и добродушное, а солдатъ привѣтствовалъ:

— Какъ, какъ! здорово братцы мои, какъ... куринцы!

Послѣднія слова достойнѣйшаго Викентія Михайловича, уже изъ тарантаса, были:

— Да, какъ, прошу, господа, какъ!.. Меня любить, какъ, и жаловать!

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотра, нашъ генералъ Меллеръ уѣхалъ въ Тифлисъ, а командующимъ войсками въ Воздвиженскомъ, на время его отсутствія, былъ назначенъ полковникъ Сусловъ, знаменитый по Абулатъ-Юртовскому дѣлу въ 1846 году. Я знакомъ былъ съ нимъ еще раньше, а теперь имѣлъ случай ближе узнать и лично выслушать всѣ его похожденія, которыя вмѣстѣ съ подтвержденіемъ очевидцевъ представляютъ очень интересные эпизоды изъ войны Кавказской.

Потомственный дворянинъ, кажется, Тамбовской губерніи, Александръ Алексѣевичъ Сусловъ въ очень молодыхъ лѣтахъ поступилъ въ военную службу, въ Малороссійскій драгунскій полкъ юнкеромъ, а затѣмъ, послѣ многихъ лѣтъ перипетій, судьба бросила его на Кавказъ.

— У меня-съ, государь мой,—вскакивая со стула, визгливо вскрикивалъ онъ,—никогда не было никакой протекціи, и все, что я пріобрѣлъ теперь, я взялъ одною службою.

Библиотека "Руниверс"

Какъ бы то ни было, но Суслову еще въ маіорскомъ чинѣ дали Гребенской казачій полкъ.

Я больше всего интересовался Абулатъ-Юртовскимъ дѣломъ и дуэлью Суслова съ Фридерици, о чемъ и записалъ со словъ очевидцевъ и на основаніи разсказа Суслова. Надо замѣтить, что полковникъ былъ темперамента неимовѣрно горячаго, пылкаго и увлекающагося, а вмѣстѣ и очень страннаго. Начинаетъ Сусловъ говорить тихо, плавно, спокойно, еле слышно... и вдругъ вскакиваетъ съ мѣста, кидаетъ кресло свое въ сторону и съ блестящими глазами, задыхаясь отъ волненія, еле переводя духъ, кричитъ рѣзко, пронзительно, все сильнѣй и сильнѣй. Тутъ онъ, размахивая руками, ужъ себя не помнитъ, въ изступленіи бьетъ себя въ грудь и, подскочивъ къ своему собесѣднику близко, близко, опускается на что попало и шепотомъ посвящаетъ его въ свои страданія, болѣзненные припадки и всевозможные недуги...

Начинаются снова самымъ тихимъ образомъ чувствительныя жалобы на страшную боль въ груди, удушье, на общій упадокъ силъ... и вдругъ, какъ пробка изъ бутылки шампанскаго, онъ стремительно отскакиваетъ въ дальній уголъ комнаты и неистовыми возгласами оглушаетъ слушателя.

Итакъ, въ 1846 году, въ маѣ мѣсяцѣ, когда казаки Гребенскаго полка были на полевыхъ работахъ въ степи, около дальнихъ хуторовъ своихъ, а въ Червленной станицѣ оставалась только сотня, и командиръ полка, подполковникъ Сусловъ, валяясь на диванѣ, наслаждался полнѣйшимъ кейфомъ, въ десятомъ часу утра, со стороны Щедринской станицы послышался выстрѣлъ изъ орудія, за нимъ другой и третій.

По сигнальной трубѣ подается «тревога», казаки дежурной сотни стали выскакивать на станичную площадь. Сусловъ, ногу въ стремя и съ мѣста въ карьеръ, повелъ ихъ за ворота станицы. Миновавъ Щедринскую, онъ узналъ отъ прискакавшаго съ кордона казака, что «іонъ палитъ, кажись, за Шелководской!» Гребенцы еще прибавили хода и, взмыленные кони, понеслись какъ птицы. Слышны опять учащенные выстрѣлы, но они еще не близко. Вотъ и станица Шелководская, вотъ господскій домъ, а вотъ на балконѣ его и самъ хозяинъ—Акимъ Акимовичъ Хвастатовъ.

— Куда скачете, Александръ Алексѣевичъ?—спрашиваетъ онъ Суслова.

— На тревогу, а куда, и самъ не знаю!—отрывисто крикнулъ тотъ, ускакивая впередъ по улицѣ.

— Стой, казакъ!—тѣмъ временемъ повелительнымъ голосомъ осаживаетъ Хастатовъ одного изъ заднихъ гребенцовъ,—давай сюда коня!

И, не долго думая, съ одною тростью въ рукахъ, перепрыгнувъ черезъ балюстраду своего балкона, вскакиваетъ на казачью ло-

Библиотека "Руниверс"

шадь и, забывая, что онъ безъ всякаго оружія, въ лѣтнемъ пальто-сакъ и въ панама-шляпѣ, во всю прыть несется, чтобы догнать своего пріятеля Суслова.

Выбравшись за станицу, казаки «бѣгли» еще верстъ пять и тогда только съ праваго берега Терека могли опредѣлить, что пальба идетъ въ восьми верстахъ отъ Терека, въ маломъ укрѣпленіи нашемъ Абулатъ-Юртѣ. Частью въ бродъ, но больше вплавь, всѣ они выкарабкались на другой берегъ широкаго и быстраго потока. Тутъ Сусловъ, собравъ всѣхъ, провѣрилъ сотню и насчиталъ въ ней всего 85 человѣкъ и при нихъ три офицера: есаула Комкова, сотника Ѳедюшкина и хорунжаго Фролова, да съ грозною тростью—сверхштатнаго помѣщика Хастатова. Сусловъ послалъ въ крѣпость урядника, чтобъ не морить всѣхъ людей, узнать о случившемся. Вскорѣ посланный привезъ извѣстіе, что партія коннаго непріятеля нѣсколько разъ нападала на укрѣпленіе, но была отбита и очень недавно ушла по направленію Качкалыковскаго хребта. Сусловъ не справился о размѣрѣ этой партіи и, въ надеждѣ ее нагнать и какъ слѣдуетъ пугнуть, скомандовалъ «рысью» и пошелъ впередъ. Такимъ образомъ гребенцы «пробѣгли» еще верстъ восемь и, не замѣчая никого впереди по волнистой мѣстности, подвигались довольно безпечно. Внезапно видятъ они, что передовые ихъ наѣздники, въѣхавшіе на ближайшій курганъ, круто повернули назадъ и во весь опоръ несутся къ нимъ навстрѣчу, отчаянно размахивая папахами. Оказалось, что когда они поднялись на курганъ, то съ ужасомъ увидѣли у подошвы его и въ сосѣдней балкѣ громадную партію непріятеля. Чеченцы, послѣ усиленнаго перехода, остановились здѣсь отдыхать и, стреноживъ лошадей, пустили ихъ на траву. Но, замѣтивъ силуэты неожиданно появившихся казаковъ, горцы, конечно, подняли тревогу, бросились къ лошадямъ и пустились за казаками въ погоню.

Сусловъ, при видѣ массы несущагося непріятеля, скомандовалъ сначала «назадъ въ карьеръ», но тутъ же одумался и, сообразивъ, что на утомленныхъ лошадяхъ нѣтъ никакой надежды спастись наутёкъ, приказалъ имъ живо строиться въ каре [1]). Въ это время туча непріятеля, не менѣе четырехъ тысячъ, стремительно повела атаку въ шашки на горсть гребенцовъ, уже успѣвшихъ встрѣтить врага дружнымъ залпомъ, однимъ, другимъ, третьимъ. Горцы разсыпались и открыли изъ винтовокъ частый и мѣткій огонь. Сусловъ, возлагая всѣ надежды на спасеніе только въ стойкой оборонѣ, скомандовалъ: «рѣжь коней!»—и, соорудивъ изъ труповъ ихъ еще животрепещущій брустверъ, приказалъ казакамъ за нихъ залечь и отстрѣливаться отъ непріятеля, видимо готовящагося вести второе нападеніе. Недолго заставила себя ждать эта вторая атака.

[1]) Другіе приписываютъ эту мысль храброму есаулу Комкову.

Библиотека "Руниверс"

Еще съ большимъ остервенѣніемъ бросились чеченцы на гребенцовъ, но казаки, подпустивъ ихъ на пистолетный выстрѣлъ, встрѣтили свинцомъ въ упоръ такъ удачно и мѣтко, что вся туча съ значительною потерею отступила назадъ. Опять чеченцы открыли огонь и нанесли нашимъ значительный уронъ пулями. Сусловъ и офицеры всячески старались поддерживать въ казакахъ геройскій духъ. Хастатовъ съ начала боя грозно и картинно размахивалъ своею тростью, а теперь схвативъ винтовку убитаго казака также залегъ за тушей лошади. Послѣ этого послѣдовало еще шесть самыхъ отчаянныхъ атакъ, но десница Всевышняго еще охраняла оставшихся въ живыхъ воиновъ.

Бой кровавый, страшный и почти безпрерывный, бой на смерть, продолжался уже болѣе пяти часовъ, но геройскій духъ казаковъ не погнулся; замѣтна великая убыль бойцевъ.

— Православные братья-станичники! — зычно кричитъ Комковъ,—не падайте духомъ! Господь за насъ... Кто изъ пораненныхъ еще въ силахъ помочь, заряжай винтовки и подавай ихъ тѣмъ, кого Богъ за грѣхи еще терпитъ!

И по примѣру молодца эсаула, самого уже тяжело раненаго въ ногу, какъ воскресшіе мертвецы, поползли раненые съ винтовками въ рукахъ, страшно изувѣченные, еле дышащіе...

Но вотъ опять столпились горцы, со всѣхъ фасовъ окружили кровавое на степи пятно и стали готовиться къ его истребленію съ лица земли. Раздался душу раздирающій шакалиный гикъ вмѣстѣ съ топотомъ нѣсколькихъ тысячъ конныхъ ногъ, засверкали въ воздухѣ блестящіе клинки, все слилось въ чудовищную массу и обрушилось стѣной, страшной, губительной. «Съ нами сила крестная и непобѣдимая, станичники! Не поддавайся нехристямъ!» — послышался опять голосъ Комкова и... сила эта благодатная и спасительная еще разъ отстояла приговоренныхъ къ смерти. Потеря въ это время достигла свыше 50 человѣкъ изъ 85. Но въ то время, когда отчаянные бойцы каре, закоптѣлые въ дыму и обагренные кровью, съ угасающею надеждой, провѣряли слабые остатки товарищей,—среди непріятелей внезапно проявилось смятеніе.

Казаки, очень тщательно скрывая себя за бездыханными трупами коней своихъ, сами зорко слѣдили за всѣмъ, что происходило у враговъ, и теперь стали съ напряженнымъ вниманіемъ приглядываться въ ту сторону, откуда,—о, благословеніе Господне,—послышались имъ барабаны и сигнальные рожки горнистовъ. Вотъ видна уже и пыль бѣгущихъ людей на помощь, на спасеніе! Здоровые, раненые и умирающіе стали креститься, благодаря Бога. Но горцы, предвидя, что гребенцы ускользнутъ теперь отъ нихъ, бросаются въ послѣднюю, бѣшенную атаку. Казаки не дремлютъ; сильно ободренные, они напрягаютъ послѣднія силы, дерутся въ рукопашкой свалкѣ, какъ львы, и отбиваютъ нападеніе въ ту самую

Библиотека "Руниверс"

минуту, когда ядро наше со свистомъ вырываетъ цѣлый рядъ пораженнаго непріятеля. За этимъ второй залпъ, и чеченцы въ безпорядкѣ обращаются въ бѣгство. Нѣсколько минутъ спустя подполковникъ Майдель и молодцы его 3-го батальона Кабардинскаго полка, съ трудомъ переводя духъ отъ спѣшнаго бѣгства, побратски обнимали спасенныхъ ими гребенцовъ.

Дѣло подъ Абулатъ-Юртомъ доказало, что горсть людей русскихъ, при непоколебимой вѣрѣ въ милосердіе Божіе и несокрушимомъ мужествѣ, въ извѣстныя минуты жизни способна явить собою, въ борьбѣ съ врагомъ въ 50 разъ сильнѣйшимъ, силу недоступную, неодолимую. Память объ этомъ никогда не умретъ въ кавказскомъ линейномъ казачествѣ. Картина извѣстнаго художника Тимма, съ безчисленнымъ количествомъ копій, изображаетъ отчаянный бой червленскихъ станичниковъ при натискѣ громадныхъ скопищъ чеченскихъ. Государь императоръ щедрыми милостями осыпалъ дѣятелей славнаго боя. Сусловъ произведенъ въ полковники и удостоенъ высшей и столь рѣдкой на Кавказѣ награды—Георгіевскаго креста. Комковъ, Ѳедюшкинъ и Фроловъ получили слѣдующіе чины и ордена, а всѣ оставшіеся въ живыхъ нижніе чины—знаки отличія военнаго ордена и денежныя награды. А. А. Хастатовъ всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и, сверхъ того, отъ всего казачества—титуломъ «авангарднаго помѣщика».

Сусловъ восторженно разсказывалъ мнѣ, что, когда художникъ Тиммъ представилъ написанную имъ картину на выставку въ академію художествъ, государь предложилъ наслѣднику цесаревичу и атаману всѣхъ казачьихъ войскъ пріобрѣсти эту картину и пожаловать ее въ подарокъ Суслову, у котораго она и хранится до сихъ поръ, какъ святыня, въ его семействѣ.

Къ странностямъ Суслова надо еще добавить, что онъ очень потворствовалъ религіознымъ заблужденіямъ гребенцовъ, у которыхъ, не смотря на преслѣдованіе правительства, были свои «собливыя молельни» въ трущобахъ и отдаленныхъ скитахъ. Злая хроника разсказываетъ даже, что самъ командиръ гребенскихъ казаковъ (а ихъ до 18 тысячъ душъ), подполковникъ Сусловъ, принялъ на себя даже званіе ихъ верховнаго пастыря и будто бы не разъ лично, въ усвоенномъ духовномъ облаченіи, отправлялъ самъ служеніе за архіерея ихъ толка [1]). Говорятъ, что въ часъ доклада слѣдственной коммиссіи объ этихъ дѣяніяхъ, когда князь Воронцовъ уже обмакнулъ (будто бы) перо подписать преданіе Суслова суду,—въ эту самую минуту отворилась дверь, и передъ нимъ предсталъ посланный отъ генерала Фрейтага съ подробнымъ

[1]) Справедливость этого невѣроятнаго обстоятельства подтверждается, впрочемъ, многими свидѣтелями, напримѣръ, С. М. Ушаковымъ.

Библиотека "Руниверс"

донесеніемъ о блестящемъ подвигѣ подъ Абулатъ-Юртомъ; нѣсколько минутъ спустя и тѣмъ же самымъ перомъ главнокомандующій подписалъ представленіе на высочайшее имя о награжденіи Суслова георгіевскимъ крестомъ и чиномъ. Si non è vero, è ben trovato!

Разсказавъ о послѣднемъ qui pro quo, не могу пройти молчаніемъ курьезной дуэли Суслова съ Фридерици, страшнымъ кутилой, офицеромъ его полка, прикомандированнымъ изъ гвардіи. Въ одинъ прекрасный день, проѣздомъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Грозную, гр. Бенкендорфъ, князь Барятинскій и гр. Ржевускій, всѣ трое флигель-адъютанты, заѣхали къ Суслову и вмѣстѣ съ хозяиномъ составили вечеромъ партію въ вистъ, до котораго Сусловъ былъ страстный охотникъ. Играли и смѣялись, спорили и бранились, когда вѣстовой казакъ доложилъ командиру о приходѣ къ его высокородію поручика Фридерици. Сусловъ, недовольный перерывомъ игры, дѣлаетъ гримасу, но, попросивъ извиненія у гостей, выходитъ въ залу, гдѣ Фридерици, отвѣсивъ поклонъ, безъ всякихъ предисловій проситъ о немедленной выдачѣ ему 800 рублей. Удивленный неожиданностью, цифрой, а главное безцеремонною формою изложенія просьбы, Сусловъ рѣзко объявилъ просителю, что такихъ денегъ у него нѣтъ въ распоряженіи, а если бы онѣ и были, то онъ бы ихъ не далъ.

— Какъ бы не дали? Другими словами, вы мнѣ, подполковникъ, не довѣряете?

— Да хотя бы, милостивый государь, и не довѣряю!—раздраженно вскрикнулъ Сусловъ.

— Въ такомъ случаѣ, это кровное оскорбленіе, за которое я требую отъ васъ должнаго удовлетворенія!—хватилъ Фридерици и вышелъ изъ залы.

Гости черезъ полуоткрытыя двери слышали весь разговоръ командира полка съ поручикомъ, а потому, по возвращеніи къ нимъ Суслова, они встрѣтили его дружнымъ хохотомъ.

— Вамъ, господа, хорошо смѣяться,—возразилъ Сусловъ.—Вы завтра спокойно отправитесь въ Грозную и вамъ горя мало, что я поставленъ въ глупое положеніе драться съ этимъ сумасбродомъ.

Утромъ, по отъѣздѣ гостей, Сусловъ задумался, кого бы выбрать въ секунданты, и рѣшилъ просить подпоручика Голохвастова, Куринскаго полка, гостившаго въ Червленной. Но оказалось, что тотъ еще раньше былъ приглашенъ Фридерици. Сусловъ потребовалъ полковаго адъютанта Ѳедюшкина, природнаго казака, но хорошаго, исполнительнаго и очень ему преданнаго человѣка. Является Ѳедюшкинъ въ кабинетъ, папаха въ лѣвой рукѣ, правая подъ козырекъ, въ видѣ отданія чести.

— Знаете ли вы правила дуэли?—спрашиваетъ Сусловъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, ничего такого не

Библиотека "Руниверс"

знаю-съ и не вѣдаю-съ!—не вдругъ и очень смущенно отвѣчалъ наивный адъютантъ.

— Какъ, не знаете, что такое дуэль?

— Ей-Богу, не знаю, ваше высокоблагородіе,—еще смущеннѣе и растеряннѣе отвѣчалъ бѣдняга.

— Ну, знаете или не знаете, мнѣ все равно,—послѣ минутнаго колебанія рѣшилъ Сусловъ.—Слушайте и не переврите! Ступайте сейчасъ къ подпоручику Голохвастову, скажите, что я васъ послалъ, и условьтесь насчетъ всѣхъ пунктовъ дуэли.

Ни живъ, ни мертвъ, стоялъ передъ нимъ Ѳедюшкинъ, не понимая, на яву или во снѣ слышитъ онъ подобное приказаніе. Но на утро все было приготовлено, какъ слѣдуетъ; мѣсто выбрано уединенное, заросшее кругомъ густымъ кустарникомъ. Голохвастовъ отмѣрилъ десять очень широкихъ шаговъ, зарядилъ пистолеты и предложилъ Суслову выборъ.

— Вѣдь условлено было по жребію, такъ извольте бросать его!—сказалъ Сусловъ.

— У меня нѣтъ со мною монеты!—шаря въ карманахъ, объявилъ Голохвастовъ.

— У меня есть все-съ, кромѣ терпѣнья,—сорвалось у Суслова, и, схвативъ изъ кармана полтинникъ, онъ высоко бросилъ его вверхъ на воздухъ.

— Орелъ или рѣшетка?—спросилъ онъ.

— Орелъ!—не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ проговорилъ Фридерици. Онъ угадалъ.

— Однако,—разсказывалъ Сусловъ,—шансы не за меня, солнце напротивъ, прямо бьетъ въ глаза, скверно! Но будетъ, что будетъ! Снимаю сюртукъ и въ одной рубашкѣ становлюсь на указанный мнѣ пунктъ, точно школьникъ, даже совѣстно стало! Фридерици, также безъ долмана, уже ждетъ на мѣстѣ. «Разъ, два, три!»—отчетливо командуетъ Голохвастовъ. Соперникъ мой медленно поднимаетъ пистолетъ... по направленію мушки вижу—злодѣй мѣтитъ прямо въ сердце. Минутно даже кровь застыла,—прищуривая глазомъ, почти мнѣ на ухо покаялся Сусловъ,—вдругъ-съ пистолетъ заходилъ въ рукѣ Фридерици, онъ самъ поблѣднѣлъ, задрожалъ и, уронивъ на землю смертоносное оружіе, изступленнымъ жестомъ руки указываетъ на близь меня лежащіе кусты. Оглядываюсь, и что же вижу? Въ кустахъ этихъ блестятъ четыре винтовочныхъ ствола, направленныхъ прямо въ грудь моего противника. «Что это такое?»—въ изумленіи вскрикиваю я на Ѳедюшкина.—«Будьте покойны, ваше выс-родіе!—съ сіяющей улыбкой полнѣйшаго торжества рапортуетъ адъютантъ.—Если поручикъ васъ задѣнетъ, то они тутъ же его положатъ. Я вѣдь лучшихъ-съ стрѣлковъ засадилъ сюда!»—самодовольно добавилъ онъ.—«Какова скотина,—какъ мячикъ, прыгнувъ съ кресла, заоралъ опять Сусловъ.—Я, конечно,

Библиотека "Руниверс"

его обругалъ и прогналъ его засаду къ чорту; тогда Фридерици снова взялъ пистолетъ, но, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ вышеизложеннаго далъ промахъ, а я, не цѣлясь, выстрѣливъ на воздухъ, вскочилъ на коня и уѣхалъ домой, проклиная себя, Фридерици и пуще всѣхъ дурака Ѳедюшкина. А кто знаетъ, Владиміръ Алексѣевичъ,—заключилъ Сусловъ,—не будь этого глупѣйшаго вмѣшательства, быть можетъ, я не имѣлъ бы чести теперь говорить съ вами».

IX.

Разсказъ Нестерова о князѣ В. С. Голицынѣ.—Сцена Кавешникова у Меллера: «авось задѣнутъ».—Набѣгъ на аулъ Карманлой.—Смерть Кавешникова.—Болѣзнь Нестерова.—Разсказъ подпоручика Кохановскаго: дѣло Веселицкаго въ 1843 году.—Пріѣздъ главнокомандующаго.—Отпускъ.

На время осенней экспедиціи 1849 года я былъ прикомандированъ за адъютанта къ начальнику дивизіи, генералу Нестерову, и раздѣлялъ эту службу съ Александромъ Нордштейномъ и Костей Глѣбовымъ, молодымъ, красивымъ и неглупымъ парнемъ, братомъ покойнаго Михаила. Свободные вечера мы проводили всегда у генерала, тамъ же обѣдали и ужинали. Петръ Петровичъ Нестеровъ былъ мастеръ разсказывать, и въ его обществѣ время летѣло незамѣтно. Кстати, къ моимъ прежнимъ воспоминаніямъ о Владимірѣ Сергѣевичѣ Голицынѣ прибавлю еще дословный разсказъ генерала, когда онъ еще служилъ въ гвардіи, въ лейбъ-егерскомъ полку. Это была самая рельефная минута въ жизни чудака Голицына, когда онъ въ часъ времени на его, Нестерова, глазахъ выигралъ милліонъ рублей.

— Будучи молодымъ гвардейскимъ офицеромъ,—такъ началъ онъ свое повѣствованіе,—я, находясь въ отпуску, въ Москвѣ, не рѣдко навѣщалъ стараго пріятеля отца моего, очень богатаго и страстнаго игрока, Мусина-Пушкина. Жилъ онъ очень открыто, давалъ обѣды и балы, а три раза въ недѣлю карточные вечера, на которыхъ самъ металъ отвѣтный банкъ. Въ числѣ наѣхавшихъ въ Москву изъ Петербурга случился тутъ блестящій тогда флигель-адъютантъ, князь Голицынъ, конечно, не запоздавшій явиться къ своему товарищу по призванію и страсти, Мусину-Пушкину. Съ нимъ мы здѣсь впервые встрѣтились и познакомились. Въ игрѣ я лично не принималъ участія по очень простой причинѣ—неимѣнью лишнихъ денегъ, но, тѣмъ не менѣе, съ большимъ интересомъ слѣдилъ всегда за общимъ ходомъ крупной игры, даже не разъ, по просьбѣ хозяина, бралъ на себя хлопотливую должность его croupier! Разъ, помню, въ праздничный день, заѣхалъ я къ Пушкину

Библиотека "Руниверс"

утромъ; онъ удержалъ меня въ большомъ обществѣ обѣдать и, по окончаніи обѣда, занялъ обычное мѣсто за зеленымъ столомъ, а мнѣ, вручивъ кусокъ мѣла, шепнулъ, чтобы я на счастье ему сѣлъ рядомъ. По обыкновенію, онъ металъ банкъ отвѣтный. Понтеровъ было не мало, около пятнадцати, и въ числѣ ихъ В. С. Голицынъ. Сначала игра шла съ перемѣннымъ счастьемъ, но затѣмъ фортуна рѣзко обернулась спиной къ Мусину-Пушкину, и онъ безъ счета сталъ давать карту за картой. Удачнѣе всѣхъ воспользовался этимъ Голицынъ. Въ какіе нибудь полъ-часа, записавъ на банкомета длинный столбецъ кушей, онъ отъ самаго крупнаго изъ нихъ, не отгибаясь, взялъ на пере, пере, пере, пе, что въ итогѣ составило ровно 500 тысячъ рублей на ассигнаціи! Сидя рядомъ съ Мусинымъ, я все время наблюдалъ за выраженіемъ лица его и видѣлъ, что сосчитанная Голицынымъ цифра произвела на него удручающее впечатлѣніе. Талія сошла, онъ тасовалъ карты, руки его нѣсколько дрожали. Прежде чѣмъ сняли колоду, а слѣдовательно до объявленія банкометомъ условнаго: «готово!»— Голицынъ перекрестилъ мѣломъ весь кушъ свой и прикрылъ его темною картой.

— Что вы дѣлаете, князь?—тревожно спросилъ Пушкинъ.

— Ставлю на пе, отъ 500 тысячъ на милліонъ,—очень хладнокровно отвѣтилъ Голицынъ.

— Послушайте, князь, ради Бога, уменьшите кушъ, прошу васъ,—обратился къ нему разстроенный хозяинъ.

— Извольте, — согласился грозный понтеръ, снимая со стола свою карту.

— Готово,—объявилъ успокоенный банкометъ.

— Карта пять рублей,— проговорилъ Голицынъ.

— Ну, вотъ, князь, вы изъ одной крайности въ другую,—уже раздосадованный, замѣтилъ Мусинъ-Пушкинъ: — играйте, какъ играли прежде, настоящей игрой.

— Нѣтъ, извините! Или милліонъ, или пять рублей, ни копейкой болѣе!—рѣшительно объявилъ понтеръ.

Мусинъ-Пушкинъ нетерпѣливо пожалъ плечами и сталъ метать. По третьему абцугу карта Голицына была убита. Пушкинъ уронилъ изъ рукъ колоду, схватилъ себя за волосы и осыпалъ проклятіями свою собственную особу. Волненію его не было предѣла, и, съ трудомъ дометавъ эту талію, онъ въ изнеможеніи повалился на спинку кресла.

— Князь,— дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ Голицына,— сколько теперь поставите вы на карту?

— Пять рублей или милліонъ, какъ хотите!—невозмутимо отрѣзалъ тотъ.

— Подождите сейчасъ!..— съ роковою рѣшимостью проговорилъ Пушкинъ и, вскочивъ изъ-за стола, бросился въ сосѣднюю комнату,

Библиотека "Руниверс"

свою спальную. Тутъ онъ упалъ на колѣна и вслухъ сталъ молиться.

Въ глубокой тишинѣ, черезъ полуоткрытыя двери въ спальную, мы созерцали эту необычайную картину. Мусинъ-Пушкинъ съ воздѣтыми къ небу руками порывисто взывалъ къ Пресвятой Богородицѣ съ мольбою о великой ея помощи и вдругъ, какъ будто вдохновенный свыше, вскочилъ на ноги и въ два прыжка уже занялъ снова свое мѣсто за столомъ. «Бью»,—тяжело переводя дыханіе, рѣшительнымъ голосомъ объявилъ онъ Голицыну. Я пристально посмотрѣлъ на Пушкина и изумился его виду: блестящіе, полупомѣшанные глаза, всклокоченные сѣдые волосы и какъ-то искривленный на бокъ ротъ произвели на меня страшное впечатлѣніе.

— Готово,—чуть слышно промолвилъ онъ.

— Отъ 500 тысячъ на милліонъ,—красивыми цифрами вывелъ на столѣ Голицынъ, прикрывъ запись картой...

— Тузъ и дама,—дребезжащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ банкометъ.

— Она, въ цвѣтъ и въ масть,— спокойно открывая трефовую даму, объявилъ понтеръ.

Мусинъ уронилъ карты, съ нимъ сдѣлалось дурно, но втеченіе года выплатилъ весь милліонъ, который Голицынъ въ полтора года, на моей же памяти, весь съѣлъ.

Осень подвигалась. Съ перемѣной погоды изъ теплой въ холодную, съ частыми дождями, измѣнилось и общее настроеніе къ веселью во всемъ нашемъ отрядѣ. Невыгодныя климатическія условія вредно отзывались на здоровьѣ. Самъ начальникъ отряда за послѣднее время чувствовалъ себя нехорошо. Въ сущности болѣзнь его была не серьезная, но, тѣмъ не менѣе, вліяніе на окружающихъ она производила тяжелое, такъ какъ вѣчно милый, радушный и оживленный Петръ Петровичъ Нестеровъ сталъ очень хандрить и задумываться, что̀ отразилось и на всѣхъ насъ, избалованныхъ обыкновеніемъ съ утра до ночи проводить время въ его незамѣнимомъ обществѣ. Лихорадка свирѣпствовала не только на Черноморской береговой линіи, но и у насъ, на лѣвомъ флангѣ. Въ то время не было случая, чтобы солдатъ или офицеръ въ береговыхъ крѣпостяхъ протянулъ существованіе до десятилѣтняго срока, особенно въ Сухумѣ и Анапѣ; даже животныя и птицы подвержены были этой болѣзни: куры, напримѣръ, тряслись во время пароксизма не хуже человѣка.

Нашъ баронъ уже давно вернулся изъ отпуска. Разъ какъ-то захожу къ нему и вижу его очень разстроеннымъ. Онъ не скрылъ причины: утромъ ему доложили о поручикѣ Кавешниковѣ, которому, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, онъ далъ предписаніе подать прошеніе объ отставкѣ; мѣра эта была принята барономъ вслѣдствіе денежныхъ недочетовъ во временно-порученной Кавеш-

Библиотека "Руниверс"

никову ротѣ и личныхъ на него неудовольствій Ляшенка. Только что Меллеръ вышелъ въ столовую, Кавешниковъ бросился ему въ ноги и на колѣняхъ сталъ умолять объ отмѣнѣ предписанія.

— Ваше превосходительство, ради самого Господа, пощадите и оставьте меня въ полку еще на одну экспедицію! Во имя всего святаго не откажите мнѣ!

Когда Меллеръ, съ трудомъ поднявъ его съ пола, спросилъ, къ чему поведетъ эта отсрочка, то бѣдняга, заливаясь слезами, высказалъ послѣднюю мечту свою:

— Авось Господь милосердый позволитъ, чтобъ меня ранили, и я тѣмъ пріобрѣту пенсію, безъ которой теперь, по выходѣ въ отставку, мнѣ грозитъ голодная смерть.

Безвыходное, отчаянное положеніе и искренняя мольба Кавешникова допустить его пролить кровь, чтобъ снискать этимъ кусокъ хлѣба, глубоко тронули Петра Петровича, и онъ не только согласился отмѣнить свое категорическое требованіе, но и матеріально изъ своего кармана помогъ горемыкѣ.

По выходѣ отъ Меллера, мы всѣ, кто былъ на лицо, обступили разстроеннаго Кавешникова и повели его въ ближайшую офицерскую палатку. Здѣсь онъ успокоился и даже разсказалъ намъ свою несложную, грустную исторію.

— «Ахъ, господа! Жизнь моя со всѣми ея подробностями была и будетъ невеселою. Такъ, видно, на роду написано. Родился я въ Ставрополѣ отъ очень, очень бѣдныхъ родителей. Когда я еще не достигъ пониманія, на сколько имъ въ тяжесть,—мать родила еще дочь и умерла. Отецъ съ двумя малыми дѣтьми на рукахъ перебивался кое-какъ, но промаялся не долго, года три, и вслѣдъ за матерью отправился въ Елисейскія. Одни, безъ всякихъ средствъ и пріюта, остались двое сиротъ: я восьми лѣтъ, а сестренка по четвертому году. Лачужку нашу, собственность отца, продали за долги, и мы остались безъ крова; двѣ ночи провели на улицѣ. Но нельзя же бросить дѣтей умирать съ голода и холода. И вотъ тетка отца сжалилась надъ нами и взяла къ себѣ. Много горя видѣли мы впродолженіе почти восьми лѣтъ. У нея у самой средства были скудныя, и мы зачастую впроголодь съ завистью смотрѣли на нищихъ. Вы понимаете, господа, что не о воспитаніи и образованіи нашемъ шла рѣчь, а только о насущномъ хлѣбѣ. Такъ тянули мы. Въ 1841 году мнѣ минуло 15 лѣтъ. Тетка объявила, что теперь пора мнѣ работать самому и дать ей вздохнуть спокойнѣе. «Ступай съ Богомъ съ моихъ хлѣбовъ на службу царскую, а ужъ Дуню я какъ нибудь прокормлю и замужъ отдамъ». Справили мои бумаги, штабный писарь написалъ прошеніе о принятіи на службу въ Куринскій полкъ, тетка благословила, и я пѣшимъ хожденіемъ зашагалъ на линію».—Кавешниковъ тутъ остановился перевести духъ, клѣтчатымъ платкомъ отеръ навернувшіяся слезы

Библиотека "Руниверс"

и болѣе твердо продолжалъ: «Какъ я тянулъ лямку, господа, если не всѣ видѣли, то остальные слышали. Безъ гроша денегъ, безъ родныхъ и, конечно, безъ протекціи подвизаться на службѣ нижнимъ чиномъ — не дай Господи, а особенно въ тѣ времена. Но Богъ милосердый помогъ мнѣ злополучному и послалъ Даргинскую экспедицію, очень выручившую многихъ изъ нашей братіи. За Андію меня произвели въ прапорщики, за Кабарду въ 1846 году — въ подпоручики и за Алдинскій лѣсъ—въ поручики; но еслибъ я сейчасъ вышелъ въ отставку, то повторяю—пропалъ бы; спасибо барону, выручилъ!»—заключилъ свой разсказъ Кавешниковъ.

Но, не смотря на отчаянность и беззавѣтную храбрость Кавешникова, судьба еще щадила его во всѣхъ стычкахъ съ непріятелемъ. Я раненъ былъ пулею въ ногу на вылетъ, но безъ раздробленіи костей, Оклобжіо слегка въ голову и еще много другихъ, Кавешниковъ же остался цѣлъ и невредимъ. Между тѣмъ, 18-го февраля (1850 г.), уже послѣ роспуска отряда на зимнія квартиры, высшее начальство распорядилось, чтобъ по пути слѣдованія полковъ, одновременно въ трехъ разныхъ пунктахъ, нанесены были внезапные удары на непріятельскія гнѣзда: въ Малой Чечнѣ—Меллеромъ, на Кумыкской плоскости—Барятинскимъ и въ Галашкахъ—Вревскимъ. Указанный куринцамъ пунктъ былъ аулъ Карманлой у подножья Черныхъ горъ, въ верховьяхъ рѣки Гехи. Дѣло было небольшое, но одна чеченская пуля, раздробивъ руку, пронизала наскозь грудь Кавешникову. Случайно солдаты 9-й роты вынесли раненаго поручика изъ аула ко мнѣ. Его положили на землю, и докторъ Вержбицкій приступилъ къ осмотру. Раненый стоналъ и хрипѣлъ. Въ эту минуту подъѣхала группа всадниковъ, и въ предразсвѣтной темнотѣ я разглядѣлъ въ ней барона Меллера. Узнавъ меня, онъ пофранцузски спросилъ, велика ли у насъ тутъ потеря, на что̀ я отвѣтилъ, что почти никакой, а вотъ тутъ рядомъ лежитъ раненый Кавешниковъ.

— Ну, что, Кавешниковъ, добились своего желанія? — громко, но не безъ волненія въ голосѣ, спросилъ Меллеръ.

— Да, добился, но, кажется, за банкъ зарвался, ваше превосходительство!—съ ожесточеніемъ, но твердо отвѣтилъ страдалецъ.

Меллеръ отозвалъ въ сторону Вержбицкаго и спросилъ о ранѣ.

— Безусловно-смертельная,—прошепталъ врачъ.

Аулъ запылалъ со всѣхъ сторонъ, и зарево пожара освѣтило нашъ путь къ отступленію. 2-му батальону назначено было идти въ авангардѣ, и здѣсь же понесли Кавешникова. Дѣло при отступленіи завязалось горячее, въ авангардѣ было нѣсколько стычекъ, потеря въ концѣ концовъ, впрочемъ, не превышала ста человѣкъ убитыми и раненными. Нашъ раненый послѣ перевязки сталъ бодрѣе, менѣе жаловался на страданія и, храбрясь передъ нами, настойчиво требовалъ, чтобы пѣсенники потѣшали его лю-

Библиотека "Руниверс"

бимыми: «Шамиль началъ бунтовать» и особенно «Зеленая роща». На другой же день въ лазаретѣ Грозной онъ подъ ножемъ хирурга испустилъ духъ.

О Петрѣ Петровичѣ Нестеровѣ пришли тоже очень грустныя извѣстія. Его болѣзнь осложнилась на столько, что Грозненскій синклитъ врачей призналъ неизбѣжно-необходимымъ отстраненіе отъ него всякихъ занятій и постановилъ немедленно прибѣгнуть къ помощи знаменитаго въ Москвѣ доктора душевныхъ болѣзней—Саблера. Начальство же надъ дивизіей и лѣвымъ флангомъ принялъ Козловскій.

Моя рана также медленно заживала. Грѣшно было бы жаловаться на сильныя физическія страданія, но меня очень тяготило вынужденное горизонтальное положеніе, въ которомъ я пролежалъ около пяти недѣль, растравивъ себѣ рану подъ Карманлой; правда, по вечерамъ, когда меня навѣщали добрые пріятеля, я нарушалъ запретъ доктора и, какъ сорока, скакалъ на одной ногѣ по комнатѣ. Въ числѣ посѣтителей находился также мой субалтеръ-офицеръ, подпоручикъ Кохановскій, изъ разсказовъ котораго я извлекъ много любопытнаго о знаменательномъ въ кавказской исторіи 1843 годѣ, особенно о погромѣ Мингрельскаго батальона подъ Унцухулемъ: Кохановскій былъ единственнымъ, оставшимся въ живыхъ, участникомъ этого дѣла. Сложили въ немъ головы и два пажа: Аверкіевъ—Преображенскаго и Шалашниковъ—Кавалергардскаго полка. Ихъ имена красуются въ нашей Пажеской церкви, вырѣзанныя золотыми буквами на черныхъ мраморныхъ доскахъ, и въ краткомъ описаніи эти офицеры значатся погибшими въ Дагестанѣ въ 1843 году.

Кохановскій тогда былъ еще юнкеромъ, или, какъ часто бывало, унтеръ-офицеромъ изъ дворянъ, въ Мингрельскомъ батальонѣ, которымъ командовалъ молодой и совершенно неопытный штабъ-офицеръ, переведенный изъ гвардіи, маіоръ Веселицкій.

Когда Шамиль, во главѣ несмѣтныхъ полчищъ, имъ собранныхъ, съ необыкновеннымъ успѣхомъ свирѣпствовалъ въ Дагестанѣ и одну за другою бралъ штурмомъ крѣпости наши, въ числѣ которыхъ пала значительная по артиллерійскимъ складамъ нашимъ Сатанихъ,—большая партія блокировала укрѣпленіе Унцухуль. Гарнизонъ въ немъ состоялъ всего изъ двухъ ротъ, а непріятель, осадившій укрѣпленіе, былъ въ громадныхъ силахъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ черезъ лазутчиковъ, положеніе защитниковъ было отчаянное. При неравной борьбѣ съ врагомъ, уже въ 11 крѣпостяхъ предавшимъ все огню и мечу, гарнизону Унцухуля предстояла та же бѣдственная участь быть вырѣзаннымъ, если не подойдетъ къ нему помощь. И вотъ въ эту критическую минуту и былъ направленъ туда Мингрельскій батальонъ.

Веселицкій выступилъ съ баталіономъ, къ которому прикоман-

Библиотека "Руниверс"

дировались Шалашниковъ и Аверкіевъ, оба жаждущіе боя и славы, и шелъ форсированнымъ маршемъ безъ отдыха, едва не бѣгомъ. Верстъ за пять до Унцухуля слышны уже были артиллерійскіе выстрѣлы и учащенная ружейная перестрѣлка, ясно говорившая, что каждая минута дорога. Было около трехъ часовъ по полудни, время еще не позднее, но и далеко не утреннее. Былъ большой рискъ спускаться въ густые сады, занятые скопищами непріятеля, да еще въ сумерки драться въ незнакомой мѣстности. Но грустная картина боя въ крѣпости ничтожной горсти храбрыхъ ея защитниковъ такъ живо представлялась въ самомъ отчаянномъ видѣ, что, не внемля никакимъ доводамъ благоразумныхъ, рѣшено было идти впередъ, не теряя золотаго времени, и мингрельцы пошли. Здѣсь, однако, командиръ баталіона принялъ мѣры военной хитрости, а именно, съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля, по всѣмъ вѣроятіямъ уже замѣтившаго появленіе нашего вспомогательнаго отряда, на занятой имъ горѣ онъ распорядился оставить команду изъ 1 унтеръ-офицера и 8 рядовыхъ, съ тѣмъ, чтобы по его уходѣ люди эти, наблюдая за дѣйствіями партій, поддерживали огонь въ разведенныхъ кострахъ, всячески стараясь ввести этимъ непріятеля въ заблужденіе, а потомъ быстро присоединились бы къ баталіону. Оставленный съ этою командой унтеръ-офицеръ и былъ Кохановскій.

По его разсказамъ, когда мингрельцы совсѣмъ втянулись уже въ сады на половину пути, наступили сумерки. Въ исполненіе данной инструкціи, Кохановскій отдѣлилъ впередъ, по склону горы, наблюдательный секретъ въ два человѣка, которымъ приказалъ залечь между камней и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣть и слушать все, что произойдетъ въ садахъ, а тѣмъ временемъ онъ самъ съ шестью рядовыми, разсыпавшись по вершинѣ возвышенности, сталъ дѣятельно поддерживать огни. Такъ прошло около часа, и Кохановскій сталъ уже помышлять о томъ, чтобы оставить свой постъ и поспѣшно догонять ушедшій баталіонъ, когда оба солдата изъ секрета прибѣжали съ донесеніемъ, что имъ отчетливо былъ слышенъ гикъ непріятеля, нѣсколько выстрѣловъ, отчаянные, но не дружные крики «ура», а затѣмъ звякъ холоднаго оружія, стоны и страшные вопли умирающихъ. Кохановскій не сразу повѣрилъ сообщеннымъ ужасамъ и, допуская мысль, что у страха глаза велики, самъ бросился къ оставленному секретомъ пункту, гдѣ,—увы!—самолично убѣдился въ несомнѣнной справедливости безотрадныхъ показаній. Собравшаяся команда сообща порѣшила, что единственнымъ путемъ къ ея спасенію оставалось немедленное и поспѣшное отступленіе обратно къ Сулаку. Отъ него ихъ раздѣляло болѣе 30 верстъ, но ночная темнота могла укрыть ихъ отъ зоркихъ глазъ непріятеля, а чувство самосохраненія могло дать силы быстро одолѣть пространство. Не долго разсуждая, всѣ девять че-

Библиотека "Руниверс"

ловѣкъ пустились назадъ, условившись притомъ при первыхъ признакахъ угрожающей опасности искать спасенія въ разсыпную. Часа черезъ три, четыре, усиленнаго хода, до слуха ихъ долетѣлъ топотъ скачущихъ за ними коней.

— Спасайтесь, ребята! — въ полъ-голоса скомандовалъ унтеръ-офицеръ и, стремительно бросившись подъ кручу, миновалъ настигающаго врага. Раздались три выстрѣла и нѣсколько стоновъ, но Кохановскій и съ нимъ три солдатика, безъ оглядки, по ущельямъ, балкамъ, промоинамъ и кустамъ, пустились наутекъ. Ночная тьма и страшно пересѣченная мѣстность помогли имъ скрыться отъ рыщущихъ кругомъ горцевъ, а шумъ бѣшеннаго Сулака замного верстъ своимъ ревомъ указывалъ дорогу. На самомъ разсвѣтѣ Кохановскій, самъ четвертый, достигъ береговъ рьянаго потока, но въ то же время подоспѣли сюда и грозные всадники. Не теряя минуты, мингрельцы, сбросивъ съ себя платье и оружіе въ рѣку, кинулись сами въ бурныя волны быстрѣйшей рѣки Дагестанской и стремительно были увлечены теченіемъ; двое погибли отъ пуль прискакавшихъ къ берегу враговъ, а третій утонулъ отъ неумѣнья плавать. Изъ всей команды одному Кохановскому удалось избѣгнуть непріятельскихъ выстрѣловъ и одолѣть борьбу съ волнами. Онѣ далеко выбросили его на противоположный берегъ, гдѣ, среди кустовъ, онъ долго пролежалъ неподвижно и, убѣдясь, что ни одинъ изъ кровожадныхъ горцевъ не прельстится вплавь переѣхать Сулакъ, рѣшился наконецъ снова бѣжать къ ближайшей нашей крѣпости. Передъ вечеромъ, въ полномъ изнеможеніи, разбитый и совершенно нагой, онъ дотащился до крѣпостныхъ воротъ, откуда въ накинутой на него шинели былъ представленъ командующему тамъ войсками генералу Плацъ-Бекуму. Плачевныя свѣдѣнія, сообщенныя Кохановскимъ, о злополучной участи Мингрельскаго баталіона, къ великому прискорбію, подтвердились вполнѣ не показаніями участниковъ, такъ какъ, кромѣ Кохановскаго въ живыхъ не оказалось никого, но изустными разсказами лазутчиковъ изъ многочисленной партіи, истребившей до единаго человѣка весь нашъ вспомогательный отрядъ подъ Унцухулемъ. На утро были той же участи обречены и обѣ роты гарнизона крѣпости, вырѣзанныя непріятелемъ безъ всякой пощады.

Съ 1843 и до августа 1849 года Кохановскій ждалъ исхода сдѣланнаго о немъ представленія и наконецъ, получивъ солдатскій Георгіевскій крестъ, произведенъ въ прапощики, съ большимъ старшинствомъ въ чинѣ, такъ что на пути въ полкъ онъ уже попалъ въ подпоручики.

Кромѣ дѣла подъ Унцухулемъ, много интереснаго узналъ я отъ моего подпоручика о роковомъ для Дагестана 1843 годѣ, гдѣ въ тѣсной связи съ именемъ Шамиля гремятъ имена Даніель-бека, султана елисуйскаго, и Хаджи-Мурата, хана аварскаго.

Библиотека "Руниверс"

Рана моя зажила, и я могъ снова участвовать въ штурмѣ 10-го апрѣля Шалинскихъ окоповъ, за что̀ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, а съ 3-го августа за Тепликичу я былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и принялъ 2-й баталіонъ. Недурно въ три года взять три чина и два креста.

21-го мая къ намъ пріѣхалъ главнокомандующій и съ нимъ генералъ-адъютантъ Коцебу, затѣмъ контръ-адмиралъ Истоминъ, Дондуковъ, Васильчиковъ и проч.

Я воспользовался этимъ пріѣздомъ, чтобы отпроситься въ отпускъ въ Россію, и съ помощью Дондукова дѣло очень быстро уладилось: я получилъ четырехъ-мѣсячный отпускъ съ любезнымъ приглашеніемъ князя Воронцова—непремѣнно вновь возвратиться служить на Кавказъ.

X.

Путешествіе. — Новочеркасскъ. — Атаманъ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ.— День рожденія атамана и вечерній отъ войска праздникъ. — Пріѣздъ въ Царское Село.—Мать и сестры.—Признаніе.—Жизнь въ Царскомъ и въ Вельможьѣ.— Возвращеніе. — Путешествіе на Кавказъ наслѣдника цесаревича. — Стычка съ горцами.—Георгіевскій крестъ.—Грозная.—Личность Бакланова и его исторія.

Мая 24-го, съ веселымъ сердцемъ и самыми отрадными надеждами, выѣхалъ я изъ Грозной съ своимъ двоюроднымъ братцемъ Павломъ Полторацкимъ. Послѣ трехлѣтней разлуки съ своими кровными, вернуться, посмотрѣть на нихъ и показать себя, естественно было отрадно для меня.

Какъ бы то ни было, а, всетаки, въ гостяхъ хорошо, а дома еще лучше. И какъ не сознавать этой непреложной истины на Кавказѣ особенно, гдѣ только при счастливой случайности можно избѣжать участи очень многихъ, на вѣки распростившихся съ своей родиной.

Словомъ, на душѣ было легко и такъ же ясно, какъ въ природѣ тотъ чудный день, теплый, но не знойный, ясный и безвѣтренный, когда мы, развалясь въ тарантасѣ, тронулись въ путь-дороженьку...

Если у меня и пробѣгала иногда тяжелая дума о вопросѣ денежномъ, то она одна и не надолго омрачала свѣтлыя надежды и представленія о торжествѣ моей служебной карьеры, ранѣ, контузіи и прочихъ отличіяхъ, которыя уже не составляютъ тайны для семьи моей.

Дорога была сухая, ровная, гладкая. Лошади бѣжали легко и весело. Высоко было еще солнце, когда тарантасъ нашъ остановился въ Моздокѣ, у крыльца уѣзднаго казначейства. На этомъ переѣздѣ меня не мало удивила поразительная рѣзвость

Библиотека "Руниверс"

воловъ на линіи. Когда наша тройка крупною рысью нагнала по дорогѣ двухколесную на волахъ арбу, ямщикъ крикнулъ сидящимъ въ ней двумъ мамукамъ своротить съ дороги; но онѣ оглянулись и, ударивъ длинными хворостинами по воламъ, погнали ихъ впереди насъ такъ скоро, что обиженный ямщикъ пустилъ лошадей вскачь, и, не смотря на то, лишь на третьей верстѣ, ему удалось обогнать несущихся полнымъ карьеромъ воловъ. Мамуки, усердно погоняя ихъ, помирали со смѣха, поддразнивая ухаря-возницу, а тѣмъ временемъ ихъ некрупныя животныя, задравъ хвосты къ верху, съ остервенѣніемъ неслись впередъ.

Въ казначействѣ я взялъ на свое имя подорожную до С.-Петербурга, и полъ-часа спустя мы катили къ Екатеринодару. Въ Ставрополѣ мы плотно позавтракали у Налтаки, а въ Аксаѣ, маленькомъ городкѣ войска Донскаго, въ 25 верстахъ отъ Новочеркасска, не могли не поѣсть знаменитой ухи изъ стерлядей въ памятномъ мнѣ придорожномъ трактирѣ: «Прощай, мой другъ». Въ Новочеркасскѣ мнѣ также хотѣлось пробыть не долго, только, чтобы повидаться съ Гришей Хомутовымъ, а Пашенькѣ отдохнуть немного отъ толчковъ тарантаса. Только что вошли мы въ Новочеркасскую почтовую станцію съ буфетомъ, я на своей карточкѣ написалъ два слова Гришѣ и отправилъ съ извозчикомъ въ домъ атамана. Не успѣли мы затѣмъ приняться за чаепитіе, какъ въ нашу комнату ворвался не одинъ Гриша, а и братъ его Николай. Дружески обнявшись со мною, они оба заявили непремѣнное требованіе сейчасъ же ѣхать къ нимъ и не на часъ, а ночевать. На объясненіе мое, что я здѣсь не одинъ, братья Хомутовы поспѣшили познакомиться съ Павломъ и тутъ же уговорили его отправиться въ ихъ совершенно отдѣльное, особнякомъ стоящее помѣщеніе въ атаманскомъ саду. Приглашеніе молодыхъ моихъ однокашниковъ было сдѣлано такъ настойчиво и сердечно, что отказаться не было возможности. Въ густомъ саду, въ отдѣльномъ флигелѣ, о шести просторныхъ комнатахъ, любезные хозяева помѣстили насъ очень удобно.

— Вы, однако, и не думайте завтра объ отъѣздѣ, — заявили они.

— Послѣзавтра день рожденія отца, и, сверхъ того, въ этотъ же день все войско Донское чествуетъ празднествомъ его назначеніе наказнымъ атаманомъ. Поэтому уѣхать наканунѣ этого двойнаго торжества было бы непростительно обидно.

Не вполнѣ предрѣшивъ вопроса объ отъѣздѣ нашемъ, мы усѣлись на широкой террасѣ флигеля, оплетенной вьющимися растеніями, и прилежно приступили къ оцѣнкѣ высокаго сорта вина изъ садовъ атаманскихъ. Ночь была теплая и тихая. Сквозь густую листву ближайшихъ въ саду деревьевъ луна бросала лучи, серебристымъ свѣтомъ обливая большой домъ наказнаго атамана.

Библиотека "Руниверс"

Въ нѣсколькихъ шагахъ защелкалъ соловей, вдали ему отвѣтили десятки голосовъ, и раздалась дивная музыка пернатыхъ. Мы смолкли и обратились въ слухъ. По песчаной дорожкѣ, вблизи, послышались шаги, и между кустовъ по направленію къ террасѣ блеснулъ генералъ-адъютантскій аксельбантъ.

— Пришелъ привѣтствовать дорогихъ гостей,—поднимаясь на ступени, сказалъ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, радушно пожимая намъ руки.—Съ тобою, Владиміръ, вѣдь мы сродни, а вотъ съ твоимъ родственникомъ я еще не знакомъ.

Занявъ между нами мѣсто, маститый атаманъ далъ намъ возможность вдоволь налюбоваться его наружностью. Въ дѣтствѣ своемъ я видалъ Михаила Григорьевича въ Москвѣ, потомъ встрѣтилъ разъ въ Петербургѣ, но близко не зналъ, а только слышалъ и очень много о всѣхъ доблестяхъ и душевныхъ качествахъ этого всѣми любимаго человѣка. Наружность его была донельзя привлекательна. Сѣдые, курчавые волоса и длинные усы, висящіе точь-въ-точь, какъ у Тараса Бульбы, придавали ему воинственный видъ, тогда какъ мягкіе, лазурно-голубые глаза обличали доброту и благодушіе. Довольно долго наслаждались мы обществомъ Михаила Григорьевича. Онъ много разсказывалъ самъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ наши рѣчи о Кавказѣ, причемъ сообщилъ, что и Николка его долженъ скоро ѣхать туда же, но что онъ озабоченъ задержкой его перевода изъ Виртембергскаго гусарскаго полка въ Сунженскій казачій, Слѣпцова. «Нельзя ли тебѣ, Владиміръ, узнать въ Петербургѣ причину замедленія высочайшаго приказа?»—замѣтилъ Михаилъ Григорьевичъ. Я съ великимъ удовольствіемъ взялся исполнить это и написать еще своимъ порядкомъ о справкѣ къ Дондукову. Отношенія старика къ сыновьямъ были самыя простыя, дружескія и на «ты», что̀ по тогдашнему времени было въ рѣдкость. Далеко за полночь, пригласивъ насъ на слѣдующій день запросто къ себѣ обѣдать, Хомутовъ простился съ нами. На другой день, не успѣли мы еще одѣться, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышались шумные голоса, и молодые хозяева ворвались къ намъ съ требованіемъ идти знакомиться съ ихъ друзьями, Иловайскимъ и Вольховскимъ. Оба они были природные донскіе казаки, «pur sang», но богатые и благовоспитанные. Первый извѣстенъ на Дону, какъ лучшій коннозаводчикъ, а второй, личный адъютантъ наказнаго атамана, какъ винодѣлъ, виночерпій и виноистребитель... Эти двое распорядителей завтрашняго праздника пріѣзжали пригласить насъ на балъ, даваемый войскомъ въ честь новаго атамана Хомутова (назначеннаго по кончинѣ Власова), и мы не сочли себя вправѣ отказаться отъ этой чести. Послѣ обѣда, совершенно семейнаго, у Михаила Григорьевича, подъѣхалъ къ флигелю шестерикомъ донской офицеръ и казначей всего войска Донскаго, Барабанщиковъ. Живая,

Библиотека "Руниверс"

веселая и развязная эта личность съ первой же минуты очень мнѣ понравилась.

— Рекомендую вамъ, друзья мои, Барабанщикова, — сказалъ атаманъ,—онъ отличнѣйшій офицеръ, который, если бы велъ свои собственныя финансовыя дѣла, какъ онъ ведетъ казенныя, то былъ бы несмѣтно богатъ, и наоборотъ, если бы онъ вздумалъ вести казенныя, какъ свои, то уже давнымъ давно былъ бы подъ судомъ.

Эта характеристика вполнѣ точная. Втеченіе болѣе десяти лѣтъ, занимая должность казначея войска, онъ довелъ свою часть до совершенства; что же касается собственныхъ дѣлъ, то разстроилъ ихъ совершенно. И не мудрено. Прекрасная обстановка, отличные экипажи и лошади, лучшій въ городѣ столъ и въ довершеніе всегда разливное море вина, но какого? На Дону какого же, какъ не донскаго,—подумаетъ всякій. Нѣтъ, извините, свое мѣстное вино пить считалось mauvais genre: здѣсь употребляли одно шампанское. Говорятъ, въ Сибири тоже не пьютъ иного вина, какъ шампанское, Клико и Редереръ, но вѣдь тамъ своего вина, мѣстнаго, нѣтъ никакого, а на Дону-то... слава тебѣ, Господи.

8-го іюня, во второмъ часу по полудни, обширныя залы атаманскаго дома стали наполняться толпою казаковъ всѣхъ чиновъ и положеній земли войска Донскаго, а ровно въ два часа засѣли не за столъ, а за столы, въ шести комнатахъ, болѣе трехъ сотъ человѣкъ праздновать новорожденнаго. Тутъ-то увидѣлъ я знакомыхъ мнѣ по наслышкѣ чудовищныхъ осетровъ. Каждаго изъ нихъ подавали два человѣка не на блюдахъ, а на длинныхъ, не менѣе трехъ аршинъ, доскахъ. Обѣдъ, не смотря на громадное число приглашенныхъ, былъ вкусный, обильный, но тянулся не особенно долго, не смотря на то, что тостамъ, кажется, не было счета. Общественный же праздникъ въ честь Михаила Григорьевича былъ устроенъ въ городскомъ саду вечеромъ, и ужинъ накрытъ въ обширныхъ оранжереяхъ. Прекрасная иллюминація, съ громаднымъ щитомъ на площадкѣ, была зажжена еще до прибытія атамана съ семействомъ. Всѣ участники праздника, мужчины и женщины, встрѣтили его у воротъ сада и сопровождали до павильона, роскошно убраннаго, гдѣ подавали чай, десертъ и фрукты. Затѣмъ группы дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, училищъ и пріюта, стройно пропѣли хоромъ кантаты спеціально дорогому атаману. Хомутовъ былъ тронутъ до слезъ, да и вообще настроеніе всего общества выражало не офиціальное чествованіе начальника, но сліяніе всего населенія, чтобы оказать сердечныя чувства и пожеланія маститому старцу. Въ ротондѣ между тѣмъ начались танцы.

Въ числѣ очень многихъ хорошенькихъ женщинъ выдавалась особенно одна красавица, затмившая собою всѣхъ остальныхъ,— графиня Орлова-Денисова, рожденная Шидловская. Она на время

Библиотека "Руниверс"

пріѣхала изъ Москвы на Донъ съ мужемъ своимъ, адъютантомъ графа Закревскаго, и въ этотъ вечеръ очаровала всѣхъ своимъ изяществомъ, прекраснымъ ростомъ, граціей и плѣнительной красотой. Была еще одна очень миловидная и кокетливая барыня — жена инженера барона Врангеля. Мѣстныя же красавицы, казачки, имѣли свой исключительный типъ, но манерами и разговоромъ все же рѣзко отличались отъ аристократокъ великорусской расы. Когда я внимательно ихъ разсматривалъ, мнѣ невольно вспомнился разсказъ моей матери о давно минувшемъ эпизодѣ съ нею въ Новочеркасскѣ. Въ 1818 году семейства Киселевыхъ и князей Грузинскихъ ѣздили на кавказскія минеральныя воды и, возвращаясь оттуда, были на большомъ балѣ, данномъ донцами по случаю посѣщенія ихъ молодымъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Мать моя, незадолго передъ тѣмъ пожалованная фрейлиной ея величества, танцовала французскую кадриль съ его императорскимъ высочествомъ, а vis-à-vis у нихъ кто-то изъ свиты великаго князя съ казачкой изъ мѣстной аристократіи. Въ залѣ было душно. Въ третьей фигурѣ эта дама, казачка, внезапно подпрыгнула къ матери и громко ей объявила: «пожалуйте мнѣ вашего платочка утереться, а то я ужасти какъ запрѣла!» и, не смотря на неудержимый смѣхъ владѣлицы платочка и ея кавалера, она кружевнымъ платкомъ обтерла обильный потъ съ лица и, возвративъ его по принадлежности, пустилась снова усердствовать въ плясахъ. Правда, прошло слишкомъ тридцать лѣтъ, и у дамъ-казачекъ завелись носовые платки кружевные, ну, а, всетаки, еще нужно бы добавить европейскаго салоннаго лоску.

Наконецъ, только черезъ нѣсколько дней, распростившись съ теплыми ребятами-донцами, могли мы выѣхать изъ Новочеркасска.

Остальной путь прошелъ безъ задержки. Вотъ и Москва, Тверь и, наконецъ, Царское Село.

Отъ самой Грозной работала голова моя о минутѣ объясненія съ матерью... За двѣ недѣли до отъѣзда съ Кавказа я предупредилъ ее о моемъ пріѣздѣ въ отпускъ, косвенно давъ понять, что онъ, кромѣ счастья обнять ее, вызванъ еще и крайнею необходимостью личнаго съ нею свиданія. Конечно, отвѣта я еще получить тогда не могъ, и всю дорогу неотвязно преслѣдовала меня забота, какъ приступить и какъ устроить мои финансовыя дѣла, сведенныя, по счетамъ, къ крупной цифрѣ 9 тысячъ рублей долга. Теперь по мѣрѣ приближенія къ цѣли путешествія, усиливались тоскливыя волненія, нерѣшительность, сомнѣнія.

— Гдѣ живетъ здѣсь на дачѣ генеральша Полторацкая?

Указываютъ, ѣдемъ, и тройка останавливается у подъѣзда одноэтажнаго, довольно большаго дома. Въ двухъ крайнихъ окнахъ виденъ свѣтъ, въ остальныхъ темно.

Библиотека "Руниверс"

— Не звони, Иванъ, съ крыльца, а постучи во дворъ.

— Дома?

— Дома.

— Легли почивать?

— Нѣтъ, еще только собираются, — отвѣчаетъ какая-то невидимка въ темнотѣ.

Открыли входныя двери, я сбросилъ шинель и тихонько прошелъ до спальной матери.

— Кто тамъ?—слышу ея голосъ.

Вхожу и тискаю въ объятіяхъ удивленную, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень обрадованную мать мою. Пять минутъ спустя, въ уютной комнатѣ сестеръ, вскочившихъ уже съ постели, обѣ онѣ, мать и я усѣлись за столомъ. Ольга не перемѣнилась, Софья очень похорошѣла, а мать постарѣла. Сѣдые волосы стали замѣтно пробиваться на вискахъ, отчасти впали и глаза. Узнавъ отъ меня, что я не ужиналъ и голоденъ, Оляша распорядилась, чтобы подали мнѣ водки, сыру, вина. Скоро передо мною явился подносъ: на немъ стоялъ знакомый мнѣ съ дѣтства граненый графинъ съ французскою водкой, бутылка хереса, масло, сыръ, langue fourée и проч. Пока я съ жадностью наливалъ себѣ рюмку водки, мать и сестры пристально меня разглядывали, высказывая каждая вслухъ замѣчаніе: «похудѣлъ», «потолстѣлъ», «возмужалъ», даже «похорошѣлъ». Я выпилъ вторую и третью рюмку, разспрашивая ихъ о братьяхъ, объ ихъ житьѣ-бытьѣ, о болванчикахъ-ухаживателяхъ за ними. Сестры, смѣясь, отвѣчали мнѣ, а мать внимательно мѣрила меня съ головы до ногъ, какъ будто чего-то ожидая. Покончивъ весь графинъ съ водкой, я налилъ себѣ стаканъ хереса. Сестры, при видѣ этой крупной порціи, посмотрѣли на меня изумленными глазами, а я, залпомъ проглотивъ ее и встрѣтивъ любопытный, вопрошающій взглядъ матери, мысленно порѣшилъ, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе, что во взглядѣ матери я прочелъ нетерпѣніе услышать объясненіе моего пріѣзда. Она на минуту вышла распорядиться, какую для меня приготовить комнату, и ея отсутствіемъ воспользовалась Ольга, чтобы шепнуть мнѣ, что «maman очень интересуетъ тайная причина, о которой ты упоминаешь въ письмѣ своемъ». Вернулась мать, сѣла около меня близко, уставила на меня влажные глаза и видимо ожидала моего признанія. Я налилъ себѣ еще стаканъ. Хмель не бралъ меня, но храбрости прибавлялось. Наконецъ, мать не выдержала, она нѣжно обняла меня и, нагнувшись къ моему лицу, въ полголоса спросила:

— Ты влюбленъ? Хочешь жениться? на комъ?

Я разсмѣялся.

— Нѣтъ, мамаша, совсѣмъ, совсѣмъ не то. Вы не отгадали!

— Что же, что такое, Володя, скажи мнѣ, ради Бога?—нетерпѣливо, но мягкимъ, успокоительнымъ голосомъ спросила она.

Библиотека "Руниверс"

— Долги, мамаша!—вздохнувъ, проговорилъ я.

— Сколько ихъ?—поспѣшила узнать мать.

— Сколько? — повторилъ я вопросъ ея и тутъ же, опрокинувъ въ себя вино, хватилъ:—тридцать тысячъ!

— Неужели 30 тысячъ?—испуганно вскричала она.

— Успокойтесь, мамаша, 30 тысячъ, но ассигнаціями,—поспѣшилъ я объяснить.

— Ну, слава Богу, слава Богу! — восторженно обнимая меня, нѣсколько разъ повторила добрѣйшая мать.

Давно такъ сладко, такъ спокойно не засыпалъ я, какъ въ ту благодатную ночь, подкрѣпленный торжественнымъ обѣщаніемъ матери устроить всѣ дѣла мои.

Дни въ Царскомъ потекли среди родной семьи, безъ горя, печали и «долговъ», оживленные подъ конецъ еще пріѣздомъ обоихъ братьевъ-пажей изъ лагеря. Мать, глядя на насъ, по нѣсколько разъ принималась плакать, причемъ, однако, предупреждала, чтобы мы не безпокоились, такъ какъ это слезы радости и счастья видѣть всѣхъ дѣтей вмѣстѣ. Въ силу сего объясненія мы не тревожились, и даже ни одинъ изъ насъ пятерыхъ (надо полагать, по черствости сердечной) не приходилъ въ должное умиленіе. Къ тому же въ эти дни какъ-то рельефнѣе бросалось въ глаза, что, при всемъ избыткѣ удовлетворенной нѣжности матери ко всѣмъ дѣтямъ, взоры ея, какъ бы случайно, но постоянно останавливались на одномъ Алексѣѣ. Удивительно магическое дѣйствіе производили на счастливую мать новые камеръ-пажескіе галуны на фалдахъ Алеши.

— Счастливецъ ты, Алексѣй, вѣдь теперь на золотѣ сидѣть будешь!—не выдержалъ я сострить надъ нимъ.

Сестры и Дмитрій разсмѣялись, а онъ осерчалъ. Это напомнило анекдотъ нашего баталіоннаго адъютанта (Романовскаго) съ полковымъ казначеемъ Пелипейкомъ, который я тутъ же и разсказалъ. Адъютантъ не отличался силою нервовъ своихъ подъ вражескими пулями и, отъискавъ два раза уже укромный отъ нихъ пріютъ, во время дѣла, подъ повозкой, въ концѣ концовъ сталъ усердно, но тщательно искать выгодной перемѣны службы, изъ строя въ болѣе покойную и безопасную обстановку. Разъ какъ-то онъ назойливо присталъ къ казначею доставить ему желаемое мѣсто, хотя не большое, но денежное. «Извольте!—не задумываясь, отвѣтилъ Пелипейко:—на козлахъ, рядомъ съ фурштатомъ, на казенномъ ящикѣ: мѣстечко небольшое, но денежное!».

Анекдотъ мой вызвалъ общій смѣхъ, не исключая и Алексѣя. Не смотря, однако, на все оживленіе, наши интересы, то-есть мой и окружающихъ, такъ мало имѣли общаго, что я уже сталъ подумывать объ отъѣздѣ въ Вельможье, мое милое, родное Вельможье, куда манила меня охота и деревенскій просторъ. Вечера, балы, ка-

Библиотека "Руниверс"

валькады—все это прискучило мнѣ. Любезное приглашеніе на балъ къ графинѣ Блудовой я съ наслажденіемъ промѣнялъ бы на одно поле въ Кузавковскихъ рощахъ безъ оркестра музыки, а съ хоромъ доморощенныхъ кричалъ... Балъ этотъ ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ баловъ большаго свѣта. Было тѣсно, душно и очень скучно. Къ тому же и мать моя была разстроена извѣстіемъ, тутъ же ей сообщеннымъ, о кончинѣ Елены Николаевны Львовой, матери Леонида. Какая злая судьба всего этого семейства! Леонидъ Николаевичъ и Елена Николаевна Львовы, еще очень не старые люди, имѣли тринадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ въ своемъ родовомъ Никольскомъ они похоронили девятерыхъ, преждевременно погибшихъ отъ наслѣдственной чахотки. Предположивъ, что главной причиной былъ суровый климатъ Тверской губерніи, отецъ и мать рѣшились, наконецъ, переселиться съ остальными дѣтьми своими на югъ Франціи. Прошло всего три года, и въ Петербургъ вернулась мать съ однимъ сыномъ Леонидомъ, да и она недолго протянула.

Ѣдучи изъ Царскаго Села въ Вельможье, я заѣхалъ по дорогѣ къ Леониду въ Никольское. Картины на стѣнахъ, мебель у камина, мольбертъ въ углу, а особенно подъ стекломъ восковыя фигуры, артистической работы, талантливаго художника-женщины, Елены Николаевны,—все, все до малѣйшей вещицы въ большомъ и своеобразномъ домѣ переносило меня въ тотъ отрадный періодъ дѣтства, когда мы, въ курточкахъ, бѣгали, шумѣли и возились здѣсь съ Леонидомъ.

Въ Вельможьѣ время прошло въ непрерывной охотѣ; я хотѣлъ вдоволь насладиться любимою страстью въ послѣдніе дни отпуска. Спутникомъ моимъ и горячимъ приверженцемъ оказался новый мой слуга Вавила, котораго я бралъ съ собой на Кавказъ вмѣсто Ивана Ильина. Вавила былъ мой сверстникъ и вѣрный сотоварищъ дѣтства. Онъ мальчикомъ еще былъ проворнымъ и разбитнымъ поваренкомъ на кухнѣ, на охотѣ—выжлятникомъ, на рыбной ловлѣ съ удочкой—рыболовомъ.

4-го октября мы двинулись на гибельный Кавказъ; холода хватили рано, и Волгу намъ пришлось переѣхать по льду, но близь Ставрополя о зимнемъ пути не было и помина. Чудная осенняя погода вступила въ права свои. Тихіе безоблачные дни, съ легкими морозцами по ночамъ и сильнымъ солнцепекомъ въ полдень, приводили насъ въ недоумѣніе; пришлось снять шубы и облечься въ кителя. По пути много слышали мы о разныхъ приключеніяхъ во время проѣзда, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, наслѣдника русскаго престола Александра Николаевича. Между Ставрополемъ и ст. Московской, на протяженіи 30 верстъ, провожали государя наслѣдника линейные казаки въ составѣ двухъ полковъ и двухъ конныхъ батарей, не отстававшихъ на карьерѣ

Библиотека "Руниверс"

отъ экипажа его высочества. На всемъ пути этомъ казаки джигитовали, изумляя августѣйшаго своего атамана ловкимъ, смѣлымъ, даже отчаяннымъ наѣздничествомъ. Одинъ казакъ стремглавъ промчался мимо самой коляски цесаревича, другой же, нагоняя его, на всемъ скаку заряжалъ винтовку, но, второпяхъ, не успѣвъ выдернуть изъ ствола шомпола, выстрѣлилъ по переднему и пронизалъ шомполомъ ему насквозь черезъ спину грудь. Пораженный этимъ несчастнымъ случаемъ, наслѣдникъ цесаревичъ остановилъ весь поѣздъ, выскочилъ изъ экипажа и, потребовавъ лейбъ-хирурга своего Енохина, оказалъ пострадавшему самое милостивое участіе. Но помимо подобныхъ невеселыхъ эпизодовъ, были и забавные. Такой одинъ случай, напримѣръ, произошелъ на станціи Солдатской, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ его высочества. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ по Кавказу государя наслѣдника цесаревича, находился, конечно, и командующій войсками Кавказской линіи и Черноморіи, генералъ-отъ-кавалеріи Николай Степановичъ Завадовскій. Послѣ обѣденнаго стола, по принятому порядку, слѣдомъ за его высочествомъ, черезъ каждыя пять минутъ, отправлялись экипажи со свитой и лицами, ему сопутствующими. Послѣ князя Михаила Семеновича Воронцова, къ подъѣзду станціи подали карету Завадовскаго. Лакей его бросился что-то уложить и хлопнулъ дверцей кареты, а разиня-ямщикъ, вообразивъ себѣ, что генералъ уже сѣлъ, съ мѣста погналъ лошадей во всю прыть. На неистовые крики ямщику остановиться, имъ, однако, не разслышанные, вышелъ на крыльцо Завадовскій и въ безпомощномъ положеніи развелъ руками: «Во, кажу візъ мій уихавъ!». Такимъ образомъ, въ самомъ центрѣ ввѣреннаго ему края, Завадовскій никоимъ образомъ не могъ нагнать и откланяться его высочеству. Слышалъ я также отъ очевидцевъ о стычкѣ на Гехи колонны, сопровождавшей наслѣдника, съ непріятельской партіей. Вотъ какъ объ этомъ разсказываютъ. Въ свитѣ государя наслѣдника, помимо разныхъ чиновъ гражданскаго вѣдомства и лейбъ-медика, находились три адъютанта его высочества: графъ Александръ Адлербергъ, графъ Жозефъ Ламбертъ и князь Борисъ Голицынъ (морякъ); кромѣ того, при его особѣ, на время объѣзда Кавказа, назначенъ былъ состоять свиты его величества генералъ-маіоръ, князь А. И. Барятинскій. За нѣсколько дней до пріѣзда на Кавказъ августѣйшаго гостя въ горахъ уже стало извѣстно о его посѣщеніи, и потому тонкій политикъ Шамиль издалъ повелѣніе по всѣмъ подвластнымъ ему племенамъ, чтобы «нигдѣ на пути высокаго путешественника никто не смѣлъ предпринимать противъ священной особы наслѣдника престола могущественнаго Бѣлаго царя не только враждебныхъ какихъ либо дѣйствій, но даже изъ любопытства не дерзать показываться на его свѣтлыя очи».

Говорятъ, что при извѣстіи объ этой прокламаціи имама госу-

Библиотека "Руниверс"

дарь цесаревичъ упалъ духомъ, такъ какъ она лишала его всякой надежды оказать военное отличіе на Кавказѣ, куда его высочество уже стремился и прежде, но особенно когда августѣйшій братъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, удостоился за Венгерскую кампанію Георгіевскаго креста. Разочарованіе государь наслѣдникъ всецѣло испыталъ при первыхъ же шагахъ на Лабинской линіи, гдѣ Магометъ-Аминь, не признающій на правомъ флангѣ нашей линіи верховной власти Шамиля, возъимѣлъ дерзкое намѣреніе встрѣтить поѣздъ государя цесаревича открытою силой. Но главнокомандующій свѣтлѣйшій князь Воронцовъ былъ предупрежденъ объ этомъ начальникомъ Кубанской линіи, генераломъ Евдокимовымъ, и, успѣвъ измѣнить маршрутъ слѣдованія его высочества, немедленно донесъ о томъ государю императору. Очевидцы говорятъ, что отчаянію государя наслѣдника, когда онъ узналъ о внезапно сдѣланномъ измѣненіи пути, не было предѣловъ. Но помочь горю не было средствъ, такъ какъ фельдъегерь еще ночью ускакалъ въ Петербургъ съ донесеніемъ Воронцова.

Затѣмъ, благополучно совершивъ путешествіе по Черноморской береговой линіи и посѣтивъ всѣ приморскія укрѣпленія до Поти, его императорское высочество прибылъ въ Тифлисъ, а оттуда прослѣдовалъ по Лезгинской линіи въ Южный и Сѣверный Дагестанъ, въ Кумыкскую плоскость и на лѣвый флангъ Кавказской линіи, пожаловалъ наконецъ къ намъ, въ Воздвиженское. Переночевавъ здѣсь, на другой день съ утра великокняжескій поѣздъ тронулся отсюда съ подобающею торжественностью. Временно занявъ гарнизонъ Урусъ-Мартана линейными ротами, всѣ пять батальоновъ Егерскаго князя Воронцова полка, стянутые наканунѣ въ штабъ для шествія съ государемъ наслѣдникомъ до р. Валерика, выступили изъ Воздвиженскаго въ парадной формѣ съ развернутыми знаменами. Колона двинулась въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди гарцовали наѣздники изъ мирныхъ чеченцевъ обоихъ нашихъ ауловъ, Атага и Чахъ-Кери, съ Арцу и Али-бекомъ во главѣ. За ними шла конвойная сотня главнокомандующаго, подъ начальствомъ Мансурадзе (роднаго брата Ивана Давыдовича), а на недальнемъ отъ нея интервалѣ Гребенской казачій полкъ съ барономъ Розеномъ. Въ авангардѣ пѣхотной колонны 1-й и 2-й батальоны Воронцовцевъ, съ полевой батареей, всѣ экипажи поѣзда и за ними три остальные батальона нашего полка.

Самъ государь цесаревичъ верхомъ со всею свитою своей и главнокомандующаго слѣдовалъ за гребенцами, тогда какъ князь Михаилъ Семеновичъ, по приглашенію его высочества, ѣхалъ въ экипажѣ. Стройно и весело двигался отрядъ съ музыкой и двадцатью хорами пѣсенниковъ. Миновали съ краткимъ приваломъ Урусъ-Мартанъ, перешли р. Гехи и вытянулись по полянѣ къ Валерику, на берегу котораго уже другой колоннѣ предстояла честь

Библиотека "Руниверс"

сопровождать цесаревича... Вдругъ передовые милиціонеры замѣтили влѣво отъ дороги немирныхъ чеченцевъ и, сообразивъ возможность отрѣзать непріятеля по близь лежащей глубокой балкѣ, отдѣлились отъ передовой линіи и незамѣтно отъ взоровъ вражьихъ скрылись на дно оврага. Вскорѣ вслѣдъ за ними помчался съ конвойными и Мансурадзе. Кто-то изъ свиты его высочества, замѣтивъ движеніе въ авангардной кавалеріи и взглянувъ по направленію скачущихъ, крикнулъ: «партія!». Услышавъ магическое и такъ давно и пламенно желаемое извѣстіе, государь наслѣдникъ, въ порывѣ необузданной отваги и мужества, не давъ себѣ ни малѣйшаго отчета о возможной численности партіи и той опасности, которой подвергается наравнѣ со всѣми смертными, далъ плеть коню и вихремъ понесся прямо на непріятеля. Вся многочисленная свита, конечно, бросилась за нимъ. Дондуковъ же поскакалъ къ главнокомандующему. Князь Михаилъ Семеновичъ, утомленный усиленнымъ втеченіе трехъ мѣсяцевъ путешествіемъ по всему Кавказу и пригрѣтый въ эту минуту теплыми лучами осенняго солнышка, сладко дремалъ въ своей коляскѣ, когда внезапно надъ ухомъ раздался голосъ его адъютанта: «Ваша свѣтлость, партія и государь наслѣдникъ тамъ». Съ просонья и перепугу за опасность драгоцѣнной жизни, князь Воронцовъ, какъ помѣшанный, выпрыгнулъ изъ экипажа и, съ быстротою юноши вскочивъ на свою лошадь, стремглавъ пустился въ догоню. Но было уже поздно: непріятель былъ прогнанъ черезъ лѣсъ къ Чернымъ Горамъ, а немного спустя цесаревичъ съ сіяющимъ лицомъ и съ трофеями у ногъ поздравилъ его свѣтлость съ побѣдой. Князь тутъ же на полѣ битвы роздалъ двѣнадцать знаковъ военнаго ордена отличившимся милиціонерамъ и конвойнымъ, а ихъ командиру Мансурадзе навѣсилъ орденъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ, который Дондуковъ, отстегнувъ съ груди своей, поспѣшилъ представить къ услугамъ.

За обѣдомъ въ тотъ же день во Владикавказѣ князь, на основаніи высочайше дарованнаго ему права, возложилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ на адъютантовъ его высочества, графовъ Адлерберга и Ламберта, а князю Голицыну золотое оружіе съ надписью «за храбрость», и въ ту же ночь отправилъ къ его величеству въ Петербургъ фельдъегеря съ донесеніемъ и представленіемъ ходатайства о возложеніи на его императорское высочество ордена св. Георгія 4-й степени, такъ славно имъ заслуженнаго.

Во время моихъ поѣздокъ въ Грозную, я послѣднее время часто сталъ бывать у подполковника генеральнаго штаба и оберъ-квартирмейстера 20-й пѣхотной дивизіи нашей, Милентія Яковлевича Ольшевскаго, очень добраго и гостепріимнаго человѣка.

Библиотека "Руниверс"

У него я познакомился съ оригинальнѣйшей личностью, родившейся и жившей сначала на Дону, а потомъ совершенно окавказившейся, — съ Яковомъ Петровичемъ Баклановымъ. Командуя здѣсь съ 1845 года полкомъ на Кутаисской плоскости и отстоявъ съ нимъ срочные три года, Баклановъ имѣлъ возможность вернуться на Донъ на льготу, но вышло иначе. Барятинскій былъ уже тогда начальникомъ войскъ на Кумыкской плоскости (въ 1848 г.) и, оцѣнивъ боевыя достоинства Якова Петровича, предложилъ ему остаться у него подъ начальствомъ со вновь пришедшимъ съ Дона полкомъ. «Гаврилычи», подъ руководствомъ принявшаго ихъ полкъ лихаго командира, быстро образовались и черезъ полгода уже стали страшилищами чеченскихъ партій. Наружность полковника наводила страхъ и ужасъ на всѣ окрестныя селенія, гдѣ имя его сдѣлалось пугаломъ дѣтей и взрослыхъ. 13½ вершковъ роста, косая сажень въ плечахъ, рожа—не приведи Богъ!—съ длиннѣйшими усами и бородой, вся рябая, темно-фіолетоваго колера. Ни къ кому такъ не примѣнима поговорка, «что чортъ въ свайку игралъ», какъ къ физіономіи этого чудо-богатыря съ тихаго Дона. Отличный ѣздокъ, на росломъ и лихомъ конѣ, съ дорогимъ оружіемъ на себѣ и громаднѣйшимъ значкомъ за собою, онъ дѣйствительно всею обстановкою рѣзко отличался отъ всѣхъ прочихъ. Популяренъ былъ на всемъ лѣвомъ флангѣ значекъ Бакланова, необыкновеннаго размѣра, въ родѣ простыни, чернаго цвѣта, съ бѣлымъ черепомъ по срединѣ и накрестъ сложенными костями внизу, а кругомъ съ бѣлою же крупными буквами надписью: «Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, аминь!». Гдѣ бы непріятель ни узрѣлъ это страшное знаменіе, высоко развѣвающееся въ рукахъ великана-донца, какъ тѣнь слѣдящаго за своимъ командиромъ,—тамъ же являлась и чудовищная образина Бакланова, а нераздѣльно съ нею неизбѣжное пораженіе и смерть всякому попавшему на пути шайтанъ-Баклана.

Въ частной жизни Яковъ Петровичъ былъ отличный товарищъ, неглупый собутыльникъ и страстный любитель перекинуться въ азартную. Отъ природы очень смѣтливый и тонкій, онъ не прочь былъ прикинуться простакомъ и иногда удивить своею необтесанностью, плебейскою грубостью...

Вечеръ у Ольшевскаго, какъ и всѣ наши вечера, начался чаемъ и коммерческой игрой, затѣмъ закуской и ужиномъ, а кончился генеральнымъ боемъ въ штосъ. За ужиномъ всѣ гости развязно бесѣдовали, когда, коснувшись воспоминаній о временахъ давно прошедшихъ, Баклановъ неожиданно предложилъ разсказать любопытный эпизодъ изъ своей молодости. Разумѣется, всѣ съ удовольствіемъ согласились, и онъ началъ:

— Лѣтъ тому 25, или больше, я былъ, господа, не чета теперешней молодежи, слабой, хилой, тщедушной. Тогда я былъ здо-

Библиотека "Руниверс"

ровъ и очень силенъ. (На это вступленіе многіе изъ насъ поспѣшили заявить, что никто въ этомъ не сомнѣвается, судя по настоящему виду разсказчика). Когда я былъ ужъ сотникомъ, лѣтъ 26—27 отъ роду, меня, трахъ! перевели изъ 17-го въ 21-й полкъ, штабъ котораго расположенъ былъ тогда отъ Черкаска, внизъ по Дону, верстъ за двѣсти, въ станицѣ. Нежданно, негадано перебираться въ чужое гнѣздо не весело, да о томъ вѣдь на службѣ царской не спрашиваютъ,—дѣлать нечего, собралъ пожитки, почесть, что и всѣ-то въ двухъ торбахъ, засѣдлалъ коней и съ драбантомъ своимъ маршъ въ походъ, на новое пепелище. Пріѣхалъ въ полкъ, какъ слѣдуетъ, явился къ командиру, ко всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ. Грѣховъ за мною никакихъ не водилось, а вижу, что господа товарищи мои что-то на меня косятся и сердцемъ ко мнѣ не лежатъ. Что за притча?—думаю я про себя. Сталъ смекать и узнавать,—анъ штука-то простая: многимъ я по чину на голову сѣлъ, и по старшинству приходится мнѣ дать сотню, а тогда сотня-то нашего брата кормила и поила. Ну, ладно! Проходитъ день, другой и третій, заходятъ ко мнѣ двое офицеровъ, оба съ зовомъ къ нимъ завтра на вечеринку. «Спасибо, господа честные, отъявлюсь безпремѣнно»,—отвѣчаю имъ. Зовъ этотъ самый нисколько не удивилъ меня, такъ какъ онъ былъ въ порядкахъ. Отъ скуки въ станицѣ частенько собирались погулять въ компаніи, а я вѣдь всѣмъ имъ представился по чести, почему-жъ было и не пригласить меня?.. Вотъ-съ на утро лежу это себѣ на койкѣ, вальяжно тяну люльку, вдругъ драбантъ мой Ѳокинъ и говоритъ мнѣ:

— А что, ваше благородіе, васъ сегодня звали на вечеринку къ офицерамъ?

— Звали,—отвѣчаю ему.

— А вы, ваше благородіе, не ходите туда, ни, ни!

— Какъ не ходить, такой-сякой, почему не ходить?—удивился я.

— А потому, что тамъ будутъ очень многіе господа...

— Ну, такъ что-жъ? Чертъ тебя возьми, дурачина!—вспылилъ я, не умѣя приложить разума, куда драбантъ клонитъ глупую рѣчь свою.

— А то изъ этого выйдетъ, что ваше благородіе тамъ убить замыслили.

— Какъ убить?—заревѣлъ я, соскочивъ съ постели.

— Да такъ-таки убить ваше благородіе, это все я заподлинно провѣдалъ,—и тутъ же Ѳокинъ и скажи, черезъ кого и какъ онъ всю махинацію ту пронюхалъ...

— Ну, думаю себѣ, убить—это шалишь! Благо упредилъ меня драбантъ, теперь я къ вамъ, ребята, пойду нарочито, но еще поглядимъ, чья возьметъ. По истинѣ сказать вамъ, господа, въ ту пору я не струсилъ,—крѣпко ужъ на свою силу надѣялся, а, все-таки, опасался какой измѣны. Подумалъ, подумалъ, все обсудилъ

Библиотека "Руниверс"

въ мысляхъ, какъ слѣдуетъ; кровь молодая стучитъ, зло беретъ, вотъ, кажись, на рожонъ одинъ-одинёхонекъ полѣзть готовъ, жду вечера—не дождусь.

— Смерклось, зажгли огни, пошелъ я къ звавшимъ меня офицерамъ, они на одной квартирѣ стояли. Вхожу въ первую горницу, общество большое, не менѣе 15, 20 человѣкъ. Здороваются ничего, ласково. Окинулъ я всѣхъ взоромъ. Дай, молъ, думаю, примоститься половчѣе, и забрался это я въ самый что ни на есть уголъ въ хатѣ и занялъ позицію тамъ отличную—всѣхъ-то вижу, какъ на ладони, а тылъ мой, дескать, укрытъ стѣною. Ладно, ребята, теперь—что-то далѣе! Попойка пошла изрядная. Сначала въ ходу была матушка россійская, а тамъ налегли на родное, и на цимлянское, и на всякое прочее, вволю! Всѣ это пьютъ, всѣ хмелѣютъ, а я себѣ на умѣ, на видъ отъ другихъ не отстаю, а на дѣлѣ-то ихъ надуваю—вино лью не въ глотку, а за воротъ рубашки. Прошло времени не мало, иныхъ ужъ стало разбирать; шумъ, пѣсни и крики въ горницѣ, хоть бѣги вонъ. Смотрю, сходиться стали по кучкамъ, перешептываться, другъ другу знаки подавать. Эге, скоро, молъ, поведутъ атаку, а самъ виду не подаю и сижу себѣ въ уголку смирнехонько. Вдругъ, господа, шумъ смолкъ, все затихло, и ко мнѣ подходитъ хозяинъ. Глаза у него огнемъ горятъ, а рожа свирѣпѣющая. Подступилъ это онъ ко мнѣ близко, развернулся, да какъ треснетъ меня въ лѣвую щеку... ажъ искры изъ глазъ посыпались. Сильно ударилъ. А я не встаю, только промолвилъ: «Вася, не дури! Брось шалости». Онъ же, прохвостъ, какъ будто не слышалъ, да опять бацъ, пуще прежняго, и ударь въ правое ухо... (Здѣсь нашъ полковникъ вскочилъ изъ-за стола и сталъ въ лицахъ представлять намъ дальнѣйшую драму). Боль—болью, господа, ну, да и афронтъ изрядный! Я осерчалъ, сжалъ кулакъ и ткнулъ его; ловко таки угораздилъ—навзничь повалился онъ, какъ снопъ, съ переломленной челюстью. А тутъ, смотрю, двое уже прутъ на меня, въ уголъ. Дремать некогда! Засучилъ рукава чекменя, захватилъ,—и сподручно же пришлось,—каждаго изъ нихъ за шиворотъ, покрутилъ обоихъ на воздухѣ, развелъ по сторонамъ, да какъ стукнулъ рылами одного въ другаго, — замертво такъ и откинулъ ихъ въ уголъ. Не угомонились еще остальные, да и самъ я, покаюсь, пришелъ тогда въ азартъ. Какъ пятеро гурьбою стали насѣдать на меня, я схватилъ столъ, съ налета шарахнулъ имъ по головамъ, да какъ пустилъ въ ходъ кулаки свои подъ микитки, — черезъ минуту и этихъ угомонилъ разбойниковъ.

— Ну, господа (нѣсколько переведя духъ, продолжалъ разгорячившійся при одномъ воспоминаніи о славномъ боѣ богатырь-Бакланъ), вѣрьте мнѣ или лгуномъ прозовите, но Богомъ клянусь, что и десяти минутъ не прошло, какъ я всѣхъ ихъ уложилъ на

Библиотека "Руниверс"

полъ хаты съ перебитыми мордами, выбитыми зубами и измятыми боками, а ихъ до 20 человѣкъ было! Не сойди я сейчасъ съ мѣста и будь распроклятъ я со всѣмъ моимъ родомъ, если я что прихвастнулъ вамъ!

— Чѣмъ же разыгралось побоище это, Яковъ Петровичъ?—полюбопытствовали мы.

— А что-жъ? Очень всѣ уважать стали и друзьями жили, и посейчасъ еще живу съ иными,— самымъ естественнымъ тономъ покончилъ разсказъ Баклановъ, весело напомнивъ при этомъ хозяину, «что заря денежку даетъ, и пора давно метать Качаловскій».

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1].

XI.

Шалинскіе окопы.—Хаджи-Муратъ.—Назначеніе къ Слѣпцову; его біографія.—Пріѣздъ молодыхъ Воронцовыхъ; княгиня Марья Васильевна.—Общее поклоненіе; жизнь въ штабѣ.—Приглашеніе на праздникъ Слѣпцовымъ въ Урусъ-Мартанъ.—Балъ въ Грозной у Козловскихъ.—Роковое извѣстіе: Слѣпцовъ убитъ.—Письмо Циммермана и характеристика покойнаго.—Возвращеніе въ Воздвиженское.—Скандалъ изъ-за Хаджи-Мурата.—Назначеніе Барятинскаго.—Лорисъ.—Прощальный обѣдъ Козловскому у князя Simon.

ПЕРВОЕ извѣстіе для новаго 1851 года было получено у насъ о дѣлѣ Слѣпцова въ ущельѣ Шаладжи, гдѣ палъ смертью храбрыхъ мой пріятель, милый Николай Хомутовъ.

На третій день Новаго года былъ у насъ сборъ отряда лѣваго фланга подъ начальствомъ храбрѣйшаго «какъ, какъ»; къ нему начальникомъ штаба былъ назначенъ свиты генералъ-маіоръ князь Барятинскій, а начальникомъ всей пѣхоты отряда—нашъ баронъ Меллеръ. По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, партія въ сборѣ была громадная и во главѣ ея достохвальный боецъ—Хаджи-Муратъ. Итакъ, отрядъ нашъ изъ 9-ти батальоновъ пѣхоты, 12-ти сотенъ линейныхъ казаковъ и 32 орудій выступилъ изъ Воздвиженскаго въ Большую Чечню.

Непріятель 7-го числа представился глазамъ нашимъ въ огромныхъ скопищахъ съ безсчисленнымъ количествомъ значковъ. Изъ

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 723.

Библиотека "Руниверс"

Веденя къ партіи прибылъ самъ Шамиль, съ намѣреніемъ, конечно, разбить и уничтожить русскій отрядъ. Съ фронта передъ нами грозно смотрѣли на насъ сильныя укрѣпленія, вытянутыя поперекъ просѣки, отъ одной опушки до другой. Гарнизонъ Чеченскій строго охранялъ окопы, и изъ лагеря нашего простымъ глазомъ было видно, какъ смѣнялся онъ по утрамъ и усиливался по ночамъ. По ночамъ же то и дѣло шныряли въ лагерь благородные лазутчики, за звонкіе карбованцы продавая нашему начальству всѣ тайныя распоряженія имама. Закутанные въ бурки и башлыки такъ, чтобы нельзя было узнать ихъ честныхъ физіономій, они подползали къ нашей цѣпи и, выдавая себя за кунаковъ русскихъ, тайкомъ велись къ ставкѣ начальника отряда. Результатомъ этихъ патріотическихъ чувствъ было то, что всѣ приготовленія и энергическія старанія чеченцевъ—удержать нашъ натискъ въ глубь дорогихъ полей Большой Чечни за Шалинскимъ лѣсомъ, разлетѣлись, какъ дымъ, и 8-го января мы обошли укрѣпленную ихъ позицію и сюрпризомъ появились у нихъ въ тылу. Во время движенія нашей колонны еще до разсвѣта, обходнымъ путемъ со стороны р. Басса, непріятель, не ожидавшій насъ съ этой стороны, зорко слѣдилъ лишь за войсками, оставшимися въ лагерѣ и буквально прозѣвалъ обходной маневръ нашъ. Отчаянное усиліе горцевъ удержать стремительное движеніе нашихъ батальоновъ, конечно, ни къ чему не повело. Картечь съ гранатами, ружейный огонь и нѣсколько лихихъ атакъ кавалеріи нашей не замедлили разсѣять огромныя полчища имама, и они, уступая силѣ натиска, дружно стали спасаться бѣгствомъ. Въ десять часовъ утра мы хозяйничали на непріятельскомъ валу, съ котораго, увы, уже исчезли ихъ орудія. Разсматривая теперь подробно укрѣпленія, мы должны были сознаться, что не удайся намъ обходное движеніе, то штурмъ окоповъ съ фронта, прямо въ лобъ, повлекъ бы за собой огромныя потери и, быть можетъ, совсѣмъ бы не удался.

Послѣ срытія Шалинскихъ окоповъ мы расположились лагеремъ въ вырубленной просѣкѣ, занимаясь время отъ времени болѣе или менѣе горячими перестрѣлками съ непріятелемъ и развлекаясь разсказами о прибытіи изъ Дагестана въ Чечню легендарнаго богатыря—Хаджи-Мурата. Какія чудеса трубятъ объ этомъ аварскомъ хватѣ! Если вѣрить на половину тому, что воспѣваютъ о его безумной отвагѣ и невѣроятной дерзости, то и тогда приходится удивляться, какъ Аллахъ спасалъ его сумасбродную голову. Военная слава Хаджи-Мурата ни въ комъ не встрѣчаетъ себѣ соперничества, и популярность его гремитъ отъ Каспійскаго до Чернаго моря. Шамиль его не долюбливаетъ, но уважаетъ и боится болѣе, чѣмъ султана Елисуйскаго. А это не шутка въ глазахъ посвященныхъ въ отношенія имама къ этимъ двумъ крупнѣйшимъ личностямъ на Кавказѣ.

Библиотека "Руниверс"

15-го февраля, подъ начальствомъ новаго командира Кабардинскаго полка (принявшаго полкъ отъ князя Барятинскаго), Егора Ивановича Майделя, пошла наша колонна въ лѣсъ, по направленію къ р. Бассу, на обычное занятіе рубкой лѣса и расчисткой полянъ, какъ вдругъ около 11 часовъ вдали показалась громадная партія чеченцовъ, вскорѣ затѣмъ открывшая по насъ артиллерійскій огонь. Какъ только пролетѣли первыя ядра, Майдель приказалъ отъ нашего батальона выдвинуть двѣ роты съ дивизіономъ артиллеріи на позицію впередъ. Съ назначенными ротами, 5-й и 6-й, пошелъ я, а съ орудіями—Тришатный. Отойдя отъ колонны съ полъ-версты и избравъ возвышенную и довольно открытую плоскость, дивизіонъ снялъ орудія съ передковъ, а я построилъ развернутымъ фронтомъ справа 5-ю, а слѣва 6-ю роту. Положеніе было не изъ пріятныхъ: рѣдкій непріятельскій снарядъ не достигалъ цѣли и не уносилъ одной, двухъ и даже трехъ жертвъ изъ рядовъ нашихъ. Линейные артиллеристы работали съ изумительной энергіей и на каждый выстрѣлъ непріятеля посылали отвѣтный снарядъ моментально и мѣтко, но заставить молчать или подбить его орудія, не смотря на всѣ старанія Тришатнаго, имъ не удавалось. Приказавъ людямъ моимъ просто лечь на землю, чтобы не представлять изъ себя видной мишени, я самъ не счелъ себя вправѣ не только нагибаться или прилечь, но даже и сѣсть на барабанъ. Снаряды одно время буквально осыпали нашу позицію, становилось жутко, невыносимо. Я храбрился, всячески стараясь выказать полное равнодушіе и презрѣніе къ мимолетящимъ снарядамъ. Улыбаясь, я не переставалъ шутить... но на душѣ было скверно, кошки мучительно скребли на сердцѣ! Тришатный, всецѣло увлеченный дѣятельнымъ мщеніемъ непріятелю, самъ лично наводилъ орудія, самъ поднималъ и опускалъ уголъ возвышенія и былъ на столько физически занятъ, что не могъ слѣдить за всѣмъ происходящимъ, какъ я, злополучный, обреченный на полное бездѣйствіе. Да, обязанность моя—прикрывать въ тотъ роковой день артиллерію, была по истинѣ ужасная! Втеченіе многихъ часовъ сряду стоять, подобно истукану, и съ терзаніемъ въ душѣ смотрѣть и выжидать, когда черезъ часъ по ложкѣ, каждыя пять-шесть минутъ, со стороны непріятеля покажется дымокъ, а, нѣсколько секундъ спустя, раздастся гулъ выстрѣла и вслѣдъ затѣмъ предательскій свистъ снаряда, который, кажется, вотъ-вотъ тебя и разорветъ на части,—такое мученіе, съ которымъ, конечно, нельзя сравнить не только самой жаркой перестрѣлки, но даже и рукопашной схватки. Стоя впереди обѣихъ ротъ, я истощалъ всѣ силы, чтобы скрыть внутреннія страданія, и наружно одержалъ надъ ними полную побѣду, но, всетаки, не понимаю, какъ никто изъ товарищей не замѣтилъ неестественнаго состоянія моего, тогда какъ я самъ чувствовалъ и, увы, слишкомъ явственно дрожь въ колѣняхъ и неудержимое сотрясеніе нервовъ во всемъ тѣлѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ ожиданіи кровавой развязки кровь стыла въ жилахъ, пульсъ замеръ, но я сознавалъ, что какъ бы плохо ни было, а на лицѣ моемъ пріятная улыбка мнѣ не измѣнила, и я въ силахъ еще обморочить зрителей... Дзинь!.. Раздался, наконецъ, стеклянный трескъ снаряда, разорваннаго на сосню мелкихъ, но острыхъ и губительныхъ осколковъ, шумно разлетѣвшихся спиралью во всѣ стороны. Меня оглушило, но, Богъ милостивъ, не задѣло, а въ трехъ разныхъ направленіяхъ послышались стоны.

— Второе!—нараспѣвъ провозгласилъ Тришатный, и съ гуломъ откатилось второе орудіе.

— Третье!—опять крикнулъ Костя, ставъ колоссомъ Родосскимъ впереди дивизіона.

Но одновременно съ командой фейерверкера: «пли», непріятельское 9-ти фунтовое ядро, какъ будто захлебываясь чрезмѣрною поспѣшностью своего полета, нырнуло какъ разъ между самыхъ ногъ отважнаго начальника нашей артиллеріи. Тришатный на глазахъ нашихъ сильно пошатнулся, нѣсколько секундъ усиленно боролся устоять и, наконецъ, рухнулъ на землю. Но, слава Богу, ноги цѣлы, и только правая сильно контужена. Отправивъ его на перевязочный пунктъ, я еще болѣе двухъ часовъ испытывалъ истязанія прикрывать свою батарею. Но вотъ, наконецъ, раздался сигналъ отступленія, мы тронулись, непріятель насѣлъ, и завязался настоящій бой въ арріергардѣ. Изъ пассивнаго положенія я сразу попалъ въ пылъ сраженія; на меня обрушилась теперь вся тяжесть отступленія, сравнительно, однако, легкая и отрадная при воспоминаніи всего пережитаго передъ тѣмъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, получилъ я записку изъ штаба дивизіи. Вскрываю конвертъ и вижу высочайшій приказъ, въ которомъ моя фамилія подчеркнута краснымъ карандашемъ; не вѣря глазамъ, читаю: «за особенное мужество и отвагу, оказанныя въ дѣлахъ съ непріятелемъ 7-го и 15-го февраля сего 1851 года, золотую шашку съ надписью: «за храбрость». Тришатный, обѣдавшій въ тотъ день у меня, вырвалъ изъ рукъ моихъ приказъ и прочелъ то же. Итакъ, тутъ нѣтъ ошибки. У меня, единственнаго оберъ-офицера не въ одномъ Куринскомъ полку, а во всей 20-й дивизіи нашей, золотая шашка—награда почетная и рѣдко здѣсь даваемая даже и штабъ-офицерамъ. Тришатный тоже получилъ Владиміра съ бантомъ и, кромѣ того, государь императоръ, усмотрѣвъ изъ списка раненыхъ за зимнюю экспедицію эсаула Тришатнаго, контуженнаго ядромъ, и зная стѣсненное положеніе его, вслѣдствіе горестнаго происшествія съ отцомъ, высочайше приказалъ препроводить на имя эсаула изъ собственной его величества шкатулки 500 рублей на излеченіе болѣзни, отъ раны происшедшей, но съ тѣмъ всемилостивѣйшимъ вниманіемъ, чтобы пожалованная сумма была вручена ему Тришатному въ руки, а отнюдь не въ пополне-

Библиотека "Руниверс"

ніе долговъ его. Получивъ эту сумму, Тришатный съ сіяющимъ лицемъ пріѣхалъ ко мнѣ и еще издали кричалъ мнѣ:

— Поздравь меня, Володя, я крезъ! У меня 500 рублей въ карманѣ. Теперь, мой другъ,—заговорилъ онъ,—надо подумать, какъ на пожалованныя мнѣ деньги умнѣе распорядиться. Во-первыхъ, мнѣ необходимо окипироваться, я обносился, просто срамъ, даже совсѣмъ бѣлья нѣтъ! Съ этою-то цѣлью я нарочно и пріѣхалъ сюда. Вавилъ, пошли, голубчикъ, моего урядника!

Минуту спустя, стройный казакъ показался въ дверяхъ.

— Хорошеньковъ, — обращаясь къ нему, продолжалъ Тришатный,—сбѣгай въ лавки съ краснымъ товаромъ (это было въ Грозной) и выбери мнѣ ситцу на рубашки. Но смотри, дружокъ, не ошибись и смотри въ оба, самаго лучшаго! Слышишь?

— Слушаю, ваше благородіе,—отчеканилъ молодецъ ординарецъ, быстро повернувшись на носкахъ налѣво кругомъ и бѣгомъ пустившись исполнять приказаніе начальства.

Не долго заставилъ ждать насъ Хорошеньковъ. Запыхавшись отъ спѣшнаго хода, явился онъ передъ нами съ цѣлымъ пукомъ разноцвѣтныхъ образчиковъ ситцевъ, различныхъ качествъ и цѣны. Тришатный принялся внимательно разбирать лоскуты и остановился на двухъ, голубомъ и розовомъ.

— Хороша ли доброта ихъ?—спросилъ онъ.

— Первый сортъ, ваше благородіе, да къ тому же и очень веселенькій ситчикъ,—отрапортовалъ урядникъ.

— А, можетъ быть, полиняетъ?—замѣтилъ эсаулъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, пока бѣгъ сюда изъ лавки, все время муслилъ ихъ, анъ, краска не подалась.

— Ну, въ такомъ случаѣ, — глубокомысленно разсудилъ Тришатный, рѣшительно махнувъ рукой,—возьми, Хорошеньковъ, по этимъ образчикамъ ситцу на двѣ рубашки.

Этимъ широкимъ распоряженіемъ и кончилась вся окипировка расходившагося эсаула, а оставшійся капиталъ отъ щедрыхъ монаршихъ милостей возъимѣлъ другое назначеніе: «царя поздравить». И вотъ Тришатный сталъ благодарить пріятелей и знакомыхъ за ихъ всегдашнее къ себѣ гостепріимство; въ результатѣ деньги быстро исчезли, и опять наступила прежняя нужда.

Между тѣмъ лѣтніе мѣсяцы 1851 года знаменательны для меня еще и по участію моему въ экспедиціи съ генераломъ Слѣпцовымъ, молодымъ начальникомъ Сунженскаго отряда. Не разъ я уже упоминалъ о наружности и многихъ достоинствахъ этого замѣчательнаго богатыря не по росту и физической силѣ, но по душевнымъ качествамъ. Біографія его коротка. Родился онъ въ Пензенской губерніи въ 1820 году, былъ въ юнкерской школѣ, откуда вышелъ въ

Библиотека "Руниверс"

армію въ 1838 году и въ 1845 году перешелъ на Кавказъ адъютантомъ къ генералу Трескину. Здѣсь съ первой экспедиціи онъ выказалъ непомѣрное мужество и отвагу, былъ отличенъ отъ прочихъ сослуживцевъ и въ чинѣ маіора назначенъ формировать и командовать Сунженскимъ казачьимъ полкомъ, который предрѣшено было создать изъ переселенцевъ-казаковъ съ Терской и Кубанской линій. Въ первое время Слѣпцовъ испыталъ не мало горя, хлопотъ и затрудненій, съ пришельцами изъ всѣхъ полковъ кавказскихъ казаковъ, такъ какъ, само собою разумѣется, каждый командиръ старался спихнуть и сбыть ему людей самыхъ безпокойныхъ, плохихъ и бездомныхъ. Съ ними пришлось возиться Слѣпцову цѣлые годы, теряя часто всякую надежду добиться желаемаго успѣха. Но энергія и неусыпная дѣятельность увѣнчались наконецъ блестящимъ результатомъ, и не прошло трехъ, четырехъ лѣтъ со времени существованія 1-го Сунженскаго полка, какъ разношерстные, сбродные линейные казаки, заселивъ берега Сунжи богатыми станицами, основали Сунженскую линію и сплотились воедино съ такою боевой славой, что сдѣлались страшилищемъ непріятеля и предметомъ зависти всего войска. Самъ Слѣпцовъ, взявъ съ боя георгіевскій крестъ, завоевалъ своимъ сунженцамъ георгіевскій штандартъ; на сколько боготворили его казаки, на столько страшились сосѣди, горцы. Съ перваго дня моего появленія въ отрядѣ Николай Павловичъ обворожилъ меня своимъ милымъ и радушнымъ пріемомъ. Служить подъ его начальствомъ было особенно пріятно. Цѣль экспедиціи была — сооруженіе укрѣпленной станицы какъ разъ на серединѣ пути между Грозной и Закатъ-Юртомъ, около трехъ братьевъ-кургановъ; новая станица называлась Алханъ-Юртомъ. Пришлось участвовать вмѣстѣ и въ дѣлахъ. Въ одномъ изъ нихъ, 15-го іюня, въ ущельѣ Шеладжи, Слѣпцовъ былъ раненъ, и куринцы должны были на себѣ вынести отступленіе до соединенія съ главной колонной пѣхоты и артиллеріи, оставшейся не вдалекѣ. Въ этомъ же дѣлѣ былъ тяжело раненъ симпатичный капитанъ генеральнаго штаба Коведяевъ и молодой офицеръ моей роты Ипполитовъ.

Итакъ, лѣтняя экспедиція подъ конецъ была отравлена раной Слѣпцова, котораго отнесли въ Ачхой, къ его пріятелю Серегѣ Мезенцову, а насъ, куринцевъ, препроводили въ Грозную, гдѣ уже шли дѣятельныя приготовленія для встрѣчи новаго командира съ супругой, сына свѣтлѣйшаго, Семена Михайловича Воронцова. Втораго ноября наконецъ прибыли къ намъ главнокомандующій съ княгиней Елизаветой Ксаверьевной и новобрачными. По предварительному распоряженію, наши роты поставлены были уступами по пути слѣдованія поѣзда, и мнѣ пришлось встрѣчать начальство у самаго Ермоловскаго кургана. Послѣ двухъ-часоваго ожиданія наконецъ-то по дорогѣ поднялись столбы пыли, и вслѣдъ затѣмъ

Библиотека "Руниверс"

въ Халъ-Кальскомъ ущельѣ показалась несущаяся кавалерія, прикрывающая цѣлую вереницу экипажей. Скомандовавъ «на плечо» и «смирно», я ожидалъ приближенія передней коляски. Она остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей роты, и маститый нашъ шефъ, быстро выскочивъ на дорогу, зашагалъ къ фронту.

— Здоровы, братцы мои, куринцы! — весело привѣтствовалъ свѣтлѣйшій.

«Ура», «ура» и безчисленное «ура» прогремѣло ему въ отвѣтъ.

— Ахъ, здравствуй, милый мой Полторацкій,—особенно нѣжно обратился ко мнѣ князь, обнявъ меня и слѣдуя такъ вдоль фронта.— А ты и молодецкая твоя рота опять и опять нѣсколько разъ сряду особенно отличились. Душевно благодарю тебя, мой дорогой!—и затѣмъ сталъ разспрашивать моихъ солдатъ первой шеренги, почти сплошь увѣшанныхъ крестами, когда и за что они ихъ получили. «За Зерены, ваша свѣтлость!». «За Ичкерію, ваша свѣтлость!». «За Ахульго!». «За Андію!». «За Дарго!». Но вдругъ шестой съ праваго фланга, бравый Гавриченко, хватилъ: «За выручку Дарговъ, ваша свѣтлость». «За что, за что?» — переспросилъ князь. «За выручку-съ», — гордо отчеканилъ кавалеръ. Старика покоробило, онъ невольно сдѣлалъ гримасу, но тотчасъ же оправился и, сладко улыбаясь, похвалилъ Гавриченка за его молодецкій видъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Михаилъ Семеновичъ ужъ не сталъ больше разспрашивать своихъ милыхъ куринцевъ, а, обратясь къ княгинѣ, сидѣвшей въ его колескѣ, и показывая ее рукой солдатамъ, громко объявилъ: «А вотъ, братцы, и моя старуха!». Въ отвѣтъ снова раздалось громкое «ура». Тѣмъ временемъ около меня очутился и князь Семенъ Михайловичъ, радостно бросившійся ко мнѣ на шею. Едва тронулся экипажъ главнокомандующаго, какъ князь Simon увлекъ меня къ слѣдующей колескѣ представлять супругѣ своей Марьѣ Васильевнѣ, сумѣвшей въ одинъ мигъ завоевать къ себѣ мое восторженное поклоненіе... Не успѣлъ я поблагодарить княгиню за тьму лестныхъ фразъ, какъ очутился въ крѣпкихъ объятіяхъ ея брата Николая, моего однокашника по Пажескому корпусу. По отъѣздѣ ихъ я еще нѣсколько минутъ оставался въ оцѣпенѣніи, смутно отдавая себѣ отчетъ послѣ безчисленныхъ лобзаній и привѣтствій исчезнувшей толпы. Изъ всего видѣннаго и слышаннаго ясно рисовался передо мной только образъ чудной красоты и изящности нашей новой командирши. Впослѣдствіи я состоялъ ея безсмѣннымъ ординарцемъ и въ домѣ Воронцова былъ принятъ, какъ свой, чему, конечно, не мало способствовали мои дружескія отношенія къ Николаю. Княгиня Марья Васильевна, эта очаровательнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ мнѣ пришлось встрѣчать потомъ въ жизни, мила, любезна и внимательна до nec plus ultra. Ея стройный станъ, ростъ, а главное—выраженіе прелестнаго лица съ дивно блестящими глазами и нѣжнѣйшею улыбкой дополняются еще

Библиотека "Руниверс"

рѣчью, полною ума, жизни и вдохновенія. Скуки въ Воздвиженскомъ, гдѣ они поселились, какъ не бывало. Каждый день я у нихъ обѣдалъ, игралъ въ вистъ и засиживался до полуночи, а когда княгинѣ вздумалось писать съ меня портретъ, и я долженъ былъ каждое утро просиживать передъ ней неподвижно, то обязанность эта была уже совсѣмъ не по силамъ, потому что глядѣть на нее не восторгаясь человѣку, въ жилахъ котораго течетъ не прѣсное молоко, а горячая, молодая кровь, было невозможно. А вѣдь ей-то невыносимо скучно должно было показаться такое существованіе. Послѣ Петербурга, двора и большаго свѣта, попасть въ трущобу, какъ укрѣпленіе на Кавказѣ, къ тому же на передовую линію, штука не веселая. Не могли же мы, сколько насъ тутъ ни было, заинтересовать съ дѣтства избалованную красавицу. Впрочемъ à la guerre comme à la guerre, и княгиня, повидимому, мирилась со всѣмъ и развлекалась какъ могла. Познакомилась она и съ нашимъ любимымъ героемъ Слѣпцовымъ, которымъ и была приглашена съ княземъ на Гехинку, гдѣ онъ давалъ 11-го декабря въ честь ея большой праздникъ. День этотъ былъ выбранъ самою княгиней, такъ какъ 9-го она хотѣла ѣхать на именины къ Аннѣ Васильевнѣ Козловской, а оттуда уже прямо черезъ Алханъ-Юртъ и Урусъ-Мартанъ пробраться къ начальнику Сунженской линіи. 8-го числа вся компанія наша: князь съ княгиней Воронцовы, Трубецкой, Ушаковы, многіе другіе и я, въ лучшемъ настроеніи духа, отправилась съ оказіей въ Грозную. Въ торжественный день ангела добрѣйшей Анны Васильевны мы съ утра у нея пировали. Викентій Михайловичъ, всегда любившій принимать у себя гостей, былъ въ восторгѣ отъ посѣщенія Воронцовыхъ и всей компаніи нашей. Онъ расхаживалъ въ необыкновенно счастливомъ настроеніи, хохоталъ безъ умолку и всячески старался занять гостей своихъ забавными разсказами, которые, увы! все же по большей части вертѣлись на неизбѣжномъ: какъ, какъ и какъ! Какъ бы то ни было, но совокупныя старанія радушныхъ хозяевъ занять и веселить гостей были на столько искренни и очевидны, что всѣ мы остались вполнѣ довольными. Впрочемъ, дѣйствительно завтракъ, обѣдъ и многолюдный балъ прошли очень оживленно и удачно. На другое утро, послѣ семейнаго завтрака, распростившись съ милѣйшими Козловскими, мы тронулись къ Сунженской линіи подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ казаковъ. Выѣхали мы не рано, дни были короткіе, и мы только къ ночи добрались до Урусъ-Мартана. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ крѣпости мы стали ясно различать гулъ отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ и, конечно, не безъ основанія предположили эту канонаду въ отрядѣ генерала Слѣпцова, такъ какъ по линіи звука насъ раздѣляло верстъ 12, не болѣе. У крѣпостныхъ воротъ насъ встрѣтилъ съ рапортомъ подполковникъ Лященко, тутъ же подтвердившій наши догадки свѣдѣніями, что какъ

Библиотека "Руниверс"

сегодня, такъ и вчера, у Слѣпцова были стычки съ непріятелемъ. Тѣмъ не менѣе на утро мы рѣшили рано выѣхать въ Гехинку, а потому и разбрелись поскорѣе спать, князь съ княгиней, въ домѣ командира, а Трубецкой, Тришатный и я въ сосѣднемъ, вновь выстроенномъ флигелѣ. Не увлекаясь на этотъ разъ разговорами, мы очень скоро потушили огонь и заснули богатырскимъ сномъ, но вскорѣ я былъ разбуженъ необычайнымъ движеніемъ на улицѣ. Открывъ глаза, я вскочилъ къ окну, но по случаю ночной темноты ничего разглядѣть не могъ, хотя отчетливо слышалъ тяжелые шаги проходящаго мимо нашего дома многочисленнаго люда. На разсвѣтѣ я задремалъ, но былъ разбуженъ, какъ и оба мои товарища, рѣзко хлопнувшей дверью. Опять вскочилъ я, но на этотъ разъ увидалъ передъ собою князя Семена Михайловича. Но на что онъ былъ похожъ! Блѣдный, съ осунувшимся лицемъ и нервною дрожью на губахъ, мутнымъ взглядомъ обведя насъ всѣхъ, съ разстановкой, сильно захлебываясь и съ трудомъ глотая рыданія, онъ съ усиліемъ проговорилъ: «Господа, Слѣпцовъ... убитъ!». Всѣ мы громко и отчаянно взвыли. Наскоро одѣвшись, Тришатный, Трубецкой и я поспѣшили въ домъ Ляшенка, гдѣ застали тенгинскаго офицера, конвоировавшаго ночью раненыхъ изъ лагеря. Онъ, какъ лично участвовавшій въ дѣлѣ, и сообщилъ намъ всѣ подробности, но лучшей и вѣрной характеристикой покойнаго и его послѣднихъ минутъ служитъ нижеслѣдующее письмо Циммермана изъ станицы Сунженской, копію съ котораго я снялъ впослѣдствіи у Ольшевскаго.

«10-го декабря 1861 года Гехинскій отрядъ подъ предводительствомъ генералъ-маіора Слѣпцова имѣлъ жаркое и блистательное дѣло на правомъ берегу рѣки Гехи.

«Еще раньше черезъ лазутчиковъ узнали мы, что непріятелемъ въ лѣсу устроены огромные завалы, и что чеченцы намѣрены вывезти орудія и стрѣлять по лагерю. Вслѣдствіе того сдѣланы генераломъ Слѣпцовымъ слѣдующія распоряженія, чтобы выбить непріятеля изъ заваловъ и, если будетъ можно, захватить орудія. Одна колонна изъ спѣшенныхъ казаковъ-охотниковъ и 2-го тенгинскаго баталіона должна была войти въ лѣсъ, идущій по правую сторону рѣки, и по первому выстрѣлу изъ непріятельскаго орудія броситься на путь отступленія чеченцевъ и штурмовать тамъ завалы. Центральная колонна, подъ личнымъ предводительствомъ генерала изъ баталіона пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ и двухъ конныхъ орудій, по первому же выстрѣлу должна была кинуться по правому берегу рѣки, кавалерія прямо летѣть на завалы и орудія. Наконецъ, третьей колоннѣ, бо́льшей прочихъ по составу, назначено было стоять на лѣвомъ берегу Гехи, на Нуриковской полянѣ, рубить лѣсъ и быть въ готовности, въ случаѣ появленія непріятеля съ орудіемъ, перейти на правый берегъ и содѣйствовать колоннѣ генерала.

Библиотека "Руниверс"

«9-е число прошло въ ожиданіяхъ. 10-го лазутчики пришли съ донесеніемъ, что въ этотъ день чеченцы будутъ стрѣлять изъ орудій по пѣхотѣ, рубящей лѣсъ. Часовъ въ 10 войска были на назначенныхъ мѣстахъ. Въ 1-мъ часу генералъ приказалъ командѣ охотниковъ тихо войти въ лѣсъ и залечь тамъ. Онъ былъ въ большомъ нетерпѣніи... Наконецъ раздался выстрѣлъ изъ непріятельскаго орудія. Генералъ вскочилъ на лошадь, бросился къ кавалеріи, закричалъ ей: «На конь! На конь!» и, поѣхавъ правымъ берегомъ рысью, пустился потомъ скакать. Я находился при немъ. Двѣ сотни неслись за нами на полномъ карьерѣ. Мы проскакали уже версты полторы и были уже на одной высотѣ съ колонной, находившейся на лѣвомъ берегу. Кавалерія стала переходить рѣку; генералъ, скакавшій впереди, сказалъ: «Господа, кричите «ура!» Кричите «ура»!». Мы вынули шашки, продолжая нестись во весь духъ, и влетѣли на поляну, усѣянную рѣдкими деревьями. Тутъ былъ непріятель и привѣтствовалъ насъ градомъ пуль, но, приведенный въ замѣшательство появленіемъ кавалеріи, которой онъ не ожидалъ съ этой стороны, ошеломленный ея ударомъ, услышавъ слѣва «ура!» охотниковъ, заходившихъ ему въ тылъ, онъ бросился бѣжать. Казаки догоняли и рубили плѣнныхъ чеченцевъ. Много ихъ здѣсь погибло. Кавалерія вся въ разсыпномъ строѣ скакала впередъ, перепрыгивая черезъ срубленныя и наваленныя деревья. Въ лѣсу раздавался грохотъ отъ перестрѣлки и гремѣло всюду русское «ура!». Бѣгущій непріятель прикрылся завалами и открылъ сильный огонь. Генералъ послалъ меня съ приказаніемъ къ пѣхотѣ идти какъ можно скорѣй. Черезъ 10 минутъ приведенъ былъ батальонъ навагинцевъ; густая цѣпь ихъ открыла сильный огонь и, подойдя къ завалу, который тянулся длинною линіей, залегла за нимъ. Непріятель быстро отступалъ. Лѣсъ былъ покрытъ бѣгущими чеченцами. Генералъ стоялъ правѣе навагинской цѣпи, окруженный лишь своимъ казачьимъ эскортомъ. При немъ не находилось въ эту минуту ни одного офицера (всѣ были разосланы съ приказаніями). Онъ былъ на своемъ знаменитомъ конѣ (на которомъ онъ скакалъ на Шалинскій окопъ, былъ въ Шаладжинскомъ дѣлѣ и въ Нуркахъ, гдѣ его ранили). Издали можно было его различить по шапкѣ съ краснымъ верхомъ. Онъ кричалъ навагинцамъ: «впередъ, ребята, черезъ завалы!». Вдругъ пуля ударила его въ грудь подъ ложечку; онъ круто повернулъ коня направо, сказавъ своимъ конвойнымъ казакамъ: «возьмите меня», ухватился за гриву и сталъ валиться съ лошади. Въ это время я подскакалъ къ нему. Издали еще я кричалъ: «прикажете ли, ваше превосходительство, пѣхотѣ идти черезъ завалы?» и удивлялся, что онъ мнѣ не отвѣчаетъ. Подъѣхавъ ближе, я увидѣлъ, что его снимаютъ съ лошади. Онъ былъ очень блѣденъ и молчалъ. Никто не зналъ, куда онъ раненъ, крови не было видно. Его положили

Библиотека "Руниверс"

на бурку и понесли изъ огня. Минуты черезъ двѣ онъ сказалъ: «Команду послѣ меня принимаетъ полковникъ Каревъ; гдѣ баронъ Сталь?» (отрядный квартирмейстеръ). Пріѣхалъ баронъ Сталь, онъ повторилъ ему это приказаніе. Его понесли далѣе. Явился докторъ. Генерала положили на землю и стали раздѣвать; докторъ отстегнулъ его кинжалъ, снялъ поясъ съ пистолетомъ, разстегнулъ черкеску, бешметъ. Тогда на бѣлой рубашкѣ показалось небольшое кровавое пятно. Докторъ опустилъ зондъ въ рану, не ощупалъ пули и вынулъ тотчасъ назадъ зондъ. Я отвелъ его въ сторону и спросилъ, какова рана. «Смертельная,— отвѣчалъ онъ,—безполезно даже искать пулю». Его понесли далѣе; отъ солдатъ и кавалеріи скрыли смерть любимаго начальника. Генералъ Слѣпцовъ испустилъ духъ, когда его переносили черезъ рѣку. Докторъ Лужинскій находился при немъ до послѣдней минуты и помнитъ всѣ его слова. Онъ спросилъ: «Взята ли пушка?» Ему отвѣчали: «Нѣтъ, но зато много побито чеченцевъ!». Онъ сказалъ: «Ну, и это хорошо!». Мысль о войскахъ не оставляла его, онъ вслушивался въ гулъ перестрѣлки, гремѣвшей въ лѣсу, спрашивалъ, соединились ли съ колонною охотниковъ, велика ли потеря у насъ. Сталъ молиться: «Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшному!». Онъ глубоко былъ религіозенъ и умиралъ съ твердою вѣрою въ вѣчную жизнь. Онъ не страдалъ, агонія не была мучительна. Ни одного крика или стона. Жилъ онъ еще съ полчаса послѣ роковаго удара и тихо заснулъ. Трупъ его былъ принесенъ казаками въ лагерь.

«Такъ палъ смертью героя доблестный генералъ Слѣпцовъ, благороднѣйшій изъ благородныхъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ! Всѣ жалѣютъ о немъ, отъ начальниковъ до послѣдняго солдата. Скорбь общая и нелицемѣрная! Онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ (33-хъ), совершивъ уже блистательную карьеру, составивъ себѣ имя, громкое въ кавказскихъ войскахъ, грозное для чеченцевъ, имѣя ничѣмъ не запятнанную репутацію. Память его будетъ священна для всѣхъ, кто имѣлъ счастье его знать. Онъ былъ средняго роста, худъ и сухъ; блѣдное лицо его было очень красиво. Строгій, благородный профиль, орлиный носъ, густые короткіе усы, бакенбарды, обходившія кругомъ лица, и черные глаза, которыхъ обыкновенное выраженіе было мягко и ласково, но которые въ минуту одушевленія и гнѣва сверкали какъ угли,—составляли одну изъ тѣхъ физіономій, которыхъ нельзя забыть.

«Я какъ будто теперь гляжу на него, какъ онъ сидитъ, бывало, задумавшись, около палатки, въ своей высокой шапкѣ, желтой черкескѣ и короткой шубѣ. Волосы его были густые, курчавые и черные, какъ смоль; серебро сѣдинъ стало пробиваться въ нихъ. Онъ быстро ходилъ, движенія и жесты его были рѣзкія; говорилъ скоро; когда былъ въ волненіи, то немного заикался; голосъ его былъ пріятенъ, особеннаго тона, въ минуту же гнѣва и раздраженія дѣлался

Библиотека "Руниверс"

необыкновенно громкимъ и крикливымъ. Онъ былъ вспыльчивъ, какъ порохъ, но взрывъ страсти скоро проходилъ, и онъ, если былъ неправъ, спѣшилъ извиниться. Преобладающія военныя качества: отвага безоглядная; не было преграды, которой бы онъ устрашился, или опасности, которая бы его остановила, предпріятія военнаго, которое онъ счелъ бы неисполнимымъ. Это былъ баярдъ кавказской арміи, рыцарь безъ страха и упрека. Про него сложилась пѣсня:

«Стая на небѣ орловъ
«Тучу разсѣкаетъ,
«На чеченцевъ нашъ Слѣпцовъ
«Съ Сунжи налетаетъ».

«Онъ имѣлъ всѣ типическія свойства русскаго человѣка: гостепріименъ, радушенъ, хлѣбосолъ. Домъ его и карманъ были открыты для всѣхъ. Онъ истратилъ все свое состояніе на Сунженскій полкъ. Въ кошелькѣ его послѣ смерти нашли одинъ гривенникъ!..

«Выражался онъ просто, не любилъ фразъ; въ разговорѣ любилъ употреблять уменьшительныя слова, былъ чрезвычайно ласковъ и привѣтливъ.

«У генерала Слѣпцова были и свои странности. Онъ, столь отважный и смѣлый, прославившійся своимъ безстрашіемъ, боялся, и какъ еще, разныхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся, боялся ихъ, какъ левъ боится пѣтушинаго крику. Когда, бывало, онъ увидитъ гадину, то сейчасъ измѣнится въ лицѣ. Въ станицѣ Самашки много ядовитыхъ пауковъ; онъ не любилъ тамъ бывать и говаривалъ: «тамъ пауки есть!». Когда онъ пріѣзжалъ туда и сидѣлъ у станичнаго начальника, то всегда осматривался: ему казалось, что по немъ ползаютъ пауки. Къ сверчкамъ особенно имѣлъ страшное отвращеніе. При мнѣ разъ въ Ачхоѣ онъ увидѣлъ въ комнатѣ сверчка, сейчасъ поблѣднѣлъ и закричалъ: «Ларька, Ларька, лови сверчка, возьми его, не убивай и неси вонъ изъ укрѣпленія». Съ непокорными чеченцами онъ велъ открытую и рыцарскую войну, но народъ любилъ и много заботился о тѣхъ, кто къ намъ переселялся. Съ плѣнными не былъ вовсе жестокъ. Къ смерти былъ готовъ каждую минуту, боялся только умереть въ постели отъ болѣзни; эта готовность и ожиданіе ея было особенно странно въ молодомъ, красивомъ и здоровомъ человѣкѣ.

«Встрѣча праха его на Сунжѣ исполнена была мрачной торжественности. За нѣсколько верстъ старики, женщины и дѣти вышли встрѣчать его тѣло; больные, хворые, всѣ устремились на встрѣчу тому, кто поселилъ ихъ, водворилъ, заботился о всѣхъ ихъ нуждахъ, защищалъ, берегъ и погибъ за нихъ. Клали грудныхъ младенцевъ на гробъ, отовсюду слышны были восклицанія: «онъ меня изъ плѣна выкупилъ», или: «онъ семью нашу под-

Библиотека "Руниверс"

держалъ послѣ смерти отца». Каждый изъ нихъ лично зналъ Слѣпцова, вѣдавшаго всѣ ихъ нужды. Онъ сдѣлался для казаковъ столь необходимымъ, что они не могли свыкнуться съ его потерей, все думали, раздастся его призывный крикъ: «На конь, за мной, Сунжа!». Три дня стояло его тѣло въ Сунженской; день и ночь тѣснился народъ у гроба, рыдалъ, цѣловалъ его руки. Казаки говорили: «если бы могъ онъ хоть на минуту воскреснуть, онъ увидѣлъ бы, какъ мы его любили!». Такая скорбь и любовь—высшая ему награда. 14-го декабря были похороны. Генералъ лежалъ въ гробу съ открытымъ лицомъ, онъ былъ одѣтъ въ мундиръ Сунженскаго полка; казаки и слышать не хотѣли, чтобы на него надѣли парадный генеральскій: «пусть положатъ его въ нашей казацкой одежѣ», — говорили они. За колесницей несли полковое знамя и вели бѣлаго коня генерала, на которомъ онъ былъ убитъ. Казаки къ нему подходили и говорили ему въ своей наивной горести: «ты не добрый конь, на тебѣ былъ убитъ нашъ отецъ, на тебѣ же онъ былъ и раненъ, ты не берегъ его; если бы онъ былъ на гнѣдомъ, то остался бы живъ, тотъ былъ добрый конь и часто былъ раненъ подъ нимъ, а тебя ни разу не ранили». Наконецъ пропѣли послѣднюю «вѣчную память», гробъ засыпали, и ничего не осталось на землѣ отъ убіеннаго боярина Николая, кромѣ громкой славы, пока жить будетъ казачій народъ на Сунжѣ.

«Дѣло 10-го декабря было удачно. Особенно отличились казачіе охотники подъ предводительствомъ Предимірова и маіора Меркулова. Они взяли завалы и аулъ. Непріятель бѣжалъ, какъ бы пораженный паническимъ страхомъ. Ночью лишь узнали въ горахъ о смерти ихъ грознаго врага».

Послѣ панихиды въ Урусъ-Мартанѣ по Слѣпцовѣ, въ тотъ самый день, когда мы разсчитывали праздновать у него въ Гехинкѣ, мы всѣ въ печальномъ настроеніи вернулись въ Воздвиженское. Тутъ мало-по-малу жизнь вступила въ свои права, и на сцену выступили ежедневные интересы. Въ послѣднее время, не смотря на таинственность, которою облекалъ свои дѣянія князь Семенъ Михайловичъ, я случайно уловилъ нѣсколько несомнѣнныхъ признаковъ его тревожной дѣятельности въ сношеніяхъ съ какими-то чеченскими личностями. Два вечера сряду появленія переводчика съ закутанными байгушами непріятно прерывали нашъ вистъ. Князь бросалъ карты, уходилъ съ пришельцами въ кабинетъ и по получасу заставлялъ насъ ожидать, а послѣдній разъ совѣщался съ ними около двухъ часовъ. Наконецъ, спровадивъ посѣтителей, князь вернулся въ гостинную, видимо озабоченный, но вмѣстѣ и въ отличномъ расположеніи духа. Предложивъ намъ бросить глупый вистъ, онъ потребовалъ шампанскаго и въ силу плохо скрываемаго возбужденія, вопреки обыкновенію, залпомъ осушилъ два

Библиотека "Руниверс"

стакана. Мы переглянулись между собою, ничего не понимая, а онъ упорно хранилъ тайну. Не зналъ я тогда, что тайна эта разыграется такимъ сильнымъ скандаломъ между начальствомъ. По разсѣянности князь три раза переспрашивалъ меня, я ли назначенъ назавтра вести колонну въ лѣсъ, и, получая утвердительный отвѣтъ, что-то непонятное мычалъ себѣ подъ носъ и только по четвертому разу, что̀ вызвало взрывъ хохота Николая и княгини, обратясь ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ, его свѣтлость загадочно замѣтилъ: «значитъ, мы рано увидимся!». На слѣдующій день, согласно съ приказомъ по войскамъ гарнизона, три роты 2-го батальона, подъ моимъ начальствомъ, назначены были идти въ 7 часовъ утра въ лѣсъ за дровами. Только что я успѣлъ за Чахкеринскими воротами поздороваться съ людьми моей колонны, какъ за мною вслѣдъ выѣхалъ изъ крѣпости князь Семенъ Михайловичъ, торопливо приказавшій мнѣ отправить двѣ роты съ обозомъ въ лѣсъ, а самому мнѣ съ 6-ю ротой идти съ нимъ къ Аргунскому ущелью. Сдѣлавъ должныя распоряженія, мы молча тронулись впередъ; князь ѣхалъ рядомъ со мною, но не проронилъ ни одного слова. За полверсты отъ лѣса онъ приказалъ остановить мою роту и разсыпать впереди застрѣльщиковъ, съ которыми я и самъ направился къ опушкѣ лѣса, предварительно получивъ инструкцію его свѣтлости принять и доставить къ нему, ожидаемую имъ, очень важную личность. Минуту спустя, князь не выдержалъ, далъ шпоры своему Нарзану, въ нѣсколько лансадъ нагналъ меня и таинственно спросилъ: «Et vous ne devinez pas encore qui est l'individu que j'attends?» — «Mais non, mon prince, je n'en ai pas l'idée!» — отвѣтилъ я. — «Eh bien, c'est... c'est... ni plus, ni moins, c'est Hadjy-Murat, en personne!» — торжественно пояснилъ онъ [1]). Только что подскакалъ я къ 3-му взводу, какъ изъ опушки лѣса показалось нѣсколько всадниковъ. Впереди всѣхъ ѣхалъ красивый, статный брюнетъ, въ щегольской бѣлаго сукна черкескѣ, увѣшанный дорогимъ, въ золотой оправѣ, оружіемъ. Умное и энергическое лицо его, съ блестящими черными глазами, выражало полное спокойствіе и самонадѣянность. Подъѣхавъ ко мнѣ, онъ остановилъ коня такъ близко, что мы щелкнулись съ нимъ стременами. Пріятельски протянувъ мнѣ руку, онъ развязно сказалъ мнѣ на аварскомъ языкѣ привѣтствіе и, вопросительно махнувъ рукою въ сторону князя, вмѣстѣ со мною направился къ нему. Это былъ самъ Хаджи-Муратъ, а по обѣимъ его сторонамъ, по два почетныхъ лица, всѣ украшенныя на груди металлическими бляхами, въ родѣ звѣздъ, точь въ точь, какъ взятая нами въ 1847 году у наиба Дубы.

---

[1]) И вы до сихъ поръ не догадываетесь, кто этотъ неизвѣстный, котораго я жду?—Нѣтъ, князь, не имѣю никакого понятія.—Это... это... это, ни больше ни меньше, самъ Хаджи-Муратъ!

Библиотека "Руниверс"

Состоящій при князѣ переводчикъ тутъ же передалъ суть всего сказаннаго эксъ-ханомъ аварскимъ, а именно: «что онъ, Хаджи-Муратъ, давно уже помышлялъ помириться съ русскими, которыхъ всегда уважалъ, но не могъ оставить Шамиля, пока ихъ соединяли узы дружбы и согласія; теперь же, по измѣнившимся между ними отношеніямъ, онъ поспѣшилъ осуществить давно затаенное желаніе передаться русскому правительству и избралъ явиться къ представителю власти, именно къ князю Воронцову, вслѣдствіе особеннаго и глубокаго къ его особѣ уваженія».

Очень довольный князь порывисто обнялъ Хаджи-Мурата, крѣпко пожалъ руки всей его свитѣ и, отпустивъ меня съ ротой въ лѣсъ къ моей колоннѣ, самъ вмѣстѣ съ новыми вѣрноподданными царя русскаго курцъ-галопомъ поскакалъ къ крѣпости. Часа три спустя, ничего не подозрѣвая о случившемся въ Воздвиженскомъ, я вернулся съ колонною въ крѣпость; но, явившись къ барону Меллеру, имъ принятъ не былъ по нездоровью. Не придавая никакого значенія этому обстоятельству, я переодѣлся и по обыкновенію направился въ домъ Воронцовыхъ, гдѣ засталъ страшную кутерму, жалобы, негодованіе и даже со стороны княгини слезы. Увидя меня, она въ большомъ волненіи приступила къ объясненію.

Князь Семенъ Михайловичъ, разставшись со мною, привезъ прямо къ себѣ въ домъ Хаджи-Мурата и поспѣшилъ его представить княгинѣ. Хаджи-Муратъ сначала дичился въ обществѣ женщины, но ловкость, умъ и привѣтливость хозяйки скоро ободрили эксъ-аварскаго хана, и онъ не только принялъ предложенный ему кофе, но и обласкалъ 8-милѣтняго сына княгини. Въ свою очередь Булька, за нѣсколько до того минутъ взиравшій исподлобья и даже со страхомъ на страшнаго по молвѣ наиба, почувствовалъ къ нему симпатію, влѣзъ къ нему на колѣни и со свойственной его возросту любознательностью сталъ разглядывать блестящее его оружіе. Хаджи-Муратъ, строго придерживаясь кореннаго обычая на востокѣ относительно пешкешей [1]), поспѣшилъ снять съ себя кинжалъ, привлекшій вниманіе балованнаго мальчика, и тутъ же любезно опоясалъ имъ Бульку. Словомъ, въ какой нибудь часъ времени знакомство и даже дружескія отношенія между Хаджи-Муратомъ и Воронцовыми установились сами собой, когда вдругъ явился адъютантъ Меллера съ приказаніемъ сію же минуту представить къ нему выбѣжавшаго изъ горъ Хаджи-Мурата.

Князь Семенъ Михайловичъ, смекнувъ возможность непріятной для его гостя выходки со стороны Меллера (какъ старшаго начальника въ крѣпости), вздумалъ для отвращенія грозы не только самъ сопровождать Хаджи-Мурата къ командующему войсками Воздвиженскаго гарнизона, но и пригласилъ идти съ ними Марью

[1]) Подарки.

Библиотека "Руниверс"

Васильевну. Тріумвиратъ пѣшкомъ черезъ площадь отправился къ дому барона Меллера, нетерпѣливо и страшно раздраженно ожидавшаго появленія знаменитаго выходца. Увидѣвъ наконецъ изъ окна подходящаго наиба, но не одного, а въ обществѣ Воронцовыхъ, баронъ выскочилъ на встрѣчу къ нимъ въ сѣни и, вѣжливо пригласивъ княгиню на половину жены своей, а Хаджи-Мурата оставивъ въ залѣ подъ наблюденіемъ адъютанта Соболевскаго, попросилъ князя къ себѣ въ кабинетъ. Тутъ произошло между ними крупное объясненіе, вызвавшее бурную сцену, при чемъ Меллеръ позволилъ себѣ рѣзкое выраженіе, за которое князь едва не нанесъ ему личнаго оскорбленія. На страшный шумъ туда ворвались обѣ жены, и сцена должна была прекратиться, но Меллеръ арестовалъ на особой квартирѣ Хаджи-Мурата за офицерскимъ при немъ карауломъ и послалъ съ нарочнымъ донесеніе начальнику лѣваго фланга. Послѣднее обстоятельство вызвало и князя Воронцова сейчасъ же отправить письмо генералу Козловскому. Воображаю положеніе бѣднаго Викентія Михайловича, при полученіи этихъ обоюдныхъ протестовъ. «Какъ, какъ? Ну, какъ же поступить мнѣ, Анна Васильевна, какъ?» Но нашъ тихоня Козловскій оказался премудрымъ Соломономъ. Получивъ оба донесенія, его превосходительство ночью же прислалъ предписаніе немедленно же яблоко раздора, то-есть Хаджи-Мурата, препроводить къ нему въ Грозную. Коротко и ясно!

Поступокъ князя относительно исторіи изъ-за Хаджи-Мурата въ служебномъ отношеніи его, конечно, не оправдываетъ. Меллеръ-Закомельскій высочайшимъ повелѣніемъ назначенъ былъ командовать войсками въ Воздвиженскомъ, а князь Воронцовъ только командиръ Куринскаго полка, а потому первый былъ облеченъ правами и обязанностями всѣхъ внѣшнихъ сношеній съ окружающимъ насъ непріятелемъ, а второй только внутреннимъ управленіемъ одного полка. Изъ этого ясно, что князь Воронцовъ не имѣлъ никакого права прямо и помимо вѣдома барона Меллера вступать лично отъ себя въ какіе бы ни было переговоры съ непокорною намъ личностью и принимать ее непосредственно подъ свое покровительство.

Наканунѣ Рождества насъ ждала великая новость. Козловскій назначенъ былъ въ Ставрополь вмѣсто скончавшагося Завадовскаго, а начальникомъ лѣваго фланга и 20-й пѣхотной дивизіи сдѣланъ генералъ-адъютантъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Викентій Михайловичъ на третій день Рождества долженъ былъ пріѣхать къ намъ въ Воздвиженское, чтобы проститься съ Куринскимъ полкомъ.

По донесенію Козловскаго главнокомандующему о замиреніи и выходѣ къ намъ Хаджи-Мурата, изъ Тифлиса командированъ былъ въ Грозную Лорисъ-Меликовъ, чтобы привезти бывшаго хана

Библиотека "Руниверс"

аварскаго въ столицу Грузіи. Михаилъ Таріеловичъ вмѣстѣ съ почетнымъ пока плѣнникомъ занималъ временно бывшую квартиру Меллера. Я былъ у него, и Лорисъ очень любопытствовалъ узнать подробности войны алой и бѣлой розы въ Воздвиженскомъ; онъ, какъ ловкій дипломатъ, вытянулъ у меня все на чистоту, а самъ высказался очень туманно о томъ, какъ принята исторія изъ-за Хаджи-Мурата при Тифлискомъ дворѣ. Во всякомъ случаѣ не князь тутъ пострадаетъ.

На третій день праздника князь Семенъ Михайловичъ давалъ въ честь генерала Козловскаго большой обѣдъ всему полку.

Задолго еще до назначеннаго часа мы увидали изъ окна въ саду сосредоточенно двигающагося генерала Козловскаго, медленно шевелящаго губами и ничего, казалось, кругомъ не замѣчающаго. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ придумывалъ и заучивалъ приличный и въ данномъ случаѣ необходимый спичъ на обѣдѣ съ полкомъ бывшей его дивизіи, съ такимъ полкомъ, боевую исторію котораго онъ изучилъ по всѣмъ перипетіямъ собственной втеченіе болѣе 30-ти лѣтъ кавказской службы. Судя по усиленной умственной работѣ, заставляющей его такъ упорно искать одиночества, во мнѣ рождалось сомнѣніе, признаюсь, очень тягостное, въ благополучномъ разрѣшеніи задачи; кромѣ того, мнѣ искренно хотѣлось опровергнуть нѣкоторыя насмѣшки надъ Козловскимъ жестокой сегодня Марьи Васильевны.

— Le pauvre homme,—говорила она,—est absorbé par la besogne bien pénible pour lui de tenir un spitch. Бѣдный старикашка, какъ мнѣ его жаль, съ его-то краснорѣчіемъ!

Время близилось къ парадному обѣду. Уже въ столовой стали собираться приглашенные, а Викентій Михайловичъ все еще шагалъ по саду. Наконецъ, онъ взошелъ въ столовую, привѣтливо раскланялся со всѣми наличными офицерами и съ озабоченнымъ и краснымъ, какъ ракъ, лицемъ, тяжело отпыхиваясь, опустился на кресло въ гостинной. Княгиня, взглянувъ на него, лукаво подмигнула мнѣ и съ участіемъ стала разспрашивать Викентія Михайловича о его здоровьѣ.

Въ эту минуту дворецкій возвѣстилъ, que madame la princesse est servie, и Марья Васильевна, граціозно округливъ свою прелестную руку, повела почетнаго гостя въ столовую.

Сначала обѣдъ шелъ обычнымъ порядкомъ, но вотъ подали жареное, а съ нимъ и роковая минута появленія шампанскаго, слѣдовательно, и ожидаемаго спича. Меня начала бить лихорадка нетерпѣнія, а болѣе страха. За спиной княгини (я, всетаки, сидѣлъ у ней съ правой стороны), взглянувъ на ея сосѣда слѣва, я испугался страдальческаго его лица. Наконецъ, въ бокалахъ заискрилось шампанское, Викентій Михайловичъ откашлялся, обвелъ всѣхъ глазами, потянулся, съ трудомъ досталъ изъ задняго кармана но-

Библиотека "Руниверс"

совой платокъ и началъ сморкаться. Напряженное ожиданіе обмануло нетерпѣливую публику. Княгиня съ очаровательной улыбкой взглянула на генерала. Меня окончательно бросило въ жаръ, а когда въ эту минуту вдругъ вскочилъ со стула Козловскій, сердце громко застучало. Воцарилось молчаніе. Взоры всѣхъ присутствующихъ, не исключая многочисленной прислуги, которая по знаку князя замерла на мѣстѣ, устремились на старика, все еще переводящаго духъ. Прошло еще нѣсколько минутъ молчанія, и онъ дрожащимъ голосомъ началъ:

— Господа офицеры, какъ, дорогаго сердцу моему, какъ, Куринскаго полка! По высочайшей его величества волѣ, я уѣзжаю отъ васъ, разстаюсь съ вами! Но какъ бы ни былъ я далеко, считайте меня всегда, какъ, съ вами... Вамъ, господа, знакома, какъ, истина, одинъ въ полѣ не воинъ! Поэтому все, чѣмъ я на службѣ моей, какъ, награжденъ; все, какъ, чѣмъ осыпанъ великими щедротами государя императора, всѣмъ положеніемъ и, какъ, добрымъ именемъ моимъ, всѣмъ, всѣмъ, рѣшительно, какъ, — здѣсь голосъ его еще сильнѣе задрожалъ,—я только, какъ, обязанъ вамъ и однимъ вамъ, дорогіе друзья мои!..—Выступившіе на старческихъ глазахъ слезы покатились по сморщеннымъ щекамъ его.—Отъ всего сердца приношу вамъ, какъ, мою искреннюю, задушевную признательность!—Слезы душили его. Не въ силахъ подавить волненіе, Козловскій зарыдалъ и порывисто бросился обнимать офицеровъ, всѣхъ отъ перваго до послѣднаго. Княгиня закрыла лице платкомъ: она плакала. Даже князь Семенъ Михайловичъ, какъ-то странно скривя ротъ, заморгалъ глазами.

Впечатлѣніе немногихъ словъ Козловскаго было поразительное.

— J'ai en tort, je l'avoue,—шепнула мнѣ княгиня.

На слѣдующій день почти весь наличный составъ офицеровъ верхомъ провожалъ Викентія Михайловича до Большаго Кургана, гдѣ въ послѣдній разъ мы осушили по бакалу шампанскаго за его здоровье съ пожеланіями ему счастливаго пути и всякаго благополучія на новомъ посту.

Итакъ поляны и лѣса чеченскіе уже не увидятъ у себя храбрѣйшаго генерала Козловскаго во главѣ побѣдоносныхъ его отрядовъ. Ближайшая чрезъ нѣсколько дней назначенная экспедиція должна уже состоятся подъ командой вновь восходящей, но уже очень блестящей звѣзды кавказской, князя Александра Ивановича Барятинскаго.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1].

XIII.

Встрѣча Новаго года у Воронцовыхъ.—Воспоминаніе о Сергѣѣ Трубецкомъ.—Сборъ отряда; предсказаніе; смерть генерала Крюковскаго.—Дѣло куринцевъ съ Шамилемъ; пожалованіе Георіевскаго креста князю Воронцову.—Отъѣздъ его.—Жизнь въ Воздвиженскомъ; новые знакомые: Тумановъ, Орбеліани и др.—Движеніе съ княземъ Барятинскимъ по Большой Чечнѣ. — Производство князя С. М. Воронцова въ генералъ-маіоры и сдача имъ полка Ляшенку. — Хельмицкій. — Розенъ и Бартеневъ. — Исторія Ясинскаго. — Кутлеръ, Гербель и Поливановъ.—Случай съ Бреверномъ.

НОВЫЙ 1852 годъ встрѣченъ былъ нами у Воронцовыхъ не шумно, безъ музыки и толпы гостей, посемейному.

Когда за нѣсколько минутъ до полуночи поданы были бокалы шампанскаго, и всѣ ожидали боя часовъ, мысленно перенесся я въ Петербургъ, къ своимъ, а оттуда къ нѣкоторымъ обездоленнымъ, лишеннымъ семейной радости, каковъ былъ, напримѣръ, братъ княгини Воронцовой, Сергѣй Трубецкой, томившійся въ Оренбургѣ, въ сѣрой шинели солдата.

Разъ, два, три,—раздались боевые удары Булевскихъ часовъ на каминѣ, и всѣ бросились къ хозяйкѣ. Я тоже подошелъ къ ней и подъ впечатлѣніемъ только что промелькнувшихъ воспоминаній чокнулся къ княгиней за здоровье опальнаго Сергѣя. Чрез-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LII, стр. 72.

Библиотека "Руниверс"

вычайно сердечно приняла она предложенный тостъ и, крѣпко отъ души пожимая мнѣ руку, замѣтила:

— Вы одни, мой дорогой другъ, въ такую минуту могли вспомнить о несчастномъ Сережѣ.

Въ сущности, я лично мало зналъ этого Сережу, но по наслышкѣ о его душевныхъ качествахъ дѣйствительно принималъ близко къ сердцу всѣ гоненія, его преслѣдующія. На Кавказѣ, куда онъ былъ сосланъ прежде изъ гвардіи, Сергѣй Трубецкой оставилъ самую лучшую о себѣ память, какъ о теплой души человѣкѣ и отлично боевомъ офицерѣ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ еще не успѣлъ забыть о миновавшихъ невыгодахъ ссыльнаго, какъ опять новая бѣда стряслась надъ его головой, вслѣдствіе которой, лишенный княжескаго титула, дворянскаго достоинства и офицерскихъ чиновъ, присужденъ былъ тянуть лямку рядовымъ въ оренбургскихъ линейныхъ батальонахъ. Наказаніе это особенно жестоко тѣмъ, что разжалованный присланъ не на Кавказъ, гдѣ бы онъ могъ отличіями и кровью своей снискать помилованіе, а отправленъ въ полуазіатскія степи.

Преступленіе Трубецкаго, вѣрнѣе—проступокъ его, имѣло очень романтическій характеръ. Сердце, говорятъ, не камень, а у Сергѣя оно было особенно нѣжное. Его-то онъ повергъ къ ногамъ соблазнительной и очень красивой молодой женщины. Справедливо отдавая ловкому, статному и очень любезному поклоннику предпочтеніе передъ другимъ соперникомъ его, не молодымъ, но очень важнымъ, она безъ колебанія согласилась бросить мужа и бѣжать на край свѣта съ милымъ сердцу. Въ одну прекрасную, но очень темную ночь, счастливая парочка, скрытно ускользнувъ отъ бдительнаго, строгаго надзора, съ подорожной по казенной надобности на имя штабсъ-капитана Ѳедорова, понеслась по Московскому шоссе. Трубецкой, переодѣтый въ долгополый купеческій сюртукъ, а его дама въ казачій кафтанъ, подъ фирмою «будущаго», благополучно миновали Москву и прочіе города на всемъ длинномъ пути отъ моря Балтійскаго до Чернаго и безъ всякихъ приключеній доскакали до Поти, наканунѣ дня отхода съ рейда иностраннаго судна въ Марсель. Трубецкой, помѣстивъ своего казачка въ гостинницѣ, поспѣшилъ къ капитану экипажа, явилъ ему свои бумаги и, заплативъ впередъ за морской переѣздъ, вернулся совершенно спокойный къ своей возлюбленной. Между тѣмъ въ Петербургѣ, узнавъ объ исчезновеніи бѣглецовъ, всесильный соперникъ Сережи распорядился найти и нагнать ихъ во что бы то ни стало. И фельдъегеря и жандармы понеслись изъ столицы по всѣмъ трактамъ обширной матушки Россіи. Очертя голову, мчался и жандармъ, направленный по слѣдамъ пути мнимаго Ѳедорова, и только нѣсколько часовъ послѣ выѣзда изъ Кутаиса дезертировъ онъ заявилъ губернатору о цѣли его бѣшеной скачки. Мѣстное начальство

Библиотека "Руниверс"

всполошилось, быстро собрало справки и, убѣдясь въ кратковременномъ пребываніи въ Кутаисѣ штабсъ-капитана Ѳедорова, не медля ни минуты, приняло самыя энергическія мѣры къ поимкѣ виновныхъ. Тѣмъ временемъ, ничего не подозрѣвая, наши друзья, въ виду приближенія часа отхода парохода, на которомъ уже разводились пары, спокойно, пѣшкомъ, подъ руку подошли къ морскому берегу. Здѣсь они замѣшкались съ лодочникомъ и причалили къ судну за нѣсколько минутъ до снятія его съ якоря. Трубецкой, выскочивъ первымъ изъ лодки, подалъ съ трапа руку спутницѣ и по неосторожности громко заторопилъ ее словами: «Vite, vite, Lavinia!». Эти-то злополучныя три слова погубили обоихъ. Переодѣтые полицейскіе, безуспѣшно осмотрѣвъ всѣхъ пассажировъ, подозрительно смотрѣли съ палубы на приплывающихъ въ лодкѣ, а когда услыхали имя искомой, тутъ же безъ промаха наложили на нихъ свою тяжелую руку... Его судили за подлогъ и бѣгство по чужой подорожной.

Со всѣмъ тѣмъ юморъ еще не оставилъ его, что̀ видно изъ недавно присланныхъ имъ сюда визитныхъ карточекъ: «Serge Troubetskoy, né prince».

Нѣсколько дней спустя, назначенъ былъ сборъ отряда и выступленіе за Аргунъ. Князь Воронцовъ наканунѣ пригласилъ весь генералитетъ къ себѣ обѣдать. Обѣдъ былъ очень хорошій, шумный, оживленный. Рядомъ съ хозяйкой усѣлись князь Барятинскій и атаманъ Крюковской, а съ княземъ старшіе затѣмъ представители отряда, Бакановъ и Вревскій. Тришатный, Николай и я заняли мѣста на концѣ стола и все время проболтали очень весело. Послѣ обѣда, кофе и ликеры подали въ гостинную, гдѣ все общество расположилось къ кейфу, около камина. Наканунѣ выступленія въ бой, гдѣ предполагается несомнѣнная опасность, всегда замѣтно особенно возбужденное состояніе въ участникахъ, а потому и теперь, послѣ отличнаго обѣда, яркое освѣщеніе, теплый и благоуханный воздухъ роскошно убранныхъ комнатъ и наконецъ поглощенное вино — все вмѣстѣ невольно въ каждомъ порождало мысль: то ли будетъ завтра на бивуакѣ? и придется ли въ жизни еще испытывать подобныя удобства и наслажденія? Княгиня Марія Васильевна оживленно перепархивала въ разговорѣ съ одного предмета на другой, а, наконецъ, подъ вліяніемъ обще-гнетущей мысли громко подумала:

— А вѣдь вотъ мы теперь здѣсь вмѣстѣ, намъ тепло, уютно и весело, а что-то будетъ послѣ экспедиціи, и кому именно суждено не возвратиться? Эта мысль меня сильно терзаетъ!

— Эхъ, ваша свѣтлость,—первымъ на это возразилъ Крюковской,—да и, слава Богу, если кое-кого убьютъ!... Вакансіи по службѣ они очистятъ!

Библиотека "Руниверс"

Какъ ужаленная въ сердце, при этихъ словахъ вскочила Марія Васильевна.

— Можно ли такъ говорить, генералъ?—мгновенно горячо вспыхнувъ, съ увлеченіемъ заговорила она.— Знаете, что вы мнѣ напомнили вашими словами? Послушайте. Въ прошломъ году весною я ѣхала изъ Петербурга въ Царское Село. Въ вагонахъ всѣхъ классовъ была бездна пассажировъ, ѣдущихъ въ Павловскъ на концертъ. Давка была страшная, мѣста всѣ заняты. Въ ту минуту, когда поѣздъ тронулся, запоздавшій господинъ хотѣлъ вспрыгнуть съ платформы въ вагонъ, оступился, упалъ и головою свалился подъ колеса. Минуту спустя, нѣмецъ оберъ-кондукторъ, отбирая наши билеты, съ злою усмѣшкой сказалъ: «теперь, господа, вамъ будетъ попросторнѣй,—одного изъ пассажировъ сейчасъ раздавило поѣздомъ!». Впечатлѣніе этими пошлыми словами онъ произвелъ на всѣхъ самое тяжелое... Двадцать минутъ спустя, когда поѣздъ, нѣсколько убавивъ ходъ, шелъ мимо полу-станка, тотъ же самый оберъ-кондукторъ захотѣлъ спрыгнуть на платформу и въ свою очередь промахнулся и упалъ подъ поѣздъ, моментально раздавившій его въ лепешку! Вотъ,—закончила княгиня,— какъ провидѣніе быстро и строго его наказало.

Здоровый, краснощекій, геркулесъ сложеніемъ, Крюковской при послѣднихъ словахъ внезапно измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ и, какъ громомъ пораженный, остолбенѣлъ въ безсиліи что либо отвѣтить. Но не на одного атамана разсказъ княгини произвелъ впечатлѣніе; даже Булька, шумно вертѣвшійся между гостями, пріутихъ и, широко раскрывъ глаза, не сводилъ ихъ съ Крюковскаго. Болѣе же всѣхъ насъ смутилась сама княгиня. Въ пылу минутной досады она какъ бы пророчила атаману возмездіе, а теперь хотя и натянула всѣ струны обычнаго своего краснорѣчія, чтобъ снова оживить слушателей, но что-то въ обществѣ какъ будто надтреснуло... На Кавказѣ особенно люди становились суевѣрными.

Потомъ княгиня мнѣ разсказывала, что когда она, укладывая Бульку, стала съ нимъ на колѣни передъ образомъ, чтобъ помолиться за отца (то-есть, за отчима), Булька перебилъ ее словами: «за папу не бойся, онъ вернется, а вотъ Крюковскаго убьютъ»... Какъ бы то ни было, но стеченіе обстоятельствъ вышло фатальное, поразительное.

На слѣдующій день около Зааргунской башни были собраны всѣ войска для молебствія. Пріѣхалъ князь Барятинскій, раздалась команда: «на молитву», обнажилось нѣсколько тысячъ головъ, и раздалось пѣніе молебствія. Ближе всѣхъ къ аналою, впереди многочисленной свиты, сталъ статный, внушительный и, нельзя не признать, изящно-красивый Александръ Ивановичъ, а въ двухъ шагахъ отъ него Воронцовы (княгиня тоже выѣхала на молебствіе).

Библиотека "Руниверс"

Я пробрался къ нимъ ближе и сталъ разсматривать выраженіе лицъ окружающихъ. Осанистая, съ густой бородой и длинными усищами, мужественная физіономія атамана была полна невозмутимаго спокойствія, даже апатіи. Сосѣдъ его, Баклановъ, выдвинувъ впередъ богатырскую грудь, выразительными и полными огня глазами оглядывалъ всѣхъ по сторонамъ, но при каждомъ возгласѣ священника осѣнялъ себя широкимъ и размашистымъ крестнымъ знаменіемъ и клалъ усердные поклоны. Изъ остальныхъ одни сосредоточенно творили молитвы; другіе же, подтягивая пѣвчимъ, глазѣли по сторонамъ, пожимаясь отъ утренняго холода. Раздался отбой, и начались прощальныя пожеланія, рукопожатія и цѣлованія. Мой батальонъ въ этотъ разъ не выступалъ, и потому мы съ княгиней Марьей Васильевной тихо и скучно вернулись въ опустѣлую крѣпость.

Черезъ нѣсколько дней отъ князя Simon'а получено было изъ-за Аргуна письмо, которое княгиня послѣ нѣкотораго колебанія сообщила, впрочемъ, мнѣ и Николаю. Князь писалъ ей, «что въ ту ночь, на 24-е число, значительная часть Шалинскаго отряда выступаетъ изъ лагеря, перейдетъ Аргунъ и, обогнувъ Воздвиженское, ударитъ между рѣками Сошней и Гихой на Саитъ-Юртъ, сильнѣйшій аулъ у подножья Черныхъ горъ, а затѣмъ къ вечеру того же дня разсчитываетъ придти въ крѣпость, почему проситъ княгиню позаботиться о ночлегѣ для гостей», и т. д. Здѣсь княгиня, уже не скрывая тревоги, обратилась ко мнѣ, бывшему въ тотъ день дежурнымъ по карауламъ, съ усиленною просьбой, при первыхъ же выстрѣлахъ послать за полковымъ священникомъ для совершенія молебствія. На утро у княгини, при первыхъ словахъ молитвы: «Царю Небесный», я, стоя у окна, замѣтилъ скачущаго по площади чеченца прямо къ дому князя. По взмыленной лошади, тяжело водящей боками, я смекнулъ, что всадникъ долженъ быть нарочнымъ изъ отряда, и тихонько вышелъ на крыльцо. Въ эту минуту подъѣхалъ чеченецъ и протянулъ мнѣ незапечатанную вдвое сложенную записку. Я развернулъ ее, узналъ почеркъ князя и прочелъ: «Хвала Всевышнему, я живъ и невредимъ. Дѣло было жаркое, убиты: Крюковской, Дороховъ, Полозовъ и много другихъ. Потеря очень большая. Будемъ отдыхать въ Урусъ-Мартанѣ, а вечеромъ жди насъ къ себѣ. Твой Simon». Нетвердыми шагами, пораженный, вошелъ я обратно въ столовую въ ту минуту, какъ княгиня подходила къ кресту. Выждавъ немного, я молча подалъ ей записку. Она жадно бросила на нее глаза и внезапно, какъ снопъ, упала въ обморокъ. Очнувшись спустя двадцать минутъ, она, вспомнивъ все, внятно проговорила: «сейчасъ же панихиду». Послали за черною рясой, и въ той же залѣ раздался раздирающій напѣвъ панихиды.

Библиотека "Руниверс"

Давно уже смерклось, когда на улицѣ послышался топотъ кавалеріи, и князь Семенъ Михайловичъ, а за нимъ князь Барятинскій съ большою свитой, усталые, измученные, но все же возбужденные, ввалились въ гостинную княгини. Начались разсказы о дѣлѣ, сожалѣнія объ убитыхъ и раненыхъ...

Но черезъ нѣсколько дней ждало княгиню большое утѣшеніе, а именно, наканунѣ 30-го января, въ движеніи князя Барятинскаго съ частью отряда къ аулу Автуры, мужъ княгини съ двумя баталіонами нашего полка командовалъ цѣпью, противъ которой, по свѣдѣніямъ лазутчиковъ, дрался самолично Шамиль, а потому князь Барятинскій объявилъ, что онъ представляетъ князя Семена Михайловича къ ордену св. Георгія.

Слѣдующія затѣмъ дѣла, какъ Бакланова въ Маюртупскомъ лѣсу, барона Майделя около Мечика и всего отряда подъ Автуры, завершили зимнюю экспедицію 1852 года. Воронцовы уѣхали вмѣстѣ съ Барятинскимъ въ Тифлисъ, а оттуда княгиня съ мужемъ отправлялась въ Парижъ. Въ послѣдній вечеръ князь сіялъ отъ счастья уѣхать наконецъ изъ Воздвиженскаго и нисколько этого не скрывалъ. Не то было съ княгиней. Она, по свойственной ей деликатности, присущей сердечной женщинѣ, старалась скрыть эгоистическое удовлетвореніе—отъ всего и всѣхъ избавиться. Ясно и совершенно легально было бы съ ея стороны открытое признаніе, на сколько ей представлялось тягостнымъ и несообразнымъ съ ея привычками, требованіями и воспитаніемъ, насильственное пребываніе здѣсь, среди лишеній, скуки и опасности. Не смотря на все это, княгиня весь вечеръ и виду не показала объ охватывающемъ ее чувствѣ радости; мало того, она всячески старалась какъ бы съ сожалѣніемъ воскресить въ памяти пережитыя ею у насъ однѣ пріятныя минуты, отнюдь не касаясь испытанныхъ въ трущобахъ нашихъ случаевъ грустныхъ и трагическихъ. На другой день, послѣ ранняго завтрака, они уѣхали. Какая разница въ существованіи съ тѣмъ, что было при нихъ. Однообразіе, скуку и застой испытывали мы во всемъ, а въ особенности относительно новостей и свѣдѣній того, что дѣлается въ мірѣ семъ. Тогда усиленная корреспонденція князя, а еще больше княгини, посвящала насъ во все, происходящее не только въ сѣверной, но и въ нашей кавказской столицѣ—Тифлисѣ, тогда какъ потомъ оказіи изъ Грозной привозили нѣкоторымъ только изъ насъ письма, да и то скудныя по общественному интересу.

Впрочемъ, наибольшее оживленіе составлялъ пріѣздъ въ полкъ новыхъ лицъ; такъ, и на этотъ разъ общество увеличилось вскорѣ двумя новыми членами, князьями Тумановымъ и Орбеліани. Князь Александръ Тумановъ, назначенный командовать нашимъ вторымъ батальономъ, принялъ его, какъ подобаетъ всякому порядочному человѣку, безъ всякой выходки, могущей вызвать порицаніе. Въ

Библиотека "Руниверс"

частной же жизни оказался истымъ грузиномъ: добродушнымъ, безхитростнымъ и веселымъ. Вано же Орбеліани, beau-frère князя Гагарина, кутаисскаго губернатора, тоже не отставалъ отъ Туманова по честнѣйшимъ воззрѣніямъ и открытой душѣ.

Между тѣмъ баронъ Меллеръ, про котораго чеченцы говорили, что у него «башка—масла конь» (въ головѣ ума много), воспользовался отсутствіемъ князя Барятинскаго и Воронцова и сдѣлалъ набѣгъ на давно имъ желанный аулъ Талгика, который давно манилъ Меллера своими трофеями — полевыми орудіями. Талгикъ былъ старѣйшій по лѣтамъ и вліятельнѣйшій по заслугамъ наибъ чеченскій; Шамиль былъ очень къ нему расположенъ и въ доказательство отдалъ ему въ полное распоряженіе два полевыхъ орудія, которыя и находились всегда въ аулѣ, при сильномъ караулѣ. Не смотря на страшное и отчаянное сопротивленіе чеченцевъ, на сильныя потери съ обѣихъ сторонъ, аулъ былъ разграбленъ и орудія взяты, а Оклобжіо на слѣдующее же утро отправленъ курьеромъ къ главнокомандующему. Конечно, успѣхъ этотъ не могъ обрадовать нашихъ князей при существовавшемъ между ними и Меллеромъ антагонизмѣ, однако были присланы поздравленія, похвалы и благодарности (искреннія ли?) за отлично-славное дѣло 27-го марта. Познакомившись два мѣсяца спустя со вновь переведеннымъ изъ гвардіи капитаномъ Ивинымъ, я узналъ по этому поводу любопытныя подробности, которыя онъ слышалъ при посѣщеніи имъ въ Москвѣ Алексѣя Петровича Ермолова.

— Отецъ мой,—такъ говорилъ Ивинъ,—старинный сослуживецъ по артиллеріи и пріятель по душѣ знаменитаго кавказскаго героя Ермолова, а потому, прощаясь со мною въ Петербургѣ, поставилъ мнѣ въ непремѣнное условіе, проѣзжая черезъ Москву, явиться къ Алексѣю Петровичу. Разумѣется, я по пріѣздѣ въ Бѣлокаменную поспѣшилъ исполнить волю батюшки и пустился на Пречистенку. Докладываютъ. Ермоловъ принимаетъ, какъ роднаго. Онъ едва помнилъ меня ребенкомъ, но по дружбѣ къ моему отцу обнялъ, обласкалъ, обворожилъ любезностью. Послѣ вопросовъ: почему, какъ, зачѣмъ я перешелъ на Кавказъ,—Алексѣй Петровичъ спросилъ, въ какой я ѣду полкъ; я ему назвалъ нашъ князя Воронцова полкъ. «А, это бывшій Куринскій, ну, поздравляю тебя, голубчикъ, отличный ты выбралъ полкъ. Да, да, Куринскій полкъ я знаю хорошо, полкъ славный и командиръ его, недавно бывшій, Петръ Петровичъ Меллеръ-Закомельскій, умный и боевой офицеръ. Ну, а слыхалъ ты, какое славное дѣло вотъ недавно Куринскій полкъ задалъ чеченцамъ? Въ пухъ разнесъ сильнѣйшій аулъ, забралъ два орудія и разгромилъ массу непріятеля. А все Меллеръ! Да, да, умный безспорно человѣкъ, а, поди, какую великую глупость сотворилъ онъ!» Я въ недоумѣніи захлопалъ глазами. «Такъ ты, мой милый другъ, не догадываешься?—пристально взглянувъ

Библиотека "Руниверс"

на меня и съ сожалѣніемъ въ голосѣ, возразилъ Ермоловъ.—Такъ пойми же, что за это лихое дѣло его, Меллера, теперь съ лица земли сживутъ и съ Кавказа прогонятъ непремѣнно. Слушай, голубчикъ, дразнить сильныхъ міра сего никогда не слѣдуетъ!.. А Меллеръ безъ нихъ сдѣлалъ дѣло, и за это ему не сдобровать!»

Пророчество Алексѣя Петровича сбылось. Барону Меллеру-Закомельскому, вмѣсто слѣдуемаго ему по статуту ордена св. Георгія 3-й степени на шею, дали очередную награду Владиміра 2-й степени и чистую отставку.

1-го іюня того же года, подъ начальствомъ князя Барятинскаго, отрядъ нашъ форсированнымъ маршемъ вверхъ по Сунжѣ сдѣлалъ громадную прогулку въ Большую Чечню. По расчету времени и пространства, пройденнаго нами отъ Воздвиженскаго, оказалось, что въ 22 часа мы прошли 112 верстъ, а молодцы, бывшіе наканунѣ еще на фуражировкѣ, тѣ одолѣли въ 24 часа до 130 верстъ. Кто у насъ теперь повѣритъ подобному подвигу? Лѣтомъ, въ страшную жару, не бросивъ на пути почти ни одного больнаго, ни одного отсталаго. Нѣтъ, во всемъ мірѣ не найти такихъ людей, какъ кавказскіе солдаты.

Неимовѣрно быстрое появленіе отряда князя Барятинскаго на плоскости, куда направлялся Шамиль съ ордой своею, поразило имама. Вытянувъ изъ Бамутскаго ущелья частицу полчищъ своихъ, пока остальные еще спускались съ горъ, онъ увидѣлъ передъ собою какъ изъ-подъ земли выросшія русскія войска, появленіемъ своимъ парализовавшія всѣ расчеты его проникнуть безнаказанно въ Кабарду, гдѣ онъ надѣялся по приходѣ своемъ (какъ извѣстно было раньше отъ лазутчиковъ) произвести въ населеніи общее противъ нашего правительства возстаніе. Коварные планы непріятеля рушились, и Шамиль, лично разглядѣвъ съ возвышенности массу блестящихъ на солнцѣ штыковъ, въ горькомъ разочарованіи показалъ тылъ. Князь же Барятинскій, получивъ вѣрныя свѣдѣнія объ отступленіи всѣхъ вражьихъ силъ по тому же Бамутскому ущелью въ недоступныя намъ горы, тотчасъ же отдалъ приказаніе своему отряду расположиться бивуакомъ на берегу рѣчки Кембилеевки, варить пищу и отдохнуть мирно и спокойно, въ чемъ всѣ люди сильно нуждались. Мертвымъ сномъ заснули богатыри наши. Въ полдень они выпили порціонную водку, пообѣдали и снова завалились пополнять потраченныя силы, а вечеромъ и затѣмъ далеко за полночь во всемъ лагерѣ уже раздавались веселый говоръ, смѣхъ, шутки и лихія пѣсни. Обратный путь нашъ былъ съ чувствомъ, съ толкомъ, а главное—съ разстановкой, и продолжался три дня.

Дома, въ Воздвиженскомъ, насъ ждали новости. Нашъ командиръ, князь Семенъ Михайловичъ, уже вернувшійся изъ Парижа, скоро долженъ былъ прибыть сюда, а еще, что курьеръ нашъ, капи-

Библиотека "Руниверс"

танъ Оклобжіо, представленъ, къ Георгіевскому кресту и помолвленъ на княжнѣ Орбеліани, кузинѣ нашего Вано. Недолго побылъ у насъ опять князь Семенъ Михайловичъ. Послѣ дѣла въ Аргунскомъ ущельѣ князь «за особенное военное отличіе» былъ представленъ къ чину генералъ-маіора, сдалъ полкъ Ляшенку и, распростившись съ нами, снова уѣхалъ въ Тифлисъ.

Скромно и мирно потекла жизнь въ Воздвиженскомъ. Нѣсколько человѣкъ нашего полка какъ-то тѣснѣе сошлись между собою и образовали кружокъ дружный и неразлучный. Тумановъ, Орбеліани, Нордштейнъ, Бреверн, Швахгеймъ, Ивинъ и я, собирались ежедневно, вмѣстѣ обѣдали, козыряли въ безобидный вистъ, болтали и нерѣдко возглашали Алла-Верды; изъ постороннихъ чаще другихъ бывали: Ростовцевъ, Ѳадѣевъ, Кнорингъ и Мамацевъ изъ артиллеристовъ, Богдановъ, Ахлебининъ, Чихачевъ, Желтухинъ, Ромарино, Ренне, Ротчевъ, Воецкій, Павелъ Ипполитовъ и Пистолькорсъ изъ нашихъ куринцевъ. Случались и неожиданныя, и нельзя сказать чтобы пріятныя знакомства. Такъ, обѣдая какъ-то у Мамацева, я увидалъ у него новаго офицера въ его батареѣ, нѣкоего Х. Этотъ господинъ служилъ прежде въ гвардейской артиллеріи, но тамъ не удержался и переведенъ въ армію за разныя продѣлки, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ отъявленное шуллерничанье въ карты. Самъ Х. очень откровенно, даже съ нѣкоторымъ хвастовствомъ, сообщалъ всѣмъ и каждому о своихъ похожденіяхъ. Ихъ много, и, быть можетъ, я погрѣшу въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, но сущность настоящаго дѣла будетъ та же.

Еще гвардейскимъ артиллеристомъ Х. взялъ отпускъ изъ Петербурга и прибылъ въ Москву, гдѣ его поджидала цѣлая шайка сподвижниковъ по ремеслу, чтобы начать «дѣла». Послѣ мелкой практики надъ различными маменькиными сынками, компанія задумала предпріятіе en gros, т. е. очистить на очень большой кушъ нѣкоего юношу, только что получившаго громадное наслѣдство отъ умершаго въ провинціи отца своего. Шайка, припрятавъ на время главнаго дѣятеля, мага и волшебника Х., свела знакомство съ богатымъ наслѣдникомъ, пріѣхавшимъ изъ глуши, какъ говорится, протереть глаза накопленнымъ деньгамъ. Сначала юноша игралъ, но вяло и осторожно. Агенты шайки умышленно проигрывали ему довольно значительные куши, чтобы завлечь его «въ настоящую», но и это не брало, и молодой крезъ ихъ обществу и игрѣ предпочиталъ другія болѣе игривыя наслажденія. Допустить трату дорогихъ капиталовъ непроизводительно агенты нашли слишкомъ глупымъ, а потому систематически стали ему вбивать въ голову, что хотятъ принять его въ свою компанію, чтобы вмѣстѣ воспользоваться, посредствомъ азартной игры, баснословными драгоцѣнностями персидскаго принца, ѣдущаго изъ Тегерана въ Москву. Юноша не сразу поддался ихъ баснямъ, но мало-по-малу заинте-

Библиотека "Руниверс"

ресовался исчисленіемъ сокровищъ принца и, ощутивъ самъ значительную брешь въ захваченной изъ деревни суммѣ, ударилъ по рукамъ, торжественно пообѣщавъ играть съ ними заодно противъ богача персидскаго. Ожиданія длились недолго. Пріѣзжаетъ въ Москву желанный принцъ и со свитой занимаетъ чуть ли не цѣлый этажъ въ лучшей гостинницѣ. Одѣяніе и вооруженіе его и всей челяди поражаетъ восточной роскошью и богатствомъ. Самъ принцъ не старый, очень дородный мужчина, красивый брюнетъ, въ высочайшей конусообразной шапкѣ, съ головы до ногъ увѣшанный оружіемъ. Порусски онъ не понимаетъ, но въ карты играетъ и отъ скуки не прочь перекинуться въ азартную. Наша шайка, въ качествѣ золотой молодежи, попадаетъ къ нему на обѣдъ. И здѣсь гостямъ бросается въ глаза роскошь сервировки, множество блюдъ и напитковъ. Послѣ шербетовъ и достархановъ, смѣненныхъ кальянами, являются столы и карты. Толстый принцъ, пыхтя и охая, неловко распечатываетъ колоду, неумѣлою рукою тасуетъ и, высыпавъ на средину стола почтенную груду золота, дѣлаетъ неуклюжій знакъ головою въ видѣ приглашенія къ началу игры. Не дали просить себя партнеры. Штоссъ отчаянный, качаловскій, закипѣлъ между ними. Громадные куши передавалъ изъ рукъ въ руки и чертилъ колоссальныя записи богатый юноша, а къ утру все унаслѣдованное достояніе, болѣе чѣмъ на 600 тысячъ, очутилось во владѣніи счастливаго банкомета, персидскаго принца. Черезъ недѣлю принцъ персидскій Шейхъ-Мирза, Кельбъ-Али-ханъ, былъ переведенъ изъ гвардіи въ армію и по подорожной на имя подпоручика Х. высланъ изъ столицы съ жандармомъ.

Послѣ непріятной развязки персидской исторіи въ Москвѣ (разсказывалъ потомъ самъ Х.) онъ долго мыкался по бѣлу свѣту. Одаренный отъ природы способностью пріобрѣтать средства къ жизни болѣе спокойнымъ путемъ, чѣмъ службой гдѣ нибудь въ захолустьѣ, онъ переколесилъ Россію вдоль и поперекъ, естественно, не изъ любопытства, а съ болѣе практическою цѣлью.

«Теперь (съ глубокимъ вздохомъ сказалъ Х.) времена много измѣнили и людей и всѣ условія жизни, а тогда, лѣтъ десять назадъ, было куда лучше. Денегъ водилось больше, а людей расчетливыхъ, скупыхъ меньше. Ахъ, какія славныя были времена! Меня, напримѣръ, безденежье, временно случающееся со всякимъ, никогда не тревожило серьезно. Хлѣбъ насущный, необходимый, какъ и роскошное богатство и всѣ наслажденія, все, все носилось у меня въ карманѣ въ видѣ двухъ колодъ картъ. Но, впрочемъ, при этомъ скажу вамъ, что утонченное во мнѣ искусство въ механическомъ отношеніи и въ чистотѣ работы вообще было доведено до такой степени совершенства, что безъ хвастовства могу увѣрить—я былъ страшилищемъ товарищей по ремеслу, но самъ соперниковъ не зналъ. Какъ одинъ изъ множества тому примѣровъ,

Библиотека "Руниверс"

выслушайте слѣдующій случай, характеризующій ту степень извѣстности, которою пользовался я въ былыя времена во всѣхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества. Главнымъ, надо вамъ сказать, центромъ дѣятельности нашей были ярмарки, и изъ всѣхъ нихъ болѣе другихъ была мнѣ по сердцу Лебедянская. Туда являлись богатые купчики, зажиточные помѣщики и съ толстѣйшими бумажниками, кавалерійскіе ремонтеры, а главное, что прельщало меня при этомъ въ Лебедяни, это патріархальность нравовъ, простота и добродушное довѣріе, но болѣе всего — отдаленность отъ столицъ. Вотъ-съ, сдѣлавъ надлежащія подготовленія къ выпуску на арену по зеленому сукну новыхъ и усовершенствованныхъ мною фортелей и вольтовъ, я, конечно, предварительно навелъ тщательныя справки о тѣхъ дѣльныхъ и опасныхъ мнѣ конкурентахъ, которыхъ могъ бы я встрѣтить на предстоящемъ полѣ битвы, а затѣмъ благословясь отправился въ путь. Дорога была хорошая, лошадей запрягли мнѣ бойкихъ, словомъ, на всемъ переѣздѣ ни остановокъ, ни приключеній не встрѣтилъ. На предпослѣдней же станціи вижу у крыльца два отпряженныхъ экипажа. Вхожу въ общую комнату, четыре проѣзжающихъ накачиваются чаемъ, а станціонный смотритель суетится около нихъ съ самоваромъ. «Лошадей, почтенный, поскорѣе лошадей»,—говорю ему. «Лошадей нѣтъ, всѣ въ разгонѣ»,—равнодушно отвѣчаетъ вицъ-мундиръ. «Какъ нѣтъ? Быть не можетъ? Ведите меня на конюшню. Подайте книгу» и проч.,—внѣ себя отъ досады горячусь я. «Извольте, сейчасъ!»—не торопясь, проходя къ столу сосѣдней комнаты, говоритъ тотъ. «Да вотъ и эти господа,—добавилъ онъ: — ужъ съ обѣда ждутъ, а ранѣе утра я ихъ со станціи отправить не могу!» Всякіе дальнѣйшіе споры были бы безполезны, и я, покорившись злой судьбѣ, вернулся изъ смотрительской въ общую залу. Проѣзжающіе, окинувъ меня бѣглымъ взглядомъ, вступили со мной въ разговоръ: откуда и куда? какова дорога? каковъ въ вашей мѣстности урожай? и проч. ерунда. Просятъ съ ними откушать стаканъ чаю, а полчаса спустя, познакомившись, какъ подобаетъ дорожнымъ людямъ, безъ церемоніи и проволочки времени, но и безъ наименованій другъ другу фамилій, эти господа любезно предлагаютъ мнѣ, конечно, если я играю въ карты, составить пульку преферанса, конечно, по самой маленькой, только чтобы убить время. Сѣли и рѣжемся по полукопейкѣ фишу, часа три сряду. Я проигралъ, помнится, 70 копеекъ, но положилъ на столъ пятидесятирублевую ассигнацію и предложилъ сыграться. Въ пять минутъ банкъ сорвали. Закладываю второй и третій, конецъ тотъ же. «Эге!—думаю про себя,—вы, господа, ребята чищеные!» Дѣлать нечего, приходится въ ходъ пускать «авантажи». Говорю, что метать усталъ, и бросаю карты. «Да вы понтируйте»,—уговариваютъ они, и съ этими словами одинъ изъ нихъ, кладя на столъ сто-

Библиотека "Руниверс"

рублевку, умышленно суетъ мнѣ въ глаза бумажникъ, туго набитый депозитками на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Игра завязалась нешуточная. Банкомету везетъ, и на меня записано почти 6 тысячъ. Ставлю брандера до 8 тысячъ. Убита и эта карта. Встаю изъ-за стола, открываю чемоданъ и вмѣстѣ съ деньгами сую въ карманъ и мои собственныя карты. Раскрывъ объемистую мошну мою для расчета, вижу, что у господъ разбѣжались глаза... Мнѣ только этого и было нужно. Я карты ловко подмѣнилъ и, небрежно бросивъ на столъ кипу бумажекъ, тысячи на три, предложилъ имъ сорвать и эту дрянь...

«Завязалось дѣло жаркое! Слѣжу внимательно за понтерами, ясно вижу, какъ загибаются ими лишніе углы, какъ неправильно перечеркиваются куши въ записи, но ни гу-гу, напротивъ, оказываю имъ полное довѣріе и самую изысканную деликатность, тогда какъ самъ подвожу мину и, наконецъ, пускаю въ ходъ новѣйшіе фортели. Живо вернулись мои деньги, и накопился по записи изрядный кушъ. Трое понтировали горячо, а четвертый, предупредивъ насъ, что онъ никогда въ азартную не играетъ, сталъ противъ меня и не сводилъ глазъ съ моихъ рукъ. Два, три раза мнѣ мерещилось, что онъ, этотъ непрошенный наблюдатель, могъ замѣтить не вполнѣ отчетливо исполненный мною вольтъ, но брилліантовый мой перстень выручилъ. Давно уже на дворѣ пропѣли пѣтухи, а къ понтерамъ счастье не возвращалось. Они, горемычные, все больше и больше залѣзали въ запись. Наглядно прикинувъ длинные столбцы, я приблизительно насчиталъ за ними до 50 тысячъ. «Бастовать еще рано»,—думаю я, тѣмъ болѣе, что у двухъ партнеровъ глаза налились кровью, и они полѣзли, какъ на рожна, пуская брандеръ за брандеромъ. Въ это время четвертый, до того времени меня смущавшій, вышелъ изъ комнаты съ такою же поспѣшностью, какъ я подстроилъ камуфлетъ новѣйшей школы. Хлопъ, хлопъ, хлопъ... Убилъ всѣмъ троимъ. Опять другая талія, хлопъ, хлопъ... «Господа,—стремительно влетая въ комнату, отчаяннымъ голосомъ заревѣлъ врагъ мой:—это онъ, онъ! смотрите»,--поспѣшно указывая на дагеротипъ, отысканный имъ на днѣ своего чемодана. Всѣ вскочили съ мѣстъ, впились въ портретъ и пристально стали его свѣрять со мною. Тѣмъ временемъ я хладнокровно подвелъ итогъ въ 80 тысячъ рублей!»—Х. смолкъ.

— Но чѣмъ же окончилась эта встрѣча?—спросили мы.

— Мы съ той же минуты сошлись и стали работать сообща, искренними друзьями.

— А денегъ, конечно, вы съ нихъ не получили?—допрашивали мы.

— О, напротивъ, въ тотъ же день и часъ—всѣ до копейки, какъ только все дѣло между нами разъяснилось. При этомъ я изъ благодарности за поднесенный мнѣ кушъ тутъ же на столѣ по-

Библиотека "Руниверс"

казалъ имъ, на какой именно камуфлетъ я подвелъ ихъ. У насъ, скажу вамъ, всѣ денежные между собою расчеты по игрѣ исполняются всегда съ неимовѣрною строгостью, если, конечно, не попадешься на мѣстѣ преступленія... А тогда—иное дѣло!

Да, никакого фокусника европейской извѣстности нельзя сравнить съ Х. Это виртуозъ первоклассный, баснословный, необычайный. Видѣть его геніальные таланты — любопытно, но носить съ нимъ одинъ мундиръ и считаться его товарищемъ—постыдно. Если законъ преслѣдуетъ карманниковъ, то почему же такъ снисходительно относится и терпитъ на службѣ подобнаго оберъ-мошенника?

Совсѣмъ другой характеръ носили такъ называемые «несчастненькіе», разжалованные за минутныя увлеченія, необузданные порывы гнѣва и проч. Много ихъ было у насъ на Кавказѣ, а въ эту зиму особенный былъ наплывъ. Первый изъ нихъ, баронъ Розенъ, юноша (однофамилецъ гребенскаго Розена), только въ нынѣшнемъ году произведенный изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ кавалергарды, убилъ на дуэли того же полка птенца графа Гендрикова, въ одинъ же день съ нимъ выпущеннаго изъ Пажескаго корпуса. Послѣ веселаго въ лагерѣ обѣда дѣти о чемъ-то горячо заспорили и такъ рѣзко поругались, что стали на шесть шаговъ барьера, гдѣ одинъ изъ мальчишекъ остался на мѣстѣ, а другой въ сѣрой шинели попалъ къ намъ. Второй Бартеневъ—такъ же вновь испеченный прапорщикъ суконной гвардіи, то-есть Прусскаго полка. Этотъ господинъ поплатился своими первыми эполетами за слѣдующую выходку. Онъ стоялъ на караулѣ въ Красносельскомъ лагерѣ и за обѣдомъ подпилъ вмѣстѣ съ арестованнымъ на гауптвахтѣ офицеромъ Австрійскаго полка. Передъ самой зарей съ церемоніей, когда всѣ части войскъ лагеря выстроивались на переднихъ линейкахъ, представилась глазамъ ихъ слѣдующая курьезная картина: арестованный прапорщикъ, въ сильномъ куражѣ, въ разстегнутомъ сюртукѣ и фуражкѣ на затылкѣ, удиралъ вдоль лагеря съ гауптвахты, а за нимъ вслѣдъ караульный прапорщикъ Прусскаго полка, въ мундирѣ и шарфѣ, но безъ каски, догонялъ бѣглеца съ громкими на весь лагерь криками: держи, держи его!

Оба, почти одновременно преданные суду, разжалованы были въ рядовые въ егерскій князя Воронцова полкъ и были присланы сюда тянуть солдатскую лямку. Наша молодежь ихъ обласкала и какъ товарищей приняла въ свое общество. Но были между ними и глубоко несчастные. Такова, напримѣръ, исторія Ясинскаго, которую онъ самъ мнѣ разсказывалъ.

— «Изъ Инженернаго училища, — началъ онъ,—выпущенъ я въ офицеры путей сообщенія въ 1846 году. За годъ передъ тѣмъ переведенный въ Петербургъ изъ Бахтинскаго кадетскаго корпуса,

Библиотека "Руниверс"

я за болѣзнью не былъ на майскомъ парадѣ и не ходилъ въ Петергофскій кадетскій лагерь, а потому не имѣлъ случая видѣть въ лицо государя императора. Произведенный въ прапорщики, я опять-таки захворалъ на столько, что не могъ участвовать на общемъ представленіи всѣхъ новопроизведенныхъ его величеству, и только три недѣли спустя, докторъ разрѣшилъ мнѣ выйдти на воздухъ. Какъ было достойнѣе отпраздновать офицерскіе эполеты? Послѣ долгихъ колебаній мы вмѣстѣ съ закадычнымъ пріятелемъ по корпусу и сверстникомъ моимъ рѣшили отправиться въ тотъ же вечеръ въ Большой театръ, а оттуда поужинать къ Борелю. Нетерпѣливо ожидая семи часовъ вечера, мы заблаговременно зашагали пѣшимъ хожденіемъ съ Литейной на Морскую, гдѣ по пути къ театру хотѣли еще зайти къ перчаточнику. Безпечно и весело болтая, шли мы по Невскому и Большой Морской. До магазина съ яркой золотой рукой оставалось нѣсколько шаговъ, когда мы столкнулись на тротуарѣ съ высокою фигурой, идущей прямо къ намъ на встрѣчу. Не смотря на густыя сумерки, мы, сблизившись съ нею носъ съ носомъ, замѣтили офицерскую шинель, которую и пропустили между собой, причемъ я, желая посторониться, по неловкости задѣлъ ее плечомъ. Высокій мужчина мгновенно и очень строгимъ голосомъ остановилъ меня вопросомъ: «Какъ вы смѣете толкаться?»—«Извините»,—развязно отвѣтилъ я, намѣреваясь продолжать путь свой, но военный господинъ снова повторилъ вопросъ, причемъ, рѣзкимъ движеніемъ руки откинувъ съ плеча шинель, выставилъ на видъ свои генеральскіе эполеты. «Извините, ваше превосходительство»,—поспѣшилъ я повторить тѣ же слова. —«Нѣтъ, — грозно возразилъ генералъ, — такихъ вещей извинять нельзя! Какъ ваша фамилія?»—Я назвалъ себя.—«А! Вы полякъ?»— съ неимовѣрнымъ раздраженіемъ въ голосѣ спросилъ онъ.—«Такъ точно, полякъ, ваше превосходительство».— «Ну, такъ ступайте сейчасъ же подъ арестъ на главную гауптвахту!» — повелительно отрѣзалъ суровый генералъ. Я смутился, тогда какъ товарищъ мой, отойдя отъ насъ всего шаговъ на пять, съ первыхъ же словъ генерала догадываясь, что я попался и меня распекаютъ, помиралъ со смѣха, дѣлая мнѣ рукой за спиною налетѣвшей грозы самые комическіе знаки. Генералъ же круто повернулся и быстро зашагалъ по Невскому проспекту, а мы оба, обсудивъ грустное обстоятельство, разошлись въ разныя стороны: товарищъ, весело надо мной подтрунивая, къ Поцѣлуеву мосту, а я, очень грустный, на Исаакіевскую площадь. «Вотъ,—думалось мнѣ,—какъ осуществились мои планы и гдѣ теперь приходится мнѣ обновлять эполеты!» Прихожу на Адмиралтейскую гауптвахту, какъ ближайшую отъ Морской, и являюсь караульному офицеру.—«Кто васъ прислалъ сюда?»—переспрашиваетъ онъ.— «Генералъ, который встрѣтилъ меня сейчасъ на Морской»,—отвѣчаю ему.— «Да вѣдь онъ отпра-

Библиотека "Руниверс"

вилъ васъ на главную гауптвахту, говорите вы, ну, такъ и ступайте въ Зимній дворецъ, а здѣсь я васъ не приму!» Вотъ, думаю, попадешь на гауптвахту, да еще, прежде чѣмъ вкусить это удовольствіе, изволь-ка маяться да клянчить, чтобы тебя приняли. Пришелъ во дворецъ, застаю дежурнаго по карауламъ.—«Такъ и такъ, говорю, присланъ генераломъ къ вамъ на гауптвахту».—«Послушайте,—вразумительно говоритъ мнѣ дежурный,—не догадываетесь ли вы, кто именно изъ членовъ императорской фамиліи арестовалъ васъ?»—«Нѣтъ,—уже смущенно объясняю ему,—нѣтъ, рѣшительно я недоумѣваю! Но почему, г. полковникъ, вы полагаете, что меня арестовалъ не простой генералъ?»—«По очень простой причинѣ, что сюда никто, кромѣ царской фамиліи, арестовать офицеровъ не имѣетъ права»,—обязательно объяснилъ онъ. Меня охватилъ страхъ и сомнѣніе. Въ эту самую минуту другой дежурный, но не по внутреннимъ карауламъ, а дежурный флигель-адъютантъ, показался въ дверяхъ комнаты съ вопросомъ: «прибылъ ли на гауптвахту офицеръ путей сообщеній, только что арестованный государемъ императоромъ?» Когда я услышалъ объ этомъ, въ жилахъ моихъ застыла кровь отъ ужаса. Никогда въ жизни не видавъ его величества, теперь я понялъ, что я арестованъ имъ лично,—за что? За то, что нечаянно толкнулъ императора. Давно исчезъ флигель-адъютантъ, а я все еще, какъ громомъ пораженный, стоялъ среди любопытныхъ офицеровъ, не будучи въ силахъ отвѣчать имъ. Не успѣлъ я еще придти въ себя, какъ тотъ же флигель-адъютантъ, запыхавшись, вбѣжалъ опять на гауптвахту и торопливо передалъ дежурному по карауламъ высочайшее приказаніе препроводить меня къ его величеству. Оставивъ мою саблю, я побрелъ за флигель-адъютантомъ по коридорамъ, лѣстницамъ и заламъ дворца, съ такимъ сильнымъ біеніемъ сердца, что онъ, съ участіемъ взглядывая на меня, умышленно два раза останавливался на пути, чтобы дать мнѣ время нѣсколько оправиться и перевести духъ. Наконецъ, флигель-адъютантъ, задержавъ меня у одной двери, вошелъ одинъ и, тотчасъ же вернувшись, ввелъ меня за собою. Я внезапно очутился въ кабинетѣ его величества. Государь сидѣлъ у письменнаго стола, а въ двухъ шагахъ, въ сторонѣ отъ него, стоялъ бичъ Божій, Аттила всего инженернаго корпуса, неумолимо злобный, графъ Клейнмихель.

— «Я не сумѣю, господа, передать вамъ степень раздраженія государя при первыхъ словахъ его. Сильно насупивъ брови, его величество жесткимъ и проницательнымъ взглядомъ пронзилъ меня всего. Отъ страха я рѣшительно не чувствовалъ подъ собою ногъ, голова кружилась, дрожь пробѣгала по всему тѣлу. Прошло не мало минутъ, пока я собрался съ силами отвѣчать на вопросы, которыми засыпалъ меня негодующій государь. Тяжелое, невыносимое было положеніе во все время допроса. Я едва не лишился чувствъ. Го-

Библиотека "Руниверс"

сударь, внимательно выслушавъ и взвѣсивъ всѣ отвѣты мои, сталъ разспрашивать меня не только о моемъ воспитаніи, о пріѣздѣ въ Петербургъ, о болѣзни, лишившей меня возможности когда либо увидать его, но даже пожелалъ знать о моихъ родителяхъ, какихъ они лѣтъ, гдѣ живутъ, чѣмъ занимаются. И тутъ, когда я дрожащимъ голосомъ передалъ отвѣты мои некрасно и несвязно, но поистинѣ чистосердечно, гнѣвъ государя сталъ понемногу утихать. Въ голосѣ его величества послышались мягкія ноты, и вслѣдъ затѣмъ, еще разъ пристально, но уже милостиво взглянувъ мнѣ въ глаза, государь, замѣтивъ выступившія у меня слезы, съ отеческою снисходительностью спросилъ меня: «А если бы я вздумалъ сейчасъ поступить съ тобою строго, по закону, подумалъ ли ты, какъ бы огорчилъ стариковъ своихъ?». Чаша переполнилась, нервы не выдержали, и я громко зарыдалъ. Николай Павловичъ, тронутый неподдѣльнымъ моимъ отчаяніемъ, ласково прикоснулся рукою до плеча моего и взволнованнымъ голосомъ сталъ меня успокаивать, тутъ же обратясь къ графу Клейнмихелю съ необычайно милостивыми словами. «Я его прощаю совершенно, я вѣрю происшедшему недоразумѣнію такъ же твердо, какъ и тому, что онъ, какъ честный вѣрноподданный, будетъ впредь хорошимъ офицеромъ своего отечества. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Клейнмихель, ты не помышляй съ него взыскивать, такъ какъ я простилъ его! А ты теперь можешь идти домой, съ Богомъ!». Счастливый на столько же, какъ былъ несчастливъ полчаса назадъ, я выскочилъ изъ воротъ Зимняго дворца, съ полусаблей на боку и съ отраднымъ чувствомъ глубокаго благоговѣнія къ великодушію монарха».

Ясинскій и теперь, какъ шесть лѣтъ назадъ, тяжело дышалъ, глаза его сдѣлались влажны, голосъ дрожалъ. Пока онъ переводилъ духъ, я, пристально всматриваясь въ его симпатичное, взволнованное лицо, терялся въ догадкахъ о послѣдствіяхъ, могшихъ такъ сильно измѣнить его существованіе. Но Ясинскій уже продолжалъ.

— «Въ избыткѣ благополучія я, какъ опьянѣлый, шелъ по Невскому, не зная самъ куда. Былъ уже десятый часъ вечера, пробираться въ театръ уже не стоило, и я направился домой, гдѣ подъ впечатлѣніемъ всего происшедшаго настрочилъ длинное и восторженное письмо старику-отцу. Запечатавъ письмо, я уже поздно ночью легъ въ постель, представляя, какъ теперь помню, удивленіе моего товарища, когда завтра разскажу ему, гдѣ и какъ я провелъ часть сегодняшняго вечера.

«Но мнѣ пришлось жестоко ошибиться.

«Рано утромъ мой сладкій сонъ былъ внезапно нарушенъ стукомъ двери въ мою комнату. Я открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою свирѣпую фигуру жандарма, грубо предложившаго мнѣ поторопиться сборами въ дорогу, но куда, онъ счелъ излишнимъ объяснять, указавъ лишь на записку, внизу которой красовалась

Библиотека "Руниверс"

знакомая подпись Клейнмихеля... Не давъ мнѣ времени уложиться, почти въ одномъ сюртукѣ, жандармъ усадилъ меня рядомъ съ собою въ телѣжку, и курьерская тройка понеслась по Московскому шоссе. Восемь дней и ночей безъ малѣйшаго отдыха мчалъ меня жандармъ, пока не передалъ кавказскому начальству при конвертѣ изъ штаба путей сообщенія. Въ немъ, въ этомъ конвертѣ, оказалось строжайшее предписаніе, за собственноручною подписью Клейнмихеля, меня, прапорщика Ясинскаго, «за политическую неблагонадежность» припрятать на Кавказѣ и ни подъ какимъ видомъ и никогда отсюда не выпускать ни въ отпускъ, ни въ отставку.

«Въ шесть лѣтъ насильственнаго моего пребыванія здѣсь много воды утекло. Старикъ мой, больной и дряхлый, измученный напрасными мольбами Клейнмихелю о смягченіи моей участи, вскорѣ умеръ, а надняхъ и мать прислала мнѣ свое послѣднее благословеніе».

Ясинскій неудержимо зарыдалъ... Прошло минутъ пять, не болѣе, и онъ стремительно вскочилъ на ноги, залпомъ осушилъ объемистую чепурку чихиря, встряхнулъ головою и съ присвистомъ пустился откалывать камаринскаго!.. Мы съ Тришатнымъ переглянулись и тяжело вздохнули. Не прошло и получаса, какъ Ясинскій представлялъ изъ себя мертвое тѣло. Уложивъ его на своей постелѣ, мы пошли бродить по Червленскимъ улицамъ, гдѣ въ это время гостили у Розена.

На другой день злосчастный нашъ знакомецъ обѣдать къ барону Розену не явился, но вечеромъ, увидя въ окно нашу пульку въ преферансъ, вбѣжалъ въ комнату, провозгласивъ: «карты, карты — вотъ мое утѣшеніе въ жизни!». А затѣмъ, не стѣсняясь, смѣшалъ нашу игру и потребовалъ банка, банка и банка. Подъ конецъ Ясинскій проигралъ до 600 рублей. Хотя онъ горячился, но платилъ деньги весело и беззаботно. Утромъ, когда Вавила торопливо укладывалъ на повозку чемоданы наши, вошелъ ко мнѣ баронъ Розенъ, блѣдный, разстроенный.

— Что съ вами, Алексѣй Александровичъ? — встрѣтилъ я его.

— Un grand malheur vient de nous arriver, — вполголоса смущенно проговорилъ онъ. — Ясинскій вчера проигралъ казенныя деньги и два часа назадъ онъ застрѣлился.

Положительно везло мнѣ въ этотъ годъ на знакомство «съ несчастненькими» (какъ называли ихъ солдаты); еще переведены были къ намъ изъ гвардіи Кутлеръ и Поливановъ, а въ Кабардинскій — Гербель. Кутлеръ красивый, высокаго роста, съ каштановыми волосами и лазурево-голубыми прекрасными глазами, отлично сложенный мужчина, изъ петербургскаго бомонда, попалъ къ намъ, только благодаря необузданной страсти къ картамъ; въ одинъ вечеръ онъ спустилъ въ макао на столько крупный кушъ (свыше 200 тысячъ рублей), что ликвидировалъ все свое состояніе для рас-

Библиотека "Руниверс"

платы долга, а самъ бѣжалъ на Кавказъ въ скромный Куринскій полкъ.

Другіе же два пострадали изъ-за обычной тогда дуэли. Слухами земля полна. О ней толковали различно; что же касается отзывовъ объ обѣихъ дѣйствующихъ личностяхъ, то Гербель былъ нрава вообще сварливаго, а о Поливановѣ общее мнѣніе, какъ объ отличнѣйшемъ человѣкѣ. Эта ссора была уже не между юнцами, а старыми ротмистрами гвардіи.

Много было въ то время разсказовъ и анекдотовъ. Какъ-то собрались мы у Бреверна. Послѣ ужина далеко за полночь просидѣли мы, слушая любопытные разсказы хозяина о минувшей Венгерской кампаніи. Онъ былъ тогда адъютантомъ командира 5-го армейскаго корпуса, Лидерса. По взятіи города Германштадта, Бреверн былъ посланъ съ донесеніемъ о славной побѣдѣ къ государю императору, находившемуся въ то время въ Варшавѣ. Счастливый вѣстникъ скакалъ дни и ночи изъ Трансильваніи до береговъ Вислы и, страшно утомленный отъ бѣшеной ѣзды въ перекладной, остановился, наконецъ, у подъѣзда императорскаго дворца въ Лазенкахъ. Дежурный флигель-адъютантъ ввелъ пріѣзжаго курьера въ аванъ-залу рядомъ съ кабинетомъ государя и пошелъ о немъ доложить его величеству. Черезъ нѣсколько минутъ самъ императоръ Николай Павловичъ пріотворилъ дверь, чтобы позвать къ себѣ курьера, но, увидѣвъ его, растянувшагося въ креслахъ, тихонько подошелъ къ нему. Бреверн, не будучи въ силахъ бороться съ изнеможеніемъ, заснулъ крѣпчайшимъ сномъ, конечно, не подозрѣвая, что творилось наяву около самаго его кресла. Его величество, знакомъ руки запретивъ окружающимъ безпокоить сонъ курьера, собственноручно и очень осторожно снялъ съ него сумку съ депешами и, занявъ за столикомъ мѣсто противъ Бреверна, углубился въ чтеніе донесеній графа Лидерса. Тѣмъ временемъ курьеръ потянулся, открылъ глаза и, увидѣвъ передъ собою сидящаго императора, до того смутился, что вмѣсто того, чтобы встать, истерически зарыдалъ на всю залу. Государь милостиво обнялъ Бреверна и поздравилъ его своимъ флигель-адъютантомъ.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1].

XIII.

Переходъ отряда въ Куринское укрѣпленіе. — Начало экспедиціи 1853 года. — Лагерь на Хоби-Шавданскихъ высотахъ. — Движеніе съ Бакланомъ. — Герой дня баронъ Николаи. — Оказія въ Грозную и приключеніе по дорогѣ. — Баронъ Врангель. — Фатальное купанье на Гойтѣ. — Отъѣздъ курьеромъ въ Тифлисъ. — Поѣздка въ Каджіоры. — Князь Барятинскій. — Представленіе главнокомандующему. — Отдыхъ въ Тифлисѣ и возвращеніе въ Воздвиженское. — Объявленіе войны Турціи.

ЯНВАРЯ 15-го 1853 г. назначено было выступленіе изъ Воздвиженскаго, а черезъ недѣлю изъ Грозной, нашего отряда. Переходъ отъ Грозной до укрѣпленія Куринскаго, гдѣ мы должны были соединиться съ кабардинцами и вмѣстѣ войти въ составъ чеченскаго отряда, былъ крайне для насъ неблагопріятенъ. Отрядъ, съ обозомъ на колесахъ, съ перваго же шага попалъ подъ сильный снѣгъ съ морозомъ и страшною мятелью. Среди бѣлаго дня, во все время перваго перехода, зги Божьей не было видно. Порывистый сѣверный вѣтеръ надувалъ громадные сугробы, по которымъ бѣдные солдаты вязли по самое брюхо. Колонна двигалась съ быстротою черепахи, такъ какъ колеса по ступицу тонули въ снѣгу, лошади выбились изъ силъ, и обозъ останавливался ежеминутно. Шумъ, крикъ и ругань фурштатовъ сливались съ отчаяннымъ стономъ прозябшихъ и совершенно из-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LII, стр. 355.

Библиотека "Руниверс"

немогавшихъ рабочихъ, отряженныхъ отъ ротъ въ вѣдѣніе гевальдигеровъ, чтобы на себѣ вытаскивать грузныя фуры и повозки. И такъ мучился весь отрядъ съ 7 часовъ утра почти до сумерекъ, когда волей-неволей пришлось остановиться на ночлегъ въ степи безъ воды, а что ужаснѣе всего — безъ топлива. Втеченіе нѣсколькихъ часовъ безпрерывно падавшій снѣгъ былъ на столько глубокъ въ полѣ, что для постановки каждой палатки потребовалось до тридцати людей, которые лопатами разгребали кучи снѣга до твердаго грунта. Когда, послѣ продолжительныхъ усилій, удавалось окоченѣвшимъ солдатикамъ наконецъ натянуть палатку, то верхъ ея уже сравнивался съ массами окружающаго снѣга, и она, спрятанная въ яму, принимала видъ ледяного дома. Удобно было ночью спускаться въ эту преисподнюю. Но смѣли ли мы роптать, когда рядомъ съ нами столько людей не имѣли никакого убѣжища и подъ открытымъ небомъ, при разбушевавшейся бурѣ, провели всю ночь напролетъ, заваленные снѣгомъ, безъ пищи и огня? Безконечная ночь эта оставила пагубные слѣды въ отрядѣ. На другое утро жалкую картину представляли отважные бойцы зимней экспедиціи. Озябленныя руки и ноги, распухшія лица и воспаленныя глаза ясно говорили о перенесенныхъ истязаніяхъ. Судьба, однако, сжалилась надъ горемычными и къ разсвѣту угомонила расходившіяся стихіи. Стихло, оттеплило, и снѣгъ повалилъ хлопьями, безъ вихря. Прозябшій до костей и голодный отрядъ нашъ потащился впередъ, но не далеко, верстахъ въ трехъ не болѣе, у лѣсистаго берега Сунжи, былъ сдѣланъ привалъ, чтобы варить горячую пищу. Запылали костры, закипѣла въ котлахъ каша, выпили по чаркѣ водки, и ожили солдаты. Гдѣ-то по близости раздался звонкій голосъ запѣвалы: «Не бѣлы снѣги», и черезъ нѣсколько времени во всѣхъ углахъ широко занятаго бивуака полились молодецкія пѣсни. Герои кавказскіе, каждый кто васъ видѣлъ и имѣлъ возможность оцѣнить, преклонится передъ вами! Еще одну ночь проведя въ степи подъ открытымъ небомъ, на третій день роты бодро и весело вступили въ Куринское, гдѣ ожидалъ ихъ не рай, конечно, а только неподмоченные сухари и запасенныя дрова. Здѣсь же ждали насъ кабардинцы и драгуны. Когда мы съ шумомъ и трескомъ парадно входили въ убогое укрѣпленіе, узкія улицы его были наводнены встрѣчающими солдатами обоихъ полковъ этихъ. Не успѣли мы остановиться, какъ людей нашихъ нарасхватъ потащили кабардинцы и драгуны; обнимаясь истинно побратски, они бросились угощать утомленныхъ кунаковъ своихъ, являя и тутъ поразительный примѣръ тѣсной дружбы, составляющей непреклонную, непобѣдимую силу нашей кавказской арміи. Въ началѣ февраля мы опять очутились въ палаткахъ, откуда былъ обширный и прелестный кругозоръ. Недалеко у ногъ нашихъ обрисовывались крутые берега извили-

Библиотека "Руниверс"

стой рѣки Мечика, за ней опять обширная поляна, а вдали, какъ рама, темнѣлъ сплошной черный лѣсъ на необозримыя пространства. Нашъ лагерь занялъ Хоби-Шавданскія высоты. Подъемъ на нихъ не обошелся безъ усиленныхъ хлопотъ; мѣстами на крутизны, по гололедицѣ, съ трудомъ карабкались лошади артиллеріи, а въ особенности отряднаго обоза, но, разъ взобравшись сюда, разставаться съ настоящей позиціей никому не хотѣлось. Простымъ глазомъ, безъ подзорной трубы, видны всѣ окрестности кругомъ на десятки верстъ, а слѣдовательно отъ внезапныхъ нападеній чеченцевъ мы были совершенно обезпечены; даже ночные караулы въ цѣпи здѣсь относительно были ничтожны. Равнымъ образомъ, пока стоялъ отрядъ здѣсь, на высотахъ, то и ночныхъ сюрпризовъ по лагерю ожидать было нельзя. Непріятель въ виду у насъ, но внѣ артиллерійскихъ выстрѣловъ изъ лагеря; какъ муравьи, работали чеченцы цѣлые дни надъ укрѣпленіемъ противоположнаго берега. Завалы тамъ, по всей ломаной линіи рѣки, росли не по днямъ, а по часамъ. Работа у нихъ кипѣла и, видно, спасала байгушей отъ мороза, который изрядно пощипывалъ. При усиленной дѣятельности со стороны непріятеля крайнее затишье въ нашемъ лагерѣ было явленіемъ ненормальнымъ. Всѣ мы ожидали бури, и она разразилась, но какъ! Преданіе свѣжо, а вѣрится съ трудомъ.

16-го февраля, вечеромъ, въ ту минуту, когда били вечернюю зорю, всѣ три батальона куринцевъ, 12 конныхъ орудій и вся наличная кавалерія, подъ начальствомъ Бакланова, тихо и скрытно двинулись съ Хоби-Шавданскихъ высотъ по сѣверному спуску въ лѣсистую лощину, тянувшуюся въ сторонѣ Кумыкской площади. Безостановочно шла колонна, пробивая себѣ дорогу въ глубокомъ снѣгу, по дебрямъ и трущобамъ, задаваясь постоянно лѣвымъ плечомъ впередъ. Очевидно, мы совершали дальнее, очень утомительное и, судя по мѣстности, далеко не безопасное обходное движеніе. Около полуночи данъ былъ часовой привалъ. Ночь была звѣздная, но безлунная, тихая и очень морозная. Не смотря на это, остановившіеся для передышки люди, всѣ, какъ по командѣ, сняли папахи и стали обтирать потъ, обильно выступившій на лбахъ ихъ: «рубашку хоть выжми», поясняли солдаты, отдуваясь точь-въ-точь, какъ русскіе мужички, слѣзая съ верхней полки жаркой бани. Но вотъ въ авангардѣ зашевелилась кавалерія, а за нею тронулась уже остывшая на морозѣ пѣхота. Долго и еще по худшей лѣсной чащѣ, безъ малѣйшаго признака дороги, шагъ за шагомъ тянулась колонна. На этомъ переходѣ много хлопотъ и усилій потребовала конная артиллерія. Въ трехъ переѣздахъ черезъ крутыя балки орудія такъ глубоко проваливались въ сугробахъ, что буквально исчезали съ лафетами подъ снѣгомъ. Обезсиленныя лошади рѣшительно отказывались тронуть съ мѣста; пришлось ихъ отпрягать и цѣлыми ротами вытаскивать на лямкахъ окунувшіяся орудія. Стало раз-

Библиотека "Руниверс"

свѣтать, когда мы, отмѣривъ за всю ночь, по крайней мѣрѣ, до 30 верстъ, еще не были открыты непріятелемъ. Почти все время пути нашего зарево отъ пылающихъ костровъ лагеря на высотахъ свѣтило намъ съ правой стороны, а передъ утромъ мы уже видѣли его далеко противъ себя, что̀ явно доказало, что колонной сдѣлано обширное полукруговое движеніе. Теперь, по мѣрѣ приближенія дня и крѣпкой позиціи непріятеля, ежеминутно надо было ожидать встрѣчи съ его пикетами, что̀ и не замедлило осуществиться. Раздался сухой винтовочный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій. «Рысью, маршъ», послышался громовой голосъ богатыря-Баклана, и вся кавалерія, а за нею и пѣхота, ринулись изъ всѣхъ силъ впередъ. Солдаты наши сразу встрепенулись и по глубокому снѣгу побѣжали, шумно, съ громкимъ говоромъ. Казалось, они были въ восторгѣ отъ окончанія обязательной тишины и молчанія, къ которымъ присуждены они были втеченіе двѣнадцатичасоваго хода. Но вскорѣ веселые возгласы бѣгущей массы людей снова пріутихли, и болтовня смѣнилась строгой сосредоточенностью. Впереди и съ обоихъ боковъ раздались не одиночные выстрѣлы, а добрые залпы. Загорѣлся въ лѣсу бой горячій. Не прошло и десяти минутъ, какъ сквозь оглушительные выстрѣлы двухъ батарей нашихъ ясно слышались то здѣсь, то тамъ пронзительные гики чеченцевъ. Начались рукопашныя схватки, грозная штыковая работа куринцевъ и спѣшенныхъ драгунъ. Полились смѣшанные крики: алла! ура! и потоки русской и татарской крови. Штыками раскидывая громадные завалы, мы очищали путь для провоза орудій и медленно подвигались впередъ, повсюду встрѣчая отчаянный отпоръ уже скопившагося непріятеля. Но вотъ просвѣчиваетъ чистая поляна, еще несколько десятковъ шаговъ, и, миновавъ опушку лѣса, мы уже на открытой плоскости въ тылу непріятельскихъ окоповъ, на Мечикѣ. Восходящее солнце отчетливо и очень красиво яркими лучами окрасило намъ великолѣпнѣйшую панораму. Впереди насъ, версты за полторы, высились Хоби-Шавданскія высоты, съ живописно-раскинутымъ на нихъ лагеремъ, а внизу, на половинѣ разстоянія отъ насъ до отряда, на бѣломъ фонѣ выдѣлялись черныя фигуры непріятеля, пораженнаго неожиданнымъ появленіемъ у себя въ тылу наступающей колонны. Но здѣсь мы удивлены были, не менѣе чеченцевъ, услышавъ громкую команду «стой!». Вмѣсто того, чтобы массой кавалеріи, поддержанной нашими батальонами, не теряя минуты, аттаковать врага, насъ вдругъ останавливаютъ на орудійный выстрѣлъ отъ его окоповъ и даютъ ему время и возможность, безнаказанно бросивъ позицію, бѣжать направо и налѣво въ лѣсъ.

Что это значитъ? Куда запряталъ Бакланъ свою отвагу? «Измѣна»,—послышалось въ рядахъ, ропотъ негодованія сталъ общимъ. Но что мы видимъ? Въ лагерѣ у насъ тревога. Бѣгутъ войска—

Библиотека "Руниверс"

строятся, слышенъ колонный маршъ, громкое ура, и... запоздалый штурмъ очищенныхъ окоповъ. Все объяснилось, но послѣ, въ лагерѣ.

Въ 1853 году очередь «посвященія въ герои» стояла за командиромъ Кабардинскаго полка, барономъ Николаи. Мечикъ съ сильно укрѣпленными берегами представлялъ самую удобную арену для предрѣшеннаго начальствомъ подвига, но слишкомъ дѣятельная работа при сооруженіи укрѣпленій чеченцами, въ чемъ лично убѣдился при послѣдней рекогносцировкѣ самъ начальникъ отдѣла, дѣлала успѣхъ штурма сомнительнымъ. Крутые берега рѣки, съ отвѣснымъ подъемомъ и непрерывною стѣною заваловъ, при атакѣ прямо въ лобъ, обошлись бы слишкомъ дорого, а, быть можетъ, и совсѣмъ бы не дались въ руки. Въ силу этихъ соображеній начальникъ отряда (князь Барятинскій) и предложилъ «дѣду» (Бакланову) идти въ обходное движеніе (которое и исполнено имъ съ нашими батальонами) съ тѣмъ, чтобы утромъ 17-го явиться въ тылу укрѣпленій непріятеля въ тотъ самый моментъ, когда въ лагерѣ подготовленные къ штурму кабардинцы съ фронта тронутся на подвигъ. Задачу свою Бакланъ совершилъ съ блистательнымъ успѣхомъ, но, вѣроятно, не свѣривъ часовъ своихъ съ часами «земнаго солнца» (по выраженію Ильченка), вывелъ насъ изъ дремучаго лѣса на поляну прежде, чѣмъ кабардинцы успѣли начать свое побѣдное шествіе. Чеченцы, не посвященные въ тайну комбинацій нашего начальства, сочли черезчуръ невыгоднымъ попасть между двухъ огней, а потому, въ первую минуту изумленія, увидя себя обойденными, они со всѣхъ ногъ бросились наутекъ, совершенно очистивъ завалы. Но тутъ, въ силу «mieux vaut tard que jamais», по тревогѣ выстроились кабардинцы и съ командиромъ впереди отважно ринулись на штурмъ. Въ нѣсколько минутъ этого великолѣпнаго зрѣлища выпущены были сотни выстрѣловъ картечью, десятки тысячъ патроновъ и безчисленное количество возгласовъ ура. Гулъ, дымъ, трескъ—все явилось на сцену, не доставало одного—непріятеля. Кабардинцы заняли пустые завалы и носъ къ носу столкнулись съ куринцами Баклановской колонны. Казалось бы, разочарованіе? Нисколько. Не мудрствуя лукаво, въ донесеніи о штурмѣ сказано только о мужествѣ, отвагѣ и неустрашимости героя дня, барона Николаи. Но и тутъ «pour sauver les apparences», благо кабардинцы перешли Мечикъ, ихъ направили въ тотъ же день брать аулы Гурдалой и Аса-Юртъ, гдѣ имъ удалось потерять нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, что было необходимо, такъ какъ штурмъ окоповъ обошелся имъ безъ единой царапины.

Затѣмъ началась однообразная жизнь въ лагерѣ, нарушаемая ежедневными движеніями черезъ день взадъ и впередъ и рубкой лѣса. Все это надоѣло до тошноты, и мы только и мечтали о роспускѣ отряда послѣ нескончаемой экспедиціи этого года. По глу-

Библиотека "Руниверс"

бокой грязи и зарядившему дождю доплыли мы, наконецъ, обратно въ Воздвиженское, гдѣ я нашелъ письмо отъ матери, очень грустное, такъ какъ младшаго брата моего, Митю, исключили за шалость изъ Пажескаго корпуса, а учился онъ хорошо и уже перешелъ во 2-й классъ, какъ стряслась надъ нимъ эта бѣда по собственной, впрочемъ, винѣ. По поводу его наружности и курчавой головы мать писала, что Митя привлекъ вниманіе государя Николая Павловича въ послѣднее посѣщеніе имъ Пажескаго корпуса. На вопросъ императора, какъ его фамилія и родственникъ ли онъ кавказскому Полторацкому, его величество громко, обращаясь ко всѣмъ пажамъ, выразился обо мнѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, поставивъ въ примѣръ отлично боевую службу и храбрость мою на Кавказѣ. Извѣстіе это очень отрадно на меня подѣйствовало среди нашей скуки и однообразія.

Кружокъ нашъ попрежнему былъ дружнымъ и тѣснымъ, увеличенный еще новой личностью Иваномъ Петровичемъ Борисовымъ, человѣкомъ хорошимъ, честнымъ и очень сердечнымъ. Знакомства и всѣ связи его были въ Орловской губерніи, гдѣ онъ съ Сухотинымъ, Шеншиными и другими увлекался псовой охотой, оставившей въ немъ самыя живыя и пріятныя воспоминанія. Раньше онъ кратковременно носилъ кирасирскій мундиръ Орденскаго полка; представляю себѣ маленькаго, очень пропорціонально-миніатюрнаго Бориньку въ кирасирскомъ мундирѣ! Любовь сильная, страстная, но несчастная, увлекла его на гибельный Кавказъ. Въ первое время онъ безъ надобности лѣзъ на опасность и какъ будто бы искалъ смерти, но время взяло свое. Теперь онъ не пьетъ, не играетъ, но съ пылкимъ увлеченіемъ говоритъ о своей любимой страсти — охотѣ.

Однако, для соблюденія хронологическаго порядка во всѣхъ важныхъ явленіяхъ на лѣвомъ флангѣ, не лишнимъ будетъ упомянуть, что нежданно, негаданно (но, впрочемъ, для насъ въ Воздвиженскомъ, а не для высшихъ сферъ) произошла перемѣна въ начальствѣ нашемъ, а именно: князь Барятинскій назначенъ, вмѣсто генерала Коцебу, начальникомъ штаба, а генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель изъ Дагестана—къ намъ начальникомъ лѣваго фланга кавказской линіи. Объ этихъ крупныхъ новостяхъ услышалъ я только 12-го іюня утромъ, а слѣдующій день, съ 5-й и 6-й ротой Куринскаго и одной ротой линейнаго батальона, при двухъ орудіяхъ, отправился въ сквозную оказію до Грозной. Держался я правой цѣпи. У Ермоловскаго кургана по обыкновенію былъ сдѣланъ привалъ, а когда черезъ полчаса я тронулъ колонну, то самъ съ Вавилой и двумя казаками опять вернулся къ правой цѣпи. Отошли съ версту. Изъ-подъ казака вскочилъ русакъ и потянулъ по направленію къ Грозной. Вавила съ неистовымъ азартомъ бро-

Библиотека "Руниверс"

сился за нимъ и, во все горло атукая, старался указать его собакамъ, которыя метались изъ одной стороны въ другую и, высоко подпрыгивая надъ буроянomъ, не могли всмотрѣться въ косаго. Не увлекаясь скачкой Вавилы и казаковъ, я подавался впередъ рысью, но, поровнявшись съ серединой вытянутой по дорогѣ колонны, я вдругъ увидѣлъ недалеко отъ авангарда влѣво на верхней плоскости между Ханъ-Кале и Грозненскою башней конную партію въ 20—25 человѣкъ чеченцевъ, стремительно несущихся съ уступа на перерѣзъ пути колонны. Тутъ ясно представилась уму моему другая травля, въ которой, конечно, роль зайца игралъ кто нибудь изъ нашихъ джигитовъ, уѣхавшихъ впередъ отъ колонны. Стремглавъ бросился я къ авангарду и на скаку слышалъ залпъ ружейныхъ выстрѣловъ, но, еще не достигнувъ 5-й роты, за сотню шаговъ, увидѣлъ уже снятое съ передковъ орудіе и поднятый надъ нимъ пальникъ. «Отставь, отставь, тамъ наши!»—кричалъ я, что есть мочи, и къ счастью успѣлъ остановить выстрѣлъ, уже направленный на горсть толпившихся на дорогѣ всадниковъ, между которыми, очевидно, попались и наши. Не успѣлъ 3-й взводъ по приказанію моему броситься впередъ и пробѣжать нѣсколько шаговъ, какъ чеченцы пошли наутекъ степью къ Аргуну и тогда по нимъ въ догонку были пущены двѣ гранаты. Въ ту же минуту отъ мѣста схватки прискакалъ въ колонну растерянный, блѣдный, какъ смерть, баронъ Розенъ, и почти вслѣдъ за нимъ прибѣжала безъ сѣдла гнѣдая лошадь, по форменному сѣдлу которой артиллеристы признали ее лошадью ихъ взводнаго офицера. Въ это время изъ-за мелкихъ по дорогѣ кустовъ показался идущій пѣшкомъ и самъ артиллерійскій прапорщикъ, Щербачевъ. Молодой и краснощекій 19-ти-лѣтній юноша, Щербачевъ, за нѣсколько передъ тѣмъ мѣсяцевъ оставившій скамью артиллерійскаго училища, удивлявшій всѣхъ здоровьемъ и необыкновеннымъ тѣлосложеніемъ и силой, и въ эту минуту поразилъ насъ. Онъ шелъ медленными, но твердыми шагами, не хромая, не охая и только, когда спокойно подошелъ къ намъ, мы увидѣли, какъ онъ дорого поплатился чеченцамъ. Кровь буквально ключемъ била изъ ранъ его въ грудь и обѣ ноги пулями, въ животъ ружейною картечью и по шеѣ шашечнымъ ударомъ. Въ колоннѣ не было ни доктора, ни фельдшера, пришлось работать ротнымъ цирюльникамъ, и Рыбоконь довольно быстро и ловко принялся за перевязку раненаго. Между тѣмъ, Розенъ, нѣсколько оправившійся отъ перваго испуга, сумѣлъ объяснить, что они впятеромъ поѣхали отъ оказіи впередъ, и что въ минуту нападенія горцевъ графъ Левъ Толстой, Павелъ Полторацкій и татаринъ Сада, вѣроятно, ускакали въ Грозную, тогда какъ Щербачевъ и онъ повернули лошадей на встрѣчу идущей колоннѣ.—«Ваше благородіе,—прервалъ артиллерійскій солдатъ, лежавшій на высокомъ возу сѣна,—тамъ на дорогѣ еще кто-то лежитъ, и сдается мнѣ, что онъ шевелится!».

Библиотека "Руниверс"

Я крикнулъ 3-му взводу: «впередъ, бѣгомъ», и самъ бросился по дорогѣ, а за мною поскакалъ Вавила. Въ пяти стахъ шагахъ отъ авангарднаго орудія лежалъ убитый знакомый намъ вороной конь, а изъ-подъ него торчало изуродованное тѣло Павла. Громко стоналъ онъ и отчаяннымъ голосомъ просилъ освободить его отъ невыносимой тяжести трупа. Соскочивъ съ лошади и бросивъ поводья Вавилѣ, я съ необычайною силой, однимъ удачнымъ взмахомъ опрокинулъ трупъ безжизненной лошади и освободилъ страдальца, исходящаго кровью. Всѣ раны были нанесены ему холоднымъ оружіемъ, тремя ударами по головѣ и четырьмя по плечу. Послѣднія были такъ жестоко сильны, что буквально разворотили на двое правое плечо, раскрывъ всю внутренность... Я послалъ Вавилу съ приказаніемъ всей колоннѣ подвинуться сюда, и здѣсь уже начались перевязки и приготовленіе носилокъ. Эскулапы наши, то-есть цирюльники, работали усердно; добывъ отъ кого-то чистое бѣлье, они его рвали на бинты и затягивали раны. Съ Щербачевымъ они справились отлично, но кровотеченія Павла, при громаднѣйшемъ размѣрѣ его раны, остановить никакъ не могли и требовали для этой цѣли спирта. Я вспомнилъ, что присутствовавшій здѣсь маіоръ Карповъ на привалѣ у Ермоловскаго кургана потчевалъ меня только что вывезенною имъ изъ матушки Россіи березовой настойкой, но она оказалась для питья невозможной, такъ какъ, настоенная россійскимъ спиртомъ, обжигала ротъ и губы. Убійственная влага эта была налита въ фунтовую отъ одеколона склянку, я схватилъ ее изъ рукъ Карпова и, не долго думая, опрокинулъ ее всю въ рану Павла. Онъ неистово вскрикнулъ и отъ нестерпимаго обжога лишился чувствъ! Слишкомъ рѣшительная и необдуманная мною мѣра въ ту минуту меня испугала, но впослѣдствіи оказалось, что она принесла несомнѣнную пользу, съ чѣмъ согласились и доктора госпиталя.

Все описанное произошло втеченіе нѣсколькихъ минутъ, давшихъ, однако, возможность намъ оказать первую помощь раненымъ, а Грозненской кавалеріи выскочить по тревогѣ изъ Грозной. Баклановъ, разсмотрѣвъ съ кургана спокойное положеніе колонны и уже скрывающихся на горизонтѣ чеченцевъ, счелъ излишнимъ за ними гнаться и вернулъ войска въ крѣпость, но отъ нихъ отдѣлилось нѣсколько всадниковъ, которые понеслись къ намъ въ колонну, стоявшую отъ Грозной не болѣе четырехъ верстъ. Прискакавшіе къ намъ были Пистолькорсъ и нѣсколько кунаковъ его, мирныхъ чеченцевъ грозненскихъ ауловъ.

Общими силами, соорудивъ для раненыхъ изъ солдатскихъ шинелей носилки, мы уложили обоихъ и тронулись впередъ. Пистолькорсъ гарцовалъ отъ одного къ другому и, вполнѣ удовлетворивъ собственное любопытство, въ свою очередь сообщилъ намъ, что гр. Левъ Толстой съ татариномъ Садой, хотя и были очень ретиво

Библиотека "Руниверс"

преслѣдуемы семью чеченцами, но, благодаря быстротѣ коней своихъ, оставивъ имъ въ трофей одну сѣдельную подушку, сами цѣлы и невредимы достигли воротъ крѣпости. Всѣ пятеро хотѣли поскорѣй пріѣхать въ Грозную и отдѣлились еще у Ермоловскаго кургана. Маневръ этотъ, увы, слишкомъ извѣстенъ на Кавказѣ! Кто изъ насъ, обреченный на лихомъ конѣ двигаться шагъ за шагомъ, въ оказіи съ пѣхотною частью, не уѣзжалъ впередъ? Это такой соблазнъ, что молодой и старый, вопреки строгому запрещенію и преслѣдованію начальствомъ, частенько ему поддавался. И наши пять молодцовъ поступили также. Отъѣхавъ отъ колонны на сотню шаговъ, они условились между собою, чтобы двое изъ нихъ для освѣщенія мѣстности ѣхали бы по верхнему уступу, а остальные нижнею дорогой. Только что поднялись Толстой и Сада на гребень, какъ увидали отъ Ханъ-Кальскаго лѣса несущуюся прямо на нихъ толпу конныхъ чеченцевъ. Не успѣвъ, по расчету времени, безнаказанно спуститься обратно, гр. Толстой сверху закричалъ товарищамъ о появленіи непріятеля, а самъ съ Садою бросился въ карьеръ, по гребню уступа, къ крѣпости. Остальные внизу, не сразу повѣривъ извѣстію и, конечно, не имѣя возможности сами увидѣть горцевъ, нѣсколько минутъ провели въ бездѣйствіи, а когда уже чеченцы (изъ которыхъ человѣкъ семь отдѣлилось въ погоню за Толстымъ и Садою) показались на уступѣ и ринулись внизъ, то Розенъ, повернувъ лошадь, помчался назадъ къ колоннѣ и счастливо достигъ ея. За нимъ бросился и Щербачевъ, но казенная лошадь его скакала плохо, и чеченцы, нагнавъ его, ранили и выбили изъ сѣдла, послѣ чего онъ пѣшкомъ добрался до колонны. Хуже же всѣхъ оказалось положеніе Павла. Увидѣвъ чеченцевъ, онъ инстинктивно бросился впередъ по направленію къ Грозной, но, тотчасъ же сообразивъ, что молодая, изнѣженная и черезчуръ раскормленная лошадь не выскочитъ въ жаркій день до пяти верстъ, отдѣляющихъ его отъ крѣпости,— онъ круто повернулъ ее назадъ въ ту самую минуту, когда толпа непріятеля уже спустилась съ уступа на дорогу, и, выхвативъ шашку наголо, очертя голову (какъ выразился самъ), хотѣлъ напроломъ прорваться въ колонну. Но одинъ изъ горцевъ вѣрно направилъ винтовку, и выждавъ приближеніе Павла, почти въ упоръ всадилъ пулю въ лобъ его вороному; онъ со всѣхъ ногъ повалился и прикрылъ его собою. Чеченецъ съ коня нагнулся къ Павлу и, выхвативъ у него изъ рукъ, въ серебро оправленную шашку, сталъ тащить съ него ножны; но при видѣ бѣжавшаго на выручку 3-го взвода онъ полоснулъ лежащаго по головѣ шашкой и поскакалъ самъ наутекъ. Его примѣру, одинъ за другимъ, послѣдовали еще шесть горцевъ, нанесшіе на всемъ скаку жестокіе удары шашками по головѣ и открытому плечу Павла, который

Библиотека "Руниверс"

въ недвижимомъ положеніи, подъ тяжестью трупа убитой лошади, истекалъ кровью до самой минуты моего появленія...

Теперь рождался вопросъ, какъ уѣхавшихъ впередъ, слѣдовательно виновныхъ, но уже такъ жестоко пострадавшихъ, оправдать передъ начальствомъ. Еще недавно состоялся строжайшій приказъ по кавказскому корпусу о вмѣненіи въ непремѣнную обязанность колонныхъ начальниковъ открывать огонь по отъѣзжающимъ самовольно изъ оказіи впередъ и таковыхъ затѣмъ предавать военному суду. Вновь назначенный преемникомъ князя Барятинскаго начальникъ дивизіи и лѣваго фланга, баронъ Врангель, только что вступилъ въ должность, и хотя о немъ гремѣла слава, какъ о рыцарѣ «безъ страха и упрека», но онъ самъ еще никого изъ насъ не зналъ, и мы его не видѣли.

Чистосердечно доложить о проступкѣ пострадавшихъ значило бы навѣрняка подвергнуть ихъ строгой карѣ, и вотъ мы общимъ совѣтомъ рѣшили доложить, что въ виду крѣпости напали на мирныхъ чеченцевъ, ѣхавшихъ при колоннѣ, болѣе 30 человѣкъ немирныхъ, и потому Полторацкій и Щербачевъ, находившіеся въ головѣ колонны, бросились со стрѣлками выручать ихъ и поплатились собственною кровью.

У подъѣзда дома начальника лѣваго фланга, отдавъ лошадь казаку, я вошелъ въ переднюю и, переступивъ порогъ въ пріемную, пріостановился. Мнѣ мелькнула мысль, что не лучше ли, вопреки условленной лжи, съ глазу на глазъ, объяснить всѣ обстоятельства несчастнаго происшествія. Но случайное обстоятельство измѣнило доброе рѣшеніе мое. Баронъ Врангель былъ не одинъ и, нетерпѣливо желая знать причину произведенной въ крѣпости тревоги, онъ вышелъ въ пріемную въ сопровожденіи шести-семи штабныхъ. На вопросъ его о слышанныхъ въ колоннѣ моей орудійныхъ выстрѣлахъ я не совсѣмъ твердымъ голосомъ отчеканилъ ему заученную басню, и баронъ, повидимому, не обнаруживъ къ ней недовѣрія, поспѣшилъ отдать мнѣ приказаніе представить сегодня формальное донесеніе и, съ участіемъ разспросивъ о состояніи раненыхъ, послалъ меня въ госпиталь. Устроивъ тамъ раненыхъ, я заѣхалъ къ Н. Н. Чихачеву. Разсказавъ ему все подробно, мы порѣшили съ нимъ, для составленія донесенія, обратиться къ помощи общаго пріятеля нашего, М. Я. Ольшевскаго, но въ эту минуту онъ самъ явился къ намъ и обязательно вызвался помочь. Черезъ часъ оно было готово, и хозяинъ предложилъ намъ сѣсть обѣдать, послѣ чего я, утомленный всѣмъ происшедшимъ, повалился на постель хозяина и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Смеркалось, когда меня разбудили. Съ вытянутыми лицами стояли около меня Чихачевъ и гр. Ржевускій; послѣдній принесъ извѣстіе, что баронъ Врангель, узнавъ истину утренняго происшествія, назначилъ маіора Барабаша произвести на мѣстѣ строжай-

Библиотека "Руниверс"

шее дознаніе для преданія меня за ложное донесеніе суду. Случилось это такъ: во время моего словеснаго доклада барону, въ числѣ прочихъ присутствующихъ, былъ приставъ Грозненскихъ ауловъ, маіоръ Бѣликъ. Не будучи никогда со мной въ нѣжныхъ отношеніяхъ, онъ сомнительно отнесся къ исторіи стычки между мирными и немирными, а потому поспѣшилъ навести справки въ своихъ аулахъ и затѣмъ, явившись къ обѣду барона Врангеля, прямо заявилъ, что дѣло было вовсе не такъ, и мирныхъ чеченцевъ въ колоннѣ не было вовсе. Баронъ сейчасъ же пѣшкомъ отправился въ госпиталь, гдѣ въ первой палатѣ лежалъ уже въ агоніи Щербачевъ.

Идетъ въ другую и застаетъ Павла въ полномъ сознаніи; ему зашили раны, залѣпили плечо и голову пластырями, и онъ, нѣсколько успокоенный отъ физическихъ страданій, забывъ причины, побудившія меня къ обману, малодушно поддался откровенію на ласковое участіе Врангеля и, не долго думая, выдалъ все своимъ чистосердечнымъ признаніемъ. Выходя отъ него, генералъ подошелъ въ коридорѣ къ вѣстовымъ отъ 5-й роты.

— Ребята,—сказалъ онъ,—господа офицеры во всемъ сознались, скажите и вы, какъ было дѣло.

И солдаты въ одинъ голосъ отчеканили:

— Точно такъ, ваше превосходительство, господа уѣхали впередъ.

Всѣ сомнѣнія уже исчезли, я обманулъ барона Врангеля, а онъ, олицетвореніе правды и чести, этого потерпѣть не могъ. Донельзя раздраженный моимъ поступкомъ относительно долга службы, а, быть можетъ, еще болѣе оскорбленный моимъ недовѣріемъ въ возможность великодушнаго воззрѣнія его на участь пострадавшихъ, онъ сейчасъ же нарядилъ слѣдствіе. Какъ быть? Чихачевъ съ Ржевускимъ бросились къ Ольшевскому и вмѣстѣ съ нимъ къ барону Врангелю. Долго и настойчиво они упрашивали его о смягченіи моей кары, баронъ не соглашался; но, наконецъ, уступая ихъ отзывамъ о моей боевой службѣ и репутаціи въ Куринскомъ полку, а также о мнѣніи обо мнѣ самого главнокомандующаго, Врангель согласился потребовать меня къ себѣ для объясненія. Я бросился къ нему со всѣхъ ногъ. Врангель былъ одинъ. На столѣ стоялъ скромный холодный ужинъ, до котораго онъ еще не прикасался, и быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ.

— Зачѣмъ вы меня сегодня обманули? — строгимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Ваше превосходительство! Скрыть отъ васъ истину я позволилъ себѣ только для спасенія виновныхъ. Самъ я, какъ и всякій другой колонный начальникъ, не имѣлъ возможности удержать офицеровъ, разъ что имъ разрѣшено ѣздить верхомъ.

Библиотека "Руниверс"

— Вы должны были въ силу приказа стрѣлять по нимъ картечью, а отнюдь не поощрять ихъ преступленій, подвергая самого себя отвѣтственности по закону за ложное донесеніе, — возразилъ генералъ.

— Я знаю всю строгость этого закона, и если рѣшился на ложное донесеніе вашему превосходительству, то только потому, что не могъ, при постороннихъ свидѣтеляхъ, обвинить офицеровъ, уже и безъ того жестоко наказанныхъ.

— Предоставьте старшимъ карать и миловать, — рѣзко замѣтилъ Врангель, но тутъ же, смягчая голосъ, продолжалъ: — разскажите мнѣ теперь все подробно, не скрывая ничего.

Я началъ разсказъ и видѣлъ, что добрѣйшій Александръ Евстаѳьевичъ все благосклоннѣе и благосклоннѣе вслушивается; когда же я назвалъ въ числѣ прочихъ барона Розена, не могъ не замѣтить, что дѣло совсѣмъ повернуло въ мою пользу. Баронъ Врангель, какъ землякъ Розена, принималъ горячее участіе въ несчастномъ его положеніи, а потому онъ окончательно смягчился и приказалъ мнѣ сейчасъ же написать другое донесеніе, конечно, совершенно правдивое и за тѣмъ же номеромъ, что и первое, и отвезти его для обмѣна маіору Барабашу.

Въ эту ночь Павелъ проспалъ съ спокойной совѣстью, а бѣдный Щербачевъ, въ страшныхъ мученіяхъ и не приходя въ себя, скончался до разсвѣта.

По возвращеніи въ Воздвиженское, меня ждали еще мелкія непріятности, но все это пустяки въ сравненіи съ происшествіемъ 3-го іюля, которое я вѣчно буду помнить.

Надобно сказать, что я совершенно изнемогалъ отъ удушливой жары. Приказавъ поднять полы палатки и сложить съ кровати матрасъ на землю, я переселился туда и, всетаки, не находилъ спасенія отъ 37 градусовъ температуры. Въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго движенія, а солнце палило немилосердно. Раскиснувъ, какъ мокрая губка, я не сознавалъ за собою способности ни читать, ни думать. Вошелъ Николевъ.

— Ну, что вамъ жарко? Такъ пойдемте купаться, сразу освѣжитесь.

— Хорошо бы такъ, да гдѣ?

— А вы развѣ не знаете? Вчера я, Самойловъ, Мацкевичъ и Мухановъ отличнѣйшимъ образомъ выкупались въ Гойтѣ,—отвѣчала эта безшабашная, безпечнѣйшая головушка.—Мѣсто глубокое и грунтъ чудесный!

— А не опасно ли туда соваться, вѣдь рѣка далеко?

— Какая опасность! вчера мы безъ всякаго прикрытія среди бѣла дня ходили туда и съ наслажденіемъ болѣе часа плескались въ водѣ.

Такъ какъ предстояло идти вдоль всего лагеря и еще дальше

Библиотека "Руниверс"

съ версту, то я потребовалъ неосѣдланныхъ лошадей, на недоуздахъ (чтобы ихъ тоже выкупать), а денщику Сидору и вѣстовому Парѳенову приказалъ взять на всякій случай ружья и идти за нами. Черезъ минуту я вскочилъ на «Поросенка», а Вавила на «Милку». Собаки съ радостнымъ визгомъ завертѣлись около насъ, предполагая отъѣздъ на охоту. Николевъ схватилъ у Вавилы арапникъ и сталъ имъ хлопать. Шустрые кони всполошились и ринулись вскачь. Не имѣя силъ однимъ поводомъ удержать невзнузданнаго «Поросенка», я далъ ему волю, и мы вихремъ пронеслись вдоль лагеря. Выскочивъ въ степь и подскакавъ къ самой рѣкѣ, мы, чтобы съ размаху не ухнуть въ воду, шенкелями свернули лошадей по берегу. Здѣсь, находя дальнѣйшую скачку безполезной, я спрыгнулъ съ лошади, думая удержать ее за поводъ, но ошибся въ расчетѣ. «Поросенокъ» проволокъ меня еще по землѣ, вырвался и, поднявъ хвостъ, умчался за Вавилой, который, сдѣлавъ вольтъ, скакалъ уже обратно къ лагерю. Утомленный жарой и притомъ усиленною скачкой, внезапно очутившись въ одиночествѣ и безъ оружія, въ верстѣ отъ лагеря, я нѣсколько минутъ недвижимо пролежалъ на берегу, въ густой травѣ, когда вдругъ послышался мнѣ шорохъ, и, поднявъ голову, я съ ужасомъ увидѣлъ съ той стороны рѣченки, изъ опушки лѣса, бѣгущихъ прямо ко мнѣ человѣкъ 15 пѣшихъ чеченцевъ. Быстро вскочилъ я на ноги. Въ одно мгновеніе сообразилъ я всю степень отчаяннаго моего положенія. До лагеря было около версты, все тамъ спало и не помышляло объ опасности, въ которую я брошенъ непредвидѣнною случайностью. Никто не могъ и увидать грозящей мнѣ драмы, такъ какъ я соскочилъ съ лошади за поворотомъ дороги къ рѣкѣ, а по прямому пути предстоящаго мнѣ для спасенія бѣгства стоялъ высокой стѣною бурьянъ. Изо всѣхъ силъ закричавъ: «партія! партія!»,—я бросился бѣжать отъ берега въ ту секунду, когда двое передовыхъ чеченцевъ уже соскочили въ мелкій ручей. Насъ раздѣляло не болѣе 20 шаговъ... Пробѣжавъ нѣсколько по бурьяну, я изъ любопытства взглянулъ назадъ. Чеченцы, вытянувшись гуськомъ, съ ружьями въ чехлахъ, нагоняли меня. Мнѣ очевидно стало, что они разсчитывали захватить меня живьемъ. Въ этотъ моментъ, плохо разбирая подъ ногами, я упалъ, но живо вскочилъ и пустился бѣжать снова. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ; одна пуля зацѣпила верхъ фуражки, а другая пробила полу кителя, но ни одна, слава Богу, не задѣла меня. Шумъ шаговъ сзади видимо приближался. Я не вытерпѣлъ опять оглянуться и, отчетливо разсмотрѣвъ двухъ разбойниковъ не болѣе, какъ въ десяти шагахъ, снова запутался ногами въ бурьянѣ и упалъ вторично. Вскочивъ и на этотъ разъ, я бросился впередъ, но, задыхаясь отъ жары, отъ бѣга и страха, въ ту минуту, когда замѣтилъ просвѣтъ сквозь густой бурьянъ,

Библиотека "Руниверс"

отдѣлявшій меня отъ открытой къ лагерю мѣстности, я почувствовалъ слишкомъ близкій за мною шорохъ, невольно обернулся и увидѣлъ въ двухъ шагахъ запыхавшагося горца, съ обнаженною шашкой въ рукахъ. Онъ напрягалъ всѣ усилія меня нагнать и, какъ дикій звѣрь, прыгалъ за мною. Сколько бы лѣтъ ни суждено мнѣ прожить на землѣ, никогда, до послѣдняго вздоха, не забуду я выраженія лица и всей фигуры этого чеченца. Образъ его глубоко врѣзался мнѣ въ память, и хотя я видѣлъ его одну секунду, но успѣлъ изучить въ мельчайшихъ подробностяхъ... Съ великимъ трудомъ переводя духъ, я съ сверхъестественнымъ усиліемъ ринулся еще впередъ, но нога скользнула, и я грохнулся въ скрытую подъ бурьяномъ яму. Въ тотъ же моментъ и вслѣдъ за мною, съ поднятою шашкой, растянулся рядомъ звѣрь-чеченецъ.

Въ этотъ кратчайшій промежутокъ времени я на себѣ испыталъ непостижимое явленіе. Увѣренный въ неизбѣжной гибели, я въ эту одну секунду успѣлъ сосредоточить все прошлое и настоящее. Мнѣ казалось даже, что мнѣ удалось совершить послѣдніе обряды христіанина: покаяться въ грѣхахъ, проститься съ родными. Въ одно мгновеніе я точно пережилъ всѣ ощущенія моей жизни.

Съ помощью Божьей мнѣ удалось, однако, выскочить изъ ямы прежде смертельнаго врага моего, ошеломленнаго внезапнымъ паденіемъ до такой степени, что онъ безпрепятственно допустилъ меня одолѣть еще нѣсколько шаговъ, по направленію къ чистой и спасительной полянѣ. Когда опомнился чеченецъ и сдѣлалъ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ за мною, то на самой опушкѣ бурьяновъ концомъ шашки сбилъ съ меня фуражку и на спинѣ пропоролъ китель... но вдругъ остановился, осѣкся и, какъ дикая кошка, осѣлъ на заднихъ лапахъ. Въ пяти шагахъ отъ насъ, со вскинутымъ на прицѣлъ ружьемъ, стоялъ деньщикъ мой Сидоръ. Онъ только что прибѣжалъ къ роковому мѣсту и когда сквозь рѣдѣющій бурьянъ замѣтилъ наше общее паденіе въ яму, то полагая, что я уже погибъ подъ ударами чеченца, онъ приложился и спустилъ курокъ, но, къ счастью, ружье осѣклось. Чеченецъ при неожиданной встрѣчѣ дула, въ упоръ на него направленнаго, понялъ, что роли измѣнились, и совершенно растерялся передъ солдатомъ, громко крикнувшемъ «ура»... Въ безсознательномъ и крайне разслабленномъ состояніи, нетвердыми шагами прошелъ я мимо моего спасителя, не перестававшаго цѣлиться въ чеченца, и, безсмысленно взглянувъ на бѣжавшихъ на встрѣчу солдатъ, растерянно поплелся къ лагерю. Меня не задѣла ни одна пуля, не достала и шашка, но нравственное потрясеніе было на столько сильно, что опасались горячки.

Въ лагерѣ били тревогу, нѣсколько казаковъ уже скакали въ

Библиотека "Руниверс"

разсыпную. Черезъ нѣсколько минутъ пронесли тяжело раненаго урядника, затѣмъ провели двухъ раненыхъ лошадей.

5-го числа, я явился къ барону Врангелю проситься въ 14-тидневный отпускъ въ Тифлисъ. Онъ разрѣшилъ, но, желая дать какія-то частныя порученія, задержалъ меня у себя. Между тѣмъ пришелъ къ нему Жданъ-Пушкинъ, капитанъ генеральнаго штаба, вновь назначенный на мѣсто Ольшевскаго, и съ нимъ молодой донской казакъ хорунжій, котораго и представилъ барону, какъ назначеннаго ѣхать въ Тифлисъ курьеромъ. Пока генералъ говорилъ съ казачьимъ офицеромъ, Жданъ-Пушкинъ въ полголоса спросилъ меня, по какому случаю я представляюсь начальству, и, выслушавъ отвѣтъ мой, предложилъ мнѣ исполнить порученіе, назначенное казаку, т. е. скакать курьеромъ въ Тифлисъ сейчасъ же. Я согласился, и баронъ Врангель, отпустивъ казака, далъ мнѣ свои порученія къ М. П. Кулебякину, приказавъ за полученіемъ экстренныхъ на имя главнокомандующаго бумагъ зайти къ Жданъ-Пушкину; при этомъ баронъ убѣдительно просилъ, не жалѣя себя, скакать, что есть силы, и непремѣнно завтра же доставить бумаги по назначенію.

Въ первомъ часу я вышелъ отъ Врангеля, а въ два на бѣломъ красавцѣ своемъ Лабазанѣ выѣхалъ въ Сунженскія ворота, гдѣ меня ждала назначенная въ конвой сотня казаковъ. Въ Алханъ-Юртѣ перемѣнилась другая сотня, а далѣе и я смѣнилъ своего Лабазана на казачью лошадь.

Въ 2 часа ночи я выѣхалъ изъ Владикавказа на курьерской тройкѣ и погналъ во всю прыть. По дорогѣ встрѣчались задержки, напримѣръ, завалы, послѣ Ларса и на Гутъ-горѣ, но, миновавъ все это благополучно гдѣ верхомъ, гдѣ на перекладной, я достигъ наконецъ Гартискара; здѣсь умылся, освѣжился, крѣпко перетянулся ремнемъ и, ловко устроившись на исправномъ переплетѣ, въ 9-мъ часу вечера въѣхалъ уже въ Тифлисъ прямо ко дворцу главнокомандующаго. Свѣтлѣйшій находился въ Каджіорахъ, начальникъ штаба тамъ же,—таково было извѣстіе, мною здѣсь полученное. Пріѣзжаю къ зданію штаба кавказскаго корпуса. По темнымъ и крутымъ лѣстницамъ влѣзаю на верхъ, гдѣ застаю дежурнаго штабъ-офицера Вагнера. Прошу немедленнаго отправленія въ Каджіоры, на что онъ тутъ же отдаетъ приказаніе нарядить казачью лошадь и казака для сопровожденія меня до мѣста назначенія.

— Какъ? опять верхомъ? Я не доѣду, у меня силъ нѣтъ...

— Иначе нельзя,—объясняетъ Вагнеръ:—почтоваго тракта здѣсь нѣтъ, а впрочемъ, если хотите, то можете нанять легковаго извозчика, который васъ туда доставитъ.

Шатаясь, схожу внизъ, съ трудомъ влѣзаю опять на перекладную и по злодѣйской мостовой трясусь по Головинскому про-

Библиотека "Руниверс"

спекту, къ гостинницѣ Крылова. У подъѣзда стояло нѣсколько извозчичьихъ парныхъ дрожекъ. На спросъ мой, кто возьмется сейчасъ же везти меня въ Каджіоры, одинъ вызвался за 15 рублей, но съ тѣмъ, чтобъ я далъ ему время еще припрячь лошадь.

— Хорошо, но скорѣй!

Извозчикъ исчезъ снаряжаться, а я вошелъ въ гостинницу и потребовалъ чая. Корридорный ввелъ меня въ общую комнату, зажегъ на столѣ двѣ свѣчи и, оставивъ меня одного, убѣжалъ исполнить мое приказаніе.

Салонъ этотъ былъ большой, въ пять оконъ. Мягкая мебель заманчиво приглашала къ отдыху, но, проученный горькимъ опытомъ, я не поддался соблазну и не только не прилегъ, но сѣлъ прямо на вытяжку. Кругомъ царила тишина. Не вставая съ мѣста, я пристально смотрѣлъ на убранство свѣтлой комнаты, на картины по стѣнамъ, на люстру и мебель, какъ вдругъ увидѣлъ изъ-за малиновой драпировки средняго окна молодую женщину. Она, вся въ бѣломъ, манила меня къ себѣ рукой. Удивленный этимъ неожиданнымъ явленіемъ и ея движеніями, я всталъ, подошелъ къ окну и никого тамъ не нашелъ. Вернувшись къ своему креслу, я сѣлъ и пристально разсматривая драпировку, отчетливо и ясно увидѣлъ снова ту же незнакомку. Опять встаю, быстро подхожу къ ней, но она исчезаетъ еще быстрѣе. Въ третій разъ повторилось то же самое явленіе, но еще съ большею опредѣленностью. Я бросился къ ней, схватилъ драпировку и упалъ... Меня поднялъ и усадилъ на диванъ вошедшій съ подносомъ корридорный.

— Кто была здѣсь женщина?—допрашивалъ я.

— Никакой, сударь, женщины тутъ не было, — съ ироническою улыбкой доказывалъ онъ, лукаво ухмыляясь и, вѣроятно, предполагая, что я хватилъ лишнее.

Мнѣ стало досадно на него и на себя и, чтобы не оставаться опять одному въ комнатѣ, я различными вопросами удержалъ его при себѣ, пока не проглотилъ стакана чаю и не увидѣлъ въ дверяхъ ямщика съ извѣстіемъ, что лошади готовы. Выѣхавъ за городъ очень скромною рысью, тройка поднималась по безконечнымъ зигзагамъ крутаго подъема. Ночь было дивная: теплая, тихая и свѣтлая. Полная луна, бросая матовые лучи свѣта, обрисовывала фантастическія тѣни и фигуры. Я задремалъ, но не надолго. Въ пяти шагахъ отъ меня представился мнѣ живой ликъ Богородицы. Въ глазахъ ея, поднятыхъ къ небу, я мгновенно прочелъ все святое и блаженное, и, выпрыгнувъ изъ дрожекъ, я тутъ же преклонилъ передъ нею колѣни.

— Батюшка, что съ вами?—оглянувшись, вскричалъ извозчикъ и, видя, что я ползаю на травѣ на колѣняхъ, съ испугомъ бросился за мною, схватилъ за обѣ руки и насильно затащилъ въ дрожки. Проѣхали версты три спокойно. Чтобы не поддаться

Библиотека "Руниверс"

снова видѣніямъ, я вступилъ въ разговоръ съ возницей, но онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня и неохотно отвѣчалъ. Молчаніе, однако, продолжалось недолго. Галлюцинація брала свое, и на одномъ изъ поворотовъ я безсознательно прыгнулъ изъ дрожекъ и сталъ нѣжно и страстно цѣловать пѣгую пристяжную въ морду.

Въ 11 часовъ вечера извозчикъ, одною рукой крѣпко придерживая меня за шиворотъ, остановилъ лошадей и внушительно объявилъ: «пріѣхали, теперь ступайте!». Куда пріѣхали? зачѣмъ?— я не понималъ вовсе и, вставъ на ноги, долго не приходилъ въ себя. Въ Каджіорахъ уже все успокоилось и, судя по отсутствію въ домахъ огней, все спало. На дачѣ, занятой княземъ намѣстникомъ, была совершенная тьма, а не вдалекѣ, въ сосѣднемъ домѣ, свѣтился еще огонь изъ оконъ. Добраться туда казалось не трудно, но я, рѣшившись идти къ нему прямикомъ, попалъ на изгородь изъ колючки, въ кровь исцарапалъ себѣ руки и въ изнеможеніи ползкомъ дотащился до входа.

— Кто стоитъ здѣсь?—спросилъ я показавшуюся на крыльцѣ человѣческую фигуру.

— Начальникъ штаба, князь Барятинскій,—отвѣчалъ солдатъ.

О счастье! Я прямо наудачу попалъ куда слѣдуетъ. Князь Александръ Ивановичъ лечился методой Присница. Онъ принималъ въ эту минуту холодную ванну, т. е. лежалъ завернутый въ холодную простыню, и принять меня не могъ. Адъютантъ его, Давыдовъ, жившій въ томъ же домѣ и занимавшій помѣщеніе рядомъ съ княземъ, меня встрѣтилъ. Не довѣряя ему бумагъ на имя главнокомандующаго, я просилъ его доложить о моемъ пріѣздѣ князю Барятинскому, который черезъ стѣну, насъ раздѣлявшую, громко поздоровался со мною и поручилъ привезенные конверты передать его адъютанту. Взглянувъ на число отправленія меня изъ Грозной, князь не повѣрилъ глазамъ своимъ и, все черезъ стѣну, завязалъ разговоръ со мною.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ вы вчера выѣхали изъ Грозной? Это невѣроятно быстро! Чего хотите, Полторацкій, чая или ужинать, прикажите, сейчасъ вамъ подадутъ.

Повалившись на диванъ около стѣны, насъ раздѣляющей, я попросилъ князя сдѣлать мнѣ одолженіе—разрѣшить сейчасъ же вернуться въ Тифлисъ, а явиться его свѣтлости дня черезъ два, когда сошьютъ мнѣ новый мундиръ. Главною же причиной этой просьбы было сознаніе ненормальнаго состоянія моего, очевидно, требовавшаго спокойнаго отдыха и сна. Князь въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ прокричалъ мнѣ изъ сосѣдней комнаты свое согласіе, и я, поблагодаривъ его, съ помощью любезнаго Давыдова, приказавшаго привести къ подъѣзду экипажъ мой, поспѣшилъ въ обратный путь. Это путешествіе совершилось благополучно, и въ третьемъ часу ночи я уже лежалъ на мягкой постели

Библиотека "Руниверс"

въ гостинницѣ Крылова, но подробностей обратнаго путешествія описать не могу, такъ какъ галлюцинаціи достигли высшаго размѣра и даже не оставили меня, когда я очутился въ тишинѣ и на покоѣ. Усталость была такъ велика и раздраженіе нервовъ отъ безсонницы такъ сильно, что я сталъ метаться по постели и только къ утру забылся немного. Часовъ въ 8 поѣхалъ въ баню, гдѣ, долго просидѣвъ въ горячей ваннѣ, отдался въ руки персіянина-банщика, удивительно бойко и ловко расправившаго мнѣ всѣ суставы своими акробатическими, неподражаемыми пріемами. Почувствовавъ облегченіе, я на обратномъ пути заѣхалъ къ портному, заказалъ ему платье и завернулъ на одну минуту къ Клавдію Ермолову. Но человѣкъ предполагаетъ... У него встрѣтилъ я А. М. Соколова, подвернулся Кулебякинъ, и мы съиграли пульку съ мизерами до завтрака, другую до обѣда, третью послѣ обѣда, продолжали вечеромъ и проиграли всю ночь на пролетъ до слѣдующаго дня. Откуда взялись силы! Уже утромъ, въ кунацкой Ермолова, на тахтѣ, не раздѣваясь, не зная, какъ случилось, заснулъ я непробуднымъ сномъ на 22 часа и на слѣдующій день всталъ, какъ встрепанный, здоровъ, веселъ и свѣжъ.

Получивъ отъ портнаго новый мундиръ, я отправился въ Каджіоры. На этотъ разъ, проѣзжая днемъ по живописной дорогѣ, я рѣшительно не узнавалъ мѣстности, полной видѣній и призраковъ той памятной ночи. Все по пути было прекрасно, но естественно и просто. Каджіоры представились мнѣ очень оригинальнымъ уголкомъ земнаго шара. Мѣстопребываніемъ князя-намѣстника они избраны имъ по причинѣ поразительной разницы климатическихъ условій съ Тифлисомъ. Въ Каджіорахъ въ самое знойные дни—свѣжесть и прохлада, а за 16 верстъ въ Тифлисѣ, расположенномъ въ котловинѣ, отъ жары неимовѣрно страдаютъ и отъ солнечныхъ ударовъ зачастую умираютъ и люди, и животныя.

Пріѣхалъ я къ князю Барятинскому. Пріемъ ласковый и милый. Вмѣстѣ отправились и къ свѣтлѣйшему—онъ съ портфелемъ, я съ надеждами. Князь Михаилъ Семеновичъ, узнавъ отъ начальника штаба о моемъ приходѣ, позвалъ къ себѣ, конечно, обнялъ нѣжно, освѣдомился о здоровьѣ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ изъявилъ не только благодарность, но и удивленіе за быстрое путешествіе мое сюда изъ Грозной и, позвавъ въ кабинетъ князя Барятинскаго, при мнѣ отдалъ категорическое приказаніе: при первой открывшейся адъютантской вакансіи, даже не спрашивая его самого, представить меня къ зачисленію адъютантомъ, а пока князь сталъ внушать мнѣ, что необходимо вернуться сейчасъ же въ полкъ, конечно, на очень короткое время, откуда я скоро буду вызванъ, въ виду ожидаемаго открытія вакансіи при немъ, вслѣдствіе ухода Давида Чавчавадзе или Ростислава Давыдова. Долго, ласково и мягко говорилъ свѣтлѣйшій и, покончивъ приглашеніемъ у него откушать, еще разъ обнялъ и отпустилъ изъ кабинета.

Библиотека "Руниверс"

Ахъ, еще разъ поддался я увлекательнымъ обѣщаніямъ и льстивому краснорѣчію Михаила Семеновича, до тонкости умѣвшаго своимъ обращеніемъ обворожить каждаго. Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Любезностямъ и радушію при встрѣчѣ со мною всѣхъ приближенныхъ князя не было предѣла. Мягко стелятъ эти господа, да жестко спать. Въ тотъ же день я вернулся въ Тифлисъ, заручившись разрѣшеніемъ пробыть здѣсь недѣлю или двѣ, пока меня не потребуютъ для доставленія спѣшныхъ бумагъ барону Врангелю.

22-го августа, меня потребовали въ штабъ, вручили бумаги для доставленія въ Грозную, и черезъ три дня, къ полному удовольствію Вавилы, мы пріѣхали въ эту крѣпость безъ всякихъ приключеній. Не доѣзжая, однако, нѣсколькихъ верстъ до станціи Казбекъ, я замѣтилъ, какъ мелькнулъ мимо меня отчаянно скачущій фельдъегерь, а когда я самъ подъѣхалъ къ станціи, то увидѣлъ смотрителя, стоящаго безъ шапки на площадкѣ въ недвижимомъ положеніи. Не обративъ никакого на меня вниманія, онъ пристально смотрѣлъ на свою серебряную луковицу, изрѣдка взглядывая на дорогу въ Коби. Я вылѣзъ изъ телѣги, крикнулъ лошадей, но онъ не шевельнулся и продолжалъ свои наблюденія. Наконецъ, какъ будто рѣшивъ трудную Пиѳагорову проблему, онъ обратился ко мнѣ со словами:

— Да-съ, много лѣтъ служу я по почтовому вѣдомству и здѣсь на станціи уже шестой годъ смотрителемъ, а такого чорта, прости Господи, не видалъ.

— Гдѣ вы, батюшка, чорта видѣли?—съ сомнѣніемъ, не рехнулся ли старикъ, спросилъ я.

— Да, какъ же, милостивый государь, не чортъ этотъ фельдъегерь! Извольте посудить сами: изъ Петербурга онъ прискакалъ сюда почти въ шестыя сутки. А вотъ-съ отъ меня, со станціи, до того вонъ, извольте видѣть, поворота, мѣрныхъ пять верстъ, а онъ, какъ тронулъ съ мѣста, такъ и ухнулъ до того мѣста въ 7 минутъ и 40 секундъ. Видно, везетъ онъ важнѣйшія бумаги.

По возвращеніи въ Грозную, я сильно прихворнулъ, и хотя 31-го мнѣ было уже лучше, но я еще не вставалъ съ дивана, на квартирѣ у Кости Тришатнаго и Швахгейма. Часу въ четвертомъ, когда оба собесѣдника куда-то улетучились, я услыхалъ, что кто-то съ улицы кричалъ Тришатнаго. Я приподнялся на диванѣ и у открытаго окна увидѣлъ остановившагося верхомъ Оклобжіо. Оживленная физіономія его и настойчивый вызовъ Тришатнаго заставили меня пренебречь натянутыми между нами отношеніями и, не скрывая любопытства, откликнуться на зовъ его.

— Война объявлена Турціи и, по приказанію главнокомандующаго, наши 1-й и 3-й батальоны выступаютъ. Сейчасъ идетъ оказія въ Воздвиженское, — второпяхъ и взволнованно передалъ маіоръ, тотчасъ же ускакавшій хлопотать и распоряжаться.

Библиотека "Руниверс"

Такъ вотъ важнѣйшія сообщенія, привезенныя фельдъегеремъ изъ Петербурга. Старичекъ смотритель былъ правъ. Но не злая ли насмѣшка судьбы? 1-й и 3-й батальоны идутъ въ Турцію, а я—командиръ роты во второмъ батальонѣ. Что дѣлать мнѣ? «Вавила, одѣваться!». Къ великому его изумленію, я вскочилъ на ноги и хотя съ гримасами отъ боли, но черезъ пять минутъ былъ одѣтъ и, опираясь на него, отправился къ дому барона Врангеля. Онъ принялъ меня, съ участіемъ выслушалъ мое плачевное повѣствованіе, но въ содѣйствіи отказалъ, посовѣтовавъ ѣхать въ штабъ-квартиру полка и обратиться къ командиру Ляшенку. «Но времени не теряйте, оказія сейчасъ уйдетъ»,—добавилъ баронъ. Забывъ всѣ прошлыя и настоящія боли, я чуть не рысью добѣжалъ до квартиры моей, поднялъ тамъ тревогу, разослалъ людей нанять подводу до Воздвиженскаго и, четверть часа спустя, ничкомъ лежа на телѣгѣ, потащился къ Ханъ-Каламъ. Удастся ли мнѣ тамъ устроить дѣло,—вотъ вопросъ, терзавшій меня похуже физическихъ страданій. Я не желалъ бы командовать ротой въ 1-мъ батальонѣ, пока во главѣ его стоитъ Оклобжіо. Съ нимъ ужиться мнѣ невозможно, потому что характеры наши не сходятся или вѣрнѣе слишкомъ схожи, такъ какъ цѣль и стремленія у насъ обоихъ одни и тѣ же, а потому, встрѣчая другъ друга на пути къ нимъ, мы невольно ощущаемъ взаимное недоброжелательство... Впрочемъ и такъ изъ всѣхъ четырехъ ротныхъ 1-го батальона нѣтъ ни одного, который бы за все злато Калифорніи согласился помѣняться со мною ротою. Другое дѣло во второмъ батальонѣ: или Пелепейко, избалованный комфортомъ и спокойною жизнью, или Давыдовъ, бывшій полковой адъютантъ, никогда не слывшій за кровожаднаго, да къ тому же недавно женившійся. Такъ разсуждалъ я всю дорогу, конечно, не допуская мысли, чтобы Руденко или Кутлеръ могли представить мнѣ такія же надежды, какія я возлагалъ на Пелипейка и особенно на Давыдова. Легко вѣрится тому, чего желаешь, а я больше всего желалъ вести на турку 7-ю егерскую роту, которую зналъ и любилъ со дня моей службы въ Куринскомъ полку съ Гречневскимъ и съ 1848 и 1849 года, когда я самъ ею командовалъ при Меллеръ-Закомельскомъ. Въ Воздвиженскомъ уже давно пробили зорю, когда колонна подходила къ крѣпости. Я поспѣшилъ къ Бреверну. Его я засталъ дома, и когда передалъ ему о войнѣ съ Турціей, а вмѣстѣ и о желаніи моемъ перейти въ его 3-й батальонъ, Бреверн, восхищенный первымъ извѣстіемъ, съ радостью принялъ и второе, а потому, не теряя минуты, мы быстрыми шагами направились къ Ляшенку. Былъ одиннадцатый часъ ночи, но тревога въ его домѣ была полная. Всѣ должностные были въ сборѣ, толковали, суетились. Самъ Ляшенко семенилъ кривыми ножками и бѣгалъ изъ одной комнаты въ другую растерянный. Но правда и было отъ чего. Пред-

Библиотека "Руниверс"

писаніе, внезапно имъ полученное, о полномъ снаряженіи и отправленіи двухъ батальоновъ завтра раннимъ утромъ въ походъ въ Турцію, сбило бы съ ногъ и всякаго другаго. Вполнѣ понимая его положеніе, я, однако, изъ опасенія быть предупрежденнымъ другими, не могъ терять минуты и, перехвативъ его на пути суетливой бѣготни, энергически повелъ атаку. Нетерпѣливо, но довольно добродушно, выслушалъ онъ вступленіе, а затѣмъ и суть моей просьбы. Бревернъ въ томъ же смыслѣ поддержалъ меня и, заручившись на честное слово обѣщаніемъ Ляшенка, очень довольнаго, повидимому, возможностью такъ дешево отъ насъ отдѣлаться, мы соединенными силами приступили къ дальнѣйшему устройству дѣла.

Зала командира полка быстро наполнялась приходящимъ офицерствомъ. Оно являлось частью за полученіемъ прямыхъ приказаній, а частью для разъясненія тысячи мелкихъ вопросовъ, имѣющихъ громадное значеніе при предстоящемъ походѣ. Былъ и Пелепейко. Бревернъ его отвелъ въ сторону и въ полголоса заговорилъ съ нимъ; издали я слѣдилъ за ними и по выраженію лицъ обоихъ безошибочно заключилъ о постигшей меня неудачѣ. Хохолъ Пелепейко съ чувствомъ полнаго достоинства, съ первыхъ же словъ Бреверна, рѣзко возразилъ, что честь не позволяетъ ему въ подобную минуту оставить ввѣренную ему часть, если бы даже онъ и зналъ впередъ о пагубномъ для него концѣ предстоящаго похода. У Давыдова также мы потерпѣли фіаско, не смотря на долгія убѣжденія Бреверна. Надеждъ оставалось мало. Толпа офицеровъ все прибывала, но въ средѣ ихъ не было никого, кто своимъ согласіемъ могъ бы меня выручить. Руденко и Кутлеръ не помнили себя отъ восторга идти на турку и только приставали къ Бреверну съ вопросами относительно разныхъ мелочей и часа выступленія. Грустный и убитый, легъ я въ ту ночь; не знаю, скоро ли заснулъ сосѣдъ мой, Бревернъ, но я долго еще думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать. Уже разсвѣтало, когда я заснулъ тяжелымъ сномъ; мнѣ грезились сраженія, турки въ чалмахъ, крики «алла, алла»...

— Вставайте,—шепотомъ надъ самымъ моимъ ухомъ послышалось мнѣ.

Открываю глаза и вижу не во снѣ, а наяву добродушную фигуру Карлуши Юргенсона.

— Вставайте скорѣе и пойдемте,—повторилъ онъ.

— Что случилось?

— Выйдемъ скорѣй, я все разскажу, а то разбудимъ Бреверна,—тихо объяснялъ добрый нѣмецъ.

— Я и такъ не сплю,—громко произнесъ Бревернъ,—въ чемъ дѣло?

Библиотека "Руниверс"

— Я пришелъ, полковникъ, къ Владиміру Алексѣевичу объявить пріятное извѣстіе: Давыдовъ сдаетъ ему 7-ю роту.

Надо было видѣть, какъ при этихъ словахъ быстро вскочилъ съ постели Александръ Христофоровичъ. Никакія увѣренія въ его расположеніи и дружбѣ ко мнѣ не могли бы осязательнѣе убѣдить меня, какъ та радостная поспѣшность, съ которою онъ, въ одной ночной рубашкѣ, выскочилъ изъ спальной къ Юргенсону съ разспросами, кому и какъ удалось уговорить Давыдова. Объясненіе было очень просто. Давыдовъ послѣ переговоровъ съ нами зашелъ къ Юргенсону, гдѣ засталъ въ сборѣ всѣхъ офицеровъ 2-го батальона, остающагося въ Воздвиженскомъ. Подробно передавъ весь разговоръ съ нами, онъ встрѣтилъ полное неодобреніе своему упорству; долго судили и рядили и кончили тѣмъ, что отправили его на совѣщаніе къ женѣ, отъ которой онъ только что вернулся съ рѣшеніемъ отказаться воевать съ туркой, и въ настоящую минуту ожидаетъ меня, чтобы сейчасъ же приступить къ сдачѣ и пріему роты. Восторгу моему не было предѣловъ. Я въ двѣ минуты былъ одѣтъ и буквально бѣгомъ, забывъ боль въ поясницѣ и всѣ невзгоды, пустился къ Юргенсону, а оттуда вмѣстѣ съ Давыдовымъ — къ Ляшенку. Было только 6 часовъ утра, но командиръ былъ уже на ногахъ, да и врядъ ли ложился въ эту хлопотливую для него ночь. Получивъ разрѣшеніе объ обмѣнѣ нашихъ ротъ, о чемъ было сдѣлано распоряженіе объявить сейчасъ же приказомъ по полку, я повлекъ Давыдова въ казармы 6-й роты. Люди живо были выстроены, претензіи опрошены (ихъ не оказалось), провѣрены на лету въ канцеляріи ротныя книги, и 6-я егерская рота въ 20 минутъ была уже сдана. Такимъ же образомъ принялъ я и 7-ю роту. При опросѣ претензій: «никакихъ не имѣемъ, а ужъ оченно рады служить съ вашимъ благородіемъ!» — былъ общій радостный крикъ молодцевъ 7-й роты. Растроганный, я распустилъ людей въ казармы собираться къ выступленію, а самъ зашелъ по приглашенію Давыдова къ нему на квартиру, гдѣ за стаканомъ чая мы подписали ротныя книги и обмѣнялись ротными квитанціями.

Въ 8 часовъ передъ казармами торопливо строились люди 3-го баталіона. Послышались голоса ротныхъ, поздравлявшихъ съ походомъ, и дружные отвѣты нижнихъ чиновъ. «Прощайте, Давыдовъ, или лучше до свиданія!» Я вскочилъ на лошадь и подскакалъ къ возлюбленнымъ моимъ боевымъ товарищамъ. На поздравленіе мое съ предстоящимъ походомъ на турокъ громкое, непрерывное «ура» было ихъ отвѣтомъ. На всѣхъ лицахъ я видѣлъ восторженное выраженіе. «Съ Богомъ, братцы! Справа по отдѣленіямъ шагомъ маршъ!» И рота бодро, весело зашагала въ гору.

Библиотека "Руниверс"

«Съ командиромъ хватскимъ весело служить,
«Съ нашимъ Полторацкимъ не о чемъ тужить!»—

раздался звучный голосъ запѣвалы, подхваченный, съ шумомъ и трескомъ тулумбаса и бубенъ, всѣмъ хоромъ пѣсенниковъ. Не выдержалъ я, и тутъ же вывороталъ всѣ карманы въ ихъ пользу, а всего-то за душой было у меня рублей двадцать-пять.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО[1].

XIV.

Выступленіе и задержка въ Грозной. — Тифлисъ. — Лезгинская линія, Царскіе Колодцы и князь Ревасъ Андрониковъ. — Укрѣпленіе Елису. — Знакомство съ княземъ Анзоромъ. — Конецъ Хаджи-Мурата. — Соколиная охота.—Выступленіе баталіона снова въ Тифлисъ и затѣмъ въ Турцію.—Сломанная ключица.—Извѣстія о дѣлахъ: Ахалцихскомъ, Баяндурскомъ и Башкадыкларскомъ.—Курьеръ Викторъ Барятинскій.—Моя дорога въ догонку баталіона.—Имѣніе князей Эристовыхъ.—Прибытіе въ Озургеты.

«НАКРОЙСЬ, справа поротно, шагомъ маршъ!»— раздалась послѣ молебна команда Бреверна, и баталіонъ потянулся по знакомой и избитой, всѣмъ до тошноты наскучившей, дорогѣ въ Грозную. Но на этотъ разъ люди шли какъ-то особенно бодро; сначала, подъ впечатлѣніемъ прочувствованной молитвы, торжества обстановки выступленія и прощанія съ остающимися въ Воздвиженскомъ товарищами, между ними царила тишина и сосредоточенность, но вскорѣ русская безшабашная натура взяла верхъ, разговоры стали слышнѣе, смѣхъ и шутки посыпались, и пѣсни полились во всѣхъ ротахъ. Каково же было разочарованіе, когда по просьбѣ ли Лященка, или по собственному побужденію, баронъ Врангель послалъ курьера къ главнокомандующему съ письменнымъ изложеніемъ крайняго затрудненія въ отправленіи съ лѣваго фланга двухъ баталіоновъ куринцевъ, а потому доносилъ, что 1-й—выступитъ въ Тифлисъ 3-го сентября, а третій будетъ задержанъ имъ въ Грозной.

[1]) Продолженіе. «См. «Историческій Вѣстникъ», т. LII, стр. 667.

Библиотека "Руниверс"

ной, впредь до полученія отъ его свѣтлости разрѣшенія оставить его совершенно. Но черезъ недѣлю со всѣхъ сторонъ опять раздавались радостные крики: походъ, походъ, походъ! Прискакалъ курьеръ изъ Тифлиса съ нахлобучкой отъ князя Воронцова барону Врангелю за задержаніе 3-го баталіона и съ категорическимъ приказаніемъ немедленно двинуть насъ форсированнымъ маршемъ безъ маршрута. Началась суета непомѣрная. Въ магазинахъ, въ лавкахъ, въ духанахъ, вездѣ толкались куринцы всѣхъ чиновъ и званій. Каждому надо было запастись тѣмъ, другимъ. Все болтало скороговоркой, безъ связи и толка. Наконецъ, роты потянулись къ Алханъ-Юртскимъ воротамъ и за крѣпостью, въ ожиданіи начальства, составили ружья. Густыя толпы обывателей, а еще большія-обывательницъ, высыпали за ворота проводить «родимыхъ». Молодыя поселянки съ бубликами и сайками шныряли между рядами солдатъ, и кому за мѣдныя деньги, а кому и даромъ, совали въ мѣшки свои гостинцы. Въ группѣ офицеровъ захлопали пробки, вино полилось и возгласы, тосты и крики «ура» посыпались, встрѣчая и перебивая другъ друга. Уже послали денщика за подкрѣпленіемъ, когда обезпокоилъ насъ пріѣздъ начальника дивизіи. Объѣхавъ шагомъ роты, Александръ Евстаѳьевичъ поздравилъ куринцевъ съ походомъ, но съ такимъ исключительнымъ умѣніемъ говорилъ съ ними, что нѣсколько словъ его завоевали солдатское сердце. Къ офицерамъ онъ также обратился съ задушевною рѣчью; случайно замѣтивъ подскакавшаго въ ту минуту денщика съ бутылками, онъ попросилъ себѣ стаканъ и залпомъ осушилъ его за здоровье и преуспѣваніе въ бояхъ съ турками доблестнаго 3-го баталіона. Наэлектризованные искренностью обращенія съ нами этого прославленнаго рыцаря на Кавказѣ, мы всѣ отъ старшаго до младшаго рядового прониклись сожалѣніемъ, что баронъ Врангель не идетъ съ нами.

Дорога была донельзя удачна. Погода удивительно теплая, и даже въ Дарьяльскомъ ущельѣ—ясно. Люди были здоровы и веселы. Больныхъ не было. Переходы дѣлались легко, хотя были не малы. Седьмой разъ въ жизни проѣзжалъ я тогда изъ Владикавказа въ Тифлисъ, и если суждено мнѣ будетъ сто разъ переваливать горы Кавказскаго хребта, то всякій разъ я, кажется, только больше буду восхищаться дивной, чудной природой. Кто только читалъ безсчетныя и самыя живыя описанія всѣхъ прелестей этого пути, а самъ не видѣлъ его воочію, тотъ не можетъ имѣть должнаго понятія о величіи, поражающемъ все существо человѣка, родившагося на нашемъ сѣверѣ. Здѣсь на протяженіи 200 верстъ встрѣчаются всѣ разнообразія причудливой природы: ущелья, долины, обвалы и отвѣсныя скалы. Въ лѣсистыхъ горахъ во множествѣ водились медвѣди, олени, козы, серны, туры, волки, шакалы, лисицы, зайцы, а изъ пернатыхъ великаны орлы, горныя

Библиотека "Руниверс"

индѣйки и всѣ птицы сѣвера и юга. Но въ Чортовой долинѣ, уже по названію своему обѣщающей мало наслажденій, зачастую свирѣпствуютъ страшныя бури и мятели, ежегодно губящія много жертвъ, а Крестовая и Гутъ-Гора славятся завалами снѣговъ, грознаго бича проѣзднаго люда и окрестныхъ жителей. Массы снѣга, внезапно отдѣляясь отъ вершинъ горъ, вѣчно покрытыхъ льдомъ, заваливаютъ собою не только дорогу на протяженіи цѣлыхъ верстъ, не только людей и животныхъ, но погребаютъ цѣлыя селенія, расположенныя въ долинахъ, у подошвъ отвѣсныхъ горъ. Расчистка дороги сопряжена съ неимовѣрными трудами, а раскопка селеній для спасенія задавленныхъ снѣжными завалами физически невозможна.

Еще не доѣзжая Тифлиса, мы узнали, что 1-й баталіонъ уже выступилъ къ Александрополю, куда и мы должны были спѣшить на соединеніе съ нимъ, но человѣкъ предполагаетъ... въ этомъ еще разъ пришлось убѣдиться. Въ Тифлисѣ намъ объявили выступленіе не въ Александрополь, а на Лезгинскую линію, куда, по полученнымъ свѣдѣніямъ, Шамиль намѣренъ былъ сдѣлать сильное нападеніе. Вотъ тебѣ и Турція!

Послѣ трехъ переходовъ пришли мы въ Царскіе Колодцы, штабъ-квартиру Тифлисскаго полка. Здѣсь встрѣтилъ насъ мой старый знакомый, Ревасъ Андрониковъ. Изъ бывшихъ адъютантовъ князя Воронцова онъ попалъ сюда въ генеральскомъ чинѣ командиромъ бригады и, конечно, хотѣлъ по этому случаю разыграть роль начальства. Съ глубокимъ достоинствомъ выѣхалъ онъ къ баталіону, объѣхалъ ряды, держалъ несвязный спичъ, и если удивилъ всѣхъ, то только красотою своего золотисто-рыжаго верховаго жеребца. Дѣйствительно, рѣдко удавалось мнѣ встрѣчать карабаха такихъ изящныхъ статей и склада, и притомъ замѣчательнаго ростомъ: въ немъ было полныхъ четыре вершка.

Князь Ревасъ пригласилъ всѣхъ офицеровъ къ себѣ обѣдать, былъ радушенъ, внимателенъ и хотѣлъ быть любезнымъ, но, тѣмъ не менѣе, все какъ-то у него не клеилось, и когда вся церемонія кончилась, мы вздохнули легко и свободно.

Вспомнилъ я эпизодъ съ этимъ Адрониковымъ.

Въ 1845 году, по взятіи Дарго, графъ Воронцовъ послалъ въ Петербургъ съ донесеніемъ, состоящаго при немъ по особымъ порученіямъ, графа Галатери; а послѣ всѣхъ ужасовъ Сухарной экспедиціи, возвратясь съ остатками отряда въ Герзель-аулъ, отправилъ къ государю императору вторымъ курьеромъ личнаго адъютанта своего, гвардіи штабъ-ротмистра, князя Реваса Андроникова, который быстро добрался до Терской линіи и сломя голову помчался въ Петербургъ. Случилось такъ, что Андрониковъ проѣхалъ Екатеринодаръ прежде, чѣмъ по Военно-Грузинской дорогѣ изъ Закавказья попалъ туда графъ Галатери, не любившій

Библиотека "Руниверс"

никогда ни въ чемъ стѣснять себя и въ этомъ случаѣ не пожелавшій нарушать своихъ привычекъ къ комфорту и покою. Онъ ежедневно останавливался на ночлеги и значительную часть времени посвящалъ отдохновенію и сну. Андроникову же во всю дорогу не пришла благая мысль справиться на станціяхъ о времени проѣзда графа Галатери, и онъ, быстро подвигаясь впередъ, твердилъ лишь про себя всѣ подробности словесныхъ объясненій его величеству по пріѣздѣ въ Петербургъ. При этомъ Андрониковъ подготовлялъ изустный докладъ свой о Даргинской экспедиціи не съ самаго начала ея, а только съ періода отправленія графа Галатери, то-есть послѣ Сухарной экспедиціи и до прибытія отряда въ Герзель-аулъ.

Не смотря на жестоко-безпокойныя условія перекладной, на толчки и всѣ физическія страданія, имъ испытанныя при бѣшеной скачкѣ на разстояніи 2.700 верстъ, Андрониковъ усердно зубрилъ наизусть: какого полка и какіе баталіоны были ежедневно при отступленіи въ аріергардѣ и въ цѣпяхъ; въ какіе дни и гдѣ именно были самыя жаркія схватки, кто командовалъ въ означенныхъ дѣлахъ, сколько потерь въ отрядѣ и проч., словомъ, всѣ мельчайшія подробности при злополучномъ отступленіи нашего разбитаго отряда. Но при этомъ Андрониковъ не потрудился освѣтить въ своей памяти все случившееся при наступленіи нашихъ войскъ въ Андію, занятіи Дарго, несчастной экспедиціи за сухарями, потери Пассека и прочее.

Пріѣзжаетъ онъ наконецъ въ Петербургъ. Ему говорятъ, что государь въ Петергофѣ; онъ сейчасъ же скачетъ туда. Оказывается, что государь въ Красномъ Селѣ; Андрониковъ въ ту же минуту несется за его величествомъ, и на полдорогѣ, часу въ 11-мъ вечера, встрѣчаетъ царскій поѣздъ. Андрониковъ ворочаетъ свою тройку и двигается вслѣдъ, но государь императоръ, ѣхавшій въ коляскѣ съ графомъ Бенкендорфомъ, замѣтилъ звукъ курьерскаго колокольчика, а потому, давно уже безпокоясь неполученіемъ донесеній отъ графа Воронцова, освѣдомился, не курьеръ ли это съ Кавказа. По полученіи утвердительнаго отвѣта, его величество, остановивъ экипажъ свой, поспѣшно подозвалъ курьера, спросилъ его фамилію и когда выѣхалъ съ Кавказа, а затѣмъ, пригласивъ графа Бенкендорфа пересѣсть въ другой экипажъ, приказалъ Андроникову сѣсть рядомъ съ собою, въ коляску. Его величество, не имѣя возможности, по случаю темноты ночи, прочесть письменныхъ донесеній Воронцова и нетерпѣливо желая скорѣе узнать о всѣхъ подробностяхъ экспедиціи, обратился съ разспросами къ курьеру, но съ первыхъ же словъ Андроникова остановилъ его замѣчаніемъ, почему онъ не начинаетъ разсказъ свой сначала, а съ половины экспедиціи. Ревасъ, недоумѣвая о причинахъ невѣдѣнія государемъ первоначальныхъ донесеній, отправленныхъ глав-

Библиотека "Руниверс"

нокомандующимъ къ его величеству съ графомъ Галатери, смущается, путается въ словахъ и въ концѣ концовъ теряется совершенно. Само собою, государь раздражается полнымъ неумѣніемъ присланнаго къ нему адъютанта удовлетворить его, но, когда послѣ всевозможныхъ сокращеній и пробѣловъ о ходѣ перваго періода экспедиціи Андроникову удалось наконецъ выбраться на торную свою дорогу, и онъ безостановочно и связно началъ, какъ попугай, заученное повѣствованіе свое, государю тотчасъ же пришла мысль о случившемся недоразумѣніи, и онъ съ живостью спросилъ:

— Да не былъ ли раньше тебя посланъ ко мнѣ другой курьеръ?

— Точно такъ, ваше императорское величество, графъ Галатери, отправленный за десять дней ранѣе меня, — отвѣчалъ ободрившійся князь Андрониковъ.

— Гдѣ же онъ? Куда дѣвался?—спросилъ государь и, смягчившись относительно Андроникова, приказалъ немедленно отправить фельдъегеря на встрѣчу и розыски пропавшаго графа Галатери.

Какъ бы то ни было, но пріятное впечатлѣніе, которое надѣялся произвести Андрониковъ на государя Николая Павловича привезеннымъ извѣстіемъ о возвращеніи отряда нашего въ Гергель-аулъ, исчезло безвозвратно. Правда, на другой день въ Александріи Андрониковъ былъ удостоенъ приглашенія къ высочайшему столу, за которымъ государь императоръ, посадивъ его между великой княгиней Маріей Николаевной и великой княжной Ольгой Николаевной, поздравилъ его съ слѣдующимъ чиномъ, причемъ предложилъ выдернуть изъ эполетъ Андроникова штабъ-ротмистерскія звѣздочки, что̀, къ великому смущенію вновь произведеннаго, во время же обѣда и было съ помощью вилокъ собственноручно исполнено ихъ высочествами, однако же мечта ретиваго курьера о полученіи флигель-адъютантскихъ вензелей не осуществилась.

Достойно замѣчанія и то, что графъ Галатери, только на четвертый день послѣ пріѣзда князя Андроникова явившійся въ Петербургъ съ первоначальнымъ донесеніемъ о взятіи Дарго, изобрѣлъ какія-то уважительныя причины своего замедленія, а потому наравнѣ съ Андрониковымъ удостоенъ былъ также производства въ слѣдующій чинъ.

Послѣ Царскихъ Колодцевъ, при вступленіи въ Закаталы, центральный пунктъ и главную квартиру начальника Лезгинской линіи, князь Григорій Орбеліани выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и, распорядившись о помѣщеніи и угощеніи баталіона, позвалъ офицеровъ къ себѣ обѣдать. Изъ всѣхъ грузинъ, простыхъ и знатныхъ, никого не встрѣчалъ я симпатичнѣе, а вмѣстѣ и умнѣе этого Орбеліани, Григорія. Братъ его, Илико, знаменитый красавецъ, статный и ловкій танцоръ, лихой собутыльникъ и отчаянный вояка, быстро сдѣлавшій карьеру и теперь уже въ ге-

Библиотека "Руниверс"

неральскомъ чинѣ занимающій видное положеніе въ отрядѣ князя Бебутова, далеко въ сущности не располагаетъ въ свою пользу сослуживцевъ своихъ, какъ старшій братъ Григорій. Развитой, образованный, краснорѣчивый и обаятельно любезный, онъ слыветъ въ Грузіи за очень талантливаго поэта, за перваго представителя высшей аристократіи всего края и популярнѣйшаго друга грузинскаго народа. Гостепріимно и радушно угощалъ насъ князь Григорій національнымъ обѣдомъ, отличнымъ виномъ Кахетіи и стройнымъ хоромъ русскихъ пѣвчихъ.

Немного отдохнувъ, мы снова двинулись въ походъ и послѣ многихъ мытарствъ съ одной позиціи на другую стали наконецъ бивуакомъ около большаго селенія Кахъ, откуда я ходилъ съ ротой въ укрѣпленіе Елису. Расположено оно въ узкомъ и неприступномъ ущельѣ, бывшемъ владѣніи султана Елисуйскаго, когда-то генералъ-лейтенанта русской службы, а нынѣ одного изъ вліятельнѣйшихъ сподвижниковъ Шамиля. Неудовольствія его на наше правительство побудили его въ одинъ прекрасный день бросить свои богатыя здѣсь владѣнія и передаться имаму. Укрѣпленный замокъ султана преобразованъ былъ въ казарму двухъ ротъ Мингрельскаго полка, занимающаго фортъ Елису, при входѣ на Кавказскій хребетъ. Дикая мѣстность укрѣпленія, вплотную окруженнаго отвѣсными, какъ стѣнами, скалами, производитъ убійственное, тяжелое впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что эти голые кругомъ каменья образуютъ собою просторный гробъ, чтобы насъ заживо похоронить и приплюснуть висячими надъ головой утесами. Въ Елису солнце свѣтитъ часъ, много полтора въ день, такъ какъ неба видно изъ этого глубокаго колодца самый крошечный кусочекъ. Не смотря на радушный пріемъ коменданта и всѣхъ офицеровъ Мингрельскаго полка, которыхъ злая судьба обрекла жить въ этой ужасной ямѣ, я забралъ слѣдуемый къ полученію для баталіона провіантъ и поспѣшилъ бѣжать изъ Елису безъ оглядки.

На другой день пріѣзжалъ явиться къ Бреверну, какъ флигель-адъютанту его величества, племянникъ ex-султана Елисуйскаго, князь Анзоръ, состоящій на службѣ въ собственномъ государя конвоѣ. Сюда онъ пріѣхалъ весною въ отпускъ и случайно попалъ въ передрягу, гдѣ оказалъ немаловажное отличіе при преслѣдованіи,—кого же?—Хаджи-Мурата.

Исторію трагическаго конца этого баснословнаго фанатика я слышалъ уже давно, но подробности узналъ только здѣсь, на мѣстѣ происшествія.

Невольный виновникъ войны «Алой и Бѣлой Розы», разгорѣвшейся изъ-за него въ Воздвиженскомъ, между Меллеромъ и княземъ Simon'омъ Воронцовымъ, Хаджи-Муратъ былъ увезенъ тогда въ Грозную, куда къ нему командированъ былъ Лорисъ-Меликовъ отъ главнокомандующаго. Дождавшись прибытія изъ горъ въ Грозъ-

Библиотека "Руниверс"

ную женъ и имущества новаго подданнаго Россіи, Хаджи-Мурата,—Лорисъ снарядилъ экипажи и повезъ его съ семействомъ въ Тифлисъ, гдѣ князь Воронцовъ, а по его примѣру и вся знать города, долго чествовали знаменитаго богатыря дагестанскаго. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду съ нимъ нянчились въ Тифлисѣ; ему показывали всѣ достопримѣчательности, возили въ театръ, давали обѣды и загородныя празднества, катали по улицамъ съ блистательнымъ конвоемъ, ухаживали всячески, любезничали и кокетничали съ нимъ до того, что наконецъ ему надоѣли, и онъ, дитя природы, родившееся въ горахъ и всю жизнь пользовавшееся свободой и чистымъ воздухомъ живописной страны Аваріи, настойчиво просилъ и получилъ разрѣшеніе оставить шумный, пыльный и въ лѣтнее время невыносимый по духотѣ городъ. Резиденцію Хаджи-Мурату, по его желанію, назначили въ одномъ изъ сосѣднихъ съ Елису селеній, на плоскости, а въ караулъ къ нему, но въ видѣ почетнаго конвоя,—полсотни донскихъ казаковъ. Пользуясь относительной свободой, Хаджи-Муратъ ежедневно дѣлалъ прогулки верхомъ, сопровождаемый казаками, что, конечно, ему не нравилось, такъ какъ ему была очевидна цѣль назначенія мнимаго почета, постоянно стѣснявшаго его дѣйствія. Еще изъ Тифлиса, подъ предлогомъ вредныхъ климатическихъ условій, онъ отпустилъ женъ своихъ, тайно пробравшихся къ себѣ на родину, а онъ самъ, водворенный въ здѣшней мѣстности, томился въ одиночествѣ, если не считать четырехъ ему преданнѣйшихъ мюридовъ, занимавшихъ двѣ комнаты въ одномъ же съ нимъ домѣ. Версты за двѣ отъ селенія, на сѣверъ, по направленію хребта горъ, на плоскости, находился высокій курганъ, на который Хаджи-Муратъ ежедневно ѣздилъ, слѣзалъ съ коня и, разостлавъ бурку, кейфовалъ цѣлые часы. Офицеръ-казакъ, начальствовавшій надъ полусотней, во избѣжаніе ежедневнаго утомленія себя и всѣхъ людей своихъ, счелъ возможнымъ наряжать въ конвой своему знатному арестанту по 12 казаковъ въ день и, привыкнувъ къ его вседневнымъ прогулкамъ, мало-по-малу сталъ халатно относиться къ возложенной на него обязанности — смотрѣть за нимъ въ оба. Однажды Хаджи-Муратъ съ мюридами и обычнымъ конвоемъ выѣхалъ на излюбленный курганъ свой и, какъ дѣлалъ прежде, повалился на бурку, задумчиво и лѣниво любуясь видомъ окружной мѣстности. По его примѣру слѣзли съ коней и казаки. Зная по опыту, что имъ придется провести здѣсь бо́льшую часть дня, они стреножили лошадей и, пустивъ ихъ на пастбище, сами безпечно задремали. Того и нужно было Хаджи-Мурату. Условившись предварительно на своемъ языкѣ, онъ и его мюриды внезапно вскочили на коней и понеслись степью, по направленію къ горамъ. Гаврилычи ахнули, всполошились, но пока распутали лошадей и вскочили въ сѣдла, бѣглецы уже были на полверсты.

Библиотека "Руниверс"

Хаджи-Мурату, съ мюридами, вѣроятно, удалось бы невредимо скрыться, такъ какъ ихъ лошади были несравненно высшаго достоинства, чѣмъ донскія, и притомъ они сразу отдѣлились отъ казаковъ, если бы послѣдніе не догадались дать нѣсколько сигнальныхъ выстрѣловъ, на которые по тревогѣ ринулись почти на перерѣзъ бѣглецамъ джигиты князя Анзора, случайно возвращавшагося съ соколиной охоты. Погоня началась отчаянная. На протяженіи десятка верстъ одинъ за другимъ пали отъ мѣткихъ выстрѣловъ джигитовъ-охотниковъ всѣ четыре мюрида. Одинъ Хаджи-Муратъ, хотя тоже раненый, но отстрѣливаясь и всѣми силами понукая ослабѣвшаго коня своего, еще мчался впереди всѣхъ. Уже недалеко оставалось ему до опушки лѣса, спасеніе возможно, но въ ту минуту карабахъ его, задѣтый пулею, зашатался и, спотыкаясь, пошелъ впередъ въ полъ-маха, а погоня уже близко, на пистолетный выстрѣлъ. Хаджи-Муратъ на всемъ скаку спрыгнулъ съ раненной лошади, пѣшкомъ достигъ лѣса и, какъ дикій звѣрь, спасая свою шкуру, неимовѣрными прыжками перескакивая черезъ кусты и колоды, бросился въ чащу. Разсыпавшіеся за нимъ всадники открыли его убѣжище, но прежде, чѣмъ имъ удалось спѣшиться и атаковать его, двое пали убитыми и трое ранеными. Джигиты князя Анзора, казаки съ кургана и остальные, по тревогѣ подоспѣвшіе изъ селенія, всего до 60 человѣкъ, собравшіеся здѣсь, долго не могли одолѣть одного Хаджи-Мурата, явившаго неслыханную отвагу. Разстрѣлявъ до послѣдняго всѣ заряды изъ винтовки и пистолета, онъ, какъ левъ, вскочилъ на прикрывавшій его завалъ и, истекая кровью отъ тяжкихъ ранъ, отчаянно рубился шашкой. Цѣлый рой пуль летитъ въ освирѣпѣвшаго звѣря, но онъ въ изступленіи все еще крошитъ на смерть ближайшихъ враговъ своихъ. Наконецъ, роковая пуля повалила его на землю. Съ крикомъ восторга побѣдители устремились къ павшему герою, но и тутъ Хаджи-Муратъ, закатывая глаза въ предсмертной агоніи, успѣлъ распороть кинжаломъ животы двумъ отважнѣйшимъ врагамъ. Такъ погибъ легендарный боецъ Хаджи-Муратъ, но какою цѣною достался намъ трупъ его? Изъ 18 жертвъ, уложенныхъ рукою героя, прежде чѣмъ овладѣть имъ, 11 поплатились жизнью... Исчезла съ лица земли колоссальная личность, но вмѣстѣ съ нимъ на вѣки умерла и тайная цѣль мнимаго примиренія его съ Россіей.

Кстати о соколиной охотѣ. Какъ-то, рано утромъ, пріѣхалъ князь Анзоръ. Большая свита нукеровъ сопровождала его съ кречетами, соколами и беркутами. Погода была удовлетворительная, и мы, большою компаніей—Ренне, Воецкій, Кутлеръ, Поливановъ и Леусъ, отправились съ княземъ на эту оригинальную охоту. Впервые ее увидѣвъ, мнѣ было очень любопытно смотрѣть на весь процессъ преслѣдованія птицъ и даже звѣря не очень крупными

Библиотека "Руниверс"

хищниками, посредственно выношенными и пріученными. Отыскиваніе дичи производилось общепринятымъ гаемъ, верховыми людьми, но безъ собакъ. Подымался фазанъ, куропатка, утка, перепелъ, или бѣжалъ заяцъ или лисица, вслѣдъ за ними скакали нукеры, спуская съ руки свою хищную птицу. Красивѣе всѣхъ былъ одинъ соколъ, любимецъ князя Анзора. Примѣтивъ летящую добычу, онъ стремительно несся за нею, постепенно поднимаясь вверхъ, и затѣмъ, уловивъ моментъ съ высоты, камнемъ бросался внизъ и безъ промаха вмѣстѣ съ жертвой своей катился на землю. Около полудня задулъ сильный вѣтеръ и помѣшалъ намъ дальше охотиться. Въ бурю немыслимо охотиться съ соколами, которые не только плохо преслѣдуютъ добычу, но и сами легко пропадаютъ. Любезный нашъ амфитріонъ, разставаясь, обѣщалъ еще разъ устроить въ большихъ размѣрахъ полеваніе въ мѣстностяхъ, гдѣ много дикихъ козъ и лисицъ.

До насъ стали доноситься смутные слухи о громкихъ побѣдахъ, одержанныхъ отрядами Александропольскимъ и Алалцихскимъ надъ турками. Недолго пришлось ждать и намъ. 2-го ноября Бревернъ получилъ съ эстафетой предписаніе немедленно выступить съ 3-мъ баталіономъ обратно по Лезгинской линіи, въ Тифлисъ. Что было дѣлать мнѣ, несчастному неудачнику? Скучая до одури въ Кахѣ, мы устроили наканунѣ состязаніе верхомъ, причемъ мой конь споткнулся о камень и грохнулся со всѣхъ четырехъ ногъ о землю, придавивъ меня собою. Въ результатѣ оказалась сломанная въ правомъ плечѣ ключица и непремѣнное приказаніе доктора лежать неподвижно въ крахмальной подвязкѣ, но я не послушался этихъ мудрыхъ совѣтовъ; устроившись на арбѣ, хотя съ большими страданіями, но доплелся-таки вслѣдъ за баталіономъ до Тифлиса. Здѣсь же слѣдовать дальше за товарищами, которые назавтра выступали, оказалось для меня совершенно немыслимо, и я долженъ былъ дней на 12 принять гостепріимство милѣйшаго друга Александра Ивановича Вастена; послѣ чего рѣшилъ пуститься въ погоню за своими, но не по Александропольскому тракту, а въ другую сторону. Многое узналъ я здѣсь относительно начинающейся войны и тѣхъ дѣлъ, которыя уже были у насъ. Первымъ враждебнымъ дѣйствіемъ турокъ послужилъ фортъ св. Николая около Озургетъ. Въ означенномъ фортѣ въ прикрытіе хлѣбныхъ магазиновъ нашихъ, на крайнемъ пограничномъ пунктѣ Чернаго моря, весь гарнизонъ заключался въ 15 донскихъ казакахъ, при урядникѣ, и трехъ провіантскихъ нижнихъ чинахъ интендантскаго вѣдомства. На эти ничтожныя военныя силы обрушился турецкій отрядъ, внезапно атаковалъ и занялъ фортъ, безчеловѣчно истребивъ всѣхъ его защитниковъ. По слухамъ турки укрѣпили этотъ постъ и, поставивъ надежныя силы, намѣрены удержать его за собою.

Библиотека "Руниверс"

Разсказываютъ люди, посвященные въ дѣло, что при объявленіи разрыва съ Оттоманской имперіей государь Николай Павловичъ предложилъ нашему здѣсь главнокомандующему барона Остенъ-Сакена, Лидерса или Панютина въ помощь, но что князь Михаилъ Семеновичъ всеподданнѣйше отвѣтилъ его величеству, что не желаетъ ни перваго, ни второго, ни третьяго на томъ основаніи, что кавказская школа на столько образовала военныхъ людей, что онъ, князь Воронцовъ, твердо надѣется привести предначертанія его величества относительно Азіатской Турціи къ исполненію своими кавказскими генералами. Въ силу этого князь представилъ, а государь утвердилъ, начальниками отрядовъ: Александропольскаго, самаго сильнаго по численности войскъ, вошедшихъ въ составъ его, въ виду первоклассной турецкой крѣпости Карса, расположенной въ раіонѣ предположенныхъ военныхъ дѣйствій,—князя В. О. Бебутова, бывшаго до минуты назначенія своего управляющимъ гражданскою частью на Кавказѣ; Баязетскаго—барона Карла Врангеля; Ахалцихскаго—князя Ивана Малхазовича Андроникова, бывшаго до того тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ, и Гурійскаго — князя А. И. Гагарина, когда-то служившаго при князѣ Воронцовѣ личнымъ адъютантомъ, а нынѣ кутаисскаго губернатора.

Князь Александръ Ивановичъ Гагаринъ—очень милый и достойный человѣкъ, женатый на одной изъ безчисленныхъ здѣсь княженъ Орбеліани, родной сестрѣ нашего Вано. Штабъ-квартира Гагарина была въ Озургетахъ, а весь Гурійскій отрядъ состоялъ, кромѣ нашего 1-го батальона, изъ войскъ 13-й пѣхотной дивизіи, 5-го корпуса Лидерса, такъ что Бревернъ разсчитывалъ встрѣтить тамъ много друзей и знакомыхъ.

Князя Барятинскаго также не было въ Тифлисѣ: онъ назначенъ былъ начальникомъ штаба въ дѣйствующемъ отрядѣ князя Бебутова. Первое сраженіе съ турками имѣлъ Ахалцихскій отрядъ князя Андроникова, разбившій непріятеля наголову, причемъ захвачена и непріятельская артиллерія. Въ этомъ сраженіи оказался героемъ дня, но совершенно фуксомъ, мой давнишній пріятель Циммерманъ. Когда наша колонна рано утромъ, въ густой туманъ, начала наступленіе на турецкія укрѣпленія, начальникомъ ея былъ генералъ-маіоръ Фрейтагъ, а при немъ, какъ офицеръ генеральнаго штаба, Циммерманъ. Непріятель за нѣсколько сотъ шаговъ открылъ нашу атаку и встрѣтилъ ее усиленнымъ огнемъ, причемъ пулею былъ раненъ въ руку начальникъ отряда. Фрейтагъ слѣзъ съ лошади, и, пока ему дѣлали перевязку, войска безъ всякихъ распоряженій свыше продолжали идти впередъ и на «ура» заняли ложементы и батареи, сбили непріятеля на всѣхъ пунктахъ и завладѣли орудіями. Побѣда громкая! Но кто главный виновникъ и чью грудь украсить Георгіевскимъ крестомъ, заслужен-

Библиотека "Руниверс"

нымъ по статуту? Фрейтагъ въ минуту одержанной побѣды былъ внѣ выстрѣловъ, слѣдовательно очередь была за старшимъ въ чинѣ. Собираются справки, и оказывается, что всѣ батальонные командиры, шедшіе въ счастливую атаку, по производству моложе подполковника Циммермана, которому и присужденъ былъ бѣлый крестъ. Послѣ Ахалцихскаго дѣла было два послѣдовательныхъ сраженія въ Александропольскомъ отрядѣ. Первое, подъ командой князя Илико Орбеліани, подъ селеніемъ Баяндуромъ, было чисто артиллерійскимъ боемъ. Нашъ 1-й батальонъ принималъ въ немъ участіе и понесъ изрядныя потери. Второе же сраженіе дано было блистательно подъ Башъ-Кадыкляромъ. Здѣсь дрался весь отрядъ князя Бебутова противъ главныхъ турецкихъ силъ, въ три раза превышавшихъ числомъ наши батальоны, что̀ не помѣшало, однако, непріятелю отдать намъ весь лагерь, обозъ и всю артиллерію свою. 1-й батальонъ опять отличился, и командиръ его контуженъ ядромъ въ голову. Побѣда подъ Башъ-Кадыкляромъ была бы еще блистательнѣе, если бы не такая большая потеря съ нашей стороны (болѣе 2.000 человѣкъ) и смерть, напримѣръ, такого замѣтнаго героя, какъ князь Илико Орбеліани, убитаго наповалъ ядромъ.

Но все это, какъ ни было блестяще, меркло, однако, при извѣстіи о морскомъ сраженіи и пораженіи турецкаго флота подъ Синопомъ. Герой Нахимовъ оказалъ чудеса отваги, принявъ бой съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, по числу судовъ, поддержанныхъ къ тому же береговыми батареями; не смотря на это, турецкій флотъ въ своей собственной бухтѣ истребленъ окончательно. Оффиціальное сообщеніе объ этой славной морской побѣдѣ привезъ въ Тифлисъ морякъ, князь Викторъ Барятинскій, родной братъ Александра Ивановича; весь городъ, конечно, чествовалъ его на славу; но военныхъ и свитскихъ князя Воронцова мало оставалось въ городѣ: всѣ они разбрелись по отрядамъ дѣйствующихъ войскъ въ Азіатской Турціи.

Наконецъ, 21-го ноября и я выѣхалъ изъ Тифлиса въ 9 часовъ утра. Сурамскій перевалъ пришлось переваливать ночью, что̀, конечно, не могло улыбаться мнѣ при условіи очень грязной дороги и непомѣрной темноты. Изъ опасенія быть вываленнымъ, я требовалъ отъ ямщика не спѣшной, но осторожной ѣзды, на что̀ онъ равнодушнымъ тономъ отвѣчалъ: «Что Богъ дастъ!» какъ вдругъ на 12-й верстѣ отъ оставленной станціи повозка сразу перегнулась на сторону и, не опрокидываясь совершенно, повисла лѣвыми колесами на воздухѣ. Чемоданы быстро вылетѣли въ какой-то оврагъ, а я, закинувъ ногу за ящикъ повозки, удержался въ висячемъ положеніи, пока ямщику не удалось обѣжать кругомъ и съ неимовѣрными усиліями возстановить телѣгу въ нормальное положеніе. Этимъ маневромъ я избѣгъ паденія, но зато

Библиотека "Руниверс"

отъ натуги ноги у меня соскочила съ мѣста чашка праваго колѣна. Одно другаго не легче! Ямщикъ такъ схватилъ меня за ногу и дернулъ, что она хотя и хрустнула, но выпрямилась; тѣмъ не менѣе нестерпимая боль при сильной опухоли еще долго давала себя чувствовать. Въ Кутаисъ мы въѣхали къ раннему завтраку и тамъ узнали, что батальонъ нашъ только наканунѣ выступилъ изъ города. Не долго мѣшкая, я пустился въ дальнѣйшій путь и въ концѣ втораго перегона нагналъ растянувшійся батальонъ, очень медленно шлепавшій по слякоти. Повозку мою окружили и посыпались вопросы и сообщенія о всемъ случившемся за время нашей разлуки. До имѣнія князей Эристовыхъ, гдѣ предназначенъ былъ ночлегъ, оставалось не болѣе версты, и я пустился впередъ. На горѣ, у деревяннаго господскаго дома, стояли наши повозки, а около нихъ шнырялъ Вавила. Осторожно высадивъ меня изъ повозки, онъ заахалъ, услышавъ о ночномъ приключеніи съ ногой, но не могъ не порадоваться моему пріѣзду, такъ какъ въ отсутствіе мое его совсѣмъ будто бы «затуркалъ» А. И. Поливановъ. Тѣмъ временемъ подошли и наши, и мы, обнявшись съ Бреверномъ, отправились въ отведенное намъ помѣщеніе. Животрепещущее крыльцо, покривившееся отъ ветхости и сложенное изъ пролетныхъ досокъ, показалось мнѣ сомнительной прочности, а потому я со всевозможною осторожностью занесъ на него ногу, но съ первой же ступени она поскользнулась, я потерялъ равновѣсіе и упалъ головой въ промежутокъ между досками... Съ ушибленнымъ плечомъ и распухшею ногою далеко не весело провелъ я ту ночь, а дождь, лившій цѣлый день, разразился еще съ новою силой, немилосердно стуча не только въ стекло, но черезъ крышу и потолокъ и по жалкой мебели нашего палаццо. 25-го числа ноября 1853 года мы прибыли, наконецъ, въ Озургеты.

XV.

Озургеты.—Новыя личности.—Карзановъ, Мазараки, Голофѣевъ, Щербаковъ, братья Гуріели.—Лагерь на рѣкѣ Нетонеби и позиція у Чехатскаго моста.—Встрѣча Новаго года.—Фарсъ Карганова и его послѣдствія.—Пріѣздъ Гагарина и И. М. Андроникова.—Новости: разрывъ съ Англіей и Франціей и отъѣздъ князя Воронцова съ Кавказа.—Багговутъ и его разсказы.—Судьба свиты свѣтлѣйшаго князя.—Пріѣздъ въ отрядъ князя Семена Михайловича Воронцова.—Отступленіе изъ Озургетъ къ рѣкѣ Ріону и соединеніе отрядовъ.—Поѣздка въ Ланчхутъ; предчувствія.—Роковое извѣстіе о побоищѣ въ Ланчхутскомъ ущельѣ.—Кутаисъ и вторичное выступленіе къ Озургетамъ.

Втеченіе недѣли я познакомился со всѣмъ новымъ начальствомъ Гурійскаго отряда, во главѣ котораго стоялъ князь Гагаринъ. Какъ наружною, такъ и нравственными сторонами онъ

Библиотека "Руниверс"

первоклассный оригиналъ, очень милый, любезный и обходительный, но своеобразный, съ сѣдыми локонами по плечи. Начальникомъ штаба его—полковникъ Іосифъ Ивановичъ Каргановъ, боевой офицеръ, образованный и очень умный. Онъ сынъ знаменитаго когда-то Ваньки Каина, о подвигахъ котораго гремѣла на Кавказѣ общая молва. Самъ Іосифъ прекрасный, съ выразительными чертами лица армянскаго происхожденія, страшно заикается отъ рожденія и часто встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія выговорить слово, но зато, когда удается одолѣть это механическое препятствіе, рѣчь его течетъ плавно и послѣдовательно, дѣльно и краснорѣчиво. Будучи молодымъ сапернымъ офицеромъ, онъ получилъ Георгіевскій крестъ въ Дагестанѣ, гдѣ на Сулакѣ ему удалось подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля навести мостъ. Съ той поры имя Карганова стало извѣстно въ Закавказьѣ, и выборъ главнокомандующаго на видную должность начальника штаба отдѣльнаго Гурійскаго отряда палъ на него, какъ весьма способнаго, хотя и не генеральнаго штаба офицера.

Другой штабный, Николай Семеновичъ Мазараки, принадлежа къ воспитанникамъ военной академіи, какъ исключеніе, очень простъ въ обращеніи, безъ тѣни всякой фанаберіи. Онъ давно уже служилъ при генералѣ Лидерсѣ и Венгерскую кампанію дѣлалъ съ Бреверномъ, съ которымъ и въ настоящую минуту состоялъ въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ. Мазараки очень былъ занятъ канцелярской работой въ штабѣ, что̀ не мѣшало ему, однако, урывками забѣгать къ намъ. Далѣе Бруннеръ, командиръ Брестскаго полка, личность почтенная и по общимъ отзывамъ очень дѣльная. Въ его полку командовалъ батальономъ толстый Голофѣевъ, тотъ самый, про котораго ходилъ знаменитый анекдотъ обогащенія во снѣ, въ замкѣ венгерскаго магната; Щербаковъ, штабсъ-капитанъ, старшій отрядный адъютантъ, замѣчательный усидчивою дѣятельностью днемъ въ канцеляріи, а ночью за зеленымъ столомъ у начальства, у насъ или гдѣ бы то ни было; а такъ какъ въ настоящее время года, при непроходимыхъ путяхъ въ окрестностяхъ Озургетъ, то-есть во всей Гуріи, Мингреліи и Сухумскомъ отдѣлѣ, движеній войскъ какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ ожидать было нельзя, то всѣ мы прозябали пока въ однообразной скукѣ, разсѣять которую всѣ отъ мала до велика старались на зеленомъ полѣ. Здѣсь фельдмаршальскій жезлъ съ достоинствомъ носилъ въ рукахъ Іосифъ Ивановичъ Каргановъ, завзятый игрокъ и страстный любитель ланскнехта. И не у насъ однихъ идетъ борьба сильныхъ ощущеній, но куда ни заглянешь, вездѣ наша безшабашная братія чуть не съ утра рѣзалась между собою. Въ большомъ, довольно грязномъ домѣ, на городской площади, размѣстилось большинство нашихъ офицеровъ; тамъ предсѣдательствовалъ Рудой (Руденко), а членами засѣдали: Мацкевичъ,

Библиотека "Руниверс"

Кутлеръ, Ренне, Воецкій, Саверинъ, Пашенька Полторацкій и два брата Хилинскіе. «Не красна изба углами»,—гласитъ русская пословица, но тутъ надо сказать не «пирогами», а безчисленнымъ количествомъ бутылокъ и картъ, составляющихъ не только главное украшеніе, но и мебель этого волшебнаго отеля.

Зима здѣсь въ Гуріи своеобразная, безъ снѣга, но съ безпрерывнымъ дождемъ, какая-то гнилая. На площади и улицахъ Озургеть море жидкой грязи, которую ночью даже верхомъ одолѣть не безопасно. Вездѣ, на всѣхъ театрахъ войны затишье. За Дунаемъ было жаркое дѣло у Четати, о которомъ разсказываютъ чудеса, но и тамъ потомъ все смолкло, и армія Паскевича копошилась вся у Силистріи. У насъ же въ Азіатской Турціи былъ положительный застой во всѣхъ новостяхъ. Но тишина эта была передъ бурей. Ближайшій отъ насъ пунктъ, занятый непріятелемъ, вновь воздвигнутое укрѣпленіе, Шехвители, на мѣстѣ бывшаго форта св. Николая. Турки тамъ очень укрѣпились и содержали въ гарнизонѣ крѣпости до 3-хъ батальоновъ низама и нѣсколько орудій. Какъ-то пріѣзжалъ въ намъ уѣздный предводитель озургетскій, князь Леванъ Гуріели, и заявилъ, что рѣшенъ вопросъ о занятіи вблизи отъ Шехвители Чехатскаго моста всею гурійской милиціей, куда она и выступила въ числѣ до 4.000 человѣкъ. Мостъ на рѣкѣ Чолокѣ, въ лѣсистой мѣстности, всего въ четырехъ верстахъ отъ бывшаго Николаевскаго форта, представлялъ очень важный стратегическій пунктъ, удержаніе котораго было крайне необходимо какъ для охраненія Озургетъ, такъ и для наблюденія надъ дѣйствіями турокъ вообще. Два брата Гуріели, Леванъ и Димитрій, богатые помѣщики здѣшняго уѣзда, первый предводитель, а второй рьяный партнеръ въ ланскнехтъ, часто оба являлись къ намъ, или приглашали на свои національные обѣды, гдѣ мы познакомились со многими туземцами лучшихъ фамилій.

Жизнь шла мирно весь мѣсяцъ, какъ вдругъ 21-го декабря явился къ намъ Мазараки и предупредилъ, что батальону предстоитъ выступленіе къ Чехатскому мосту на подкрѣпленіе милиціи нашей, такъ какъ турки угрожали ей нападеніемъ изъ Шехвители. Итакъ, праздники Рождества Христова намъ предстояло провести подъ открытымъ небомъ.

Въ темнѣйшую ночь на сочельникъ, съ дождемъ и вѣтромъ, вползли мы въ полуразрушенное селеніе, оставленное жителями на произволъ судьбы и шакалъ. Ощупью занимали мы безпорядочную позицію, такъ какъ осмотрѣться кругомъ было немыслимо. Окликая другъ друга въ наступившей темнотѣ, изъ опасенія не быть сбитымъ наплывающимъ потокомъ людей, безсознательно ищущихъ себѣ пріюта и страшно утомленныхъ, мы проникліись убѣжденіемъ взять то, что пошлетъ намъ судьба. Начальнику колонны, т. е. Бреверну, и мнѣ, судьба эта послала крытое и за-

Библиотека "Руниверс"

щищенное съ боковъ деревянное строеніе, въ которомъ неоднократно зажигаемый огонь тушился гуляющимъ насквозь вѣтромъ. Послѣ долгихъ усилій и хлопотъ прислуги, удалось наконецъ освѣтить намъ отведенный дворецъ, оказавшійся довольно обширнымъ свинымъ хлѣвомъ. Навозъ снизу, навозъ съ боковъ и навозъ на крышѣ свидѣтельствовалъ о продолжительномъ пребываніи здѣсь бывшихъ передъ нами квартирантовъ, что подтвердилось ночью внезапнымъ хрюканіемъ въ темномъ углу палаццо одного изъ членовъ большой семьи, невѣжливо обезпокоенной нами, непрошенными гостями. Не особенно пріятное ощущеніе испыталъ я такъ же при пробужденіи отъ крѣпчайшаго сна, обезпокоенный капелью черезъ крышу прямо на лицо чего-то зловоннаго и омерзительно противнаго.

На другое утро мы стали лагеремъ на рѣкѣ Нетонеби, гдѣ и отпраздновали великіе дни Рождества Христова.

Кругомъ грязь, мерзость, запустѣніе. Мы не раздѣваемся и въ сапогахъ, по колѣна въ грязи, валяемся съ утра на постеляхъ, съ бѣльемъ буро-сѣраго цвѣта. Впереди насъ за четыре версты стоитъ Имеретинская и Гурійская милиція, охраняющая Чехатскій мостъ на рѣкѣ Чолокѣ, въ четырехъ же верстахъ ниже впадающей въ Черное море, у самаго форта св. Николая. Отъ турокъ мы слѣдовательно теперь въ 8 верстахъ. Опасенія или, лучше сказать, надежды, что они воспользуются нашими праздниками и сдѣлаютъ на насъ нападеніе, къ сожалѣнію, не сбываются, и изъ-за ихъ новой твердыни они не показываютъ и носа.

Новый Годъ ознаменовался пріѣздомъ къ намъ въ лагерь Карганова, съ полъ-сотнею донскихъ казаковъ, въ видѣ конвоя, и ради компаніи съ капитаномъ Литовскаго полка Романовымъ и инженеромъ путей сообщенія капитаномъ Ежиковымъ. Присѣвъ у насъ на нѣсколько минутъ, Каргановъ предложилъ намъ, равно какъ и вошедшимъ Кутлеру и Саверину, ѣхать съ нимъ навѣстить сосѣдей нашихъ, князей милиціи на Чехатскомъ мосту.

— По-по-посмотрите, господа, какъ они сла-сла-славно угостятъ насъ,—добавилъ онъ. Дѣйствительно его ожидали на милиціонерномъ бивуакѣ.

Только что услышали топотъ лошадей нашихъ, всѣ князья и дворяне Имеретіи и Гуріи высыпали изъ шалашей своихъ на встрѣчу дорогого гостя и, увидѣвъ его не одного, а со спутниками, видимо обрадовались нашему пріѣзду. Пріемъ былъ приготовленъ у князя Димитрія Гуріели, гдѣ кругомъ длиннаго стола были вкопаны въ землю скамейки, покрытыя коврами. Помѣщеніе было просторное, но и общество собралось не малое. Здѣсь увидѣли мы брата хозяина Левана, князя Михако Сумбатова, состоящаго при

Библиотека "Руниверс"

главнокомандующемъ и пріѣхавшаго сюда наканунѣ, князей Эристовыхъ, князя Кайхасро, князя Церетели и всякихъ другихъ князей Мачутатзе, Мачеваріани, Мочабели, всѣхъ служащихъ въ милиціи. Хозяинъ заявилъ во всеуслышаніе:

— Шашлыкъ поданъ, покорно прошу садиться!

Карганов, около котораго я былъ въ ту минуту, схватилъ меня за руку и потащилъ на длинную скамью, гдѣ и усадилъ рядомъ съ собою налѣво, а Бреверна пригласилъ направо. Удивительный шашлыкъ появился на сценѣ и прозрачное, чудеснаго цвѣта рубина гурійское вино заискрилось въ серебряныхъ азарпешахъ.

Все заговорило шумнѣе и шумнѣе, перебивая другъ друга и не дожидаясь очереди. «Алла-верды» и «Якши-іолъ» раздавались на всѣхъ концахъ.

Карганов принималъ горячее участіе въ бесѣдѣ.

— А вѣдь что ни го-го-говорите, а, всетаки, без-без-безъ дѣла скучно стоять здѣсь?—обратился онъ ко всему обществу.

— Да, да, скучно, Іосифъ Ивановичъ, хорошо бы дѣло... Отлично бы дѣло... надо бы подраться!.. Турку поколотить было бы славно,—послышались отвѣты со всѣхъ сторонъ. Я налилъ рюмки и чокнулся съ сосѣдомъ: «за успѣхъ перваго дѣла»,—шепнулъ я ему.

— А что, турки не показываются около васъ?—почти не заикаясь, обратился Карганов къ князьямъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, боятся носъ показать!—въ одинъ голосъ отвѣтили многіе.

— Желалъ бы въ первомъ дѣлѣ быть съ вами, Іосифъ Ивановичъ,—опять шепнулъ я.

— Здоровье достойнѣйшаго и храбрѣйшаго Іосифа Карганова,—вскрикнулъ хромой кн. Димитрій Гуріели.

Всѣ заорали ура и очистили стаканы.

— А вы что же?—обратился ко мнѣ Карганов.

— А я хотѣлъ предложить сначала другой тостъ: за здоровье Ивана Михайловича Лабинцева,—брякнулъ я.

— Почему за Лабинцева?—съ любопытствомъ спросилъ онъ.

— За то, что онъ съ одною ротою взялъ въ 29 году Карсъ,—наивно объяснилъ я.

— А что вы думаете, господа князья и дворяне? Вѣдь Полторацкій правъ: онъ вспомнилъ фактъ историческій и совершенно вѣрный!

Я опять подлилъ ему вина.

Карганов проглотилъ, чмокнулъ губами и проговорилъ:

— Не попробовать ли и намъ что нибудь около форта Николая, Александръ Христофоровичъ?—громко отчеканилъ онъ, хотя Бреверн сидѣлъ съ нимъ рядомъ.—Придвиньте сейчасъ изъ вашего

Библиотека "Руниверс"

баталіона двѣ роты съ двумя орудіями на поддержку храброй нашей милиціи, и пойдемте на турокъ!

Среди восторженнаго «ура» присутствующихъ, всѣ вскочили изъза стола, засуетились и разбѣжались по лагерю вооружаться. Бреверн поспѣшилъ отдать приказаніе Саверину скакать въ лагерь. Батальонный адъютантъ выскочилъ изъ шалаша, но по нерасторопности поскользнулся, упалъ, сталъ садиться и сразу не могъ попасть ногой въ стремя.

— Ахъ, Боже мой,—замѣтилъ Каргановъ,—время дорого и этому конца не будетъ,—и при этомъ выразительно взглянулъ на меня.

— Лучше я поѣду,—предложилъ я.

— Конечно, поѣзжайте! Александръ Христофоровичъ, Полторацкій самъ поѣдетъ, это будетъ вѣрнѣе,—одобрительно подтвердилъ Іосифъ Ивановичъ.

Пріѣхавъ въ лагерь, я тотчасъ же передалъ Пелепейку приказаніе начальника штаба идти съ двумя ротами въ прикрытіе артиллеріи, а самъ, схвативъ свою 7-ю роту, бѣгомъ направился съ нею къ Чехатскому мосту. Прибѣжавъ къ бивуаку милиціи, мы застали ее совсѣмъ готовою, а Карганова, Бреверна и прочихъ офицеровъ, ожидающихъ моего прибытія.

— Вызовите вашихъ штуцерныхъ впередъ и съ Богомъ, маршъ!— провозгласилъ нашъ главный начальникъ.

Толпы пѣшей милиціи затѣснились съ обѣихъ сторонъ, и все потянулось по лѣсистой дорогѣ, къ форту св. Николая. Не прошли и версты, какъ встрѣтили препятствіе: мостъ черезъ потокъ былъ уничтоженъ турками. Артиллеріи перебраться не было возможности, а потому Каргановъ, поручивъ поправку моста какому-то князю съ милиціонерами, двинулся впередъ. Пройдя еще саженъ двѣсти впередъ, мы наткнулись на второй мостъ, а сотню шаговъ далѣе на третій, также уничтоженный непріятелемъ. Оставивъ и здѣсь часть милиціи, начальникъ отряда поручилъ общее наблюденіе за наводкой мостовъ капитану Ежикову, а съ нами продолжалъ путь, не останавливаясь.

Въ безмолвной тишинѣ подвигался отрядъ; вскорѣ до нашего уха долетѣлъ неопредѣленный гулъ, оказавшійся прибоемъ морскихъ волнъ. Еще нѣсколько сотъ шаговъ, и густой лѣсъ сталъ рѣдѣть, показалась опушка, а вслѣдъ за нею открытая поляна, на оконечности которой, всего саженяхъ въ 150 отъ насъ, на самомъ берегу моря, мы увидѣли значительныхъ размѣровъ новое турецкое укрѣпленіе. Выйдя изъ опушки, я тотчасъ направилъ штуцерной взводъ (всего 24 человѣка) подъ командой Павла Полторацкаго занять кладбище, всего въ ста саженяхъ приблизительно отъ крѣпости, а самъ выстроилъ 7-ю роту во взводную колонну. За мной стала рота Кутлера, а вправо и влѣво въ лѣсу разсыпалась милиція.

Библиотека "Руниверс"

Прошло двѣ, три минуты, и въ крѣпости раздался барабанный грохотъ, на валъ высыпали красныя фески, взвился на воздухъ густой клубъ дыма, за нимъ второй, третій и четвертый, и надъ нашими головами съ грознымъ ревомъ и свистомъ пронеслись тяжелые снаряды. Турки палили изъ четырехъ орудій безъ передышки. Первое ядро второй очереди прожужжало гораздо ближе предыдущихъ, а второе шлепнулось въ десяти шагахъ и, оторвавъ по локоть руку капитана Рыланова, съ визгомъ взлетѣло, какъ резиновый мячъ, дугою къ верху, въ лѣсъ. Штуцерные мои изъза прикрытія каменныхъ памятниковъ стали выцѣливать вертящихся на валу турокъ и изрѣдка по нимъ пощелкивать, что̀ нѣсколько оживило наше комически-пассивное положеніе. Не имѣя подъ рукой артиллеріи, намъ и ружейнаго огня по пространству, насъ раздѣляющему, открыть было невозможно, и мы, какъ дѣти, «сложивъ ручки на терпѣніи» и стоя на одномъ мѣстѣ, представляли изъ себя неподвижную мишень для практической стрѣльбы непріятеля. Между тѣмъ турки, замѣтивъ перелетъ своихъ снарядовъ, опустили подъемъ орудій и стали потчевать насъ чугуннымъ гостинцемъ съ несравненно большею вѣрностью. Кругомъ послышались стоны раненыхъ и контуженныхъ, а затѣмъ приволокли и нѣсколько труповъ убитыхъ... Наконецъ, Карганов, все время недвижимо стоявшій передъ нами, приказалъ отозвать штуцерныхъ и начать отступленіе. Павелъ Полторацкій былъ также раненъ въ ногу. Еще на протяженіи полуверсты турецкіе снаряды пытались догонять нашихъ по лѣсу, въ щепы разбивая верхи деревьевъ, но, пущенные зря, уже не принесли намъ вреда.

Такимъ образомъ кончился этотъ фарсъ, хотя и стоившій нѣкоторымъ жизни.

Но изъ него вышло и нѣчто хорошее,—это то, что насъ вернули въ болѣе теплыя и удобныя квартиры въ Озургетахъ. Туда же прибылъ спустя, впрочемъ, мѣсяцъ князь Андрониковъ съ частью своего Ахалцихскаго отряда и, какъ старшій по чину генералъ-лейтенантъ, принялъ начальство надъ обоими соединенными отрядами. Я познакомился съ княземъ Иваномъ Малхазовичемъ у Гагарина и, всматриваясь въ его фигуру, нашелъ немалое сходство между нимъ и Викентіемъ Михайловичемъ Козловскимъ. У Андроникова, складомъ и ростомъ очень схожаго съ Козловскимъ, было также любимое словечко, безъ котораго онъ трехъ словъ сложить не могъ, но вмѣсто «какъ, какъ» у него было «уже-уже». Князь Иванъ Малхазовичъ, изъ туземцевъ Грузіи, безвыѣздно провелъ весь вѣкъ свой на восточныхъ окраинахъ Кавказа и въ безчисленныхъ экспедиціяхъ на Лезгинской линіи и въ Дагестанѣ, а такъ же въ двухъ турецкихъ кампаніяхъ, стяжалъ себѣ славу очень храбраго, смѣлаго и донельзя рѣшительнаго въ бояхъ офицера. Что касается анекдотовъ о немъ, то они были безчисленны.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ побѣды подъ Ахалцихомъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго части, наряженныя въ парадъ, проходили мимо Андроникова церемоніальнымъ маршемъ. Горячо благодаря понтирующіе взводы и полусотни пѣхоты и кавалеріи, онъ къ каждой части обращался съ фразой:

— «Уже вездѣ все вы молодцами, уже, и въ бою и, уже, на парадѣ, уже, спасибо вамъ, уже, братцы!»—Но въ то время, какъ потянулась мимо него артиллерія, онъ круто отвернулся отъ нея и заговорилъ о постороннемъ предметѣ съ окружающими. Начальникъ штаба, замѣтивъ неловкость князя относительно одного только рода оружія и зная за достовѣрное, что онъ не имѣлъ предвзятой мысли оскорбить людей, не менѣе другихъ исполнившихъ наканунѣ долгъ службы, позволилъ себѣ прервать рѣчь его, почтительно напомнивъ:

— Ваше сіятельство, артиллерія проходитъ!

— Ну, уже, что-жъ такого, уже, что она проходитъ?

— Вы не изволили поблагодарить ее,—поспѣшилъ оправдаться начальникъ штаба.

— Уже, что вы хотите этимъ сказать мнѣ?—съ окрикомъ рѣзко возразилъ Иванъ Малхазовичъ.—Уже, вы что же меня за дурака, уже, считаете, чтобы я здѣсь на площади, уже, передъ парадомъ сталъ бы разговаривать съ мѣдными пушками.

Никакіе доводы не могли убѣдить князя, что надъ нимъ никто не хотѣлъ насмѣяться.

А вотъ еще. Какъ-то съ Чехатскаго мосту, окруженный большою свитою князей и дворянъ милиціи, онъ полюбопытствовалъ сдѣлать рекогносцировку прибрежья, по той простой причинѣ, что ему еще въ жизни не довелось никогда видѣть море. Поѣхали и пріѣхали къ самому берегу. Князь Иванъ Малхазовичъ взглянулъ вдаль и, не открывъ ничего на горизонтѣ, съ неподдѣльнымъ изумленіемъ громогласно замѣтилъ:

— Ого, уже какое большое и того берега, уже, не видно!

10-го марта получены были двѣ свѣжія и очень важныя новости: первая о разрывѣ Россіи съ Англіей и Франціей, а вторая, какъ бы послѣдствіе первой, отъѣздъ съ Кавказа главнокомандующаго, князя Михаила Семеновича. Вотъ тебѣ и адъютантство!

Оба свѣдѣнія эти привезъ намъ самъ Нико Эристовъ, адъютантъ свѣтлѣйшаго, третьяго дня выѣхавшій изъ Тифлиса, послѣ того какъ окончательно откланялся и распростился съ маститымъ своимъ генераломъ.

Предстоятъ громадныя измѣненія во всемъ. Вести борьбу съ французами, англичанами и турками не такъ-то легко, какъ предполагалось при объявленіи войны одной пошатнувшейся Оттоманской имперіи.

Библиотека "Руниверс"

Много вѣстниковъ съ театра войны начало являться къ намъ. Такъ на два дня пріѣзжалъ генералъ Багговутъ изъ Александропольскаго отряда. Интересно разсказывалъ онъ о дѣлахъ Баяндурскомъ и особенно Башкадыклярскомъ. Наканунѣ послѣдняго сраженія князь Бебутовъ, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, ранѣе обыкновеннаго легъ въ постель, отдавъ приказаніе ночью его не безпокоить, хотя съ вечера были получены свѣдѣнія о намѣреніи турокъ сдѣлать наступленіе на нашу позицію. Въ полночь лазутчики привезли свѣдѣнія, что турки снялись съ лагеря и готовы къ движенію, а два часа спустя прибыли и другіе съ предупрежденіемъ, что непріятель со всѣми силами своими уже на пути къ Башкадыкляру. Начальникъ штаба Александропольскаго отряда, князь А. И. Барятинскій, не безпокоя больнаго князя Василія Осиповича, самъ отъ себя извѣстилъ начальниковъ частей о полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ, но, не увѣренный въ ихъ справедливости, войскъ отряда еще не безпокоилъ, и весь лагерь спалъ крѣпкимъ сномъ. На разсвѣтѣ, не лазутчики, а казакъ съ передоваго поста, расположеннаго за полверсты отъ лагеря, прискакалъ доложить въ штабъ отряда, что съ кургана слышно движеніе наступающаго непріятеля. Князь Барятинскій, отдавъ войскамъ приказаніе строиться, послалъ разбудить начальника отряда, а самъ, схвативъ нѣсколько сотенъ казаковъ, пустился къ кургану лично удостовѣриться въ справедливости тревожныхъ слуховъ. Но не успѣлъ еще князь доѣхать до аванъ-постовъ, какъ увидѣлъ, что полсотня казаковъ, занимавшихъ курганъ, быстро съ него спускается и стремительно отступаетъ въ лагерь. Разгадка стала очевидною: на курганѣ уже гарцовали всадники въ красныхъ фескахъ, занявшіе высоты передъ нашимъ лагеремъ прежде, чѣмъ успѣли наши войска построиться въ боевой порядокъ. И это-то сраженіе, начавшееся при такихъ невыгодныхъ для насъ условіяхъ, противъ непріятеля, въ трое насъ сильнѣйшаго,—окончилось полнымъ пораженіемъ врага. Турки, къ вечеру того дня, потерявъ артиллерію и весь обозъ, искали спасенія въ бѣгствѣ, усѣявъ путь безпорядочнаго отступленія безчисленнымъ количествомъ труповъ.

Александръ Ѳеодровичъ Багговутъ, герой польской кампаніи, въ которой онъ подъ Остроленкой поплатился кускомъ собственнаго черепа, красавецъ собой, съ мужественно-воинственною физіономіей, пользовался общею извѣстностью выдающагося кавалерійскаго генерала и назначенъ былъ начальникомъ кавалеріи въ отрядѣ князя Бебутова. Сюда онъ прибылъ по своимъ частнымъ дѣламъ и на другой день долженъ былъ ѣхать обратно. О князѣ Воронцовѣ онъ не только подтвердилъ свѣдѣнія, но даже читалъ въ Тифлисѣ прощальный приказъ его свѣтлости по войскамъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, съ передачей командованія ими гене-

Библиотека "Руниверс"

ралу Реаду. На этихъ дняхъ князь Михаилъ Семеновичъ оставляетъ Тифлисъ и направляется прямо въ Дрезденъ, такъ какъ разстроившееся здоровье его требуетъ заграничнаго пользованія. Изъ свиты его большинство откомандировано въ разные отряды, а нѣкоторые отчислились отъ должностей съ назначеніемъ въ строевыя части: князь Сергѣй Васильчиковъ принялъ Графскій, то-есть Ширванскій полкъ, Дондуковъ отчисленъ въ нижегородскіе драгуны, Меллеръ—въ Эриванскій полкъ, Лисаневичъ—въ стрѣлковую бригаду, Ермоловъ (Северъ) назначенъ адъютантомъ къ московскому генералъ-губернатору, Ростиславъ Давыдовъ отчисленъ въ свой полкъ, Минквицъ будетъ назначенъ губернаторомъ, Ираклій Грузинскій переименовывается въ гражданскій чинъ и проч., и проч. Словомъ, весь блестящій штатъ свиты его свѣтлости разсѣялся по бѣлу свѣту, и даже князь Дмитрій Святополкъ-Мирскій уходитъ въ одинъ изъ полковъ 20-й пѣхотный дивизіи.

Въ воздухѣ запахло порохомъ. Всѣхъ толковъ слишкомъ тревожнаго свойства не перечтешь. Западныя державы еще сами ничего пока не предпринимали и за Дунаемъ успѣха не было никакого, осада Силистріи не подвигалась... Всѣ какъ-то пріуныли и потеряли увѣренность въ несокрушимую свою силу. Грустно убѣждаться на дѣлѣ, какъ быстро у насъ мѣняется настроеніе: то мы шапками весь міръ закидаемъ, то чуть... при одномъ извѣстіи, что французы и англичане хотятъ пожаловать къ намъ въ гости.

На Пасху пріѣхалъ къ намъ князь С. М. Воронцовъ прямо изъ Петербурга по высочайшему повелѣнію осмотрѣть расположеніе Гурійскаго отряда. Его свѣтлость, вмѣстѣ съ князьями Андрониковымъ и Гагаринымъ и обоими штабами, объѣхалъ всю позицію нашихъ войскъ, причемъ князь Семенъ Михайловичъ, особенно любезно привѣтствуя родныхъ своихъ куринцевъ, поздравилъ ихъ со скорымъ свиданіемъ съ товарищами 1-го баталіона. Вечеромъ, послѣ долгихъ таинственныхъ совѣщаній у начальника отряда, князь Воронцовъ сообщилъ мнѣ о принятомъ рѣшеніи, будто бы по его настоятельному требованію, бросить Озургеты и отступить отряду во внутрь страны къ р. Ріону. Мѣра эта, по мнѣнію его свѣтлости, была крайне необходима и вызывалась опасностью быть отрѣзанными непріятелемъ, который въ самомъ непродолжительномъ времени намѣренъ большими силами произвести натискъ отъ Батума, въ обходъ нашего отряда, къ Кутаису.

Итакъ, приказомъ по отряду мы 21-го выступаемъ изъ Озургетъ на соединеніе съ 1-мъ баталіономъ, уже отправленнымъ изъ Александрополя къ намъ въ западный отрядъ.

25-го утромъ подошли мы къ Ріону и на противоположномъ берегу широкой рѣки увидѣли своихъ однополчанъ, которые еще наканунѣ прибыли сюда изъ Кутаиса и здѣсь ожидали насъ съ хлѣбомъ и солью. Я думаю, не у меня одного, при переправѣ че-

Библиотека "Руниверс"

резъ Ріонъ на паромѣ учащенно бился пульсъ отъ нетерпѣнія скорѣй обнять друзей, ратныхъ братьевъ своихъ.

Стоянка наша первоначально была около селенія Усть-Цхени-Цхале, давнишній пунктъ осѣдлости всѣхъ водворенныхъ здѣсь скопцовъ изъ Россіи. На видъ какъ мужчины, такъ и женщины, очень жалкой наружности, худые, желтые и старообразные, но въ матеріальномъ отношеніи очень зажиточные и исправные. Хозяйство ихъ въ цвѣтущемъ положеніи, и нигдѣ мы не находили столько предметовъ продовольствія, какъ у нихъ. Но вотъ мы очутились на Чехатаурскихъ высотахъ. Игра въ шашки началась: то мы въ поддавки играли и турка пропускали въ дамки, то опять начинаемъ партію въ крѣпкую и лѣземъ куда-то. Системы и плановъ дѣйствія не замѣчалось. А тутъ еще въ берлогѣ два медвѣдя не могли ужиться. Возникли всякія пререканія и шпильки между двумя штабами Ахалцихскаго и Гурійскаго отрядовъ, и хотя серьезной ссоры между Гагаринымъ и Андроникovымъ не произошло, но, тѣмъ не менѣе, по неволѣ примѣняешь пословицу, что «когда бары дерутся, то у хлопцевъ чубы болятъ».

Мы хотѣли сперва заманить къ намъ турецкія силы на открытую плоскость, имѣя предъ собою въ видѣ обороны широкую рѣку. Для достиженія этого мы пожертвовали многимъ, не только Озургетами, но всею Гуріей и взорванными на воздухъ укрѣпленіями по всей Черноморской береговой линіи, оголили Мингрелію и предоставили Сухумскій отдѣлъ собственной защитѣ. Затѣмъ, простоявъ почти мѣсяцъ въ бездѣйствіи, двинулись опять таки назадъ, то-есть туда, гдѣ мирно и спокойно стояли мы до прибытія князя С. М. Воронцова.

А пока мы шли, много еще мытарствъ пришлось вытерпѣть. Подходили мы къ Зугзидамъ, резиденціи владѣтельной княгини Мингрельской, переправлялись по горло въ водѣ черезъ рѣку Циву, дѣлали ходы направо, налѣво и назадъ, стали на большой дорогѣ къ Редутъ-Кале и черезъ сутки убѣжали назадъ, на пути разъединившись по частямъ. Главныя силы ума, распорядительности и власти, то-есть штабы съ начальниками отрядовъ, вернулись за Ріонъ, на старое пепелище; семь баталіоновъ съ артиллеріей и частью кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бруннера, поставлены здѣсь на Чехатаурскихъ высотахъ, въ 30-ти верстахъ отъ Ріона, по направленію къ Озургетамъ; а два баталіона— одинъ нашъ первый и одинъ Литовскій, подъ командой Нико Эристова, брошены въ Ланчхутскомъ ущельѣ, на западѣ, верстахъ въ 20-ти отъ Ріона.

Съ послѣдними-то и поѣхалъ я какъ-то повидаться. Швахгеймъ и Борисовъ, очень дружные между собою, держали общее хозяйство и жили вмѣстѣ въ одной палаткѣ. Радушный, милый и всегда веселый Иванъ Петровичъ Борисовъ лѣзъ изъ кожи, чтобы каждаго

Библиотека "Руниверс"

изъ гостей угостить и приголубить. Я на столько увлекся его разсказами о житьѣ-бытьѣ въ ихъ лагерѣ, о забавныхъ выходкахъ ихъ начальника Нико, объ образѣ жизни товарищей и наконецъ о личныхъ его заботахъ и трудахъ по кулинарному вопросу, что не обратилъ вниманія на угрюмое расположеніе Швахгейма. Обѣдъ кончился, и по приглашенію хозяевъ оставили душное помѣщеніе въ палаткѣ, чтобы занять въ нѣсколькихъ шагахъ, подъ тѣнью гигантскаго чинара, лежачее положеніе на раскинутыхъ коврахъ и буркахъ. Обычный кофе и коньякъ сыграли роль свою, когда стали собираться къ намъ братья по мундиру, и черезъ четверть часа оказались на лицо почти всѣ офицеры 1-го баталіона. Явилась почтенныхъ размѣровъ посудина съ кахетинскимъ виномъ и непремѣнный въ торжественныхъ случаяхъ турій рогъ. Боринька ушелъ спать, а насъ осталось въ горизонтальномъ положеніи девять человѣкъ: Швахгеймъ, Мацкевичъ, два Хилинскихъ, кн. Урусовъ, Саверинъ (пріѣхавшій сюда еще наканунѣ), Воецкій, баронъ Розенъ и я.

Разговоръ какъ-то не клеился, и я съ изумленіемъ замѣтилъ у всѣхъ вытянутыя лица. Осушивъ первымъ и не безъ стараній цѣлый турій рогъ, въ полторы бутылки вина, я налилъ его и передалъ сосѣду справа, Швахгейму.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—сегодня я не стану пить.

— Почему это?—спросилъ я, не мало удивленный, такъ какъ зналъ лучше другихъ постоянную жажду моего друга.

— Мнѣ что то не по себѣ,—сквозь зубы процѣдилъ Егоръ.

Я взглянулъ на него и испугался. Энергическое, а вмѣстѣ и добродушное, лице его было блѣдно, глаза горѣли и губы подергивались.

— Что съ тобой, Егоръ, ты боленъ?

— Нѣтъ, пока здоровъ, а вотъ прошлою ночью я видѣлъ сонъ, и мнѣ не сдобровать,—рѣшительно выговорилъ Швахгеймъ.

— Ты ли говоришь это, когда я всегда слышалъ отъ тебя, что всѣ предчувствія—бабьи глупости и болѣзненныя причуды?

— Прежде—да, а теперь вотъ чувствую, что меня скоро убьютъ, оставь меня, ради Бога.

Ошеломленный, я съ досадой отвернулся и предложилъ рогъ Мацкевичу.

— Нѣтъ, меня тоже увольте.

— Да, что вы тоже сонъ видѣли?

— Сонъ не сонъ, а наяву отчетливо и ясно видѣлъ, что она зоветъ меня.

— Кого, ее, вы видѣли?

— Да смерть мою!

— Фу, ты пропасть, что за блажь васъ обуяла сегодня,—раздраженно замѣтилъ я, въ душѣ убѣжденный, что Мацкевичъ по

Библиотека "Руниверс"

страсти рисоваться и сегодня хочетъ разыграть роль фаталиста Лермонтова.

— Господа Урусовъ, Саверинъ, Хилинскіе, Воецкій, Розенъ, выручайте меня и не заражайтесь примѣромъ, давайте пить, пѣть и веселиться! — крикнулъ я, но въ отвѣтъ увидѣлъ только растерянныя физіономіи и на столько странное выраженіе лицъ, что я сталъ уже сомнѣваться въ томъ, что они играли комедію, но, тѣмъ не менѣе, вскочилъ на ноги, бросился въ палатку, разбудилъ сладко заснувшаго Боринькy и, изливъ предъ нимъ все негодованіе на бабью команду, пригласившую меня на какія-то поминки, точно въ насмѣшку надо мной, закричалъ Вавилѣ подать мнѣ лошадь; не простившись ни съ кѣмъ, вскочилъ на Али и въ карьеръ умчался изъ Ланчхутскаго лагеря.

Это было 25-го мая, а въ ночь на 27-е насъ разбудили извѣстіемъ изъ Ланчхута. Наканунѣ утромъ громадная масса турокъ обходнымъ движеніемъ обрушилась на нашихъ. Бой былъ страшный. Побѣда за нами, но досталась недешево: убиты Швахгеймъ, Урусовъ, Хилинскій и безъ вѣсти пропалъ баронъ Розенъ. Нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя 1-го батальона 240 человѣкъ. 29-го мая прибыли князья Андрониковъ и Гагаринъ со штабами и поспѣшно начали стягивать всѣ войска обоихъ отрядовъ. Предстояло движеніе впередъ и бой на смерть. Отрицая прежде на землѣ все сверхъестественное и труднообъяснимое для моего слабаго разума, я не допускалъ мысли о возможности внутренняго, невидимаго, непонятнаго общенія нашего съ Божествомъ, но необычайное явленіе 25-го мая глубоко врѣзалось мнѣ въ память и потрясло всѣ ложныя во мнѣ пониманія. Почему изъ десяти собравшихся людей, какъ только одинъ удалился спать, восемь сразу заговорили о смерти, а десятый, я, даже подъ давленіемъ заразительнаго вліянія окружающихъ, одинъ не поддался этимъ непонятнымъ ощущеніямъ?!

Тѣло Розена было найдено среди груды мертвыхъ на полѣ сраженія около с. Нагаиты.

Итакъ, 29-го, мая на Чахатаурскія высоты прибыло все начальство, а 30-го войска. Была дневка, и на 2-е іюня назначено съ утра выступленіе на Озургеты, по слухамъ, уже занятые турками. Въ числѣ собравшихся на нашъ бивуакъ, мы встрѣтились съ барономъ Майделемъ, уже генералъ-маіоромъ, и съ Константиномъ Христофоровичемъ Мамацевымъ, назначеннымъ къ намъ начальникомъ артиллеріи. День 1-го іюня прошелъ оживленно; забѣгалъ и Мазараки, который не преминулъ разсказать свѣженькій анекдотъ о нашемъ начальникѣ отряда.

За три дня до выступленія главной квартиры съ берега Ріона, во время обѣда, въ столовой палаткѣ у князя Андроникова, вошедшій унтеръ-офицеръ ординарецъ шепнулъ на ухо Н. С. Маза-

Библиотека "Руниверс"

раки и вызвалъ его за собою. Когда черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, князь Иванъ Малхазовичъ, замѣтившій его отсутствіе, съ любопытствомъ спросилъ:

— Уже, что такое случилось?

— Слышна артиллерійская канонада, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Мазараки.

— Уже, съ какой стороны?

— Съ западной,—объяснилъ тотъ.

— Уже, странно! Кто же въ той сторонѣ можетъ стрѣлять?—въ недоумѣніи соображалъ генералъ.

— Я полагаю,—сказалъ Мазараки:—что это союзный флотъ бомбардируетъ Редутъ-Кале.

— Какъ Редутъ-Кале? Уже, что вы мнѣ говорите, подполковникъ, редутъ Кале! Да знаете ли вы,—уже горячась возразилъ его сіятельство,—что отсюда до Редутъ-Кале болѣе 100 верстъ, уже?

— Я знаю, ваше сіятельство, но по рѣкѣ слышится очень далеко, а къ тому же по линіи звука и ближе.

— Уже, какъ вы смѣете шутить!—внѣ себя, вскочивъ со стула, закричалъ Андрониковъ, — уже, про какую линію звука вы толкуете? Здѣсь до самаго моря непроходимыя болота, трясины и канавы, что, уже, ни конный, ни пѣшій не пролѣзетъ, а по вашему тутъ пройдетъ какая-то линія звука. Уже, прошу васъ, господинъ офицеръ генеральнаго штаба, твердо запомнить, что вашъ ученый, уже, кантъ не даетъ вамъ права дерзко смѣяться надъ вашимъ, уже, начальствомъ.

Утромъ 2-го іюня, тотчасъ послѣ утренней зори, ударили сборъ, а въ 5 часовъ отрядъ уже вытянулся по склону Чахатаурскихъ горъ въ равнину, по дорогѣ къ Озургетамъ.

В. Полторацкій.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1].

XVI.

Движеніе отряда къ Озургетамъ. — Приготовленія къ сраженію. — Приближеніе къ рѣкѣ Чолоку. — Турецкій лагерь. — Чолокское сраженіе. — Взятіе непріятельскихъ орудій. — Критическое положеніе. — Перевязочный пунктъ. — Смерть Восцкаго. — Баронъ Реннe и Тыртовъ. — Пѣсенникъ Костинъ. — Старикъ-священникъ. — Побѣда. — Обратное движеніе къ Озургетамъ. — Бревернъ и Кутлеръ. — Баронъ Майдель. — Потери 7-й роты. — Обѣщаніе Георгіевскаго креста.

ОТРЯДЪ нашъ, подъ начальствомъ князя Андроникова, 3-го іюня 1854 года, направлялся къ Озургетамъ, и, по мѣрѣ приближенія, насъ всѣхъ занимала мысль, какъ и гдѣ мы встрѣтимъ турокъ. Версты за двѣ мы увидѣли грозныя укрѣпленія, съ очень крутыми профилями, воздвигнутыя лицемъ къ намъ, при въѣздѣ въ совершенно беззащитный прежде городъ. Но движенія не видно въ нихъ. Подходимъ ближе и ожидаемъ: вотъ-вотъ грянутъ изъ амбразуръ орудія, но вездѣ царитъ мертвая тишина, и непріятеля нѣтъ и слѣда. Въ боевомъ порядкѣ подступаемъ къ самымъ городскимъ воротамъ и убѣждаемся, что городъ оставленъ турками, отступившими въ тотъ самый день, рано утромъ. Наши куринскіе батальоны, шедшіе въ

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 31.

Библиотека "Руниверс"

авангардѣ, были направлены на плоскую возвышенность, ту самую, гдѣ зимой мы стояли бивуакомъ. Здѣсь, въ ожиданіи прихода арріергарда, назначенъ былъ отряду привалъ. Только что успѣли мы составить ружья, а Вавилѣ, моему человѣку, поручено распорядиться самоваромъ, какъ невдалекѣ послышался шумъ и крикъ; бросаюсь туда и застаю драку между людьми моей и 8-й роты. Кто изъ нихъ нашелъ большую палатку, второпяхъ брошенную турками,—неизвѣстно. Но тѣ и другіе, во что бы то ни стало, хотѣли добыть ее для своего командира и прежде, нежели я успѣлъ разобрать споръ, обѣ роты съ торжествомъ волокли, каждая по половинѣ, надвое разорванной, басурманской палатки.

Въ силу аксіомы, что одна половина несравненно болѣе, чѣмъ ровно ничего, мы съ благодарностью приняли этотъ свалившійся съ неба пріютъ для ночлега, а пѣсенники мои тѣмъ временемъ въ одинъ мигъ искусно зачинили въ немъ прорѣху. Видъ неожиданно явившейся на бивуакѣ зеленой, высокой, съ мѣднымъ шаромъ на верху, турецкой палатки привлекъ вниманіе начальства, и князь Андронниковъ, а за нимъ князь Гагаринъ, подъѣхавъ къ намъ, слѣзли съ лошадей и, расположившись на барабанахъ, съ радостью приняли предложенный имъ чай. Былъ четвертый часъ по полудни. Солнце уже не парило и приближалось къ вершинѣ высокой горы, лежавшей около насъ.

— Уже времени-то немного, уже, осталось, а барона Майделя все еще нѣтъ,— проговорилъ князь Андронниковъ, не въ первый разъ взглядывая на часы свои. — Хотѣлось бы уже сегодня покончить съ ними, а то уже, пожалуй, уйдутъ подлецы!—въ раздумьѣ повторялъ онъ.

Прошло еще съ часъ времени. Князь Иванъ Малхазовичъ кушалъ уже третій стаканъ чаю и докуривалъ пятую трубку, когда, наконецъ, показался баронъ Майдель. Прежде чѣмъ обратиться къ нему, князь опять вытащилъ часы и, съ видимымъ сожалѣніемъ проговоривъ: «Нѣтъ, уже теперь поздно!»—сталъ разспрашивать прибывшаго генерала, подтянулся ли весь арріергардъ, и не устали ли люди. На это Майдель отвѣтилъ, что арріергардъ подошелъ весь, и хотя люди не очень устали, а все лучше было бы имъ дать отдыхъ.

— Ну, уже, хорошо! Будемъ, уже, ночевать, а турокъ бить, уже, завтра!—рѣшилъ начальникъ отряда.—Но не надо ихъ, уже, терять изъ виду,—добавилъ онъ.—Нѣтъ ли у васъ расторопнаго унтеръ-офицера, чтобы, уже, послать его съ пикетомъ вонъ на ту, уже, гору?—обратился ко мнѣ князь.

Я вскочилъ съ барабана и увидѣлъ въ ближайшей группѣ солдатъ юнкера Ромарино, котораго и представилъ начальству. Князь Андронниковъ лично отдалъ ему приказаніе сейчасъ же взять трехъ рядовыхъ и съ ними взлѣзть на самую вершину конусообразной

Библиотека "Руниверс"

горы [1]), гдѣ и провести всю ночь, зорко слѣдя за движеніемъ въ непріятельскомъ лагерѣ, который долженъ быть верстъ за 8 отъ Озургетъ, на юго-западъ; а если съ горы лагеря не будетъ видно, то внимательно прислушаться къ турецкимъ выстрѣламъ, сегодня на вечерней и завтра на утренней заряхъ, и обо всемъ, что замѣтитъ, немедленно сообщать по командѣ. Сдѣлавъ это распоряженіе, князь, передъ уходомъ къ своей ставкѣ, отдалъ приказаніе сейчасъ же пригласить всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей къ нему, на военный совѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ мой сожитель, Бреверн [2]), ушелъ, а я закусилъ, чѣмъ Богъ послалъ, и растянулся на постелѣ, устроенной мнѣ на землѣ, въ палаткѣ.

Чего-чего не передумалъ я втеченіе двухъ-часоваго одиночества! Прослѣдивъ мысленно все прошлое въ моей жизни, я вникъ и въ настоящее, но не сумѣлъ вывести что либо опредѣленное... Какія только разнородныя картины боя не представились моему воображенію! На всевозможные лады рисовались передо мной различные моменты сраженія, но—странно! — какъ разъ совершенно не тѣ, которымъ суждено было осуществиться нѣсколько часовъ позднѣе!..

Мечты мои были прерваны появленіемъ рядоваго Савельчука, присланнаго юнкеромъ Ромарино съ донесеніемъ, что непріятельскаго лагеря съ горы не видно, но что явственно былъ слышенъ заревой выстрѣлъ, и именно съ того направленія, куда указывалъ его сіятельство. Отправивъ Савельчука къ Бреверну для доклада полученныхъ свѣдѣній князю Андронникову, я снова предался моимъ думамъ.

Вскорѣ пришелъ Бреверн, довольно спокойный. Пока онъ раздѣвался, я не хотѣлъ, въ присутствіи денщика Іоганна, его разспрашивать о принятомъ рѣшеніи на военномъ совѣтѣ, а онъ самъ молчалъ. Наконецъ, Бреверн повалился рядомъ со мной на землю и затушилъ свѣчу. Въ воздухѣ было тихо, тепло... но на душѣ какъ-то жутко...

— Ну, что?—не выдержавъ долѣе, спросилъ я.

— Мы идемъ на штурмъ впереди всѣхъ,— самодовольнымъ тономъ отвѣтилъ онъ. — Отстоялъ-таки права наши, и спасибо Майделю, онъ поддержалъ меня.

Затѣмъ Бреверн сталъ посвящать меня во всѣ пренія, предложенія и споры всѣхъ участниковъ военнаго совѣта. Много, очень много говорили и соображали всѣ, а особенно господа офицеры генеральнаго штаба. Выраженія: диспозиція, дизлокація, обсервація и демонстрація, встрѣчались, сыпались, путались, мѣшались...

---

[1]) Гора Экадія.

[2]) Батальонный командиръ.

Библиотека "Руниверс"

— Но молодецъ, право, молодецъ,—князь Иванъ Малхазовичъ!— съ увлеченіемъ вставилъ Бреверн.

— А чѣмъ именно?—спросилъ я.

— А тѣмъ молодецъ, что онъ, какъ пароходъ, выпускалъ дымъ, выкуривая трубку за трубкой, и, не обращая малѣйшаго вниманія на всѣ мудрыя разсужденія, далъ вволю наболтаться всѣмъ его окружающимъ, затѣмъ вдругъ всталъ, махнулъ рукой и среди наступившаго молчанія отчетливо провозгласилъ: «Мое, уже, рѣшеніе, завтра съ разсвѣтомъ бить турокъ! А теперь покойной ночи, уже, спать пора!»

Вполнѣ соглашаясь со всею прелестью этого рѣшенія начальства, я обратился тогда къ Бреверну съ вопросомъ, лично касающимся меня и 7-й роты. И тутъ-то мы встрѣтили очень усложненныя препятствія. Приказано было на выѣздѣ изъ города, у самой подошвы высокой горы, на разсвѣтѣ строиться отряду, 3-му батальону куринцевъ впереди, а послѣ того двигаться къ непріятельской позиціи по дорогѣ лѣсомъ. Слѣдовательно, Бреверну предоставлялся порядокъ первоначальнаго построенія ротъ, но тутъ-то и загадка. Если построить батальонъ справа, впереди будетъ 3-я карабинерная, а затѣмъ 7-я, 8-я и 9-я роты. Если построить слѣва, впереди станетъ 9-я рота, а за нею 8-я, 7-я и 3-я карабинерная. Въ колоннѣ въ атакѣ, по уставу, въ головѣ должна стать 8-я рота со знаменемъ, а за нею по полуротно справа 7-я, слѣва 9-я, а сзади карабинерная. Нѣтъ такого построенія, по которому можно было бы 7-ю егерскую роту расположить впереди другихъ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! «Но надо же изобрѣсти его»,—въ одно слово рѣшили мы.—«Qui cherche bien, trouve!» — вскрикнулъ я и предложилъ слѣдующую комбинацію. Батальонъ на указанномъ мѣстѣ построить въ ротныхъ колоннахъ, развернутымъ фронтомъ, поручивъ знамя 3-й карабинерной ротѣ, то-есть поставить посрединѣ три егерскія роты: 7-ю на правомъ флангѣ, а 9-ю на лѣвомъ, 3-ю же карабинерную въ резервѣ за серединою батальона. Послѣ этого, когда двинемся впередъ, то пойдетъ по лѣсной дорогѣ, впереди всѣхъ, 7-я рота, за нею 8-я, 9-я и со знаменемъ 3-я карабинерная. Если по выходѣ изъ лѣса мѣстность въ виду непріятеля позволитъ выстроить фронтъ, то батальонъ станетъ въ тотъ же порядокъ, какъ былъ прежде, если же нѣтъ, то построимъ батальонъ во взводной колоннѣ, причемъ опять въ головѣ будетъ 7-я рота, за нею 8-я, потомъ 9-я и сзади карабинерная. Бреверн признал мое соображеніе удобно примѣнимымъ и, положивъ резолюцію: «быть по сему», пожелалъ мнѣ покойнаго сна.

Черезъ пять минутъ мы оба крѣпко заснули, а черезъ четыре часа, то-есть въ третьемъ часу утра, насъ разбудила свѣча и подносъ съ чаемъ.

Было совершенно темно, когда мы вышли изъ палатки. О лунѣ

Библиотека "Руниверс"

не было уже помина, а заря еще не занималась. Люди, по кавказскому обычаю, пообѣдавъ до разсвѣта, толпились около потухавшихъ огоньковъ; нѣкоторые изъ нихъ, снявъ шапки и обернувшись на востокъ, нашептывая молитвы, набожно крестились. «Въ ружье!»—въ полголоса скомандовалъ батальонный командиръ. Слова его повторились по рядамъ, тѣни быстро зашевелились и вскорѣ замерли въ глубокой тишинѣ. Имѣя въ виду отданное приказаніе выступать отряду безъ малѣйшаго шума, я, не здороваясь съ людьми, проѣхалъ вдоль фронта роты и нетвердымъ отъ волненія голосомъ выразилъ имъ глубокую увѣренность, что они и сегодня, какъ всегда, покажутъ себя истинными молодцами. «Постараемся, ваше благородіе»,—шепотомъ отвѣчали они, но съ такимъ успокоительнымъ убѣжденіемъ и вѣрою въ свои могучія силы, что въ сущности не я ихъ, а они меня въ ту минуту ободрили... Знамя, безъ обычной по уставу церемоніи, а втихомолку, но съ должною торжественностью, было передано въ 3-ю карабинерную роту, а затѣмъ 7-я рота, въ головѣ батальона, двинулась справа по отдѣленіямъ. Въ эту минуту стало свѣтать. Спустившись по отлогости вдоль предмѣстья города, у самой подошвы горы, на которой находился караулъ мой, егерскія роты остановились и молча развернули фронтъ, а карабинеры заняли мѣсто въ резервѣ, за 8-й ротой. Не прошло четверти часа, какъ подъѣхалъ къ рядамъ нашимъ начальникъ отряда. «А что, уже, нѣтъ новыхъ свѣдѣній?»—полушепотомъ спросилъ онъ. Я взглянулъ на гору и, замѣтивъ спускающихся къ намъ четырехъ людей, отвѣтилъ: «Сейчасъ доложу вашему сіятельству»,—и рысью поѣхалъ къ нимъ навстрѣчу, а черезъ минуту передалъ князю Андроникову извѣстіе, что въ непріятельскомъ лагерѣ только что былъ данъ заревой выстрѣлъ. «Ну, уже, слава Богу, не ушли. Значитъ, уже, побьемъ ихъ», — приподнявъ фуражку и крестясь, отвѣтилъ мнѣ почтенный старикъ, но на столько громко, что въ переднихъ рядахъ его прекрасно слышали.

— Уже, уже вашъ батальонъ готовъ?—обращаясь къ Бреверну, спросилъ князь и, получивъ утвердительный отвѣтъ, добавилъ:— ну, такъ, уже, съ Богомъ, маршъ!

Съ перваго же шага, какъ по командѣ, обнажились 650 головъ всего батальона, и широкіе, во всю грудь кресты, возвѣстили восходящему солнцу, что на нехристей тронулась сильная рать православная...

Молча, въ глубокой тишинѣ, вытянулись мы справа отдѣленіями, по узкой дорогѣ, ведущей черезъ густой лѣсъ къ границѣ нашей, рѣкѣ Чолоку. Вызванные мною стрѣлки, съ жаждущимъ особыхъ отличій командиромъ ихъ, княземъ Муцхеловымъ, отдѣлились впередъ, а за ними и рядомъ со мною, въ головѣ 7-й роты, ѣхали Майдель и Бреверн. Прошли верстъ шесть въ непрерывныхъ между нами разсужденіяхъ, приметъ или не приметъ непріятель сраженіе,

Библиотека "Руниверс"

или же, чего Боже упаси, онъ броситъ свою позицію и отступитъ. Изъ словъ Майделя намъ извѣстно стало, что турецкая армія Селима-паши, стоящая передъ нами, численностью въ 35.000 человѣкъ, при 36 полевыхъ орудіяхъ, а мы вели противъ нея пѣхоты съ кавалеріей до 9.000 и 18 орудій, изъ которыхъ одинъ дивизіонъ горныхъ. Пропорціональная несообразность силъ не только никого не смущала, но въ тѣ минуты даже не являлась на умъ, всецѣло занятый единственнымъ сомнѣніемъ: «а ну, какъ турки уйдутъ!».

Ко мнѣ, на бывшемъ моемъ поросенкѣ, подъѣхалъ мой любимецъ, молодой Воецкій. Онъ былъ сосредоточенъ и сумраченъ. Заведя съ нимъ разговоръ совершенно о постороннихъ предметахъ, я коснулся близкаго его отъѣзда въ Петербургъ и порученій, которыя намѣренъ дать ему. Онъ молчалъ, и когда я на него взглянулъ, на его губахъ скользнула не хорошая улыбка... Въ эту минуту изъ лѣса слѣва, полною ходою бѣлаго бачи, нагналъ насъ мой Вавила съ густою связкой крупной и сочной земляники въ рукахъ.

— Не угодно ли ягодъ?—спросилъ онъ.

Я отказался, а Андрюша Воецкій протянулъ къ нему руку со словами:

— Дай-ка мнѣ, Вавила, въ послѣдній разъ полакомиться.

— Полноте грѣшить, Андрей Григорьевичъ, Богъ милостивъ, скушайте на здоровье, а мы еще долго поживемъ съ вами, — возразилъ Вавила, передавая ему весь букетъ ягодъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, меня сегодня хватятъ сюда, — указывая на лобъ, отвѣтилъ Андрюша.

Прошли еще съ версту по извилистой дорогѣ. Внезапно лѣсъ оборвался, и мы, передовые, выѣхали на опушку. Передъ нами разстилалась обширная плоскость, перерѣзанная въ саженяхъ пятидесяти отъ лѣса рѣкою Чолокомъ, а по ту сторону ея гладкою мѣстностью саженъ на 300 или 350, въ концѣ которой, на большой возвышенности, нѣсколько амфитеатромъ стоялъ громадный, по числу палатокъ, непріятельскій лагерь. Картина была прекрасная. Серебристые отблески прозрачной воды Чолока, по обѣимъ сторонамъ рѣки изумруднаго цвѣта обширный лугъ и на горѣ свѣтло-зеленыя палатки, рѣзко вѣдѣляющіяся на темномъ фонѣ густаго лѣса, стоящаго по ту сторону позиціи турокъ,—все освѣщенное ярко-красными лучами восходящаго солнца,—представляли глазамъ дивную панораму. Въ нѣмомъ созерцаніи пріостановили мы лошадей, и сердце у насъ упало. Во вражьемъ лагерѣ была мертвая тишина, и ни одной живой души не было видно. «Ушли»,—была первая мысль, мелькнувшая у всѣхъ. Лица вытянулись съ выраженіемъ досады, негодованія. «Ушли, подлецы!»—громко прервалъ гробовое молчаніе Майдель. «Ушли!»—хоромъ повторили мы. 7-я рота уже выстроилась во взводную колонну, за нею вытянулась 8-я... Въ эту

Библиотека "Руниверс"

минуту на горѣ раздался барабанный бой, тотчасъ же принятый на всѣхъ фасахъ непріятельской позиціи. Какъ въ потревоженномъ муравьиномъ гнѣздѣ зашевелились турки, и безчисленное количество красныхъ фесокъ, выскочившихъ изъ палатокъ, забѣгали по всѣмъ направленіямъ лагеря.

Въ одно мгновеніе лица всѣхъ въ авангардѣ нашемъ просіяли. Не ушли, значитъ—побѣда,—выражалась твердая увѣренность въ глазахъ каждаго. «3-й батальонъ впередъ!»—раздалась оживленная команда Майделя. Я бѣгомъ повелъ 7-ю роту къ рѣкѣ. «За мной, ребята!»—крикнулъ я своимъ молодцамъ и, толкнувъ шенкелями Али, спрыгнулъ въ воду не глубже брюха лошади. Въ эту минуту на горѣ взвился клубъ дыма, и первое ядро съ раздирающимъ воздухъ свистомъ шлепнулось рядомъ со мною, прямо въ рѣку, всего меня окативъ свѣжею водою. Выскочивъ на лѣвый берегъ Чолока, я отвелъ роту саженъ на 50 впередъ и выстроилъ ее опять въ колонну. Непріятельскіе снаряды, съ двухъ фасовъ изъ 16 орудій, направленные на переправу войскъ нашихъ черезъ рѣку, перелетали надъ нашими головами. Бѣглымъ шагомъ догнали и пристроились за мною остальныя роты 3-го батальона. Позиція, нами занятая, была отъ непріятельской приблизительно на 300 или 350 саженъ, но мы стояли на открытой плоскости внизу, а турки за земляными укрѣпленіями на высотахъ, командующихъ всею окружною мѣстностью. Большія выгоды были на ихъ сторонѣ, но... Богъ за насъ, твердо вѣрилось намъ.

Уставивъ глаза на вражій станъ, я увлекся, на сколько позволяло разстояніе, подробнымъ изученіемъ непріятельской позиціи, и безъ помощи подзорной трубы мнѣ удалось отчетливо разсмотрѣть расположеніе лѣваго фаса, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, намъ предстояло брать штурмомъ. На самомъ исходящемъ пунктѣ, въ углу, между лѣвымъ и переднимъ фасами, воздвигнута была батарея на четыре орудія, затѣмъ тянулись ложементы, занятые низамомъ (регулярная пѣхота) въ числѣ двухъ таборовъ (батальоны). Они упирались въ батарею на два орудія (какъ разъ противъ насъ), а рядомъ ложементы и низамъ, не менѣе одного табора; потомъ опять батарея на два орудія и снова ложементы, скрытые здѣсь буфомъ, поросшимъ лѣсомъ, вплоть до задняго фаса укрѣпленной позиціи. Эту наглядную съемку я вскорѣ дополнилъ еще однимъ важнымъ открытіемъ, а именно, что передъ батареей на два орудія, расположенной противъ меня, турки строили на откосѣ другую, какъ бы передовую батарею, но до прихода нашего они не успѣли ее окончить и вооружить, а потому у подошвы ея, подъ самой насыпью, образовалось мертвое пространство. Важность этого обстоятельства, случайно подмѣченнаго мною, впослѣдствіи вполнѣ оправдалась и имѣла громадное для меня значеніе въ самую минуту штурма.

Библиотека "Руниверс"

Сдѣлавъ эти наблюденія надъ расположеніемъ частицы непріятельскихъ силъ только на фасѣ, противъ нашей колонны, я посмотрѣлъ, что дѣлалось у насъ, и увидѣлъ вправо отъ моей роты снятый съ передковъ дивизіонъ горной артиллеріи, а по другую его сторону нашъ 1-й батальонъ, также какъ и мы, во взводной колоннѣ. За каждымъ изъ Куринскихъ батальоновъ на дивизіонной дистанціи стояли въ резервахъ: за 1-мъ батальономъ 1-й же, а за нашимъ 2-ой батальоны Литовскаго полка. Этими четырьмя батальонами, или штурмовой колонной, какъ ихъ назвали потомъ, командовалъ генералъ-маіоръ баронъ Майдель, взявшій отъ насъ къ себѣ въ ординарцы земляка своего, барона Ренне, и все время находившагося при 1-мъ батальонѣ Момбели. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ остальныя части, еще только дефилирующія изъ опушки лѣса. Онѣ подъ командой генерала Бруннера вытягивались правымъ плечомъ впередъ и, не переходя Чолока на нашу сторону, направлялись влѣво отъ насъ, занимать позицію противъ передняго фаса непріятельскаго укрѣпленія. Тѣмъ временемъ турки стали сосредоточивать свой артиллерійскій огонь не по передвигающимся вдалекѣ войскамъ Бруннера, а по нашимъ батальонамъ, недвижимо ставшимъ отъ нихъ въ трехъ-стахъ саженяхъ. На пять выстрѣловъ со стороны непріятеля горный дивизіонъ едва успѣвалъ отвѣчать однимъ, да и то сравнительно слабымъ, такъ какъ по малому калибру орудій всѣ гранаты далеко не долетали до назначенія и безвредно разрывались на воздухѣ. Адскій свистъ турецкихъ снарядовъ съ первой же минуты живо воскресилъ въ моей памяти 15-ое февраля 1851 года. Но здѣсь оказалось несравненно лучше и хуже! Лучше оно было тѣмъ, что масса снарядовъ, летѣвшихъ на насъ непрерывнымъ букетомъ, на столько оглушала, что напряженные нервы притупились и не могли поддаваться мучительному испытанію при ожиданіяхъ единичныхъ снарядовъ, а хуже оно было по существенному вреду, который наносили они опустошеніемъ въ рядахъ нашихъ. Страшная обстановка разрушительнаго дѣйствія артиллеріи стала наглядно заявлять себя съ самаго начала боя. Шлепнуло ядро, какъ мягкое тѣсто; оборачиваюсь на раздирающій душу стонъ и вижу почти цѣлый рядъ, пятый съ лѣваго фланга, скошенный однимъ махомъ. «Прими вправо!»—вырывается изъ пересохшаго горла неизбѣжная команда. Не успѣли еще вырванныхъ жертвъ оттащить за фронтъ, какъ раздался оглушительный трескъ, за нимъ безконечный шумъ и удары, и въ густомъ, непроницаемомъ дыму отчаянные крики, вопль и стоны. Что такое? Турецкая граната ударила въ нашъ зарядный ящикъ горнаго дивизіона и, взворвавъ его на воздухъ, послала кругомъ до ста мучительныхъ смертей!... Ядра и гранаты, смѣняясь каждыя 10, 15 секундъ, неслись на насъ, на лету пересѣкая дорогу, обгоняя другъ друга и всюду поражая смертью или

Библиотека "Руниверс"

ужаснѣйшимъ увѣчьемъ... Минуты жестокихъ нравственныхъ испытаній тянулись неимовѣрно долго. Сосредоченно и недвижимо стояли нижніе чины. Улыбки, не только шутки, среди нихъ подмѣтить было не возможно. Строгія физіономіи ихъ ясно говорили, что они глубоко сознаютъ все величіе переживаемыхъ минутъ. Офицеры, тоже молча, переминаясь съ ноги на ногу, стояли на флангахъ своихъ взводовъ, угрюмо приглядываясь къ рѣдѣющимъ въ нихъ рядамъ. Впереди, противъ средины роты я стоялъ, какъ истуканъ. Али поминутно прижималъ свои красивыя уши, фыркалъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ; нѣсколько разъ, когда слишкомъ близко отъ него пролеталъ снарядъ, дѣлалъ неожиданныя лансады въ сторону. Рядомъ со мной стоялъ на сѣромъ кабардинцѣ Бревернъ. Можно было замѣтить судорожныя поддергиванія на сухомъ лицѣ его и двѣ слезинки, выступившія на глазахъ, на нижнихъ рѣсницахъ, отъ усиленнаго напряженія и внутренней борьбы. Онъ упорно молчалъ, видимо стараясь одолѣть неумѣстныя конвульсіи въ скулахъ.

«Шлёпъ!»—особенно рѣзко и очень близко отъ насъ хватило ядро. Быстро обернувшись, я еще успѣлъ уловить взглядомъ разлетающіяся радіусомъ части человѣческаго тѣла... На этотъ разъ снарядъ ударилъ въ самую средину туловища рядоваго Рябова и, въ прахъ покончивъ съ нимъ, оторвалъ по одной рукѣ обоимъ сосѣдямъ его, пѣсенникамъ Костину и Малюкову. Окровавленныхъ потащили назадъ на ампутацію, а отъ Рябова на его мѣстѣ остались какіе-то безобразные клочки, обутые въ оба сапога его...

Моряки говорятъ: «Тотъ не молился Богу, кто въ бурю не былъ въ морѣ!» Это, быть можетъ, справедливо, но если бы они стали на наше мѣсто, то, не знаю, не предпочли ли бы они привычную имъ борьбу со стихіями? А во всякомъ случаѣ усерднѣе и теплѣе ли насъ стали бы они возносить мольбы Творцу Небесному?..

Тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ забили по моимъ часамъ въ 5 часовъ 50 минутъ; теперь было ровно половина седьмаго, значитъ прошло всего 40 минутъ, показавшіяся намъ цѣлою вѣчностью. Нетерпѣнье идти впередъ, покончить такъ или иначе, достигало высшихъ предѣловъ; но арріергардныя войска наши все еще тянулись изъ лѣса.

Рядомъ со мною, страждущимъ убійственнымъ бездѣйствіемъ, въ десяти шагахъ, съ увлеченіемъ работалъ лихой артиллеристъ, красивый брюнетъ, Молоствовъ. Прыгая, какъ левъ, отъ одного орудія къ другому, онъ самъ быстро наводилъ ихъ, энергично распоряжался и, съ увлеченіемъ командуя расторопною прислугой, старался по мѣрѣ силъ изъ дѣтскихъ орудій своихъ нанести возможный отпоръ непріятелю. Вотъ подскочилъ онъ ко второму орудію, проворно у самаго хобота сталъ на одно колѣно и, прикинувъ діопетръ, началъ черезъ него провѣрять прицѣлъ. Загудѣло непріятельское ядро и, съ ревомъ разсѣкая воздухъ, срѣзало номеръ

Библиотека "Руниверс"

съ банникомъ, поваливъ бездыханный трупъ, поперекъ тѣла орудія. Молоствовъ, въ тотъ моментъ придерживавшій правою рукою діопетръ, не дрогнувъ почти и не мѣняя своей позы, лѣвою рукою спихнулъ съ орудія помѣшавшій къ наводкѣ трупъ убитаго и, еще разъ взглянувъ на прицѣлъ, вскочилъ на ноги и звучно пропѣлъ: «Второе!».

Въ восторгѣ отъ видѣннаго я чуть не бросился съ лошади разцѣловать его... Но въ это время со стороны колонны Бруннера показалась группа скачущихъ къ намъ всадниковъ. Князь Андроникова около насъ сразу осадилъ коня и спросилъ: «Уже, какъ идутъ дѣла?» Бревернъ подвинулъ къ нему лошадь и въ полголоса доложилъ, что жарко и потеря велика. «Ну, уже, сейчасъ можно будетъ идти!»—отвѣтилъ князь Иванъ Малхазовичъ и, давъ шпоры, умчался къ 1-му батальону. Въ это время фельдфебель доложилъ мнѣ, что изъ строя роты вырвало 42 человѣка. Люди сбросили съ себя мѣшки и наострили уши.

Не прошло двухъ минутъ, какъ съ праваго фланга отъ генерала Майделя раздался барабанный бой наступленія. Мы ринулись впередъ.

Увертюра кончилась. Взвился занавѣсь передъ настоящимъ представленіемъ...

Сумѣю ли передать все, что произошло въ знаменательный день 4-го іюня,—не знаю. Долго собирался съ духомъ, попробую.

Съ мѣста бросились нижніе чины во всю прыть, бѣгомъ. Непріятельскій огонь усилился до высшей степени. Всѣ батареи не только лѣваго фаса, но частью и передняго были направлены на батальонъ нашъ. Казалось, не 16, а сто громадныхъ пастей извергали изъ себя чугунъ, въ разныхъ видахъ. За ядрами и гранатами, какъ стаи птицъ, неслись картечные залпы. Въ разсыпную, на бѣгу, люди, стараясь не отставать отъ хвоста моей лошади, поминутно спотыкаясь, падали и не вставали. Среди общаго стремленія и суматохи, уже миновавъ болѣе половины растоянія до непріятельскихъ окоповъ, Али вдругъ грохнулся на землю. Мигомъ соскочивъ съ него, я кинулся впередъ пѣшкомъ, направляясь прямо на помѣченное мною мертвое пространство и, изрядно запыхавшись, достигъ его, однако, прежде всѣхъ. Здѣсь подъ прикрытіемъ насыпаннаго сверху выступа я остановился и, взглянувъ на пройденное нами поле, ужаснулся. Оно буквально усѣяно было бѣлыми точками... Многія изъ нихъ шевелились, напрасно силясь подняться на ноги, и снова падали пластомъ. Почти одновременно со мною прибылъ Бревернъ, а за нимъ подбѣгали отсталые люди мои. Старики, прослужившіе вѣрою и правдой болѣе двадцати лѣтъ, по нѣсколько разъ на Кавказѣ раненые, не могли угнаться за молодыми и, напрягая всѣ силенки свои, тяжело переводя духъ и обливаясь ручьями пота, съ великимъ трудомъ, но, всетаки, достигали того

Библиотека "Руниверс"

благодатнаго уголка, гдѣ намъ казалось, что мы у Христа за пазухой. Передохнувъ минуты двѣ-три, я хотѣлъ лѣзть впередъ и броситься на штурмъ, но Бреверн удержалъ меня въ ожиданіи остальныхъ солдатъ роты. Изъ офицеровъ моихъ на лицо былъ одинъ Хилинскій, а нижнихъ чиновъ около 40, но еще черезъ минуту подбѣжало до 20; вотъ невдалекѣ уже видна красивая фигура Кутлера, и я опять предложилъ Бреверну идти въ атаку, ежеминутно ожидая возможность, что непріятель самъ перейдетъ въ наступленіе и съ горы ударитъ на насъ всѣми силами. На этотъ разъ Бреверн согласился съ моими доводами, и мы вмѣстѣ съ нимъ, впереди 7-й роты, стали подниматься на уступъ. Вскочивъ на гребень, мы сразу очутились не болѣе, какъ 25-ти шагахъ отъ турокъ, встрѣтившихъ насъ залпомъ всей пѣхоты и картечью изъ двухъ орудій. Сѣрый кабардинецъ Бреверна повалился, придавивъ собою ногу длинновязаго сѣдока, и пока онъ успѣлъ освободить ее, я, по волѣ Провидѣнія оставшись цѣлъ и не вредимъ, съ быстротою молніи ринулся на батарею и въ изступленіи, не обративъ вниманія на окружающаго непріятеля, обѣими руками ударилъ по двумъ орудіямъ, громко провозгласивъ: «вотъ онъ, Георгіевскій крестъ!» Но это увлеченіе сошло мнѣ безъ пагубныхъ послѣдствій только потому, чте по пятамъ моимъ стѣною лѣзла горсть удальцевъ 7-й роты. Съ невыразимымъ восторгомъ увидѣлъ я отважную, чисто геройскую работу этихъ славныхъ людей, въ одинъ мигъ переколовшихъ штыками всю артиллерійскую турецкую прислугу и грудью бросившихся на ложементы. Низамъ не выдержалъ, дрогнулъ и побѣжалъ. Въ то самое время, когда я бралъ первую батарею, Кутлеръ съ 8-ю ротою, вскочивъ вслѣдъ за мной на гребень, съ перваго взгляда убѣдился, что тутъ ему поживиться нечѣмъ, а потому повернулъ въ полъ-оборота направо и, не взирая на убійственный огонь цѣлаго табора низама, бросился на слѣдующую батарею, съ которой турки уже спѣшили увезти орудія. Одно успѣло ускакать, а другое, только что взятое на передки, тронулось съ мѣста, когда молодецъ Кутлеръ на длинныхъ ногахъ своихъ наддалъ ходу и, опередивъ запряженное шестерикомъ темносѣрыхъ коней второе орудіе, ловкимъ ударомъ шашки ссадилъ передняго ѣздоваго, чѣмъ и далъ возможность солдатамъ своимъ схватиться за колеса, переколоть прислугу и захватить трофей... Въ минуту штурма я тоже обнажилъ шашку и знаю, что держалъ ее наголо, около взятыхъ орудій, но наносилъ ли ею удары, рѣшительно не помню, хотя мои ребята утверждаютъ и даже присягнуть готовы, что будто бы я изрубилъ нѣсколько человѣкъ турокъ... Но мнѣ кажется, что если судить по запекшейся крови на моей шашкѣ, то она легко могла быть окрашена впослѣдствіи моими собственными средствами... Вотъ, что юнкеръ Леусъ на самой батареѣ поднялъ на штыкъ верзилу турка, уже замахнувшаго надо мной ята-

Библиотека "Руниверс"

ганъ, то хотя я самъ этого въ пылу не видалъ, но всѣ солдаты это подтвердили.

Начало боя было отлично, хорошо, но, увы, еще много предстояло впереди. Низамъ, опрокинутый на лѣвомъ фасѣ, показалъ тылъ и бросился бѣжать черезъ весь лагерь, подъ защиту противоположнаго фаса. Наши егеря на нихъ насѣли и штыками кололи заднихъ безпощадно. На пути преслѣдованія по лагерю мы наткнулись на большую и роскошную палатку Селима-паши, на коновязь съ массою привязанныхъ чистокровныхъ коней, видѣли серебряную посуду, ковры и даже дымящійся кофе утренняго кейфа, но, ни до чего не прикасаясь, перли все впередъ, въ догонку за бѣгущими. Вскорѣ пришлось пріостановить порывы наши. Непріятель на правомъ фасѣ, пропустивъ мимо себя разбитыхъ на лѣвомъ фасѣ, самъ съ барабаннымъ боемъ и со значками впереди стройною стѣною повелъ атаку на насъ, въ ту минуту широко разсыпанныхъ по лагерю. Минута настала критическая. Бреверна въ строю не видно, Кутлера тоже, а люди всѣхъ егерскихъ ротъ перемѣшались между собою. Но вотъ Руденко. Вмѣстѣ съ нимъ намъ удается сомкнуть роты и, открывъ мѣткій огонь по наступающему низаму, остановить, а затѣмъ дружнымъ ударомъ въ штыки, отбросить его назадъ. Но въ эти тяжелые моменты что-то щелкнуло меня по правой ногѣ такъ сильно, что я едва устоялъ. Подбѣжавшіе ко мнѣ два солдата хотѣли поддержать меня, но я пересилилъ боль сквозной раны пулей и, крѣпко перетянувъ ногу носовымъ платкомъ, отправилъ услужливыхъ людей къ своимъ постамъ. За минуту передо мной раненъ и Хилинскій, остальной офицеръ 7-й роты. Убыль въ людяхъ ежеминутно возростаетъ, а поддержки все нѣтъ и нѣтъ, но, что хуже всего, Бруннеръ мѣшкаетъ атакой съ фронта, и передній фасъ непріятеля, обернувшись къ намъ лицемъ, немилосердно строчитъ насъ съ фланга. Оглядываясь кругомъ себя, я увидѣлъ однихъ лишь турокъ, явно готовящихся снова вести атаку со всѣхъ сторонъ. Положеніе съ ничтожнымъ числомъ людей въ строю становилось очень опаснымъ, а когда турки на угловой батареѣ обернули 4 орудія налѣво кругомъ и стали насъ осыпать картечью съ тыла,—оно стало совсѣмъ невыносимымъ. Нужно было на что нибудь рѣшаться, и я рѣшился: взять съ бою эту батарею. Но когда я сомкнулъ людей своихъ, то оказалось, что у меня подъ ружьемъ не болѣе 35 человѣкъ, и я съ горечью понялъ всю несбыточность моихъ расчетовъ... Но вотъ вижу вправо отъ меня стройно стоящую роту. Сгоряча, забывъ прострѣленную ногу, бросаюсь къ ней и узнаю Пелепейка съ карабинерами.

— Яковъ Дмитріевичъ,—говорю ему:—у меня перебито столько людей, что одинъ сдѣлать я ничего не въ силахъ. Георгія я уже взялъ, а вотъ и вамъ: возьмите ту батарею.

Библиотека "Руниверс"

— Съ великой радостью бы пошелъ, — отвѣчалъ онъ, — но не смѣю. У меня на рукахъ знамя, да къ тому же моя рота осталась единственнымъ резервомъ; литовцевъ за нами нѣтъ, и ихъ не видно.

— Но, голубчикъ, какъ же быть? Вѣдь батарею ту необходимо взять, пока она окончательно не перебьетъ насъ всѣхъ,—горячо доказывалъ я.

— Хотите одинъ взводъ?

— Хочу, хочу, давайте скорѣе!—обрадовался я.

— Прапорщикъ Воецкій, ведите впередъ 3-й взводъ, — приказалъ Пелепейко.

Андрюша, съ блестящими глазами, довольно твердымъ голосомъ скомандовалъ, согласно правиламъ устава, первому полувзводу направо, второму налѣво и проч... Но стало нестерпимо жутко, люди валились, какъ мухи, и я, не дождавшись маневровъ Воецкаго, крикнулъ ему: «поддержите меня!»—и повелъ горсть людей моихъ по направленію батареи. Не сдѣлалъ я десяти шаговъ, какъ пуля ударила и обожгла мнѣ лѣвую сторону живота, я покачнулся, упалъ, но прежде чѣмъ опять подбѣжала ко мнѣ конвойная пара, я уже вскочилъ на ноги и, заревѣвъ «ура», очертя голову, кинулся на угловую батарею. Изъ всѣхъ четырехъ жерлъ своихъ она на 50 шаговъ плюнула въ насъ ближнею картечью, и какъ не уложила всѣхъ, не понимаю. Въ ту минуту я забылъ не только объ раны свои, но я забылъ все, рѣшительно все на свѣтѣ, даже забылъ оглянуться, остался ли кто за мною. Я видѣлъ лишь передъ собою четыре блестящихъ мѣдныхъ пушки и мотавшуюся около нихъ артиллерійскую прислугу въ ярко красныхъ фескахъ. Еще издали намѣтивъ одного съ банникомъ въ рукахъ, я съ ожесточеніемъ, уже въ двухъ шагахъ отъ батареи, занесъ шашку... но, быстро опустивъ руку, завертѣлся волчкомъ и хлопнулся на землю... Солдаты меня подхватили и вытащили изъ ада, но батереи не взяли...

Очнулся я на томъ самомъ спускѣ, который за три четверти часа назадъ мы штурмовали съ Бреверномъ. Теперь осторожно, подъ руки, сводили меня съ горы два рядовыхъ моей роты, а впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ, одинъ поддерживалъ также офицера. Не въ силахъ будучи справиться съ раненымъ, онъ опустилъ его на землю и бросился ко мнѣ на встрѣчу. «Ваше благородіе,—умоляющимъ голосомъ присталъ растерявшійся солдатикъ, — прикажите нарядить мнѣ рабочихъ нести прапорщика».—«Какого прапорщика?»—спросилъ я.—«Воецкаго, ваше благородіе».—«Боже мой! И его не миновала чаша!»—подумалъ я, подходя къ нему. — «Куда вы ранены, Андрюша?» Онъ тяжело хрипѣлъ, но, узнавъ мой голосъ, открылъ глаза и протянулъ мнѣ руку. Схвативъ ее, я повторилъ вопросъ, но онъ не отвѣчалъ. «Должно быть, въ шею, ваше благородіе»,—вмѣшался тотъ же солдатъ 3-й роты. Воецкій за послѣднее время потолстѣлъ, а потому воротникъ сюртука его, растянувъ

Библиотека "Руниверс"

крючки, тѣсно охватывалъ шею. «Разстегните воротникъ»,—проговорилъ я, крѣпко пожимая руку моего любимца. Какъ только воздухъ коснулся перебитаго горла, Андрюша икнулъ, захлебнулся и отдалъ Богу младую душу свою. Крестясь, я зарыдалъ, а солдаты потащили меня далѣе. Послѣдняя рана моя, въ упоръ изъ пистолета, разбила кисть лѣвой руки, всадивъ въ нее пулю и весь зарядъ съ пыжомъ навылетъ. Кровь била ключемъ сильнѣе и больше, чѣмъ изъ прежнихъ обѣихъ ранъ вмѣстѣ. Голова стала кружиться... но я, услышавъ сзади громкіе крики «ура», обернулся, и глазамъ представилась опять угловая батарея. Теперь ее брали карабинеры, и снова бой тутъ закипѣлъ горячій. Куринцы были за ложементомъ въ пяти шагахъ отъ батареи, а Пелепейко съ шашкой наголо у самыхъ орудій, но, видно, съ той стороны подоспѣло туркамъ подкрѣпленіе, и карабинеры быстро отступили. Заколдованная батарея вторично не далась намъ.

Слабость отъ большой потери крови заставляла меня подвигаться очень медленно. Опираясь на двухъ проводниковъ моихъ, я съ великимъ затрудненіемъ передвигалъ ноги, когда случайно сдѣлался свидѣтелемъ потрясающей сцены. Литовскій второй батальонъ Пьера Дембинскаго стоялъ на полъ-пути отъ прежней позиціи къ непріятельскимъ окопамъ и не хотѣлъ идти далѣе. За удаленіемъ куда-то батальоннаго командира, впереди батальона я засталъ У. И. Карганова. Краснорѣчиво, но тщетно убѣждалъ онъ солдатъ идти на выручку куринцевъ, брошенныхъ безъ поддержки въ непріятельскомъ лагерѣ,—литовцы мялись и ни шага впередъ. Каргановъ слѣзъ съ лошади, сталъ передъ батальономъ и громко скомандовалъ: «Батальонъ, дирекція направо, вольнымъ шагомъ, маршъ!»—самъ зашагалъ впереди, но, обернувшись увидѣлъ весь батальонъ недвижимо стоящимъ на мѣстѣ. Я видѣлъ и слышалъ все это, но сначала не повѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ, въ силу мелькнувшаго предположенія, что со мной начались галлюцинаціи, бредъ. Но, увы, все видѣнное мною оказалось не только справедливымъ, но даже слабѣе грустной дѣйствительности, такъ какъ до появленія передъ литовцами Карганова истощалъ напрасно всѣ средства подвинуть ихъ Мазараки.

Въ ту минуту долетѣлъ до насъ отчаянный крикъ: «Барина моего убили, гдѣ баринъ мой?». По голосу я узналъ Вавилу, который чортъ знаетъ откуда, какъ сумасшедшій, не узнавая меня, стремглавъ скакалъ мимо. Его, однако, остановили, ссадили съ лошади, общими силами взвалили меня на сѣдло и, поддерживая съ двухъ сторонъ, повезли къ перевязочному пункту. Черезъ нѣсколько минутъ я потерялъ сознаніе и лишился чувствъ, когда же пришелъ въ себя, то увидѣлъ кругомъ медиковъ и во главѣ ихъ Брашніевскаго.

Не знаю почему, но на первыхъ порахъ почтенный нашъ док-

Библиотека "Руниверс"

торъ не хотѣлъ придать должнаго значенія изувѣченной рукѣ моей и, не приступая къ ея осмотру, исключительно занялся изслѣдованіемъ ранъ въ животъ и ногу. Первоначально распоровъ мой сюртукъ, разрѣзавъ штаны и сапогъ, словомъ оборвавъ на мнѣ все одѣяніе, наложили повязки на животъ и ногу. Дошла очередь до бѣдной руки. Обмывъ кровь и отдѣливъ постороннія вещества, въ видѣ клочьевъ пыжа и частицъ рукава, Брашніевскій, пристально разсмотрѣвъ входъ и выходъ пули, совершенно развороти вшей кости лѣвой руки моей, прозондировалъ насквозь рану.

— Будете рѣзать?—спросилъ я.

— Полагаю, что пока можно обойтись,—отвѣчалъ хирургъ.

— Докторъ,—рѣшительно заявилъ я,—если думаете рѣзать, то рѣжьте сейчасъ, а послѣ я не позволю.

Онъ опять внимательно изслѣдовалъ рану и окончательно рѣшилъ, что можно избѣгнуть ампутаціи. Слава Господу!

Черезъ четверть часа, съ перевязками на трехъ ранахъ, меня уложили на землю, въ ряды нашихъ раненыхъ офицеровъ, которыхъ я засталъ на перевязочномъ пунктѣ въ огромномъ количествѣ. Надъ каждымъ изъ нихъ, для предохраненія отъ солнечныхъ лучей, были устроены изъ свѣжихъ вѣтвей шалашики, изъ-подъ которыхъ раздавались жалобы и стоны. Сосѣдъ мой справа лежалъ на боку, ко мнѣ спиною, и сильно охалъ.

— Кто это?—спросилъ я.

— Я, Ренне,—съ трудомъ отвѣтилъ страдалецъ.

— Куда васъ хватили?—полюбопытствовалъ я.

— О-охъ, плечо разбили!—простоналъ бѣдный нѣмецъ.

— Ваше благородіе!—нагибаясь ко мнѣ, проговорилъ подошедшій солдатъ, — пожалуйте вашу шашку, я пойду, нарублю вамъ лѣса, на холодокъ,—и, не ожидая моего отвѣта, онъ осторожно приподнялъ меня и снялъ съ плеча азіатскую въ серебрѣ шашку, недавно пріобрѣтенную мною у злополучнаго сосѣда.

Послѣ перевязки я чувствовалъ себя хорошо. Правда, раны мои горѣли, но самая теплота эта была не только сносною, но даже пріятною.

— Ренне!—окликнулъ я.—Ренне!

— Was wünschen Sie?—нетерпѣливо отозвался онъ.

— Ist es schon Zeit ein Schnaps zu trinken?— шутя спросилъ я.

— Gehen Sie zum Teufel!—безцеремонно оборвалъ меня нѣмецъ.

Въ эту минуту изъ другаго ряда раненыхъ одинъ сталъ подниматься, упираясь руками на прислуживавшаго ему солдата, и сильно хромая, подошелъ ко мнѣ. Это былъ Тыртовъ.

— Владиміръ Алексѣевичъ,—умильно проговорилъ онъ,—я слышалъ, что вы предлагали закуску, попотчуйте меня, мои запасы всѣ пропали.

Библиотека "Руниверс"

Миша Тыртовъ, молодой офицеръ нашего полка, изъ гвардейской юнкерской школы подпрапорщиковъ, былъ извѣстенъ у насъ завиднымъ аппетитомъ, но, чтобы послѣдній доходилъ до подобныхъ размѣровъ, я никогда не допускалъ; часъ назадъ онъ былъ раненъ при 8-й ротѣ въ обѣ ноги выше колѣнъ навылетъ.

Между тѣмъ Вавила все время возился около меня; вѣроятно, въ хлопотахъ забывъ строжайшее запрещеніе доктора пить воду и мое преслѣдованіе у него этой пагубной для его здоровья страсти, онъ добылъ у фельдшера манерку съ водой и, сидя около меня на корточкахъ, сталъ глотать съ прохлажденіемъ. Я приподнялся и здоровою правою рукой вышибъ у него далеко отлетѣвшую манерку.

— Господи! Ужъ какъ изувѣченъ, а все еще дерется!—съ комической рожей, поднявъ руки къ небу, гнусаво взвылъ Вавила.

— А вотъ и лѣсокъ я нарубилъ вашему благородію,—раздался голосъ солдата, сваливавшаго около меня большую охабку свѣжихъ зеленыхъ деревцовъ.

Я взглянулъ на него и узналъ пѣсенника Костина, усердно втыкающаго у меня прутья въ изголовьѣ.

— Костинъ!—окликнулъ я, сообразивъ, что утромъ, рядомъ съ Рябовымъ, его зацѣпило ядро.—Костинъ, да вѣдь ты раненъ!

— Точно такъ, раненъ, ваше благородіе, да ужъ меня порѣшили!—отвѣчалъ онъ, продолжая возиться у меня за спиною.

— Какъ порѣшили?—ничего не понимая, переспросилъ я.

— Руку-то мнѣ ужъ обрѣзали, ваше благородіе!—улыбаясь сказалъ онъ, показывая при этомъ ампутированную по самый локоть лѣвую руку свою.

— Бога же ты не боишься, Костинъ, бередишь свою руку! — въ изумленіи вскрикнулъ я.

— Ничего, ваше благородіе, надоть теперь о ротномъ командирѣ позаботиться, а что моя рука, она теперь ничего, ваше благородіе!— совершенно спокойно и равнодушно разсудилъ онъ.

Такъ вотъ онъ, солдатъ кавказскій! Ему въ 6 часовъ утра ядромъ оторвало руку, а въ 8 онъ оставшеюся другою рубитъ лѣсъ на холодокъ своему ротному. Ничего такого я не читалъ, не слыхалъ и никогда не воображалъ. Въ исторіи какихъ народовъ можно встрѣтить подобный примѣръ самоотверженія? А Костинъ совершилъ это такъ естественно, просто, будто калачъ съѣлъ. Съ подобными людьми нельзя не творить чудесъ.

Между тѣмъ наше положеніе было далеко не отрадное. Вдали гудѣла канонада и трещала сильнѣйшая ружейная пальба. На перевязочный пунктъ раненыхъ подносили мало, потому что пришло извѣстіе очень грустное: нѣсколько минутъ послѣ отбитой атаки моей, а затѣмъ и карабинеровъ, налетѣлъ дивизіонъ турецкихъ уланъ, въ куски изрубившій всѣхъ раненыхъ нашихъ, а въ числѣ

Библиотека "Руниверс"

ихъ Хилинскаго и Саверина. Первый батальонъ нашъ повелъ на штурмъ самъ Майдель, но не на лѣвый фасъ, рядомъ съ нами, а въ обходъ кустарника, на тылъ укрѣпленной позиціи, и хотя ворвался въ лагерь, но тоже понесъ чувствительныя потери. Убитъ тамъ одинъ Мацкевичъ, а раненыхъ много, и между прочимъ ординарецъ Майделя, баронъ Ренне. Но что всего тревожнѣе, это ужасная неизвѣстность о томъ, что творилось въ ту минуту на полѣ сраженія. Третій батальонъ понесъ такую ужасную убыль въ людяхъ, что удержаться ему одному, въ непріятельскомъ лагерѣ, не представлялось никакой возможности, а на подкрѣпленіе резервами можно ли было разсчитывать, послѣ того, что я лично видѣлъ у литовцевъ? Вправо, въ полуверстѣ отъ перевязочнаго пункта, не участвуя въ бою, спокойно стояла масса милиціи Гурійской, Имеретинской и Мингрельской, въ числѣ до 4.000 человѣкъ, но пронеслись слухи, что и она не идетъ на непріятеля, пока не разъяснится вопросъ: «чья возьметъ?» то-есть другими словами: если наши войска одолѣютъ турокъ, то и милиція бросится помогать пораженію, а если, чего Боже упаси, наши не устоятъ, то и милиція, прославленная подъ Шехветели, кинется добивать насъ. Все это привело въ совершенное отчаяніе тѣхъ, кто еще былъ въ состояніи мыслить и соображать. А время все шло, былъ уже десятый часъ на исходѣ. Слѣва отъ меня на пустое мѣсто положили кого-то, съ обмотанною головою. Всматриваюсь ближе, узнаю князя Муцхелова и слышу его исторію. Какъ только забили наступленіе, и тронулись штурмовыя колонны, онъ пустился бѣгомъ впередъ, конечно, съ предвзятымъ намѣреніемъ первымъ вскочить на батарею, но злая судьба не допустила этого, и гнусное ядро сильно контузило ему правую сторону головы и правую руку. Муцхеловъ упалъ, и его только недавно подняли, принесли и перевязали.

— Капитанъ,—тихо и жалостно проговорилъ онъ,—ради Бога прикажите розыскать моего верховаго коня. На немъ бурка и всѣ вещи мои.

Я поручилъ Вавилѣ отправиться на поиски. Прошло съ четверть часа, и Вавила возвратился, рыдая во всеуслышаніе.

— Что съ тобой?

— Я, я, сейчасъ видѣлъ, я...—будучи не въ силахъ высказаться и заливаясь слезами, бормоталъ онъ.

Наконецъ онъ разсказалъ, что какъ разъ наткнулся на провозимое мимо насъ подбитое орудіе наше, на которое взвалено было тѣло убитаго Андрея Григорьевича Воецкаго. Не зная о его кончинѣ раньше, Вавила былъ жестоко пораженъ. Что касается лошади Муцхелова, то о ней онъ тоже принесъ неутѣшительныя для владѣльца свѣдѣнія: горнистъ 7-й роты, взявшій ее у князя, убитъ, а лошадь неизвѣстно куда дѣлась. Въ это время какъ-то

Библиотека "Руниверс"

громче и отчетливѣе послышались мнѣ со всѣхъ сторонъ стоны, жалобные охи и вскрикиванья раненыхъ. Видно, нѣкоторыхъ уже стали сильно разбирать мучительныя страданія, а другіе просто отходили... Окинувъ взглядомъ все обширное пространство, всплошную занятое шалашами надъ страждущими и умирающими, я увидѣлъ поразительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и высоко-умилительную картину. Старичекъ-священникъ, греко-армянской церкви, сѣдой, съ тонкими чертами лица, съ крестомъ въ рукѣ и запасными св. Дарами черезъ плечо, на четверенькахъ двигался между шалашами. Не миновавъ ни одного шалашика, онъ вползалъ въ каждый и всѣмъ страдальцамъ, именемъ Божественнаго Утѣшителя, благоговѣйно предлагалъ цѣлованіе св. Креста, а умирающимъ читалъ отходныя и пріобщалъ св. Тайнъ. Его глубоко религіозное, полное христіанскаго смиренія лицо, его тихій и мягкій голосъ и безпредѣльная вѣра во всемогущую помощь Божію благотворно повліяли на всѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Когда этотъ представитель на землѣ Спасителя подползъ къ мнимому атеисту барону Ренне, послѣдователь Лютера прильнулъ ко кресту губами и заплакалъ не отъ физической боли, а отъ избытка восторженныхъ чувствъ любви и надежды. Отъ души сожалѣю теперь, что мнѣ не удалось раздвѣдать, кто и откуда былъ этотъ посланный Богомъ служитель Его, который сумѣлъ въ такія минуты вселить столько чистыхъ вѣрованій. Въ эту самую минуту пришла къ намъ счастливая вѣсть. Турки окончательно разбиты на голову и, бросивъ лагерь, всю артиллерію, обозъ, знамена, значки и до 6.000 плѣнныхъ, бѣгутъ къ Батуму. Восторженными, но очень дребезжащими голосами выкрикнувъ «ура», привѣтствовали всѣ раненые давно желаннаго вѣстника. Вскорѣ за нимъ явились подробныя извѣстія о томъ, какъ сраженіе приняло столь блестящій оборотъ. Нашъ 3-й батальонъ, обезсиленный чрезмѣрнымъ урономъ, не могъ одинъ бороться съ наплывающими силами непріятеля и, потерявъ всякую надежду на подкрѣпленіе резервами, отступилъ къ линіи лѣваго фаса, первоначально взятаго имъ штурмомъ. Начальство, также утративъ всякую надежду на мужество литовцевъ, послало въ помощь куринцамъ, на непріятельскій лагерь, Донской № 11 полкъ, а за нимъ конную дружину грузинскихъ дворянъ. Командиръ донцовъ, старый молодецъ-полковникъ Харитоновъ, впереди полка своего влетѣлъ въ лагерь, но моментально вмѣстѣ съ конемъ своимъ сложилъ голову отъ пуль, попавшихъ въ лобъ обоимъ. Со всѣмъ тѣмъ казаки уже ворвались въ укрѣпленный станъ, а вслѣдъ за ними вскочили и дворяне грузинской конной дружины. Одновременно съ этимъ, съ фронта повелъ атаку Бруннеръ, а наконецъ, надумавшись вдоволь, полѣзли и литовцы. Турки, разбитые на всѣхъ пунктахъ, обратились въ постыдное бѣгство, и для ихъ преслѣдованія явилась и пресловутая наша милиція, которая во славу царя и отечества,

Библиотека "Руниверс"

а болѣе наживы ради, ожесточенно начала добивать остатки разстроеннаго непріятеля. Какъ бы ни было, а наша взяла. Не вдаваясь въ критическій разборъ Чолокскаго сраженія, скажу теперь, какъ и тогда: «Великъ Богъ русскихъ!». Вскорѣ прибыли къ намъ отъ 3-го батальона люди, отряженные для устройства намъ носилокъ, но въ числѣ ихъ никого изъ 7-й роты. Было уже около двухъ часовъ по полудни, когда понемногу стали укладывать и поднимать раненыхъ. Въ ту минуту, какъ карабинеры готовились взяться за меня, мнѣ сдѣлалъ визитъ Бревернъ, то-есть его поднесли ко мнѣ. Рана его въ ногу была неопасна. Мы вмѣстѣ тронулись въ обратный путь въ Озургеты. Девяти-верстная дорога отъ Чолока до города показалась мнѣ чрезвычайно длинной. Носильщики, шагая медленно въ ногу, останавливались каждую четверть версты для отдыха или смѣны, а тѣмъ временемъ нескончаемой вереницей обгоняли насъ пѣшіе и конные, всѣ довольные, громко ликующіе. На полъ-пути насъ нагналъ поѣздъ начальства. Князь Андронниковъ подъѣхалъ къ моимъ носилкамъ и пытался заговорить со мной, но я чувствовалъ себя до того утомленнымъ и слабымъ, что ничего не понялъ и не отвѣчалъ ему. Еще до заката солнца шествіе наше втянулось въ Озургетскія улицы; при выходѣ на площадь я услышалъ около себя чье-то распоряженіе нести меня прямо на гауптвахту. Помню, какъ я, не открывая глазъ, соображалъ тогда, недоразумѣніе ли это, или случайность. Вавила, давно ускакавшій впередъ, теперь что-то командовалъ и суетился. Но вотъ всякое движеніе сразу прекратилось, и топотъ тяжелыхъ ногъ солдатскихъ по полу замолкъ. Кругомъ водворилась тишина, я открылъ глаза и увидѣлъ себя на кровати, въ углу большой, но очень сумрачной комнаты. Въ противоположномъ углу лежалъ Бревернъ, а по другую сторону двери—Кутлеръ. Мнѣ страшно захотѣлось спать, но, увы, уже начинало можжить разбитыя кости, и боль ежеминутно усиливалась, въ рукѣ особенно. Всякое помышленіе о возможности сна исчезло, и я, пересиливая страшныя страданія, пробовалъ говорить съ сожителями, которые оба были бодрѣе меня. Кутлеръ былъ раненъ въ руку, выше локтя, пулею, которая затѣмъ пронизала ему и грудь справа налѣво; послѣдняя рана, очень серьезная, казалась легче моихъ на томъ основаніи, что Кутлера перевязали немедленно, я же потерялъ слишкомъ много крови, пока доставили меня на перевязочный пунктъ. Пришелъ офицеръ нашего полка, Борисовъ, усѣлся на кровати Бреверна и подробно сталъ разсказывать дѣянія въ тотъ день 1-го батальона. Явился и Майдель. Честный и храбрый нѣмецъ этотъ, безъ всякихъ излишнихъ фразъ и изліяній, обошелъ наши койки и сердечно порусски, крѣпко пожалъ намъ здоровыя руки. Уже стало смеркаться, когда къ намъ пришли князья Андронниковъ и Гагаринъ, Каргановъ, Мазараки, Девель, Щербаковъ и прочіе чины ихъ штабовъ. Передать

Библиотека "Руниверс"

то, что наговорилъ мнѣ лестнаго и пріятнаго кн. Андронниковъ, я не могу уже потому, что всего не помню. Знаю только, что онъ, нѣсколько разъ обнимая меня, повторялъ слова: «Теперь вы затмили славу Щеголева!»... Опять я вскорѣ забылся, хотя слышалъ хлопанье дверей, шаги и разговоры. Борисовъ, вторично пришедшій къ намъ отъ начальника отряда, передалъ о разрѣшеніи кн. Андроникова барону Майделю, какъ начальнику штурмовыхъ колоннъ, сейчасъ же сдѣлать представленіе 3-го батальона къ Георгіевскому знамени, а Бреверна, Полторацкаго и Кутлера къ Георгіевскимъ крестамъ. Слышалъ я сначала очень довольный голосъ Бреверна, потомъ на нѣмецкомъ языкѣ разсужденія и наконецъ настойчивыя просьбы его объ исходатайствованіи позволенія представить къ Георгію не двухъ, а всѣхъ четырехъ ротныхъ командировъ 3-го батальона. Майдель колебался, но Бреверн выставилъ много вѣскихъ къ тому аргументовъ и, говоря о Руденкѣ, перечислялъ три раны въ грудь, полученныя имъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи.

— Наконецъ, Егоръ Ивановичъ, — съ жаромъ говорилъ Бреверн, — если я прошу небывалыхъ наградъ, то согласитесь, что сегодня за 3-мъ баталіономъ и небывалыя заслуги! Изъ 16 офицеровъ легло 14, а изъ 630 нижнихъ чиновъ болѣе половины.

Майдель ушелъ, обѣщая лично принести отвѣтъ князя Андроникова. Борисовъ добровольно, помимо званія командира роты, принялъ на себя адъютантство обоихъ баталіоновъ, а потому то и дѣло уходилъ и приходилъ съ различными свѣдѣніями, которыхъ обстоятельно, за потерей фельдфебеля, онъ никакъ собрать не могъ. Второпяхъ онъ сообщилъ, что курьеромъ въ Петербургъ съ донесеніемъ на высочайшее имя посылаютъ Нико Эристова, какъ героя Негоитскаго дѣла; что намъ тремъ раненымъ, въ видѣ особаго вниманія, отведена гауптвахта, какъ единственное строеніе въ Озургетахъ, пощаженное турками, что само начальство расположилось въ полуразрушенномъ домѣ, и что пріѣхавшіе сегодня изъ Тифлиса генералъ Грекуловъ (бывшій командиръ, до Сергѣя Васильчикова, Ширванскаго полка) и графъ Сологубъ расположились оба на ночлегъ посреди площади.

— А не знаете ли, Иванъ Петровичъ, зачѣмъ пожаловали сюда эти господа?—спросилъ любопытный Бреверн.

— Грекуловъ для производства инспекторскаго смотра обоимъ Куринскимъ батальонамъ, а гр. Владиміръ Сологубъ, чтобы собрать матеріалы для исторіи настоящей войны въ Азіатской Турціи, порученной ему для составленія по высочайшей волѣ,—отвѣтилъ Боринька, снова убѣгая отъ насъ.

На столѣ горѣли свѣчи, но въ большой и тусклой комнатѣ, съ закоптѣлыми стѣнами, было мрачно. Разбитыя кости въ рукѣ стало ломить невыносимо; чтобы не кричать, я рвалъ зубами простыню.

Библиотека "Руниверс"

— Владиміръ Алексѣевичъ, пришелъ фельдфебель,—возвѣстилъ Вавила, впуская въ дверь пришедшихъ людей.

Прежде чѣмъ я успѣлъ указать унтеръ-офицеру Чечневу на баталіоннаго командира, котораго онъ въ полусвѣтѣ не замѣтилъ, онъ вытянулся молодцомъ и отрапортовалъ:

— Господинъ штабсъ-капитанъ, по 7-й егерской ротѣ все обстоитъ благополучно!

— Благополучно?—съ ироніей спросилъ я.

— Точно такъ, ваше благородіе!—бойко отхватилъ Чечневъ.

— А сколько у насъ потери?

— Вотъ извольте, ваше благородіе, свѣдѣнія! — отвѣтилъ онъ, подавая мнѣ на клочкѣ бумаги рапортичку.

Я ничего не могъ разобрать. Вавила схватилъ со стола подсвѣчникъ и посвѣтилъ мнѣ. Я прочелъ: «Убитыхъ 49, раненыхъ 85, безъ вѣсти пропавшихъ 2, итого 136»... Слезы у меня брызнули изъ глазъ.

— Сколько же осталось? — захлебываясь невольно задалъ я вопросъ.

— Съ кашеварами и хлѣбопекомъ 12 человѣкъ, ваше благородіе,—съ оттѣнкомъ гордости отчеканилъ Чечневъ.

— А кто тамъ еще пришелъ?—со стономъ отъ страшной боли спросилъ я.

— Ефлетора, ваше благородіе!—принявъ на шагъ въ стороны, отрапортовалъ Чечневъ.

Передъ моею кроватью стояли два солдата, съ банниками и пальниками въ рукахъ. Слабая голова моя отказалась понять, въ чемъ дѣло, и для чего они тутъ.

— А вотъ, ваше благородіе, и росписочка адъютанта въ полученіи,—вмѣшался опять Чечневъ, суя мнѣ въ руку какую-то бумажку.

Съ великимъ трудомъ разбираю слѣдующее:

«Іюня 4-го дня 1854 года, дана сія росписка въ томъ, что отъ 7-й егерской роты, Егерскаго князя Воронцова полка, приняты мною двѣ турецкія десятифунтовыя мѣдныя гаубицы, въ чемъ и удостовѣряю своею подписью и приложеніемъ отряднаго штаба печатью.

«Отрядный адъютантъ штаба, штабсъ-капитанъ Щербаковъ».

— Скажите братцы, какъ удалось вамъ привезти орудія начальству?—забывая всѣ боли, съ любопытствомъ спросилъ я.

На этотъ вопросъ Чечневъ наивнѣйшимъ тономъ доложилъ слѣдующее:

— Когда ваше благородіе унесли отъ насъ, мы угловой батареи одолѣть не могли: ужъ оченно насъ мало осталось. Гляжу—изъ унтеръ-офицеровъ я одинъ, остатніе перебиты, а рядовыхъ никакъ семь человѣкъ. Думаю себѣ, куда намъ дѣться. Дай молъ укара-

Библиотека "Руниверс"

улимъ наши утреннія орудія отъ турокъ, да на грѣхъ и отъ нашихъ. Тутъ мы около самыхъ этихъ пушекъ ловко примостились, пока лезервы не подоспѣли и не погнали турокъ изъ лагеревъ. Мимо насъ народу тогда много пробѣгло и къ орудіямъ нашимъ, ваше благородіе, совались, да, нѣтъ, шалишь! Мы имъ прикладами дорогу указали. А опосля я вздумалъ вотъ этого самого ефлейтора, Ермошина, дослать сюда за ранеными лошадьми, онъ, спасибо, живо обернулся, по четыре коня къ орудію запрягли, да сюда и вывезли, а здѣсь ихъ сдали и на всякій случай въ пріемѣ истребовали росписочку отъ начальства.

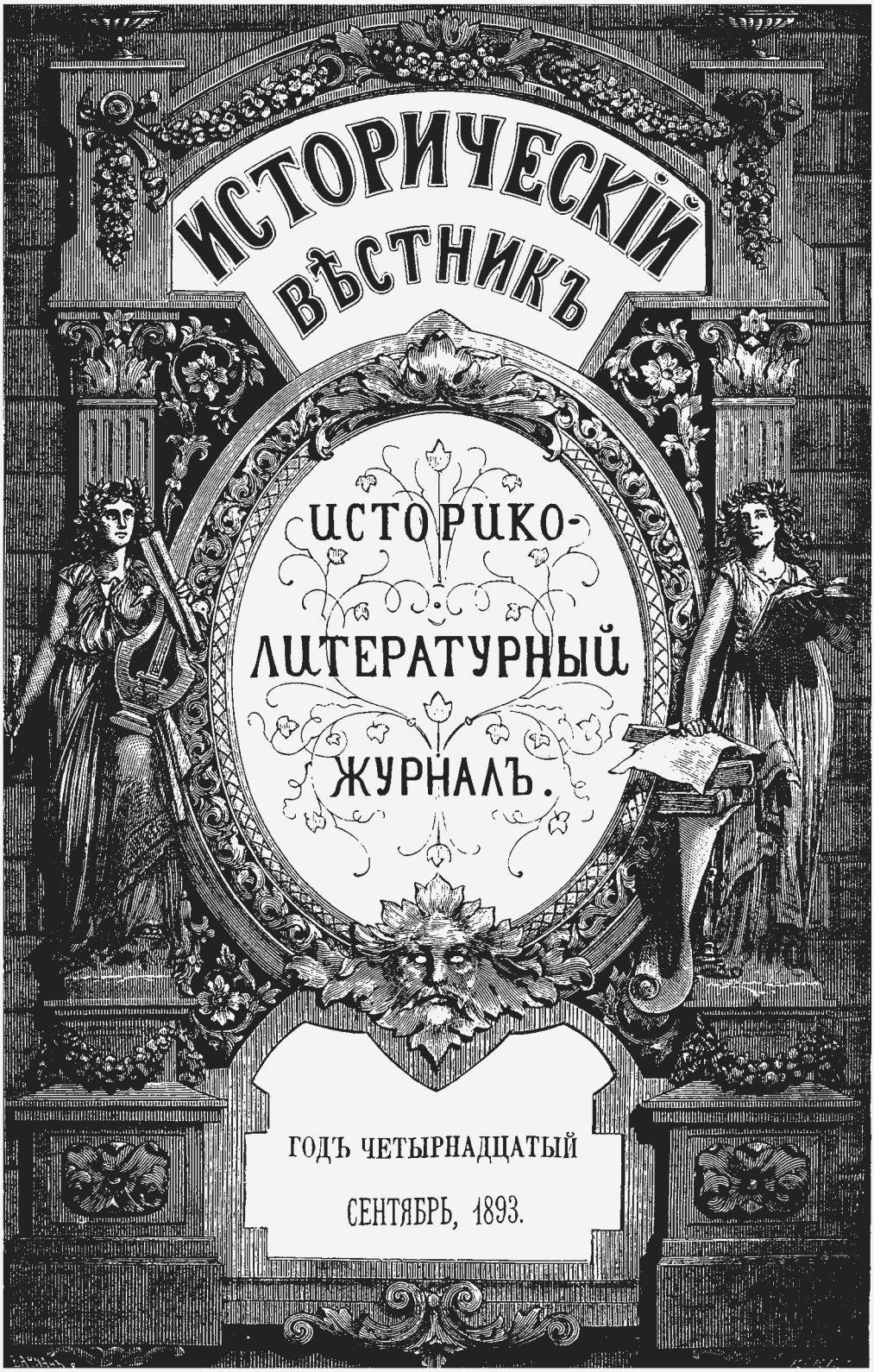
Послѣ отраднаго сообщенія этого не прошло и получасу, какъ на платформѣ послышались шаги, и совершенно неожиданно въ поздній часъ опять ввалилось къ намъ начальство со свитою. Князь Иванъ Малхазовичъ въ неописанномъ восторгѣ разсказалъ о лихой продѣлкѣ нижнихъ чиновъ 7-й роты, какъ за ужиномъ вызвали Щербакова, какъ онъ самъ съ фонарями выходилъ на площадь, къ орудіямъ, какъ унтеръ-офицеръ не хотѣлъ отдать ихъ безъ росписки и проч.

— Уже, послушавъ этихъ молодцовъ, я самъ, уже, приказалъ адъютанту выдать имъ, уже, форменную росписку, а теперь лично хочу еще засвидѣтельствовать вамъ о подвигѣ вашихъ, уже, героевъ, — закончилъ князь. — На ваше представленіе, полковникъ, уже изъявляю согласіе,—обратился онъ къ Бреверну,—съ однимъ условіемъ, проставьте, уже, въ спискѣ не по старшинству чиновъ, а по заслугамъ, и, разумѣется, штабсъ-капитана Полторацкаго, уже, первымъ.

В. А. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1].

XVII.

Страданія отъ ранъ.—Графъ Сологубъ.—Генералъ Грекуловъ.—Отправленіе въ Кутаисъ.—Вниманіе князя Гагарина.—Турманидзе и его истязанія.—Плѣнъ семейства Чавчавадзе.—Высочайшее пособіе.—Побѣда при Кюрукъ-Дара.—Улучшеніе здоровья.—Неожиданная болѣзнь Бреверна.—Отъѣздъ въ Тифлисъ.—Исключеніе меня изъ списка представленныхъ къ Георгіевскому кресту.—Непріятное объясненіе съ княземъ Барятинскимъ.—Благородство Майделя.—Отъѣздъ изъ Тифлиса.—Флигель-адъютантъ Александровскій.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Графъ П. Д. Киселевъ.—Князь и княгиня Воронцовы и ихъ дружеское участіе.—Д. А. Милютинъ.—Великая княгиня Марія Николаевна.—Военный министръ князь В. А. Долгоруковъ.—Генералъ Катенинъ.

ТАКЪ КОНЧИЛСЯ достопамятный въ моей жизни день 4-го іюня 1854 года, и наступила страшно мучительная и длинная ночь на 5-е іюня, въ теченіе которой въ нашей кельѣ стоялъ общій и непрерывный стонъ. Нетерпѣливо дожидался каждый изъ насъ утра, но оно принесло новыя страданія. Въ девять часовъ, на площади, противъ самой гауптвахты нашей, выстроились всѣ войска для молебствія и парада, причемъ было сдѣлано 101 выстрѣловъ артиллерійскихъ. Отъ нихъ застонала земля, зазвенѣли стекла и заплясали наши кровати, но какъ подѣйствовали они на нашу нервную

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 301.

Библиотека "Руниверс"

систему, сказать трудно. Каждый ударъ орудія, потрясая организмъ, вызывалъ такія невыносимыя боли въ разбитыхъ членахъ, что послѣ десятаго выстрѣла ни одинъ изъ насъ уже не могъ воздержаться отъ рыданій и отчаянныхъ стоновъ; и такъ продолжалось до самого окончанія побѣднаго торжества на площади. Въ тотъ день рѣшено было, послѣ дневки въ Озургетахъ, отправить всѣхъ раненыхъ въ Кутаисъ, для чего и приступлено было къ изготовленію носилокъ, но прибѣжалъ Боринька и въ отчаяніи сообщилъ о назначенномъ на тотъ же день инспекторскомъ смотрѣ Грекулова, послѣ солдатскаго обѣда. Въ подобное суетливое время могли ли идти на умъ парады и смотры? Врядъ ли когда нибудь инспекторскій смотръ былъ болѣе не кстати, какъ на другой день послѣ сраженія, вырвавшаго почти всѣхъ офицеровъ и половину наличныхъ людей изъ строя? Въ теченіе дня насъ посѣтила масса знакомыхъ. Пришелъ побалагурить и графъ Владиміръ Сологубъ. Этотъ гость невольно заставилъ на нѣсколько минутъ забыть физическія страданія и вызвалъ улыбки на запекшихся губахъ нашихъ... Безъ умолку, но игриво и забавно, разсказывалъ онъ намъ разный вздоръ въ прозѣ и стихахъ. Повѣствуя намъ о паникѣ, произведенной среди народонаселенія Тифлиса тревожнымъ извѣстіемъ о прорывѣ черезъ границу и наступленіи на городъ громадныхъ полчищъ курдовъ, онъ будто бы на армянскомъ базарѣ успокоилъ волнующіяся толпы жителей импровизированными стихами, которыхъ, къ сожалѣнію, помню лишь окончаніе:

«Если курды и придутъ,—
Не бойся, Грузіи народъ!
Тебя навѣрное спасутъ
Реатъ, Реутъ и Роттъ!»

По поводу своего пріѣзда въ Грузію графъ Сологубъ ожесточенно относился къ враждебнымъ передрягамъ, которыя засталъ между штабами Андронникова и Гагарина. Краснорѣчиво и, конечно, логично выставилъ онъ всѣ невыгодныя послѣдствія этого междоусобія для пользы общаго успѣха на театрѣ войны и тутъ же разсмѣшилъ насъ своимъ экспромптомъ:

«За чьи же прегрѣшенья
Попалъ я въ Кутаисъ,
Гдѣ штабы, до сраженья,
Для пробы подрались?»

Графа Сологуба смѣнилъ вбѣжавшій къ намъ Боринька. Съ веселой, только ему свойственной, улыбкой пустился онъ разсказывать о состоявшемся сейчасъ смотрѣ строгаго педанта Грекулова. Его превосходительство, съ подобающею его чину важностью, изволилъ прибыть на площадь къ выстроеннымъ Куринскимъ батальонамъ. Обойдя фронтъ 1-го батальона, гдѣ у каждой роты спросилъ претензіи, генералъ пѣтухомъ подошелъ къ 3-му баталіону

Библиотека "Руниверс"

и началъ съ строгаго замѣчанія завѣдующему батальономъ, капитану Руденку, что онъ не такъ и не тамъ, какъ слѣдуетъ, встрѣтилъ по уставу инспектора съ рапортомъ. Рудой, никогда не боявшійся встрѣчать непріятеля, всегда труситъ передъ начальствомъ,— растерялся, сконфузился... Генералъ сердито обошелъ 3-ю карабинерную роту и отрывисто скомандовалъ: «справа и слѣва заходи, маршъ!»—строгимъ голосомъ опросилъ людей и съ суровымъ видомъ направилъ шаги къ слѣдующей ротѣ, но, увидѣвъ выстроенный десятокъ людей, при одномъ унтеръ-офицерѣ, его превосходительство грозно налетѣлъ на нихъ и свирѣпо спросилъ: «это что за команда?» «Это не команда, ваше превосходительство, а 7-я егерская рота, штабсъ-капитана Полторацкаго, которая вчера первою на штурмъ ходила!»—громко отрапортовалъ молодчина Чечневъ. «Генералъ осѣкся, и, какъ вы думаете, господа?— спросилъ Боринька:—что сдѣлалъ его превосходительство?» Взялъ подъ козырекъ и, сказавъ: «громкія вамъ честь и слава, ребята»,—крикнулъ самъ «ура», взбросивъ папаху на воздухъ... Я, я, извините меня, господа,—смущенно оправдывался неподражаемый Боринька,—но я съ этой минуты всѣ прежнія причуды простилъ генералу Грекулову!» Вообще, повидимому, по случаю торжества побѣды всепрощеніе сдѣлалось общимъ. Наканунѣ, въ день Чолокской битвы, по отряду ходила молва о преданіи Дембинскаго-Пьеро военному суду, а на другой день онъ помилованъ, вѣроятно, впрочемъ, съ оговоркой, что «это уже въ послѣдній разъ».

Вторую ночь я провелъ хуже первой. Началась лихорадка съ жаромъ, ознобомъ, бредомъ и такимъ ужаснымъ можженіемъ въ раздробленныхъ костяхъ, что я думалъ не дожить до утра и сталъ даже молить о смерти, какъ прекращеніи всѣхъ этихъ истязаній, но не она, а цѣлая куча мучителей докторовъ явилась утромъ въ нашу мрачную обитель, и началась систематическая перевязка, вызвавшая свѣжіе потоки крови. Я опять лишился чувствъ и, не смотря на нюхательные спирты и втиранія, очнулся уже за чертою города, на 3-й верстѣ Кутаисской дороги.

Описывать семидневное странствованіе отъ Озургетъ до Кутаиса я не стану. Большею частью во время тяжкаго похода этого я находился въ забытьи, но безъ минуты настоящаго сна, безъ пищи и питья, за исключеніемъ микстуръ по рецептамъ. За пять верстъ до Кутаиса выѣхалъ къ намъ полковникъ Бартоломей, состоявшій по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ, и сообщилъ намъ, что квартира въ городѣ намъ приготовлена въ домѣ военнаго губернатора, очень любезно предложенномъ намъ милѣйшимъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Гагаринымъ. У въѣзда въ городъ насъ встрѣтила значительная толпа мѣстныхъ жителей. При приближеніи нашихъ носилокъ они засуетились, сняли шапки и, крикнувъ «ура», окружили насъ, требуя отъ солдатъ передачи насъ

Библиотека "Руниверс"

на ихъ руки. Народъ настаивалъ въ своихъ требованіяхъ и, наконецъ, при вмѣшательствѣ Бартоломея, завладѣлъ нами и на рукахъ понесъ по главной улицѣ Кутаиса. «Стой, стой!»—раздался голосъ сверху. Выглянувъ изъ-подъ навѣса, я увидѣлъ Майделя, который выскочилъ на балконъ занятаго имъ двухъ-этажнаго дома. Съ искреннимъ участіемъ разспросивъ меня и Бреверна о состояніи нашихъ ранъ, онъ сообщилъ понѣмецки, что представленіе къ георгіевскимъ крестамъ давно уже послано въ Тифлисъ, и что утромъ сегодня присланъ громкій приказъ по отдѣльному кавказскому корпусу о славномъ сраженіи на Чолокѣ. Насъ понесли далѣе; на дорогѣ адъютантъ князя Гагарина передалъ намъ приглашеніе его занять помѣщеніе въ казенномъ домѣ, куда онъ и проводилъ насъ, окруженныхъ толпою любопытныхъ. У подъѣзда, поблагодаривъ нашихъ почетныхъ носильщиковъ за оказанную намъ великую честь, мы были внесены въ прекрасную, свѣтлую, а главное прохладную комнату, гдѣ стояли двѣ кровати и до послѣдней мелочи все было предусмотрѣно заботливостью гостепріимной и въ высшей степени любезной княгиней Тассо Гагариной. Самъ дорогой нашъ хозяинъ, князь А. И. Гагаринъ, встрѣтилъ насъ съ лѣвой рукой на перевязи, и мы, къ великому удивленію, только здѣсь узнали, что и онъ раненъ пулею, но, къ счастью, безъ перелома костей.

Рядомъ съ нашимъ помѣщеніемъ, за стѣною, отведена была комната родственнику хозяйки дома, князю Нико Чавчавадзе, всаднику дворянской конной дружины, тяжело раненому въ плечо. О близкомъ сосѣдствѣ его мы узнали только на третій день по внезапно долетѣвшему до насъ его крику. Причина этому явленію не замедлила обнаружиться. Чавчавадзе обратился за помощью къ мѣстному знахарю, который и совершалъ ему операцію вырѣзыванія изъ спины пули. Говорятъ, князь Нико долго крѣпился и терпѣлъ страшную боль безъ малѣйшей жалобы, и только въ послѣднюю минуту испустилъ вопль, но на другой же день этотъ атлетъ, какъ встрепанный, сѣлъ, съ сквозною раною, на коня и верхомъ пустился догонять свою дружину. Про комплекцію этого уроженца благословенной Грузіи дальнѣйшихъ коментарій приводить не надо, но и про исцѣлителя его ходитъ здѣсь громкая слава. Мѣстный житель, имеретинецъ Турманидзе, пріобрѣлъ медицинскія свѣдѣнія, которыя съ необыкновеннымъ успѣхомъ съ давнихъ поръ онъ уже примѣняетъ, и отбиваетъ практику у нашего медицинскаго персонала. Мы тоже по совѣту друзей отдали себя въ руки туземнаго варвара. Брашніевскій, любимый ученикъ Пирогова, конечно, надулся и пересталъ посѣщать насъ, громко порицая за малодушіе промѣнять цивилизованное леченіе на безсмысленное шарлатанство. Все это насъ не мало раздражало, и хотя мы съ Бреверномъ крѣпились, но въ душѣ и онъ, и я уже сознавали, что слишкомъ опрометчиво отдались леченію Турманидзе.

Библиотека "Руниверс"

Въ первыхъ числахъ іюля разнесся слухъ, подтвердившійся на другой же день изустнымъ разсказомъ Кулебякина, о страшномъ происшествіи, случившемся на Лезгинской линіи. Партія горцевъ, подъ предводительствомъ сына Шамиля, спустилась съ горъ и въ то время, какъ одна часть ея показалась на плоскости около Алазани и тамъ произвела переполохъ, стянувъ туда всѣ наличныя силы, другая бросилась на Цинондалы, имѣніе князя Давида Чавчавадзе, гдѣ, предавъ все огню и мечу, захватила въ плѣнъ все семейство его и князя Илико Орбеліани и безнаказанно увлекла въ горы. Оплошность непростительная со стороны главы дома, князя Давида, такъ какъ слухи о намѣреніяхъ горцевъ ходили въ краѣ давно, и появленіе чеченцевъ по сю сторону горъ предвидѣлось и даже ожидалось въ прошломъ еще году, когда баронъ Врангель присылалъ меня же курьеромъ съ извѣщеніемъ о сборахъ партій, а впослѣдствіи эти свѣдѣнія, повторившіяся снова, и были причиной странствованія нашего 3-го батальона до Каха. Какъ бы то ни было, но положеніе несчастнаго князя Давида ужасно. Его жена и трое дѣтей, вдова Илико Орбеліани съ сыномъ, княжна Баратова, француженка гувернантка, нянька съ грудным ребенкомъ, всѣ въ плѣну, и объ участи ихъ ничего не извѣстно. Когда на Алазани произошла тревога, и самъ князь Давидъ ускакалъ по тому направленію, къ подъѣзду дома въ Цинондалѣ уже поданы были экипажи для бѣгства дамъ съ дѣтьми въ Закаталы, но хищные джигиты влетѣли на дворъ и распорядились иначе. Взбросивъ княгинь и всѣхъ дѣтей на сѣдла, они увлекли ихъ въ горы съ такою быстротой, что вернувшіеся съ тревоги Алазанской всадники не могли уже и помышлять о возможности нагнать ихъ. Говорятъ, что князь Давидъ отъ отчаянія близокъ къ сумасшествію.

Надняхъ пріѣзжалъ въ Кутаисъ Гриша Чертковъ съ порученіемъ раздачи денегъ отъ Высочайшаго имени всѣмъ раненымъ, офицерамъ по 150 рублей тяжелымъ и по 100 легкимъ. Познакомивъ Черткова съ Бреверномъ, я вступилъ съ нимъ въ пренія о суммѣ, которую онъ, согласно предписанію, ему данному, обязанъ былъ выдать мнѣ, и Гриша пришелъ къ убѣжденію, что я имѣлъ справедливыя права на пособіе по тремъ ранамъ. Такимъ образомъ, совершенно неожиданно я получилъ 450 рублей, и леченіе знаменитости, какъ Турманидзе, обошлось мнѣ даромъ въ матеріальномъ отношеніи, но не въ физическомъ. Боже, какія страданія вынесъ я по его милости!

Въ послѣднихъ числахъ іюля получена была радостная вѣсть о славной побѣдѣ александропольскаго отряда подъ Кюрукъ-Дара. Турки разбиты на голову и потеряли всю артиллерію, лагерь, обозъ и бездну плѣнныхъ. Непріятель былъ въ три раза сильнѣе нашихъ войскъ и началъ съ того, что, вытянувъ длинную, боевую

Библиотека "Руниверс"

линію, сталъ обходить наши фланги. Кн. Бебутовъ, находясь въ третьей линіи, очутился около наступающей на тылъ нашъ непріятельской колонны и, какъ говорятъ злые языки, нѣсколько растерялся. Тогда начальникъ штаба его, кн. Барятинскій, рѣшился, во что бы то ни стало, прорвать центръ турецкой боевой линіи, для чего и пригласилъ ему въ томъ содѣйствовать начальника артиллеріи, генерала Брюммера, и начальника кавалеріи, Багговута, одновременною съ нимъ атакою. Брюммеръ стянулъ къ избранному ими пункту три батареи и повелъ 24 орудія развернутымъ фронтомъ прямо на турецкую армію. Въ поддержку артиллеріи кн. Барятинскій лично направилъ кавказскую гренадерскую бригаду, а Багговутъ на обоихъ флангахъ подготовилъ къ атакѣ кавалерійскія свои части.

Самые восторженные отзывы ходятъ о Брюммерѣ, который въ эту торжественную минуту, когда рѣшался вопросъ: быть или не быть, съ необычайнымъ хладнокровіемъ, впереди наступающей артиллеріи своей, какъ на парадѣ выровненной въ нитку, шагомъ гарцовалъ на великолѣпномъ конѣ; подведя батареи на полтораста саженъ отъ надвигающейся на насъ турецкой силы, съ барабаннымъ боемъ, въ атаку, онъ остановилъ ихъ, курцъ-галопомъ отъѣхалъ къ правому флангу и сталъ равнять свои орудія. «Шестое орудіе накати впередъ, одиннадцатое осади назадъ! Дальнюю картечь! Выровняться, смирно!»—звонко командовалъ генералъ, не смотря на лѣзущаго непріятеля, котораго торжествующія лица уже легко можно было разглядѣть простымъ глазомъ. «Батарея!»—съ выдержкой и протяжно пропѣлъ Брюммеръ:—«пли!» и тотчасъ же: «жай!». Второе «пли» послѣдовало за первымъ и отстранило необходимось въ дальнѣйшемъ дѣйствіи артиллеріи. Два залпа ея изъ массивныхъ полевыхъ 24 орудій, картечью, не только уничтожили стройность первой непріятельской линіи, но поразили вторую и третью, произведя повсюду страшное опустошеніе. Этимъ моментомъ воспользовался князь Барятинскій. Онъ повелъ гренадерскую бригаду, построенную колоннами, въ штыки и, опрокинувъ непріятеля, обратилъ его въ полное разстройство. Пораженіе довершила кавалерія лихими атаками Нижегородцевъ и линейныхъ казаковъ. Турки, разбитые въ центрѣ, не устояли нигдѣ, и съ этой минуты побѣда наша была рѣшена окончательно. Громкіе трофеи, однако, не достались намъ безъ очень чувствительныхъ потерь. Въ числѣ многихъ раненыхъ, Дондуковъ, командовавшій драгунскимъ дивизіономъ, тоже тяжело раненъ. Съ донесеніемъ о славной побѣдѣ подъ Кюрукъ-Дара поскакалъ въ Петербургъ адъютантъ кн. Бебутова, Александровскій, родной братъ Василія, бывшаго походнаго казначея князя Воронцова.

Въ первыхъ числахъ августа знакомый офицеръ Ивановъ писалъ изъ Тифлиса о кавалерской думѣ (состоящей изъ георгіев-

Библиотека "Руниверс"

скихъ кавалеровъ), вторично собранной по распоряженію командующаго корпусомъ Реада съ цѣлью сокращенія лицъ, представленныхъ отъ насъ къ Георгіевскому кресту. Въ первое засѣданіе дума судила и рядила и вынесла опредѣленіе сократить 18 человѣкъ на 14; въ число сокращенныхъ вошелъ и нашъ Пелепейко. Второй же разъ кавалерская дума отказала еще двумъ (и помоему совершенно справедливо) князьямъ милиціонерамъ.

Между тѣмъ, срокъ, обѣщанный Турманидзе для совершеннаго излеченія Бреверна, давно истекъ, а онъ не только не былъ здоровъ, но не могъ двинуться съ постели. Что касается моей руки, то одинъ видъ ея приводилъ всѣхъ въ содроганіе. Тиранъ-знахарь оторвалъ до 20 осколковъ костей, но за всѣмъ тѣмъ рана не думала заживать; отдѣленіе матеріи было еще обильнѣе, чѣмъ прежде, а опухоль всей руки отъ пальцевъ до локтя достигла необычайнаго размѣра. Немало стоило намъ дипломатическихъ хлопотъ, чтобы залучить къ себѣ Брашніевскаго, который, увидѣвъ состояніе ранъ нашихъ, всплеснулъ руками. Турманидзе мы заплатили половину условленнаго вознагражденія и распростились съ нимъ, поступивъ снова въ распоряженіе Брашніевскаго. На другой день онъ пришелъ къ намъ съ двумя ассистентами и приступилъ къ операціи моей руки, сдѣлавъ сквозной прорѣзъ до ладони. Боль была мучительная, особенно при разрѣзѣ наружныхъ покрововъ, но по совершеніи операціи, когда вытекла оттуда вода въ размѣрѣ полоскательной чашки, опухоль моментально спала, и общій объемъ руки принялъ болѣе нормальный видъ. Прошло нѣсколько дней леченія, а положеніе не улучшалось. Въ Брашніевскомъ я сталъ подмѣчать сначала недоумѣніе, а затѣмъ какую-то рѣшимость предпринять что-то энергичное. Предчувствіе у меня явилось, и я связалъ Бреверна честнымъ словомъ, что какой бы оборотъ ни принялъ курсъ новаго леченія, но онъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ ампутировать моей руки. Мѣра эта оказалась съ моей стороны вполнѣ благоразумной, такъ какъ на другой же день эскулапы явились къ намъ и совершенно скрытно отъ меня пустили въ ходъ ухищренія меня нахлороформировать и отнять руку. Когда я, часъ спустя, пришелъ въ себя и не увидѣлъ подозрительныхъ личностей, Бреверн разсказалъ мнѣ, что онъ стойко защитилъ меня отъ насилія, грозившаго мнѣ со стороны Брашніевскаго, хотѣвшаго уже воспользоваться забытьемъ моимъ, чтобы пустить въ ходъ припасенные инструменты. Не встрѣть онъ протеста моего сожителя, руки бы у меня теперь уже не было. Трудно объяснить причины, по которымъ съ этой минуты состояніе руки стало замѣтно измѣняться къ лучшему, и не далѣе, какъ черезъ недѣлю, когда улучшеніе ея стало очевиднымъ, Брашніевскій самъ покаялся мнѣ въ своихъ коварныхъ замыслахъ. Наконецъ, я впервые вышелъ въ садъ. Воздухъ живительно на меня подѣйствовалъ,

Библиотека "Руниверс"

и я въ тотъ день не только съ аппетитомъ съѣлъ тарелку супу, но, что того важнѣе, ночью въ постелѣ, а уже не въ креслѣ, часа четыре спалъ крѣпкимъ сномъ.

Вскорѣ высланы были Бреверну изъ отряднаго штаба знаки военнаго отличія, въ размѣрѣ, лично опредѣленномъ исправляющимъ должность главнокомандующаго, а именно: въ 7-ю роту 24, въ 8-ю—18, въ 3-ю карабинерную и 9-ю—по 12 крестовъ на роту.

Такъ какъ съ 4-го іюня возвратилось въ строй очень небольшое количество людей, бывшихъ легко ранеными, то въ гурійскомъ отрядѣ 3-й батальонъ числился пока въ составѣ полубатальона, а 7-я рота—въ составѣ одного взвода, да и то не сильнѣе, какъ въ 40 человѣкъ, составляющихъ какъ бы кадръ роты. Гораздо большее число людей моихъ лежало въ Кутаисскомъ госпиталѣ, куда я и выѣхалъ въ первый разъ съ предназначенными крестами. Солдаты, оставшіеся въ живыхъ, очень обрадовались, увидя меня на ногахъ. Многіе изъ раненыхъ 4-го іюня сошли уже въ могилу, остальные поправлялись и частью выйдутъ въ неспособные, а частью вернутся подъ знамена. Съ истиннымъ удовольствіемъ встрѣтилъ я въ госпиталѣ героя Костина, очень измѣнившагося, но также подающаго надежды на выздоровленіе. Послѣ ампутаціи на полѣ сраженія, ему ее повторили здѣсь, гораздо выше локтя, но когда гангрена показалась и здѣсь, то несчастному вылущили руку въ плечѣ. Онъ изстрадался, худой и желтый, но духомъ также богатырски бодръ. Очень счастливъ былъ я видѣть неподдѣльную радость этого истиннаго молодца, когда я на госпитальный халатъ его прицѣпилъ Егорія. Послѣ этой поѣздки позволилъ я себѣ быть въ кутаисскомъ городскомъ саду, гдѣ множество публики окружило меня съ большимъ любопытствомъ; здѣсь встрѣтилъ Евгенія Понсетъ, брата Nathalie Милютиной, и съ нимъ, а также Кулебякинымъ, по прозванію немирнымъ, посѣтилъ вскорѣ городской балъ, гдѣ, каюсь, къ ужасу докторовъ, проявилъ много слабохарактерности и молодечества по части спиртныхъ напитковъ. На другой день въ 8 часовъ назначенъ былъ отъѣздъ нашъ съ Бреверномъ. На дворѣ стоялъ тарантасъ совершенно уложенный, въ комнатѣ у насъ все прибрано и увязано, оставалось запрячь лошадей, сѣсть и ѣхать. Но вышло совсѣмъ не то.

Я легъ въ постель и послѣ безсонной ночи, проведенной мною наканунѣ въ шумной компаніи, не былъ расположенъ поддерживать разговоръ съ Бреверномъ, бывшимъ въ тотъ вечеръ особенно оживленнымъ. Подъ шумокъ его рѣчей я невольно закрылъ глаза и скоро заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Около 7 часовъ утра открываю глаза и вижу Бреверна въ постелѣ, обернувшагося лицомъ къ стѣнѣ. Полагая, что люди наши проспали, я громко зову Александра Христофоровича и сообщаю ему, что уже восьмой часъ. Бреверъ не откликается и лежитъ не

Библиотека "Руниверс"

шевелясь. Вбѣгаетъ Іоганнъ и осторожно, шепотомъ сообщаетъ мнѣ, что ночью съ его бариномъ случилась бѣда, что онъ очень занемогъ, были доктора, возились около него болѣе двухъ часовъ и уходя приказали его не тревожить. Не понимая, что именно случилось во время непробуднаго сна моего, я вскочилъ съ постели и началъ одѣваться, когда на цыпочкахъ вошелъ Брашніевскій и таинственными знаками пригласилъ меня выдти за нимъ въ смежную комнату.

— Дѣло плохо съ сожителемъ вашимъ, у него тетаносъ,—объявилъ мнѣ докторъ незнакомое выраженіе.

— Что такое тетаносъ? Я васъ не понимаю.

— Ударъ на мозгъ,—объяснилъ Брашніевскій.—Объ отправленіи его въ Тифлисъ теперь, да, вѣроятно, и надолго, нечего и думать. Поѣзжайте одни, его вы не дождетесь, да и врядъ ли ему, бѣднягѣ, предстоитъ полное выздоровленіе. Собирайтесь въ путь и съ Богомъ, а Бреверну предоставьте полный покой, ему теперь необходимый.

Съ этими словами мы тихонько вернулись въ свою комнату, и я издали увидалъ улыбающуюся физіономію Александра Христофоровича, но когда подошелъ къ нему ближе и пристальнѣе взглянулъ на него, пришелъ въ ужасъ. Скривленное на одну сторону лицо, безсмысленная улыбка и оловянные, съ идіотскимъ выраженіемъ, глаза внушали глубокое сожалѣніе и вмѣстѣ страхъ, а когда онъ зашевелилъ губами и, желая что-то сказать, испустилъ непонятные звуки и вслѣдъ затѣмъ безумно и громко захохоталъ, дрожь пробѣжала по моему тѣлу, и я самъ выскочилъ отъ него, какъ сумасшедшій. Забѣжавъ къ немирному, я передалъ ему всѣ подробности о случившемся несчастьѣ, причемъ Брашніевскій и Кулебякину повторилъ свое требованіе о немедленномъ отправленіи меня въ Тифлисъ, доказывая, что при настоящемъ положеніи Бреверна мое присутствіе, кромѣ вреда, ничего не можетъ принести ему. Скрѣпя сердце и даже не простившись съ моимъ добрымъ пріятелемъ, никого не узнававшимъ, я въ полдень послалъ за почтовыми лошадьми и съ тяжелой думой о горькой участи моего товарища по боевой жизни выѣхалъ изъ Кутаиса.

Путешествіе мое совершалось медленно, маленькой рысцой, со всѣми мѣрами избѣгать толчковъ на ухабахъ. Не желая останавливаться на ночлегъ въ станціонныхъ домахъ, лишенныхъ всякихъ удобствъ для успокоенія больного, я рѣшился хотя тихонько, но двигаться впередъ и за это едва не поплатился грустною развязкой. Темнѣйшая ночь застала насъ какъ разъ на перевалѣ Сурамскаго хребта. Зги Божьей не было видно, и самъ ямщикъ, пріостановивъ коней, признался намъ, что ѣхать далѣе онъ опасается, такъ какъ дорога здѣсь идетъ вдоль обрывовъ, отъ которыхъ и днемъ не всегда Богъ уберегаетъ. Ночевать подъ открытымъ не-

Библиотека "Руниверс"

бомъ, въ ожиданіи разсвѣта, было немыслимо, и я рѣшился вылѣзти изъ тарантаса и, поддерживаемый Вавилой, слѣдовать шагъ за шагомъ пѣшкомъ за Сидоромъ, который несъ впереди фонарь. Около четырехъ верстъ главнаго и самаго опаснаго пути на перевалѣ, съ безпрерывными отдыхами и остановками, мы прошли не менѣе, какъ въ три часа времени, и, усѣвшись наконецъ въ тарантасѣ, но все еще шагомъ, добрались до станціи, когда на востокѣ стала показываться свѣтлая полоса приближающагося разсвѣта. Благополучно, около полудня, миновавъ городъ Гори, верстахъ въ десяти, я встрѣтилъ значительную команду. Подъѣзжаю ближе, и кого же вижу? Шидловскаго съ нашими куринцами. Стой, конечно. Шидловскій ведетъ изъ Воздвиженскаго до 600 человѣкъ людей при пяти офицерахъ для укомплектованія нашихъ батальоновъ въ Озургеты. Шидловскій сообщилъ очень мало, больше разспрашивалъ меня о томъ, что̀ ожидаетъ его самого въ Озургетахъ, гдѣ онъ приметъ одну изъ вакантныхъ ротъ. Тамъ теперь лафа, вездѣ просторъ, и ему недалеко и до батальона.

Въ Тифлисѣ, прямо въ гостинницу Крылова, пріѣхалъ я въ полдень 22-го августа. Номеръ, отведенный мнѣ, былъ большой и съ балкономъ, куда я и вошелъ, какъ только пообѣдалъ. Смотрю, идетъ офицеръ съ костылемъ въ рукахъ, слегка прихрамывая. Кто такой? Ба, да это милѣйшій Ивановъ! Кричу ему, онъ останавливается, оглядывается и, радостно вскрикнувъ, бѣжитъ, не смотря на подстрѣленную ногу, ко мнѣ по лѣстницѣ, на верхъ. Послѣ взаимнаго обмѣна привѣтствіями Ивановъ замялся въ разговорѣ и замѣтно смущеннымъ тономъ сталъ разспрашивать меня объ общихъ знакомыхъ, избѣгая при этомъ прямо отвѣтить мнѣ на вопросъ, отправлено ли представленіе наше въ Петербургъ. Прошло еще нѣсколько минутъ томленія и, наконецъ, полагая, что онъ достаточно меня подготовилъ къ роковой вѣсти, Ивановъ бухнулъ мнѣ, что представленіе въ Петербургъ отправлено вчера, но меня въ немъ нѣтъ... Когда Ивановъ выговорилъ эти ужасныя слова: «но васъ въ немъ нѣтъ», я сначала разсмѣялся въ полной увѣренности, что онъ шутитъ, но когда онъ съ грустнымъ выраженіемъ повторилъ ихъ и затѣмъ скрѣпилъ честнымъ словомъ, я представилъ себѣ, что брежу, такъ далекъ я былъ отъ мысли допустить слышанное, какъ фактъ совершившійся. Вотъ какъ это передалъ мнѣ Ивановъ. Реадъ, получивъ при донесеніи кавалерской думы вторичное сокращеніе представленія, съ 18 на 12 человѣкъ, вернулъ опять его при замѣчаніи, что подобнаго количества георгіевскихъ крестовъ не было пожаловано даже за Бородинское сраженіе, а потому предписываетъ еще сократить ихъ съ 12 на 8 и при этомъ руководиться старшинствомъ представленныхъ, а вовсе не порядкомъ, помѣченнымъ въ спискахъ, гдѣ оберъ-офицеры стоятъ выше штабъ-офицеровъ, безъ всякаго при этомъ

Библиотека "Руниверс"

объясненія... Кавалерская дума, не долго думая, во исполненіе приказанія начальства, переписала весь списокъ представленныхъ къ Георгію, придерживаясь одного старшинства въ чинахъ, а вовсе не условнаго порядка по заслугамъ, а затѣмъ и вычеркнула четырехъ младшихъ, въ число которыхъ попали, конечно, Кутлеръ и я.

Такъ вотъ чѣмъ ограничились всѣ восторженныя похвалы и громкія удивленія подвигу, равному Щеголеву. Но къ чему ведетъ статутъ Георгіевскаго креста, когда офицеру, заслужившему его по тремъ параграфамъ, отказываютъ въ немъ только по капризу начальства? Если нашли возможность не представить меня, имѣвшаго случай на глазахъ цѣлаго отряда взойти первымъ на штурмъ, съ боя взять два непріятельскихъ орудія и опрокинуть прикрытіе батарей, то мудрено ли отказать въ Георгіевскомъ крестѣ всякому, подвигъ котораго менѣе опредѣлительно выставляется на судъ общественный и той же пресловутой кавалерской думы? Ивановъ ушелъ отъ меня, обѣщая вернуться вечеромъ. Я упалъ духомъ, не зная, на что рѣшиться. Вскорѣ пришелъ опять добрякъ Ивановъ съ предупрежденіемъ, что князь Иванъ Малхазовичъ Андрониковъ сегодня же вечеромъ пріѣдетъ навѣстить меня, а затѣмъ разсказалъ только что слышанное имъ про У. И. Карганова. Наканунѣ у него былъ вечеръ, на которомъ зашла рѣчь о рѣшеніи думы и исключеніи меня изъ представленія. Услышавъ эту новость, хозяинъ дома при всемъ многолюдномъ обществѣ сорвалъ съ петлицы крестъ свой и объявилъ во всеуслышаніе: «Клянусь честью, не надѣну его на себя, пока не дадутъ Полторацкому». Не менѣе горячо принялъ къ сердцу это и почтенный князь Иванъ Малхазовичъ; его искреннее сочувствіе выразилось не пустыми фразами утѣшенія, а предложеніемъ на другой же день везти меня къ начальству, къ князю Барятинскому, а отъ него къ генералу Реаду. Поэтому князь Андрониковъ уговорился со мной явиться къ нему въ 9 часовъ утра и вмѣстѣ отправиться по предложеннымъ мытарствамъ. Вскочивъ очень рано, я былъ совершенно готовъ до 8 часовъ утра и вздумалъ до поѣздки къ князю Андроникову съѣздить сначала явиться коменданту, генералу Роту. Подъѣхавъ къ его дому, я встрѣтилъ его на подъѣздѣ провожающаго отъ себя князя Барятинскаго. Представившись коменданту, я раскланялся съ княземъ Александромъ Ивановичемъ, очень любезно пригласившимъ меня пройтись по Головинскому проспекту. Князь взялъ меня подъ руку, и мы пошли подъ гору великими друзьями. Онъ началъ съ разспросовъ о состояніи моихъ ранъ, о моихъ планахъ и проч., на что я отвѣтилъ ему, что сейчасъ отправлялся къ князю Андроникову съ тѣмъ, чтобы ѣхать съ нимъ къ нему, князю Барятинскому, и генералу Реаду. На вопросъ его, по какому дѣлу я хотѣлъ ему представиться, sous le patronage d'Andronikoff, я объяснилъ князю, что, имѣвъ случай заслужить Георгіев-

Библиотека "Руниверс"

скій крестъ, я пріѣхалъ въ Тифлисъ наканунѣ, узналъ, что изъ представленія вычеркнутъ, а потому князь Иванъ Малхазовичъ, признавая за мною неоспоримыя права на полученіе этого ордена по статуту, намѣренъ ходатайствовать о дополнительномъ представленіи. Князь Барятинскій остановился на тротуарѣ и горячо сказалъ: «Mon cher ami, laissez cette affaire et n'y pensez plus! Quant à moi je vous donne ma parole d'honneur de vous donner la croix de St.-George à la première occasion, car je vous connais pour un officier de la trempe qui mérite la décoration tant désirée pour chaque affaire avec l'ennemi»[1]). Эти слова до такой степени раздражили меня, что я внѣ себя возразилъ: «Mon prince, je ne suis pas un enfant nouveau né pour donner valeur à de telles promesses, et d'ailleurs je tiens à porter la croix de St.-George pour le combat, ou je l'avais mérité, et non grâce à la protection bienveillante de qui que ce fut»[2]). Отвѣтъ былъ, если не дерзкій, то во всякомъ случаѣ рѣзкій, но его сіятельство благосклонно его выслушалъ и какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ замѣтилъ мнѣ, что и ему самому нѣсколько разъ отказывали въ Георгіи 3-й степени и дали его наконецъ теперь за Кюрукъ-Дара, «quand certe j'ai mérité bien plus que ça». Какъ бы то ни было, но Барятинскій наотрѣзъ отказался содѣйствовать мнѣ. Передавая пять минутъ спустя это грустное сообщеніе князю Ивану Малхазовичу, я отъ волненія едва ворочалъ языкомъ. Спустя два дня, лаконической запиской Андрониковъ пригласилъ меня къ себѣ. «Уже, вотъ и отвѣтъ генерала Майделя; уже, сейчасъ получилъ на мою эстафету», — встрѣтилъ онъ меня, вручая письмо, только что ему доставленное. Оффиціальный протестъ бывшаго начальника штурмовыхъ колоннъ, на имя князя Ивана Малхазовича, начинался съ глубокаго удивленія полученному извѣстію, затѣмъ перечисленіемъ всѣхъ подвиговъ моихъ и Кутлера, причемъ не мало выставлено доблести въ томъ, что я, не взирая на обѣ раны, оставался на полѣ сраженія до полученія третьей, и кончалось самымъ горячимъ требованіемъ о ходатайствѣ его сіятельства георгіевскихъ крестовъ обоимъ, и мнѣ въ особенности. Послѣдняя же фраза письма Майделя была слѣдующая: «Твердо увѣренный, что ваше сіятельство не допустите подобною гнусною несправедливостью помрачить славу Чолокской побѣды». Съ этимъ новымъ документомъ князь Андрониковъ былъ

---

[1]) Любезный другъ, оставьте это дѣло и не думайте о немъ больше! Что касается меня, то даю честное слово дать вамъ Георгіевскій крестъ при первомъ случаѣ, потому что знаю васъ за офицера такого закала, который заслуживаетъ этого желаемаго ордена за всякое дѣло съ непріятелемъ.

[2]) Князь! я не младенецъ, чтобы придавать цѣну такимъ обѣщаніямъ, и притомъ я стою на томъ, чтобы носить Георгіевскій крестъ за то сраженіе, въ которомъ я его заслужилъ, а не по благосклонной протекціи кого бы то ни было.

Библиотека "Руниверс"

у временно исправляющаго должность главнокомандующаго генерала Реада, велъ усиленную атаку, но снова безуспѣшно. Князь сталъ меня утѣшать, что, заручившись свидѣтельствами отъ подлежащихъ властей въ оказанныхъ мною отличіяхъ, я могу подать прошеніе на высочайшее имя о награжденіи меня орденомъ св. Георгія. Это мнѣніе князя Андронникова раздѣлялось всѣми доброжелателями моими. Дѣлать нечего, надо ѣхать сперва домой, а затѣмъ въ Питеръ. Въ портфелѣ у меня скопилось не мало удостовѣреній, кажется, довольно вѣскихъ, а именно: экземпляръ печатнаго приказа по отдѣльному кавказскому корпусу отъ 8-го іюня, въ которомъ сказано, что штабсъ-капитанъ Полторацкій, егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, первымъ вскочилъ на штурмѣ батареи и, съ боя овладѣвъ двумя орудіями, штыками опрокинулъ прикрывающій непріятельскую артиллерію низамъ; экземпляръ «Сѣверной Пчелы», въ которомъ перепечатано все донесеніе о Чолокскомъ сраженіи и гдѣ въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится о мнѣ; свидѣтельство ахалцыхскаго и гурійскаго отрядовъ, за подписью и приложеніемъ печати князя Андронникова, гдѣ сказано, что штабсъ-капитанъ Полторацкій явилъ своимъ подвигомъ блистательный примѣръ военной доблести и самоотверженія и тѣмъ заслужилъ награжденія орденомъ св. Георгія, къ которому и представленъ первымъ въ спискѣ испрашиваемыхъ наградъ по статуту.

Я подалъ въ отпускъ за ранами и получилъ разрѣшеніе отправиться въ Тверскую губернію съ подорожной по казенной надобности и прогонами отъ казны впредь на 11 мѣсяцевъ съ сохраненіемъ содержанія, какъ бы на дѣйствительной службѣ.

Всѣ тузы, участвовавшіе въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара, уже получили награды и очень крупныя: главный начальникъ, князь В. О. Бебутовъ—Андрея Первозваннаго, а Барятинскій, Брюммеръ и Багговутъ—Георгія 3-й степени. Вѣстникъ же о громкой побѣдѣ, адъютантъ князя Бебутова, штабсъ-капитанъ Александровскій назначенъ флигель-адъютантомъ. Надняхъ ждутъ изъ Александрополя Дондукова-Корсакова. Онъ раненъ не легко, пулею въ локоть лѣвой руки съ раздробленіемъ костей. Георгіевскій крестъ и ему подъ сомнѣніемъ, потому что дума придралась къ тому, что онъ съ своимъ дивизіономъ хотя и вырвалъ изъ рукъ непріятеля два орудія, но не турецкихъ, а за нѣсколько часовъ до того отбитыхъ турками, у насъ, русскихъ. Мораль изъ этого поучительная: при атакѣ на непріятельскую батарею прежде разсмотри подробно, гдѣ были вылиты орудія, а потомъ уже бери ихъ.

Получивъ отпускной билетъ, казенную подорожную и деньги, я поѣхалъ откланиваться князю Барятинскому, который спросилъ меня, правда ли, что я намѣренъ жаловаться государю императору на несправедливость.

Библиотека "Руниверс"

— Не жаловаться, ваше сіятельство, а просить намѣренъ я его величество,—отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ позвольте пожелать вамъ всякаго успѣха,— не безъ саркастической улыбки, но крѣпко пожимая мнѣ руку, вставилъ его сіятельство.

Въ тотъ же день, въ два часа, добился я, наконецъ, почтовыхъ лошадей. Провожали меня Александръ Трубецкой (Копчикъ), Коньяръ, Богдановъ, Ивановъ и неизмѣнный Вастенъ. У духана роспили три тунги вина и обсудили животрепещущую новость, только что долетѣвшую до Тифлиса о катастрофѣ съ новымъ флигель-адъютантомъ Александровскимъ, за два дня до моего отъѣзда прикатившимъ изъ Петербурга. Щегольнувъ мимолетомъ своими вензелями, которые по истинѣ ему мало пристали, онъ пустился въ Александропольскій отрядъ въ сопровожденіи камердинера, привезеннаго имъ, какъ подобаетъ сановному лицу, изъ Петербурга. На шестой отъ Тифлиса станціи курьеръ повелительно обратился къ слугѣ своему насчетъ скорѣйшей запряжки лошадей. Важный столичный лакей, вѣроятно, слишкомъ утомленный непривычной скачкой по нешоссированнымъ дорогамъ на Кавказѣ, вяло отнесся къ полученному приказанію и что-то пробормоталъ грубое своему барину, который энергически его выругалъ. Лакей оскорбился и, моментально развернувшись, влѣпилъ флигель-адъютанту полновѣсную пощечину. Что же сдѣлалъ Александровскій? Вскочивъ одинъ въ перекладную, онъ помчался на слѣдующую станцію и, проскакавъ 22 версты, вошелъ въ комнату для пріѣзжихъ и, пока станціонный смотритель вписывалъ его подорожную, онъ разможжилъ себѣ черепъ пулею изъ пистолета. Стоило ли для этого такъ безбожно гнать отличную тройку! Я не зналъ Александровскаго, но трагическая смерть его поразила меня. Каковъ промыслъ Божій! Немного дней назадъ сколько было завистниковъ его блестящему положенію и открывающейся передъ нимъ карьерѣ, и вдругъ... конецъ неожиданный и на столько пошлый.

6-го октября пріѣхалъ я въ Петербургъ. Но, чтобы очутиться здѣсь, надо было одолѣть дистанцію громаднаго размѣра и по пути отъ Ставрополя побывать во многихъ городахъ и селеніяхъ обширнаго отечества, а не сразу перескочить сюда, на Большую Милліонную, въ домъ графа Зубова. Въ Москвѣ остановился я у стараго знакомца Яра, на Петровкѣ; поручилъ Вавилѣ, во что бы то ни стало, продать тарантасъ и, сдѣлавъ распоряженіе, чтобъ онъ съ вещами былъ на вокзалѣ къ отходу 11-ти-часоваго почтоваго поѣзда, самъ въ 9 часовъ успѣлъ до отъѣзда заѣхать на полчаса къ теткѣ Александрѣ Дмитріевнѣ Неѣловой, на Спиридоновку. За эти послѣдніе четыре года не мало перемѣнъ и утратъ произошло въ семействѣ нашемъ. Въ могилу сошли дядя Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ и дядя Сергѣй Алексѣевичъ Неѣловъ. Семейства Кисе-

Библиотека "Руниверс"

левыхъ я не засталъ въ Москвѣ, устарѣлая же тетка Александра Дмитріевна въ траурѣ и горѣ. Заѣзжалъ и въ Грузины къ милѣйшему дядѣ Константину Марковичу Полторацкому, который непремѣнно потребовалъ, чтобы я не смѣлъ нигдѣ въ Петербургѣ останавливаться иначе, какъ въ его помѣщеніи въ домѣ графа Зубова, о чемъ онъ въ ту же ночь письмомъ предупредилъ тетушку Софью Борисовну. Въ Завражьѣ, куда мы вмѣстѣ съ дядей отправились, застали мать и сестру Ольгу, вышедшую замужъ за Вертейля. Ольга сіяла счастьемъ и благополучіемъ, Вертейль же сразу выказалъ совершенно родственную, братскую предупредительность и дружбу. Разспросамъ и сообщеніямъ не было конца. Мать постарѣла, очень посѣдѣла, но казалась счастливой и совершенно довольной, и хотя принималась поминутно плакать, но объясняла слезы свои, какъ слѣдствіе неожиданной радости нашего свиданія. Мать недовѣрчиво, впрочемъ, отнеслась къ моимъ претензіямъ на полученіе креста, но тутъ же возлагала великое вѣрованіе на медицинскую въ столицѣ помощь моимъ ранамъ. Прогостивъ у своихъ всего нѣсколько дней, я на Шитаревской тройкѣ съ Вавилой покатилъ на Осташковскую станцію, гдѣ безъ всякой суеты удобно усѣлся въ вагонъ 1-го класса и большую часть дороги до Петербурга проспалъ безмятежнымъ сномъ. Въ Петербургъ явился я въ 10 часовъ утра, когда тетушка Софья Борисовна уже возстала отъ сна и, очень любезно принявъ меня, водворила въ апартаментахъ Константина Марковича. Первый день я провелъ въ Петербургѣ en famille, то-есть въ обществѣ grande-dame тетушки и ея обычныхъ посѣтителей. Какъ ей, такъ и гостямъ ея вечеромъ я вынужденъ былъ повторяться разсказами о дѣлахъ съ непріятелемъ въ Азіатской Турціи и затѣмъ дѣлать собственныя, вполнѣ голословныя, заключенія, на непрерывные допросы Софьи Борисовны: «Et comment pensez-vous, mon cher, finiront nos exploits en Crimée?».

Слѣдующій день я посвятилъ на явку въ комендантское управленіе и въ главный штабъ, а затѣмъ направился въ домъ министерства государственныхъ имуществъ къ дядѣ-пьедесталу, родному брату моей матери. Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ изволилъ принять меня милостиво въ своемъ частномъ кабинетѣ, но съ первыхъ же словъ разговора, замѣтивъ мою руку на черной атласной перевязи и какъ будто припомнивъ слышанное, сказалъ: «Ахъ, да! Вѣдь ты легко раненъ!». Возразивъ ему, на сколько можно считать человѣка легко раненымъ, когда три пули пронижутъ его насквозь, разбивъ всѣ кости, я думалъ воспользоваться случаемъ и добавилъ, что, впрочемъ, доктора петербургскіе опредѣлятъ, на сколько важны мои раны, такъ какъ цѣль посовѣтоваться съ ними составляетъ одну изъ двухъ причинъ моего сюда пріѣзда. — «А какая же другая?» —спросилъ дядя, на что я объяснилъ ему, что,

Библиотека "Руниверс"

имѣя въ Чолокскомъ сраженіи счастливый случай заслужить орденъ св. Георгія по статуту, я вполнѣ воспользовался имъ, но вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній былъ вычеркнутъ изъ представленія, и привезъ печатныя и письменныя свидѣтельства на мои права, чтобы здѣсь ходатайствовать о строгой справедливости. Въ ту минуту, когда я кончилъ изложеніе всей сути дѣла, надѣясь на вмѣшательство всесильнаго дядюшки, онъ разсѣянно меня слушалъ, а камердинеръ его доложилъ о пріѣздѣ товарища министра Гамалеи, и Павелъ Дмитріевичъ поспѣшно всталъ и, пригласивъ меня слѣдовать за нимъ по витой лѣсенкѣ внизъ, пріостановился и внушительно пропѣлъ: «любезный другъ, знай, что въ Россіи существуетъ правило: что съ воза упало, то пропало! До свиданья!»—и,ославъ мнѣ воздушный поцѣлуй вмѣстѣ съ приглашеніемъ къ нему послѣзавтра обѣдать, исчезъ за драпировкой въ министерскій кабинетъ свой. Очутившись на подъѣздѣ, я растерянно хваталъ себя за голову, сердце усиленно билось, а мысли на столько перепутались, что я не зналъ, на что надѣяться. Если родной дядя такъ равнодушно относится къ моему горю и вмѣсто помощи цитируетъ поговорку, если и справедливую въ жизненной практикѣ, то во всякомъ случаѣ возмутительную въ принципѣ, то кто же изъ постороннихъ захочетъ хлопотать о возстановленіи правъ моихъ? Отсюда я поѣхалъ на Малую Морскую въ домъ князя Семена Михайловича Воронцова и къ счастью засталъ и мужа и жену дома. Князь Семенъ Михайловичъ, командовавшій тогда резервнымъ Преображенскимъ полкомъ, безвыѣздно жилъ въ Петербургѣ. Онъ чрезвычайно радушно встрѣтилъ меня въ своей уборной, и такъ какъ княгиня Марья Васильевна еще не выходила изъ своей спальни, то онъ, слушая мои разсказы, безцеремонно совершалъ при мнѣ всѣ туалетныя потребности. Когда дошло дѣло до Чолокскаго сраженія и вопроса о Георгіевскомъ крестѣ, князь Simon полюбопытствовалъ взглянуть на привезенные мною документы. Внимательно пробѣжавъ ихъ, князь смиренно сознался, что онъ самъ не сумѣетъ повести это дѣло, но что княгиня Марья Васильевна безъ малѣйшаго сомнѣнія устроитъ мнѣ все въ наилучшемъ видѣ, и вслѣдъ затѣмъ его свѣтлость, высунувшись въ халатѣ въ коридоръ, сталъ изо всей мочи, точно при пожарѣ, кричать на весь домъ: «Муся, Муся, Муся!». Въ отвѣтъ на изступленный крикъ хозяина послышалось отдаленное «сейчасъ», и, полъминуты спустя, шорохъ платья возвѣстилъ появленіе княгини Марьи Васильевны.

— Муся,—перебилъ мои первыя привѣтствія князь Simon,— Муся, прочти эти бумаги и сообрази, какъ поступить. Это дѣло вопіющее, и во что бы ни стало надо настоять на справедливомъ удовлетвореніи нашего стараго друга.

Княгиня подала мнѣ руку и повела меня къ себѣ въ будуаръ,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ, усадивъ рядомъ съ собою на диванъ, втеченіе десяти минутъ внимательно выслушала весь докладъ мой.

— Можете ли вы мнѣ оставить эти бумаги, конечно, на честное слово, что я верну ихъ вамъ въ цѣлости?

— Конечно, княгиня.

— Ну, и прекрасно, мы будемъ часто видѣться, et je vous tiendrais au courant de la marche de l'affaire en question. Вы, конечно, у насъ будете обѣдать всегда въ 6 часовъ; гдѣ вы остановились? Прекрасно, я знаю домъ и у тетки вашей бываю, а во всякомъ случаѣ черезъ Татьяну Борисовну (Потемкину) всегда можно васъ отыскать. Итакъ, au revoir, à six heures précises je rentre et suis à vous,—быстро скороговоркой отчеканила Марья Васильевна, на ходу надѣвая шляпу и нетерпѣливо требуя карету.

Провожая ее до передней, я не могъ не замѣтить, что тщательно завернутыя въ трубку всѣ бумаги мои поѣхали вмѣстѣ съ ней, но куда? Вернувшись на половину его свѣтлести я обреченъ былъ втеченіе не менѣе двухъ часовъ выслушивать всѣ его военныя соображенія относительно главнаго вопроса дня — вторженія союзныхъ войскъ на Крымскій полуостровъ и предстоящей осады Севастополя. Кто-то позвонилъ въ швейцарской, и я бѣжалъ домой съ тѣмъ, чтобы вернуться къ обѣду. На полъ-дорогѣ къ Большой Милліонной я вспомнилъ, что Дмитрій Милютинъ живетъ теперь въ Галерной, и направилъ кучера къ нему. Его я не засталъ, а Nathalie, очень родственно меня принявшая, уговаривала остаться у нихъ обѣдать, на что я смѣясь ей отвѣчалъ, «que je suis très huppé à l'heure qu'il est», и что ни сегодня, ни завтра и даже послѣзавтра не могу воспользоваться ея любезнымъ приглашеніемъ, но надняхъ буду у нихъ опять, безъ всякаго зова.

За обѣдомъ у Воронцовыхъ княгиня мнѣ сказала только, «que vos papiers sont entre de bonnes mains», но разспрашивать настойчиво я не счелъ себя вправѣ и въ десятомъ часу отъ нихъ испарился. Ночь провелъ я превосходно, но съ тѣхъ поръ не выѣзжалъ три дня къ ряду. Нарывъ у выхода раны, предвѣстникъ отдѣлявшейся косточки, жестоко меня измучилъ и приковалъ къ постелѣ, такъ что я былъ вынужденъ отказаться отъ обѣда у графа Павла Дмитріевича, о чемъ нѣсколькими словами въ запискѣ любезно увѣдомила его тетушка.

Впрочемъ, я былъ очень доволенъ, что вслѣдствіе законныхъ причинъ избавился отъ церемоннаго принятія пищи у этого важнаго себялюбца. Вотъ, если помимо его да выгоритъ мое дѣло, тогда удобно съѣздить поблагодарить пьедестала за указанную имъ пословицу.

Поправившись, я поѣхалъ къ Дмитрію Милютину и на этотъ разъ засталъ всю семью въ сборѣ. Дмитрій Алексѣевичъ, нынѣ генералъ-маіоръ и состоящій при особѣ военнаго министра, князя

Библиотека "Руниверс"

Василія Андреевича Долгорукова, очень мило меня встрѣтилъ и за обѣдомъ разспрашивалъ съ большимъ участіемъ о моихъ военныхъ подвигахъ, а когда, вставъ изъ-за стола, я ему въ кабинетѣ разсказалъ о всѣхъ кавказскихъ интригахъ и объ участіи, выказанномъ здѣсь какъ графомъ Киселевымъ, такъ обратно и Воронцовыми, онъ далъ мнѣ добрый совѣтъ не пренебрегать также ходатайствомъ по начальству. Дмитрій очень логично пояснилъ мнѣ, что всегда лучше избѣгать враждебныхъ къ себѣ отношеній сильныхъ міра сего, а потому и въ настоящемъ случаѣ, надѣясь на помощь княгини Воронцовой, благоразуміе требуетъ, чтобы я явился къ военному министру съ изложеніемъ моей просьбы, о чемъ онъ, Милютинъ, познакомившись съ моими бумагами, берется предупредить князя Долгорукова въ мою пользу. Отъ души поблагодаривъ кузена за предложенныя имъ услуги, мы условились, что я на другой же день привезу ему документы.

Совершенно ободренный, вернулся я домой, гдѣ на письменномъ столѣ засталъ щегольской конвертъ съ адресомъ на мое имя, знакомаго мнѣ женскаго почерка: «Cher ami, arrivez demain, jeudi, chez moi à 1 heure précise pour une affaire très grave. A vous pour toujours, Marie Woronzoff»,—гласила записка. Въ назначенный часъ слѣдующаго дня входилъ я въ домъ Воронцовыхъ.

— Гдѣ княгиня?—спрашиваю у камердинера.

— Пожалуйте сюда,—указывая на антресоль, отвѣтилъ онъ. Въ изящной комнатѣ, въ родѣ фантастическаго будуара, сидѣла Марья Васильевна, а рядомъ съ нею Клавдій Ермоловъ, только что пріѣхавшій изъ Дрездена, гдѣ тогда находился больной князь Михаилъ Семеновичъ. Завязался общій разговоръ, но о моемъ собственно дѣлѣ ни слова. Что за чортъ,—думалъ я. Потребовали меня вѣдь не для того, чтобы переливать изъ пустаго въ порожнее. А une heure précise, а скоро два часа, и мистификація продолжается. Въ эту минуту раздались изъ швейцарской два оглушительныхъ звонка, непосредственно одинъ за другимъ.

—Ah, la voilà,—вскрикнула княгиня и, обращаясь ко мнѣ, добавила:—suivez moi!

Оставивъ Ермолова въ изящной клѣткѣ, я вслѣдъ за хозяйкой спустился въ залу, гдѣ княгиня встрѣтила быстро входящую великую княгиню Марію Николаевну. У ея высочества въ рукѣ были знакомыя мнѣ бумаги, свернутыя въ трубку и перевязанныя голубой лентой.

— Permettez de vous présenter, m-r Poltoratsky,—проговорила княгиня Марія Васильевна напускнымъ тономъ оффиціальности. Ея высочество привѣтливо кивнула мнѣ своею изящною головкой и, передавъ мнѣ свертокъ бумагъ, съ очаровательной улыбкой сказала:

— J'aime à croire que nous aurons du succès (мнѣ хочется вѣрить, что мы будемъ имѣть успѣхъ).—А затѣмъ, давъ мнѣ прило-

Библиотека "Руниверс"

ложиться къ ея точеной ручкѣ, порхнула въ гостинную, мы же съ Клавдіемъ скрылись на половину князя Семена Михайловича.

Передъ вечеромъ, въ назначенный часъ, я былъ у Дмитрія Милютина, котораго по экстренному вызову военнаго министра не засталъ дома, но кузина Наталья Михайловна передала мнѣ, по его порученію, чтобы я, оставивъ у него мои бумаги, самъ пріѣхалъ сегодня въ Гатчину и, явившись въ императорскій дворецъ, отыскалъ бы его въ пріемномъ залѣ, гдѣ, по окончаніи доклада военнаго министра его величеству, онъ меня представитъ князю Долгорукову. Съ десятичасовымъ поѣздомъ я выѣхалъ по желѣзной дорогѣ и, прибывъ въ Гатчину, отправился во дворецъ, согласно условію съ Милютинымъ, котораго и розыскалъ въ какой-то галлереѣ, примыкавшей къ собственнымъ его величества покоямъ. Дмитрій Алексѣевичъ поспѣшилъ сообщить мнѣ, что онъ внимательно прочелъ всѣ мои документы (которые тутъ же изъ своего портфеля досталъ и передалъ мнѣ) и находитъ ихъ вполнѣ и безспорно достаточными для полученія не одного, а трехъ Георгіевскихъ крестовъ, и что онъ, ѣдучи въ одномъ вагонѣ съ княземъ Долгорукимъ, уже успѣлъ все дѣло мое объяснить его сіятельству. Съ своей стороны я разсказалъ Дмитрію о вчерашней встрѣчѣ и сказанныхъ мнѣ словахъ великою княгиней Маріей Николаевной, на что онъ замѣтилъ: «одно другому не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что военнаго министра миновать этотъ вопросъ не можетъ».

Тѣмъ временемъ докладъ у государя императора еще не кончался, и Милютинъ, уже съ безпокойствомъ опоздать къ поѣзду, раза два взглядывалъ на часы свои, недоумѣвая о причинѣ затянувшейся аудіенціи. Вдругъ дверь распахнулась, и князь Долгоруковъ буквально выбѣжалъ въ галлерею съ портфелемъ въ рукахъ.

— Ваше сіятельство, имѣю честь представить...—заговорилъ Милютинъ:

— А, Полторацкій, очень радъ, извините, опоздаемъ!—на бѣгу протягивая мнѣ руку, но не останавливаясь, проговорилъ князь, бросаясь къ экипажу.

Я вскочилъ на извозчика и вслѣдъ за ними прискакалъ къ вокзалу, гдѣ уже раздавался второй звонокъ; минуту спустя запыхтѣла машина, и поѣздъ тронулся, увозя въ одномъ углу вагона 1-го класса князя Долгорукова съ Милютинымъ, а въ другомъ меня, мысленно обсуждавшаго, что вся эта тревожная ѣзда и представленіе по краткости и суетливости своей не стоили хлопотъ.

Во время переѣзда до Петербурга оба они, министръ и генералъ, о чемъ-то разговаривали и, какъ мнѣ показалось, была рѣчь и обо мнѣ, такъ какъ князь не разъ выразительно на меня взглядывалъ. Только что остановился поѣздъ въ Петербургѣ, и я

Библиотека "Руниверс"

успѣлъ выдти изъ вагона ранѣе военнаго министра, онъ на платформѣ подошелъ ко мнѣ и, снова протягивая мнѣ руку, очень любезно пригласилъ сейчасъ же ѣхать въ инспекторскій департаментъ и явиться дежурному генералу Катенину, «который все для васъ сдѣлаетъ». Я отвѣсилъ почтительный поклонъ и покатилъ къ зданію главнаго штаба. Былъ первый часъ по полудни, когда я вошелъ въ залу инспекторскаго департамента. Общій пріемъ давно уже кончился, и я засталъ тамъ одного лишь дежурнаго адъютанта, къ удивленію моему, стараго пріятеля и однокашника, Илью Ростовцева. Обмѣнявшись обычными привѣтствіями послѣ долгой разлуки, я спросилъ, могу ли я представиться его генералу, на что онъ отвѣтилъ, что пріемъ сегодня уже конченъ, но когда я объяснилъ ему, что являюсь по приказанію, только что полученному лично отъ военнаго министра, Ростовцевъ пошелъ въ кабинетъ дежурнаго генерала и, черезъ нѣсколько минутъ вернувшись, сообщилъ, что его превосходительство сейчасъ ко мнѣ выйдетъ, а самъ поспѣшилъ въ другую дверь съ какимъ-то порученіемъ. Я остался одинъ на стулѣ, около окна. Послышались шаги, и въ залу вошелъ видный, краснощекій генералъ-адъютантъ. Я поспѣшилъ встать и поклониться. Генералъ Катенинъ, нахмуривъ брови и не отдавая мнѣ поклона, подошелъ ко мнѣ и, пристально взглянувъ на мой армейскій мундиръ, полупрезрительно, полунадменно проговорилъ.

— А что тебѣ, мой милый, нужно?

У меня кровь хлынула къ лицу, и самъ не понимаю, какъ вырвался у меня отвѣтъ: «ничего, милѣйшій, мнѣ не нужно!».

Я опомнился лишь, когда внизу швейцаръ мнѣ подалъ шинель и захлопнулъ за мною дверцы кареты. Всю дорогу отъ главнаго штаба до Большой Милліонной я не переставалъ ругаться въ душѣ, но дома засталъ у себя Петра Сергѣевича Львова, полковника лейбъ-Егерскаго полка, который изощрялся въ краснорѣчивыхъ увѣреніяхъ, что генералъ Катенинъ пользуется у нихъ во всемъ гвардейскомъ корпусѣ репутаціей и славой перваго джентельмена и извѣстенъ всѣмъ и каждому въ Петербургѣ своимъ изящнымъ и учтивымъ обращеніемъ со всѣми подчиненными безъ исключенія.

Какъ же согласовать и чѣмъ объяснить непозволительную грубость его превосходительства со мной? Неужели Куринскій мундиръ, какъ менѣе блестящій, чѣмъ гвардейскій, даетъ право на подобное обращеніе съ тѣмъ, который честно его носитъ? Понять не умѣю...

В. А. Полторацкій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1]).

XVIII [2]).

Консультація у Пирогова.—Представленіе наслѣднику-цесаревичу.—Его милостивый пріемъ.—Графъ А. В. Адлербергъ.—Докторъ Буяльскій.—П. С. Львовъ и его исторія.—Письмо великой княгини Маріи Николаевны.—Надежда на полученіе Георгіевскаго креста.—Разговоръ съ графомъ Киселевымъ.—Полученіе Георгіевскаго креста.—Женитьба.—Князь М. Д. Горчаковъ.—Необходимость проститься съ Кавказомъ.

ОДНАКО, рука моя за послѣдніе дни дала себя знать. Приходилось заняться ею серьезно; но къ кому обратиться? Къ посредственностямъ не стоитъ, а знаменитости недоступны. Впрочемъ, мнѣ за достовѣрное говорили о существованіи Максиміліановской лечебницы, открытой для всѣхъ желающихъ воспользоваться медицинскими совѣтами всѣхъ свѣтилъ, не исключая Пирогова. Я рѣшился съѣздить туда. Войдя въ общую залу, я увидѣлъ въ концѣ ея знаме-

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 581.

[2]) Главой XVIII заканчивается первая половина «Воспоминаній» В. А. Полторацкаго. Вторая половина, — обнимающая болѣе близкое намъ время, именно пребываніе автора въ отставкѣ, дѣятельность его по земскимъ учрежденіямъ, вторичное поступленіе въ военную службу, въ Туркестанскій край, участіе въ Хивинскомъ походѣ и въ послѣдней войнѣ съ Турціей,—можетъ быть напечатана лишь въ извлеченіяхъ, начало которыхъ уже находится въ распоряженіи редакціи. Такимъ образомъ, продолженіе интересныхъ «Воспоминаній» В. А. Полторацкаго появится на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ будущемъ году. Ред.

Библиотека "Руниверс"

нитаго профессора, окруженнаго десяткомъ ассистентовъ. Сидя въ креслѣ, Пироговъ выслушивалъ, разспрашивалъ и осматривалъ больныхъ, вереницей подходившихъ къ нему за совѣтомъ или операціей, которую тутъ же, подъ личнымъ его наблюденіемъ, совершали его ассистенты. Обстановка всѣхъ хирургическихъ препаратовъ, столъ съ инструментами и слѣдами свѣжей крови, а рядомъ койка, покрытая клеенкой, при суетливомъ кругомъ движеніи врачей и фельдшеровъ, — внушительно на меня подѣйствовали, и шагъ за шагомъ передвигаясь впередъ, я обращался къ мысли, не лучше ли отретироваться подобру-поздорову. Ну, какъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій меня схватятъ, да и отрѣжутъ руку? Тутъ вѣдь не станешь входить въ аккомадацію, какъ съ Брашніевскимъ въ Кутаисѣ. Дрожь пробѣгала по всему тѣлу, а разстояніе до Пирогова становилось все меньше и меньше. Убѣжать — такъ сейчасъ, — подсказывалъ мнѣ страхъ, но субъектъ, шагавшій впереди меня, принялъ въ сторону, и я, какъ будто неожиданно, очутился лицемъ къ лицу передъ грознымъ ареопагомъ. Какъ только выдвинулъ я больную руку, со всѣхъ сторонъ устремились къ ней здоровыя руки услужливыхъ помощниковъ-врачей, чтобы разбинтовать сложную повязку. Пироговъ всталъ, внимательно осмотрѣлъ входъ и выходъ пули, ощупалъ омертвѣлые пальцы, опустилъ зондъ въ глубину раны и затѣмъ, не колеблясь ни секунды, рѣшительнымъ жестомъ указалъ на мѣсто на рукѣ, вершка полтора выше кисти къ локтю, лаконически проговоривъ ассистентамъ своимъ что-то полатыни. Они уже засуетились, когда Пироговъ, случайно отведя глаза отъ руки моей на стѣнные противъ него часы, показывавшіе безъ двухъ минутъ 11, торопливо остановилъ медицинскіе порывы словами: «Впрочемъ сегодня уже поздно», и, обращаясь ко мнѣ, добавилъ: «Пожалуйте сюда въ четвергъ къ 10 часамъ». Напоминая собой крестьянина, выскакивающаго изъ рекрутскаго присутствія при счастливомъ для него возгласѣ: «затылокъ!», я безъ оглядки бросился изъ благодѣтельнаго учрежденія и благословляю въ настоящее время судьбу, спасшую меня отъ ножа Пирогова. Нѣтъ, господа, напрасно прождете вы меня въ четвергъ. Теперь ни за что не брошусь искать вашей спасительной помощи. Если сегодня вы не сумѣли изуродовать меня, то слуга покорный: на то, видно, предопредѣленіе свыше. На обратномъ пути заѣхалъ я возстановить упадокъ силъ моихъ къ благодѣтелю Дюссо, гдѣ встрѣтилъ Гришу Строганова, гораздо практичнѣе оказавшаго мнѣ помощь. Бутылка холоднаго frappé à mort вина, которую мы съ нимъ осушили, не знаю какъ ему, а мнѣ согрѣла кровь. Дома засталъ карточку отъ княгини Марьи Васильевны съ лаконической припиской: «Demain, venez dîner absolument, affaire urgente!». Къ 6-ти часамъ я былъ, конечно, въ Малой Морской, гдѣ засталъ, кромѣ обычныхъ гостей, князя Бориса Голицына, женатаго на

Библиотека "Руниверс"

Левашевой, адъютанта государя цесаревича. Княгиня поспѣшила увлечь меня въ свой кабинетъ, гдѣ передала мнѣ запечатанное письмо отъ ея высочества великой княгини Маріи Николаевны къ наслѣднику Александру Николаевичу, причемъ великая княгиня въ запискѣ къ Марьѣ Васильевнѣ писала, чтобы я завтра явился въ Зимній дворецъ на половину цесаревича и, представясь ему, лично передалъ прилагаемое письмо его высочеству. Когда князь Голицынъ услышалъ о предстоящемъ моемъ представленіи, а Марья Васильевна разсказала ему, въ чемъ дѣло, онъ обязательно предложилъ взять на себя передачу письма великой княгини государю наслѣднику, объяснивъ при этомъ, что такъ какъ его высочество завтра утромъ вмѣстѣ съ государемъ императоромъ пріѣдетъ изъ Гатчины въ Петропавловскую крѣпость отслушать панихиду по въ Бозѣ почившей императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, а затѣмъ прибудетъ въ Зимній дворецъ на короткое время, а онъ, князь Голицынъ, будетъ дежурнымъ при цесаревичѣ, то и успѣетъ вручить ему письмо ранѣе выхода его высочества къ представляющимся. «Сегодня дежурнымъ князь Владиміръ Барятинскій, а завтра смѣню его я, и все устрою вамъ, только пріѣзжайте во дворецъ не позже половины перваго»,—любезно пояснилъ мнѣ князь Борисъ Дмитріевичъ.

Послѣ обѣда Клавдій Ермоловъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Ты, я думаю, не сомнѣваешься въ моемъ душевномъ къ тебѣ расположеніи и потому поймешь, что если хочу дать тебѣ добрый совѣтъ, то, конечно, изъ желанія тебѣ полнаго успѣха?

— Конечно, да, и впередъ обѣщаю принять его съ благодарностью,—отвѣтилъ я.

— Такъ вотъ, милый другъ, въ чемъ дѣло; съ государемъ наслѣдникомъ говори не робѣя все, что есть на душѣ, но только помни одно—имя князя Александра Ивановича Барятинскаго не поминай, а тѣмъ болѣе, Боже сохрани тебя, не вздумай критиковать его распоряженій! Помни же, если хочешь выиграть твое совершенно правое дѣло, то о Барятинскомъ ни гугу.

Я обѣщалъ принять къ исполненію его добрый совѣтъ и не произносить имени искренняго друга дѣтства его высочества. Но со всѣмъ тѣмъ, какъ же обойти его, если государю наслѣднику угодно будетъ разспросить меня о случившейся несправедливости? Извѣстіе о предстоящемъ счастіи—лично представиться и имѣть возможность изустно изложить его высочеству постигшее меня недоразумѣніе, сначала чрезвычайно меня обрадовало, но затѣмъ опасеніе чего нибудь не досказать, а еще хуже сказать лишнее и тѣмъ погубить мое дѣло безвозвратно, не давало мнѣ покоя. Часа два подбиралъ я въ умѣ выраженія, объясненія и отвѣты, которые неминуемо вызоветъ завтра аудіенція у его высочества, и,

Библиотека "Руниверс"

повторяя ихъ самъ себѣ, поминутно сбивался. Что же будетъ при личномъ разговорѣ? Этимъ господамъ, которые чуть ли не съ малыхъ лѣтъ вращаются среди членовъ императорской фамиліи, хорошо говорить: «объясняйся, не робѣя, выскажи все, что на душѣ, но не касайся того, не упоминай о томъ-то». А нашему брату, котораго дежурный генералъ, не царской крови, оборвалъ три дня назадъ, какъ плюгавую собаченку,—идти въ кабинетъ къ наслѣднику всероссійскаго престола, говорить съ нимъ по душѣ, когда душа эта уйдетъ въ пятки,—нѣтъ, шалишь, господа! Въ Чечнѣ на завалъ идти гораздо, во сто кратъ легче, чѣмъ предстоящая мнѣ аудіенція...

На слѣдующій день, ровно въ половинѣ перваго часа, вступилъ я въ пріемную залу государя наслѣдника, на половинѣ его высочества въ Зимнемъ дворцѣ. Дежурный адъютантъ князь Барятинскій, еще не смѣненный Голицынымъ, записалъ меня въ листокъ представляющихся и указалъ мѣсто, гдѣ встать. Изъ знакомыхъ прежде всѣхъ здѣсь попался мнѣ Фроловъ, преображенецъ, съ которымъ мы не встрѣчались съ самаго выпуска изъ Пажескаго корпуса. Фроловъ очень былъ смущенъ и, ожидая грозы неминуемой, разсказалъ мнѣ, что, состоя въ дѣйствующихъ батальонахъ Преображенскаго полка, давно выступившихъ въ Бѣлостокъ, онъ, вмѣсто того, чтобы быть при нихъ, только надняхъ вернулся въ Петербургъ изъ отпуска и получилъ повѣстку явиться къ августѣйшему главнокомандующему, ожидая, конечно, сильной головомойки. Въ пріемной залѣ толкалось много народа: тутъ были старшіе начальники частей и вѣдомствъ, Я. И. Ростовцевъ, Арбузовъ и другіе генералъ-адъютанты, а также молодые офицеры, временные ординарцы отъ всѣхъ гвардейскихъ (частей) полковъ при особѣ его высочества, всѣ наши однокашники: графъ Александръ Мусинъ-Пушкинъ отъ Кавалергардскаго полка, Рылѣевъ отъ Преображенскаго и проч. Представляющихся государю наслѣднику оказалось насъ всего пятеро: одинъ штабъ-офицеръ Измайловскаго полка, Фроловъ — штабсъ-капитанъ Преображенскаго, я — Куринскаго, и два молодыхъ офицера Прусскаго и Австрійскаго полковъ. По старшинству мнѣ пришлось стать третьимъ, то-есть въ срединѣ. Прошло около получаса въ ожиданіи пріѣзда его высочества изъ Петропавловской крѣпости. Наконецъ, изъ кабинета вышелъ новый дежурный адъютантъ, князь Борисъ Голицынъ, и, окинувъ всѣхъ взглядомъ, объявилъ, что его высочество сейчасъ изволитъ выдти. Черезъ минуту дверь изъ кабинета открылась снова, и его высочество, вступивъ въ залу, милостиво раскланялся на всѣ стороны и быстрыми шагами подошелъ къ представляющимся. Остановившись передъ правымъ фланговымъ штабъ-офицеромъ, его высочество, взглянувъ на меня, кивнулъ головою Фролову и прямо направился ко мнѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Полторацкій?—вопросительно обратился государь цесаревичъ.

— Точно такъ, ваше высочество.

— Вы тяжело ранены въ Чолокскомъ сраженіи, не такъ ли?

— Точно такъ, ваше императорское высочество.

— А куда именно?

— Въ животъ, руку и ногу, ваше высочество.

— А совѣтывались ли вы съ докторами?—съ особеннымъ участіемъ въ голосѣ спросилъ государь наслѣдникъ.

— Совѣтовался, ваше высочество, съ докторомъ Пироговымъ.

— И что же онъ сказалъ?—нетерпѣливо спросилъ его высочество.

— Завтра въ 10 часовъ назначилъ ампутацію руки.

— Такъ и есть,—съ видимой досадой и раздраженіемъ воскликнулъ цесаревичъ, быстро оглянувшись кругомъ, а потомъ, сдѣлавъ шагъ ко мнѣ, милостиво взялъ меня за руку и сказалъ:

— Не слушайте этихъ мясниковъ и безчеловѣчныхъ живодеровъ, имъ бы только кромсать мясо человѣческое (въ эту минуту въ двухъ шагахъ отъ его высочества въ звѣздахъ и регаліяхъ торчали два лейбъ-медика Вилье и Енохинъ). Послушайте, Полторацкій, моего совѣта и прежде, чѣмъ отдаваться въ руки Пирогова, обратитесь къ Буяльскому. Если Буяльскій рѣшитъ, что руки сохранить нельзя, то дѣлать нечего; но безъ него ради Бога не давайте рѣзать руки вашей. Недавно былъ тому блистательный примѣръ, послушайте: графъ Нессельроде, сынъ канцлера, упалъ въ манежѣ съ лошади и, ударившись о барьеръ, разбилъ себѣ локтевую кость. Его подняли безъ чувствъ и передали въ руки Пирогова, который тотчасъ же хотѣлъ отнять руку выше локтя, но къ счастью подоспѣлъ Буяльскій и объявилъ, что можно спасти пострадавшаго безъ всякой ампутаціи. Мнѣніе Буяльскаго взяло верхъ, и о результатѣ вы можете, Полторацкій, посудить сами: съѣздите къ Нессельроде и взгляните на его руку. Въ шесть недѣль леченія онъ не только шевелитъ ею, но даже началъ владѣть пальцами. Что касается васъ, то непремѣнно и прямо отсюда ступайте къ Буяльскому и отъ моего имени скажите ему, чтобъ онъ внимательно осмотрѣлъ ваши раны. А затѣмъ впослѣдствіи, если вамъ потребуется заграничное леченіе, то обращайтесь прямо ко мнѣ, и я съ особеннымъ удовольствіемъ буду содѣйствовать поѣздкѣ вашей за границу.

При этихъ словахъ его высочество милостиво опять пожалъ мнѣ руку и отошелъ къ ожидающимъ его генераламъ. Разговоръ съ ними продолжался нѣсколько минутъ, послѣ чего государь наслѣдникъ направился къ своему кабинету и уже взялся за ручку двери, когда опять обернулся къ намъ и произнесъ:

— Да, сегодня государь императоръ изволилъ получить донесеніе съ Кавказа о блистательномъ дѣлѣ барона Николаи на

Библиотека "Руниверс"

Кумыкской плоскости съ огромными скопищами непріятеля. Вотъ вы, Полторацкій, должны знать хорошо эту мѣстность около Абулатъ-Юрта. Представьте себѣ, до какой степени побѣда надъ горцами полная, что начальникъ лѣваго фланга баронъ Врангель представляетъ барона Николаи въ полковничьемъ чинѣ къ ордену св. Георгія 3-й степени.

Съ этими словами его высочество скрылся въ кабитетѣ. Въ ту же минуту я почувствовалъ крѣпкій на щекѣ моей поцѣлуй Фролова.

— Спасибо тебѣ, дружище, только по твоей милости меня миновала гроза. Ну, теперь съ Богомъ, удираемъ скорѣе, — пробасилъ рослый преображенецъ, подхвативъ меня подъ правую руку и увлекая къ выходу изъ залы.

Я очень хорошо сознавалъ, что при милостивомъ ко мнѣ вниманіи государя наслѣдника относительно моего физическаго состоянія животрепещущій вопросъ о моемъ дѣлѣ Георгіевскаго креста еще вовсе не былъ затронутъ его высочествомъ; но, поддавшись усиленнымъ приглашеніямъ Фролова, а съ другой стороны въ силу того, что государь наслѣдникъ общимъ къ намъ поклономъ какъ бы положилъ конецъ пріему, за неимѣніемъ сегодня времени продлить его, я спустился съ лѣстницы и въ швейцарской уже надѣлъ шинель, когда внезапно послышались усиленные съ верху крики: «Полторацкій, Полторацкій, назадъ, назадъ! его высочество васъ требуетъ!». Сбросивъ шинель, я, на сколько позволяли силы, поспѣшилъ наверхъ и, страшно запыхавшись, достигъ опять залы, изъ которой такъ поспѣшно увлекъ меня Фроловъ. «Куда вы исчезли, его высочество зоветъ васъ въ кабинетъ свой?»—съ упрекомъ встрѣтилъ меня князь Голицынъ, поспѣшно провожая меня къ двери кабинета. Въ небольшой комнатѣ, за письменнымъ столомъ стоялъ его высочество, а съ боку у него адъютантъ его, полковникъ графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ.

— Полторацкій,—самымъ ласковымъ и ободрительнымъ голосомъ изволилъ обратиться ко мнѣ цесаревичъ, — великая княгиня Марія Николаевна писала мнѣ, что вы имѣете право, а потому и просите награжденія васъ орденомъ св. Георгія. Разскажите мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Ваше императорское высочество,—сначала смущенно, но потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе заговорилъ я:—счастливая случайность помогла мнѣ въ сраженіи 4-го іюня на Чолокѣ при штурмѣ укрѣпленнаго турецкаго лагеря взойти первымъ на батарею, съ боя овладѣть двумя непріятельскими орудіями, доставленными начальству подъ росписку, и штыками опрокинуть два табора низама, а затѣмъ атаковать турокъ въ лагерѣ и на другой батареѣ, причемъ въ разное время и раненъ тремя пулями навылетъ.

— И у васъ, Полторацкій, всему этому, какъ я слышалъ, есть письменныя доказательства? — съ замѣтнымъ участіемъ спросилъ государь наслѣдникъ.

Библиотека "Руниверс"

— Есть, ваше высочество, свидѣтельства за подписью всѣхъ прямыхъ начальниковъ, князя Андронникова и генерала Майделя, а такъ же подлинный приказъ по отдѣльному кавказскому корпусу.

— Удивительно, какъ подобныя дѣла могутъ твориться на землѣ!—изумленно и вздернувъ плечами, произнесъ государь наслѣдникъ.

— Ваше высочество,—совершенно ободренный видимымъ сочувствіемъ моего августѣйшаго покровителя, бухнулъ я:—не даромъ на Кавказѣ говорятъ: «до Бога высоко, до царя далеко». Не со мною однимъ творятся тамъ возмутительныя несправедливости.

— Объясните, что вы этимъ хотите сказать,—слегка нахмуривъ брови, но снисходительно спросилъ цесаревичъ.

— А то, осмѣлюсь доложить вашему высочеству, что если я имѣлъ и физическія силы и матеріальныя средства доѣхать съ Кавказа въ Петербургъ, а главное достигнуть счастья быть допущеннымъ до личнаго объясненія съ вашимъ императорскимъ высочествомъ, то извольте, государь, войти въ положеніе тѣхъ изъ товарищей моихъ, которые, имѣя, какъ и я, несомнѣнныя права на награжденіе Георгіевскими крестами и также несправедливо вычеркнутые изъ представленія, теперь томятся на Кавказѣ ранеными, безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ для путешествія до Петербурга и безъ малѣйшихъ связей и протекцій, чтобы имѣть право на надежду быть допущенными къ принесенію жалобъ своихъ лично вашему императорскому высочеству.

Досказавъ послѣднія слова въ сильнѣйшемъ волненіи, я чувствовалъ, какъ слезы подступали къ горлу. Наслѣдникъ замѣтилъ мои страданія и самъ нетвердымъ голосомъ спросилъ меня: «Кто именно эти офицеры?». Я назвалъ Кутлера и Кирхмана, вкратцѣ изложивъ ихъ подвиги, перваго на Чолокѣ, а втораго въ Негоитахъ.

— Да,—съ глубокимъ вздохомъ произнесъ его высочество:—это возмутительно, но поправимо, такъ какъ возлюбленный монархъ, государь императоръ, всегда и во всемъ справедливъ и безгранично милостивъ. Мнѣ невозможно самому просмотрѣть всѣ ваши документы, но ты, Адлербергъ, останься сегодня здѣсь, прими и разбери всѣ бумаги Полторацкаго и завтра же привези ихъ мнѣ въ Гатчину, и я самъ составлю о нихъ докладъ его величеству. А вы, Полторацкій, условьтесь съ графомъ, когда вамъ свидѣться, и представьте ему, кромѣ своихъ свидѣтельствъ, записку о тѣхъ офицерахъ...

Въ эту минуту въ дверяхъ кабинета показался князь Голицынъ, поспѣшно объявившій: «Ваше высочество, государь императоръ уѣзжаетъ и ожидаетъ васъ!»—«Итакъ, до свиданья!»—протянувъ мнѣ руку, сказалъ государь наслѣдникъ, быстро зашагавъ черезъ залу на собственный его величества подъѣздъ. Толпою мы всѣ провожали его, когда вдругъ онъ спохватился, что второ-

Библиотека "Руниверс"

пяхъ забылъ на письменномъ столѣ перчатки. Пока бросились за ними, и его высочество пріостановился, графъ Адлербергъ подошелъ ко мнѣ и любезно спросилъ:

— Vous conviendrait-il de me faire le plaisir de passer chez moi ce soir entre 7 et 8 heures [1])?

— Parfaitement, m-r le comte [2]),—отвѣтилъ я.

— Да, да, — милостиво вмѣшался наслѣдникъ, — но, всетаки, прежде ступайте къ Буяльскому прямо отъ меня и сейчасъ же!

И эти слова благодушнѣйшій цесаревичъ изволилъ проговорить съ такимъ выраженіемъ, что можно было подумать, что исполненіемъ его совѣта окажу одолженіе его высочеству.

Да, дѣйствительно съ такимъ душевнымъ человѣкомъ, какъ государь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, никому не должно быть страшно говорить по душѣ. Не чувствуя подъ собою земли отъ счастья послѣ безгранично милостиваго пріема его высочествомъ и съ твердой теперь надеждой на торжество справедливости, я покатилъ на Владимірскую, а оттуда въ Колокольный переулокъ, въ домъ тайнаго совѣтника Буяльскаго. На звонъ мой входную дверь отворила мнѣ почтенная старушка, объявившая, что доктора Буяльскаго нѣтъ дома и что лучше мнѣ пріѣхать въ другой разъ; но когда я сообщилъ, что являюсь по личному приказанію его императорскаго высочества, то она привѣтливо пригласила войти, добавивъ, что, вѣроятно, докторъ скоро вернется со службы. Педантически чистая и порядливая во всѣхъ мелочахъ обстановка уютной комнаты, въ которой водворила меня въ свою очередь замѣчательно опрятная и симпатичная хозяйка,—дышала теплотой, чистымъ воздухомъ и неуловимымъ вѣрованіемъ, что здѣсь живутъ отлично честные и сердечные люди. Не умѣю выразить—почему, но таково было мое настроеніе въ ожиданіи хозяина, не долго заставившаго меня размышлять въ одиночествѣ. Въ прихожей послышался стукъ калошъ, а секунду спустя мягкими шажками вкатился въ комнату маленькій, сѣденькій, чисто-выбритый старичекъ, въ мундирѣ, сплошь покрытомъ на всей груди безчисленными орденами и звѣздами. Подвижной иконостасъ этотъ съ привѣтливой улыбкой проворно подбѣжалъ ко мнѣ и, почтительно выслушавъ переданную мною волю его высочества, проговорилъ: «сію минуту я буду къ вашимъ услугамъ», послѣ чего быстро скрылся за боковою дверью. Не прошло и пяти минутъ, какъ почтенный докторъ опять очутился передъ мною, но вмѣсто мундира на немъ былъ надѣтъ длинный до самого полу ослѣпительной бѣлизны фартукъ, а рукава глянцовитаго камзола засучены по самые локти.

---

[1]) Удобно ли вамъ доставить мнѣ удовольствіе, заѣхать ко мнѣ сегодня вечеромъ, между 7 и 8 часами.

[2]) Вполнѣ удобно, графъ.

Библиотека "Руниверс"

— Теперь приступимъ къ дѣлу, спѣшить некуда, у меня есть время,—одобрительно произнесъ старикъ, усаживая меня противъ себя въ кресло.

Какъ только я снялъ повязку, Буяльскій подвинулся ко мнѣ и впился глазами въ мою руку. Около получаса продолжался осмотръ ея, съ систематическимъ, самымъ внимательнымъ изслѣдованіемъ раны и всѣхъ совершившихся ея послѣдствій на кисти и пальцахъ. Пріемы и обращеніе Буяльскаго съ изувѣченною рукой моей отличались осторожностью и мягкостью. Нетерпѣливо ожидалъ я своего приговора, не умѣя во взглядѣ его прочесть впечатлѣнія, произведеннаго страшнымъ видомъ уродливой руки моей, жестоко раздутой, а вмѣстѣ безжизненной и мертво-блѣдной.

— Нѣтъ!—спокойнымъ голосомъ наконецъ проговорилъ докторъ,—нѣтъ, сто разъ нѣтъ! Ампутировать не надо!

Я просіялъ, Буяльскій же продолжалъ съ разстановкой рѣчь свою:

— Рана ваша жестокая, всѣ мелкія кости, въ соединеніи ихъ у кисти руки раздроблены въ куски, страданія вы испытали ужасныя, и при отдѣленіи въ будущемъ осколковъ костей вамъ предстоятъ еще мученія. Рукою владѣть, какъ прежде, вы никогда не будете. Ея вы лишитесь навсегда, но ампутировать ни за что! Гдѣ вы намѣрены поселиться теперь?

— Въ провинціи, а болѣе въ деревнѣ,—отвѣтилъ я.

— Можно ли тамъ имѣть телятъ?

Неожиданный вопросъ этотъ привелъ меня въ недоумѣніе.

— Есть ли у васъ телята?—очень внятно повторилъ вопросъ Буяльскій.

— Есть, но довольно плохіе,—смиренно отвѣчалъ я.

— Это ничего, вамъ не кушать ихъ!—весело смѣясь, возразилъ веселый старичекъ.—Нужны животныя ванны, онѣ необходимы вамъ втеченіе шести или восьми мѣсяцевъ,—и, увидѣвъ мое прежнее недоумѣніе, объяснилъ мнѣ, что надо рѣзать молодаго теленка, всовывать во внутрь обнаженную до плеча больную руку, которою всячески стараться шевелить и двигать мускулами, пока температура высоко-теплая внутренностей теленка не охладится совершенно, примѣрно около трехъ четвертей часа.

— Угасающія жизненныя силы животнаго,—говорилъ Буяльскій,—неминуемо должны сообщаться омертвѣлымъ частямъ вашей руки и въ концѣ концовъ, въ извѣстной степени, возстановить жизнь, силу и даже движеніе вотъ въ этихъ двухъ пальцахъ, большомъ и указательномъ. Независимо отъ этихъ означенныхъ мною выгодъ сохранить руку, хотя и съ большимъ изъяномъ, есть не менѣе важная причина для избѣжанія ампутаціи: это—общее кровообращеніе. При вашемъ сложеніи избытокъ крови, обращающейся теперь во всей рукѣ, а по отнятіи ея, неминуемо оставаясь въ

Библиотека "Руниверс"

прежнемъ количествѣ, долженъ повесть къ отучненію, а впослѣдствіи къ апоплексическому удару. Поэтому еще разъ повторяю мое непреклонное убѣжденіе: рѣзать руку не слѣдуетъ.

Этимъ рѣшеніемъ Буяльскій еще не окончилъ своей инструкціи и подробно вдался въ указанія образа жизни и прочихъ условій, необходимыхъ для успѣшнаго пользованія раны моей, причемъ, совѣтуя больше моціона, абсолютно запретилъ охоту съ ружьемъ. Когда я сталъ забинтовывать руку, Буяльскій вышелъ изъ пріемной комнаты и тотчасъ же вернулся съ карточкой въ рукахъ.

— Вотъ по этому адресу въ означенномъ магазинѣ сегодня же закажите повязку изъ листоваго желѣза, обтянутаго сукномъ. Мастеръ бандажистъ знаетъ, что вамъ нужно; скажите ему отъ меня № 7; повязка та несравненно легче, прочнѣе и удобнѣе.

Заслушавшись его наставленій, я не замѣтилъ, какъ онъ, пожелавъ мнѣ скорѣйшаго выздоровленія, исчезъ изъ пріемной. Въ прихожей меня встрѣтила та же миловидная старушка.

— Докторъ совсѣмъ ушелъ?—спросилъ я.

— Да-съ, у нихъ тамъ другіе посѣтители,—добродушно улыбаясь, отвѣчала она.

— А какъ же за визитъ, за консультацію?—пріискивая слова, допрашивалъ я.

— Они отъ раненыхъ никогда не пользуются,—возразила старушка.

— А отъ другихъ?—присталъ я.

— А другіе—что пожалуютъ вотъ въ эту кружку,—указала она на мѣдную съ какой-то надписью, вѣроятно, о цѣли благотворительной, кружку, прибитую къ стѣнѣ.

Я поспѣшилъ достать десятирублевую бумажку и, не смотря на протестъ: «напрасно изволите безпокоиться», опустилъ ее въ глубь посудины. Вдвойнѣ довольный днемъ своимъ, я только что пріѣхалъ домой, какъ явился камердинеръ тетушки съ приглашеніемъ пожаловать къ ея превосходительству.

— А кто у Софьи Борисовны?—слѣдуя на ея половину, спросилъ я.

— Никого-съ, они однѣ-съ и желаютъ васъ видѣть.

Тетушка встрѣтила меня вопросами о представленіи его высочеству и, очень довольная моими разсказами, поощряла неизмѣнными фразами: «Bien, très bien, mon cher; je suis très satisfaite, mon cher; je suis bien contente, à la bonne heure, mon cher». Было уже не рано, пробило четыре часа, когда я сказалъ ей, что мнѣ слѣдуетъ съѣздить къ княгинѣ Марьѣ Васильевнѣ и ей разсказать о результатѣ аудіенціи. «Ah, cetrainement, mon cher, allez vite, vite! Vous devez de la reconnaissance à la princesse Marie, qui a eu tant de bontés pour vous. Dites-lui, mon cher, milles choses de ma part aussi!»

Библиотека "Руниверс"

Княгиня была очень довольна ходомъ моего дѣла, а князь Simon, удержавъ меня у нихъ обѣдать, любезно предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ къ гр. Адлербергу. Воспользовавшись свободнымъ часомъ времени до обѣда, я въ кабинетѣ князя составилъ на память записку о Кутлерѣ и Кирхманѣ и, пріобщивъ ее къ своимъ документамъ, все подготовилъ для подробнаго доклада уполномоченному его высочествомъ. Въ началѣ восьмаго часа карета князя Воронцова остановилась у подъѣзда дома гр. Адлерберга, принявшаго насъ въ роскошномъ своемъ кабинетѣ. Князь Simon, чтобы не стѣснять насъ своимъ присутствіемъ, отправился на половину хозяйки, а я, расположившись въ покойномъ креслѣ у камина, началъ перечитывать графу привезенныя свидѣтельства и приказы.

— Да тутъ и сомнѣнія никакого быть не можетъ,—неоднократно прерывалъ меня гр. Александръ Владиміровичъ.—Я повторю слова его высочества: «просто непостижимо, какъ у нихъ на Кавказѣ хватило духа не признать васъ достойнымъ Георгіевскаго креста».

На это я счелъ умѣстнымъ разсказать графу все, касающееся злополучнаго представленія, и наконецъ несбыточныя обѣщанія, которыми вздумалось соблазнять меня князю Барятинскому. Графъ Адлербергъ внимательно слушалъ и взялъ всѣ бумаги мои, а равно касавшіяся Кутлера съ Кирхманомъ, которыхъ даже просилъ о томъ увѣдомить. Распивая чай, мы долго разговаривали съ любезнымъ хозяиномъ о постороннихъ предметахъ и о Кавказѣ въ особенности, когда доложили, что свѣтлѣйшій князь приказалъ спросить, не обезпокоитъ ли насъ своимъ приходомъ. Черезъ пять минутъ онъ явился съ жалобою, что графиня, по случаю зубной боли, была съ нимъ очень не любезна, что онъ соскучился и хотѣлъ уже спастись бѣгствомъ. Графъ Адлербергъ, прежде чѣмъ отпустить его, передалъ князю Семену Михайловичу свой взглядъ на мое дѣло.

Вернувшись съ княземъ въ Малую Морскую, мы застали массу народа у княгини Марьи Васильевны, и я немедленно отправился домой, гдѣ опять засталъ Петра Сергѣевича Львова. Среди общихъ воспоминаній коснулись мы мистификаціи, случившейся съ нимъ и заслуживающей того, чтобы разсказать о ней.

Въ 1848 году разразилась здѣсь, въ Петербургѣ, извѣстная исторія политическаго характера—Петрашевскаго. Въ этомъ несчастномъ заговорѣ приняли участіе многіе изъ молодыхъ людей, которыхъ, при открытіи ихъ общества тайной полиціей, всѣхъ перехватали и засадили въ крѣпость. Въ числѣ ихъ однажды ночью совершенно неожиданно былъ поднятъ съ постели, арестованъ и отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость,—кто же?—лейбъ-егерскаго полка капитанъ Петръ Сергѣевичъ Львовъ, до мозга костей своихъ проникнутый вѣрноподданническими чувствами и преданностью

Библиотека "Руниверс"

царю и отечеству. Львовъ, всецѣло поглощенный обязанностями ротнаго командира, едва ли не самаго ретиваго въ полку, не только никогда не помышлялъ сдѣлаться членомъ какого нибудь тайнаго общества, но даже, когда всѣ уже въ Петербургѣ заговорили объ открытіи его, онъ ничего не слышалъ, не зналъ и не подозрѣвалъ. Легко поэтому представить себѣ отчаяніе примѣрнаго слуги отечества, пятнадцать лѣтъ безпорочно и усердно вытягивавшаго носокъ на всѣхъ парадахъ и разводахъ, когда внезапно, нежданно и негаданно, онъ очутился въ одиночномъ заключеніи въ страшной крѣпости. По строгому съ нимъ обращенію и всей неприглядной обстановкѣ ареста, Львовъ, конечно, догадался объ очень важномъ обвиненіи, обрушившемся на его неповинную голову, совершенно отказавшуюся помочь ему въ открытіи настоящихъ причинъ его бѣдственнаго положенія. Проходятъ мучительные часы, дни, недѣли. Больной и разбитый, Петръ Сергѣевичъ томится жестокою неизвѣстностью, почему и за что попалъ онъ въ тюрьму. Сообщеній и свиданій ни съ кѣмъ и ни подъ какимъ видомъ не допускается. Просьбы и мольбы, словесныя и письменныя, коменданту крѣпости остаются безъ отвѣта, а изъ полка, гдѣ у него было не мало пріятелей, ни малѣйшаго признака не только участія, но даже и воспоминанія о его существованіи. Мысль о переполохѣ, который неминуемо произвело въ семействѣ извѣстіе о его заключеніи, преслѣдуетъ бѣднаго узника день и ночь. По словамъ Львова (а не вѣрить ему въ этомъ случаѣ немыслимо), онъ дошелъ до той степени отчаянія, что, не имѣя подъ рукой орудія, чтобъ покончить съ собой, онъ принялъ твердое рѣшеніе уморить себя голодомъ и пять дней уже не прикасался къ скудной пищѣ... Заскрипѣла тяжелая дверь, вошли какіе-то люди и стали будить и требовать, чтобы онъ одѣлся и слѣдовалъ за ними, а когда убѣдились, что онъ въ изнеможеніи не способенъ не только встать, но даже понять ихъ приказаній, они на рукахъ вынесли Львова въ карету и, усадивъ съ нимъ рядомъ жандарма, а другаго на козлы, повезли куда-то. Свѣжій воздухъ, пахнувшій на арестанта, нѣсколько освѣжилъ его и привелъ въ чувство. Карета остановилась, и его подъ руки ввели въ многолюдное собраніе судей и подсудимыхъ для очной ставки съ послѣдними.

— Это не онъ, этого мы не знаемъ!—послышались одинъ за другимъ отзывы всѣхъ виновныхъ.

— Какъ не онъ? Это Львовъ, лейбъ-егерь Львовъ, который значится въ спискѣ сообщниковъ вашихъ,—утвердительно возглашаетъ грозный судья.

— Нѣтъ, не онъ, и мы его не знаемъ,—стоятъ на своемъ подсудимые.

Недоразумѣніе открывается: схваченъ и брошенъ былъ въ тюрьму невинный. Вскорѣ затѣмъ воспослѣдовала разгадка этому

Библиотека "Руниверс"

прискорбному qui pro quo. Тайная полиція, открывшая существованіе общества Петрашевскаго, при обыскѣ одного изъ участниковъ, нашла списокъ всѣхъ членовъ его, въ которомъ, между прочимъ, значилось: лейбъ-егерь Львовъ, вслѣдствіе чего, не долго разсуждая, бросились въ лейбъ-егерскій полкъ и схватили капитана Петра Сергѣевича Львова, дальнѣйшая участь котораго и описана выше. На дѣлѣ же сообщникомъ тайнаго общества былъ вовсе не офицеръ лейбъ-егерскаго, а лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, Львовъ, даже не родственникъ Петра Сергѣевича. Тотъ же Львовъ преспокойно гулялъ на свободѣ и показывался въ обществѣ. Когда открылась истина, приняты были мѣры къ его поимкѣ, и гдѣ же арестовали его? Въ Петергофѣ, у подъѣзда гостинницы «Самсонъ», въ ту минуту, когда герой этотъ садился въ дилижансъ для обратной поѣздки въ Петербургъ. Освобожденіе изъ крѣпости Петра Сергѣевича Львова послѣдовало въ апрѣлѣ мѣсяцѣ за нѣсколько дней до обычнаго майскаго парада. Капитанъ Львовъ, вполнѣ оправданный, вернулся къ полку и вступилъ попрежнему въ командованіе своей ротой, больной и разстроенный испытанными огорченіями, но счастливый возстановленіемъ своей доброй репутаціи. Но одно негласное водвореніе Львова въ прежнія права представилось глазамъ его императорскаго величества слишкомъ неудовлетворительнымъ возмездіемъ за несправедливо испытанныя имъ страданія, и вотъ здѣсь Николай I явилъ еще разъ внушительный примѣръ безпредѣльнаго величія души своей. На Царицыномъ лугу, при сборѣ до 60 тысячъ войскъ и стеченіи не меньшаго количества любопытныхъ зрителей всѣхъ сословій столицы, когда части проходили мимо павильона, занятаго государыней императрицей и многолюдной свитой ея, и приблизился лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, въ которомъ и Львовъ парадировалъ передъ своимъ дивизіономъ,—его величество своимъ неподражаемымъ по звучности голосомъ изволилъ скомандовать: «Парадъ, стой!»; затѣмъ, знакомъ руки остановивъ музыку, императоръ далъ шпоры коню, подъѣхалъ къ Львову и громко во всеуслышаніе тысячамъ своихъ подданныхъ обратился къ нему:

— Львовъ, по несчастной ошибкѣ, ты несправедливо и совершенно неповинно пострадалъ! Я искренно прошу тебя великодушно простить меня! Бога ради забудь все случившееся съ тобой и обойми меня!

Съ этими словами его величество, склонившись съ коня, три раза крѣпко облобызалъ, безгранично осчастливеннаго этою великою милостью своего государя Петра Сергѣевича. Для него незабвенная минута эта представила высшую награду.

На другой день я былъ опять на Владимірской, но уже у Николая Милютина, недавно женившагося на прелестной Марьѣ Агѣевнѣ Абазѣ. За обѣдомъ я познакомился съ очаровательной

Библиотека "Руниверс"

моей кузиной. Дѣйствительно, женственная грація, умъ и миловидность молодой Marie Милютиной, взятыя съ хорошимъ къ тому же и состояніемъ, составляютъ лакомый кусочекъ, доставшійся счастливцу Николаю Алексѣевичу. Онъ, впрочемъ, человѣкъ такой теплой и возвышенной души, что нельзя не порадоваться выпавшему на его долю благополучію. По возвращеніи отъ Милютиныхъ домой, швейцаръ передалъ мнѣ, что часъ назадъ пріѣзжала Марья Васильевна Воронцова и, очень сожалѣя, что не застала меня, приказала передать, что ей очень, очень нужно меня видѣть. Разумѣется, я сейчасъ же направился въ Малую Морскую, гдѣ ея свѣтлость, сіяющая удовольствіемъ, вручила мнѣ письмо къ ней ея высочества великой княгини Маріи Николаевны. Въ этомъ дорогомъ письмѣ значилось:

«Государь наслѣдникъ письменно сообщаетъ мнѣ, что вчера имѣлъ счастіе докладывать государю императору о дѣлѣ de notre protégé Poltoratsky, на что его императорское величество изволилъ выразиться: «Полторацкій въ полномъ правѣ не просить, а требовать!». Поэтому, вслѣдствіе всемилостивѣйшаго воззрѣнія на справедливое домогательство обойденныхъ въ представленіи къ Георгіевскимъ крестамъ всѣхъ трехъ офицеровъ, по высочайшему повелѣнію, будетъ отправлено на мѣсто совершенныхъ ими подвиговъ довѣренное отъ его величества лицо для производства слѣдствія о причинахъ, побудившихъ кавказское начальство отказать помянутымъ офицерамъ въ должномъ вознагражденіи, какъ по строгой справедливости, такъ и по статуту Георгіевскаго креста. Сообщая объ этомъ пріятномъ оборотѣ интересующаго тебя вопроса, могу добавить отъ себя, что я вполнѣ убѣждена въ успѣхѣ предположеннаго разслѣдованія и никогда не сомнѣваюсь, что въ скоромъ времени недоразумѣніе выяснится въ ихъ пользу».

По случаю счастливаго этого сообщенія княгиня Марья Васильевна за обѣдомъ потребовала шампанское, и поздравленіямъ не было конца. Вернувшись, я настрочилъ нѣсколько словъ матери въ деревню, а главное Ѳедору Ѳедоровичу Кутлеру въ Пятигорскъ, гдѣ мой милый сотоварищъ томился въ неизвѣстности. Впрочемъ, изъ Ставрополя я черкнулъ Кутлеру два слова: «Ѣду въ Петербургъ вторично брать штурмомъ Георгіевскіе кресты себѣ и вамъ». Адресъ Кирхмана, къ сожалѣнію, мнѣ не извѣстенъ, а потому онъ узнаетъ о счастливомъ событіи только изъ высочайшихъ приказовъ.

Счастливое настроеніе мое снова отравлено было въ эти дни особенно жестокимъ приступомъ страданій въ рукѣ. Два дня и двѣ ночи сряду я неимовѣрно страдалъ острою болью въ самой срединѣ раны, успокоившейся, наконецъ, послѣ вышедшей наружу косточки, по счету уже семнадцатой. Часъ спустя, я былъ уже въ каретѣ и катилъ по городу съ прощальными визитами. Ѣхать бла-

Библиотека "Руниверс"

годарить государя наслѣдника мнѣ добрые люди отсовѣтывали, находя это преждевременнымъ, но никто не помѣшалъ мнѣ излить чувства признательности всѣмъ, принявшимъ участіе въ моемъ затруднительномъ положеніи, Воронцовымъ въ особенности. Былъ я у обоихъ братьевъ Милютиныхъ, у Строганова, у Татьяны Борисовны Потемкиной, у Sophie Рибопьеръ и у графини Елены Орловой-Денисовой. Былъ и у пьедестала и пищу принималъ у него. Нигдѣ я такъ не торжествовалъ, какъ при свиданіи вчера съ именитымъ дядюшкой, графомъ Павломъ Дмитріевичемъ Киселевымъ. Принялъ онъ меня въ своемъ великолѣпномъ министерскомъ кабинетѣ съ обычною важностью и недосягаемымъ величіемъ.

— Я пріѣхалъ, дядюшка, откланяться; послѣзавтра возвращаюсь восвояси.

— А, ужъ уѣзжаешь, значитъ, дѣла свои здѣсь покончилъ? Видѣлъ докторовъ?—съ напускнымъ участіемъ удостоилъ меня вопросомъ надменный сановникъ.

— Видѣлъ Пирогова, который непремѣнно хотѣлъ отнять руку, но, благодаря совѣту Буяльскаго, это не удалось ему.

— Гм! А мнѣ говорили, что раны твои легкія... ну, а насчетъ другихъ хлопотъ твоихъ, что вѣдь правъ былъ я?

— Нѣтъ, дядюшка, къ счастью, вы были не правы.

— Какимъ образомъ?—нахмуривъ брови, видимо недовольный рѣзкимъ опроверженіемъ своей непогрѣшимости, спросилъ Павелъ Дмитріевичъ.

— Государь императоръ изволилъ выразить, что я вправѣ не просить, а требовать.

— Но кто же докладывалъ о тебѣ государю?—живо и съ видимымъ любопытствомъ вопросилъ пьедесталъ.

— Его высочество, государь наслѣдникъ.

— А кто просилъ наслѣдника?—съ возростающимъ удивленіемъ вскрикнулъ онъ.

— Ея высочество великая княгиня Марія Николаевна, принявшая къ сердцу мое горестное безвыходное положеніе.

Графъ счелъ излишнимъ продолжать свой допросъ и, черезъ красивые усы свои засвиставъ какой-то мотивъ изъ оперы, съ нетерпѣніемъ сталъ рыться въ бумагахъ на письменномъ столѣ. Прошло нѣсколько минутъ натянутаго молчанія.

— Такъ ты когда уѣзжаешь изъ Петербурга?—не глядя на меня, бросилъ онъ вопросъ.

— Послѣзавтра непремѣнно.

— А! въ такомъ случаѣ завтра пріѣзжай обѣдать.

Я всталъ и, только что заперъ за собою дверь, разразился неудержимымъ смѣхомъ.

На слѣдующій день дѣйствительно я обѣдалъ у Киселева въ обществѣ шести постороннихъ, изъ которыхъ одинъ былъ мнѣ не

Библиотека "Руниверс"

чужой — Николай Милютинъ. Графъ Павелъ Дмитріевичъ былъ очень любезенъ, о вчерашнемъ неудовольствіи не было и помина, и вообще вопросъ о Георгіевскомъ крестѣ не возобновлялся, за то вниманію ко мнѣ не было границъ. Оно достигло неслыханныхъ размѣровъ за столомъ, когда графъ, взявъ себѣ на тарелку замысловатаго паштета, изволилъ собственноручно нарѣзать его и передать по моему адресу, какъ доказательство лестнаго соболѣзнованія своего къ безпомощности пролившаго кровь за отечество... Передъ уходомъ моимъ онъ позвалъ меня въ свой частный кабинетъ и, сунувъ мнѣ въ руку заготовленный конвертъ, съ оговоркой открыть его дома, ласково, даже нѣжно поцѣловалъ и пожелалъ мнѣ всякаго благополучія.

Съ теткой Софьей Борисовной я простился съ вечера. Вавила былъ очень радъ; онъ давно твердилъ, что пора уѣзжать въ его милое Завражье, такъ какъ столичные грандёры пришлись ему не по сердцу, и онъ считалъ придворный штатъ Софьи Борисовны не стоящимъ высокаго вниманія его, кавказскаго вояки.

Прошло два года. Много произошло перемѣнъ въ моей жизни. Георгіевскій крестъ я уже получилъ, права мои возстановлены; руку на сколько возможно вылечилъ животными ваннами по совѣту Буяльскаго; не владѣю только двумя пальцами, но и съ ними приспособляюсь. Наконецъ, по прошествіи одиннадцатимѣсячнаго отпуска, подалъ въ отставку, которую послѣ двукратнаго отказа, при лестномъ заявленіи, что такіе офицеры, какъ я, нужны для отечества, однако, всетаки, получилъ, и въ январѣ 1856 года женился по страстной любви на дочери Вѣры Яковлевны Левшиной, Софьѣ, моей троюродной сестрѣ. Въ томъ же году, въ августѣ мѣсяцѣ, пріѣхалъ я съ молодой женой изъ Торжка въ Москву къ предстоящимъ торжествамъ священнаго коронованія императора Александра II. Описывать блескъ, роскошь и богатство всѣхъ празднествъ незабвеннаго коронованія 1856 года было бы повторять давно и уже много разъ описанное всѣми современниками этого торжества. Волшебные фейерверки, иллюминаціи и народные праздники безпрерывно смѣнялись величественными балами при высочайшемъ дворѣ, у иностранныхъ пословъ и многихъ частныхъ лицъ. Софья моя не пропустила ни одного празднества, была вездѣ, не исключая даже малаго бала у французскаго посла, графа Морни. Веселилась она отъ души, какъ только веселятся въ молодые годы, и я, глядя нее, хотя далеко не поклонникъ шумныхъ баловъ, былъ счастливъ вполнѣ.

Государь императоръ, при всякой встрѣчѣ со мною, осыпалъ меня всемилостивѣйшимъ вниманіемъ, а также ихъ высочества великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Послѣдній, на балѣ у Аѳанасія Алексѣевича Столыпина, долго разговаривалъ со

Библиотека "Руниверс"

мной и сообщилъ, между прочимъ, новость о внезапной смерти стараго сослуживца моего, флигель-адъютанта князя Нико Эристова, ланчухтскаго героя. Бесѣдовалъ я на балѣ князя Эстергази и съ княземъ Горчаковымъ, бывшимъ главнокомандующимъ крымскою арміей. Впервые увидѣвъ меня и замѣтивъ руку мою въ повязкѣ, а также Георгіевскій крестъ, онъ поспѣшно подошелъ ко мнѣ и въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ разсыпался въ увѣреніяхъ своего полнаго удовольствія, что я достойно награжденъ за отличный подвигъ мой на какомъ-то Севастопольскомъ бастіонѣ. Тщетно пробовалъ я разъяснить князю, что я служилъ и раненъ въ Азіатской Турціи, а въ Крыму никогда не былъ; полуглухой и вѣчно разсѣянный князь Михаилъ Дмитріевичъ, не внемля моимъ доводамъ, долго еще радовался моимъ успѣхамъ и возстановленію здоровья послѣ ранъ моихъ. Былъ я также у князя Александра Ивановича Барятинскаго, въ день священнаго коронованія произведеннаго въ генералъ-отъ-инфантеріи съ назначеніемъ намѣстникомъ и главнокомандующимъ кавказской арміей. Чрезвычайно привѣтливо встрѣтивъ меня, князь сдѣлалъ мнѣ лестное предложеніе поступить къ нему личнымъ адъютантомъ, на что я, при всемъ желаніи, не смѣлъ дать утвердительнаго отвѣта безъ согласія на то не Софьи, которая, я былъ увѣренъ, согласится со мною ѣхать на край свѣта, но страстно-нѣжной матери ея, ни за какія блага въ мірѣ неспособной къ разлукѣ съ возлюбленной дочерью. Для разрѣшенія этого жгучаго вопроса я бросился за помощью къ дядѣ графу Павлу Дмитріевичу, только что назначенному чрезвычайнымъ посломъ въ Парижъ. Въ тотъ же вечеръ онъ поспѣшилъ къ кузинѣ своей, Вѣрѣ Яковлевнѣ, чтобы устроить мое дѣло, но на этотъ разъ его дипломатическія способности встрѣтили непреклонный отпоръ тещи, предложившей въ замѣнъ Кавказа службу въ Москвѣ, адъютантомъ у графа Закревскаго, что вовсе не согласовалось съ моими видами и стремленіями. Дѣлать нечего, надо было покориться судьбѣ и наотрѣзъ отказаться отъ блестящаго предложенія вернуться опять на возлюбленный Кавказъ.

В. А. Полторацкій.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО.

ТЪ РЕДАКЦІИ. Первая половина «Воспоминаній» В. А. Полторацкаго, напечатанная въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1893 году, закончилась выходомъ его въ отставку въ 1856 году. Послѣдующія за тѣмъ воспоминанія—съ 1856 по 1870 годъ—обнимаютъ періодъ его жизни въ Москвѣ, Твери и Торжкѣ, дѣятельность по земскимъ учрежденіямъ, участіе въ освобожденіи крестьянъ и время исполненія обязанностей предводителя дворянства. Этотъ періодъ, обильный множествомъ интересныхъ бытовыхъ подробностей, портретовъ и характеристикъ родственниковъ, знакомыхъ и тогдашнихъ видныхъ дѣятелей, не можетъ быть напечатанъ, такъ какъ большинство лицъ, о которыхъ говоритъ Полторацкій, еще находятся въ живыхъ. По необходимости опуская эту яркую хронику помѣщичьей, дореформенной жизни недавняго прошлаго, мы, для связи съ послѣдующимъ, скажемъ только, что предводительство, въ соединеніи съ барскими затѣями и неумѣньемъ вести хозяйство на новыхъ началахъ, вызванныхъ эмансипаціей, совершенно запутали имущественныя дѣла Полторацкаго. Это обстоятельство вынудило его искать выхода во вторичномъ поступленіи на службу, для чего онъ, въ 1869 году, и пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь, случайно встрѣтившись съ генераломъ Пистолькорсомъ, своимъ бывшимъ сослуживцемъ на Кавказѣ, онъ увлекся его разсказами о Туркестанѣ и рѣшилъ ѣхать въ этотъ отдаленный, еще неустроенный край. Благодаря тому, что тогдашній туркестанскій генералъ-губернаторъ, К. П. фонъ-Кауфманъ, находившійся въ то время въ Петербургѣ, лично зналъ Полторацкаго, желаніе его было встрѣчено весьма сочувственно и исполнено безъ замедленія. Съ этого новаго періода дѣятельности Полторацкаго мы и продолжаемъ извлеченія изъ его воспоминаній.

Библиотека "Руниверс"

XIX.

Высочайшій приказъ объ опредѣленіи меня вновь на службу.—Представленіе К. П. Кауфману.—Высочайшая опека и гр. П. А. Шуваловъ.—Комитетъ о раненыхъ.—Монтрезоръ.—Сборы къ отъѣзду.—Нижній, Симбирскъ, Орскъ, перевалъ черезъ Уральскій хребетъ.—Азія.—Степь и киргизы.—Фазаны.—Ташкентъ.—Первыя впечатлѣнія.—Почва, климатъ и растительность.—Знакомства и жизнь въ Ташкентѣ.—Пріѣздъ Друцкаго-Сокольницкаго.—Тамаша.—Смерть графа Ростовцева.

Мая 15-го дня (1869 г.) состоялся высочайшій приказъ объ опредѣленіи меня вновь на службу, въ распоряженіе командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, съ чиномъ маіора, въ видѣ особой монаршей милости, такъ какъ при выходѣ въ 1856 году въ отставку я былъ капитаномъ.

Шесть недѣль спустя, 1-го іюля, на институтскомъ праздникѣ въ Петергофѣ, государь императоръ, увидѣвъ меня среди публики, всемилостивѣйше выразилъ мнѣ свое благоволеніе по случаю поступленія вновь въ военную службу и удостоилъ меня пожеланіями на этомъ знакомомъ мнѣ поприщѣ скорѣе нагнать по службѣ бывшихъ моихъ сотоварищей, увы, далеко меня опередившихъ.

На другой день послѣ высочайшаго приказа пошелъ я представляться отъѣзжающему въ Ташкентъ непосредственноиу начальнику своему, К. П. Кауфману. Хотя въ воспоминаніи моемъ все еще жилъ добрый, честный и милый инженерный офицеръ пятидесятыхъ годовъ на Кавказѣ, тѣмъ не менѣе я сразу измѣнилъ самъ старинныя отношенія на «ты», назвавъ Константина Петровича его превосходительствомъ. Сначала онъ удивился, но тутъ же согласился съ моими доводами о неудобствѣ въ будущемъ фамильярныхъ отношеній между ничтожнымъ маіоромъ, какъ я, и такъ высокостоявшимъ начальникомъ всего Туркестанскаго края. Разставаясь, онъ любезно разрѣшилъ мнѣ не стѣсняться отъѣздомъ и пуститься въ путь лишь по окончаніи всѣхъ дѣлъ моихъ въ Петербургѣ, при чемъ обязательно посовѣтовалъ не забывать, что Ташкентъ еще городъ бѣдный, и что надо отсюда всѣмъ запастись, какъ-то: чаемъ, сапогами, посудой и проч.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ шли у меня важныя хлопоты о дарованіи мнѣ высочайшей опеки. Забота была не легка, но, благодаря участію нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, дѣло вполнѣ удалось намъ. Еще въ маѣ 1868 года я писалъ въ Петербургъ графу Петру Андреевичу Шувалову. Не зная по давности лѣтъ, послѣ моей съ нимъ разлуки съ Пажескаго корпуса, какъ обратиться къ нему, какъ къ шефу жандармовъ, или же какъ къ старому однокашнику, т. е. на вы или на ты, я настрочилъ письмо пофранцузски и, подробно изложивъ мое положеніе, убѣдительно просилъ его ходатайства о

Библиотека "Руниверс"

дарованіи мнѣ, во вниманіе ранъ и заслугъ, высочайшей надъ имѣніями нашими опеки. Обратился я къ графу Шувалову въ силу достовѣрныхъ свѣдѣній и указаній объ испытанной уже много разъ готовности его прійти на помощь бывшимъ товарищамъ по корпусу, а не безпокоилъ я своею просьбою военнаго министра, Д. А. Милютина, потому, что зналъ его взглядъ и образъ мыслей на это, въ строгомъ смыслѣ, не легальное преимущество, по случаю испрашиванія той же высочайшей милости кн. Трубецкому и Талызинымъ. Недолго спустя послѣ отправленія моего письма, я получилъ въ отвѣтъ, на французскомъ же діалектѣ, оффиціальное извѣщеніе начальника III-го Отдѣленія (Н. В. Мезенцова), что шефъ жандармовъ соглашается на мою просьбу и приглашаетъ меня сколь возможно поспѣшнѣе представить прошеніе на высочайшее имя, адресуя оное ему, графу Шувалову, для доклада и ходатайства предъ государемъ императоромъ, до предполагаемаго отъѣзда его величества въ заграничное путешествіе. Это любезнѣйшее разрѣшеніе вопроса жизни воскресило въ насъ надежду на возможность спасти дѣтямъ хоть часть состоянія, а потому, не теряя ни минуты, я отправилъ прошеніе вмѣстѣ съ письмомъ графу Шувалову. Затѣмъ, протекли дни, недѣли, мѣсяцы. При первой же возможности оставить Москву, я рѣшился побывать въ Петербургѣ, за справками о ходѣ моего дѣла. Мезенцовъ направилъ меня съ этой цѣлью въ пріемный день къ графу Шувалову. Увидѣвъ меня, онъ дружески, за обѣ руки, втащилъ меня въ свой кабинетъ и, затворивъ двери, глазъ-на-глазъ энергически меня выругалъ за церемонное, не товарищеское къ нему письмо мое.

— Monsieur le comte!

— Какой я тебѣ m-r le comte? Ты мнѣ просто старый другъ Полторацкій, какъ и я для тебя Шуваловъ! Ну, теперь скажи, доволенъ ли ты мною. Все ли сдѣлано по твоему желанію?—осыпалъ онъ вопросами.

На объясненіе мое, что до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано, онъ потребовалъ къ себѣ начальника штаба и правителя своей канцеляріи, послѣдняго тотчасъ же отправилъ за справками въ министерство юстиціи, а меня спросилъ, надолго ли пріѣхалъ я въ Петербургъ, и рѣшилъ такъ:

— Ну, мой другъ, здѣсь тебѣ проживаться нечего! Благословляю тебя,—при чемъ широко перекрестилъ меня,—уѣзжать сегодня же къ семейству въ Москву, а я ручаюсь тебѣ нашей старой дружбой все тебѣ здѣсь устроить. Ступай же съ Богомъ!

Совершенно успокоенный, вернулся я въ Москву, но ожидаемая развязка изъ Петербурга заставила таки себя ждать. Наконецъ, 20-го декабря, вечеромъ, подаютъ мнѣ конвертъ съ печатью III-го Отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Съ трепетнымъ

Библиотека "Руниверс"

ожиданіемъ счастливой вѣсти взламываю печать и читаю, что комитетъ министровъ вслѣдствіе ходатайства и проч. и проч. въ 10-й день декабря сего года постановилъ: отставному маіору Полторацкому въ просьбѣ его: «отказать». Предаваться отчаянію было некогда.

Твердое убѣжденіе, что ускользаетъ послѣдній лучъ надежды спасти дѣтямъ состояніе, двинуло насъ на рѣшительный шагъ. Черезъ сутки мы съ Софьей были уже въ дорогѣ, а еще черезъ нѣсколько часовъ она въ кабинетѣ статсъ-секратаря Корнилова, а я въ пріемной шефа жандармовъ. Но первыя попытки не увѣнчались успѣхомъ. Ѳедоръ Петровичъ съ душевнымъ сожалѣніемъ сообщилъ женѣ моей, что именно сегодня утромъ государь императоръ подписью своею уже высочайше утвердилъ состоявшееся о насъ постановленіе комитета министровъ, а графа Петра Андреевича я не засталъ дома.

На слѣдующій день наступили праздники Рождества Христова, и всѣ старанія мои захватить въ теченіе цѣлой недѣли у себя графа оказались тщетными. Наконецъ, я письменно попросилъ у него аудіенціи, и на другое же утро, 31-го декабря, насъ разбудилъ жандармскій офицеръ съ приглашеніемъ мнѣ явиться къ шефу жандармовъ въ пять часовъ по полудни. Какъ только графъ вернулся въ тотъ день съ похоронъ генерала Безака, онъ ввелъ меня въ кабинетъ свой; слѣдуя за нимъ, я обернулся и на ключъ заперъ дверь.

— Что это значитъ?—въ недоумѣніи спросилъ Шуваловъ.

— А то, что ни ты, ни я не выйдемъ отсюда, пока ты не выслушаешь и не пообѣщаешь мнѣ опять переломить дѣло и спасти меня!—отвѣтилъ я, садясь передъ нимъ въ кресло.

Горячо и искренно заговорилъ я и въ живыхъ краскахъ, откровенно и чистосердечно излилъ ему все, что накопилось на изнывшей душѣ моей. Окончивъ я вглянулъ на Шувалова. Онъ былъ сильно тронутъ, но точно устыдясь своей чувствительности, быстро отеръ глаза и рѣзкимъ движеніемъ, вскочивъ отъ стола въ менѣе освѣщенный уголъ комнаты, привлекъ меня къ себѣ и, крѣпко пожимая руку, въ волненіи сказалъ:

— Я клянусь тебѣ сдѣлать все, что въ моихъ силахъ, и ручаюсь еще за двухъ: за государя и за Палена, объ остальныхъ похлопочи самъ. У тебя есть голова на плечахъ, и найдутся также бабушки и тетушки, тащи ихъ! Послѣзавтра въ этотъ же самый часъ привези мнѣ собственноручное отъ тебя письмо государю. Будь въ немъ кратокъ, но силенъ и въ концѣ скажи: «да зачтется мнѣ пролитая кровь въ сраженіяхъ за право на особенную милость вашего императорскаго величества!».

При этихъ словахъ Шуваловъ сердечно меня обнялъ, и я отъ него уѣхалъ опять ободренный и счастливый.

Библиотека "Руниверс"

Съ наступленіемъ новаго 1869 года начались усиленныя хлопоты и треволненія. 2-го января я отвезъ Шувалову письмо на имя государя. Онъ внимательно прочелъ его, остался имъ совершенно доволенъ и, пряча въ свой портфель, объявилъ, что вечеромъ же при докладѣ своемъ представитъ его на усмотрѣніе его величества. 3-го утромъ Шуваловъ опять вызвалъ меня къ себѣ.

— Поздравляю, милый другъ! — встрѣтилъ онъ меня.—Твое дѣло на отличной дорогѣ! Государь императоръ повелѣть изволилъ твое прежнее прошеніе комитету министровъ вновь пересмотрѣть, а мнѣ настоять на дарованіи тебѣ просимой милости.

— Извини меня, голубчикъ, но я такъ засидѣлся за бумагами, что безъ церемоніи при тебѣ похожу,—и при этомъ графъ быстро зашагалъ діагонально по обширному кабинету, продолжая говорить:— Послушай, Полторацкій, что я скажу тебѣ! Я не шутя желалъ бы знать такъ же твердо «Отче Нашъ», какъ государь знаетъ твой послужной списокъ; его величество долго и очень милостиво разсказывалъ мнѣ о твоихъ отличіяхъ на Кавказѣ и въ Турціи, о ранахъ, о подвигахъ твоихъ какъ на боевомъ поприщѣ, такъ и на политическомъ въ Тверской губерніи въ должности предводителя послѣ эмансипаціи, и наконецъ изволилъ вчера выразиться: «Если подобная опека уже дана другимъ только потому, что ихъ предки Римъ спасли, то Полторацкій за свои личныя заслуги имѣетъ на то несомнѣнное право!»... Мнѣ, признаюсь, стыдно было, что я и десятой доли о старомъ товарищѣ не подозрѣвалъ изъ того, что пришлось услышать изъ устъ государя! Надѣюсь, нѣтъ, увѣренъ, что дѣло твое пройдетъ успѣшно, но помоги мнѣ и самъ, одному мнѣ неловко. Пойми, милый другъ, что у меня здѣсь много завистниковъ и недоброжелателей. Это возвращеніе теперь по высочайшей волѣ твоего прошенія для пересмотра въ комитетѣ министровъ припишутъ мнѣ и опять озлятся—на кого? Все на меня же! Этотъ au fond добрѣйшій старикъ князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ и онъ навѣрняка не удержится, чтобъ въ досадѣ не сказать: «опять онъ вмѣшался не въ свое дѣло, а мы, господа, изъ-за него должны кассировать нами же опредѣленное рѣшеніе!» et ainsi de suite. Ихъ надо щадить, Полторацкій, дѣйствуй еще и другими путями!

Согласно этой инструкціи, на другой же день, я привезъ князю П. П. Гагарину очень любезное письмо отъ Т. Б. Потемкиной, и поэтому былъ имъ прекрасно принятъ и обнадеженъ, когда же въ разговорѣ я упомянулъ, что мнѣ родной дядя графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, онъ не выдержалъ и вскрикнулъ:

— Отчего же раньше вы мнѣ объ этомъ не говорили?

Совсѣмъ тѣмъ скоро сказка сказывается, но тихо дѣло дѣлается. Вопросъ объ опекѣ опять затормозился въ министерствѣ графа Палена, за полное согласіе котораго съ такою увѣренностью

Библиотека "Руниверс"

ручался Шуваловъ. Всякія справки, соображенія и умозаключенія этого государственнаго мужа дѣлались съ невыносимымъ педантизмомъ и медленностью. Для ускоренія требуемыхъ имъ свѣдѣній, пришлось самому кататься въ Москву, во Владиміръ, въ Тверь... Наконецъ, министерствомъ юстиціи прошеніе мое было передано въ комитетъ министровъ, и рѣшеніе его предстояло въ слѣдующее засѣданіе. Благодаря письму дяди Павла Дмитріевича Киселева князю Гагарину, присланному ему изъ Парижа, а въ особенности горячей настойчивости добрѣйшаго графа Ѳ. Л. Гейдена и Н. В. Мезенцова, дѣло наше выгорѣло, и высочайшая опека дарована намъ почти единогласно...

Тяжело было мнѣ все это время перебиваться съ крупными расходами трактирной жизни въ Петербургѣ, съ разъѣздами и прочими издержками, а потому, по совѣту милаго, уважаемаго кузена моего, К. Л. Монтрезора, ветерана Отечественной войны (бывшаго въ Бородинскомъ сраженіи адъютантомъ безсмертнаго Кутузова) и члена Александровскаго комитета о раненыхъ, я подалъ туда прошеніе о пенсіи. Дѣло въ томъ, что однажды за обѣдомъ у Монтрезора хозяинъ, сообщая мнѣ о слышанныхъ имъ разсказахъ о моей личности и разныхъ подвигахъ на Кавказѣ отъ почтеннѣйшаго собрата его по комитету, Викентія Михайловича Козловскаго, коснулся вопроса о моихъ ранахъ, а также о размѣрѣ получаемой мною пенсіи. Отвѣтъ мой, что я, хотя и раненый три раза по 2-му и разъ по 3-му разряду, состою подъ покровительствомъ комитета, но, кромѣ пенсіи изъ Капитула орденовъ по Георгіевскому кресту, пока еще ничего не получалъ, вызвалъ удивленіе Карла Лукьяновича, и онъ посовѣтовалъ мнѣ немедленно подать прошеніе въ комитетъ, обѣщая при этомъ, что слѣдуемые по ранамъ моимъ въ штабсъ-капитанскомъ чинѣ 430 рублей ежегодной пенсіи, по оплошности не получаемые мною въ теченіе 15-ти лѣтъ, съ Чолокскаго сраженія, если не всѣ полностью, то въ значительномъ размѣрѣ должны теперь быть выданы мнѣ комитетомъ о раненыхъ. Очень довольный предстоящей мнѣ денежною поддержкой, я подалъ прошеніе и уже строилъ планы на счетъ причитающейся мнѣ суммы, до 6.500 рублей, когда пришлось испытать горькое разочарованіе. Комитетъ о раненыхъ, строго примѣняя къ своимъ законамъ правило: «что съ воза упало, то пропало», опредѣлилъ къ выдачѣ мнѣ, какъ единовременнаго пособія, вмѣсто 6.500 рублей, всего 40!!!

Какъ бы то ни было, успокоенный относительно дѣлъ моихъ высочайшей опекой, предсѣдателемъ которой былъ выбранъ князь Сергѣй Яковлевичъ Грузинскій [1]), я рѣшился наконецъ разстаться съ близкими. Возвращаясь къ бѣглому взгляду на все пережитое

[1]) Родной дядя жены моей С. Д. по матери.

Библиотека "Руниверс"

въ эти четырнадцать лѣтъ, я, положа руку на сердце, долженъ признаться, что въ тѣ, увы, минувшія времена, когда Провидѣнію угодно было баловать меня силой, здоровьемъ, способностями, состояніемъ и безподобнѣйшимъ сердцемъ, всецѣло мнѣ принадлежавшимъ, милой жены моей,—съ своей стороны я часто злоупотреблялъ этими безцѣнными дарами изъ-за удовлетворенія пустѣйшихъ чувствъ самолюбія, тщеславія и необдуманнаго стремленія къ первенству во всемъ, во всемъ безъ исключенія, будь оно на волчьей облавѣ, за шумнымъ обѣдомъ или въ заманчивомъ будуарѣ женщины...

Судьба мнѣ улыбалась, щедрою рукою даровавъ все для полнаго благополучія. Роскошная обстановка дома, отличное содержаніе кухни, погреба, оранжереи, охоты и все прочее возбуждали удивленіе и восторженныя похвалы посѣтителей, а за глаза ихъ зависть и часто порицаніе. За радушный пріемъ они тутъ же, за спиною, подсмѣивались надъ моею расточительностью. Но эти картины довольства, счастья, свѣтлыхъ надеждъ на будущее смѣнились быстро разочарованіемъ, потерей состоянія, упадкомъ силъ и угрызеніями совѣсти, и вотъ я уже не вольный казакъ пятидесятыхъ годовъ, не безпечный сорви-голова юноша, безъ всякихъ заботъ и отвѣтственности передъ Богомъ и людьми, а семьянинъ, на рукахъ котораго жена и трое дѣтей, я снова надѣваю мундиръ и, желая искупить свое легкомысліе, бросаюсь вторично въ море неопредѣленныхъ тревогъ и случайностей.

Безконечно длинное путешествіе въ Ташкентъ, тогда еще мало извѣстный и гдѣ, по общему говору, царствовала непроходимая скука и бездѣйствіе, отдаленность его, неопредѣленность всѣхъ потребностей жизни, а главное медленность сообщеній, ужасали многихъ. Я, конечно, не былъ исключеніемъ, но въ своемъ усердіи не попасть въ просакъ и всѣмъ обзавестись черезчуръ ужъ пересолилъ. Много денегъ оставилъ я въ магазинахъ Кумберга и Крюгеръ-Казъ, такъ какъ, по словамъ также Пистолькорса, съ которымъ я не разъ встрѣчался зимой въ Петербургѣ, цѣны въ то время на необходимые продукты стояли въ Ташкентѣ очень высокія, а зачастую трудно было достать и самое насущное.

Два ящика съ посудой, десять паръ различныхъ сапогъ Лаубе и 15 тысячъ папиросъ Лаферма—составляли уже кладь изряднаго объема и вѣса, а еще бѣлье, платье и всякая всячина. Соня ѣздила, хлопотала, кроила, шила, мѣтила и все придумывала: это нужно, это необходимо, безъ этого нельзя. Мальчуганы тоже суетились, съ любопытствомъ все разглядывали, за все хватались и, конечно, думали, что очень помогали дѣлу. Картина сборовъ, укладки и укупорки дѣлали, однако, тяжелое впечатлѣніе, и я торопился, помня пословицу: «дальніе проводы—лишніе слезы».

Старый мой знакомецъ и вѣрный слуга Вавило Панфилычъ

Библиотека "Руниверс"

опять былъ со мною, изъявляя горячее желаніе ѣхать туда, гдѣ свѣтъ забитъ досками. Не забылъ я пріобрѣсти и кровнаго, хотя не молодого, бѣлаго понтера Анонса, наслушавшись разсказовъ бывалыхъ людей, что въ Туркестанѣ бездна дичи...

Вопросъ объ экипажѣ былъ рѣшенъ мною довольно легкомысленно. Дѣло въ томъ, что за новый тарантасъ, правда хорошій, прочный и даже изящной казанской работы, въ каретномъ ряду просили 450 рублей, и въ то же время у меня была карета, совсѣмъ почти неѣзженная. Взвѣсивъ все за и противъ, я окончательно рѣшился пуститься въ этой каретѣ и отдалъ ее для надлежащаго приспособленія по дорожному положенію, т. е. для устройства важъ, баула, задняго ящика, высокаго фонаря, сидѣнья Вавилы, зимнихъ полозковъ подъ колеса и обвивки веревкой рессоръ — все это за 180 рублей. Дядя и другіе возстали, силясь доказать мнѣ, что карета потребуетъ лишнихъ почтовыхъ лошадей, и слѣдовательно путешествіе обойдется дороже, а мнѣ казалось яснымъ, какъ Божій день, что въ степяхъ не было никакого риска ѣхать въ рессорномъ, хорошей сборки экипажѣ. Рѣшено. 7-го февраля, отправивъ впередъ карету, Вавилу и Анонса, я выѣхалъ изъ Москвы по желѣзной дорогѣ въ Нижній. По обыкновенію, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ и препятствій съ первой же станціи мы стали опаздывать. Прибывъ въ Нижній «съ опозданіемъ», я къ моему неудовольствію узналъ, что ни кареты, ни Вавилы еще не было, но что въ двухъ верстахъ отъ города устроена гостинница съ почтовымъ отдѣленіемъ, гдѣ можно было имѣть лошадей. На слѣдующій день я радовался уже свѣдѣніямъ, что дорога — только кати: гладкая, ровная, безъ ухабовъ,—какъ подошелъ ко мнѣ оберъ-кондукторъ товарнаго поѣзда и объявилъ, что карета прибыла, но что человѣкъ мой при смерти и на рукахъ перенесенъ изъ вагона ночью въ сосѣдніе номера жалкой гостинницы. Я бросился вмѣстѣ съ нимъ въ номеръ, гдѣ лежалъ Вавила. Лицо его измѣнилось, оно было почти черное; конвульсіи и колики довели его до того, что я засталъ его почти въ безсознательномъ состояніи. Послать за докторомъ, влить въ Вавилу разныхъ снадобій, поставить банки — было дѣломъ одного часа. Собака лежала у ногъ его, но карета со всѣмъ имуществомъ моимъ была оставлена на платформѣ. Я поспѣшилъ къ ней, велѣлъ снять съ вагона и перевезъ на дворъ гостинницы, съ вывѣской «вхотъ втрахтиръ», гдѣ лежалъ мой больной, и самъ рядомъ съ нимъ занялъ коморку.

Немного успокоившись насчетъ болѣзни Вавилы, я встрѣтилъ новую заботу.

На дебаркадерѣ мнѣ сказали, что дорога прекрасная, въ гостинницѣ — что дорога плоха, а на почтовой станціи староста съ хоромъ ямщиковъ присудили сразу, что дорога непроходимая, и ѣхать въ каретѣ на полозкахъ, да къ тому же съ дышломъ, совершенно

Библиотека "Руниверс"

невозможно. Растерянный и разстроенный выслушивалъ я о дорогѣ разнорѣчивыя показанія и совѣты. Одни говорили: «ступайте по Волгѣ, на Казань» (около 250 в. крюка), другіе: «бросьте карету, возьмите сани»; третьи: «подождите пароходства», и наконецъ четвертые: «попытайте прямо на Симбирскъ». Послѣдній совѣтъ мнѣ болѣе другихъ понравился, и я прописалъ подорожную свою по направленію на городъ Арзамасъ. Вопреки всѣмъ увѣреніямъ, что ѣхать въ каретѣ невозможно, я все-таки въ первый же день сдѣлалъ 62 версты и поѣхалъ бы далѣе въ тотъ же день, если бы не слабое состояніе Вавилы. Правда, карета моя двигалась, какъ лодка въ бурную погоду. Она опускалась и быстро поднималась, ныряла и стонала во всѣхъ составахъ. На первомъ же переѣздѣ сломалось дышло, его связали; а на станціи нашлось другое, которое добрые мужички уступили (и то только для барина) за 6 рублей. Ночевалъ я въ крошечной, жарко натопленной комнатѣ, въ двѣ квадратныя сажени; въ аршинѣ отъ меня храпѣли Анонсъ и Вавила, а рядомъ, за тонкой перегородкой, помѣстилось другое проѣзжее семейство. Отецъ чиновникъ ѣхалъ въ Ташкентъ изъ Шуи съ женою и тремя дѣтьми, меньшой у груди матери, въ открытыхъ саняхъ при 16-ти градусахъ мороза. Дорога до станціи Богоявленской была отчаянная. Я бы помирился съ ухабами, если бы только противъ нихъ не возмутилась карета. Мѣстность открытая, пріятная для глазъ, дорога почтовая, широкая и обнесенная съ обѣихъ сторонъ аллеями изъ столѣтнихъ березъ; видъ ихъ и цѣль замѣнять вѣшки зимою прекрасны, но березы эти такъ разрослись, что въ тѣхъ не рѣдкихъ мѣстахъ, гдѣ зимняя дорога была наѣзжена между боковыми аллеями, не было возможности пробраться въ высокомъ экипажѣ; снизу ухабы, а сверху сучья тормозили движеніе.

Въ Арзамасѣ опять починка кареты, а отъ города Лукоянова смотритель увѣрилъ меня, что дорога ужасная, горы громадныя, и что менѣе девяти лошадей кареты не вывезутъ; поэтому ночью онъ меня не пустилъ, а на другой день чуть свѣтъ впрягъ четырехъ лошадей къ дышлу, трехъ съ первымъ форейторомъ, двухъ со вторымъ. Поскакали по горамъ и доламъ до станціи. Тутъ повтореніе той же исторіи: «перегонъ 29 верстъ, крутыя горы и проч., шестерикъ не вывезетъ, прикажите запрячь 9 лошадей». Второй разъ согласился, но на третьей станціи: «нѣтъ, милые друзья, платить за 9 лошадей не приходится». «Такъ позвольте мы безплатно припряжемъ троечку». «Это сколько угодно, хоть 20, мнѣ дѣла нѣтъ, но плачу только за 6». Съ тѣхъ поръ четыре станціи, очень важно съ двумя форейторами, съ гикомъ, крикомъ и громаднымъ эфектомъ катили мы во весь махъ, безостановочно.

Чѣмъ болѣе ухабовъ, тѣмъ скорѣе скакали, и нерѣдко форейторы летѣли черезъ голову въ рыхлый снѣгъ и вскакивали вновь

Библиотека "Руниверс"

съ хохотомъ. Крикъ ихъ на всемъ скаку напоминалъ порсканье въ былыя времена Матюшекъ и Петрушекъ...

По милости этой величественной упряжи экипажъ производилъ удивительное впечатлѣніе. Не успѣетъ на станціи остановиться карета, какъ бѣжитъ народъ смотрѣть и ахать, особенно же молодое поколѣніе.

Дорога пошла сноснѣе, снѣгу меньше; Вавилѣ было лучше, хотя онъ очень страдалъ и измѣнился донельзя, впавъ въ совершенную слабость: староста съ ямщиками на каждой станціи его на рукахъ сажали на козлы; у него не доставало силъ даже сморкаться, почему онъ на пути поручалъ это отправленіе своему сосѣду-ямщику. Изъ кареты черезъ переднее окно я самъ любовался этой процедурой сморканья. Но чему я не только удивлялся, а понять не могъ,—это рессорамъ кареты. Сначала я за нихъ дрожалъ и на каждомъ ухабѣ высовывался изъ окна, кричалъ, усовѣщевалъ, просилъ осторожности. Но потомъ я махнулъ рукой, и ямщики съ ихъ юными форейторами скакали сломя голову, а рессоры только стонали, гнулись, но не лопались. Вездѣ на станціяхъ меня по милости кареты и форейтора принимали за генерала, а главное, чиновникъ съ семействомъ, путешествовавшій впереди меня въ Ташкентъ, почему-то всѣхъ смотрителей предупреждалъ о моемъ проѣздѣ. Такимъ образомъ я путешествовалъ даже съ курьеромъ, но безплатнымъ.

При въѣздѣ въ Симбирскъ меня встрѣтилъ губернаторъ. Не шутя, Еремѣевъ съ Давыдовымъ (Серг. Льв., флиг.-адъют.) случайно встрѣтили меня, возвращаясь изъ рекрутскаго присутствія. Еремѣевъ очень сожалѣлъ, что не могъ пригласить меня къ себѣ, такъ какъ у него въ домѣ хаосъ, семейства здѣсь нѣтъ, и онъ все только приводитъ въ порядокъ. Остановился я въ гостинницѣ Андреева, выспался на славу, постель хорошая, чистая, мягкая, клоповъ нѣтъ, ни жарко, ни холодно и не шумно... всѣ условія, чтобы вполнѣ отдохнуть и набраться силъ. Обѣдалъ у Еремѣева. Домъ громадный, кабинетъ министерскій, а сколько властей у него за утро перебывало!

Изъ Симбирска, послѣ разныхъ злоключеній съ несчастной каретой, добрался я до Оренбурга. На столбѣ значилось: отъ Москвы 1525 верстъ. Дядя при моемъ отъѣздѣ все повторялъ: «главное тебѣ добраться до Оренбурга!». Я добрался, наконецъ, и по мнѣнію его совершилъ главное, но по мнѣнію другихъ, увы, я проигралъ одну лишь прелюдію, самая же пьеса со всѣми варіантами и трелями еще впереди. Какъ бы ни былъ далекъ и плохъ городъ Оренбургъ, но по географическому своему праву онъ городъ еще европейскій, а настоящая-то Азія еще не была достигнута. Узналъ я, что изъ Оренбурга ходитъ почта петербургская три раза, а изъ Ташкента одинъ разъ въ недѣлю. По неволѣ при этомъ письма

Библиотека "Руниверс"

будутъ полновѣсныя, то-есть, рѣдкія, да мѣткія! Про предстоящій путь мой собранныя свѣдѣнія опять противорѣчили одно другому и если въ чемъ сходились, то только въ одномъ: «Смотрите, тамъ въ мартѣ тронутся всѣ рѣки». Знаю, друзья мои, но что же мнѣ дѣлать? Безъ собственнаго какого ни на есть экипажа пускаться въ степь было немыслимо. Курьеры и тѣ даже покупали здѣсь тарантасы или повозки, такъ какъ перекладныхъ въ киргизскихъ степяхъ не полагалось, а въ то время года (февраля 21-го) было еще большее затрудненіе, такъ какъ никто не зналъ, до какого пункта лежалъ снѣгъ. Одни говорили, что санный путь до Орска, другіе до Уральскаго укрѣпленія и проч., но тутъ же прибавляли, что все это было вчера, а будетъ ли еще завтра, никто не поручится. Разсказы вообще были грустны и забавны. Говорили, напримѣръ, что многіе почтосодержатели изъ туземцевъ, нарушивъ контракты, безъ церемоніи бѣжали съ занятыхъ ими пунктовъ, и проѣзжій горько ошибался въ ожиданіи на смѣну свѣжихъ лошадей, подъѣзжая къ станціи, означенной на маршрутѣ. Станція, то-есть мазанка, стоитъ, но лошадей и слѣдъ простылъ. Курьерамъ случалось на этихъ станціяхъ сидѣть по нѣсколько сутокъ, слѣдовательно, прочимъ проѣзжимъ и Богъ велѣлъ. Итакъ, главный вопросъ скорѣй добраться до Ташкента. Дорога рушилась не по днямъ, а по часамъ, и затрудненій предстояла бездна. Одно я сдѣлалъ весьма дѣльное, это взявъ въ проводники, находившагося въ отпуску въ Оренбургѣ, стараго туркестанскаго солдата изъ Ташкента, куда и слѣдовало ему возвращаться; онъ зналъ нравы, обычаи и языкъ степныхъ жителей, а это условіе было первой важности. Пріобрѣлъ подержаный тарантасикъ за 38 рублей, рѣшилъ перемѣстить туда часть вещей изъ кареты, посадить Захарова (фамилія солдата) и такимъ образомъ двигаться дальше. Въ ожиданіи пошелъ осматривать Оренбургъ.

По улицамъ шныряли извозчики-татары, нескладные казаки-уральцы, безобразные бухарцы и на верблюдахъ уродливо-скуластые киргизы. Верблюдовъ здѣсь уже много, съ жалкими физіономіями и вытянутыми грязными шеями, они шлепаютъ мѣрно и монотонно подъ тяжестью огромныхъ вьюковъ и неграціозныхъ сѣдоковъ. Климатъ здѣсь отвратительный. Лѣтомъ до 35 градусовъ въ тѣни, въ 7 часовъ вечера солнце еще палитъ и духота, въ 8 часовъ сыро, а въ 10 часовъ ночи холодно, и бьетъ лихорадка. Въ февралѣ оттепели, а въ мартѣ страшные бураны заносятъ въ степи людей и животныхъ. Постоянно же дуетъ рѣзкій вѣтеръ, очень вредный для глазъ, и всѣ почти страдаютъ здѣсь этой болѣзнью. Не хотѣлъ бы я служить, а еще менѣе проживать въ этомъ несимпатичномъ краѣ, гдѣ нѣтъ ни прелести природы, ни климата, ни людей. Интригъ же, гадостей и злоупотребленій, говорятъ, была тьма тьмущая. Близкое сосѣдство и непрерывныя сно-

Библиотека "Руниверс"

шенія съ народомъ первобытной еще дикости и варварства какъ-то съ непривычки тягостно вліяютъ на свѣжаго человѣка. Здѣсь не встрѣтишь джентльмена съ Невскаго, не увидишь и бородатаго мужика коломенскаго. Не то Россія, не то Азія! И воздухъ не то сѣверно-холодный, не то южно-теплый, а какой-то средній, гнилой, предательскій. Не былъ я однимъ словомъ очарованъ Оренбургскимъ краемъ...

Возмущало же меня болѣе всего оборванное одѣяніе жителей, ихъ неопрятность и вялость.

Чичероне мой потребовалъ покупки мѣднаго чайника (самовара за неимѣніемъ на всемъ протяженіи угля ставить было нельзя), топора, ведра, веревокъ и прочихъ походныхъ принадлежностей, сверхъ того, запаса сухарей, крупы, сахару. Въ степи встрѣчались, впрочемъ, оазисы въ видѣ укрѣпленій, но тамъ скорѣе отнимутъ, чѣмъ снабдятъ необходимымъ проѣзжую братію.

Проживъ пять длинныхъ дней въ противномъ Оренбургѣ, я тащился въ Орскъ (265 верстъ) оттуда болѣе трехъ сутокъ. Какихъ не было со мною въ дорогѣ приключеній? Здѣсь снѣгъ, тутъ грязь. Снимай зимніе полозья, привязывай ихъ опять. То катишь на саняхъ, то на колесахъ. Зажоры въ особенности много разъ грозили бѣдствіями. Одну ночь съ 6 часовъ вечера до 10 часовъ утра я провелъ въ одной изъ нихъ. Вечеромъ, выѣхавъ со станціи Хабаровки, на 7-й верстѣ карету засадили въ зажоръ, среди узкаго ущелья, по которому лежитъ подъемная дорога на вершину Уральскаго хребта; полозья глубоко врѣзались въ рыхлый снѣгъ и шесть лошадей никакъ не могли тронуть съ мѣста. Бились часа два-три, а тѣмъ временемъ съ наступленіемъ ночи стало стыть, снѣгъ стянуло, и наконецъ полозья совсѣмъ замерзли въ зажорѣ. Послали обратно на станцію за помощью, а въ это время разбушевалась мятель и вьюга. Всю ночь мы въ каретѣ просидѣли съ Вавилой въ пріятныхъ разговорахъ о прелестяхъ Гумберлинскаго ущелья, гдѣ кругомъ свистѣлъ порывистый вѣтеръ, а неподалеку завывали волки. Анонсъ сначала храбрился и ворчалъ, но вскорѣ, поджавъ хвостъ, замолкъ, всю ночь не спалъ и скромно жался къ ногамъ съ открытыми глазами. Мы зажгли въ каретѣ фонари наружные и внутренніе и ради ободренія себя и почтовыхъ лошадей каждыя десять минутъ черезъ окна стрѣляли изъ револьвера.

Передъ разсвѣтомъ явился со станціи секурсъ, человѣкъ 12 съ дрючками и топорами. Взялись они дружно съ крикомъ и гикомъ,— не тутъ-то было, ни съ мѣста! Еще потребовали людей и лошадей, а время шло, да шло. Только къ 10 часамъ утра прибыла цѣлая орда ямщиковъ, пѣшаго народа и уральскихъ казаковъ. Почтовыхъ лошадей, кромѣ моего шестерика, припрягли еще восемь, топорами обрубили замерзшій кругомъ полозьевъ снѣгъ; къ вагамъ подвязали лямки, за которыя схватились конные казаки, а всю карету кру-

Библиотека "Руниверс"

гомъ облѣпили пѣшіе люди. Разомъ гаркнули «съ Богомъ, трогай!» и съ гикомъ буквально на рукахъ вынесли карету изъ преисподней на гору. Не останавливаясь и не переводя духу, уральцы не переставали свирѣпо кричать и безпощадно хлестать лошадей, пока весь поѣздъ не достигъ высшей точки Уральскаго хребта. Здѣсь получивъ отъ меня хорошую на водку, они, пожелавъ мнѣ счастливаго пути, потянулись обратно, а мы рысцой тронулись впередъ по отлогому подъему. Проѣхавъ версты двѣ, вдругъ: стой, равняйсь! «Что опять случилось, Вавила?» — «Ничего, только здѣсь снѣга нѣтъ, извольте взглянуть!» Я высунулся въ окно кареты, и моимъ глазамъ представилось дивное явленіе. Сзади насъ на сѣверъ все было бѣло, покрыто снѣгомъ, а впереди на югъ ни снѣжинки, сухая лѣтняя дорога, пыль и по склону въ Азію все уже зеленѣло. Одна черта по вершинѣ Уральскихъ горъ рѣзко отдѣлила зиму отъ весны. Съ полчаса простояли мы здѣсь, пока ямщики вырубили большой стягъ, сняли полозья, открутили колесныя втулки, подмазали, закрутили гайки и маршъ-маршъ, высоко за нами поднимая пыль, поскакали на станцію...

Прощайте зажоры, снѣга, морозы и вьюги! Прощай, Европа! Мы уже были въ Азіи, въ Киргизіи, въ привольной безконечной степи!..

Не обошлось по дорогѣ безъ встрѣчъ и новыхъ знакомствъ. Въ Оренбургѣ представился мнѣ родственникъ мой И. М. Полторацкій, изъ Торжка, очутившійся здѣсь за тридевять земель на службѣ, потомъ живой, талантливый, не глупый Владиміръ Князевъ. Онъ долженъ былъ быть раньше моимъ попутчикомъ, но опередилъ меня и служилъ уже здѣсь чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. Онъ очень забавно разсказывалъ всѣ съ нимъ приключенія съ выѣзда его изъ Петербурга и смѣшилъ меня до слезъ. Изъ новостей здѣшнихъ таинственно мнѣ сообщили, что идутъ приготовленія къ экспедиціи въ Хиву, со стороны Ташкента и Оренбурга. На одной изъ станцій къ Орску встрѣтился я съ веселымъ, живымъ французомъ, Петипа. Онъ ѣхалъ изъ Ташкента въ Петербургъ, Парижъ и Лондонъ и черезъ три мѣсяца обратно. Петипа былъ пріятелемъ покойнаго брата Алексѣя [1]) и въ полчаса времени успѣлъ разсказать мнѣ чудеса про новую нашу резиденцію. Тамъ были собранія, балы, spéctacles de société! Это-то дикій, азіатскій вновь завоеванный городъ, какъ Ташкентъ! По словамъ его, дороги предстояло еще дней 25, благодарю! Погода стояла сѣрая и туманная, но по ночамъ, къ счастью, морозило. Ѣхать слѣдовало безотлагательно, но опять карета потребовала лѣкарства; она, моя голубушка, порядочно въѣхала въ карманъ мой. Въ Орскъ, гдѣ предстояло опять чинить ее, ввезли меня вечеромъ, въ седьмомъ часу, а въ комнату впустили только въ девятомъ; все было пере-

[1]) Убитаго на дуели Н. А. Мамоновымъ.

Библиотека "Руниверс"

полнено проѣзжающими; пришлось обратиться къ полиціи съ требованіемъ отвода квартиры, что̀ и было черезъ два часа только исполнено въ одномъ почтенномъ казачьемъ семействѣ. Орскъ—бѣдный, жалкій и очень грязный уголокъ земнаго шара. Странно даже было видѣть подобный уѣздный городъ, въ которомъ къ тому же и крѣпость. Но наконецъ черезъ двое сутокъ на карету прилѣпили всевозможные пластыри, затянули всѣ раны ея, и я двинулся дальше въ эту песчаную пустыню, таинственную Каракумскую степь.

Марта 7-го я уже былъ въ 2.208 верстахъ отъ Москвы въ укрѣпленіи Уральскомъ, сдѣлавъ Киргизскою степью около 400 верстъ, что, клянусь богами, не бездѣлица. О снѣгѣ не было и помина, земля не только протаяла, но подымалась пыль столбомъ. Пришлось достать лѣтнее пальто. На встрѣчу летѣли мнѣ всѣ птицы юга, а когда въ пескахъ стали лошади, и я съ ружьемъ подошелъ къ ближайшему озеру, то милліоны, c'est le mot, дикихъ утокъ, подвели Анонса подъ сильныя плети. Странствованіе въ степи требуетъ подробнаго описанія: это цѣлая поэма! Съ одной стороны—просторъ, необходимый широкимъ натурамъ, свобода, чистый воздухъ, необъятное пространство на всѣ четыре стороны, сливающееся съ дальнимъ горизонтомъ, съ другой—всѣ неисчерпаемыя неудобства страны дикой, не культурной, а кочевой, гдѣ первобытность обитателей еще не подавилась сосѣдствомъ, съ двухъ сторонъ, нашихъ владѣній. Киргизы, вѣчно кочующіе въ степяхъ и по праву считающіе себя ихъ владѣльцами, народъ ниже всякой критики; жадный, корыстолюбивый, вялый, а пуще всего грязный, грязный до омерзѣнія.

Какъ бы ни привыкалъ человѣкъ къ необходимому подчиненію себя лишеніямъ и неудобствамъ въ путешествіи, но нельзя пріучить себя хладнокровно переносить жилища киргизовъ и станціи, ими содержимыя. Проѣхавъ нѣсколько сотъ верстъ степью, чувствуешь особенную отраду при встрѣчѣ другаго мученика-путешественника, а въ особенности при видѣ всякаго осѣдлаго жилья, хотя бы крѣпощенки, какъ Уральское.

Въ Казалѣ смотритель сразилъ меня извѣстіемъ, что Сыръ-Дарья, прошедшая тому три дня, совершенно залила дорогу до первой, по пути къ Ташкенту, станціи, и что проѣзда нѣтъ никакого.

Не впервые приходилось мнѣ слышать сужденія о невозможности того и другаго, и опровергать и фактически доказывать противное. Здѣсь нельзя было примѣнить выраженіе Калхаса «невозможное—невозможно!». Наперекоръ всему, однако, всѣ эти препятствія оказывались возможными, и я явился сюда не оборванцемъ и не пѣшкомъ, а очень прилично въѣхалъ въ каретѣ, которая окончательно закалилась въ бою съ преградами и послушно

Библиотека "Руниверс"

катилась по снѣгу, грязи и наконецъ по пыли Киргизской степи. И вотъ послѣ 10-ти-дневнаго путешествія посреди моря песку и разнообразныхъ мученій опять увидѣлъ я крышу, потолокъ, столъ и стулъ. Посланный же мною хозяинъ квартиры вернулся съ докладомъ, что два казака только что пріѣхали изъ Ташкента, и что дорога хотя мѣстами плоха, но ѣхать возможно, слѣдовательно гдѣ пробрались два казака, конечно, пролѣзетъ и одинъ куринецъ. И дѣйствительно, первую станцію до Баскары я одолѣвалъ до поздняго вечера, а на другой день осилилъ еще двѣ и къ ночи дотащился до форта № 2, Кармакчи. Здѣсь я оставилъ Вавилу съ каретой, а самъ съ Захаровымъ и Анонсомъ переправился въ тарантасѣ черезъ Сыръ-Дарью на паромѣ къ станціи Складъ-Саксаулъ, славящейся обиліемъ дичи. Но еще раньше этой станціи обновилъ я ружье свое. Проѣзжая близехонько мимо безчисленныхъ озеръ, я не выдерживалъ, останавливался и, схвативъ ружье, съ Анонсомъ бросался къ берегу. Бездна плавающихъ на плесѣ утокъ даже собаку удивляла и, растерянная, она взирала на нихъ съ видимымъ недоумѣніемъ. Но не однѣ утки оказались здѣсь, а гуси, лебеди, кулики и проч. Порода мѣстныхъ утокъ въ Россіи неизвѣстна вовсе; на вкусъ онѣ прекрасны, а, быть можетъ, нравились мнѣ и потому, что голодъ вѣдь не тетка! Убилъ также здѣсь изъ-подъ Анонса пару сѣрыхъ куропатокъ, но не русскихъ сѣрыхъ, а особенныхъ, степныхъ. Это тѣмъ болѣе было мнѣ праздникомъ, что всѣ путевые запасы почти истощились, но теперь вообще это менѣе меня пугало. Давно ли Кауфманъ и Пистолькорсъ совѣтовали мнѣ запастись всѣмъ возможнымъ, отъ стакана до стеариновой свѣчки? Что же вышло?

Въ ихъ отсутствіе одинъ богачъ-купецъ (фамиліи не помню) привезъ всякаго товару на два милліона, за поясъ заткнувъ Хлудова, и въ Ташкентѣ явилось не только все необходимое, но даже и предметы роскоши и комфорта, по цѣнѣ ниже оренбургской. Чай изъ Москвы хорошій — 2 р. 50 к., сахаръ и стеариновыя свѣчи по 35 к. за фунтъ, водка добывалась на трехъ открытыхъ близъ Ташкента винокуренныхъ заводахъ. Вино—изъ погреба Депре и т. д. Туалеты барынь великолѣпны. Вездѣ сады съ фонтанами ключевой воды, вездѣ тѣнь и прохлада. Вотъ разсказы всѣхъ встрѣчныхъ тогда изъ Ташкента.

Tout ça est bel et bon! Но пока доберешься туда, трудно себѣ представить, чему подвергался на каждомъ шагу злополучный путешественникъ по этому отдаленному уголку Россіи? Перемѣны рѣзкія здѣсь не одного климата. Мѣстные жители киргизы заставляли меня забывать, что я въ предѣлахъ отечества. Нравы, обычаи, порядки и нарѣчія странны, дики и звѣрски. Какихъ только сценъ не былъ я свидѣтелемъ! Киргизы очень мало понимали, а тѣмъ болѣе говорили порусски; если же и выражались на на-

Библиотека "Руниверс"

шемъ языкѣ, то смѣшно и оригинально. Такъ, напримѣръ, на всѣхъ станціяхъ они называли мою карету «старая арба», а тарантасъ «молодая арба». Познакомился и вкусилъ я тутъ удовольствія ѣздить на верблюдахъ. Вотъ картина: къ дышлу кареты запрягаютъ пару очень маленькихъ киргизскихъ лошадей, невзрачныхъ и тощихъ, которыя приводятся по прибытіи на станцію проѣзжаго изъ степи, гдѣ питаются онѣ зимой и лѣтомъ подножнымъ кормомъ, т. е. какою-то колючкой. Къ этимъ двумъ клячамъ припрягаютъ съ боковъ пристяжныхъ и спереди уносныхъ верблюдовъ, высокихъ, длинныхъ, громоздкихъ, но одинаково тощихъ. Передній ѣздовой-форейторъ взлѣзаетъ на громаднѣйшее сѣдло, покрывающее чуть ли не все туловище верблюда, не иначе, какъ положивъ животное на землю, и на высотѣ своего положенія находится, кажется, ближе къ небу, чѣмъ къ землѣ. «Старая арба готова!»—садились и съ мѣста трогались при громкихъ крикахъ не только возчиковъ и всѣхъ ямщиковъ киргизовъ, но даже постороннихъ. Этого требовалъ обычай. Нельзя достаточно описать киргизскаго крика на верблюдовъ. Тутъ гикъ чеченцевъ, вой шакаловъ, лай собакъ, а дѣйствіе этого гама самое спасительное. Животныя боятся его гораздо болѣе кнута и нагаекъ. Согласовать аллюры этихъ разнородныхъ животныхъ очень трудно; иногда лошади бросаются быстрѣе верблюдовъ, а случается и вторымъ обѣгать клячъ. Разъ на парѣ лошадей и четырехъ верблюдахъ станцію въ 17 верстъ, очень песчаную къ тому же, я сдѣлалъ въ $1^1/_4$ часа. Другой разъ такая же сила волочила меня по совершенно ровной дорогѣ и твердому грунту 15 верстъ почти пять часовъ. За 5—6 верстъ до станціи истощенныя животныя обыкновенно останавливались въ полномъ изнеможеніи. Что дѣлать? Посылать на станцію, ловить свѣжихъ лошадей или верблюдовъ? Нисколько! Здѣсь обычай иной. Ѣдутъ верхомъ вдали, чуть видно на горизонтѣ, два всадника. Ямщики-киргизы начинаютъ во всю глотку пронзительно кричать. Смотришь, оба всадника стремглавъ несутся къ намъ и безъ дальнихъ объясненій, разговоровъ и просьбъ, безцеремонно впрягаются въ карету веревками отъ хвостовъ лошадей своихъ къ вагѣ. И вотъ съ новымъ гикомъ и крикомъ экипажъ трогается опять и довозится до самой станціи двумя верховыми у дышла, которые тутъ же получаютъ отъ меня добавочныя поверстныя, т. е. по 9 копеекъ съ версты.

Первую станцію отъ Уральскаго укрѣпленія мы искали въ степи битыхъ четыре часа и наткнулись на нее только по счастливой случайности; изъ укрѣпленія мы выѣхали утромъ, и къ ночи только открылось таинственное помѣщеніе станціи, которая, никого о томъ не предупредивъ, изволила перекочевать за 20 верстъ въ сторону. Все это могло удивлять насъ, но не туземцевъ. Это, по ихъ мнѣнію, было совершенно въ порядкѣ вещей: «Лоша все ку-

Библиотека "Руниверс"

шалъ здѣсь,—гайда другое мѣсто!» На дѣлѣ же, смотришь, вмѣсто 16-ти верстъ по маршруту сдѣлаешь ту же станцію верстъ 40, но какъ? Безъ дороги, безъ всякихъ признаковъ колеи—чистою степью. Но вотъ радостно взвылъ ямщикъ. Пріѣхали. «Но гдѣ же станція?» «А вотъ санцій!»

И «санцій» эту представляетъ огонекъ, окруженный ширмами изъ камыша, и ничего болѣе! Экипажей, даже перекладной, не полагалось, а лошади—онѣ въ степи, далеко, иногда за десять и болѣе верстъ отъ станціи. Киргизъ вскакиваетъ на выпряженную лошадь, а чаще всего пѣшкомъ, и исчезаетъ на горизонтѣ. Ждешь часа два, иногда три, и вотъ раздаются приближающіеся крики, и несется къ вамъ во весь духъ табунъ дикихъ лошадей съ ямщиками-киргизами. Здѣсь начиналась усиленная суета. Съ бранью и отчаяннымъ крикомъ, около огня, ихъ ловятъ на арканы, и какая попалась, первая влечется къ дышлу, безъ соображеній, ходила ли она прежде въ этой упряжи, или нѣтъ. Изъ 6 лошадей, попавшихъ въ карету, считаются обязательными хомуты на двухъ дышловыхъ, остальныя же припутываются просто веревками за шею, а часто и за хвостъ. Вожжей также въ употребленіи не много, на каждую дышловую по одной, прочія такъ себѣ. Форейторъ же часто, а на верблюдахъ постоянно, садится лицемъ къ каретѣ, то-есть задомъ напередъ, «лучше ему смотрѣть, какъ вытягиваютъ постромки», а животныя безъ всякаго управленія, по собственному инстинкту везутъ и довозятъ.

Наружный же видъ здѣшнихъ городовъ совершенно схожій съ картинами, изображающими степи, верблюжьи караваны и жалкія мазанки изъ желто-сѣрой глины. На улицѣ пыль, на домахъ пыль, въ комнатахъ пыль, въ воздухѣ пыль и одна пыль! И сквозь эту сплошную пыль слышенъ пронзительный крикъ верблюдовъ, ишаковъ, киргизовъ и энергически бранное словцо русскаго солдата. О дровахъ и помина нѣтъ, въ печахъ трещитъ камышъ, бурьянъ или кизякъ. Сами киргизы, хотя оборваны, но одѣты, женщины же всѣ почти и дѣти полунагія сидятъ кругомъ огня, вспыхивающаго и потухающаео, постоянно дымящаго и рѣжущаго глаза. Пища состоитъ изъ жидкой каши на водѣ изъ грубыхъ перловыхъ крупъ, а въ дни торжественные—на маханинѣ. Хлѣба къ этому не полагается никакого. Бурду эту даже Анонсъ долго не рѣшался ѣсть, но замѣчательно, что послѣ собаки изъ той же чашки киргизка-хозяйка передала остатки своимъ дѣтямъ и сама при насъ усердно помогла имъ. Независимо отъ грязи и парши киргизовъ самый грунтъ земли здѣшней развиваетъ тьму гадовъ и разныхъ насѣкомыхъ. Въ Уральскомъ, съ наступленіемъ теплой погоды, до того велико количество блохъ, что мѣстные жители не иначе ложатся спать, какъ надѣвая на себя рубашку, смоченную въ рѣкѣ Иргизѣ, славящейся своей горько-соленой водой. Но всѣ

Библиотека "Руниверс"

эти горести очень умѣрялись для меня, какъ охотника, безчисленнымъ количествомъ вездѣ дичи. Какъ только, напримѣръ, остановился тарантасъ у почтовбй мазанки станціи «Складъ-Саксаулъ», я схватилъ ружье и по указанію мѣстнаго смотрителя, урядника Уральскаго войска, направился вдоль берега рѣки. Не отошелъ я отъ станціи и ста шаговъ, какъ изъ-подъ Анонса сорвался дивнокрасивый, ярко-золотистый самецъ фазанъ, на пистолетный выстрѣлъ тихо и беззаботно потянувшій мимо меня совершенно чистымъ мѣстомъ. Стрѣлять его было отлично, но я до того былъ пораженъ неожиданностью его появленія, что не только забылъ въ ту минуту о ружьѣ своемъ, но, какъ угорѣлый, растерянно смотрѣлъ на нарядную птицу, пока она не улетѣла внѣ выстрѣла. Второй, затѣмъ, фазанъ ускользнулъ тоже, по случаю страшной чащи, но третій, самка, попалъ въ ягдташъ. Анонсъ сначала недовѣрчиво и неохотно лѣзъ въ колючку, но мало-по-малу вошелъ во вкусъ и послѣ двухъ-часовой работы оказался весь пестрымъ, то-есть по бѣлой шерсти въ красныхъ отъ крови пятнахъ. Но пострадалъ не онъ одинъ, а и я также, въ клочки разодравъ мою блузу и шаровары и исцарававъ себѣ лице и руки. Трофеи мои состояли въ то утро всего въ трехъ фазанахъ, добыча ничтожная, при громадномъ количествѣ фазановъ, но причинами неудачи были незнаніе мѣстности, непролазная чаща колючекъ, слишкомъ мелкая дробь и скоро застигнувшая меня въ полѣ невыносимая жара. Потъ лилъ съ меня градомъ, когда я измученный дотащился до станціи, гдѣ ожидалъ уже меня прибывшій съ каретой Вавила. При закатѣ же солнца, не доѣхавъ до станціи четырехъ верстъ, я не усидѣлъ въ каретѣ, при видѣ массы фазановъ, кишѣвшихъ вокругъ. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ, а потому, отправивъ впередъ экипажи съ Вавилой, мы съ Захаровымъ направились къ станціи кустами и тотчасъ же открыли изъ двухъ ружей батальный огонь по фазанамъ. Среди выстрѣловъ и азартной бѣготни по густой и высокой колючкѣ моего слуха достигъ звонкій колокольчикъ, а вслѣдъ затѣмъ возгласы незнакомой личности. Вижу черезъ кусты въ фантастическомъ костюмѣ страшно запыленнаго офицера. «Имѣю честь рекомендоваться, маіоръ Петерсонъ, курьеромъ отъ генерала Кауфмана скачу въ Петербургъ съ донесеніями, но на станціи отъ людей вашихъ узналъ о вашемъ проѣздѣ и счелъ долгомъ объяснить вамъ, что на слѣдующей за этой станціей лошадей нѣтъ, и вы тамъ застрянете, а такъ какъ ожидаютъ надняхъ въ Казалу сыръ-дарьинскаго военнаго губернатора, генерала Головачева, и для него будутъ выставлены лошади, то этимъ обстоятельствомъ вы можете воспользоваться, а до тѣхъ поръ повремените и не торопитесь со станціи Бюкубай-Куль, гдѣ есть и стекла въ окнахъ, и молоко, и куры»,— быстро проговорилъ всю эту тираду живчикъ-маіоръ. Я поблаго-

Библиотека "Руниверс"

дарилъ его за любезныя и чисто товарищескія свѣдѣнія, и черезъ минуту курьеръ поскакалъ въ одну сторону, а я пѣшимъ хожденіемъ направился въ другую.

Уже совершенно смерклось, когда мы съ Захаровымъ принесли шесть штукъ убитыхъ фазановъ на станцію Бюкубай-Куль. Здѣсь встрѣтили насъ Вавила съ чаемъ и ужиномъ, казакъ-смотритель, почтосодержатель, толстый киргизъ, и, къ удивленію моему, красивая, молодая и нарядная жена его киргизка съ предложеніемъ масла, сливокъ, цыплятъ.

Я рѣшился тутъ ночевать, но когда словоохотливый урядникъ сталъ разсказывать о массѣ дичи кругомъ ихъ станціи, а въ особенности на островѣ, образовавшемся отъ разлива двухъ рукавовъ Сыръ-Дарьи, куда онъ на каюкѣ взялся меня доставить, я соблазнился и проохотился все утро слѣдующаго дня.

— Въ прошломъ году я бы не посовѣтовалъ вашему высокоблагородію на острову азартиться на фазановъ, а нынче ничего, можно!

— Почему же?—съ любовытствомъ спросилъ я.

— А потому, ваше высокоблагородіе, что лѣтось тамъ жилъ тигра, съ весны застрявшій на острову. Ну, а съ нимъ повстрѣчаться не ловко.

Станція Бюкубай-Куль расположена на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, и противъ нея лежитъ островъ, около семи верстъ длины и до двухъ ширины, поросшій мѣстами густою колючкой и бурьяномъ. Здѣсь до обѣда на два ружья мы убили 36 фазановъ. Ихъ нашли мы такое множество, что изъ-подъ стойки собаки выстрѣлъ по одному поднималъ ихъ цѣлый рой. Поднявшись изъ колючки, фазаны стадами перемѣщались въ виду нашемъ на сотню шаговъ и снова подпускали къ себѣ, въ плотную.

Между тѣмъ, на станціи получилось свѣдѣніе, что военный губернаторъ Головачевъ (послѣ отъѣзда моего съ Кавказа командовавшій нашимъ Куринскимъ полкомъ), уже прибывшій въ фортъ Перовскій, раздумалъ ѣхать въ Казалу и вернулся въ Ташкентъ, а слѣдовательно на его помощь расчитывать было нельзя, и надо собственными средствами ѣхать впередъ.

Отъ Бюкубай-Куль до Перовскаго оставалось четыре перегона. Съ великими хлопотами и трудами совершивъ два изъ нихъ, на третьемъ я опять застрялъ: всѣ усилія къ пріисканію лошадей, верблюдовъ, быковъ, словомъ всякихъ средствъ къ передвиженію, долго оставались тщетными. Почтосодержатель бѣжалъ со станціи, оставивъ проѣзжающихъ, почту и курьеровъ на произволъ судьбы. Легкая почта продежурила здѣсь пять дней, а инженерный капитанъ здѣсь же прожилъ семнадцать дней.

По общимъ слухамъ экспедиція въ Хиву готовилась, но не раньше осени, такъ что опоздать было невозможно, но со всѣмъ

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ цыганская жизнь сильно прискучила: было уже шесть недѣль, какъ я мыкался въ дорогѣ, за все время получивъ отъ своихъ только записочку въ Оренбургѣ и телеграмму въ Симбирскѣ.

Здѣсь же догналъ меня и уѣхалъ впередъ курьеръ изъ Петербурга. Онъ выѣхалъ оттуда 17-го числа (февраля), то-есть десятью только днями позже моего отъѣзда изъ Москвы. Поэтому можно было судить о быстротѣ сообщеній и понять, что я сравнительно еще не такъ медленно подвигаюсь впередъ. Курьеръ поѣхалъ на двѣ роковыя станціи верхомъ, на казачьей лошади, чего мнѣ съ каретой сдѣлать было невозможно. По словамъ этого курьера (здѣшняго ташкентскаго офицера), за нами вслѣдъ ѣхали на широкую ногу два господина: первый—Лишинъ, съ сыномъ, гувернеромъ и проч. и другой Пукаловъ, бывшій мировой судья московскій.

Пароходство же на Сыръ-Дарьѣ пресловутой Аральской флотиліи, о которомъ минутно помышлялъ я, также было не въ блестящемъ состояніи, а именно: 930 верстъ отъ форта № 1 до Чиназа пароходъ идетъ до 50 дней и никогда не менѣе 35. Не правда ли, какъ соблазнительно было это плаваніе при обязательномъ къ тому же условіи собственноручно помогать и вмѣстѣ съ прочими пассажирами лѣзть въ воду, чтобы сталкивать пароходъ съ мели, что̀ случалось по нѣсколько разъ въ сутки.

Наконецъ, Захаровъ съ казакомъ со станціи, единственнымъ здѣсь живымъ существомъ, отправились по ближайшимъ ауламъ искать, конечно, по вольной цѣнѣ лошадей, быковъ, верблюдовъ, словомъ, что попадется, и привели четыре пары быковъ, на которыхъ я и выбрался съ фатальной станціи Кумъ-Куль. Въ фортѣ же Перовскомъ я смѣло могъ воскликнуть: Рубиконъ перейденъ, я проѣхалъ всю мерзость, оставалось еще 600 верстъ, но уже почти хорошей дороги и съ хорошими лошадьми. Я былъ живъ, даже здоровъ, но слишкомъ утомленъ физически.

Съ 2-го на 3-е апрѣля прибылъ я, наконецъ, въ городъ Ташкентъ. Конецъ и Богу слава!

При въѣздѣ моемъ ночью въ тарантасѣ, такъ какъ на послѣдней станціи не хватило лошадей подъ карету, въ прелестную лунную ночь, я залюбовался оригинальнымъ видомъ предмѣстья Ташкента и безконечными садами, его окружающими. Когда я потомъ имѣлъ случай видѣть русскую слободу, то поразился чистотой и бѣлизной построекъ, ихъ полуевропейской архитектурой, изобиліемъ воды и роскошью зелени. Остановился я въ гостинницѣ Розенфельда и занялъ двѣ комнаты за 50 рублей въ мѣсяцъ, пока осмотрѣлся и узналъ, что изъ меня сдѣлаютъ.

Прежде всего, по правиламъ, я долженъ былъ представиться военному губернатору Головачеву, который принялъ меня вѣжливо, даже радушно, затѣмъ начальнику штаба генералъ-маіору Дандевилю,

Библиотека "Руниверс"

доброму и пріятному человѣку, но мало вліяющему вообще на дѣла края и, наконецъ, К. П. Кауфману. Вопреки всѣхъ полученныхъ свѣдѣній и ожиданій, я остался вполнѣ доволенъ его пріемомъ. Онъ мнѣ не далъ руки, а подалъ ихъ обѣ при встрѣчѣ и прощаніи, продержалъ у себя въ кабинетѣ болѣе часа, былъ любезенъ, внимателенъ и разспрашивалъ много о женѣ моей и Милютиныхъ. Про позднее явленіе мое не было и помина, про будущее назначеніе меня также пока никакой рѣчи, а что грустнѣе всего—это, что никакой экспедиціи тогда еще не предвидѣлось. Безъ этого же существованіе здѣсь было слишкомъ безцвѣтно. Въ тотъ же день былъ у Пистолькорса, гдѣ провожали въ командировку адъютанта Кауфмана—Адеркаса, очень хорошаго малаго. Онъ ѣхалъ въ Самаркандъ, откуда съ генераломъ Абрамовымъ дѣлалось движніе въ горы съ ученою цѣлью.

12-го апрѣля въ тотъ годъ была Пасха. Походная церковь, временъ еще Черняева, не вмѣщала въ себя и половины всѣхъ лицъ, жаждавшихъ молитвы, и большинство ихъ толкалось на паперти. Изъ церкви, въ три часа ночи, всѣ направились во дворецъ генералъ-губернаторскій, гдѣ было великолѣпное розговѣнье на нѣсколько сотъ человѣкъ.

Что касается моего личнаго устройства въ Ташкентѣ, то квартиру я нанялъ очень удачно: чистенькій домикъ съ садомъ подполковника Денета. Полъ устланъ былъ камышевыми цыновками, ставни тоже камышевые, красивыя жалузи, кругомъ крытая терраса, а главное, что домикъ былъ въ саду съ прекрасными фруктовыми деревьями, виноградниками, ягодными кустами, проточнымъ прудомъ для купанья и большимъ количествомъ воды для поливки. Садъ этотъ былъ окруженъ высокою глиняной стѣной и занималъ болѣе семи десятинъ среди самаго города, но въ немъ воздухъ былъ чистъ, пыли и шума не было и помина. Около домика находилась хорошенькая кухня, навѣсы для экипажей, конюшни и прочія хозяйственныя постройки.

Въ этомъ-то уютномъ уголкѣ Ташкента устроился я прекрасно. Съ Вавилой, который былъ въ восторгѣ отъ житья ins Grüne, принялся я за устройство огорода, торопясь поскорѣе высѣять привезенныя изъ Москвы сѣмена, такъ какъ здѣсь все было уже зелено, въ цвѣту и пошло въ ростъ. Нанялъ я десять человѣкъ сартовъ; они работали прекрасно по 20 копеекъ въ день. Вскопалъ я землю подъ огородъ по веревкѣ съ педантическою акуратностью, разбилъ, отдѣлалъ и засѣялъ гряды. Дорожки же между грядами наполнилъ сейчасъ водою. Арыки — это источники воды, бѣгущей по направленію, которое каждому вздумается дать; вода въ нихъ чистая, проточная, течетъ всюду по садамъ и улицамъ. Эта благодѣтельная мѣра здѣсь крайне необходима при сухости климата и почвы для плодотворнаго орошенія земли и охлажденія воздуха. Посадилъ

Библиотека "Руниверс"

и картофель, который купилъ здѣсь по 6 копеекъ за фунтъ. Въ то же время Вавила пріобрѣлъ пѣтуха, куръ, до полусотни цыплятъ. Погода была восхитительная, съ непривычки даже не вѣрилось, что въ апрѣлѣ 22° въ тѣни. Черезъ три недѣли со времени посѣва я ѣлъ уже и разсылалъ другимъ прекрасные редисы, салатъ и шпинатъ, а немного позднѣе и молодой картофель. Въ первыхъ же числахъ мая здѣсь рвутся уже спѣлыя черешни. Клеверъ на поливныхъ лугахъ снимался до шести разъ въ лѣто, а ячмень (овса здѣсь не сѣютъ) давалъ баснословный урожай. Вотъ климатъ, вотъ растительное царство!

Осмотрѣвшись въ Ташкентѣ, я могъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія, во многомъ, если не во всемъ, противорѣчившія прежде собраннымъ мною свѣдѣніямъ о Туркестанскомъ краѣ. Здѣсь не пустыня была безлюдная, безводная и голодная. Нѣтъ, Ташкентъ въ то время былъ мѣстожительство болѣе 100 тысячъ людей, но $^{9}/_{10}$ изъ нихъ туземцы сарты, занимающіе здѣсь отдѣльный городъ, или вѣрнѣе аулъ. Общаго между ними и русскимъ кварталомъ только базаръ по воскресеньямъ, гдѣ кипитъ торговля лошадьми, скотомъ, баранами. Русскій городъ, правильно разбитый на улицы съ площадями, застроенъ одноэтажными, довольно чистенькими домами изъ кирпича-сырца, съ глиняными крышами и безъ деревянныхъ половъ. Улицы всѣ отдѣланы, какъ шоссе, то-есть щебнемъ, отчего пыль ѣдкая и постоянная, но съ обѣихъ сторонъ ихъ пропущены арыки, вдоль которыхъ посажены деревья: тополи, талъ, тутовое, и два раза въ день средину ихъ, по раскаленному камню, поливали свѣжей водой изъ этихъ спасительныхъ арыковъ. Днемъ, всякій Божій день, съ безоблачнаго неба палитъ жгучее солнце, дождей и росы нѣтъ, ночью же очень прохладно, а потому городъ оживаетъ; но, освѣщенный тогда только небеснымъ свѣтиломъ, онъ въ прочее время представлялъ тьму, хоть глаза выколи, и единственнымъ средствомъ было двигаться съ фонаремъ въ рукахъ.

Всѣ экипажи въ городѣ были наперечетъ, хорошихъ лошадей въ упряжи почти ни у кого не было. Столъ у всѣхъ былъ самый плебейскій, утоляющій голодъ, но не вкусъ. Вино мѣстное—отвратительная кислятина... впрочемъ пили всѣ больше Редереръ. Общественныя удовольствія, гулянья, катанья еще не привились. Въ назначенные дни принимали къ себѣ два, три дома и то незначительную часть знакомыхъ, такъ какъ большинство было между собою въ распряхъ. Играли въ карты, преимущественно въ безикъ и ералашъ; въ частныхъ домахъ по $^{1}/_{2}$ копейкѣ, а въ клубѣ по 1 копейкѣ. Въ клубѣ, впрочемъ, всѣ бывали рѣдко и вообще съ половины апрѣля всѣ переселялись въ сады, гдѣ были карточные домики, или просто кибитки; въ нихъ-то обитатели прятались только въ самую жару, которая въ концѣ апрѣля достигала 42°, а утро, вечеръ, даже ночь, всѣ проводили въ саду, гдѣ дышали чистымъ

Библиотека "Руниверс"

воздухомъ и прохладой. На воздухѣ же занимались, тутъ же обѣдали, отдыхали, играли въ карты, бражничали.

Публичныхъ сборищъ было мадо. Правда, за городомъ былъ публичный садъ Минь-Урюкъ (абрикосовый), гдѣ былъ буфетъ и по вечерамъ играла музыка, но посѣщался онъ только очень отважными, такъ какъ тамъ зачастую случались скандалы.

Что же касается общества, то со многими я быстро сошелся и пришелъ къ тому заключенію, что здѣсь, какъ и вездѣ, свѣтъ не безъ добрыхъ людей, а интригъ и сплетенъ—гдѣ-жъ ихъ нѣтъ.

Во время пребыванія моего въ Ташкентѣ чаще другихъ видался я съ фанъ-деръ-Флитомъ и съ Адеркасомъ (адъютантами К. П. Кауфмана), затѣмъ съ Пистолькорсомъ, Струве, Дандевилемъ съ супругой, Екатериной Ивановной, очень умной и любезной, артиллеристомъ Соболевымъ, Дмитровскимъ, Гомзинымъ (правителемъ канцеляріи ген.-губ.), Яфимовичемъ, полковникомъ изъ конной гвардіи, шведомъ Бирмаумомъ, Дитмаромъ, судьей, Скобелевымъ, Тихменьевымъ и, наконецъ, Лишинымъ, Козловымъ, Меллеромъ-Закомельскимъ (двоюродный внукъ Кавказскаго), Штрандманомъ, Ермоловымъ, Николаемъ, Попаригопуло, а впослѣдствіи съ Абрамовымъ.

Ближе всѣхъ сошелся я съ симпатичнымъ полковникомъ ген. штаба В. И. Дмитровскимъ, который былъ только-что присланъ курьеромъ отъ Милютина. Бывшій кавказскій артиллеристъ, онъ еще съ Воздвиженскаго зналъ меня по наслышкамъ, и я радъ былъ познакомиться съ нимъ лично и даже жить потомъ на одной квартирѣ. Это была свѣтлая личность и общій въ Туркестанѣ любимецъ, чего, впрочемъ, онъ вполнѣ заслуживалъ по своимъ нравственнымъ достоинствамъ.

Въ начала же мая неожиданно явился ко мнѣ изъ Флоренціи кн. Дмитрій Друцкой-Сокольницкій. Письмо его изъ Флоренціи дожидало еще моего пріѣзда въ Ташкентъ, и я сталъ уже собирать просимыя имъ свѣдѣнія о шелковичныхъ червяхъ и сѣменахъ. Съ этой цѣлью письмо Друцкаго передалъ Пистолькорсу, который съ нимъ былъ у Кауфмана и просилъ объ отпускѣ Друцкому желаемаго имъ количества сѣмянъ, но дѣло двигалось медленно, и Друцкой, потерявъ терпѣніе въ ожиданіи моего сообщенія и гр. Мих. Ростовцева, изволилъ вмѣстѣ съ beau-frère'омъ своимъ Цукели отправиться изъ Франціи въ Ташкентъ, чтобы лично здѣсь провести шелковичное дѣло. Я всегда чувствовалъ большую симпатію къ Друцкому, еще со времени моей помолвки на Левшиной, въ домѣ которыхъ онъ былъ принятъ, какъ свой.

Это былъ умный, даровитый и милый человѣкъ, и пріѣздъ его въ Ташкентъ живо мнѣ напомнилъ Воздвиженку, тещу и весь 1856 годъ. Вскорѣ Друцкой съ своимъ beau-frère'омъ уѣхали въ Коканъ, гдѣ разсчитывали завести дѣло, но всѣ ихъ труды, хлопоты

Библиотека "Руниверс"

и издержки принесли только убытокъ, такъ какъ шелковичныя сѣмена, ими пріобрѣтенныя, страшно упали въ цѣнѣ, по свѣдѣніямъ изъ Италіи, и вся афера вышла въ убытокъ. Не удались ему по этому поводу и переговоры съ мѣстными властями.

Два съ половиной мѣсяца я уже изучалъ край. О военныхъ дѣйствіяхъ все еще не было слышно. Посольство наше принято было въ Бухарѣ съ почестями и изліяніями дружелюбія. Не отчаянно ли грустное положеніе вновь пріѣхавшихъ въ Туркестанъ упиваться славою подвиговъ, совершенныхъ въ прошлые года? А какъ истощались здѣсь физическія силы, не смотря на относительное бездѣйствіе—отъ жары и мошекъ! 7-го іюня, напр., въ 2 часа дня, по термометру Реомюра, на солнцѣ было всего пятьдесятъ съ четвертью градусовъ. Excusez du peu!

Съ Дмитровскимъ жили мы очень дружно и не тѣсно на одной квартирѣ, обѣдали почти всегда дома. Вавила не только былъ исправенъ, но даже пріобрѣлъ себѣ въ Ташкентѣ славу отличнаго повара и дѣйствительно кормилъ насъ превосходно. Въ огородѣ урожай былъ страшный на редисъ, салатъ, морковь, шпинатъ, бобы, горошекъ, капусту и даже артишоки. Изъ развлеченій—охоты еще не было, а два раза я посвященъ былъ уже въ національное удовольствіе: тамашу. Это праздникъ, вечеръ, балъ, называй какъ хочешь,—въ которомъ главную роль увеселенія или прелести играетъ бача, или бачи, т. е. мальчики. Въ саду при иллюминаціи изъ фонарей и плошекъ, устроивается гладкое, покрытое коврами мѣсто, на которомъ въ сторонѣ ставятъ столы со всевозможными мѣстными сластями и лакомствами, пловомъ, чаемъ, шербетомъ и т. д. Хозяинъ дома, конечно, изъ туземцевъ, ташкентскій житель изъ знатныхъ родомъ, встрѣчаетъ гостей, угощаетъ ихъ и большею частью молчитъ, по незнанію слова порусски. Какъ только исчезнетъ со стола часть угощеній, хозяинъ приглашаетъ занять мѣста кругомъ арены и смотрѣть второе и главное дѣйствіе: танецъ бачей. Красотою бачей владѣльцы ихъ гордятся и изъ-за обладанія ими ссоры, распри и вражда не рѣдко кончаются кровопролитіемъ. Почетные гости, русскіе и прочіе зрители окружаютъ арену и, потурецки сидя на подушкахъ, ожидаютъ появленія бачи, а тѣмъ временемъ тутъ же сбоку музыканты: два толумбаса, кларнетъ и что-то въ родѣ двухъ горшковъ, по которымъ четвертый виртуозъ бьетъ желѣзною палкой,—издаютъ пронзительные звуки, еще непріятнѣе и ужаснѣе для слуха, чѣмъ знаменитая зурна Грузіи.

Наконецъ, въ кругу является женоподобный юноша, одѣтый чаще всего въ яркій халатъ и родъ ермолки, непремѣнно босикомъ. Тутъ же подъ анаѳемскіе аккорды музыки начинается кривляніе, ломаніе и неистовый плясъ коканскій или бухарскій, въ которомъ бача лѣзетъ изъ кожи и старается всѣми силами и средствами соблазнять зрителей прелестью своихъ движеній и позъ. Безъ устали

Библиотека "Руниверс"

и перерыва пляска эта продолжается по нѣсколько часовъ сряду и кончается лишь при совершенномъ изнеможеніи силъ танцоровъ и истощеніи немилосердныхъ виртуозовъ, валявшихъ кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Но вотъ мое dolce far-niente прекратилось. И здѣсь, какъ когда-то на Кавказѣ, служебная дѣятельность моя началась траурнымъ порученіемъ.

Съ 15-го на 16-е мая въ ночь скончался здѣсь почти скоропостижно графъ Мих. Ростовцевъ. Онъ былъ предсѣдателемъ ликвидаціонной коммиссіи, очень запутанной и сложной. Къ нему-то по его кончинѣ и назначена была коммиссія, подъ моимъ предсѣдательствомъ, для описи имущества графа, а главное для приведенія въ порядокъ кипы бумагъ ликвидаціонныхъ и сдачи ихъ полковнику Мейеру.

Три дня въ самый удушливый зной, въ маленькой тѣсной комнатѣ, пришлось намъ работать надъ разборкой бумагъ. При жизни Ростовцева я ни разу не встрѣчалъ его, а провожалъ остывшее тѣло на кладбище, какъ бывшаго пажа и настоящаго сослуживца.

Вскорѣ затѣмъ состоялось путешествіе К. П. Кауфмана для ревизіи въ Семирѣченскую область, а по пріѣздѣ его — назначеніе мое къ Абрамову въ Заравшанскій округъ.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1].

XX.

Слухи о моей командировкѣ въ фортъ Перовскій.—Знакомство съ Абрамовымъ; его біографія.—Перемѣна назначенія.—Сборы къ отъѣзду въ Самаркандъ.—Новыя знакомства: Соковнинъ, Штемпель, Нарбутъ, Принцъ, Щербинскій, Ивановъ, Сѣровъ, Гребенкинъ, князь Урусовъ, баронъ Ренне, Соболевъ, Раевскій и др.—Распоряженія Абрамова; походъ до Урусъ-Кишлака.—Приказъ по отряду; мое назначеніе.—Китабъ.—Ночное движеніе.—Шороховъ.—Вылазка непріятеля.—Передъ штурмомъ; сомнѣнія и несогласія.—Штурмъ, побѣда.—Бекскій дворецъ, мародерство.—Движеніе на Шааръ.—Передача Шахризябса эмиру Бухарскому.—Городъ Ѳедобей.—Возвращеніе въ Самаркандъ.—Ташкентъ и отправленіе меня курьеромъ въ Петербургъ.

Въ НАЧАЛѢ іюля (1870 г.) Дмитровскій сообщилъ мнѣ, что К. П. Кауфманъ говорилъ ему о предполагаемой моей командировкѣ въ фортъ Перовскій, но офиціальной бумаги я еще не получалъ. Слѣдствіе, мнѣ поручаемое, было довольно серьезно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень запутанно—между полковникомъ К. и подполковникомъ П. по поводу сдачи батареи. Роптать было нельзя; но катить въ жару 600 верстъ, жариться тамъ недѣли двѣ, три, конечно, не представляло ничего увлекательнаго, а въ особенности при мысли, что въ это время могло быть здѣсь движеніе.

Между тѣмъ, около этого же времени познакомился я у Струве съ пріѣхавшимъ изъ Самарканда генераломъ Абрамовымъ. Ему

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 109.

Библиотека "Руниверс"

было лѣтъ за 40, но на видъ больше. Началъ онъ службу въ горной артиллеріи Восточной Сибири. Находясь съ Циммерманомъ при взятіи Педжента, онъ при взрывѣ нашего пороховаго погреба взлетѣлъ на воздухъ и при обратномъ паденіи сильно ударился головой о землю.

Въ 1865 году, уже старымъ служакой, но еще въ чинѣ поручика, ему выпалъ жребій идти со взводомъ батареи въ степной отрядъ Черняева и здѣсь, принявъ участіе во всѣхъ побѣдныхъ дѣлахъ съ коканцами и бухарцами, Абрамовъ сначала строевымъ офицеромъ, а потомъ въ должности дежурнаго штабъ-офицера при Черняевѣ и Романовскомъ, быстро выдвинулся впередъ и 2-го мая 1868 года, то-есть послѣ трехлѣтней службы въ Туркестанскомъ краѣ, за взятіе Самарканда уже былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ описываемое мною время состоялъ начальникомъ Заравшанскаго округа.

Наружностью онъ былъ оригиналенъ: при сильной близорукости никогда не снималъ очковъ, а вслѣдствіе контузіи головы — черной шелковой ермолки.

Баснословная карьера его могла быть сдѣлана, конечно, вслѣдствіе благопріятныхъ тогда обстоятельствъ. Настали затѣмъ другіе дни для Туркестанскаго края. Боевая, походная жизнь замѣнилась мирною, съ тяжелою обстановкой вмѣсто прежней жизни на распашку. Но что хуже всего, за четыре тысячи верстъ отъ центра Россіи, на этой окраинѣ, сталъ всюду проникать, точно ѣдкая пыль, духъ интригъ, и въ этой песчаной почвѣ съ неподражаемымъ искусствомъ начали вести мины, контръ-мины и фугасы.

Впрочемъ, это было въ порядкѣ вещей. Кто же преимущественно шелъ служить въ Туркестанъ?

Люди, алчущіе эксплоатировать свѣжій еще край и хватающіеся за соломинку, чтобъ не утонуть окончательно; многіе шли съ единственной цѣлью поправить дѣла, если не деньгами, то карьерой. Удалось это лишь нѣкоторымъ, а на удочку попались сотни. Но и то сказать, кто могъ предвидѣть долгое затишье съ 1867 по 1870 годъ? Продолжали служить, участвовать въ парадахъ, встрѣчахъ, но надежда на движеніе всѣхъ ободряла и поддерживала.

Познакомившись съ Абрамовымъ, я остался очень доволенъ его прямотою, честнымъ и благонамѣреннымъ взглядомъ на вещи и простотою въ обращеніи, но никогда не предполагалъ, чтобы изъ этого могло что нибудь выйти.

Дѣло въ томъ, что у меня все уже было улажено и готово для отъѣзда на слѣдствіе въ фортъ Перовскій. Предписаніе я наконецъ получилъ и собирался уже ѣхать. Но въ ту минуту, когда я послалъ за почтовыми лошадьми, а самъ въ ожиданіи расхаживалъ по двору въ дорожномъ костюмѣ, прискакалъ казакъ отъ

Библиотека "Руниверс"

генералъ-губернатора съ приглашеніемъ немедленно пожаловать къ нему на дачу. Что бы это значило?

Развязываю чемоданъ, достаю мундиръ и скачу. Его превосходительство встрѣчаетъ меня на терасѣ, вводитъ въ кабинетъ, сажаетъ рядомъ съ собой, предлагаетъ папиросу, словомъ, становится Константиномъ Петровичемъ прежнихъ временъ. Черезъ часъ аудіенціи я вышелъ изъ кабинета Кауфмана съ огромнымъ запасомъ добрыхъ словъ, увѣреній въ его расположеніи и довѣріи къ моей особѣ и порученіемъ заѣхать къ начальнику штаба Дандевилю, чтобы возвратить ему полученное на мое имя предписаніе о слѣдствіи въ фортѣ Перовскомъ, куда вмѣсто меня назначается ѣхать маіоръ Попаригопуло. Дѣло въ томъ, что не знаю, какъ это случилось, но мнѣ наканунѣ удалось обворожить генерала Абрамова, который упросилъ Кауфмана откомандировать меня съ нимъ въ Самаркандъ, а въ фортъ Перовскій отправить другого. Вслѣдствіе этого, Константинъ Петровичъ въ самыхъ любезныхъ формахъ и лестныхъ выраженіяхъ предложилъ мнѣ ѣхать къ Абрамову въ Заравшанскій округъ, ознакомиться съ людьми, краемъ и обычаями, а затѣмъ занять мѣсто по народному управленію, гдѣ служба выгоднѣе и содержаніе значительнѣе, но въ случаѣ военныхъ дѣйствій мнѣ предстоитъ менѣе шансовъ въ нихъ участвовать. Онъ очень дѣльно объяснялъ мнѣ, что, состоя въ распоряженіи его, какъ командующаго войсками, мнѣ нельзя добиться удачныхъ результатовъ по службѣ, и что я неизбѣжно долженъ получить назначеніе; но, не желая дать его, безъ моего согласія, онъ проситъ меня откровенно высказаться и, внимательно пообдумавъ, дать ему рѣшительный отвѣтъ: хочу ли я на передовой линіи занять должность начальника Самаркандскаго отдѣла, или тамъ же принять отдѣльный линейный баталіонъ? Первое, то-есть должность начальника отдѣла считалась однимъ изъ лучшихъ мѣстъ въ Туркестанѣ, по независимости положенія, громадному содержанію (до 9.000 рублей) и значенію въ краѣ, но много было хлопотъ по администраціи, и требовалось умѣнье въ управленіи туземцами. Сообразивъ незнаніе этого дѣла, при общемъ настроеніи къ интригамъ вообще, а по этой отрасли управленія въ особенности,— я серьезно подумывалъ, прежде чѣмъ рѣшиться: взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ,— командованіе же батальономъ несравненно было покойнѣе и проще, но положеніе незначительно, а содержаніе ничтожно.

Абрамовъ передъ отъѣздомъ, очень любезный и внимательный, совѣтовалъ взять въ Самаркандъ все безъ исключенія имущество мое, а въ особенности поспѣшить отправленіемъ туда верховыхъ лошадей. Ужъ не военная ли хитрость, думалось мнѣ, этотъ возбужденный начальствомъ вопросъ о народномъ управленіи? Не порохомъ ли запахло въ Заравшанскомъ округѣ? Во всякомъ случаѣ

Библиотека "Руниверс"

разсуждать было некогда, а надо было собираться и ѣхать. Ташкента мнѣ было отчасти жаль. Здѣсь я познакомился и сошелся со многими хорошими людьми, а тамъ предстояло знакомиться съ новыми. Былъ опять у Кауфмана, который при многолюдной публикѣ выразилъ свои надежды, а Абрамовъ удовольствіе отъ моего назначенія. Желаніе Кауфмана было, чтобы я принялъ уѣздъ Каты-Курганъ, на передовой линіи, пограничный съ Бухарой. Мѣсто вполнѣ самостоятельное, въ распоряженіи моемъ долженъ былъ состоять батальонъ № 5, двѣ сотни казаковъ и дивизіонъ артиллеріи.

Положеніе видное и содержанія до 10.000 рублей, но опять-таки въ случаѣ военныхъ дѣйствій изволь отъ нихъ отказаться. Въ день отъѣзда моего изъ Ташкента въ саду Струве мнѣ дали прощальный завтракъ, который продолжался съ 12 часовъ утра до 9 часовъ вечера; для завтрака немного долго. Ночью я выѣхалъ и на другой день утромъ явился въ Чиназъ, гдѣ на паромѣ переправился черезъ Сыръ-Дарью и Голодною степью покатилъ до Москвы Средней Азіи—Самарканда. Пріѣхавъ туда, я не засталъ въ первый день моего стараго знакомца бар. Ренне и переночевалъ въ гостинницѣ. Вскорѣ явился ко мнѣ адъютантъ генерала Абрамова, Рихтеръ, съ предложеніемъ занять весь домъ его, такъ какъ самъ онъ помѣщался за городомъ, въ саду. Но я отстранилъ это любезное предложеніе, а утромъ, явившись къ генералу, получилъ отъ него приглашеніе занять тоже садъ на противоположной сторонѣ отъ Самарканда, богатый тѣнью и водой. Здѣсь помѣщался уже и полковникъ Озеровъ (тоже состоящій въ распоряженіи Кауфмана, еще съ Вильны бывшій личный адъютантъ его), а потому я нашелъ все устроеннымъ, даже съ затѣями и всѣми требованіями восточныхъ условій: большой балаганъ, двѣ кибитки, обширный прудъ, окаймленный тѣнистыми деревьями. Въ балаганѣ на полу, сверхъ циновокъ, раскинуты были ковры, кругомъ стояли турецкіе диваны (тахты) съ круглыми подушками (мутаки), а рядомъ въ юртахъ (кибитки) устроена была спальная съ пологомъ на кровати и искусною всюду вентиляціей.

Въ день рожденія жены, 29-го іюля, я пилъ шампанское за здравіе моей новорожденной, но гдѣ? У моего родственника! Въ Самаркандѣ найти его—вѣдь это штука. У князя Николая Урусова, сына кн. Павла Александровича, женатаго на Уваровой. Познакомился я съ нимъ у стараго кунака кавказскаго, Ренне, а 29-го вмѣстѣ съ Абрамовымъ и большей компаніей былъ у него вечеромъ на великолѣпномъ тамаша.

Въ женщинахъ была чуть ли не бо̀льшая бѣдность, чѣмъ въ Ташкентѣ, и вообще общество здѣшнее относительно ташкентскаго, какъ тульское относительно петербургскаго. Здѣсь гораздо менѣе причудъ, претензій и этикета, но зато въ большемъ размѣрѣ оди-

Библиотека "Руниверс"

ночество и скука. И еще—странный край Туркестанскій! Населяютъ его люди, которые живали вѣдь и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ прочихъ городахъ Россіи, значитъ ѣли и пили. Но какъ только они водворялись въ странѣ этой, то усердно продолжали второе, совершенно пренебрегая первымъ, и что же вышло? Шампанское (по 5 рубл. 50 коп.) встрѣчалось на каждомъ шагу, а куска сноснаго мяса или вообще съѣстнаго не найдешь нигдѣ. Вообще, все съѣдобное было грязно, мерзко и до того безвкусно, что съ души претъ. Надо замѣтить при этомъ, что за рубль, много полтора, въ особенности при артели въ нѣсколько человѣкъ, столъ могъ быть если не гастрономическій, то вполнѣ удовлетворительный. Но всѣ, по большей части, предпочитали лучше ѣсть гадость и запивать ее привознымъ виномъ на десятки рублей. Благодаря Вавилѣ, я лично избавленъ былъ отъ всѣхъ неурядицъ и непріятностей въ хозяйствѣ. Въ пруду у самаго балагана квакали пущенныя утки, которыхъ во множествѣ здѣсь развели туземцы; хорошія, жирныя, русскія утки продавались на базарѣ по 30 коп. штука. Сарты же за безцѣнокъ приносили цѣлые выводки молодыхъ куропатокъ. Что касается молочнаго, то достать его было трудно, а зелени и тѣмъ болѣе. Жара стояла значительно выше ташкентской, но ночи удивительно были холодны. Въ юртѣ моей я могъ спать только подъ пледомъ и халатомъ и то схватывалъ насморкъ, а утромъ, съ 10 часовъ, съ трудомъ уже дышалъ отъ зноя.

Между тѣмъ появились новыя, небезынтересныя встрѣчи, краткій абрисъ которымъ въ эпоху моего знакомства такъ занесенъ въ моемъ туркестанскомъ дневникѣ.

«Соковнинъ. Старый кавказскій офицеръ Кабардинскаго полка, умный, честный и смѣлый. Въ пятидесятыхъ годахъ, при слѣдованіи оказіи на Кумыкской плоскости, поскакалъ за уѣхавшимъ впередъ съ кавалеріей командиромъ полка кн. Барятинскимъ и былъ захваченъ въ плѣнъ горцами, у которыхъ въ ямѣ протомился около полутора года. Впослѣдствіи онъ оставилъ Кавказъ, но не службу, и, съ рѣдкимъ усердіемъ неся всю тяжесть ея, былъ брошенъ судьбою во многіе углы Россіи, всюду считался отличнымъ служакой и примѣрнымъ офицеромъ, но въ силу неблагопріятныхъ условій очень медленно подвигался впередъ по службѣ. Эти-то постоянныя неудачи, вмѣстѣ съ болѣзненными нравственными припадками, какъ послѣдствіями мучительнаго плѣненія въ Чечнѣ, развили въ злополучномъ Соковнинѣ ипохондрію и частью желчные припадки, что̀, однако, нисколько не препятствуетъ всѣмъ любить и глубоко уважать его за честные принципы и беззавѣтное мужество въ борьбѣ какъ съ непріятелемъ, такъ и со всѣми житейскими невзгодами. Почтеннѣйшій Василій Николаевичъ по сію пору всего только полковникъ и командиръ 9-го Туркестанскаго линейнаго батальона.

Библиотека "Руниверс"

«Баронъ Штемпель. Также полковникъ, командуетъ 6-мъ Туркестанскимъ линейнымъ батальономъ. Два года тому назадъ, по занятіи Самарканда, Кауфманъ оставилъ батальонъ маіора Штемпеля въ гарнизонѣ вновь завоеваннаго города, а самъ съ главными силами выступилъ къ Бухарѣ. Пока его отрядъ, упоенный славою побѣды на берегахъ Заравшана, искалъ въ степи полчища эмира, жители Самарканда возстали и съ помощью прибывшихъ къ нимъ изъ бухарской арміи воинственныхъ шахризябцевъ въ теченіе одиннадцати дней осаждали и восемь разъ ожесточенно штурмовали цитадель Самаркандскую. Здѣсь-то и оказалъ свои подвиги пресловутый Н. Н. Назаровъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, отрѣшенный по интригѣ П. отъ командованія батальономъ, онъ былъ Кауфманомъ оставленъ въ Самаркандѣ подъ арестомъ, но когда гарнизону пришлось плохо, то, принявъ изъ рукъ младшаго по чину бар. Штемпеля свою шашку, нашъ сорви-голова, подполковникъ, взялъ на себя защиту отъ вторженія штурмующихъ враговъ однихъ изъ воротъ цитадели, поперекъ ихъ поставилъ походную койку свою съ краснымъ одѣяломъ и день и ночь нѣсколько сутокъ отражалъ бѣшеныя атаки непріятеля. Рядомъ съ нимъ, но у другихъ воротъ цитадели, дрался живописецъ-прапорщикъ Верещагинъ, получившій тутъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

«Итакъ, видную роль главнаго защитника при знаменитой осадѣ Самарканда бар. Штемпель разыгралъ довольно пассивно, но недѣлю назадъ онъ представленъ къ чину подполковника за Заравшанское дѣло, а за отбитіе штурмовъ на Самаркандскую цитадель получилъ чинъ полковника и орденъ св. Георгія.

«Маіоръ Принцъ, начальникъ кавалеріи Заравшанскаго округа. Прослуживъ въ строю на Кавказѣ, Александръ Петровичъ Принцъ назначенъ былъ адъютантомъ къ доблестному князю Григорію Дмитріевичу Орбеліани и затѣмъ уже получилъ назначеніе въ Туркестанъ.

«Кобылинскій, подполковникъ пѣшей батареи, уже не молодой, очень исправный офицеръ по образцовому порядку въ его части на мирномъ положеніи, но въ боевомъ отношеніи слабо заявившій себя кровожадностью. Женатый, съ большимъ семействомъ, онъ радушный хлѣбосолъ, неутомимый собесѣдникъ.

«Топорнинъ, эсаулъ казачьей батареи, очень молодой человѣкъ, расторопный и способный артиллеристъ, не разъ уже проявившій въ здѣшнихъ дѣлахъ свою лихость и извѣстный по всей области своею отвагой. Онъ ходко двигается на служебномъ поприщѣ, безъ всякихъ на то вспомогательныхъ причинъ, однѣми личными заслугами.

«Щербинскій, Николай Степановичъ, мировой судья города Самарканда, что̀ не помѣшало ему участвовать во многихъ сраженіяхъ въ Средней Азіи и даже въ партикулярномъ пиджакѣ офи-

Библиотека "Руниверс"

ціально исправлять на полѣ сраженія должность личнаго адъютанта начальника отряда, за каковыя отличія онъ и удостоенъ всѣхъ орденовъ съ мечами. Щербинскій развитой, умный, острый, живой, веселый и милый человѣкъ. Начавъ службу юнкеромъ въ гвардейской конно-артиллеріи, онъ, по производствѣ въ офицеры, перешелъ въ гражданское вѣдомство и, состоя по министерству государственныхъ имуществъ въ Западномъ краѣ, въ бытность К. П. Кауфмана въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Туркестанъ, гдѣ нынѣ и подвизается на поприщѣ юстиціи, не упуская, однако, случая, состоя жрецомъ Ѳемиды, служить подъ часъ и Марсу.

«Сѣровъ, полковникъ, начальникъ Самаркандскаго отдѣла. Казакъ родомъ и наклонностями, онъ пріобрѣлъ здѣсь Георгія и славу героя знаменитымъ боемъ спѣшенныхъ его казаковъ съ массою непріятеля, точь-въ-точь, какъ кавказское дѣло подъ Абулатъ-Юртомъ. Словомъ, въ военномъ отношеніи Сѣровъ—туркестанскій Сусловъ (а въ административномъ болѣе подходитъ къ графу Евдокимову).

«Гребенкинъ, капитанъ по арміи, состоящій при Абрамовѣ, очень не глупый и храбрый воинъ, съ Георгіевскимъ крестомъ на груди. Эхъ, однако, какъ въ Туркестанѣ-то кавалерскую думу прорвало Георгіевскими крестами? На Кавказѣ, со временъ кровопролитія при Циціановѣ и до окончательнаго покоренія его, и во снѣ не видѣли всѣ кавказцы столько Георгіевскихъ крестовъ, сколько я встрѣчаю здѣсь на каждомъ шагу.

«Князь Урусовъ, Николай Павловичъ, начальникъ Зекета (сборщикъ податей). Протранжиривъ въ Европѣ и въ Америкѣ все состояніе покойной матери своей, попалъ онъ сюда значительно разоренный. Очень привлекательной наружности, молодой, ловкій, bien tourné, онъ слыветъ очень и очень добрымъ малымъ. Живетъ въ Самаркандѣ съ комфортомъ, квартиру отдѣлалъ себѣ, какъ игрушку, такъ, какъ и другой мой родственникъ въ Ташкентѣ, князь Викторъ Голицынъ.

«Баронъ Ренне, капитанъ, состоящій при Абрамовѣ. Съ Кавказа ушелъ давно, былъ и въ родныхъ Остзейскихъ краяхъ, всюду жилъ очень широко, промоталъ все состояніе свое, живо спустилъ два полученныхъ наслѣдства и теперь въ ожиданіи третьяго прозябаетъ здѣсь, съ единственною, но вѣчно тревожащею его заботой: «гдѣ и у кого бы перехватить въ займы денегъ». Онъ очень постарѣлъ, и сѣдина пробилась и на головѣ и въ бородѣ, но бѣсъ все еще не перестаетъ колоть его въ ребро, и какъ только у него являются малѣйшія средства, широкая натура барона сейчасъ же норовитъ любого славянина заткнуть за поясъ. Впрочемъ, Ренне безспорно честный парень, славный товарищъ и выдающійся боевой офицеръ, безъ страха и сомнѣнія въ дѣлѣ.

«Соболевъ, Николай Васильевичъ (въ отличку отъ другого Собо-

Библиотека "Руниверс"

лева—Леонида), подполковникъ генеральнаго штаба, старый офицеръ, служившій здѣсь по народному управленію начальникомъ Казалинскаго уѣзда, добрый, честный, но желчный и слишкомъ довѣрчивый, за что̀ горько поплатился на службѣ, очень забавный, впрочемъ, подчасъ и словоохотливый, bon vivant, отличный товарищъ и рьяный спорщикъ, съ душею на распашку.

«Раевскій, Николай Николаевичъ, подполковникъ, перешедшій изъ лейбъ-гусаръ за самодурство, которое широко и неутомимо онъ продолжаетъ практиковать и здѣсь, внукъ знаменитаго Раевскаго 1812 года и сынъ кавказскаго генерала Раевскаго, создавшаго пресловутую черноморскую береговую линію; онъ при своемъ блестящемъ образованіи, видныхъ связяхъ и значительномъ богатствѣ, конечно, могъ бы занять болѣе выдающееся положеніе въ государствѣ, чѣмъ должность младшаго штабъ-офицера туркестанскаго линейнаго баталіона; но при безпрерывныхъ и упорныхъ стремленіяхъ къ самымъ эксцентрическимъ выходкамъ, я думаю, это будетъ трудно.

«Объ остальныхъ я еще не составилъ себѣ яснаго понятія и потому пока умалчиваю».

Между тѣмъ, я все еще медлилъ принять какое либо рѣшеніе по службѣ и, какъ оказалось, къ лучшему. 5-го августа, на вечерѣ у Абрамова, было многолюдное общество и въ числѣ приглашенныхъ всѣ начальники частей. Составились на многихъ столахъ партіи въ коммерческія игры. Хозяинъ игралъ со мной и Урусовымъ въ табельку, когда ему подали конвертъ. Пробѣжавъ бумагу, Абрамовъ выскочилъ въ другую комнату, отдалъ какія-то таинственныя приказанія и, вернувшись къ картамъ, всячески старался выказать намъ свое равнодушное спокойствіе, чего, однако, ему не удавалось. Урусовъ, съ улыбкой наблюдавшій за его физіономіей, высказалъ мнѣніе, что что-то готовится, вѣроятно, походъ.

— Нѣтъ, нисколько, вы очень ошибаетесь,—пресерьезнымъ тономъ отвѣчалъ Абрамовъ.

— Ну, ужъ меня-то вы, Александръ Константиновичъ, не обманете, держу пари, что я отгадалъ!—возразилъ настойчивый партнеръ нашъ.

— Держите? Идетъ дюжина шампанскаго!—невозмутимо порѣшилъ генералъ и спокойно сталъ продолжать игру.

Въ 12 часу сѣли въ саду за длинный столъ ужинать. Чувствуя нездоровье, я отказался занять приборъ и, не садясь за столъ, прохаживался около пирующихъ.

— Выпейте, В. А., краснаго вина, оно полезно,—обратился ко мнѣ хозяинъ, наливая большой стаканъ лафита. — Возьмите-ка стулъ и сядьте возлѣ меня.

Библиотека "Руниверс"

Въ концѣ ужина и среди оживленной болтовни всѣхъ членовъ общества, Абрамовъ внезапно потребовалъ минуту вниманія и, когда водворилась полная тишина, онъ съ выдержкой и не торопясь отчеканилъ слова:

— Господа, поздравляю васъ съ походомъ! Во избѣжаніе лишняго безпокойства васъ завтра собирать къ себѣ, я сегодня пригласилъ всѣхъ, чтобы сдѣлать надлежащія распоряженія. Извольте же слушать: 7-го числа, то-есть, послѣзавтра, въ 6 часовъ утра, выступаютъ: 3-й линейный баталіонъ маіора Нарбута, батарея полевой артиллеріи подполковника Кобылинскаго, дивизіонъ конно-казачьей батареи есаула Топорнина, ракетная батарея штабсъ-капитана Абрамова (брата генерала) и три сотни казаковъ маіора Принца. Всей этой колоннѣ, имѣя съ собой 10-тидневный провіантъ и полное число боевыхъ патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ, вытягиваться и слѣдовать по дорогѣ на сел. Джамъ. Прошу васъ, господа, позаботиться объ исправномъ снаряженіи ввѣренныхъ вамъ частей.

Абрамовъ замолчалъ. Всѣ переглядывались между собою, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, но генералъ умышленно или случайно сталъ доставать свою табачницу и крутить папироску. Противъ меня сидѣлъ Соковнинъ. При первыхъ же словахъ Абрамова онъ, напряженно уставивъ на него глаза, съ видимымъ замираніемъ сердца ожидалъ, что тотъ назоветъ его фамилію, но когда генералъ оборвалъ рѣчь свою, Соковнинъ, блѣдный, тяжело вздохнулъ и бросилъ на меня отчаянный взглядъ, ясно выразившій мысль его: «видите, опять судьба преслѣдуетъ меня!».

Прошло нѣсколько минутъ ожиданія. Впечатлѣніе грусти на лицѣ Соковнина не ускользнуло отъ Абрамова, и онъ, методически закуривъ папироску, откашлялся и продолжалъ тѣмъ же невозмутимымъ голосомъ:

— «Второй колоннѣ изъ 4-хъ ротъ...»—генералъ глубоко затянулся дымомъ,—«9-го линейнаго баталіона»,—Соковнинъ моментально просіялъ,—«два горныя орудія штабсъ-капитана Пистолькорса и полъ-сотни казаковъ гвардіи поручика Бижевича, 9-го августа въ 8 часовъ утра выступаютъ по Ура-Тюбинскому ущелью, прямо на соединеніе съ первою колонною, подъ начальствомъ полковника Соковнина, на котораго выпадаетъ самая трудная сторона экспедиціи. Кратчайшій путь этотъ до цѣли нашего движенія, по крутымъ подъемамъ своимъ, представитъ громаднѣйшія затрудненія, одолѣть которыя, я увѣренъ, возможно только при испытанной энергіи и отвагѣ достойнѣйшаго Василія Николаевича».

Послѣднія слова перенесли Соковнина на седьмое небо. Да и кто изъ насъ могъ равнодушно выслушать отрадное, такъ давно ожидаемое всѣми, извѣстіе о походѣ? Отъ избытка благополучія мы бросились обнимать другъ друга и восторженно благодарить Абрамова за счастливую вѣсть его.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ лично онъ сказалъ, что во время похода я буду состоять при немъ, а на мѣстѣ получу особое назначеніе, и потому предоставилъ на мой выборъ идти 6-го съ первою колонной до Джама, или же ѣхать съ нимъ въ экипажахъ на слѣдующій день въ догонку отряда. Я избралъ первое и выступилъ 6-го верхомъ съ войсками.

7-го августа, въ 8 часовъ вечера, въ трехъ верстахъ отъ Самарканда, выстроилась первая колонна. Здѣсь подъ открытымъ и безоблачнымъ небомъ былъ отслуженъ молебенъ съ водосвятіемъ, послѣ чего купечество города угостило нижнихъ чиновъ водкой, и въ 10 часовъ колонна тронулась, а къ 6-ти по полудни пришла на первый ночлегъ, сдѣлавъ переходъ въ 30 верстъ.

8-го числа колонна совершила въ с. Джамъ (пограничнаго владѣнія нашего) переходъ въ 30 верстъ. Вечеромъ къ отряду прибылъ генералъ Абрамовъ и съ нимъ пріѣхавшій изъ Ташкента, въ должности походнаго начальника штаба, генеральнаго штаба полковникъ Троцкій, капитанъ Фриде и артиллеріи полковникъ Михайловскій.

9-го, 10-го и 11-го—переходы колонны отъ 20 до 25 верстъ каждый; дорога была гористая, узкая и каменистая. Затѣмъ пришла и соединилась съ нами вторая колонна полковника Соковнина. По дорогѣ отъ с. Джамы, до второго ночлега, жители встрѣчали отрядъ съ хлѣбомъ-солью, то-есть лепешками и виноградомъ, но съ приближеніемъ къ центру владѣній шахризябцевъ встрѣчъ уже не было, въ селеніяхъ отводили воду, и проявилось враждебное настроеніе жителей.

Съ кургана возлѣ лагеря простымъ глазомъ видны были вся непріятельская позиція и стѣны грознаго Шахризябскаго кремля. Стояли мы всего въ двухъ, много двухъ съ половиною верстахъ отъ вражьей крѣпости. Толпы всадниковъ съ утра гарцовали около лагеря, но огня не открывали.

Въ этотъ же день, 12-го числа, Абрамовъ, съ штабомъ своимъ (я былъ въ его свитѣ), имѣя въ прикрытіи конно-ракетную батарею, сотню казаковъ и въ резервѣ одну стрѣлковую роту, двинулся къ стѣнамъ непріятельскимъ для осмотра мѣстности и избранія пунктовъ атаки. Мы въѣхали на возвышенный курганъ саженяхъ въ ста отъ крѣпости и стали разсматривать линію крутаго профиля стѣны обороны. Непріятель зашевелился, послышались воззванія муллы, пѣсни и крики. Потомъ все смолкло, и только черезъ пять минутъ, съ визгомъ и трескомъ пронеслось надъ нами первое ядро (16 лѣтъ не слыхалъ я уже этого звука тогда). Второе и третье ядра легли среди свиты. Четвертое убило подъ казакомъ лошадь. Конно-ракетная команда выпустила до 50 ракетъ по непріятельской кавалеріи, которая силилась окружить нашу горсть казаковъ. Двинувшись съ полверсты направо, а затѣмъ на-

Библиотека "Руниверс"

лѣво отъ кургана, начальникъ отряда осмотрѣлъ два пункта, избранные подполковникомъ Соболевымъ для предстоящей атаки, и въ 12 часу мы вернулись въ лагерь, потерявъ только убитую одну лошадь.

Надо сказать, что съ перваго же дня пребыванія моего въ Туркестанѣ я наслышался много нелестныхъ отзывовъ о плохой воинственности всѣхъ здѣшнихъ народностей, которыя всюду и всегда, если и производили на наши войска внушительное впечатлѣніе, то только громадною численностью своею, но никакъ не отвагой и рѣшительностью въ бояхъ, особенно въ открытомъ полѣ. Казалось не разъ, при видѣ массъ непріятеля, окружавшихъ миніатюрные, сравнительно, отряды русскіе, что вотъ-вотъ они шапками закидаютъ и раздавятъ нашихъ, но только что пускалось въ ходъ усовершенствованнное нынѣ скорострѣльное оружіе, а за нимъ показывался прославленный штыкъ русскій и... на мѣстѣ грозныхъ на видъ полчищъ вражьихъ оставалось только мокренько!.. Трофеями нашими постоянно были: вся непріятельская артиллерія, все оружіе, лагерь и имущество, такъ какъ въ паникѣ они бросали все и бѣжали безъ оглядки. Но эти самыя побѣды, такъ дешево и легко доставшіяся русскому оружію, и вызвали у насъ во всѣхъ непомѣрную самоувѣренность, скажу болѣе, презрѣніе къ непріятелю, который, однако, могъ же заставить насъ въ этомъ раскаяться.

Обще укоренившееся убѣжденіе, что бухарцы, коканцы и всѣ прочіе народы Средней Азіи только умѣли драться за стѣнами своихъ укрѣпленій, а не на открытой мѣстности, быть можетъ, было справедливо, но все же не давало права намъ такъ халатно къ нимъ относиться. Предпринятая настоящая экспедиція вначалѣ имѣла видъ какой-то partie de plaisir веселой компаніи, вздумавшей отъ скуки прокатиться верхомъ по живописной мѣстности, взглянуть на людей и себя показать, поболтать, погарцовать и посмѣяться, а не серьезнаго военнаго предпріятія, въ глубь страны враждебной, гдѣ можно и должно было встрѣтить сопротивленіе на жизнь и на смерть, съ потоками крови человѣческой.

На всемъ походѣ отъ самаго Джама генералъ Абрамовъ съ немалой свитой своей (а именно въ составѣ: Троцкаго, Соболева, Фриде, Иванова, Щербинскаго, Урусова, Ренне, Батырева и меня), въ сопровожденіи 8 семирѣченскихъ казаковъ, сначала перехода держался головы колонны, но, давая полный ходъ своей лошади, мало-по-малу отдѣлялся впередъ отъ отряда на нѣсколько верстъ и совершенно безпечно, точно въ Саратовской губерніи, безъ малѣйшихъ предосторожностей отъ внезапнаго нападенія непріятеля, рисковалъ собою и всѣми нами быть подстрѣленными или, того хуже, взятыми въ плѣнъ, какъ беззащитныя куропатки. Послѣ строгой кавказской дисциплины все это казалось мнѣ очень страннымъ; сколько разъ

Библиотека "Руниверс"

при такихъ условіяхъ горцы уже порубили бы нашихъ смѣльчаковъ!

12 августа былъ отданъ слѣдующій приказъ:

1) 3 батальонъ и 6 орудій выступаютъ вечеромъ въ 8 часовъ изъ лагеря и ночью строятъ правую батарею, съ которой на разсвѣтѣ открываютъ огонь артиллеріи по непріятельской крѣпости. Въ 12 часовъ дня назначается штурмъ. Начальниками этой колонны (правой) назначаются полковникъ Михайловскій и маіоръ Полторацкій.

2) 9 батальонъ и 4 орудія выступаютъ также въ 8 часовъ вечера и строятъ лѣвую батарею и съ разсвѣтомъ открываютъ артиллерійскій огонь по крѣпости. Начальникомъ лѣвой батареи назначается полковникъ Соковнинъ и помощникомъ его подполковникъ Раевскій.

3) Самъ я, завтра 13 числа, къ 11 часамъ утра, прибуду на правую батарею.

Подписано: Начальникъ отряда генералъ-маіоръ Абрамовъ.
Начальникъ штаба отряда полковникъ Троцкій.

Три дня спустя, Китабъ былъ взятъ штурмомъ. Но изъ-за Китаба много пролито было крови солдатской и испорчено моей. Постараюсь занести на бумагу все то, что совершилось за эти дни на поляхъ Шахризябскихъ.

12 августа, вмѣсто назначенныхъ 8 часовъ, меня потревожили около 6 приказаніемъ: двумя ротами 3 батальона поддержать одну роту того же батальона, которая въ садахъ Урусъ-Кишлака приготовляла туры, фашины и штурмовыя лѣстницы, а въ то же время отбивалась отъ тѣснившаго ее непріятеля. Наскоро собравшись, я выступилъ. При появленіи подкрѣпленій перестрѣлка стихла, а съ наступленіемъ сумерекъ прекратилась совсѣмъ.

Къ восьми часамъ изъ лагеря подошла вся колонна, и въ глубокой тишинѣ, при совершенной темнотѣ (луны не было вовсе) съ 20-ю арбами, нагруженными турами и фашинами, мы стали подкрадываться къ пункту, избранному для постройки правой батареи. Дорога къ ней лежала мимо кургана, съ котораго утромъ еще мы дѣлали наши наблюденія, а въ настоящую минуту занятаго непріятельскимъ пикетомъ, встрѣтившимъ насъ залпомъ. Отсюда войска раздѣлились: колонна Соковнина потянулась налѣво, а наша направо.

Наступившая ночь была совершенно темная, но звѣздная. Стѣна непріятельской крѣпости, около 300 саженъ отъ насъ, ясно рисовалась на горизонтѣ. Тысячи огней, разведенныхъ внутри крѣпости, вдоль всей линіи, отчетливо означали всѣ контуры ея. Стрѣльбы съ ихъ стороны не было; враги, какъ видно, отдыхали и готовились къ бою. Изрѣдка до слуха нашего долетали заунывные на-

Библиотека "Руниверс"

пѣвы муллъ, призывающихъ правовѣрныхъ къ истребленію невѣрныхъ. Со всѣми предосторожностями тишины и молчанія, какъ ночные воры, подкрались мы къ назначенному пункту, противъ позиціи непріятельской. Было 11 часовъ вечева. Въ 280 саженяхъ (какъ оказалось потомъ) темный силуэтъ вражьей стѣны грозно выдѣлялся на огненно-красномъ фонѣ. Отчетливо видно было, какъ у орудій расхаживали часовые, и передвигались по банкету одиночныя тѣни. Унылый напѣвъ призыва къ молитвѣ передъ боемъ долеталъ до слуха и щемилъ душу. Вѣтеръ дулъ къ намъ отъ крѣпости; мы видѣли и слышали ихъ, а они точно и не подозрѣвали близкаго присутствія нашего. Ощупью отыскавъ намѣченный нами по утру пунктъ, мы заложили батарею на 4 орудія; шанцовый инструментъ пошелъ въ дѣло, и работа закипѣла. Черезъ три часа изъ земли выросло полевое укрѣпленіе, отдѣланное турами и фашинами, а за полчаса до разсвѣта уже поставлены нарѣзныя орудія въ амбразуры, и насыпною стѣною, до извѣстной степени, прикрыта и пѣхота наша. Всю ночь никто изъ насъ не закрывалъ глазъ, всѣ бодрствовали, работали и ожидали.

13-е фатальное число настало. Съ первымъ свѣтомъ зари, при возможности навести орудія, полетѣли четыре снаряда наши. Не успѣли артиллеристы дослать въ орудія второй комплектъ ихъ, какъ разразились непріятельскія батареи, и пошла потѣха...

Находясь на самой батареѣ, я въ нѣсколько минутъ оглохъ отъ гула нашихъ выстрѣловъ. Артиллеріи нашей предстояла задача пробить брешь въ стѣнѣ крѣпости; въ назначенный пунктъ направлены были всѣ четыре нарѣзныхъ орудія съ нашей батареи, одно съ кургана, прикрытаго кавалеріей, а въ послѣдствіи еще одно съ дальняго кургана (поручика Броневскаго); но сосредоточенный огонь этотъ не достигалъ цѣли. Стѣна упорно сопротивлялась нашимъ усиліямъ и принимала въ себя чугунъ нашъ, какъ въ мягкое тѣсто, не поддаваясь вовсе разрушенію отъ гранатъ и ядеръ, мѣтко направленныхъ въ одинъ и тотъ же пунктъ. Оказалось потомъ, что стѣны крѣпости имѣли въ основаніи своемъ до трехъ саженъ толщины.

Не спала также и лѣвая колонна, одновременно съ нашею открывшая огонь артиллерійскій. Часу въ восьмомъ въ двухъ шагахъ отъ меня и Фриде непріятельское ядро срѣзало первую жертву, артиллерійскаго бомбардира, а потомъ и зачастую съ отчаяннымъ воплемъ стали падать солдатики. Но дѣло шло исправно.

Въ девятомъ часу на батареѣ закричали: «вылазка пѣхоты». Начальникъ штурмовой колонны отдалъ мнѣ приказаніе взять стрѣлковую роту и выбить непріятеля изъ занятыхъ имъ садовъ внѣ крѣпости, около бархана справа. Я бросился туда и пока открытымъ мѣстомъ довелъ стрѣлковъ, съ крѣпости успѣли вырвать изъ нихъ трехъ молодцовъ ядрами. Шахризябцы всегда славились

Библиотека "Руниверс"

стрѣльбой своей и мужествомъ; это единственное въ краѣ племя, которое воинственною смѣлостью и мѣткостью огня нѣсколько напоминаетъ горцевъ Кавказа. Между моими стрѣлками и засѣвшимъ въ отдѣльныхъ сакляхъ и въ садахъ врагомъ сначала завязалась горячая перестрѣлка, но она скоро стихла, и непріятели отступили за стѣну крѣпости, вѣроятно, въ убѣжденіи, что наши берданки имъ не по силамъ, но за то съ ихъ батарей стали по мнѣ жарить орудія и фальконеты, да и самыя ружейныя пули (въ 150 саженяхъ отъ стѣны) не давали покоя. Оставивъ стрѣлковый взводъ разсыпаннымъ за прикрытіями въ садахъ, я отвелъ резервы за курганъ, а самъ вмѣстѣ съ отличнымъ офицеромъ, кавалеромъ св. Георгія, штабсъ-капитаномъ Шороховымъ, расположился на вершинѣ его, пить чай. Видъ съ возвышенной точки этой былъ великолѣпный. Отсюда простымъ глазомъ видно было значительное протяженіе непріятельской боевой линіи, а также и всѣ позиціи, занятыя нашими войсками. Было девять часовъ утра. Мы отпили чай, закурили папиросы и разстались. Шороховъ легъ въ тѣни у разоренной сакли на наружномъ откосѣ кургана, а я растянулся на верху его, на самой вершинѣ.

Изъ лагеря нашего, версты за двѣ отъ настоящей позиціи, въ которомъ оставался весь обозъ въ прикрытіи одной роты 9-го батальона, показалась наконецъ толпа всадниковъ, а впереди Георгіевскій значекъ генерала Абрамова. Онъ ѣхалъ съ частью кавалеріи на курганъ Принца, а оттуда по вчерашней дизлокаціи долженъ былъ прибыть на нашу батарею для штурма. Но случилось, однако, не то.

Въ это самое время съ крѣпости огонь непріятеля усилился противъ кургана, занятаго моими стрѣлками, и Михайловскій прислалъ мнѣ одно нарѣзное орудіе (съ штабсъ-капитаномъ Ермоловымъ), которое я и поставилъ на вершинѣ кургана. Оно открыло огонь и заставило непріятеля, снова вздумавшаго насѣдать на мою цѣпь, отступить къ крѣпости. Тѣмъ временемъ вдали, среди тучи пыли, виденъ былъ мнѣ поѣздъ генерала. Пробывъ нѣсколько минутъ на курганѣ Принца, онъ потянулся не къ намъ, а въ противоположную сторону, на лѣвую батарею. Было десять часовъ, парило страшно и невольно клонило ко сну. Случайно обернувшись, я взглянулъ по направленію батареи Соковнина (всего версты на полторы отъ насъ) и... прокричалъ: «Штурмъ, штурмъ!». Все со склона кургана бросилось ко мнѣ смотрѣть на лѣвую колонну, которую такъ неожиданно для насъ генералъ Абрамовъ бросилъ въ атаку на непріятельскую твердыню. Не проронивъ ни слова, съ затаеннымъ дыханіемъ, слѣдили мы за результатомъ этой драмы. Совершенно ясно видѣли мы, какъ роты, одна за другою, бѣжали къ стѣнѣ, видѣли даже, какъ тащили лѣстницы, видѣли бѣгущихъ и падающихъ и, о ужасъ!.. увидѣли, какъ всѣ наши ринулись назадъ,

Библиотека "Руниверс"

отъ самого рва, отъ подошвы стѣны крѣпости, къ своей насыпной батареѣ. Штурмъ отбитъ!.. Слово ужасное, слово, потрясающее мужество самыхъ смѣлыхъ... Солдаты, снявъ шапки, набожно крестились. Каждаго изъ нихъ не ожидала ли черезъ часъ участь товарищей 9 батальона? Привыкнувъ въ Туркестанѣ встрѣчаться съ робкими халатниками и считая себя въ бою съ ними непобѣдимыми, солдаты наши при видѣ этой явной неудачи сразу упали духомъ.

Въ одиннадцать часовъ съ лѣвой батареи прислана записка Абрамова:

«Правою батареей командовать маіору Полторацкому, а полковнику Михайловскому сейчасъ пріѣхать ко мнѣ». Я отправился на батарею, поручивъ Шорохову занимать тотъ же курганъ, и по отъѣздѣ Михайловскаго вступилъ въ командованіе нашимъ временнымъ укрѣпленіемъ. Артиллерія наша продолжала бить въ стѣну, но также безуспѣшно, какъ и прежде; бреши не было и слѣдовъ, не смотря на массу выпущенныхъ съ этою цѣлью снарядовъ. «А сколько снарядовъ осталось у насъ на каждое орудіе?»—спросилъ я. «По шести въ ящикѣ!»—былъ отвѣтъ. «Прекратить пальбу!»—приказалъ я. Подполковникъ Кобылинскій сталъ возражать мнѣ, но я объяснилъ ему, что крайне необходимо поберечь снаряды для рѣшительной минуты, особенно въ виду ихъ полной скудости. Непріятель продолжалъ насъ потчевать гостинцами изъ своихъ орудій, но мы не отвѣчали ему ни однимъ выстрѣломъ. Въ это время, сидя за легкимъ брустверомъ съ Фриде и Нарбутомъ, мы разсуждали о близкомъ будущемъ. Зная лучше меня рѣшительный характеръ Абрамова, они не допускали и мысли, чтобъ онъ не предпринялъ бы вторичнаго штурма съ нашей батареи, для чего вѣрно и вызванъ имъ былъ Михайловскій.

— Что хуже всего,—замѣтилъ Нарбутъ, — это лѣстницы, срубленныя изъ сырого лѣса, онѣ объемомъ и тяжестью до того громоздки, что на рукахъ ихъ поднести никогда не успѣютъ вóвремя, и при штурмѣ, добѣжавъ до стѣнъ непріятельской крѣпости, мы останемся въ безпомощномъ положеніи. Взгляните сами на уродства эти, сооруженныя прошлою ночью!

По траверзамъ прошли мы къ резервамъ 3-го линейнаго батальона, гдѣ и осмотрѣли ни къ чему непригодныя безобразныя лѣстницы, за нѣсколько часовъ назадъ изготовленныя по инструкціи какого-то ученаго сапернаго офицера. Брусья этихъ лѣстницъ были срублены вершковъ въ пять въ отрубѣ сырыхъ деревьевъ, чуть-чуть стесанныхъ и очищенныхъ отъ вѣтвей. На нихъ прибиты были поперечныя перекладины, здоровенныя, но неуклюжей формы, и чѣмъ же? Троетесными гвоздями и костылями. Тяжесть этихъ лѣстницъ была неимовѣрная, а длина, какъ впослѣдствіи оказалось, недостаточная. Ровно къ 12 часамъ къ батареѣ подъѣхалъ Абрамовъ со всею свитою. Издали еще, при усиливающейся по немъ пальбѣ изъ непріятельскихъ орудій, генералъ закричалъ:

Библиотека "Руниверс"

— Отчего не стрѣляютъ съ батареи?

Я встрѣтилъ его объясненіемъ, что орудія молчатъ по моему приказанію, и объяснилъ ему причину.

— Нѣтъ, откройте огонь, — приказалъ онъ Кобылинскому.

Опять загудѣла батарея, истощая послѣднія силы свои. Въ эту минуту Абрамовъ слѣзъ съ лошади и, кряхтя и охая, отвелъ меня на нѣсколько шаговъ въ сторону.

— Я на той батареѣ сдѣлалъ тамашу, но неудачно. Потеря у насъ громадная, но я хочу сейчасъ же штурмовать вашею колонной. Какъ вы думаете, Владиміръ Алексѣевичъ?—спросилъ онъ.

— Прикажите — пойдемъ, но не дойдемъ и не возьмемъ,—рѣшительно отвѣтилъ я.

— Почему, какъ возможно? — какъ бы обиженнымъ голосомъ вскрикнулъ нашъ начальникъ.

Я подробно выставилъ ему всѣ причины, а главную и несомнѣнную — невозможность среди бѣлаго дня пройти пространство совершенно гладкое и открытое въ 300 саженъ, не потерявъ трехъ четвертей штурмующей колонны. Абрамовъ съ видимымъ неудовольствіемъ выслушалъ всѣ доводы мои, но не высказался окончательно. Тогда я заговорилъ о лѣстницахъ и совершенной ихъ негодности къ употребленію.

— Какъ же, ваше превосходительство, угодно вамъ штурмовать стѣну крѣпости, когда необходимыя для этого лѣстницы должны нести чуть что не взводы; скученные, они послужатъ вѣрною мишенью непріятеля, а перебитые пулями, бросятъ на полъ-пути, а потому и не донесутъ ихъ къ мѣсту.

Абрамовъ горячо возразилъ, что если лѣстницы и болѣе тяжелы, чѣмъ бы слѣдовало быть, но все-таки вмѣсто четырехъ человѣкъ ихъ могутъ понести—шесть, и объ этомъ говорить не стоитъ.

— Не шесть и не десять, даже 20 человѣкъ не въ силахъ поднять ихъ, ваше превосходительство.

— Быть не можетъ!—недовѣрчиво замѣтилъ генералъ.

— Не угодно ли вамъ испытать ихъ? — предложилъ я, приказавъ маіору Нарбуту назначить одинъ взводъ для опыта подъема лѣстницы.

Оказалось дѣйствительно, что только 24 человѣка подняли и съ трудомъ, шагъ за шагомъ, потащили на рукахъ эту громадину. Побѣжденный этимъ доказательствомъ, Абрамовъ сдался на всѣ убѣжденія не отказаться, Боже сохрани, отъ штурма, а отмѣнить его до болѣе удобнаго времени. Я высказалъ предложеніе штурмовать передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, а не вечеромъ по закатѣ солнца, что̀ совершенно не соотвѣтствовало моей кавказской школѣ, не допускающей и мысли объ атакѣ укрѣпленной непріятельской мѣстности, намъ совершенно неизвѣстной, при наступленіи ночи,

Библиотека "Руниверс"

въ продолженіе которой непріятель безнаказанно можетъ бить насъ и даже уничтожить.

Весь тревожный день 13-го числа прошелъ въ безпрерывныхъ преніяхъ и спорахъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ, рѣшающихъ весь успѣхъ экспедиціи, такъ несчастливо начатой. Потеря, понесенная нами въ то утро, была очень чувствительная. Самъ Абрамовъ раненъ пулею въ животъ, Соковнинъ—въ грудь, отличный молодой офицеръ Козловскій убитъ наповалъ, и ранены еще штабъ-офицеры: Соболевъ, бар. Меллеръ-Закомельскій и три оберъ-офицера, въ числѣ послѣднихъ Гребенкинъ—камнемъ въ голову, во рву, у самой стѣны крѣпости. Нижнихъ же чиновъ убито и ранено до 85 человѣкъ и на нашей батареѣ артиллерійскимъ огнемъ—12 человѣкъ. Подробности слѣдующія.

Генералъ Абрамовъ, съ кургана Принца, вопреки своего предположенія, повернулъ на лѣвую батарею Соковнина, построенную ночью всего въ 80 саженяхъ отъ непріятельской стѣны, чтобы осмотрѣть дѣйствіе нашей артиллеріи. И тамъ, какъ и на нашей позиціи, никакой бреши пробить не удалось. Абрамовъ слѣзъ съ лошади и съ банкета разсматривалъ въ подзорную трубу доступы къ непріятельской крѣпости, когда Гребенкинъ, вскочивъ на туръ около орудія, сообщилъ генералу, что видитъ тропинку, по которой очень легко подняться на стѣну.

— Въ такомъ случаѣ,—возразилъ Абрамовъ,—возьмите роту и съ Богомъ!

Гребенкинъ схватилъ ближайшихъ людей и бросился съ ними прямо въ лобъ, на стѣну. Подъ губительнымъ залпомъ со стѣны, вырвавшимъ изъ этой горсти храбрыхъ людей Козловскаго и около 20 нижнихъ чиновъ, охотники быстро добѣжали до гласиса крѣпости и вскочили въ глубокій ровъ, изъ котораго ни впередъ, ни назадъ не было никакого хода. Здѣсь-то Гребенкинъ и много другихъ поражены были ударами каменьевъ, во множествѣ посыпавшихся со стѣны на ихъ головы. Увидѣвъ безвыходное положеніе передовой части своей штурмующей колонны, начальникъ отряда, распоряжаясь о поддержкѣ ея, самъ былъ раненъ въ животъ ружейною пулей, пробившей кожу, но не внутренности желудка. Пока ему дѣлали перевязку, въ суматохѣ одна за другою пошли впередъ на выручку своихъ три роты 9-го батальона, но въ нѣсколько минутъ потерявъ ранеными своего батальоннаго и двухъ ротныхъ командировъ, не выдержали несоразмѣрно сильнаго огня непріятельскаго и съ громадною убылью, въ безпорядкѣ и, бросивъ всѣхъ убитыхъ и раненыхъ, ринулись назадъ къ батареѣ. Напрасно Раевскій въ пылу неудавшейся атаки пытался краснорѣчіемъ увлечь солдатъ за собою впередъ: оглянувшись назадъ, онъ не увидѣлъ ихъ грозныхъ штыковъ и самъ въ эту минуту былъ раненъ. Соболевъ, подстрѣленный въ ногу, Меллеръ-Закомельскій съ гро-

Библиотека "Руниверс"

мадной шишкой на лбу, Гребенкинъ съ разбитою камнемъ головою и всѣ прочіе, за исключеніемъ Козловскаго, непостижимо счастливо успѣли достигнуть батареи, по пятамъ преслѣдуемые непріятелемъ, въ припадкѣ торжества высыпавшимъ за ними изъ крѣпости. Два удачныхъ выстрѣла картечью изъ нашихъ орудій охладили пылъ враговъ, поспѣшившихъ укрыться за спасительную стѣну свою и временно положили предѣлъ этой кровавой тамашѣ.

Абрамовъ, страдая физически отъ раны, а еще болѣе нравственно отъ тяжелой неудачи, стоившей многихъ жизней человѣческихъ, лежалъ на коврѣ у бруствера, не въ духѣ и разстроенный. Кругомъ него расположились и всѣ члены штаба его, съ Троцкимъ во главѣ, изрѣдка перекидываясь лаконическими фразами. Провизіи съ собой никакой у насъ не было, да и врядъ ли кто хотѣлъ бы ѣсть или пить. Отведя въ сторону Троцкаго, я просилъ его уговорить Абрамова отсрочить штурмъ до завтрашняго утра, но онъ рѣшительно отклонился отъ вмѣшательства въ это дѣло, напомнивъ, что я отправленъ въ отрядъ, какъ опытный и боевой кавказскій офицеръ. Хотя разсужденіе Вит. Ник. отчасти ласкало мое самолюбіе, однако ставило и меня въ очень щекотливое положеніе. Рѣзко высказывать свое мнѣніе я не считалъ себя въ правѣ и не смѣлъ, и какъ ни старался я косвенно выставить, на сколько рискованна попытка атаки при наступленіи ночи, общество, вполнѣ раздѣлявшее мое мнѣніе, не смѣло открыто подать голоса, самъ же генералъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ и не понимаетъ меня, а когда я снова обращался къ нему, онъ нетерпѣливо повторялъ одну и ту же фразу:

— Вѣдь вы не знаете, какой передъ нами непріятель. Онъ буквально гроша мѣднаго не стоитъ!

А въ это время этотъ презрѣнный непріятель праздновалъ и торжествовалъ побѣду. Съ самой минуты отбитаго штурма, вдоль барбетовъ, по наружному фасу, толпами скакали всадники, по всей линіи трубили побѣдные сигналы, вездѣ раздавались громкія пѣсни, не заунывныя, а радостныя. Очевидно весь гарнизонъ Китаба ликовалъ неудержимо. День клонился къ вечеру, а съ нимъ приближалась минута настойчиво требуемаго Абрамовымъ штурма. Онъ страдалъ тяжко, но рѣшеніе его было неизмѣнно. Приподнявшись вдругъ на локтѣ, онъ обратился къ капитану Фриде, со словами:

— Штурмовать будемъ въ 8 часовъ вечера, а теперь поѣзжайте на лѣвую батарею и приведите сюда двѣ роты 9-го батальона.

Фриде вскочилъ съ мѣста и, взявъ подъ козырекъ, выслушалъ приказаніе, чтобы сейчасъ же привести его въ исполненіе.

— Ваше превосходительство,—позволилъ я себѣ вмѣшаться съ назойливымъ замѣчаніемъ, — если вамъ угодно непремѣнно штурмовать сегодня же, то зачѣмъ же передвигать двѣ роты днемъ?

Библиотека "Руниверс"

Единственная надежда на успѣхъ штурма—это его внезапность, а разъ непріятель замѣтитъ сосредоточеніе здѣсь нашихъ силъ, конечно, догадается о нашемъ намѣреніи и усиленно встрѣтитъ штурмующую колонну. Подкрѣпленіе же въ 8 часовъ вечера свободно можетъ подойти къ намъ послѣ вечерней зари.

Абрамовъ покосился на меня, съ полминуты соображалъ и, наконецъ, процѣдилъ:

— Извольте, пусть будетъ по вашему, роты подойдутъ къ намъ, когда уже смеркнется.

Тѣмъ временемъ рабочіе съ лопатами и кирками успѣли вырыть на столько обширную яму, что въ нее уложили страждущаго отъ раны Абрамова, гдѣ онъ могъ въ безопасности отъ артиллерійскихъ снарядовъ предаться не отдохновенію, конечно, а тяжелымъ соображеніямъ о случившемся и ожидаемомъ въ тотъ вечеръ.

Въ сумерки я влѣзъ въ убѣжище Абрамова и глазъ-на-глазъ снова сталъ убѣждать не торопиться, а штурмовать за два часа до разсвѣта. Долго не соглашался онъ, наконецъ, покаялся, что ему крайне желательно покончить съ шахризябцами сколь возможно скорѣе, такъ какъ онъ обѣщалъ Константину Петровичу непремѣнно 13-го взять Китабъ, и тотъ 14-го будетъ ждать его о томъ донесенія. Я опять выставилъ вѣскія данныя на неудачу вечерняго штурма, поручившись Абрамову, что если онъ согласится отложить атаку до двухъ часовъ утра и вмѣсто всей колонны отправитъ меня съ двумя ротами и лѣстницами въ ночной тишинѣ подкрасться къ стѣнамъ крѣпости и только въ случаѣ удачи моей поддержитъ меня прочими частями, то несомнѣнно до завтрашняго разсвѣта Китабъ будетъ въ рукахъ нашихъ.

Абрамовъ колебался, но, наконецъ, сдался и во всемъ согласился.

Отрядъ нашъ, изнуренный сильными переходами, ночною работой по возведенію батареи и 36-ти-часовымъ голодомъ, съ закатомъ солнца, не внемля непріятельской канонадѣ, заснулъ въ повалку на бивуакѣ. Но и непріятель утомился, наконецъ, торжествовать побѣду. Ему также потребовались успокоеніе и отдыхъ. Мало-по-малу начали утихать его пѣсни, костры слабѣли, нѣкоторые потухли вовсе. Воцарилась тишина. Изрѣдка задорная батарея Броневскаго посылала ядро; съ грохотомъ оно потрясало воздухъ и вызывало свистъ отвѣтнаго снаряда. Разсыпанные мною впереди самой батареи стрѣлки, вели рѣдкую перестрѣлку по направленію задуманной, но плохо подготовленной бреши, откуда доносились до насъ голоса работавшихъ около нея людей. Я лежалъ на батареѣ, рядомъ съ Щербинскимъ, подъ однимъ пледомъ. Онъ безмятежно всхрапывалъ, а меня трепала лихорадка, въ горлѣ пересохло, въ груди дѣлались спазмы. Безотчетно-нелѣпое предчувствіе, что мнѣ не суждено увидѣть восхода солнца и всѣхъ дорогихъ друзей моихъ, меня мучило, какъ никогда. Нѣсколько разъ

Библиотека "Руниверс"

пришлось мнѣ вскакивать, получать и отдавать приказанія, при чемъ случалось будить крѣпко и спокойно спящихъ, когда же?—за часъ до штурма. А я, злополучный! Куда дѣвалось мое присутствіе духа и вѣра въ счастливую звѣзду мою? Чего, чего не лѣзло въ разстроенную голову мою въ эту длинную ночь? Щербинскій потянулся, открылъ глаза и, какъ будто соображая что-то очень важное, таинственно проговорилъ:

— А вѣдь сегодня у васъ должна была пировать m-me X.?

— Да, не суждено, видно! А по правдѣ вамъ сказать, Щербинскій, мнѣ все сегодня казалось бы легче, чѣмъ лѣзть на эту проклятую Китабскую стѣну!—съ досадой отвѣчалъ я.

— Но не забудьте, однако, Полторацкій, что здѣсь вы можете быть первымъ, тогда какъ тамъ...

Онъ не успѣлъ докончить остроты своей, какъ меня потребовали къ Абрамову. Не шевелясь, покрытый шинелью, лежалъ онъ въ незатѣйливомъ дворцѣ-ямѣ, но зато многое въ тѣ минуты шевелилось въ его умѣ и на сердцѣ...

— Не пора ли выступать, Владиміръ Алексѣевичъ?—спросилъ онъ.

Я посмотрѣлъ на часы, было три четверти двѣнадцатаго. 13-е число истекало, но наступала «пятница».

— Еще часокъ позвольте протянуть, Александръ Константиновичъ, пусть ихъ сонъ разберетъ покрѣпче.

Онъ согласился, и я вышелъ отъ него побродить по батареѣ. Думы чернѣе темной ночи этой не оставляли меня. Отчего вчера, зная уже о предстоящемъ штурмѣ и не разъ порываясь написать Софьѣ и дѣтишкамъ, я не исполнилъ этого намѣренія? По суевѣрію... Никогда прежде, идя въ опасность, не писалъ я духовныхъ завѣщаній или прощальныхъ писемъ, и Богъ меня миловалъ. «А, ну, теперь, какъ напишу, такъ и хлопнутъ!»—думалось мнѣ. Въ лагерѣ, только передъ выступленіемъ, садясь на лошадь, я позвалъ Вавилу и былъ въ силахъ лишь «на всякій случай» дать ему словесныя порученія. Онъ заплакалъ... Нѣтъ, видно, мы оба состарились и обабились съ нимъ, не тѣ уже, что были на Кавказѣ... Да, Вавила заплакалъ, а я?.. я былъ молодцомъ... съ вида, но на душѣ сотни кошекъ немилосердно скребли.

«Строиться стрѣлковой и 1-й ротамъ»,—раздалась команда надъ самымъ моимъ ухомъ. Нетерпѣливый Абрамовъ торопилъ выступленіемъ, но, впрочемъ, уже былъ второй часъ въ началѣ. Въ воздухѣ было темно и почти тихо. Густое облако пороховаго дыма стояло на ровной плоскости, отдѣляющей насъ отъ крѣпости, и застилало непріятелю видъ на нашу батарею. Вѣтеръ тянулъ на насъ съ Китаба и доносилъ до слуха протяжный напѣвъ очередныхъ бдителей на стѣнѣ, воспѣвающій: «Не спите, не спите, правовѣрные, урусъ подъ стѣнами нашими». Но, не смотря на это, врагъ спалъ и спалъ крѣпко.

Библиотека "Руниверс"

Съ батареи наша кучка людей тронулась, я съ нею. Долго, какъ казалось мнѣ, проходили мы эти 280 саженъ; встрѣтили ручей, по колѣно его перешлепали; попался арыкъ, перелѣзли тоже, но вотъ черная масса,—это наконецъ стѣна; подтаскиваемъ лѣстницы, ставимъ ихъ, еще шагъ, два и... и молодецкое русское «ура» раскатилось въ непроницаемой тьмѣ. Въ отвѣтъ на него посыпались тысячи пуль, засвистали перекрестныя ядра, раздалось душу раздирающее: «Иль Аллахъ, иль Аллахъ!»... Но не помогли Аллахъ и пророкъ его Магометъ. Штабсъ-капитанъ Шороховъ уже вскочилъ по лѣстницѣ со своими стрѣлками, за ними шутя полѣзли остальные, и черезъ пять минутъ я за валомъ крѣпости на площадкѣ строилъ въ порядкѣ наши роты. Запылали кругомъ сакли и пожарищемъ своимъ освѣтили намъ то грозное пространство, въ которомъ за нѣсколько передъ тѣмъ мгновеній кишѣла масса насъ прозѣвавшаго непріятеля. Его ужъ почти не было у стѣнъ, онъ постыдно бѣжалъ на всѣхъ пунктахъ...

Оправдалъ я тогда Абрамова. Стоитъ ли двухъ грошей подобный непріятель? Штурмовая колонна наша раздѣлилась: одна часть съ полковникомъ Михайловскимъ пошла налѣво, другая—изъ трехъ ротъ, 1 горнаго орудія, которое на рукахъ по лѣстницѣ втащили солдаты, и 2-хъ ракетныхъ станковъ подъ моимъ начальствомъ повернула направо. Какъ только запылали внутреннія постройки крѣпости, зажженныя руками побѣдителей, колонна изъ оставшихся ротъ лѣвой батареи, такъ жестоко побитая за 15 часовъ передъ тѣмъ, безпрепятственно съ Раевскимъ ворвалась также на стѣну. Безъ боя завладѣлъ я всѣми крѣпостными батареями и сбросилъ съ нихъ орудія въ ровъ.

Въ минуту выступленія съ нашей позиціи заходилъ я за послѣдними приказаніями къ Абрамову въ кителѣ, который очень не понравился генералу, нашедшему, что бѣлый цвѣтъ его откроетъ въ темнотѣ наше приближеніе къ крѣпости, и потребовавшему отъ меня надѣть на себя что нибудь темное.

Вавила отпустилъ со мною на случай свѣжей ночи одно лишь теплое пальто, и вотъ я въ зимнемъ на ватѣ съ барашковыми лацканами драповомъ пальто и пошелъ на штурмъ, быстро шагалъ, лѣзъ по крутой лѣстницѣ и бѣгалъ пѣшкомъ по всѣмъ направленіямъ разсыпанныхъ вдоль непріятельской стѣны ротъ, пока въ изнеможеніи отъ усталости и тяжести одѣянія въ безсиліи подвигаться впередъ опустился на землю. Но въ эту критическую минуту зарево внезапно освѣтило передъ глазами моими, за сотню шаговъ, площадку съ длинною коновязью лошадей, засѣдланныхъ, но въ моментъ общей тревоги и паники непріятеля, оставленныхъ привязанными. Дотащившись до этой счастливой добычи, я схватилъ перваго попавшагося мнѣ подъ руку сѣраго коня, а другого вмѣстѣ съ теплымъ пальто приказалъ взять моему горнисту и со-

Библиотека "Руниверс"

вершенно довольный тронулся впереди роты верхомъ. Выславъ впередъ нѣсколько паръ стрѣлковъ, я двинулъ отрядъ свой черезъ обширную крѣпость по направленію раздающихся вдали сигналовъ Михайловскаго. Въ узкихъ переулкахъ неправильно разбитаго стана, внутри крѣпости, до двадцати несчастныхъ бѣглецовъ наткнулись на моихъ застрѣльщиковъ и были подстрѣлены ими, какъ куропатки. На средней улицѣ, на бѣломъ конѣ, въ чалмѣ и богатомъ одѣяніи, хотѣлъ ухарски и нахально проскакать мимо самыхъ ротъ какой-то знатный всадникъ, но три мѣткихъ пули почти въ упоръ свалили коня и ѣздока его. Въ одномъ перекресткѣ улицъ толпа шахризябцевъ, прикрывшись заборомъ, вздумала держаться и встрѣтила насъ залпомъ, но два выстрѣла картечью изъ горнаго орудія живо разсѣяли и этихъ храбрецовъ. Въ 6-мъ часу всѣ колонны уже соединились въ саду за двѣ версты отъ цитадели Китаба. Здѣсь, приведя въ извѣстность потери наши, мы занялись перевязкой раненыхъ и смочили себѣ горло сочнымъ виноградомъ. Поздравленіямъ, а равно и удивленію въ легкости доставшейся намъ побѣды, не было предѣловъ. Вся потеря наша при взятіи Китаба послѣднимъ штурмомъ 14-го числа состояла всего изъ 33 человѣкъ.

Черезъ полчаса отрядъ началъ наступленіе на сильнѣйшій пунктъ крѣпости, цитадель ея, но уже разнесся слухъ, что непріятель и прославленный повелитель его Джура-Бей, гроза самого эмира, бѣжалъ изъ стѣнъ, постыдно бросивъ на произволъ судьбы защиту города и народа. По узкимъ улицамъ колонны наши двигались впередъ въ боевомъ порядкѣ. Было нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, но виновники умирали тутъ же на штыкахъ стрѣлковъ. А вотъ и цитадель. Изъ воротъ ея, въ бойницы, полетѣли на насъ пули, зацѣпившія двухъ артиллеристовъ, но четыре гранаты, а за ними дружный ударъ сотни штыковъ—и на воздухъ полетѣли въ щепахъ неприступныя ворота. Отрядъ вступилъ въ цитадель съ громкими пѣснями и нашелъ здѣсь богатый дворецъ бека, орудія, оружіе и много всякаго добра.

Щербинскій, гарцовавшій при послѣднемъ дѣйствіи на своемъ сѣромъ карабаирѣ, отправленъ былъ съ ключами отъ павшаго града къ Абрамову, который черезъ часъ выѣхалъ къ намъ, хотя все еще страждущій, но сіяя счастьемъ и благодарностью. Вскорѣ въ обширной залѣ бекскаго дворца шахризябскаго заструился французскій редереръ, выигранный на пари съ Абрамова Урусовымъ, и полились съ виномъ поздравленія и разсказы.

Абрамовъ со стаканомъ въ рукѣ обнялъ меня и сказалъ:

— Вотъ, всѣ кавказскіе герои передъ первымъ своимъ здѣсь дѣломъ проповѣдуютъ осторожность, предполагая встрѣтить въ этомъ непріятелѣ стойкость и отвагу кавказскихъ горцевъ. Не вы первый ошибаетесь, В. А.—и тутъ же, отведя меня къ окну, прибавилъ вполголоса: — а надо признаться по душѣ: я вѣдь все поставилъ на карту, Богъ и вы выручили меня.

Библиотека "Руниверс"

Въ тотъ же день поскакалъ курьеръ съ донесеніемъ къ Кауфману, и я воспользовался этимъ, чтобы отправить нѣсколько словъ своимъ въ Москву.

Посмотрѣвъ, какъ мы расположились въ хоромахъ Джура-Бея, всякій бы позавидовалъ. Мы заняли красивые апартаменты верхняго этажа съ балконами и крытыми терасами, выходящими въ тѣнистый, замѣчательно хорошо содержанный садъ бека, въ которомъ особенно поражала меня высокая и красивая веранда, густо обвитая лозами винограда, каждая кисть котораго была зашита въ кисейный чехолъ для сбереженія отъ пернатыхъ хищниковъ и, какъ говорятъ здѣсь, отъ «дурного глаза». Абрамовъ съ Троцкимъ расположились въ нижнемъ этажѣ и занимали высокіе, съ необыкновенно затѣйливыми потолками, чертоги дворца, гдѣ особеннаго вниманія заслуживала одна громадная зала, аршинъ въ двадцать въ поперечникѣ, съ цѣльнымъ, прекрасныхъ цвѣтовъ и узора, ковромъ персидскимъ, покрывающимъ всю площадь этой великолѣпной комнаты. Тутъ же въ сторонѣ, но въ зданіи дворца, расположены были обширныя кладовыя, сплошь набитыя главнымъ достояніемъ и богатствомъ здѣшнихъ властелиновъ — халатами, отъ парчевыхъ и шелковыхъ до шерстяныхъ и ситцевыхъ всевозможной цѣнности и доброты.

Маіоръ Нарбутъ, по занятіи Китаба, назначенный комендантомъ его, получилъ приказаніе отъ Абрамова привести въ извѣстность все имущество завоеваннаго дворца Джура-бея и, принявъ въ свое вѣдѣніе всѣ богатства его, выдать каждому изъ насъ на память полное азіатское одѣяніе. Голубого атласа халатъ со всѣми вычурными къ нему принадлежностями, не исключая чалмы и остроконечныхъ туфель, достались мнѣ, но переданы были мною въ гардеробъ Вавилы, совершенно осчастливленнаго этимъ роскошнымъ бакшишемъ. Но не однѣ кладовыя бека подверглись подобному опустошенію. Частное имущество и лавки Китаба испытали еще худшую участь. На Кавказѣ мародерство преслѣдовалось властями съ жесточайшею строгостью; были примѣры, когда уличенныхъ въ хищничествѣ предавали для примѣра другимъ смертной казни, а здѣсь? Что городъ, то норовъ. Это, видно, вкоренившійся уже въ краѣ обычай поощрять смѣлость и отвагу завоевателей. «Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ», но пришедшому сюда на первыхъ порахъ очень многое кажется страннымъ. Хорошаго я здѣсь ничего не вижу, но передъ глазами сторона забавная. Съ балкона своего любовался я слѣдующей картиной, достойной описанія. Въ десяти шагахъ отъ дворца, противъ нашихъ оконъ, находилось одноэтажное, съ плоской крышей зданіе, занятое 2-ю ротой 3-го линейнаго батальона. Съ утра еще эта рота на первой очереди ходила на усиленную фуражировку не только продовольствія, но и разнороднаго добра, котораго добыто изъ лавокъ и домовъ въ громадномъ количествѣ.

Библиотека "Руниверс"

Солдаты, тяжело навьюченные, по одиночкѣ возвращались во временную квартиру свою здѣсь, сваливъ добычу, спѣшили бѣгомъ за вторымъ и третьимъ транспортомъ. Чего, чего не натаскали себѣ молодцы эти? Были тутъ ковры, полости, кошмы, войлоки, мѣдные кувшины, тазы, разная посуда, всякая провизія: мука, крупа, свѣчи, мыло, медъ, сахаръ, кофе, табакъ, гвозди, но преимущественно халаты всевозможныхъ цвѣтовъ и видовъ, а затѣмъ масса перинъ, тюфяковъ и подушекъ. Все это каждый владѣлецъ, выбиваясь изъ силъ, въ потѣ лица, волочилъ на спинѣ своей и складывалъ въ кучу въ свой уголъ, а затѣмъ переносилъ наверхъ, на плоскую крышу, гдѣ, въ виду у насъ, комично разбирался въ своемъ благопріобрѣтенномъ богатствѣ. Вечеромъ, при наступленіи ночи, чтобы вдоволь насладиться лицезрѣніемъ великихъ богатствъ своихъ, зажгли на крышѣ стеариновыя свѣчи и расхаживали по вновь создавшемуся базару своему, иные съ видимою гордостью хвастаясь особенно цѣнными предметами, случайно попавшими имъ въ руки, тогда какъ другіе, плохо скрывая зависть и досаду за неудачную поживу, смиренно копошились въ грудѣ своихъ халатовъ. Тѣ и другіе спѣшили затѣмъ высоко примоститься на взбитыхъ перинахъ и подушкахъ и самодовольно и любовно созерцать несмѣтныя богатства свои. При наступленіи ночи импровизированная иллюминація на крышахъ принимала все бо́льшіе размѣры, такъ какъ нѣкоторые молодцы зажигали кругомъ себя по 5 и 6 свѣчей (благо онѣ не купленныя), освѣщая добродушное, чисто дѣтское выраженіе полнаго довольства и благополучія этихъ воинственныхъ людей своимъ временнымъ богатствомъ. Говорю «временнымъ», потому что при обратномъ походѣ некогда ужъ имъ было возиться со всей этой хурдой-мурдой.

Между тѣмъ, намъ становилось жутко. Отъ сильнаго зноя разложившіеся кругомъ насъ въ городѣ трупы убитыхъ при штурмѣ Китаба, не убранные и валяющіеся въ узкихъ здѣсь переулкахъ, до того заражали воздухъ, что невозможно было дышать, а потому рѣшено было выступить за черту города и занять сады лагеремъ. Всѣмъ же жителямъ, оставившимъ Китабъ, отъ имени побѣдителя было разослано воззваніе возвратиться восвояси къ «мирнымъ» занятіямъ работами и торговлей.

16-го же августа произведено было нами, то-есть частью отряда, наступательное движеніе изъ Китаба на другой городъ Шахризябской провинціи, Шааръ, отстоящій отсюда въ семи верстахъ на юго-западъ, но также въ чертѣ тридцативерстной оборонительной стѣны, нами штурмованной. Предположеніе, что жители Шаара не окажутъ сопротивленія къ занятію ихъ города, оправдалось на дѣлѣ. По дорогѣ туда толпы возвращающагося народа въ Китабъ встрѣчали колонну нашу съ повинною и изъявленіемъ полной покорности побѣжденныхъ, а у воротъ города ожидала насъ несмѣт-

Библиотека "Руниверс"

ная масса народонаселенія, восторженно увѣрявшая насъ не только въ безпредѣльной преданности и вѣрности Бѣлому Сардару, но и въ совершенномъ благополучіи избавиться отъ ненавистнаго имъ владычества страшнаго деспота бека Баба-бея... Въ саду около Шаара властями города намъ предложенъ былъ роскошный дастарханъ, при чемъ собравшійся изъ любопытства кругомъ народъ съ покорностью, но видимо безъ особаго удовольствія, выслушалъ генерала Абрамова, громогласно объявившаго, что они, жители городовъ Шаара и Китаба, а равно и всей Шахризябской провинціи, отнынѣ освобожденные отъ тяжкаго ига обоихъ отложившихся отъ эмира бековъ Джура-бея и Баба-бея, снова поступятъ въ вѣрноподданство ихъ законнаго властелина эмира Бухарскаго.

Въ числѣ тѣсно окружившей насъ толпы разнородныхъ восточныхъ націй, меня поразилъ видъ представителей индусовъ огнепоклонниковъ съ ярко-красными огненнаго цвѣта изображеніями пламени на ихъ лбахъ.

По возвращеніи изъ Шаара мы направились прямо не въ зараженный Китабъ, а въ лагерь, разбитый въ нашемъ отсутствіи среди прекраснаго, очень обширнаго и тѣнистаго сада низложеннаго бека. Здѣсь подъ вѣтвистымъ орѣхомъ нашелъ я свою палатку, а рядомъ съ нею и весь мой штатъ, устроившій мнѣ новую резиденцію на славу. Нигдѣ не видѣлъ и не ѣлъ я такого арбуза, какъ тамъ. Величиною въ чудовищную бомбу, темно-зеленаго цвѣта снаружи, онъ съ трескомъ хрустнулъ подъ ножемъ и внутри оказался кровяно-краснаго цвѣта, сочнымъ и сладкимъ выше всякаго описанія. Чудо, а не арбузъ!

Здѣсь уже въ лагерѣ познакомился я подробнѣе и съ оборотною стороною медали, то-есть цѣлью всей нашей экспедиціи, выяснившей смыслъ загадочной рѣчи Абрамова въ Шаарѣ о передачѣ Шахризябса эмиру Бухарскому. Исторія эта слѣдующая.

Изстари Шахризябская страна, область, провинція, — называй, какъ хочешь,—очень плодородная и богатая, густо населенная болѣе ста тысячами жителей самаго воинственнаго, а вмѣстѣ и промышленнаго племени всего края, всецѣло входила въ составъ владѣній Бухарскихъ эмировъ. Въ 1863 году, вслѣдствіе многихъ смутъ и политическихъ переворотовъ въ Средней Азіи, правитель Китаба, отважный бекъ Джура-бей совмѣстно съ Баба-беемъ, губернаторомъ города Шаара, отказавшись платить дань законному повелителю своему, эмиру, подняли знамя возстанія и со всею имъ ввѣренною страною совершенно отложились отъ Бухары. Предвидя, что эмиръ несомнѣнно захочетъ возвратить свои права и съ оружіемъ въ рукахъ явится завладѣть родовымъ достояніемъ, — оба бека, Джура-бей въ особенности, приняли самыя энергичныя мѣры къ вооруженію и сильному укрѣпленію всего Шахризябса и съ этой цѣлью частью возобновили, а частью воздвигли и новую стѣну,

Библиотека "Руниверс"

окружавшую Китабъ и Шааръ съ ихъ садами и культурными полями на протяженіи болѣе тридцати верстъ, выстроивъ при томъ въ центрахъ городовъ крѣпкія, по ихъ мнѣнію, цитадели. Когда до инсургентовъ дошла достовѣрная вѣсть о воинственныхъ сборахъ и наступленіи эмира на Шахризябсъ, оба предусмотрительные бека, соображая затрудненія, при маломъ сравнительно гарнизонѣ ихъ, удержать на всемъ протяженіи растянутой оборонительной линіи натискъ многочисленнаго непріятеля,—порѣшили всю мѣстность за южнымъ и западнымъ фасами стѣны затопить напускною изъ арыковъ водою и, такимъ образомъ, сдѣлавъ всю эту часть укрѣпленій недоступною для осаждающихъ, защищать только остальные фасы, усиленно вооруженные артиллеріей и пѣхотой.

Исходъ этой мудрой стратегіи не замедлилъ блестящимъ образомъ оправдаться на дѣлѣ. Семь лѣтъ сряду бухарскія полчища, предводимыя самимъ эміромъ, тщетно вели ожесточенныя наступленія на Шахризябскія твердыни, но отбитыя Джура-беемъ и воинственными его инсургентами на всѣхъ пунктахъ атаки съ большимъ уономъ обращались вспять. Тѣмъ временемъ, къ довершенію всѣхъ бѣдъ эмира, передъ штыками русскими палъ и Самаркандъ.

Придавая громадное значеніе этому священному городу, глубоко чтимому во всей Средней Азіи, какъ колыбель великихъ, еще временъ Александра Македонскаго, историческихъ событій, съ гробницей въ немъ Тамерлана и другихъ славныхъ сподвижниковъ его, съ безцѣнными памятниками древнихъ дней владычества и культуры, зодчества и искусства, эмиръ бухарскій, въ сознаніи невозможности вернуть его отъ русскихъ силою своего оружія, отправилъ въ Петербургъ своего сына-наслѣдника, молить великаго Бѣлаго царя о возвратѣ ему Самарканда. Посольство это изъ Бухары, въ сопровожденіи нашего полковника Колзакова, конечно, не могло быть успѣшно, но въ видѣ вознагражденія ему обѣщали содѣйствіе нашихъ войскъ къ завоеванію и возвращенію во власть его, утраченной имъ, Шахризябской области.

Настоящею экспедиціею и приведено было въ исполненіе обѣщаніе нашего правительства, и завоеванное царство было сдано генераломъ Абрамовымъ эмиру бухарскому. Всѣ раненые наши, за исключеніемъ подполковника Соболева, на другой же день послѣ взятія Китаба, отправлены были съ двумя ротами въ Самаркандъ, откуда съ нарочными получены были письменныя извѣщенія отъ капитана Иванова. Всѣ они прибыли въ вожделѣнномъ здравіи, кромѣ бѣднаго Василія Николаевича Соковнина, у котораго пуля засѣла глубоко надъ легкими, и вынуть ее было невозможно.

Изъ любопытныхъ новостей Ивановъ сообщалъ Абрамову, что изъ Ташкента прибылъ форсированнымъ маршемъ намъ на помощь 1-й стрѣлковый баталіонъ, но, конечно, задержанъ былъ въ Самар-

Библиотека "Руниверс"

кандѣ для обратнаго путешествія по голодной степи въ свою штабъ-квартиру. Но что серьезнѣе, это свѣдѣнія о настроеніи всего населенія Заравшанскаго округа, при полученіи о постигшей насъ неудачѣ на первомъ штурмѣ. Народъ былъ сильно возбужденъ и возстаніе въ тылу нашемъ висѣло на волоскѣ. Каково однако! Малѣйшая неудача нашего оружія, и все зданіе нашего владычества могло быть легко поколеблено.

Только 23-го августа, послѣ сложныхъ китайскихъ церемоній при передачѣ Шахризябса новымъ правителямъ, намъ удалось выбраться изъ тѣхъ прекрасныхъ мѣстъ и странствовать съ отрядомъ по горамъ и доламъ, на юго-востокѣ отъ Китаба. Четырехдневное путешествіе по узкимъ тропинкамъ вверхъ и внизъ, вдоль и поперегъ скалистыхъ утесовъ, съ вьючнымъ только при насъ обозомъ, большими переходами безъ продовольствія и даже палатокъ, представляло намъ очень невеселый дивертисементъ. Предполагаемое столкновеніе, боевое, конечно, съ какимъ-то независимымъ, а потому въ отношеніи насъ и неучтивымъ бекомъ Магіенскимъ кануло въ воду, и въ награду за претерпѣнные нами труды, во время утомительнаго похода, мы увидѣли передъ собою, правда, въ очень живописной мѣстности, амфитеатромъ выстроенный на берегу рѣки, городъ Ѳедобей, но, увы, безъ живой души, не только человѣческой, но и куриной.

Къ вечеру, однако, на базарной площади города, какъ изъ норъ, выползли какіе-то оборванные торгаши-туземцы, предлагавшіе на удовлетвореніе нашихъ отощалыхъ желудковъ не мясо на бифштексъ, а плохіе арбузы, дыни и незрѣлый виноградъ. Баронъ Ренне, очень довольный найти наконецъ во вселенной городъ, гдѣ онъ еще ничего не былъ долженъ, въ большомъ количествѣ набралъ дрянныхъ фруктовъ этихъ и широко угощалъ ими всю братію нашу; Вавила же въ это время гдѣ-то добылъ заблудшаго барашка и привлекъ имъ къ себѣ все общество, не исключая Абрамова и прочихъ важныхъ лицъ.

25-го наконецъ, изломанный и избитый, повалился я на соблазнительную постель мою въ Самаркандѣ и съ наслажденіемъ предался чтенію писемъ отъ жены и мальчиковъ моихъ.

Дня два спустя, Ренне и Нарбутъ, по порученію всѣхъ прочихъ участниковъ шахризябской экспедиціи, явились ко мнѣ съ просьбой устроить въ моемъ саду ужинъ въ честь генерала Абрамова, такъ мило насъ угощавшаго во все время похода, а также и отъѣзжающихъ въ Ташкентъ—Троцкаго, Михайловскаго и Фриде. Никогда не отказываясь отъ такой заботы, я согласился, но пришелъ въ недоумѣніе, гдѣ добыть посуды и стекла. Обозъ съ нашими вещами шелъ круговымъ маршемъ на Джамъ, а въ магазинахъ здѣшнихъ на лицо было всего 8 стакановъ. A la guerre comme à la guerre! Рѣшили пить прямо изъ горлышка. На каждаго при-

Библиотека "Руниверс"

шлось (за неимѣніемъ другаго вина) по двѣ бутылки шампанскаго, и всѣ безъ исключенія исправно, точно и безобидно исполнили эту поголовную бутылочную повинность.

Помимо задушевныхъ тостовъ и всякихъ пожеланій, одно обстоятельство, случившееся при этомъ словоизверженіи, заслуживаетъ исключительнаго значенія. При провозглашеніи заздравныхъ послѣдовательно каждаго изъ участниковъ экспедиціи и ужина нашего тостовъ, Абрамовъ, самъ руководившій ихъ очередью, не только умышленно пропустилъ двухъ присутствующихъ, но обиняками далъ понять всему обществу, что эти двѣ личности недостойны никакого вниманія, такъ же какъ и представленія къ наградамъ за прошлую экспедицію: въ минуту штурма съ лѣвой батареи китабскихъ стѣнъ они невѣдомо куда улетучились, но на правую батарею не явились, а цѣлыя сутки, какъ оказалось впослѣдствіи, скрывались въ пустой и очень спасительной бахчѣ, внѣ выстрѣловъ непріятельскихъ.

Предположенный 30-го августа именинный фестиваль былъ отложенъ по случаю усилившагося нездоровья генерала. Пуля застряла у него въ животѣ; рану зондировали, но, не ощупавъ ея, только развередили и усилили страданія паціента. Не смотря на это, послѣ торжественнаго молебствія и парада, подобающаго въ день тезоименитства государя императора, Нарбутъ, Ренне и я отправились въ просторной долгушѣ на дачу начальника Заравшанскаго округа съ поздравленіемъ. Тамъ застали мы многочисленное общество не только всѣхъ самаркандскихъ жителей, но и пріѣзжихъ изъ области. Абрамовъ, больной и страждущій, былъ, однако, на ногахъ и встрѣтилъ гостей очень радушно. Въ намѣреніи не утруждать его продолжительнымъ пріемомъ, мы уже собрались всѣ откланяться, когда хозяинъ, пожимая руки прочимъ, попросилъ меня остаться переговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Не зная, какъ за отъѣздомъ моихъ спутниковъ добраться до дома, я былъ тутъ же выведенъ изъ затрудненія обязательнымъ предложеніемъ новаго моего знакомца, маіора Юни, командира 6-го линейнаго баталіона, послѣ его аудіенціи съ генераломъ, довезти меня до города. Проводивъ всѣхъ гостей и переговоривъ съ Юни, Абрамовъ попросилъ меня въ кабинетъ и, усадивъ противъ себя, съ нѣкоторою торжественностью приступилъ къ сообщенію, что онъ имѣлъ на меня виды, какъ на баталіоннаго командира или начальника отдѣла, во всякомъ случаѣ разсчитывалъ со мной не разставаться, но сегодня ночью полученное письмо отъ Кауфмана разрушило его планы. «Если маіоръ Полторацкій,—говорилось въ письмѣ,—еще не получилъ опредѣленнаго назначенія для командованія частью или управленія отдѣломъ, то командировать его немедленно съ донесеніемъ о шахризябской экспедиціи въ Ташкентъ для дальнѣйшаго его слѣдованія курьеромъ въ Петербургъ».

Библиотека "Руниверс"

Абрамовъ расчелъ тутъ же, что ранѣе 1-го сентября меня отправить онъ не можетъ, такъ какъ донесенія и планы, за которыя онъ засадилъ барона Аминова, не могли быть иначе готовы.

Ѣхать въ Петербургъ для меня было такимъ благополучіемъ, что на возвратномъ пути съ дачи генерала въ Самаркандъ я безъ умолка приставалъ къ моему спутнику, чтобы онъ понялъ и раздѣлилъ бы мою радость. Проѣхавъ въ его тарантасѣ уже около 6 верстъ и распространяясь исключительно о своемъ великомъ счастіи, я тутъ только обратилъ вниманіе на моего сосѣда и узналъ отъ него, что онъ тотъ самый знаменитый Юни, который геройски отбивался при взятіи Севастополя, въ башнѣ Малахова кургана, при чемъ, въ концѣ концовъ, раненый, онъ былъ взятъ въ плѣнъ французами и впослѣдствіи, по личному ходатайству самого императора Наполеона III, награжденъ за подвигъ свой георгіевскимъ крестомъ.

Пріѣхавъ въ Самаркандъ, я тотчасъ же объявилъ моему штату объ отъѣздѣ и, предполагая не брать еще слабаго Вавилу, сгоряча сказалъ ему объ этомъ. Панфилычъ мой въ слезахъ пристадъ съ просьбой непремѣнно взять его съ собою, а Кондратій также бросился умолять меня не оставлять его, такъ какъ въ Могилевской губерніи вся семья его, которую онъ уже не видалъ семь лѣтъ. Дѣлать нечего, беру съ собой обоихъ. Все же подвижное мое хозяйство, мельхіоръ, посуду, уступилъ я, по его просьбѣ, Абрамову, а самъ пріобрѣлъ легкій и удобный тарантасъ отъ барона Ренне за 160 рублей. Проводы мои въ Самаркандѣ были очень задушевны и продолжительны, впрочемъ по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, такъ какъ бумаги поспѣли только къ десяти часамъ вечера, не смотря на то, что штабные съ Аминовымъ во главѣ работали день и ночь.

Въ день пріѣзда моего въ Ташкентъ, утромъ же, я представлялся Кауфману. Онъ разспрашивалъ меня о ходѣ всей совершенной экспедиціи и хотя всѣ подробности ея отлично зналъ уже отъ Троцкаго, но желалъ знать и мое мнѣніе, которое я чистосердечно и не стѣсняясь ему высказалъ. Между прочимъ, Константинъ Петровичъ сочувствовалъ вполнѣ моему воззрѣнію на поразившее меня халатное пренебреженіе въ походѣ къ окружающему непріятелю; послѣ многихъ разспросовъ онъ неожиданно затѣмъ прервалъ ихъ вопросомъ:

— А вы, Владиміръ Алексѣевичъ, сдѣлали очень важное въ географическоиъ отношеніи открытіе?

— Какое? Не знаю, Константинъ Петровичъ.

— А опредѣленіемъ достопримѣчательности города Ѳедобея. Теперь онъ извѣстенъ будетъ тѣмъ, что въ немъ ничего не долженъ баронъ Ренне! Прелестно!—заливаясь добродушнымъ смѣхомъ, отчеканивалъ Кауфманъ.—Вѣдь я все знаю,—добавилъ онъ съ тон-

Библиотека "Руниверс"

кою улыбкою, — всѣ ваши подвиги, злыя насмѣшки, критику, остроту и даже оригинальную изобрѣтательность на ужинѣ, при недостаткѣ стакановъ; все, все мнѣ извѣстно.

Но, не смотря на милостивое ко мнѣ вниманіе Кауфмана, донесеніе о побѣдѣ должно было скорѣй меня дойти до Петербурга. Сентября 3-го поѣхалъ туда въ отпускъ полковникъ Носовичъ, и пока чертили планы и составляли подробнѣйшее донесеніе для врученія мнѣ, какъ курьеру, Константинъ Петровичъ уполномочилъ Носовича «частно» разсказать военному министру о результатѣ шахризябской экспедиціи.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ)

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1].

XXI.

Обѣдъ въ клубѣ.—Путевыя происшествія.—Пріѣздъ въ столицу.—Военный министръ.—Царское Село.—Представленіе государю.—Награда.—Москва.—Кн. С. Я. Грузинскій.—Воспоминаніе объ англійскомъ клубѣ.—Костя Тришатный.—Поѣздка въ Тверскую губернію.—Впечатлѣнія.—Опять Петербургъ.—Встрѣча съ Щербинскимъ.—Новости изъ Туркестана.—Послѣдніе дни 1870 года на Прѣснѣ въ Москвѣ. — Сборы къ отъѣзду. — Скачка до Самары.—Болѣзнь.—Зимній путь.—Катай-Куль. — Свѣтлое воскресенье и розговѣнье въ степи.

НАКОНЕЦЪ только 12-го сентября мнѣ вручили длиннѣйшее донесеніе о побѣдахъ въ Шахризябской области, и я увидалъ берегъ, сирѣчь отъѣздъ мой. Благодаря предложенію милѣйшаго губернатора, Николая Никитича Головачева, была отправлена за два дня впередъ эстафета (двухъконная, на мой счетъ) о заготовленіи на станціяхъ по степному тракту до самаго Орска курьерскихъ лошадей. За три дня предупреждать о быстромъ курьерѣ, конечно, было нѣсколько оригинально, но другого исхода не представлялось.

Въ день отъѣзда въ клубѣ друзья-пріятели давали мнѣ прощальный обѣдъ. Участниковъ было до 20 человѣкъ, хорошо мнѣ знакомыхъ, и одинъ, по страннѣйшему qui pro quo, никому неизвѣстный! Окруженный за столомъ самыми близкими, я былъ уди-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 412.

Библиотека "Руниверс"

вленъ присутствіемъ наискось сидящаго офицера стрѣлковаго баталіона, котораго впервые видѣлъ. На вопросъ сосѣдей моихъ, кто сей господинъ, никто не могъ удовлетворить моему любопытству, такъ какъ во всемъ обществѣ знакомыхъ его не оказалось никого. Странное обстоятельство это, конечно, возбуждало общее недоразумѣніе, и потому были наведены справки, выяснившія забавную суть дѣла. Пріятный незнакомецъ, наканунѣ прибывшій изъ Россіи въ Ташкентъ, зашелъ въ клубъ обѣдать и, ничего не подозрѣвая о готовящемся торжествѣ въ честь отъѣзжающаго товарища, увидѣлъ накрытый длинный столъ и собравшуюся публику, вмѣшался въ нее, выпилъ водки и закусилъ, а затѣмъ усѣлся за мнимый табль-д'отъ. Ни музыка, ни тосты, ни присутствовавшія офиціальныя лица, какъ Головачевъ, Польманъ, Троицкій, Татариновъ, Струве, Медынскій и другіе, не привлекли ни малѣйшаго его вниманія уже по той простой причинѣ, что онъ никого еще не зналъ въ лицо. Свободно и очень развязно выслушивая все кругомъ произносимое мѣстными ораторами, онъ не счелъ необходимымъ кому бы ни было отрекомендоваться, а подъ шумокъ только ѣлъ и ожесточенно пилъ. Когда вышли изъ-за стола, онъ, сидя за своимъ приборомъ, даже не пошевелился и потребовалъ себѣ еще вина. Тогда рѣшились задать ему щекотливый вопросъ, по какому случаю онъ попалъ въ интимный кружокъ нашъ, и тутъ только объяснилось, что собутыльникъ нашъ—графъ К., только-что переведенный въ Туркестанъ на службу изъ Преображенскаго полка, гдѣ онъ прославился своими эксцентрическими выходками, а послѣ, не менѣе того, своими продѣлками въ Орлѣ.

Передъ закатомъ солнца меня усадили въ тарантасъ рядомъ съ Струве, Татариновымъ и Лишинымъ, проводившими меня до знаменитой избы въ русскомъ стилѣ, гдѣ, выпивъ по послѣднему стакану шампанскаго, мы обнялись и разстались. Славно проскакалъ я двое сутокъ. На станціяхъ лошади были готовы, даже въ хомутахъ, запрягали живо, везли отчаянно быстро, но въ 30 верстахъ отъ Перовскаго, на полномъ ходу, вдругъ стопъ машина! Передняя ось лопнула пополамъ. Дотащившись къ ночи въ фортъ, только съ утра принялись за сварку и задержали меня на цѣлый день. Рано утромъ, въ торжественный день моего рожденія, 11-го сентября, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ дороги, погоды и лошадей я съ мѣста пустился въ карьеръ и несся съ изумительною быстротой, когда на третьемъ перегонѣ, по совершенно гладкому грунту привольной степи, тарантасъ покачнулся, а колесо въ одиночествѣ стало описывать дугообразныя въ противоположную сторону вращательныя движенія. Что такое? Та же самая ось и въ томъ же самомъ мѣстѣ разлетѣлась опять на двѣ половины. Но пунктъ случившейся поломки былъ иной и вовсе не подходящій. Впереди до Кармакчи болѣе 120 верстъ безлюднаго пространства

Библиотека "Руниверс"

а назадъ до Перовскаго около 40 верстъ. Вернулись назадъ и, отправивъ переднюю ось въ фортъ Перовскій съ Кондратьемъ, мы съ Вавилой цѣлые сутки праздновали въ шалашѣ въ сухомятку, около большой дороги. Но 17-го я погналъ снова. Никогда не забуду бѣшеной скачки моей въ степяхъ киргизскихъ; повѣрить и понять это не могутъ не испытавшіе на себѣ такой сумасшедшей ѣзды на дикихъ лошадяхъ, съ дикими ямщиками-киргизами. Форты 2-й и 1-й промелькнули необыкновенно быстро; вотъ уже и граница Туркестанскаго округа, ст. Тилитли, но подъѣзжаю къ ней и застаю страшный погромъ. За нѣсколько часовъ до меня проѣхавшій Озеровъ выѣхалъ со станціи благополучно, но вслѣдъ за нимъ на станцію нагрянула партія барантачей-хивинцевъ, предавшихъ все огню и мечу, а на обратномъ пути отбившихъ четверню лошадей, возвращавшихся изъ Джаловлы. По счастливой случайности, милые гости эти пожаловали въ Тилитли полчаса послѣ проѣзда Озерова и за часъ до моего прибытія убрались восвояси. Два перегона спустя, я нагналъ Озерова и уже вмѣстѣ съ нимъ пространствовалъ до города Орска, откуда я послалъ телеграмму въ Москву съ увѣдомленіемъ о моемъ пріѣздѣ и приглашеніемъ Софьѣ выѣхать ко мнѣ на встрѣчу въ Нижній Новгородъ. Отъ Орска, разставшись съ Азіей, я поѣхалъ еще быстрѣе, такъ какъ опасеніе о возможной починкѣ тарантаса въ предѣлахъ Европы не могло уже пугать меня, а потому на семнадцатыя сутки всего путешествія изъ Ташкента я попалъ въ Самару какъ разъ къ отходу парохода вверхъ по Волгѣ. Отсюда я вторичной телеграммой извѣстилъ Софью о моемъ пріѣздѣ въ Нижній 1-го октября. Трое сутокъ хода Волгой врѣзались мнѣ въ память своей монотонностью, а болѣе всего нетерпѣніемъ обнять безцѣнную жену мою. Въ послѣднюю ночь отъ сильнаго волненія я не могъ глазъ сомкнуть и едва не до слезъ сердился на медленный ходъ парохода противъ теченія. Наконецъ настала вожделѣнная минута, виденъ городъ, вотъ пристань, причалили. Но какъ ни глядѣлъ я во всѣ глаза, на набережной нѣтъ моей Сони. Забираю вещи въ фаэтонъ и скачу въ почтовую гостинницу; нѣтъ ея и здѣсь. Оставивъ багажъ въ занятомъ номерѣ, скачу обратно къ пристани, оттуда беру яликъ и плыву на тотъ берегъ рѣки къ дебаркадеру Московской желѣзной дороги, бѣгаю по всѣмъ заламъ, какъ мальчикъ, нигдѣ нѣтъ ея. Въ отчаяніи бросаюсь опять въ яликъ, пускаюсь въ обратный путь и тутъ на срединѣ рѣки встрѣчаю лодку, изъ которой женщина машетъ мнѣ съ изступленіемъ.

Затѣмъ встрѣча на московскомъ вокзалѣ съ І., а на Пресненѣ съ дѣтьми доставила мнѣ еще отрадныя минуты, пролетѣвшія быстро до отхода въ Петербургъ курьерскаго поѣзда. Разстался я опять съ семьей, конечно, не надолго, но съ золотыми мечтами свидѣться при иныхъ условіяхъ,—мечтами, которыя, увы, разлетѣлись, какъ дымъ.

Библиотека "Руниверс"

Еще въ поѣздѣ, добросовѣстно исполняя долгъ службы экстреннаго курьера, я нарядился въ парадную форму и прямо со станціи Николаевскаго вокзала отправился къ военному министру. На подъѣздѣ встрѣтилъ Алешу Милютина, отправлявшагося на ученье въ свою батарею, и отъ него узналъ, что отецъ дома, а все семейство ихъ въ Кіевской губерніи. Поднимаюсь на верхъ, гдѣ въ аванзалѣ камердинеръ министра, вновь къ нему поступившій и меня не знавшій въ лицо, проситъ подождать, такъ какъ его высокопревосходительство еще не одѣты. При докладѣ о прибытіи курьеромъ офицера изъ Туркестана, я увидѣлъ въ полуотворенную дверь въ кабинетѣ Дмитрія Алексѣевича въ халатѣ, поспѣшно бросившагося одѣваться. Но взглянувъ въ мою сторону и увидѣвъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, онъ удивленно, но очень мило, встрѣтилъ меня и, усадивъ съ собою пить кофе, принялъ отъ меня привезенныя бумаги.—«Одно могу сказать,—промолвилъ онъ,—неудачно избрали вы тамъ время творить чудеса въ какомъ-то Шахризябсѣ, когда Европа занята вопросомъ: возьмутъ ли пруссаки Парижъ! Но впрочемъ все это прекрасно»,—добавилъ онъ.

И дѣйствительно, хотя нашъ походъ кажется ничтожнымъ сравнительно съ войной франко-прусской, однако пріобрѣтеніе цѣлой провинціи, богатой и обширной, двадцати девяти орудій, бездны оружія и проч. распространило еще болѣе огромное обаяніе непобѣдимаго воинства бѣлаго царя во всей Средней Азіи. Здѣсь я не удержался, чтобъ не разсказать, въ приливѣ увлеченія, какъ доказательный примѣръ такого обаянія и нашей популярности въ краѣ еще со временъ Черняева, знаменательный эпизодъ 66-го года при взятіи штурмомъ Ташкента. Когда М. Г. Черняевъ по занятіи нашими войсками только четырехъ изъ двадцати четырехъ кварталовъ обширнѣйшаго города, при громѣ еще неумолкшихъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ, потребовалъ къ себѣ аксакаловъ занятыхъ кварталовъ (въ родѣ нашихъ полицейскихъ квартальныхъ надзирателей) и спросилъ, гдѣ у нихъ городскія бани,—аксакалы въ недоумѣніи пояснили генералу, что бани находятся на противоположной сторонѣ Ташкента, куда далеко еще не доходили русскіе солдаты, и гдѣ кишитъ, не сложившее еще оружія, густое населеніе города. «Такъ проводите меня туда!»—отвѣтилъ Черняевъ и съ однимъ проводникомъ аксакаломъ и другимъ казакомъ въ конвоѣ, къ великому изумленію всѣхъ окружающихъ, отправился верхомъ на дальній край города, невозмутимо смѣло проѣзжая по извилистымъ переулкамъ, среди толпы, возбужденнаго кровопролитіемъ народа. И вотъ этимъ-то смѣлымъ подвигомъ Черняевъ пріобрѣлъ себѣ въ Туркестанѣ ту популярность, которая до сихъ поръ еще живетъ между туземцами. Отдавъ въ минуту своей отважной экскурсіи предварительное приказаніе старшему по себѣ въ отрядѣ, Петрушевскому, въ случаѣ, если черезъ два часа онъ не вернется изъ бани благо-

Библиотека "Руниверс"

получно, штурмовать городъ и въ немъ не оставить камня на камнѣ, онъ съ наружнымъ хладнокровіемъ совершилъ поѣздку въ баню, спокойно тамъ выпарился и еще спокойнѣе вернулся, внушивъ всему народу восторженное удивленіе. Съ той минуты, прозванный во всемъ краѣ мѣстными жителями батыремъ (богатыремъ), онъ вселилъ въ нихъ, кромѣ того, безграничное уваженіе правдивостью, твердостью даннаго слова и безусловною простотою въ наружномъ образѣ жизни.

Появленіе къ военному министру генералъ-адъютанта Мерхилевича прервало бесѣду нашу, и я отправился отъ кузена моего въ главный штабъ.

Въ залѣ главнаго штаба я засталъ массу ожидающихъ пріема графомъ Гейденомъ. Дежурнымъ адъютантомъ оказался мой старый знакомый, бывшій павлоградскій гусаръ, гр. Медемъ; подбѣжавъ ко мнѣ и узнавъ, что я только что прибылъ изъ Туркестана курьеромъ, онъ бросился доложить обо мнѣ графу, который вышелъ въ залу и направился прямо ко мнѣ.

— Вы курьеромъ пріѣхали?—радушно обнимая меня, спросилъ графъ Ѳедоръ Логиновичъ.—Были ли у военнаго министра, когда будете представляться его величеству?

— Ничего не знаю, графъ.

— Ну, какъ же это? Впрочемъ, вѣроятно, завтра, у Д. А. кстати и докладъ государю императору. А какъ всѣ раненые? Тяжело ли раненъ Р.?

— Нѣтъ, легко.

— Куда раненъ онъ?

Тутъ я совершенно затруднился и тихонько проговорилъ: le lieu en question, но графъ по глухотѣ своей не разслышалъ и, подставляя ухо, еще переспросилъ: «Куда, куда?». Я принужденъ былъ объяснить.

— Quelle chance, quelle chance!—заливаясь хохотомъ, нѣсколько разъ повторилъ онъ.

Послѣ оффиціальныхъ визитовъ мнѣ предстояло еще посѣтить незнакомыхъ особъ, къ которымъ привезъ я изъ дальней страны письма; въ числѣ ихъ находились между прочими генеральша Р., съ которой вышло комическое приключеніе.

Еще наканунѣ, будучи у тетки Софьи Борисовны [1]), когда я упомянулъ о Р., находившейся съ ней въ пріятельскихъ отношеніяхъ, она пристала, чтобы я сейчасъ заѣхалъ къ Р., и на возраженіе мое, что письма ея сына я не взялъ съ собою, тетушка упорно настаивала: «Allez, mon cher, c'est une femme très comme il faut».— «Mais je n'ai pas de lettre sur moi»,—возразилъ я. «Allez toujours»,— неугомонно повторяла tante Sophie. Не смотря на это, я никуда въ

[1]) Полторацкой, урожденной Голицыной.

Библиотека "Руниверс"

тотъ день не поѣхалъ; но на слѣдующій день ко мнѣ явился метръ д'отель генеральши съ письмомъ: «Господинъ полковникъ,—гласило оно,—узнавъ о вашемъ пріѣздѣ изъ Туркестана, я сгораю нетерпѣніемъ увидѣть и лично услышать отъ васъ о раненомъ моемъ сынѣ, а потому вы не откажите удовлетворить столь понятное любопытство страдающей матери» и проч. и проч. въ этомъ же родѣ, на тему чувствъ родительскихъ, и затѣмъ подпись: «Генеральша такая-то».

— Вотъ письмо NN. къ его матушкѣ, — передавая его дворецкому, пояснилъ я, — а вотъ и приготовленный мой сюртукъ, чтобы сейчасъ ѣхать къ генеральшѣ, о чемъ и доложите ея превосходительству. Вручите же письмо въ ея руки, а самъ я часа черезъ два буду имѣть честь представиться лично.

Отправивъ важнаго посланника г-жи Р., я пустился по разнымъ мытарствамъ и только въ третьемъ часу остановился у подъѣзда барскаго дома на большой Милліонной. Меня ожидали и потому безъ замедленія ввели въ бель-этажъ и по анфиладѣ убранныхъ комнатъ проводили въ затѣйливый кабинетъ хозяйки. Высокая, стройная и очень важная, съ чувствомъ и разстановкой поднялась она съ своего пате и съ должною важностью отмѣрила три шага мнѣ на встрѣчу. Послѣ двухъ словъ обязательныхъ привѣтствій при новомъ знакомствѣ, генеральша поспѣшила пригласить меня сѣсть противъ нея къ столику, на которомъ лежало открытымъ длинное письмо сына.

— Maintenant, monsieur, veuillez parler, je serai toute oreille,—въ видѣ вступленія промолвила важная барыня.

— Прежде всего, позвольте объяснить мнѣ, куда раненъ сынъ мой?—категорически потребовала она.

— N. N. раненъ пулею очень легко, и рана его, смѣю васъ увѣрить, совершенно безопасна,—отвѣчалъ я.

— Это укажетъ время и послѣдствія,—внушительно изрекла генеральша,—но я желаю знать, куда раненъ онъ.

—Онъ раненъ, раненъ,—какъ школьникъ на экзаменѣ, замялся я, не умѣя пріискать приличнаго опредѣленія раны:—«il est blessé, madame, entre les reins,—наконецъ хватилъ я.

— Non donnez vous la peine, monsieur, de m'indiquer précisement l'endroit de sa blessure!—пристала требовательная мамаша:—je vous prie de croire que cette question m'interesse infiniment!—пояснила она.

Какъ же еще опредѣлительнѣе объяснить фатальную часть тѣла, избранную къ пораженію шахризябцами? Я мялся. «Ему, ему... вашему сыну не совсѣмъ ловко теперь сидѣть»... бухнулъ я, уже теряя всякое соображеніе отъ пытливой недогадливости моей строгой мучительницы, причемъ я невольно рукой порывисто указалъ на роковое мѣсто раны... На этотъ разъ, судя по кислой гримасѣ, выступившей на сухомъ лицѣ ея превосходительства, она

Библиотека "Руниверс"

наконецъ точно уяснила себѣ интересовавшій ея вопросъ, что, однако, не избавило меня отъ слѣдующихъ: «Какъ? Гдѣ? Въ которомъ часу? Кто былъ ближе другихъ къ нему? Что онъ чувствовалъ въ минуту раны? Что видѣлъ онъ во снѣ передъ дѣломъ? Были ли у него особенныя предчувствія? Какъ онъ себя чувствуетъ въ настоящее время, и наконецъ, чего онъ можетъ ожидать за пролитую кровь?»—удовлетворить всѣ эти вопросы было свыше силъ моихъ, но послѣдній я разрѣшилъ положительнымъ свѣдѣніемъ, что N. N., вѣроятно, получитъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Я сказалъ, вѣроятно, хотя зналъ положительно, что въ привезенномъ мною донесеніи онъ именно представленъ къ этому ордену.

Сообщеніе это, однако, не произвело пріятнаго дѣйствія, и она съ очень и очень недовольнымъ видомъ объявила:

— Почему же только Владиміра, а не Георгія? Вотъ вы вѣдь носите Георгія, а сыну моему прочите только Владиміра. Согласитесь, что это очень странно!

Я, на сколько умѣлъ, постарался объяснить ей, что если бы представился случай, какъ мнѣ, ея сыну, то нѣтъ сомнѣнія, что и онъ заслужилъ бы Георгія, а до тѣхъ поръ надо довольствоваться Владиміромъ, такъ блестяще имъ заслуженнымъ. Эти краснорѣчивые доводы не угомонили раздраженія хозяйки, на меня обрушившей неудовольствіе за неисправность начальства.

— Но прошу васъ потрудиться объяснить мнѣ, почему вамъ именно дали Георгія, а моему сыну его дать не хотятъ?—рѣзко продолжала она.—Право же, вы не добрый человѣкъ, сами взяли Георгія, а другому его не желаете.

Теряя уже терпѣніе, я высказалъ генеральшѣ, что если начальство и несправедливо къ ея сыну, то я тутъ рѣшительно не причемъ. Это по крайней мѣрѣ убѣдило ее, что дальнѣйшія пренія уже ни къ чему не поведутъ, а потому, томно взглянувъ на дорогое ей письмо неоцѣнимаго сына, она внезапно повела новую атаку, съ требованіемъ объяснить ей, какія слѣдуетъ ей лично принять мѣры и т. д., и т. д. Я уже помышлялъ объ отступленіи, когда раздались шпоры, и быстрыми шагами появился въ кабинетѣ лейбъ-гусаръ, второй сынъ m-me P. Онъ былъ въ походной формѣ и только что слѣзъ съ коня, по приходѣ всего полка изъ Царскаго Села въ Петербургъ къ осеннему высочайшему смотру.

Почтительно приложившись къ рукѣ матери, P. № 2-й закидалъ меня вопросами о всѣхъ подробностяхъ Шахризябской экспедиціи и объ участіи въ ней своего брата. Удовлетворивъ его любопытству, я всталъ и началъ раскланиваться.

— Michel,— сказала генеральша,— il était donc convenu entre nous de prier m-r Poltoratsky de nous faire plaisir de dîner avec nous; à quand donc, dites?

Библиотека "Руниверс"

— Mais à demain, maman, si toutefois m-r Poltoratsky à la journée disponible!—отвѣтилъ сынъ.

— Comment demain? vous oubliez donc que demain a lieu la grande revue?

— Mais, ma mère, ne dine t'on pas aussi les jours des revues?

— C'est vrai, au fond! Eh bien, monsieur, c'est à demain, n'est ce pas?—милостиво пожимая мнѣ руку, изволила рѣшить этотъ важный вопросъ ея превосходительство.

Сынъ ея пошелъ провожать меня. На лѣстницѣ мы остановились; въ полголоса онъ задалъ мнѣ вопросъ о ранѣ брата, и я, не стѣсняясь, отвѣчалъ ему. Въ эту минуту, на верху, какъ разъ надъ площадкой, гдѣ мы шептались, раздался пронзительный визгъ, и генеральша, слѣдившая за нами и вообразившая себѣ какую-то страшную, но скрытую мною тайну, испугалась и въ истерикѣ рухнулась на землю. Сынъ съ поспѣшностью стремглавъ бросился на верхъ къ матери, а я съ одинаковою поспѣшностью бросился въ карету спасаться изъ дома чудной генеральши.

Въ тотъ же день вечеромъ, входя въ партеръ Михайловскаго театра, я увидѣлъ тамъ Носовича, за три дня до меня прибывшаго сюда изъ Ташкента.

— Знаете ли вы, Вл. Ал., какъ приглашаютъ на крупную стерлядь?—задалъ мнѣ съ первыхъ же словъ оригинальный вопросъ Носовичъ и, не давъ мнѣ времени отвѣтить, добавилъ:—Вы въ настоящее время исправляете должность этой величественной стерляди.

— Почему? Я ничего не понимаю.

— Очень просто, потому что я получилъ приглашеніе завтра на обѣдъ, въ Большую Милліонную, но не на стерлядь, а на васъ!..

Занавѣсъ поднялся, и мы разошлись по своимъ мѣстамъ. Нѣсколько минутъ спустя, на сосѣднее кресло опустился утренній мой знакомецъ графъ Р.

— Вотъ счастливая встрѣча,—въ полголоса сказалъ онъ,—а я изъ театра намѣренъ былъ всюду разыскивать васъ. Видите ли, испугъ матушки не прошелъ даромъ, она нездорова и просила передать вамъ объ отмѣнѣ завтрашняго обѣда въ надеждѣ, что вы не откажете принять наше приглашеніе въ другой разъ.

Тѣмъ это и кончилось.

Спустя нѣсколько дней, я отправился въ Царское представляться его величеству.

Я ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ Бруннеромъ, командующимъ войсками Казанскаго военнаго округа, 16 лѣтъ назадъ командовавшимъ Брестскимъ пѣхотнымъ полкомъ, на рѣкѣ Чолокѣ.

Пріѣхавъ въ Царское, я не засталъ дома дворцоваго коменданта; онъ уже отправился во дворецъ, гдѣ я нашелъ его въ одной изъ залъ гуляющимъ съ генералъ-адъютантомъ Ник. Вас. Зиновье-

Библиотека "Руниверс"

вымъ. Какъ только я, явившись ему, сообщилъ, что прибылъ изъ Ташкента курьеромъ съ донесеніемъ о дѣлѣ въ Шахризябсѣ, Николай Васильевичъ, очень радушно меня встрѣтившій, тотчасъ же возымѣлъ намѣреніе представить меня его величеству и, согласно обязанности дежурнаго вчера генералъ-адъютанта, онъ сдалъ меня на руки дежурнаго же флигель-адъютанта, Михаила Тучкова, поспѣшно увлекшаго меня за собою по лѣстницѣ во внутренніе, нижняго этажа, покои государя императора. Здѣсь, на послѣднихъ уже ступеняхъ, около самыхъ дверей въ кабинетъ его величества, встрѣтили мы новаго дежурнаго флигель-адъютанта Алексѣя Игнатьева, принявшаго меня въ свое вѣдѣніе для немедленнаго ввода къ государю. Еще секунда, и я очутился бы передъ его величествомъ. Все это дѣлалось такъ поспѣшно, что я едва успѣлъ во избѣжаніе недоразумѣній пояснить, что въ Петербургъ я уже пріѣхалъ шестой день, и о моемъ прибытіи изъ Туркестана государю доложено военнымъ министромъ, а, слѣдовательно, и извѣстіе, привезенное мною, не есть новость для его величества, вслѣдствіе чего Зиновьевъ рѣшилъ, что явиться мнѣ слѣдуетъ въ числѣ прочихъ представляющихся государю императору, по совершеніи богослуженія въ придворной церкви. Въ 11 часу началась обѣдня, во время которой я видѣлся со многими знакомыми, а въ числѣ ихъ съ графомъ Николаемъ Граббе, очень обнадежившимъ меня надеждами на исполненіе завѣтной мечты моей. За нѣсколько минутъ до окончанія богослуженія комендантъ выстроилъ въ аванъ-залѣ, смежной съ церковью, всѣхъ имѣющихъ счастье представляться государю, на правомъ флангѣ пригласивъ стать Бруннера. Отворились настежь двери, и императоръ, въ сюртукѣ кирасирскаго имени своего полка, вышелъ къ намъ въ пріемную комнату. Во время краткаго разговора съ генераломъ Бруннеромъ его величество бросилъ взглядъ по линіи всѣхъ представляющихся и, увидавъ меня, еще издали, съ милостивой улыбкой кивнулъ мнѣ головою, а затѣмъ, подойдя ко мнѣ, не только подалъ мнѣ руку, но обнялъ и въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ изволилъ выразить искреннюю благодарность свою за новыя мои боевыя отличія.

— А что же ты не надѣлъ на эполеты?—показывая на плечо, громко спросилъ государь.—Сегодня утромъ я подписалъ все представленіе Кауфмана безъ малѣйшаго измѣненія и даю награды эти съ истиннымъ удовольствіемъ, такъ какъ славнымъ дѣломъ въ Туркестанѣ, въ которомъ и ты, Полторацкій, какъ и всегда, исполнилъ отлично выдающуюся роль, я въ полной мѣрѣ доволенъ. Скажи, пожалуйста,—продолжалъ государь,—вѣдь ты началъ боевую службу на Кавказѣ, а въ Преображенскомъ полку ты не былъ?

— Не былъ, ваше императорское величество, а въ Преображенскомъ полку былъ родной братъ мой, убитый на дуэли,—отвѣтилъ я.

— Ну, значитъ я правъ,—улыбаясь замѣтилъ государь. — На-

Библиотека "Руниверс"

дѣнь же, Полторацкій, звѣздочку, которую ты такъ славно заслужилъ,—промолвилъ его величество, ласково еще разъ кивнувъ мнѣ передъ уходомъ изъ залы.

Не успѣла за нимъ затвориться дверь, какъ множество придворныхъ чиновъ окружило меня съ рукопожатіями и поздравленіями.

Вернувшись изъ дворца на дебаркадеръ Царскаго Села, слишкомъ за часъ до отхода поѣзда, я успѣлъ позавтракать, и ко мнѣ примкнулъ генералъ Бруннеръ. Онъ очень радушно отнесся къ моимъ планамъ и надеждамъ и съ удовольствіемъ вспоминалъ всѣ детали Чолокскаго сраженія.

Пробывъ еще нѣсколько дней въ Петербургѣ и получивъ разрѣшеніе на неопредѣленное время съѣздить въ Москву, я отправился въ Первопрестольную, гдѣ жизнь на Прѣснѣ попрежнему потекла мирно и спокойно. Въ тѣ же часы и минуты князь Сергѣй Яковлевичъ [1]) вставалъ, нюхалъ табакъ, пилъ чай, щипалъ себѣ бровь, копался въ своей фотографической мастерской и затѣмъ за пять минутъ до четырехъ часовъ отправлялся на половину Ольги Петровны [2]) пить водку и закусывать, съ непремѣннымъ по пути громкимъ сморканьемъ въ корридорѣ; потомъ былъ обѣдъ съ обычнымъ разсказомъ все тѣхъ же и давно мнѣ знакомыхъ анекдотовъ и старыхъ новостей изъ англійскаго клуба. Послѣ обѣда старикъ не спалъ и даже обижался при этомъ предположеніи, но уходилъ въ свою спальную только «полежать», а затѣмъ, просидѣвъ въ глубокомысленномъ молчаніи въ вольтеровскомъ креслѣ, ровно въ семь часовъ уѣзжалъ въ свою родину, англійскій клубъ. Тутъ, играя въ въ теченіе сорока лѣтъ сряду въ карты и, какъ малолѣтній, не не научившись все-таки сдѣлать шага, въ 11 часовъ его сіятельство требовалъ ужинъ, въ большинствѣ случаевъ очень не легкій, запивалъ его бутылкой «ядренаго» отъ Никитскихъ воротъ кваса, лакомился пятью (ни болѣе, ни менѣе) конфетами и безъ пяти минутъ половина втораго выходилъ въ швейцарскую. Въ теченіе 46-лѣтняго членства князя Сергѣя Яковлевича ему никогда не приходилось измѣнять своихъ правилъ и потому, если бывало скучно, то онъ дремалъ на диванѣ въ билліардной, но къ назначенному сроку все-таки медленными шагами выходилъ изъ клуба въ тотъ же опредѣленный часъ; точно такъ же, какъ среди оживленнаго разговора, даже его собственнаго повѣствованія, онъ при наступленіи рокового срока обрывалъ рѣчь на полусловѣ и буквально спасался домой. Но слишкомъ полувѣковая жизнь князя С. Я. Грузинскаго по этой имъ же утвержденной программѣ за

---

[1]) Дядя жены Полторацкаго, князь Грузинскій, старый холостякъ, въ домѣ котораго съ матерью жили и воспитывались его мальчики.

[2]) Экономка въ домѣ князя.

Библиотека "Руниверс"

послѣдніе два, три года значительно измѣнилась, по прихотливымъ требованіямъ, всецѣло завладѣвшаго сердцемъ старика, девятилѣтняго внука, Сереги, который изъ него вилъ веревки. Старый дѣдъ любилъ юнаго внука своего до безумія, и не было каприза и фантазіи послѣдняго, которыя онъ задумался бы исполнить, хотя бы даже они шли въ разрѣзъ его, временемъ освященныхъ, привычекъ. За послѣднее время оба тезки, старый и малый, почти не разставались съ утра и даже до клуба отправлялись вмѣстѣ, что̀ послужило поводомъ къ прозванію ихъ «грибной двойчаткой». Въ этомъ же англійскомъ клубѣ, по предложенію того же князя Сергѣя Яковлевича, я состоялъ членомъ еще съ 1857 года. Участіе мое въ исторіи князя Ч. съ П., само по себѣ незначительное, пріобрѣло мнѣ завидный тамъ авторитетъ, а происшествіе при выборахъ 1861 года еще упрочило его.

Дѣло въ томъ, что весною 1861 года, по совершенно случайнымъ причинамъ, болѣе чѣмъ обыкновенное число членовъ запоздало къ установленному сроку возобновить свои годовые билеты, такъ что 15-го марта вывѣшенъ былъ въ залѣ списокъ предложенныхъ новыхъ кандидатовъ. Находя крайне неудобнымъ такое значительное количество баллотировать въ одинъ день, комитетъ старшинъ постановилъ раздѣлить ихъ на двѣ части и пустить на общее баллотированіе первыхъ 35 кандидатовъ послѣ табль д'ота въ среду, а остальныхъ черезъ недѣлю. Вслѣдъ за первой баллотировкой, на которой прошли всѣ кандидаты, разнесся слухъ, что въ числѣ избранныхъ проскользнула въ члены клуба весьма двусмысленная личность. Объ этомъ только горячо потолковали, но и замолчали, такъ какъ фактъ совершился, и измѣнить его было невозможно, а только порѣшили, какъ оно и водится, принять это къ свѣдѣнію и на будущей баллотировкѣ быть осмотрительнѣе.

Пришла слѣдующая среда. Послѣ многолюднаго табль д'ота Слезкинъ, Коротковъ и Верещагинъ сѣли со мной въ табельку, какъ подошелъ ко мнѣ старый членъ и землякъ мой по Тверской губерніи, С. Н. К., и попросилъ на нѣсколько словъ. Сергѣй Оболенскій любезно согласился сыграть за меня, а я съ К. отошелъ въ сторону.

— Владиміръ Алексѣевичъ,—таинственно началъ онъ:—вы слышали про скандальную исторію въ прошедшую среду?

— Слышалъ, въ чемъ же дѣло?

— А то, что сегодня баллотируется гусь во сто кратъ хуже. Будетъ стыдъ и срамъ, если этого мошенника допустятъ къ намъ въ члены.

— Кто же такой?

— Инженеръ Ш., — отрѣзалъ К., — и я именно обращаюсь къ вамъ, батюшка, зная, что у васъ здѣсь много друзей и знакомыхъ, а потому, конечно, не допустите такого скандала.

Библиотека "Руниверс"

— Но кто же изъ членовъ предложилъ его?—былъ первый вопросъ мой.

— К., старикъ безспорно почтенный, но уже выжившій изъ ума и никогда не видавшій въ глаза предложеннаго имъ кандидата.

Не имѣя никакого повода не вѣрить К., съ которымъ всѣ въ клубѣ обращались очень дружески, я, не долго думая, бросился по всѣмъ комнатамъ длинной анфилады, отъ инфернальной и бильліардной до чернокнижной и дѣтской включительно, и безъ дальнѣйшихъ объясненій сообщалъ направо и налѣво слѣдующее: «Господа, сегодня баллотируется м... Ш., кладите налѣво!». Обѣжавъ всѣ углы клуба и не встрѣтивъ возраженія, я вернулся къ нашему столу и сѣлъ за карты. Колокольчикъ возвѣстилъ о началѣ баллотировки. Всѣ ринулись въ залу, къ ящикамъ, куда направилась и наша партія, конечно, положившая Ш. черные шары. Вскорѣ затѣмъ старшины приступили къ счету шаровъ, и оказалось: 34 кандидата избранными большинствомъ, а инженерный полковникъ Ш. жестоко забаллотированнымъ, получивъ изъ 276 шаровъ бѣлыхъ только—14. Какъ скоро сталъ извѣстенъ исходъ голосованія, начали собираться кружки, и послышались оживленныя, но и безтолковыя разсужденія: «Какъ? Почему? За что?». Никто не зналъ. Изъ числа наиболѣе возмущенныхъ, болѣе всѣхъ горячился и ораторствовалъ инженеръ полковникъ А. М. Н—инъ и за ужиномъ въ нашемъ кабачкѣ (отдѣльной около столовой комнатѣ) убѣдительно доказывалъ намъ всѣмъ, что Ш. онъ лично, давно и коротко знаетъ, что онъ отличный человѣкъ, честнѣйшій офицеръ и примѣрный отецъ семейства, только что вышелъ изъ старшинъ дворянскаго клуба и съ прекраснѣйшей стороны извѣстенъ самому генералъ-инспектору по инженерной части, великому князю Николаю Николаевичу старшему, а главное какъ перенесетъ онъ теперь этотъ незаслуженный позоръ? По мѣрѣ того, какъ говорилъ Н., въ жилахъ моихъ стыла кровь при догадкѣ, что я по своей горячности и довѣрчивости былъ слѣпымъ орудіемъ гнусной интриги. Рѣзко вскочилъ я и во всеуслышаніе объявилъ пораженному моимъ признаніемъ Н., «что всему случившемуся несчастью виновникъ я, но если противъ воли я впалъ въ ошибку, то клянусь исправить ее, или же самому возвратить билетъ мой», и съ этими словами стремглавъ бросился въ чернокнижную.

Въ этомъ святилищѣ разглагольствованія и празднословія, однако, засѣдали люди, искренно ко мнѣ расположенные и до тонкости компетентные въ премудрыхъ законодательствахъ англійскаго клуба. Первымъ, кого я тамъ увидѣлъ, былъ почтенный И. А. Головкинъ. Разсказавъ ему о случившемся, я пустился на хитрость, увѣривъ его, что я зналъ какого-то полковника Ш., большаго мошенника, а это инженеръ-полковникъ, о чемъ я узналъ только послѣ, и введенъ былъ въ преступное недоразумѣніе и вотъ

Библиотека "Руниверс"

что натворилъ. Это надо во что бы то ни стало исправить: «научите же, уважаемый Ив. Ал., какимъ путемъ оно возможно?». Пока я объяснялъ съ жаромъ грустное происшествіе Головкину, Горчаковъ и другіе окружили насъ и, участливо вникнувъ въ мои горькія жалобы, стали усиленно соображать и взвѣшивать, какимъ образомъ поправить бѣду. Наконецъ, на основаніи моихъ убѣдительныхъ показаній, они общимъ совѣтомъ нашли лазейку, а именно, чтобы я сейчасъ же написалъ заявленіе о происшедшемъ недоразумѣніи съ просьбой о перебаллотировкѣ, лишь по моей ошибкѣ не избраннаго въ члены клуба, инженеръ-полковника. Это заявленіе, не смотря на очень поздній часъ вечера, еще до разъѣзда членовъ изъ клуба, было уже подписано 51 членомъ и тутъ же передано въ комитетъ старшинъ, который на другой же день, въ экстренномъ, никогда небываломъ по подобному случаю, собраніи своемъ, послѣ долгихъ споровъ, пререканій и шумныхъ несогласій, порѣшилъ, однако, постановленіемъ, въ назначенный черезъ три дня срокъ, подвергнуть голосованію общаго собранія гг. членовъ клуба предварительный вопросъ: «Можно ли, по заявленію члена клуба, В. А. Полторацкаго, вопреки основныхъ статей устава клуба, допустить перебаллотированіе кандидата, уже разъ забаллотированнаго?».

По счастливой для меня случайности, М. Н. Лонгиновъ, бывшій членъ коммиссіи по пересмотру устава Московскаго англійскаго клуба, а потому считавшій мельчайшее отступленіе отъ всякаго параграфа устава за святотатство или за личное себѣ оскорбленіе,— въ тотъ памятный день, по причинѣ жабы, сидѣлъ дома и въ клубъ явился только, когда уже постановленіе старшинъ о перебаллотировкѣ было вывѣшено въ залѣ. Лонгиновъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, сталъ шумно протестовать и, обладая отъ рожденія очень развитыми легкими, звонко, но тщетно кричалъ цѣлый день о противозаконіи, а вечеромъ того дня подалъ на допущеніе баллотировки письменный протестъ, но заявленіе его подписали не 51 членъ, какъ то требуется по уставу клуба. Непоколебимо строгій блюститель буквы устава выходилъ изъ себя, кричалъ, агитировалъ, но напрасно: въ назначенный день баллотированіе состоялось и вслѣдствіе моихъ напряженныхъ усилій, а также энергическихъ стараній мнѣ сочувствующихъ членовъ, предложенный вопросъ прошелъ значительнымъ большинствомъ въ утвердительномъ смыслѣ, то-есть постановленіе собранія: «допустить перебаллотировку личности г. Ш.». Примѣръ единственный до тѣхъ поръ въ исторіи Московскаго англійскаго клуба! Ровно недѣлю спустя, инженеръ Ш. былъ избранъ на этотъ разъ громаднымъ большинствомъ бѣлыхъ шаровъ. Я былъ въ восторгѣ и втихомолку подсмѣивался надъ своякомъ моимъ, Мишей Лонгиновымъ. По разслѣдованіи интриги противъ вполнѣ достойнаго человѣка, какимъ ока-

Библиотека "Руниверс"

зался Ш., выяснилось, что онъ, будучи за годъ передъ тѣмъ старшиной дворянскаго клуба, уличилъ и вывелъ на чистую воду одного изъ своихъ сотоварищей, въ явномъ злоупотребленіи общественнымъ имуществомъ. За это-то Ш. и подвергся потомъ преслѣдованію и мести К., какъ закадычнаго друга обвиненнаго. Приписывая мнѣ весь успѣхъ счастливаго исхода, Ш. пріѣхалъ ко мнѣ рекомендоваться и благодарить за благополучное возстановленіе своего имени. Совѣстно было мнѣ принимать эти изліянія, далеко не заслуженныя,—не поддайся я такъ малодушно клеветѣ К., ничего бы не было. Но не такъ посмотрѣло на это все общество, въ глазахъ котораго откровеннымъ признаніемъ и энергичнымъ исправленіемъ ошибки моей я снискалъ среди членовъ клуба общее расположеніе, выразившееся, нѣсколько дней спустя, при избраніи новыхъ четырехъ старшинъ. За очень малымъ исключеніемъ, не было записки, поданной на баллотировкѣ, на которой бы фамилія моя не стояла въ первомъ номерѣ, и громаднымъ большинствомъ я былъ выбранъ въ старшины англійскаго клуба, гдѣ впослѣдствіи и пользовался извѣстнымъ авторитетомъ...

Не такъ счастливо это обошлось К. Въ концѣ того же года апоплексическій ударъ сразилъ его на креслѣ въ библіотекѣ клуба, и онъ мертвый покатился на полъ.

Много другихъ воспоминаній связано у меня съ этимъ сильнымъ традиціями клубомъ, но эта исторія особенно была мнѣ памятна.

Жизнь въ Москвѣ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, снова затянула меня. Встрѣчи съ друзьями, родными и просто съ многочисленными знакомыми поглощали почти все время отпуска. Ѣздилъ и къ Костѣ Тришатному. Не приведи Богъ быть въ подобномъ положеніи. На что сталъ похожъ онъ? И тѣни не осталось въ этомъ злополучномъ существѣ той энергіи и силы воли, которыми нѣсколько лѣтъ назадъ онъ отличался отъ всей прочей братіи на Кавказѣ? Какое существованіе человѣка, недавно еще здороваго и предпріимчиваго, а теперь представляющаго собою пришибленную, безпомощную развалину? Голова Кости была еще свѣжа, и въ глазахъ горѣлъ тотъ же живой огонь, но затѣмъ отъ шеи до пальцевъ на ногахъ все было разбито параличемъ и въ общемъ представляло безсильный чурбанъ, двигать которымъ несчастный уже не могъ безъ помощи постороннаго лица. Но духомъ Тришатный не палъ. Правда, энергія и надежда на исцѣленіе поддерживались въ немъ фантастическими обѣщаніями какого-то англичанина, ручавшагося изъ Лондона возстановить его силы и поставить на ноги за полтораста фунтовъ стерлинговъ. Утопающій хватается за соломинку, и вотъ Костя, не долго размышляя, сколотилъ требуемую сумму и наивно внесъ значительный кушъ этотъ на имя ловкаго мошенника и ежеминутно ожидалъ

Библиотека "Руниверс"

благотворныхъ результатовъ отъ высланныхъ снадобій. Когда на лицѣ моемъ онъ прочелъ безотрадное впечатлѣніе при видѣ его жалкой безпомощности и плохо скрытаго недовѣрія къ обѣщаннымъ чудесамъ, Костя оживленными, какъ въ былыя времена, глазами посмотрѣлъ на меня и весело сказалъ: «Вѣрь мнѣ или не вѣрь, но я твердо убѣжденъ, Владиміръ, что мы съ тобою будемъ еще рядомъ драться въ Турціи».

Обманывалъ ли онъ самъ себя и другихъ, или дѣйствительно увлекался несбыточными надеждами, понять было трудно.

Изъ Москвы съѣздилъ я на короткое время и въ Тверскую губернію, но путешествіе это совершилъ хотя и быстро, но, по совѣсти, безъ великихъ наслажденій. Тяжело при измѣнившихся обстоятельствахъ встрѣчаться со многими людьми, но еще тяжелѣе видѣть дорогія по воспоминаніямъ мѣста въ полномъ и омерзительномъ разореніи. Вообще мало отраднаго видѣлъ я въ Новоторжскомъ уѣздѣ нашемъ. Имѣнія, уцѣлѣвшія отъ продажи съ молотка, доведены до такого безобразно жалкаго вида, что сердце обливалось кровью, когда я проѣзжалъ мимо этихъ скелетовъ безъ плоти, безъ души и признаковъ въ нихъ жизни, такъ живо напоминающихъ, однако, недавнее прошлое.

Отъ Торжка по нашему тракту до Заовражья и далѣе красовались дворянскія усадьбы, совершенно брошенныя, съ проросшими травою крыльцами и пустою надворною постройкой. Вездѣ царило полное затишье, уныніе и нищета. Жалобы на стѣсненіе, на нужду, на полное разореніе, слышались повсемѣстно. Стоны эти раздавались въ опустѣлыхъ хоромахъ бывшихъ богачей такъ же настойчиво, какъ и въ незатѣйливыхъ домахъ помѣщиковъ средней руки и въ хатахъ мелкопомѣстныхъ.

Былъ въ Селиховѣ у Загряжскихъ, въ Торжкѣ у Львовыхъ, даже на охотѣ съ кричанами, около Давыдова. Но было сиверко, вѣтрено и вообще неудачно, такъ какъ пришлось грѣться не выстрѣлами, а полушубками. Вообще на родинѣ моей нашелъ развлеченій мало и столько перемѣнъ во всемъ къ худшему, что безъ сожалѣнія оставилъ тѣ края до лучшихъ временъ.

По возвращеніи въ Москву, захвативъ жену, отправился вновь въ Петербургъ для разъясненія служебныхъ вопросовъ относительно срока возвращенія въ Туркестанъ и вскорѣ извѣщенъ былъ о волѣ высшаго начальства, чтобы я только въ половинѣ февраля явился въ главный штабъ за отправленіемъ, а въ ожиданіи того проживалъ бы, гдѣ вздумается. Конечно, рѣшилъ ѣхать въ Москву опять къ своимъ, куда влекло меня сердце, а также карманъ, очень пострадавшій отъ пріятнаго существованія въ дорогомъ Петербургѣ.

Незадолго до отъѣзда, поздно вечеромъ, меня разбудилъ усиленный стукъ въ двери и чей-то незнакомый голосъ. Я вскочилъ съ постели, отворяю дверь и сталкиваюсь—съ кѣмъ же? Съ Нико-

Библиотека "Руниверс"

лаемъ Щербинскимъ, только наканунѣ пріѣхавшимъ въ Петербургъ прямо изъ Ташкента. Конечно, я засыпалъ его вопросами, но онъ не хотѣлъ мнѣ отвѣчать, выставивъ причиной, что если онъ явился ночью ко мнѣ, то не для того, чтобы глазъ на глазъ толковать о пустякахъ, а съ тѣмъ, чтобы увлечь меня съ собою ужинать въ ресторанъ Вера, гдѣ ожидаетъ насъ наипріятнѣйшая публика. Черезъ пять минутъ въ отдѣльномъ кабинетѣ отеля я уже возсѣдалъ среди милаго общества Литке, Боборыкина, барона Корфа и главнаго запѣвалы Коли Щербинскаго.

Шампанское развязало языки, и я по требованію всѣхъ членовъ компаніи вынужденъ былъ разсказать во всѣхъ подробностяхъ Шахризябскую экспедицію, о результатахъ которой дошло мое сообщеніе Абрамову въ Самаркандъ наканунѣ выѣзда оттуда Щербинскаго. Почему-то это увѣдомленіе мое оказало неожиданное дѣйствіе, такъ какъ нѣкоторые допускали мысль, что по пріѣздѣ въ Петербургъ я критически отнесусь къ совершенной экспедиціи и постараюсь умалить всѣ заслуги отряда, а потому извѣстіе, сообщенное мною съ разрѣшенія Милютина, въ день моего представленія государю, о высочайше дарованныхъ наградахъ, а именно: Абрамову—Георгія 3-й степени, Троцкому—чина генералъ-маіора съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ, Михайловскому—Владиміра 3-й степени съ мечами, Соковнину—золотого оружія «за храбрость», Соболеву и Раевскому—Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ,—произвело отрадное впечатлѣніе на всѣхъ участниковъ китабскаго штурма. Одинъ бѣдняга Соковнинъ не испыталъ пріятнаго удовлетворенія давнишней мечты своей, закрывъ на вѣки глаза за нѣсколько дней до полученія моего поздравленія.

1870 годъ, начавшійся для меня въ Москвѣ, на Прѣснѣ, въ тревожныхъ сборахъ и ожиданіяхъ тяжелаго путешествія въ Среднюю Азію, по волѣ судебъ истекалъ теперь здѣсь же, на Прѣснѣ, при самыхъ мирныхъ и спокойныхъ условіяхъ семейной жизни.

Новый 1871 годъ подкрался такъ тихо и незамѣтно, что не вѣрилось даже и прибавившейся цифрѣ нашего жизненнаго лѣтосчисленія. Наученный опытомъ тяжкой разлуки съ дорогимъ моему сердцу семействомъ, я теперь всячески старался, въ счетъ будущихъ временъ, насладиться счастьемъ быть среди него, тѣмъ болѣе, что нельзя было вновь увлекаться мечтой о новой сюда командировкѣ изъ степей туркестанскихъ.

Въ Петербургѣ меня продержали не два, три дня, какъ я разсчитывалъ, а цѣлыхъ двѣнадцать, и, наконецъ, вручили мнѣ депеши къ К. П. Кауфману, которыя, по заявленію графа Гейдена и Д. А. Милютина, я долженъ былъ доставить не позже 1-го апрѣля. Итакъ, въ началѣ марта я могъ уже пуститься съ Богомъ въ путь-дороженьку.

Три мѣсяца, почти безвыѣздно проведенные мною въ Москвѣ

Библиотека "Руниверс"

(исключая послѣдней поѣздки въ Петербургъ), при маломъ разнообразіи моего здѣсь образа жизни пролетѣли, однако, незамѣтно. 4-го марта я выѣхалъ изъ Москвы по прежнему тракту на Нижній, Самару и проч. Въ трое почти сутокъ путешествія отъ Нижняго до Симбирска я весь распухъ. Глаза, какъ жалкія щели, ничего не видѣли, а лицо горѣло страшно. Ничего похожаго на такую дорогу я никогда не видалъ: зимой снѣга были огромные и ими занесены высокіе дома и строенія, а послѣднія пурги преобразили массы снѣга въ гигантскія глыбы, по которымъ и влекли безъ разбора и всякаго милосердія мои бренныя кости. Къ тому же, вѣроятно, на желѣзной дорогѣ я простудилъ себѣ лѣвое плечо и вскрикивалъ при каждомъ ухабѣ. Отъ Симбирска боли такъ усилились, что меня уже почти безъ чувствъ ямщики съ Вавилой вынимали изъ саней. Послѣдній къ Самарѣ перегонъ ночью, гдѣ три раза переправляли насъ черезъ Волгу съ провожатыми, вооруженными шестами, топорами и баграми, при сильномъ вѣтрѣ и порядочномъ морозѣ, довершилъ переиспытанныя истязанія. Меня на рукахъ втащили въ гостинницу, положили на кровать, и я не зналъ, какъ дождаться утра и прихода доктора. Нѣсколько дней я пролежалъ въ Самарѣ и былъ на волосокъ отъ сильнѣйшаго воспаленія легкихъ. Вотъ тебѣ и курьеръ! Но, хвала Господня, кровохарканье прекратилось, жаръ уменьшился, и я могъ продолжать свой путь. Милѣйшій докторъ, Рашмиковичъ, не хотѣлъ вѣрить въ такой крѣпкій организмъ. «Неужели вы полагаете, что у васъ была простая простуда? Припомните и сознайтесь, что недавно васъ потрясъ нравственный ударъ». «Ихъ было очень много, докторъ, но всѣ они болѣе или менѣе ожиданные при этихъ толчкахъ и ухабахъ»,—смѣясь отвѣчалъ я. Какъ бы то ни было, а видоизмѣненіе къ лучшему произошло такъ быстро, что я рѣшилъ ѣхать. Наканунѣ еще мой пріятель Романовъ настаивалъ на отправленіи депеши военному министру съ вопросомъ, кому прикажетъ онъ передать мои бумаги для дальнѣйшаго съ ними слѣдованія въ Туркестанъ. Какъ водится, русскій человѣкъ и тутъ оказался не безъ родни. Кого же я здѣсь встрѣтилъ? Левшина, cousin'а Софьи, бывшаго чиновника особыхъ порученій при Кауфманѣ въ Вильнѣ. Онъ былъ теперь женатъ на Шаухфусъ, сестрѣ нашего туркестанскаго героя, и состоялъ вице-губернаторомъ города Самары.

По свѣдѣніямъ прибывшей почты, зимній путь лежалъ до самой Казалы, надо было пользоваться; но уже за Иргизомъ (уральское укрѣпленіе) снѣгъ сталъ таять, образуя зажоры и наводняя всѣ рѣченки степи. Невинныхъ шалостей киргизъ-хивинцевъ въ степи еще не было, но ихъ ожидали въ большихъ размѣрахъ, какъ только сойдетъ снѣгъ. Уѣздный начальникъ иргизскаго района разсказывалъ мнѣ о настроеніи этихъ сыновъ степей, а также о томъ, что хивинскій ханъ вполнѣ убѣжденъ въ своей безнаказанности. Со

Библиотека "Руниверс"

времени несчастнаго похода въ Хиву графа Перовскаго протекло уже болѣе 40 лѣтъ, а между тѣмъ до сихъ поръ много крови русской пролито хивинскими хищниками, держащими постоянно весь Казалинскій трактъ въ тревожномъ положеніи. Мы застряли на той именно станціи, гдѣ въ прошломъ году осенью хищники вырѣзали людей, разбили караванъ и угнали лошадей, едва не захвативъ Озерова. Теперь же, пока въ поляхъ снѣгъ и вода и нѣтъ подножнаго корма,—они не опасны. Хуже всего, что запасы стали истощаться, а между тѣмъ станціи попадались все бѣднѣе и пустыннѣе. Что представляла тогда, напримѣръ, станція Катай-Куль? Среди необъятной степи разбита была дырявая джаломейка, гдѣ помѣщались грязные киргизы, а рядомъ что-то въ родѣ землянки, безъ оконъ, пола и настоящихъ дверей—для гг. проѣзжающихъ. Въ ней, конечно, было сыро, темно и гадко; бездна мышей, сороконожекъ и всякихъ гадовъ. Должность станціонныхъ смотрителей возложена здѣсь на грамотныхъ урядниковъ оренбургскаго казачьяго войска, приставленныхъ къ каждой станціи съ двумя рядовыми казаками для наблюденія за порядкомъ и точнымъ исполненіемъ киргизами законныхъ требованій злополучныхъ проѣзжающихъ. Но за жалованьемъ и провіантомъ они отправлялись въ ближайшіе города; такъ случилось и на сей разъ. Казаки, не имѣя къ предстоящему празднику Пасхи куска хлѣба, ринулись въ укрѣпленіе Иргизское, предоставивъ насъ произволу дикарей ямщиковъ-киргизовъ, столько же понимающихъ законы и требованія наши, какъ мы ихъ нарѣчіе и мимику. Довольно сказать, что живутъ они въ сосѣдствѣ съ кусками кроваваго мяса, развѣшаннаго для копченія, и все лошадинаго; вонь и смрадъ, конечно, сильнѣйшіе.

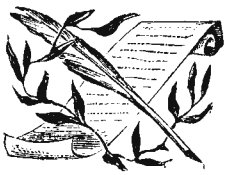
Подробности же встрѣчи мною торжественной минуты Свѣтлаго воскресенья довольно любопытны. Среди безконечной степи, на берегу бурлившаго ручья Аксая, расположился весь таборъ нашъ въ составѣ 10 человѣкъ (четверыхъ насъ, почтальона съ казакомъ, двухъ киргизовъ-ямщиковъ и двухъ лаучей, т. е. верблюдовожатыхъ), 7 клячъ и 6 верблюдовъ съ тарантасомъ, почтой и вьюками. Еще засвѣтло изъ двухъ тюковъ я соорудилъ столъ, покрылъ его чистой скатертью и, да проститъ меня Богъ, выставилъ на него единственный штофъ съ водкой и всѣ имѣющіеся консервы. Затѣмъ, мы усѣлись всѣ у костра и ожидали въ тишинѣ и молчаніи наступленія полуночи. Ровно въ 12 часовъ произвели мы пальбу изъ всѣхъ наличныхъ ружей, послѣ чего я поздравилъ всѣхъ съ праздникомъ и перехристосовался съ православными. У насъ не было пасхи, кулича и красныхъ яицъ, не было даже кусочка хлѣба, но за то можно смѣло поручиться, что никто въ Киргизской степи, на берегу Аксая, никогда не вкушалъ патефуагра съ трюфелемъ, дупеля съ шампиньонами и зеленаго горошка...

Библиотека "Руниверс"

Ночью въ Аксаѣ вода спала, и на утренней зарѣ мы переправили сначала верблюдовъ, а потомъ перетащили на канатѣ и тарантасъ, чуть-чуть не залитый водой. На станціи же Джаловлы, о ужасъ, новый ручей, бушующій и стремящійся, чуть ли не страшнѣе самой Волги. Опять остановка, ночлегъ въ изорванной кибиткѣ и проч., но хуже всего—недостатокъ хлѣба. Полнаго голода еще не было, до границы туркестанской оставалось еще 48 верстъ, а между тѣмъ весь запасъ хлѣба, рыбы, соли, сахара истощился совершенно. По случаю распутицы не было проѣзда; смѣшно сказать, отъ Нижняго до станціи Джаловлы (кромѣ двухъ почтъ) я не встрѣтилъ ни одной души изъ Ташкента и ничего не зналъ о новостяхъ туркестанскихъ; къ тому же за неимѣніемъ лошадей я все время, по курьерской подорожной, тащился на верблюдахъ. Подъ самымъ Казалинскомъ необычайный разливъ арыковъ, затопившій на нѣсколько верстъ мѣстность, сдѣлалъ перевозку экипажей невозможной, и пришлось продолжать путешествіе верхомъ по морю, яко по суху. Но зато встрѣтилъ Дмитровскаго и Соболева. Съ жадностью голоднаго волка набросился я на предложенный первымъ ужинъ, такъ какъ у меня въ теченіе восьми сутокъ не было во рту хлѣба, и пятый день я уже не пилъ чая. Хорошаго было мало слышно изъ Ташкента. Соболевъ покидалъ край совершенно, Дмитровскій также только о томъ и мечталъ.

В. А. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1].

XXII.

Ташкентъ. — Раздоры сосѣдей. — Статьи «Московскихъ Вѣдомостей» о необходимости похода въ Хиву.—Экспедиція въ Кульджу.—Слѣдствіе о нападеніи на Аракъ-су. — Назначеніе мое слѣдователемъ о безпорядкахъ въ 7-й уральской сотнѣ.—Чиназъ.—Охота на фазановъ, разсказы Бизилюка о тиграхъ.—Окончаніе слѣдствія.—Приготовленія къ пріѣзду кокандскаго наслѣднаго принца и его пріемъ.—Извѣстія о смерти Софьи Борисовны и Александра Ѳедоровича Полторацкихъ.—Болѣзнь и кончина Н. А. Милютина.—Толки о Кашгарѣ.—Военно-судная комиссія въ Ходжентѣ.—Приговоръ и его послѣдствія.—Отъѣздъ Кауфмана въ Петербургъ; проводы его. — Катастрофа въ семействѣ Михайлова. — Слухи о Хивѣ.—Кончина П. Д. Киселева.

СЕМУ НА СВѢТѢ бываетъ конецъ, наступилъ онъ и моему путешествію. 18-го апрѣля, послѣ 45-ти дневныхъ испытаній и мукъ, въѣхалъ я, наконецъ, въ Ташкентъ. Подъѣзжая къ цѣли моего странствованія, я испытывалъ разнородныя и сильныя ощущенія, такъ какъ по пути изъ Казалинска, а въ особенности въ фортѣ Перовскомъ, мнѣ за достовѣрное сообщали о выступленіи Кауфмана съ отрядомъ къ Бухарѣ, и мнѣ слѣдовательно предстояло догнать его на походѣ. На дѣлѣ же выяснилось, что движеніе отряда пріостановлено, хотя дѣйствительно всѣ приготовле-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 773.

Библиотека "Руниверс"

нія даже въ большихъ размѣрахъ, уже были сдѣланы, и день выступленія былъ назначенъ. Но изъ Петербурга пріостановили желаемый всею братіей нашей походъ, впрочемъ, не надолго.

Кауфманъ же съ семействомъ выѣхалъ въ Самаркандъ, куда я въ тотъ же вечеръ направился и, къ счастью, нагналъ его въ городѣ Чиназѣ (65 верстъ отъ Ташкента). Встрѣча и пріемъ были самые любезные, но содержаніе привезенныхъ бумагъ заключало veto и не могло быть особенно пріятно. Политическія дѣла у сосѣдей такъ запутались, тамъ были такія смуты и даже междоусобныя рѣзни, что К. П., безъ сомнѣнія, могъ быть поставленъ въ крайнюю необходимость дѣйствовать рѣшительно. Ясно, что за 4.000 верстъ трудно направлять и управлять въ Средней Азіи, гдѣ вся политика зависѣла отъ минутныхъ и случайныхъ внезапностей. Я проводилъ все семейство Кауфмана по ту сторону Сыръ-Дарьи и, тамъ распростившись съ нимъ недѣли на двѣ, вернулся въ Ташкентъ. Здѣсь я поселился въ домѣ Струве, уѣхавшаго посломъ къ эмиру Бухарскому, у котораго возникли большіе безпорядки, и серьезно занялся лѣченіемъ больной ноги моей. По вечерамъ заходили друзья-пріятели: Озеровъ, Урусовъ, Щербинскій, Голицынъ, Польманъ, Татариновъ, Адеркасъ, Яфимовичъ, Дитмаръ и, наконецъ, Троцкій, шахризябскій генералъ, съ которымъ всячески старались меня разссорить, но безуспѣшно. Послѣ курьеровъ, Дитмара и Щербинскаго, недавно вернувшихся, прискакалъ изъ Петербурга на двадцатый день нашъ здѣшній офицеръ, Транзей. Онъ на лету сообщилъ очень пріятныя вѣсти о разрѣшеніи похода въ Хиву и самъ пустился далѣе въ Самаркандъ къ Кауфману. Но вернулся и Константинъ Петровичъ, а про Хиву стало извѣстно, что хотя походъ и разрѣшенъ изъ Петербурга, но лишь къ веснѣ будущаго 1872 года. У сосѣдей же нашихъ, бухарцевъ и коканцевъ, господствовали раздоры и внутренніе безпорядки, но мы вмѣшательства своего имъ не предлагали. О поѣздкѣ Кауфмана въ Петербургъ не было и намека. Между тѣмъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» снова распинались насчетъ средне-азіатскаго вопроса вообще и Хивы въ особенности. Все, что касалось приготовленій нашихъ къ походу въ гости къ хану, была сущая правда, равно какъ и доводы газеты о дерзости Хивы, превосходящей всякія границы, но оказывающейся на дѣлѣ недостаточно сильною истощить наше долготерпѣніе. Горьше всего то, что когда Катковъ расточался въ воинственныхъ приготовленіяхъ и поражалъ Хиву пылкимъ воображеніемъ, мы сидѣли въ полномъ бездѣйствіи, на мели. Впрочемъ, въ Семирѣченской области, на китайской границѣ, начались военныя дѣйствія по направленію къ Кульджѣ. Всѣ наши съ завистью смотрѣли въ ту сторону, но еще никому не удалось быть туда назначеннымъ. Итакъ «Московскія Вѣдомости» въ общихъ чертахъ выражали дѣйствительное положеніе наше въ Средней Азіи, но, кромѣ того, вда-

Библиотека "Руниверс"

вались въ частности и различныя предположенія. На чемъ, напримѣръ, газета основывала слухъ о назначеніи Кауфмана товарищемъ военнаго министра и о замѣщеніи его, по слухамъ, генераломъ Мещериновымъ?

Что касается лично меня, то общественное положеніе мое было здѣсь прекрасное, а на служебное я пока не жаловался особенно, такъ какъ всѣ благомыслящіе люди проводили убѣжденіе, что въ мирное время въ Туркестанѣ самое дѣльное — ничего не дѣлать. Но шутки въ сторону: желать-то было сейчасъ нечего. Въ Каты-Курганъ назначили другого, а въ Самаркандѣ остался прежній начальникъ уѣзда, Сѣровъ. Итакъ, приходилось выжидать.

Въ городѣ же ходили животрепещущіе слухи: изъ Семирѣчья получены донесенія отъ Колпаковскаго, имѣвшаго въ отрядѣ своемъ блистательное дѣло, вслѣдствіе котораго султанъ (какой? никто еще не зналъ) сдалъ генералу нашему Кульджу и самого себя на великодушіе Бѣлаго царя. Цѣль экспедиціи достигнута, но, увы, безъ нашего участія! Опять распущены были слухи о назначеніи Кауфмана въ Одессу, о неудовольствіи между нимъ и Рейтерномъ (министромъ финансовъ) по поводу преждевременной затраты на покупку провіанта для неосуществившагося похода въ Хиву и т. д. и т. д. Толкамъ не было конца. Уже назначали всѣхъ въ его свиту, но положительнаго все еще никто не зналъ. Отъ насъ въ Петербургъ поскакали курьеры. Одинъ повезъ передовое, а другой подробное донесеніе о взятіи Кульджи. Слухи о назначеніи Константина Петровича затихли и потянулись опять нескончаемые дни. Но, Боже, какая стояла жара! Какая неодолимая тоска! У меня сдѣлался сплинъ. Не похожъ климатъ Туркестана на туманный Великобританіи, а у русскаго здѣсь зачастую появляется англійскій недугъ... Часы тянутся страшно долго, вечера не дождешься, солнце все высоко и палитъ немилосердно. Съ заходомъ солнца оживаешь. Сидишь на балконѣ передъ густымъ фруктовымъ садомъ, гдѣ въ концѣ течетъ Басу. За нимъ сартскій огородъ, откуда долетаютъ пронзительные призывные крики моэзина на молитву всѣхъ правовѣрныхъ, а въ то же время почти рядомъ раздаются звуки безбожной сартской музыки, въ которой все заглушаетъ барабанъ; она сзываетъ жителей-любителей на развратнѣйшую тамашу съ бачами. Въ воздухѣ слышны крики аистовъ, разныхъ птицъ и массы въ арыкахъ лягушекъ, а возлѣ самаго лица цѣлый рой злѣйшихъ мухъ и всевозможныхъ насѣкомыхъ, не дающихъ покоя.

Но какъ дивно хороша здѣсь ночь. Послѣ томительной денной жары въ сумерки на землю ложится мгла. Пыль, стоявшая съ утра въ воздухѣ, тихо опускается, какъ бы на отдыхъ. Луна съ миріадами звѣздъ ярче и несравненно свѣтлѣе здѣсь, чѣмъ въ нашей неприглядной полосѣ Россіи. Ни одинъ листокъ не шелохнется, въ воздухѣ глубокая тишина, оживленная однѣми птицами и насѣко-

Библиотека "Руниверс"

мыми, которыя, натерпѣвшись страшнаго зноя, спѣшатъ надышаться прохладой. Какъ солнце, такъ и луна кажутся здѣсь ближе къ человѣку, звѣзды крупнѣе и несравненно блестящѣе. Одна Большая Медвѣдица тусклѣе другихъ, а на нее-то по ночамъ и гляжу я: она указываетъ направленіе, по которому летятъ мои думы. Полярная звѣзда недвижимо стоитъ на небосклонѣ, и любуясь ею, невольно вздохнешь, задавая себѣ тысячу вопросовъ все на одну и ту же тему... Отчего же въ эту торжественную минуту сознанія всемогущества Великаго Создателя еще болѣе чувствуешь свое ничтожество? Отчего презираешь себя болѣе, чѣмъ вчера, и будешь презирать завтра? Почему отчетливѣе и рельефнѣе выдаются всѣ заблужденія, и въ глубинѣ самого себя будто слышишь ревъ и стонъ угрызеній совѣсти и раскаянія? А надолго ли? Не дѣйствіе ли это мимолетнаго очарованія на впечатлительную натуру, способную снова поддаться соблазну и заблужденіямъ?

Жизнь шла своимъ чередомъ. 5-го іюня отпраздновалъ я день Чолокскаго сраженія и 15-тилѣтіе моей свадьбы, а вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ же случаемъ воспользовался пожелать всякихъ благъ, прямо отъ меня отъѣзжающему въ Семирѣчье, Щербинскому. Независимо отъ его умственныхъ способностей, нельзя не признать за нимъ и душевныхъ качествъ. У него есть сердце, чувства и милѣйшій нравъ, что̀ дало поводъ прозвать его l'homme le plus aimable de l'Asie. Кромѣ него, обѣдали у меня Озеровъ, Урусовъ, Дитмаръ, Троцкій, Татариновъ, Осиповъ, Фанъ-деръ-Флитъ и Чайковскій, маіоръ, очень умный и пріятный. На окраинахъ сходишься скорѣе, и отношенія становятся простыми и задушевными.

Вскорѣ затѣмъ былъ вечеръ у Кауфмана. Вернулся и Струве изъ Бухары, очень довольный пріемомъ эмира и всего народа. Сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что ханъ Коканскій желаетъ пріобрѣсть карету, и онъ указалъ ему на меня, какъ единственнаго обладателя таковой. Я очень былъ этому радъ, и надо признаться не очень-то пожалѣлъ казну повелителя Кокана, такъ какъ продалъ ее, т. е. карету, чрезъ хакима довѣреннаго его Мирзы, за 1.070 рублей. Была еще интересная для меня новость, а именно: назначеніе Экельна, моего товарища по корпусу и частью по Кавказу. Въ послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ въ февралѣ, на обѣдѣ въ честь барона А. Х. Врангеля, въ Петербургѣ. Экельнъ—честный и умный господинъ. Кауфманъ на переводъ его сюда изъявилъ свое согласіе, что̀, кажется, не всѣмъ здѣшнимъ по вкусу, такъ какъ свѣтлая голова Экельна могла быть помѣхой... Не даромъ еще пажомъ онъ считался умницей и никогда ногой не сморкался.

Съ почтой получилъ я грустное извѣстіе: Боренька скончался. Царство ему небесное! Иванъ Петровичъ Борисовъ былъ изъ рѣдкихъ людей по теплотѣ душевной и образцовой честности. Вотъ еще однимъ искреннимъ пріятелемъ и сотоварищемъ въ бояхъ

Библиотека "Руниверс"

меньше. Грустно и тяжело! На ряду съ этимъ печальнымъ сообщеніемъ—телеграмма изъ Вѣрнаго:

«Поздравляю съ ангеломъ. Пью здоровье. Пришлите льду. 18-го въѣздъ султана—почетный караулъ. Лимоны всѣ. Привѣтъ друзьямъ. Пишите. Щербинскій». Подпись была излишняя, такъ какъ авторомъ и такъ можно было признать одного Колю Щербинскаго.

К. П. Кауфманъ также уѣхалъ въ Семирѣченскую область, а оттуда въ Кульджу и предполагалъ вернуться лишь черезъ шесть недѣль. Передъ своимъ отъѣздомъ Константинъ Петровичъ далъ мнѣ довольно хлопотливое порученіе провѣрить наличныхъ людей въ артиллеріи ташкентской. Занятіе далеко не развлекательное, и не того хотѣлось мнѣ.

Полковникъ Колзаковъ, который съ бухарскимъ посольствомъ привозилъ въ 1869 году старшаго сына эмира въ Петербургъ, тоже уѣхалъ теперь въ Бухару съ выраженіемъ чувствъ прискорбнаго соболѣзнованія генералъ-губернатора по случаю горестной кончины этого самаго наслѣдника Бухарскаго царства. Вкусивъ преждевременно всѣхъ благъ земныхъ, принцъ захилѣлъ и, не смотря на помощь отправленнаго къ нему изъ Самарканда доктора, переселился къ высокостепеннымъ праотцамъ своимъ, не испытавъ наслажденія возложить на главу свою самой значительной короны въ Средней Азіи. Онъ былъ любимый сынъ эмира, и тотъ, говорятъ, въ отчаяніи.

А тутъ еще общество находилось въ напряженномъ нетерпѣніи: Кауфмана нѣтъ, онъ въ Кульджѣ, а изъ Петербурга прискакалъ курьеръ съ важными бумагами, за нимъ другой изъ Орска, крайняго у насъ тогда пункта телеграфнаго сообщенія, съ депешей шифрованной отъ военнаго министра, ключъ отъ которой хранился у Кауфмана.

Оба курьера немедленно отправлены вслѣдъ, но намъ пока ничего не было извѣстно. Кромѣ загадочныхъ извѣстій этихъ, съ 1-го на 2-е августа, случилась слѣдующая катастрофа: въ означенную ночь партія неизвѣстныхъ хищниковъ, въ числѣ болѣе ста человѣкъ, сдѣлала открытое нападеніе на станцію Аракъ-су, въ 25-ти верстахъ отъ Ташкента, по Ходжентской дорогѣ, разгромила селеніе и самую станцію, сожгла всѣ строенія и, перебивъ казаковъ, убила проѣзжающаго этимъ трактомъ офицера, конечно, при этомъ угнавъ всѣхъ почтовыхъ и казачьихъ лошадей. И гдѣ же это? Недалеко отъ Ташкента, среди мѣстности, густо населенной и кипящей проѣзжимъ людомъ, въ самомъ центрѣ округа и очень не близко отъ границъ сосѣднихъ владѣній. Вотъ плоды нашего миролюбія. Теперь мы лишены были права трунить надъ распоряженіями Крыжановскаго въ его неизмѣримыхъ степяхъ оренбургскихъ, надъ грабежами и насиліями. Послѣднее происшествіе въ Аракъ-су почище разгромленія киргизами въ степяхъ нѣсколь-

Библиотека "Руниверс"

кихъ карауловъ. Въ Ташкентѣ всѣ переполошились, но въ сущности опасности жителямъ не грозило никакой, такъ какъ хищники, накуралесивъ въ Аракъ-су, сейчасъ же дали тягу; за ними бросились въ погоню и поймали 22 человѣка, слѣдовательно, открыты будутъ и другіе. Но нравственное вліяніе подобной продѣлки въ центрѣ народонаселенія не могло не имѣть вредныхъ послѣдствій, хотя и назначено было строжайшее слѣдствіе.

По странному совпаденію случайностей, въ ту самую ночь, когда господа джигиты эти «шалили» въ Аракъ-су, въ 15-ти верстахъ за рѣкой Черчикомъ, я былъ недалеко отъ нихъ (такъ же по ту сторону рѣки), гдѣ ночевалъ въ степи съ Вавилой, Кузьмой, солдатикомъ, и Аннонсомъ. Мы выѣхали на охоту и спокойно провели двѣ ночи подъ открытымъ небомъ, даже видѣли верстахъ въ восьми отъ насъ пожаръ и зарево, никакъ не подозрѣвая, что такъ близко совершалось кровопролитіе.

Полевыя мѣста были хорошія, фазанные выводки крупные; Аннонсъ велъ себя отлично, и вообще охота была удачная, но жара невыносимая. Изъ 19-ти убитыхъ фазановъ мы домой могли привезти только восемь, а остальныхъ, какъ совершенно негодныхъ, бросили.

Въ Ташкентѣ всѣ начальники частей были въ суетѣ и тревогѣ, въ ожиданіи пріѣзда свиты его величества генерала Брандта, командированнаго по высочайшему повелѣнію инспектировать войска туркестанскія. Шифръ государя на эполетахъ имѣлъ здѣсь, на окраинѣ Россіи, магическое значеніе, а потому появленіе его ожидалось многими съ трепетомъ и волненіемъ. И не удивительно. А ну, какъ пронюхаетъ онъ то-то, и то-то?!.. Въ Семирѣчьи со взятіемъ, вѣрнѣе сказать, съ занятіемъ Кульджи воинственные порывы не угомонились. Тамъ предполагался, по инструкціи изъ Петербурга, длинный и трудный походъ черезъ горные и снѣжные перевалы, за 850 верстъ далѣе Кульджи. Ходили, впрочемъ, слухи, что на нынѣшній годъ диверсія эта отложена, и будто бы по этому поводу остановлены наступательныя дѣйствія семипалатинскаго губернатора, Владиміра Александровича Полторацкаго, уже выступившаго было съ своими боевыми силами, и даже за 500 верстъ отъ своей резиденціи, для совмѣстнаго дѣйствія съ войсками Туркестана и Восточной Сибири. Если свѣдѣнія эти были справедливы, то и кузену моему пріятно вѣрно было получить приглашеніе: Kommen Sie nach Hause.

Строжайшее слѣдствіе о предательскомъ нападеніи на станцію Аракъ-су, произведенное на мѣстѣ преступленія, выяснило, что вся шайка состояла изъ нашихъ киргизовъ здѣшняго уѣзда (Курашинскаго), а предводителемъ ея—бывшій волостной старшина, смѣненный съ должности. Накуралесивъ досыта, разбойники бросились «до ляса»; нѣкоторыхъ поймали, а прочимъ удалось разсѣяться

Библиотека "Руниверс"

и, конечно, въ числѣ ихъ и атаману, бѣжавшему въ Коканъ. Но тамъ царилъ Худояръ-ханъ, котораго такъ рельефно выставилъ Катковъ въ качествѣ страшнаго деспота и изверга для своего народа, не зная, что этотъ кровопійца и тиранъ относительно русскаго правительства оказался совершенной овцой и при томъ овцой паршивой. Ровно годъ назадъ, по взятіи Шахризябса, когда Джура-бей и Бабабей бѣжали въ Коканскія владѣнія, онъ, Худояръ-ханъ, не задумался, вопреки свято чтимаго на всемъ Востокѣ гостепріимства, связать ихъ и представить на благоусмотрѣніе нашего генералъ-губернатора. Вотъ подвигъ прославленнаго газетами рыцаря безъ страха и упрека.

Петербургская почта многимъ принесла радостныя извѣстія: Струве, напримѣръ, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вышли награды и за искутское дѣло, т. е. ученую экспедицію, въ іюлѣ прошлаго года совершенную въ горахъ Абрамовымъ. Ему за нее дали орденъ Анны 1-й степени, а въ числѣ другихъ и мой старый сотоварищъ по Кавказу, баронъ Ренне, наконецъ-то добился густыхъ эполетъ. Ожидались производства и ордена, по общему представленію, за Шахризябсъ. Второй годъ участвовавшіе въ этой экспедиціи, въ томъ числѣ и раненые, ожидали обѣщанныхъ вознагражденій.

Въ началѣ сентября курьеромъ по высочайшему повелѣнію прибылъ генеральнаго штаба полковникъ Шепелевъ. Онъ много разсказывалъ интереснаго и, между прочимъ, о полномъ торжествѣ Константина Петровича по поводу возникшаго недоразумѣнія съ министромъ финансовъ. Его величество вполнѣ оправдалъ всѣ дѣйствія туркестанскаго генералъ-губернатора.

Съ пріѣздомъ Кауфмана въ Ташкентъ опять все вступило въ старую колею: начались выходы, парады и проч. Опять со стороны Абрамова начались усиленныя приглашенія меня къ переселенію въ Самаркандъ для командованія однимъ изъ батальоновъ, расположенныхъ въ его Заравшанскомъ округѣ, но я все еще не поддавался, такъ какъ не было вѣдь гарантіи, чтобы намѣченный для меня батальонъ принялъ непремѣнное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Къ тому же, ознакомившись теперь съ нравами, обычаями и принципами нашего милаго края, я проникся убѣжденіемъ, что нигдѣ, какъ здѣсь, такъ не вѣрна аксіома: que les absents ont toujours tort! И стоитъ только скрыться съ глазъ всесильнаго начальства, какъ моментально добрые друзья-пріятели, по выраженію Миши Лонгинова, «свинью подвалятъ». Примѣръ у меня уже былъ на лицо послѣ восьми-мѣсячнаго моего отсюда отсутствія. Не безъ труда пришлось мнѣ разрушать зданіе козней и интригъ, обязательно и довольно искусно возведенное противъ меня дѣятельными доброжелателями. Правда, что въ минуту распаденія этого фантастиче-

Библиотека "Руниверс"

скаго зданія направленные въ меня каменья большею частью полетѣли въ самихъ строителей и иного изъ нихъ больненько контузили, прямо въ лобъ, на память, но вѣдь не всегда можно было разсчитывать на подобный исходъ.

Вскорѣ затѣмъ я получилъ непріятное порученіе произвести строжайшее слѣдствіе о бунтѣ въ 7-й уральской казачьей сотнѣ. По этому случаю представлялся командующему войсками округа, объявившему мнѣ приказаніе отправляться въ крѣпость Дзюзакъ, за 200 верстъ отъ Ташкента, по дорогѣ къ Самарканду. Тамъ расположена была 7-я сотня уральцевъ, оказавшихъ неповиновеніе и явное возмущеніе противъ своего сотеннаго командира. Происшествіе это случилось 7-го мая, но по ошибкѣ командовавшаго въ то время кавалеріей, не донесшаго о немъ своевременно по начальству, изслѣдовано было домашнимъ путемъ, обнаружившимъ, къ сожалѣнію, преступленіе казаковъ несравненно въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ ожидалъ полковникъ Яфимовичъ. Дѣло разгорѣлось и въ глазахъ высшихъ властей приняло видъ и форму бунта, для пресѣченія котораго подлежало нѣсколько человѣкъ разстрѣлу. Само собою разумѣется, дознаніе истины и степени виновности требовали тщательнаго разслѣдованія этого несчастнаго происшествія, исходъ котораго грозилъ лишеніемъ человѣческихъ жизней. Мало знакомый съ формализмомъ предстоящаго слѣдствія, я рапортомъ просилъ себѣ въ помощь дѣлопроизводителя. Бѣдствовать же на этомъ бивуакѣ Голодной степи, по мнѣнію «спеціалистовъ каверзныхъ дѣлъ», мнѣ предстояло не менѣе мѣсяца.

И вотъ я оставилъ Ташкентъ и бросилъ якорь въ Чиназѣ, на берегу Сыръ-Дарьи и Черчика. Въ ожиданіи аудитора, а главное самой 7-й уральской сотни, которая, къ моему прискорбію, недавно выступила отсюда въ Голодную степь для конвоированія транспортовъ, этаповъ, почтъ, курьеровъ и проч., я съ Вавилой посвятилъ свободное пока время охотѣ на фазановъ, о которыхъ мнѣ въ Ташкентѣ гораздо болѣе прокричали, чѣмъ оказалось на дѣлѣ. Но прежде чѣмъ приступить къ этой экскурсіи, мнѣ необходимо было пріискать охотника изъ мѣстныхъ жителей, знакомаго съ окрестностями Чиназа. Въ этомъ любезно помогъ мнѣ батарейный командиръ и комендантъ крѣпости, Бураковъ. Только успѣлъ я расположиться на отведенной мнѣ квартирѣ, въ поселеніи крѣпости, немного разобраться и проглотить два стакана чая, какъ Вавила ввелъ ко мнѣ одного изъ охотниковъ. Безсрочно-отпускной изъ 1-го стрѣлковаго батальона, средняго роста, коренастый, пожилыхъ лѣтъ солдатъ этотъ носилъ на своей физіономіи отпечатокъ всего пройденнаго и переиспытаннаго имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, подъ знойными лучами палящаго туркестанскаго солнца, а глубокій шрамъ на лѣвой щекѣ свидѣтельствовалъ о его боевой службѣ, не при обозѣ, а въ числѣ охотниковъ на штурмъ Ура-Тюбе. По ста-

Библиотека "Руниверс"

рой привычкѣ, вытянувшись въ струнку, старый служивый отрапортовалъ, что требуемый товарищъ его въ отлучкѣ, а онъ, Ѳома Бизилюкъ, по приказу отъ начальства, честь имѣетъ явиться. Разспросивъ его о ближайшей мѣстности для полеванія на фазановъ и наслушавшись отъ него съ три короба разсказовъ о всякой здѣсь дичи, мы условились на будущее (причемъ Ѳома не замедлилъ, конечно, выпросить на свое ружье матеріалу, т. е. пороху и дроби); я приказалъ, въ видѣ задатка, попотчевать его водкой и отпустить, когда Вавила, поспѣшно вернувшись въ мою комнату, предложилъ мнѣ поразспросить солдата о тиграхъ, про которыхъ мой кавказскій герой, Памфилычъ, много наслушался страховъ еще въ Ташкентѣ. Я вернулъ Ѳому и приступилъ къ нему съ вопросомъ: «А что, любезнѣйшій, правда ли, что около Чиназа много шляется джульбарсовъ (по мѣстному нарѣчію – тигры)?» — «Бываютъ, ваше высокоблагородіе», — лаконически и какъ будто неохотно отвѣчалъ солдатъ, видимо желая скорѣй улизнуть въ дверь. — «А тебѣ, голубчикъ, Господь не приводилъ встрѣчаться съ ними?» — поспѣшилъ я остановить его. — «Бывалъ грѣхъ, да что поминать о томъ, ваше высокоблагородіе», — сквозь зубы процѣдилъ Ѳома, въ полъ-оборота направляясь къ выходу. — «Нѣтъ, нѣтъ, постой, разскажи, какъ было дѣло?» — пристalъ я. Старый стрѣлокъ, насильственно задержанный, и то послѣ ободрительныхъ двухъ рюмокъ водки и неоднократныхъ повтореній фразы: «почто поминать о томъ», наконецъ, рѣшился и приступилъ къ повѣствованію о случившемся съ нимъ грѣхѣ торжественнымъ, но далеко не твердымъ голосомъ:

«Кажись, то дѣло было въ позапрошломъ году, по осени. Недѣлю цѣлую стояла непогодь, а въ тотъ самый день разведрило, я и сунулся попытать счастье на фазанóвъ къ устью Черчика въ Дарью. Но, видно, вышелъ я не въ добрый часъ... Въ тѣ поры была у меня съ собою (она и сейчасъ еще жива, да слѣпая) сученка Жучка, изъ себя не казистая, знамо не породная, но не приведи Богъ, какая шустрая и ко всякой птицѣ охочая. Что фазанà, аль куропатку, добыть изъ колючки, аль утицу достать изъ воды и камыша — ей бывало ни почемъ. Чего ужъ! Самъ карубазарскій станціонный смотритель, небось, знаете его, настоящій охотникъ до страсти, и тотъ два раза досылалъ ко мнѣ: продай ему, молъ, Жучку, и вотъ не солгу, ваше высокоблагородіе, ей-Богу, пять рублевъ за нее сулилъ, но шалишь, эфтимъ въ соблазнъ не введешь! Вѣстимо, другого такого пса для нашей потребы поздѣшнему и за большія деньги не добудешь. Вотъ, ваше высокоблагородіе, мы съ Жучкой и толконулись правѣе большого джузакскаго трахта, прямо въ степь, гдѣ до той поры по колючкѣ да бурьянамъ, чисто-начисто, какъ въ садкѣ, держалось эфтого самаго фазанья видимо-невидимо. А въ тотъ самый выходъ, какъ на грѣхъ, отъ дождей, что-ль, но по всему тому мѣста мы и пера не нашли. Ахъ, окаян-

Библиотека "Руниверс"

ные, куда-жъ загналъ васъ лѣшій? Анъ, какъ тутъ есть, гляжу: пырхъ да пырхъ, да далече впереди, на выстрѣлъ не подпустивши, вспорхнуло не мало ихъ, да всѣ и потянули къ Дарьѣ, въ самые што ни на есть камыши. Я зашагалъ впередъ, а Жучка-шельма сгоряча увяжись за ними и ну пужать стадо за стадомъ. И всѣ-то они, проклятые, прости Господи, въ тѣ пору не падали опять, какъ бы имъ слѣдовало, въ степи, а просто, какъ одурѣлые, норовили прямо въ камыши, какъ есть въ самую чащу, што на берегу рѣки. Правда, около опушки эфтой анаѳемы трущобы, хоча и сшибъ я пару самокъ, но остатняя вся птица тутъ на глазахъ у меня близехонько перемѣстилась въ камышъ, что и таперя стоитъ стѣной на томъ же мѣстѣ. Дѣлать нечего, побрелъ туда за добычей, и сперва-то пришлось мнѣ и тутъ попалить не мало разъ. Птицы тьма, но уловить ее, чтобъ ей пусто было, на прицѣлъ по самой той чащѣ вовсе не сподручно, и я, изрядно поразсыпавъ мартеріалу по вѣтру, задумалъ опять ворочать на гладь,—анъ, вдругъ моя Жучка, поджамши хвостъ, прысь ко мнѣ въ ноги. Я было толконулъ ее, а она, родимая, вся съёжилась, визжитъ, анъ дрожитъ даже! Что за притча такая?—про себя подумалъ, а самъ по торной чрезъ камышъ тропинкѣ шагнулъ впередъ и разъ, и два, а какъ оглянулся, вижу, сученка моя, припавъ къ землѣ, трясется, какъ въ лихорадкѣ. Мнѣ бы тогда вернуться къ ней, да подобру-поздорову и удрать отъ грѣха, да вотъ подишь, видно, лѣшій попуталъ, аль глупое любопытствіе какое проняло,—я и двинься еще шаговъ съ десятокъ впередъ, да какъ ступнулъ за уголъ той самой тропы, ажъ и замеръ!.. На самомъ томъ, супротивъ меня трахтѣ, вытянувшись большущей головой ко мнѣ, лежитъ страшенная тигра... Доложу, не больше было межъ нами дистанціи, какъ, примѣрно сказать, отъ вашего высокоблагородія до печи, то-есь шаговъ восемь, много што десять. Лежитъ она, окаянная, какъ бы въ дремотѣ, но отъ шороха мово, али чего иного, открыла свои буркалы, а сама не шевелится, только хвостикомъ подрыгиваетъ и лѣниво оглядываетъ меня грѣшнаго съ ногъ до головы».

Послѣднія слова, подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ страшныхъ воспоминаній, Ѳома проговорилъ съ видимымъ смущеніемъ. Нетвердый голосъ его обрывался, и онъ, всею съежившеюся въ ту минуту фигурой своей, въ лицахъ представилъ мнѣ не Жерара, истребителя львовъ въ Африкѣ, но скорѣе злополучную Жучку, чутьемъ спасшую отъ лютаго звѣря свою собственную шкуру, въ камышахъ чиназскихъ. Мнѣ отъ души стало жаль бѣднягу, столько разъ въ теченіе боевой жизни своей смотрѣвшаго въ глаза смерти, а тутъ, при одномъ лишь воспоминаніи о пережитыхъ имъ ощущеніяхъ встрѣчи съ чудовищемъ степей, дрожавшаго, какъ осиновый листъ. Чокнувшись съ нимъ стаканомъ водки, я всячески старался ободрить его, и бравый отставной вояка, залпомъ опрокинувъ крѣпи-

Библиотека "Руниверс"

тельное, крякнулъ, сплюнулъ и, какъ бы очнувшись отъ обуявшей его паники, опять собрался съ силами и продолжалъ:

«И вотъ, ваше высокоблагородіе, мотрю и я ей, тигрѣ, прямо въ глаза, а въ моихъ-то въ ту пору ужъ совсѣмъ помутилось. Ни живъ, ни мертвъ, не шевелясь стою я, въ мысляхъ творю молитву, а что подѣлать—не вѣдаю. Въ рукахъ ружьишко съ 9-мъ номеромъ на птюшку, а тутъ на полъ-выстрѣла изъ пистоля караулитъ тебя звѣрина, которому одной лапой быка сломать ничего не стоитъ... Ажно кровь моя застыла въ жилахъ... Очей я не свожу съ ехидны и все жду, вотъ-вотъ прыгнетъ она и растерзаетъ тебя, горемыку, на части. Охъ, Господи, анъ и теперь жутко вспомнить! Долго ли, коротко ли въ затишьи дивовались мы, глядючи другъ на друга, заподлинно сказать теперь не могу. Тигра не двигается и съ меня не спущаетъ своихъ желтыхъ, неладныхъ глазъ, да и я въ упоръ гляжу ей въ оба, стоя передъ нею на вытяжку, омертвѣвши, точно идолъ. Но, вотъ, видно сжалились надо мною многогрѣшнымъ Сама Пресвятая Мати Божія и всѣ святые угодники,—тигра зажмурилась, словно заснула и даже хвостомъ по землѣ постукивать перестала, а я тѣмъ временемъ очухался, и стало мнѣ въ догадъ, что, молъ, спасеніе свое найти могу теперь, только тихохонько отступивши. И зачалъ я тогдысь, все помнится творя молитву Миколѣ Чудотворцу, осторожно, со всякой опаской, чуть замѣтно, подвигать одну ногу за другой, такъ примѣрно на полвершечка заразъ, а глазъ своихъ всеже ни на мигъ не свожу съ звѣря. Замѣтилъ ли онъ мои шаги, аль нѣтъ, Единому Богу извѣстно, но лежитъ, какъ очумѣлый, и никакого знаку не подаетъ, а только поверхъ глазъ, закрытыхъ однѣми рѣсницами, моргаетъ; знать, подлая душа, все-таки изъ вида меня не упущаетъ. Сказъ весь теперь, ваше высокоблагородіе, держать коротко, ну, а тогдысь времени утекло, кажись, не мало, пока-пока, да все-жъ спиной по прежнему трахту, помаленько помогъ Царь Небесный выбраться до заворота тропинки въ камышѣ, ну, а оттоль, благословясь, сталъ ступать посмѣлѣй, да еще шаговъ нѣсколько за уголъ, перекрестился, обернулся и далъ стречка во всѣ ноги. Бѣгу, бѣгу, не оглядываюсь, въ мысляхъ-то неуступно все мерещится, что она, окаянная, вотъ-вотъ за мною выскочитъ... но нѣтъ, Богъ спасъ».

— Ну, а что же стало тогда съ Жучкой?—спросилъ я.

— А ей што? Съ нее, какъ съ гуся вода! Знать, во-время улизнула изъ трущобы, да прямо на гладь. Какъ, запыхавшись, выбѣгъ я туда-жъ, анъ, вижу Жучка тянетъ за самцомъ.

И впослѣдствіи, какъ и на этотъ разъ, принимая дѣятельное участіе въ охотѣ, на привалахъ, Ѳома обогатилъ мои свѣдѣнія новыми повѣствованіями объ этомъ подломъ, какъ онъ называетъ, звѣрѣ.

Не сумѣю буквально его словами, краснорѣчиво передать всѣ эти эпизоды, а потому заношу ихъ вкратцѣ только себѣ на память

Библиотека "Руниверс"

какъ любопытныя данныя о необычайной кровожадности, дерзости и изумительной силѣ этого царя звѣрей въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ.

Въ прошломъ (1870) году, весною, двое изъ сотоварищей Ѳомы по промыслу, но болѣе по рыболовству, раннимъ утромъ вышли изъ Чиназа внизъ по Дарьѣ, и каждый, занявъ на берегу ея, по обѣ стороны вдающагося подъ острымъ угломъ колѣна, укромныя мѣста, забросили въ рѣку свои удилища. Съ утра рыба клевала жадно, но съ приближеніемъ полудня поплавки стали все рѣже и рѣже окунаться въ глубь, и, наконецъ, настало полное затишье. Видно, рыбное царство отгуляло часы свои и уже предалось временному отдыху, своимъ примѣромъ заразивъ и враговъ ихъ — рыболововъ.

Оба они, размаявшись подъ горячими лучами солнышка, перебрались въ тѣнь, подъ ближайшіе вязы и, не опуская, однако, изъ рукъ своего оружія, тоже вздремнули сладко. Одинъ изъ нихъ вскорѣ, однако, проснулся, протеръ глаза и увидалъ невдалекѣ отъ себя, но всеже на противоположной сторонѣ изгиба рѣки, недвижимо сидящаго товарища, а вмѣстѣ съ тѣмъ, о ужасъ! въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ неслышно подползающаго по травѣ и прямо къ нему громаднаго тигра. Предупреждать крикомъ объ угрожающей товарищу опасности было совершенно безполезно, такъ какъ оба они были безъ всякаго оружія, и гибель въ томъ случаѣ была бы неизбѣжною для обоихъ, а потому первый изъ нихъ, пока еще внѣ опасности, притаившись въ высокой травѣ, съ непомѣрнымъ страхомъ сталъ ожидать горькой участи своего собрата. Тѣмъ временемъ тигръ осторожно подползъ сзади къ очевидно еще крѣпко спящему рыболову и, внезапно вскочивъ на упругія свои ноги, однимъ прыжкомъ очутился передъ своею жертвой. Въ этотъ мигъ безмолвный зритель предстоящей драмы, въ ужасѣ сообразивъ злополучную судьбу товарища, инстинктивно закрылъ глаза и еще крѣпче прильнулъ къ землѣ, но черезъ нѣсколько мгновеній, влекомый любопытствомъ, украдкой взглянулъ въ ту сторону и не повѣрилъ глазамъ своимъ: громадный по размѣру тигръ, обойдя кругомъ, вѣроятно, въ ту минуту ужъ проснувшагося рыболова, степенно и медленно обнюхивалъ его всего въ упоръ, не исключая и лица, а затѣмъ мѣрными шагами спустился подъ кручу къ самой рѣкѣ и безслѣдно скрылся въ густыхъ камышахъ ея... Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго безмолвія. Непостижимо спасшійся рыбакъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ въ прежней позѣ, съ той же удочкой въ рукѣ, недвижимо сидѣть на берегу. Тогда товарищъ-зритель, благоразумно выждавъ нѣкоторое время, рѣшается, наконецъ, закричать ему, но отвѣта нѣтъ. Онъ встаетъ, спѣшитъ къ нему и что же застаетъ тамъ? Пріятеля, мгновенно умершаго отъ одного страха! Тигръ внезапнымъ поя-

Библиотека "Руниверс"

вленіемъ и дыханіемъ своимъ прямо въ лицо только-что пробудившагося человѣка, но отнюдь нигдѣ не касаясь его тѣла, убилъ его наповалъ одною только паникой.

Послѣ многихъ еще въ этомъ же родѣ страшныхъ исторій о тигрѣ я съ особеннымъ вниманіемъ выслушалъ объ одномъ происшествіи, ясно доказывающемъ необычайную, даже маловѣроятную силищу этого страшеннаго звѣря.

Недалеко отъ Кармакчи (форта № 2), кажется, за двѣ, три станціи по караванному пути къ форту Перовскому, по очень топкому болоту, на разстояніи до 150 саженъ, пролегаетъ узкая гать, когда-то сооруженная нашими туземными инженерами изъ самаго тщедушнаго хвороста. По этой-то гати года два назадъ, подъ вечеръ, тянулся длинный караванъ съ хлопкомъ изъ Бухары къ Орску. Уже большая половина верблюдовъ, струной вытянутыхъ одинъ за другимъ, благополучно переправилась на ту сторону болота, когда одинъ изъ нихъ, неосторожно оступившись, шарахнулся въ сторону и съ розмаха, всею тяжестью собственной персоны и огромнаго на себѣ вьюка, вверзился въ глубокую тину по самое брюхо. Лауча (верблюдовожатый), возсѣдающій на передовомъ верблюдѣ своей партіи, при видѣ случившагося бѣдствія, живо соскочилъ, бросился спасать загрузшее животное, отрѣзалъ канатъ, привязанный черезъ ноздрю къ вышеидущему верблюду, и сталъ взывать о помощи. Сбѣжались сосѣдніе лаучи, освободили отъ грузныхъ тюковъ спину увязшаго въ трясинѣ верблюда, но, самого его не въ силахъ будучи вытащить изъ болота, порѣшили между собой сначала переправить черезъ гать остальную часть каравана, а затѣмъ уже всѣмъ огуломъ собраться на выручку страждущаго. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Учинивъ безъ дальнѣйшихъ приключеній окончательную переправу черезъ этотъ Чортовъ мостъ, лаучи развьючили верблюдовъ своихъ и пустили ихъ въ степь на пастьбу, а сами, въ числѣ до 40 человѣкъ съ караванъ-башемъ во главѣ и съ запасомъ канатовъ въ рукахъ, собрались около злополучнаго утопленника. Участь его была очень незавидная; не смотря на снятый съ него вьюкъ (до 25 пудовъ вѣсомъ), онъ собственнымъ вѣсомъ такъ глубоко увязъ, что предательская трясина засосала его свыше половины туловища. Дружно взялись за работу прибѣжавшіе лаучи, но всѣ усилія ихъ были тщетны. Пробившись напрасно здѣсь до наступленія ночи, лаучи оставили это дѣло до утра и, собравшись около своихъ вьюковъ, на окраинѣ болота, предались крѣпчайшему сну. Съ утренней зарей всѣ были на ногахъ и поспѣшили къ мѣсту вчерашней катастрофы; но каково было ихъ удивленіе, когда, прибѣжавъ туда, они вмѣсто него нашли одну лишь обширную яму, уже значительно затянутую тиной, и отъ нея глубоко врѣзавшуюся въ болотѣ поволоку къ сторонѣ степи. Лаучи, осторожно прослѣдивъ

Библиотека "Руниверс"

дальнѣйшее направленіе этой широкой тропы, были поражены неожиданною разгадкой исчезнувшаго верблюда, такъ какъ оказалось, что шаговъ за пятьдесятъ отъ гати всѣ признаки поволоки сразу прекращались, и на вязкой почвѣ болота появились глубоко отпечатанныя лапы и когти здоровеннаго тигра. Очевидно, что мощный хищникъ, привлеченный ночью жалкимъ ревомъ верблюда къ гати, во время крѣпкаго сна его владѣльцевъ, поспѣшилъ прежде ихъ явиться на помощь погибающаго и одинъ-одинёхонекъ, безъ кольевъ и веревокъ, вытащилъ изъ трясины громоздкое животное, а затѣмъ, взваливъ его себѣ на спину, благополучно убрался до лясу. Послѣднее предположеніе подтвердилось вполнѣ, такъ какъ лаучи, сильно огорченные потерей, прослѣдили за воромъ и нашли довольно далеко остатки погибшей жертвы.

Какова же сила этого милаго дружка?

Надо сказать, что уже во время моего личнаго пребыванія въ Туркестанѣ случилось здѣсь и именно въ Чиназѣ два необыкновенныхъ появленія тигра въ самомъ городѣ. Какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ (1871) году среди бѣлаго дня, и что замѣчательнѣе всего, оба раза въ страстной четвергъ заскакивали на самую площадь крѣпости огромные тигры, загнанные потомъ народомъ на пустые, кругомъ каменными стѣнами огражденные дворы, гдѣ и были убиты штуцерными пулями сбѣжавшихся по тревогѣ солдатъ. Но и здѣсь побѣда досталась не безъ жертвъ. Прошлогодній тигръ, защищая свою жизнь, изуродовалъ 7 человѣкъ, а нынѣшній—11, изъ числа которыхъ большая половина умерла въ здѣшнемъ госпиталѣ. Чучело изъ великолѣпной шкуры послѣдняго тигра, громаднаго объема и отличной выдѣлки, уже красовалось на нижней террасѣ генералъ-губернаторской дачи и не знаю, какъ на другихъ, но на меня, когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, она, т. е. тигра, произвела,—грѣха таить нечего,—далеко не изъ самыхъ пріятныхъ впечатлѣній...

Но я отвлекся отъ самаго слѣдствія. Слава Аллаху! Кауфманъ принялъ мое донесеніе въ резонъ и повелѣлъ 7-й уральской сотнѣ стянуться изъ Голодной степи въ Чиназъ, а оттуда отправить ей на смѣну оренбургскую. Къ сожалѣнію, требуемая сотня собралась въ Чиназѣ не къ 6-му, а только къ 10-му ноября, а потому при всей энергіи и неутомимыхъ съ утра до вечера занятіяхъ я только къ 21-му почти окончилъ слѣдствіе. Не упуская малѣйшаго обстоятельства всего плачевнаго происшествія, котораго, однако, бунтомъ назвать было бы утрировкой, я порѣшилъ все дѣло относительно еще довольно быстро, такъ какъ пришлось снять показанія и собственноручно занести ихъ въ слѣдственный журналъ съ 126 участвовавшихъ въ безпорядкѣ 8-го мая. Послѣ арестованія 22 казаковъ слѣдствіе мнѣ выяснило факты, ведущіе, увы, къ смертной казни, а слово это ужасное! Но Богъ милостивъ, и я надѣялся, авось мнѣ удастся смягчить приговоръ суда.

Библиотека "Руниверс"

По пріѣздѣ въ Ташкентъ и представленіи мною въ штабъ слѣдственнаго дѣла, вскорѣ назначена была въ Чиназъ военно-судная комиссія въ полномъ ея составѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ предписаніе въ возможно скорѣйшемъ времени представить его превосходительству экстрактъ изъ всего дѣла.

По слухамъ изъ Чиназа, оставшіеся на свободѣ также, какъ и арестованные казаки, подлежащіе суду, отправили съ нарочнымъ въ Самаркандъ оригинальную челобитную на имя Р* принять на себя обязанность ихъ защитника, на что̀ будто бы и былъ полученъ ими отвѣтъ о полномъ согласіи явиться на защиту угнетенной меньшей братіи.

Странный былъ человѣкъ Н. Н. Р*. Далеко не глупый отъ природы и очень образованный, онъ былъ честныхъ, но слишкомъ порывистыхъ правилъ, зачастую увлекавшихъ его къ совершенію самыхъ несообразныхъ выходокъ. Изъ лейбъ-гусарскаго полка онъ вышелъ, какъ самъ мнѣ говорилъ, по непріятностямъ, вслѣдствіе passe-droit при назначеніи командира вакантнаго эскадрона, а въ то же время показывалъ шашку, въ золото оправленную, на прекрасномъ клинкѣ которой вырѣзаны имена поднесшихъ ему это оружіе на память, начиная съ командира полка до младшаго корнета включительно. Какъ согласить это? И здѣсь, въ Туркестанѣ, Н. Н. началъ свою дѣятельность съ крайне поспѣшной энергіей. Получая изъ дому на ежегодное свое содержаніе значительныя деньги (по словамъ однихъ 40, а другихъ—до 80 тысячъ рублей), онъ сталъ сорить ими безъ расчета, покупать земли, заводить плантаціи хлопка и винограда, выписывать изъ-за границы сѣмена и лозы и тутъ же заводилъ процессы и тяжбы изъ-за какихъ-то грошевыхъ недочетовъ съ рабочими. Въ служебномъ отношеніи онъ также въ самое короткое время поставилъ себя какъ-то странно. Нигдѣ онъ не уживается, отовсюду бѣжитъ, ссорится, бранится, обвиняетъ и въ полномъ раздраженіи откочевываетъ въ пустой надеждѣ, конечно, найти обѣтованный уголокъ. И вотъ онъ нигдѣ не могъ обжиться и пустить корней, которые, къ сожалѣнію, при меньшей съ его стороны строптивости, могли бы, конечно, дать очень хорошіе плоды какъ для пользы службы, такъ и для мѣстной культуры. Всѣ хлопоты и затраты его шли прахомъ и, вмѣсто «спасиба», возбуждали неудовольствія и нареканія. Словомъ, Р*, по взглядамъ и принципамъ будучи рыцаремъ безъ страха и упрека, сумѣлъ у многихъ прослыть совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Съ Кауфманомъ у Р. отношенія были самыя прекрасныя, но выходки его впослѣдствіи оттолкнули отъ него Константина Петровича. Вотъ одна изъ нихъ.

Для какого-то личнаго объясненія Р* въ пріемный день командующаго войсками пріѣхалъ къ нему нѣсколько позднѣе назна-

Библиотека "Руниверс"

ченнаго часа и хотя на подъѣздѣ встрѣтилъ выходящій изъ дворца людъ, но все-таки вошелъ въ пріемную залу. Она была совершенно пуста, 12 часовъ пробило, и въ ней не оказалось ни души. Р* черезъ ординарца вызвалъ дежурнаго адъютанта. Явившійся въ залу Адеркасъ объяснилъ, что назначенный съ 11 до 12 часовъ пріемъ кончился, и теперь командующій войсками его уже не приметъ. «Но мнѣ очень нужно видѣть Константина Петровича»,— возразилъ Р*. «Онъ сѣлъ завтракать и потому принять васъ не можетъ»,—повторилъ Адеркасъ. «А, онъ завтракаетъ, такъ и я хочу завтракать!» и съ этими словами проситель круто направился къ передней, а адъютантъ поспѣшилъ въ столовую къ своему прибору. Но Р» не уѣхалъ, а послалъ ординарца на своемъ извозчикѣ привезти изъ гостинницы Розенфельда порцію бифштекса и черезъ 10 минутъ за столомъ пріемной генералъ-губернаторской залы расположился кушать привезенный ему завтракъ. Но ему не удалось сохранить за собою поле сраженія, такъ какъ Кауфманъ, за совершенную имъ дерзость, до окончанія Р* трапезы выпроводилъ его изъ дому, а въ тотъ же вечеръ и изъ города.

Въ описываемое мною время, запутавшись въ непроизводительныхъ предпріятіяхъ, Р*, въ ожиданіи назначенія или какой либо опредѣленной цѣли, и принялъ такъ поспѣшно приглашеніе уральцевъ за нихъ на судѣ ратовать. Между тѣмъ, я представилъ командующему войсками выписку изъ этого слѣдственнаго дѣла, при чемъ выставилъ смягчающія вину обстоятельства, и онъ милостиво обѣщалъ мнѣ, какъ бы ни рѣшилъ судъ въ Чиназѣ, имѣть мое ходатайство въ виду и во всякомъ случаѣ смягчить приговоръ подсудимыхъ.

Въ началѣ только марта 1872 года я назначенъ былъ предсѣдателемъ военно-ссудной комиссіи для окончанія этого дѣла и поторопился покончить все къ страстной недѣлѣ. Въ великую пятницу, на выносъ плащаницы, при колокольномъ звонѣ и стеченіи народа, шелъ и я вымаливать невольные грѣхи мои, за которые тотъ же Р* опять будетъ порицать меня. Я ли виноватъ въ строгости законовъ, по статьямъ которыхъ 10 человѣкъ подлежали разстрѣлянію, 6 къ ссылкѣ въ каторжныя работы, а 8 въ арестантскія роты? Видитъ Богъ, какъ нравственно тяжела отвѣтственность быть орудіемъ въ подобномъ распоряженіи судьбою людей!

Въ прошломъ заслуживаетъ нѣсколькихъ словъ ташкентская зима 1872 года. Съ незапамятныхъ временъ никто не помнитъ въ этомъ краѣ такой зимы. Вмѣсто прежнихъ, и то не ежегодныхъ, 10—15 дней морозныхъ со снѣгомъ, въ тотъ годъ стояла настоящая русская зима съ крещенскими морозами, нѣсколько недѣль сряду. Снѣгъ лежалъ глубокій, морозъ былъ до 15° и ни одной

Библиотека "Руниверс"

оттепели. Въ домахъ, конечно, было страшно холодно, не смотря на усиленную топку, но зато на улицахъ весь beau-monde, щеголихи барыни и золотая молодежь, съ утра до поздней ночи катались безъ устали и всякаго сожалѣнія на лошадяхъ.

Къ концу же января стали ожидать въ Ташкентъ сына коканскаго хана и наслѣдника престола. Ему послали на встрѣчу конвой, почетный караулъ и нѣсколько личностей. Въ городѣ приготовили для него домъ, со всѣми условіями восточныхъ требованій и роскоши, увѣренные, что ничего не забыли, какъ вдругъ пріѣхавшій курьеръ объявилъ, что въ свитѣ его высокостепенства не болѣе, не менѣе, какъ 90 человѣкъ, которыхъ, конечно, необходимо было во все время пребыванія принца кормить, поить, а главное помѣстить. 90 человѣкъ—не шутка, и будь время года—лѣто, то, конечно, горе небольшое, на бѣду же снѣгъ былъ по колѣна и морозы преизрядные. Кое-какъ все уладили, и во дворцѣ произошелъ торжественный пріемъ наслѣдника хана Коканскаго. Въѣздъ его былъ самый оригинальный, съ восточными причудами и полу-европейскимъ церемоніаломъ. Свита его состояла не изъ 90, а изъ 210 человѣкъ, все сановныхъ и чиновныхъ. Особеннаго вниманія заслуживала его гвардія, вся залитая въ золото и въ дорогіе каменья, но вооруженная нашими же тульскими ружьями, бракованными еще въ тридцатыхъ годахъ. Впереди наслѣдника хана везли нарядный значекъ его, сѣкиру и прочіе символы самодержавія, а возлѣ него ѣхали первые чины двора Худояръ-хана. Сынъ его, молодой человѣкъ, тогда 21 года, очень красивый собой, съ едва пробивающейся черною бородкой, былъ осанистъ и ловокъ. При въѣздѣ въ городъ, онъ изъ экипажа пересѣлъ на коня и прослѣдовалъ невозмутимо-торжественно по главнымъ улицамъ Ташкента. Толпы любопытныхъ, въ большинствѣ бывшихъ коканскихъ подданныхъ, тѣснились на пути его, но при приближеніи этой священной особы униженно падали ницъ и не шевелясь лежали распростертыми на землѣ, пока его высокостепенство не миновалъ ихъ, послѣ чего сплошною массой провожали въ почтительномъ разстояніи до временнаго дворца его.

Въ утреннемъ пріемѣ у генералъ-губернатора ханъ Заде вышелъ смѣло и съ большимъ достоинствомъ отвѣчалъ на привѣтствія генералъ-губернатора, нисколько не озадаченный всѣмъ блескомъ, его окружавшимъ. Одѣтъ онъ былъ со всею роскошью Азіи и съ примѣсью Европы. Сверхъ богатаго парчевого халата, изъподъ котораго виднѣлось тончайшее голландское бѣлье, на немъ была великолѣпная бобровая шуба, крытая малиновымъ ліонскимъ бархатомъ и подпоясанная кованнымъ золотымъ поясомъ, осыпаннымъ, какъ и все дорогое на немъ оружіе, множествомъ дорогихъ каменьевъ. Почетные придворные и тѣлохранители съ оруженосцами сопровождали его въ самую залу. На всѣхъ вообще онъ про-

Библиотека "Руниверс"

извелъ хорошее впечатлѣніе, а особенно интересно, что посѣщеніе это служило какъ бы прелюдіей военнаго движенія нашего въ Кашгаръ, куда войскамъ нельзя было пройти иначе, какъ чрезъ владѣнія коканскія.

Праздникъ у насъ, по случаю пребыванія хана Заде, смѣнялся за праздникомъ. Я съ нимъ лично познакомился черезъ Струве и два раза въ самомъ интимномъ кружкѣ у него обѣдалъ, совершенно поевропейски, и не только не ѣлъ руками, а серебряными, даже вызолоченными приборами, и не баранину съ чеснокомъ, а французскую кухню. Онъ въ обращеніи былъ очень простъ, любезенъ и гостепріименъ. У него устраивалась даже партія въ ералашъ, безъ участія, впрочемъ, хозяина, но онъ тутъ же садился около меня (какъ лучшаго игрока, по рекомендаціи Струве), чтобы научиться премудрости разыгрывать мизеры, въ которыхъ, конечно, онъ ничего не понялъ.

Въ видѣ разнообразныхъ удовольствій для него дѣлали смотры и парады, его возили на артилерійскія практическія ученія и на саперныя подземныя работы. Словомъ старались развлечь его всѣми подъ рукой средствами. На одномъ вечерѣ ханъ Заде представлялъ жалко-нелѣпую физіономію, когда хозяева вздумали попотчевать почетнаго гостя чтеніемъ поэмы «Демонъ». Увлекательно оно было для коканца, не понимающаго порусски... За то, когда начались танцы и рой молодыхъ женщинъ закружился около него, глаза его выдали дурныя мысли, и онъ до ужина обратился въ бѣгство. Вообще ему здѣсь не дали соскучиться, и онъ не прочь былъ еще погостить въ Ташкентѣ, но папаша его, извѣстный не слишкомъ мягкимъ нравомъ, вызвалъ сынка обратно, а ослушаться Худояръ-хана и въ голову никому не приходило.

Изъ Москвы получилась вѣсть о кончинѣ Софьи Борисовны и Александра Ѳедоровича Полторацкихъ, но что всего тяжелѣе—о смерти Николая Александровича Милютина. Кончина этого достойнаго человѣка и государственнаго дѣятеля невозвратимой потерей легла не только на насъ всѣхъ его близкихъ, но и на всю Россію. Грустно было до слезъ услышать объ утратѣ этого теплаго сердцемъ, умнаго и высоко-честнаго человѣка. Миръ праху его и вѣчная память незабвенному Николаю. Обиднѣе всего было сознавать, какъ мало понимали и цѣнили его современники, самыя же обстоятельства его болѣзни и смерти невольно заставляли каждаго призадуматься...

Софьѣ Борисовнѣ же пора было на покой, царствіе ей небесное! Что же касается Александра Ѳедоровича, то что заставило его бросить дѣтей и родину, переселиться въ чужіе края и умереть тамъ одному, въ По? Нѣтъ! Александръ Ѳедоровичъ, какъ истый сынъ

Библиотека "Руниверс"

и наслѣдникъ Ѳедора Марковича, до самыхъ послѣднихъ дней удовлетворялъ только страстямъ своимъ и эгоистическимъ расчетамъ.

Нѣкоторое развлеченіе доставили возгорѣвшіеся у насъ толки о походѣ, почти офиціально рѣшенномъ, но не въ Хиву, а въ Кашгаръ. Эта экспедиція, конечно, должна была быть большимъ утѣшеніемъ въ нашемъ апатичномъ положеніи, но въ военномъ отношеніи представлялась только военною прогулкой, продолжительной и утомительной, но не боевой и вовсе не связанной съ опасностями. Изъ всѣхъ сосѣдей нашихъ кашгарцы пользовались болѣе другихъ славою мирныхъ жителей, и слабая воинственность ихъ никогда и никого не устрашала. Того и гляди, ждали мы, что при первомъ появленіи штыковъ русскихъ они сразу спасуютъ, закричатъ «пардонъ», и никакихъ враждебныхъ столкновеній съ ними не произойдетъ. Еще не было извѣстно, пойдетъ ли самъ Кауфманъ, и каковъ будетъ составъ отряда, но всѣ ожили, стали надѣяться и строить планы.

По общимъ догадкамъ, выступленіе должно было быть не ранѣе марта, то-есть при появленіи первыхъ признаковъ подножнаго корма, и продолжаться около трехъ мѣсяцевъ. Но все неожиданно разразилось тишиной и миромъ: генералъ-губернаторъ получилъ отъ Якубъ-бека, владѣтеля кашгарскаго, посланіе, въ которомъ тотъ сознавалъ свои преступныя ошибки и просилъ пощады, слѣдствіемъ чего и было пріостановленіе всякихъ приготовленій къ походу и... и... опять настала перспектива тоски и полнаго бездѣйствія.

Мнѣ, впрочемъ, пришлось записаться въ форменные юристы. Не успѣлъ я кончить дѣло уральской сотни, какъ получилъ предписаніе ѣхать въ Ходжентъ судить и чинить расправу съ взволновавшимися тамъ жителями, которые взбунтовались и перебили двухъ аксакаловъ (полицейскихъ).

Ходжентъ своимъ живописнымъ положеніемъ на берегу Сыръ-Дарьи, своими великолѣпными садами и близъ лежащими горами произвелъ на меня при въѣздѣ очень пріятное впечатлѣніе. Но вскорѣ оно разсѣялось отъ удручающей, разслабляющей и гнетущей духоты. Городъ сдавленъ кругомъ высокими скалами, прорѣзанными на юго-западъ однимъ только ущельемъ, изъ котораго дуетъ вѣтеръ, похожій на паръ, поданный въ банѣ; онъ не прохлаждаетъ, а обжигаетъ человѣка. Помѣщеніе мое въ домѣ Гуюса [1]) было вполнѣ роскошное, соединяющее всѣ условія удобства, а самъ хозяинъ милѣйшій человѣкъ, мой пріятель, который принялъ меня по всѣмъ правиламъ минувшаго московскаго гостепріимства.

---

[1]) Подполковникъ Гуюсъ, бывшій казначей конно-гренадерскаго полка, разжалованный въ рядовые, но получившій потомъ въ Туркестанѣ три солдатскихъ креста и возвратъ всѣхъ прежнихъ чиновъ.

Библиотека "Руниверс"

Главные виновники преступленій 14 апрѣля были вскорѣ допрошены; обвиненія и улики были несомнѣнныя и очевидныя, но подсудимые, по неимѣнію отдѣльныхъ помѣщеній, содержались вмѣстѣ съ прочими арестантами, русскими и туземными, научились у первыхъ системѣ запирательства и, ни въ чемъ не сознаваясь, всѣ до единаго упорно повторяли на своемъ языкѣ: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю», твердо при этомъ убѣжденные, что подобнымъ путемъ они будутъ оправданы. Отвѣты эти дѣйствительно когда-то существовали при царѣ Горохѣ, да и то не въ подобныхъ случаяхъ, и потому, понятно, они своимъ упорствомъ ухудшали и безъ того тяжелое ихъ положеніе и усложняли веденіе судопроизводства, такъ какъ приходилось для каждаго отдѣльно опрашивать всѣхъ обвинителей и свидѣтелей, давать имъ съ обвиненными очныя ставки и проч. И все-то возмущеніе и убійство этой нелѣпой толпы произошло вслѣдствіе неразвитости и непониманія полудикаго народа, хотѣвшаго бороться открытою силой съ благодѣтельными для ихъ же пользы мѣрами правительства [1]). Къ великому удовлетворенію моему, мнѣ удалось изъ 29 обвиненныхъ оправдать, а потому и освободить изъ тюремнаго заключенія девятерыхъ, но для остальныхъ всеже долженъ былъ состояться неумолимый приговоръ. Вотъ тутъ-то всегда и наступаетъ для судьи тяжелая минута, когда природой онъ одаренъ къ тому же нервами и впечатлительностью. Полевой судъ не мягокъ, такъ какъ не пользуется правомъ присуждать къ наказанію меньшему, какъ 20-ти лѣтней каторгѣ. Само собою разумѣется, что въ подобныя минуты дѣлаешься невольнымъ зрителемъ самыхъ раздирающихъ душу сценъ. Окруженные женами, дѣтьми, родными, несчастные въ оковахъ, подъ большимъ конвоемъ, разражаются отчаянными воплями, потрясающими организмъ самыхъ черствыхъ свидѣтелей. Какъ бы ни была порою тяжела жизнь человѣческая, но въ законахъ міра сего постановлено каждому дорожить ею, и что бы ни толковали о фатализмѣ и пренебреженіи къ существованію мусульманина, но и онъ далеко не равнодушно переноситъ роковое сообщеніе объ ожидающей его насильственной смерти.

Ходжентъ оставилъ во мнѣ тяжелое воспоминаніе. При всей разнородности военной службы, конечно, должность инквизитора самая безотрадная. Она до того раздражала нервы, что я двѣ недѣли моего пребыванія ни одной почти ночи не могъ заснуть спокойно; съ вечера и часто до самаго утра меня давилъ кошмаръ, и передъ глазами даже во время тревожнаго сна безпрерывно являлись истощенныя, жалкія фигуры осужденныхъ. Послѣ приговора меня осаждали просьбами и мольбами. Сначала бросились въ ноги двѣ женщины, лицъ которыхъ я не видѣлъ, такъ какъ

[1]) Прививкой оспы.

Библиотека "Руниверс"

обѣ онѣ были прикрыты непроницаемыми черными сѣтками, въ видѣ задръ, замѣняющихъ вуали. Одна изъ нихъ была мать, а другая жена двухъ арестованныхъ, обвиняемыхъ по первому разряду. Просьбы ихъ, конечно, остались неудовлетворенными. Вслѣдъ за прекраснымъ поломъ прежде по одиночкѣ, а потомъ и цѣлою толпой, правовѣрные мусульмане произвели на меня атаку, съ подобными предыдущей, просьбами. Загорѣлыя, бронзовыя ихъ лица, подъ снѣжной бѣлизны чалмами, статный ростъ и полная достоинства осанка напоминали собою портреты арабскихъ изображеній на картинкахъ восточнаго стиля. Рѣчь плавна, спокойна, но не разумительна. Между ними были красавцы, въ особенности глаза чуднаго выраженія и блеска. Но и имъ я ничего не могъ сказать утѣшительнаго и потому очень былъ радъ, когда совершенно экспромтомъ устроился праздникъ ins Grüne большою компаніей за городомъ, на 12-й верстѣ въ Кишлакѣ, замѣчательно красивой мѣстности и съ природнымъ, очень большимъ каскадомъ. Нервы мои немного успокоились. Тамъ устроенъ былъ ужинъ съ мѣстнымъ дастарханомъ и иностанными винами. Повалявшись на коврахъ до полуночи, поѣздъ вернулся въ Ходжентъ: я говорю—поѣздъ, потому что дѣйствительно передвиженіе уѣзднаго начальника въ Туркестанскомъ краѣ вообще влечетъ за собой цѣлую вереницу конвойныхъ казаковъ и туземныхъ джигитовъ. Въ темную ночь они скачутъ впереди, съ боковъ и сзади, съ огромными факелами въ рукахъ и по пути придаютъ этимъ освѣщеніемъ особенную фантастичность поѣзду. Къ 10 іюля я былъ уже въ Ташкентѣ. Кауфманъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, пригласилъ завтракать и сообщилъ, между прочимъ, что въ концѣ будущаго мѣсяца уѣзжаетъ съ семьей въ Петербургъ. Въ политическомъ мірѣ все было относительно тихо. Изъ Кашгара получены были извѣстія отъ посланнаго туда барона Каульбарса, что Якубъ-ханъ на всѣ предложенныя ему условія вполнѣ согласился. Странные между тѣмъ ходили слухи: будто предстоящая слава взятія Хивы, вмѣсто туркестанцевъ, предоставляется кавказцамъ, будто бы уже было рѣшено и подписано о назначеніи начальникомъ этой экспедиціи генералъ-лейтенанта Геймана, который съ Кавказа (опять таки по слухамъ) трогается на Хиву нынѣшнею же (1872 г.) осенью. Въ силу этихъ данныхъ зароились у меня разные планы: ѣхать въ Петербургъ и устроить тамъ черезъ военнаго министра отправленіе мое въ экспедиціонный отрядъ Геймана. Онъ лично былъ мой старый знакомый и сослуживецъ. Въ 1848 году на Кавказѣ при постройкѣ крѣпости Урусъ-Мартана, когда я былъ подпоручикомъ, а онъ поручикомъ и адъютантомъ у «какъ-какъ» Козловскаго, какъ бригаднаго командира, мы всю экспедицію жили дружно въ одной палаткѣ и не разъ бывали вмѣстѣ въ огнѣ.

Между тѣмъ у насъ въ Туркестанѣ было сильное броженіе въ

Библиотека "Руниверс"

умахъ неспокойныхъ; къ этому присоединилось еще появленіе саранчи, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и холеры. Всевозможныя мѣры для ея укрощенія были приняты, и только успокоившись насчетъ ея благопріятнаго исхода, рѣшилъ Кауфманъ свою поѣздку въ Петербургъ. Проводы ему были блестящіе. На меня всѣмъ обществомъ возложили заботы по устройству фестиваля. Въ деньгахъ недостатка не оказалось, и подписка по 25 рублей съ человѣка быстро возросла до 5.000 рублей. Я предложилъ за городомъ, въ избранномъ мною саду, построить павильонъ, что̀ и было единогласно принято. Средства мнѣ даны были большія, рабочаго люда тьма; въ войскахъ гарнизона нашлись плотники, портные, маляры и обойщики. Маты (мѣстной холстины) изведено на стѣны и потолки болѣе 6 тысячъ аршинъ.

Помощниками моими были Щербинскій и князь Викторъ Голицынъ. Балъ удался вполнѣ. Выросшее изъ земли изящное зданіе бросалось въ глаза удачными размѣрами и отдѣлкой. 18 колоннъ, снизу до верха обвитыя вьющимися лозами съ густою листвою, были украшены крупными кистями винограда всѣхъ цвѣтовъ; я заказалъ его до 40 пудовъ и незамѣтно подвязалъ между листьями. Капители соединялись между собою гирляндами, сплошь сдѣланными изъ виноградной лозы съ висящими же кистями винограда. На каждой колоннѣ спиралью, въ маленькихъ, незамѣтныхъ подсвѣчникахъ горѣли свѣчи; свѣтъ ихъ, сквозившій черезъ свѣжую зелень, былъ очень эффектенъ. Стѣны всѣ и потолокъ были задрапированы; внизу же, на полу гостинной, уборной, всего крыльца и галлереи, а также по широкой аллеѣ отъ воротъ до самаго павильона, были разостланы персидскіе ковры всѣхъ колеровъ. Снаружи павильонъ весь былъ иллюминованъ, а впереди красовались бесѣдки, башенки, щиты съ вензелями, всѣ горѣвшіе тысячью огнями, самыхъ яркихъ и причудливыхъ цвѣтовъ. Отъ самыхъ воротъ сада и до павильона, по обѣ стороны широкой аллеи, разбиты были народныя, шелками вышитыя, сартовскія палатки, открытыя полами настежь и составлявшія каждая въ отдѣльности особую гостинную съ карточными посрединѣ столами. Танцевали съ увлеченіемъ и къ свѣту только всѣ разъѣхались. Черезъ нѣсколько дней съ великой торжественностью проводили мы все семейство Кауфмановъ до русской избы на 54-ой верстѣ отъ города и вернулись въ опустѣвшій Ташкентъ. Съ Кауфманомъ и вслѣдъ за нимъ уѣхало много народа; потомъ, какъ водится, поскакали курьеры, и скоро въ Петербургѣ очутилось изрядное количество насъ, туркестанцевъ. Въ Ташкентѣ же мы, оставшіеся, проводили время за карточными столами и во взаимныхъ посѣщеніяхъ другъ друга. Одно изъ такихъ препровожденій времени было нарушено потрясающей катастрофой, которой я былъ ближайшимъ свидѣтелемъ.

Библиотека "Руниверс"

Нѣкто Михайловъ, Егоръ Александровичъ, по прозванію Кудрявый (такъ какъ у него почти не было волосъ на головѣ), жилъ на дачѣ Гамзена, рядомъ съ дачей генералъ-губернатора и не разъ приглашалъ меня къ себѣ обѣдать. Однажды, имѣя въ виду собрать къ себѣ вечеромъ партію на пульку, я въ два часа по полудни отправился позвать его къ себѣ, а кстати у него и отобѣдать. Застаю Кудряваго дома, здороваго, въ прекрасномъ настроеніи духа и очень радушнаго. Принявъ съ удовольствіемъ мое приглашеніе на вечеръ, онъ проситъ меня у него обѣдать, а между тѣмъ сейчасъ же устраиваетъ утренничекъ. Около нашего стола тутъ же находятся два его сына и два гостя, молодыхъ офицера. Сѣли обѣдать. Я разговаривалъ и шутилъ съ его сыномъ артиллеристомъ, разспрашивалъ объ общихъ знакомыхъ нашихъ въ гвардейской конной артиллеріи. Молодой Михайловъ съ оживленіемъ отвѣчалъ мнѣ и ничѣмъ не выдавалъ какого либо душевнаго разстройства. Встали изъ-за стола и, не теряя минуты, приступили къ продолженію нашей пульки, но не успѣли еще разобрать картъ послѣ первой сдачи, какъ раздался въ сосѣдней комнатѣ оглушительный выстрѣлъ. Бросились туда и что же увидѣли? Распростертаго на постелѣ своей, умирающаго, съ разбитымъ черепомъ, застрѣлившагося изъ пистолета молодого Михайлова. Я тотчасъ же послалъ за докторами, за ними же поскакалъ и старшій сынъ Михайлова, Павелъ, но несчастный не дождался ихъ и на моихъ глазахъ минутъ черезъ пять послѣ выстрѣла испустилъ духъ. Никто не зналъ причины, и объяснительной записки не нашли, почему молодой, здоровый, не глупый юноша въ цвѣтѣ лѣтъ совершилъ, очертя голову, это преступленіе. Отецъ былъ въ отчаяніи, и какъ сейчасъ вижу его, безсознательно ползающаго на колѣняхъ передъ иконою, въ столовой...

Спустя нѣсколько дней, я получилъ изъ Омска короткое письмо отъ Струве, а также свѣдѣнія изъ Семирѣчья, вызвавшія оживленные разговоры о непостижимыхъ законахъ Провидѣнія. Рѣчь идетъ о преступникахъ, осужденныхъ судомъ, подъ моимъ предсѣдательствомъ, за разбой на станціи Карасу. Главные виновники были приговорены къ смертной казни, разстрѣлянію; но въ день отъѣзда моего на второе судопроизводство въ Ходжентъ мнѣ удалось смягчить конфирмацію Кауфмана, упросивъ его даровать жизнь пятерымъ изъ нихъ. Въ день исполненія приговора, когда на всѣхъ десять человѣкъ по прочтеніи сентенціи суда надѣты были саваны, и они, привязанные къ столбамъ, ожидали роковой команды «пли!», прискакалъ ординарецъ командующаго войскаго, Бергъ, съ повелѣніемъ о помилованіи тѣхъ пяти преступниковъ, о которыхъ я просилъ Кауфмана. Нѣсколько дней спустя, помилованные эти, въ числѣ прочихъ приговоренныхъ къ ссылкѣ на каторжныя работы

Библиотека "Руниверс"

и поселеніе въ Сибирь, отправились изъ ташкентскаго тюремнаго замка по направленію города Вѣрнаго, за конвоемъ конныхъ казаковъ. И вотъ этотъ этапъ, послѣ медленнаго движенія, по 20 и 25 верстъ въ день, останавливаясь на ночлеги, за неимѣніемъ по пути тюремныхъ заключеній, подъ открытымъ небомъ, среди степи, отошелъ около 600 верстъ отъ Ташкента благополучно и въ порядкѣ, но тамъ произошло съ нимъ слѣдующее.

Не далеко отъ города Вѣрнаго, на одномъ изъ ночлеговъ въ степи, арестантамъ удалось, конечно, при содѣйствіи провожавшихъ ихъ родственниковъ, напоить конвойныхъ казаковъ и затѣмъ, пользуясь темнотою ночи, разбить съ себя оковы и вразсыпную бѣжать изъ-подъ караула. Полупьяные казаки вскочили по тревогѣ, суетливо бросились къ конямъ и по разнымъ направленіямъ помчались въ догоню бѣглецовъ. Раздались крики и пальба. По случаю совершенной темноты преслѣдованіе дезертировъ произведено было безтолково, на удачу, словомъ, зря. Казаки палили во всѣ стороны, плохо различая предметы, нѣкоторыхъ хватали живьемъ, другихъ изъ сопротивлявшихся клали на мѣстѣ, скакали, шумѣли и покончили тѣмъ, что за исключеніемъ трехъ, сквозь землю провалившихся, остальныхъ доставили на пунктъ ночлега; убитыхъ оказалось пять человѣкъ, и именно тѣхъ самыхъ, которыхъ помиловалъ Кауфманъ. Какъ объяснить это сверхъестественное совпаденіе и не воскликнуть: «отъ судьбы не уйдешь»?

Послѣднія новости изъ Петербурга распространились у насъ въ другой редакціи. Уже не прочили за вѣрное въ Туркестанъ Мирскаго, Мещеринова, Воронцова, Черткова и всѣхъ другихъ, а ожидали скораго возвращенія Кауфмана, и вмѣстѣ съ тѣмъ носились свѣдѣнія объ экспедиціи нашей, но не въ Бухару, а въ Хиву; шли даже дальше, будто бы самъ государь императоръ поздравилъ Кауфмана съ предстоящимъ походомъ.

Я лично получилъ также письмо отъ Софьи: скончался дядя графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ. Царство ему небесное и вѣчная память! Ему не суждено было на землѣ испытывать много горя, но все же тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ печалей, и ему вѣрно будетъ лучше. Разставаясь съ жизнью, онъ въ послѣднія минуты не терзался участью остающихся; по истинѣ, кромѣ себя, онъ не любилъ никого. Взявъ на землѣ все, что доступно было баловню судьбы, онъ, истощивъ всѣ жизненныя наслажденія, скончался на 80-мъ году, оставивъ о себѣ воспоминаніе, какъ о государственномъ дѣятелѣ, замѣчательно умномъ и даровитомъ, выдающемся администраторѣ, блестящемъ царедворцѣ, но не какъ о человѣкѣ мягкаго сердца...

Въ томъ же письмѣ Софья сообщала также, что, будучи въ Петербургѣ недавно, она была съ визитомъ у Юліи Маврикіевны

Библиотека "Руниверс"

Кауфманъ какъ разъ въ то время, какъ вернулся Константинъ Петровичъ съ военнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ государя и объявилъ, что состоялось высочайшее повелѣніе идти на Хиву. «Я хочу, чтобъ ты, Константинъ Петровичъ, взялъ мнѣ Хиву»,— выразился государь. Итакъ, походъ рѣшенъ былъ безповоротно.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1].

XXIII.

Приготовленія къ хивинскому походу.—Пріѣздъ Кауфмана.—Выступленіе главной квартиры. — Переходъ голодной степи, страшная непогода, всяческія невзгоды и вліяніе пустыни на нервы. — Самоубійство полковника Романова. — Адамъ-Кылганъ и Алты-Кудукъ. — Страшныя картины у колодцевъ 3-го мая.—Движеніе изъ Алты-Кудука. — Нападеніе хивинцевъ на отрядъ Бардовскаго.— Аму-Дарья. — Учъ-Учакъ, встрѣча съ непріятелемъ. — Дѣло 11-го мая. —Дѣло Головачева у Акъ-Камыша. — Прибытіе нашей новой флотиліи. —Переправа.— Квитницкій и Зубовъ.—Наступленіе на Хазарапсъ. — Несчастная кончина Вейнарна.—Движеніе на Хиву, встрѣча съ отрядомъ Веревкина. — Занятіе города.

ОТЯ ПОКА и не было еще получено офиціальнаго сообщенія о походѣ, но, тѣмъ не менѣе, всѣ мы дѣятельно стали готовиться. Предстоящее движеніе должно было совершиться по глубокимъ и безводнымъ пескамъ, гдѣ экипажи и даже двухколесныя арбы пройти не могутъ; поэтому необходимость вынуждала идти на вьюкахъ, а для этого рода службы лучше всего могъ служить верблюдъ. Купивъ пару крупныхъ и сильныхъ верблюдовъ, я лично былъ спокоенъ, имѣя къ тому же еще въ запасѣ и трехъ лошадей. Кромѣ того, мнѣ доставлена была также джаломейка, другими словами, небольшаго размѣра юрта, или, по-мѣстному, кибитка. Эта джаломейка

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 85.

Библиотека "Руниверс"

скоро собирается и со всѣми къ ней войлоками не превышаетъ вѣсомъ болѣе 12 пудовъ. Въ ней просторно помѣщается желѣзная кровать, складной столъ и три складныхъ же табурета. Выгодныя ея стороны передъ палаткой въ томъ, что солнце далеко не пропекаетъ такъ войлока, какъ холстъ, а въ случаѣ дождя, вода не протекаетъ вовсе. Въ этомъ походѣ на Хиву намъ угрожала жестокая борьба съ стихіями, т. е. съ необычайнымъ зноемъ, трудными по пескамъ переходами и томительною въ безводной степи жаждою. Много затрудненій предвидѣлось еще и потому, что дорога степью до предѣловъ Хивинскаго ханства плохо, а частью и вовсе не была нами изслѣдована, и предстояло двигаться наобумъ, куда глаза глядятъ! Mais tout chemin mène à Rome, а по-русски мы надѣялись, что «авось» и доберемся до цѣли.

Сомнѣнія, тревожившія насъ вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, что экспедиція будто бы отложена до осени по причинѣ опасенія государя зимой, въ холодное время, передвигать оренбургскія войска степью, къ счастью, были разсѣяны. Головачевъ торжественно объявилъ мнѣ о полученіи высочайшаго повелѣнія двинуть оренбургскій отрядъ 20 января на саняхъ. У насъ же запахло весной, на улицахъ была грязь, но въ степи просыхало, и хотя можно было еще ожидать снѣга и дождей, но холодовъ уже не предвидѣлось.

Вскорѣ пріѣхалъ курьеръ Колокольцовъ (адъютантъ Кауфмана) и привезъ оффиціальное объявленіе своего генерала о походѣ въ Хиву. По словамъ его, Кауфманъ долженъ былъ вернуться къ намъ недѣли три спустя. Занятіе Хивы обѣщало много выгодъ. Эта экспедиція, обсужденная и разрѣшенная свыше, такъ была сложна условіями и пріемами, что, конечно, должна была стать выше Шахризябса, Кульджи, Карчи и даже взятія Самарканда. Вслѣдствіе предшествующихъ, неоднократныхъ неудачъ нашихъ при попыткахъ завладѣть Хивою настоящій походъ представлялъ интересъ не только для Россіи, но и для всей Европы. Легенды о прошлыхъ несостоятельныхъ походахъ на Хиву, начиная со вторженія кн. Черкаскаго-Бековича, во времена Петра Великаго, до свѣжихъ сказаній о пагубныхъ попыткахъ графа Перовскаго въ царствованіе Николая I разорить это гнѣздо хищниковъ, установили какое-то фантастическое понятіе о неприступности Хивинскаго ханства, которое, по зрѣлому обсужденію, все-таки было не что иное, какъ неорганизованное, дикое, но вовсе не страшное племя средней Азіи, къ которому только доступъ былъ очень затруднителенъ и сложенъ. Въ походѣ должны были принять участіе войска кавказскія, оренбургскія и туркестанскія. Туда должна была идти пѣхота, кавалерія, разнокалиберная артиллерія, полевая, горная, осадная, и наконецъ немаловажная роль предназначена была флотиліи морской и рѣчной. Въ Казалѣ, при устьѣ Сыръ-Дарьи заготовлялись суда, пароходы, баржи, для плаванія Араль-

Библиотека "Руниверс"

скимъ моремъ къ Кунграду съ дессантными войсками. Независимо отъ всего этого, верблюды должны были повезти на спинахъ своихъ чугунные понтоны для сборки изъ нихъ паромовъ, на которыхъ могли бы войска переправиться черезъ Аму-Дарью, долженствующую положить предѣлъ нашимъ завоеваніямъ въ Средней Азіи. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые положительно утверждали, что, завладѣвъ Хивою, мы займемъ ее временно и, назначивъ хана по своему усмотрѣнію, отступимъ изъ ханства, не оставивъ въ немъ гарнизона. Слухъ этотъ основанъ былъ будто бы на желаніи государя не увеличивать завоеваніемъ Хивы территоріи Россіи; а потому цѣлью похода было только наказать хивинцевъ, разгромить страну ихъ, начиная съ самаго гнѣзда—столицы ханства.

Къ намъ дошли свѣдѣнія, что туркмены, подвластный народъ хивинскаго хана, въ большихъ скопищахъ уже рыскали по степи, на пути нашемъ, и будто бы засыпали колодцы, на которые мы разсчитывали; но, по общему мнѣнію туземцевъ, дѣла съ непріятелемъ намъ предстояли только полевыя, а въ стѣнахъ самой Хивы они драться не рѣшатся. Головачевъ обѣщалъ по возможности частое сообщеніе отряда съ Ташкентомъ, а потому мы надѣялись, что не придется долго томиться неизвѣстностью о судьбѣ близкихъ сердцу, но далеко остающихся за нами. Семейнымъ же туркестанцамъ предстояло озаботиться о благосостояніи семьи, обезпечить и оградить ея существованіе и предупредить всякія случайности, что въ полудикой странѣ этой представляло массу затрудненій.

20-го февраля (1879 г.) отправился я съ Колзаковымъ и многими другими къ избушкѣ на встрѣчу Кауфману; тамъ ожидали его уже купцы гор. Ташкента съ завракомъ, послѣ котораго и совершился торжественный въѣздъ его въ нашу столицу. Струве ожидали на слѣдующій день, онъ ѣхалъ черезъ Сибирь вмѣстѣ съ молодымъ графомъ Бергомъ, стремившимся къ намъ также пожинать лавры. Вскорѣ послѣдовало росписаніе всѣмъ участникамъ похода, при чемъ я назначенъ быть при войскахъ, что пока, конечно, не опредѣляло еще моего положенія. На другой день по пріѣздѣ Кауфмана скончался въ страшныхъ мученіяхъ отъ злѣйшей чахотки нѣкто Герштенцвейгъ. Этотъ Герштенцвейгъ, сынъ лишившаго себя жизни въ Варшавѣ генералъ-адъютанта, прибылъ сюда въ конногвардейскомъ мундирѣ, какъ въ ссылку, въ наказаніе за проказы молодости и увлеченія въ Петербургѣ. Юноша не глупый, милый и развитой, обреченный тянуть здѣсь лямку слишкомъ три года, сталъ съ горя пить и быстро схватилъ скоротечную чахотку. Чувствуя приближеніе окончательнаго разсчета съ землею, онъ наканунѣ смерти выразилъ настоятельное желаніе видѣться съ Константиномъ Петровичемъ, который въ ту же минуту поспѣшилъ къ умирающему и долго съ нимъ бесѣдовалъ.

На 3-е марта назначено было выступленіе. Всѣ лучшіе пріятели

Библиотека "Руниверс"

мои, въ числѣ ихъ и Щербинскій (увѣрявшій, что хочетъ прикинуться верблюдомъ, лишь бы попасть въ Хиву), шли вмѣстѣ въ походъ. Главная квартира послѣ восьмидневнаго странствованія добрела до окрестностей Джюзака, гдѣ на рѣкѣ Клы вмѣстѣ съ подошедшими отрядами и расположилась лагеремъ. Такимъ образомъ, для перваго дебюта, мы уже сдѣлали слишкомъ 200 верстъ. Переходъ этотъ, по численности верстъ, составлялъ приблизительно одну осьмую часть всего протяженія предстоящаго пути до города Хивы. Но срокъ приготовленія нашего отряда къ походу былъ очень не великъ, и это всего больше отразилось на наймѣ и сборѣ верблюдовъ. Число ихъ потребовалось не малое, до 10.000, а пріобрѣтеніе у мѣстныхъ жителей соотвѣтствующихъ назначенію, то-есть сильныхъ и здоровыхъ экземпляровъ, конечно, было немыслимо произвести въ десять дней. Назначенная на этотъ предметъ комиссія, не имѣя времени внимательно и тщательно разбирать возростъ пригнанныхъ со всѣхъ концовъ округа верблюдовъ, второпяхъ принимала и молодыхъ, слабыхъ и по изнуренію даже никуда не годныхъ. Съ первыхъ же шаговъ оказались пагубныя слѣдствія: на переходѣ до Клы бросили по пути до 400 палыхъ верблюдовъ.

И въ другихъ отношеніяхъ это относительно ничтожное пространство далось намъ не безъ трудностей. Однѣ сутки довелось провести намъ подъ непрерывнымъ дождемъ, а два дня подъ такими палящими лучами солнца, что они сразу сожгли мнѣ физіономію. На трехъ ночлегахъ вода была горько-соленая, а на одномъ ея не было вовсе. Я устроился удобнѣе, чѣмъ большинство моихъ товарищей: моя джаломейка не печетъ, и въ ней не было такъ душно, какъ въ палаткахъ. Верблюды и лошади, припасенные заранѣе, были сильны и выносливы, но нога моя распухла и мучила порядкомъ. Окружающіе меня въ главной квартирѣ люди всѣ болѣе или менѣе были мнѣ симпатичны: налѣво отъ меня разбиты были палатки полковника Колокольцова (когда-то преображенца, женатаго на княгинѣ Вяземской), Щербинскаго и сапера Пукалова, а направо адъютантовъ Кауфмана: Флита, Колокольцова 2-го и Адеркаса, далѣе флигель-адъютанта графа Берга, барона Крюднера, Струве и князя Голицына. Во время нашего движенія я вставалъ до разсвѣта, пилъ чай при огнѣ и немедля на конѣ пускался впередъ, пока на ставкѣ моей начиналось длинное, трудное и скучное вьюченіе вѣчно ревущихъ верблюдовъ. Они послушны, сносливы и терпѣливы. По приказанію хозяина-вожака (лаучи) они ложатся на землю и не двигаются, пока не уложатъ между ихъ горбовъ всю кладь, а затѣмъ встаютъ и, привязанные другъ за другомъ, вытягиваются вереницей и мѣрнымъ ходомъ шагаютъ свободно по пескамъ. Шагъ ихъ небольшой, а потому вьючный на верблюдахъ обозъ значительно отставалъ отъ всадниковъ. Дойдя до назначеннаго для ночлега пункта, приходилось долго,

Библиотека "Руниверс"

часа два, три и болѣе, подъ открытымъ небомъ ожидать верблюдовъ, но какъ только они появлялись, черезъ четверть часа уже были разбиты палатки и юрты, устроены коновязи, пылали костры, шумѣли самовары, словомъ весь лагерь приходилъ въ усиленную дѣятельность для быстрѣйшаго удовлетворенія голода, жажды и отдохновенія. Пройденная нами степь, названная «Голодною», не представляла глазу ничего отраднаго; все, что было видно кругомъ, на всѣ стороны, это безконечная равнина, а съ нею неминуемые миражи, смутно представляющіе всѣ движущіеся предметы нашего каравана въ превратномъ видѣ. Топливо и кормъ надо было везти съ собою на вьюкахъ, такъ какъ никакой растительности въ степи не существуетъ, и, кромѣ множества никуда не годныхъ черепахъ, никого не встрѣтишь. Впрочемъ, со втораго уже дня существованія бивуака на рѣкѣ Клы, въ шести верстахъ отъ Джюзака, уже весь туземный базаръ ихъ города перемѣстился къ намъ въ лагерь, гдѣ съ самаго разсвѣта раздавались кругомъ нашихъ палатокъ пронзительные возгласы сартовъ, торговавшихъ лепешками, яйцами, масломъ, молокомъ и всякой дрянью... Надо сказать, что за три дня до выступленія изъ Ташкента главной квартиры Бергъ, бывшій безсмѣннымъ ординарцемъ при Кауфманѣ, объѣхалъ всѣхъ насъ съ порученіемъ отъ высшаго начальства, объявить всѣмъ состоящимъ въ свитѣ его превосходительства, что онъ приглашаетъ насъ во все время предстоящаго похода продовольствоваться обѣдомъ и завтракомъ у него, главнаго начальника отряда, а потому и предлагалъ брать съ собою какъ можно меньше вещей, дабы ими не увеличивать объема слѣдующаго за отрядомъ обоза. Большинство нашей братіи очень обрадовалось этому предложенному гостепріимству Кауфмана, не только обезпечивавшему потребности ихъ желудковъ, но и избавлявшему отъ неминуемыхъ хлопотъ, затрудненій и препятствій при устройствѣ продовольствія собственными средствами.

Въ лагерь на Клы вмѣстѣ съ Константиномъ Петровичемъ подъѣхали къ намъ въ составъ главной квартиры еще три новыхъ личности: Блокъ съ сотоварищемъ Лукашевымъ и Сабуровъ. Первый привезъ мнѣ письмо отъ Софьи и поклоны отъ графа Гейдена съ приглашеніемъ обоихъ оказать подателю всякое съ моей стороны содѣйствіе въ походной жизни. Я встрѣтилъ Блока, какъ стараго однокашника по пажескому корпусу и какъ настоящаго сослуживца по оружію и должности. Блокъ очень добрый малый, наружностью настоящій кирасиръ, здоровый и сильный. Особенно замѣчательна была его нѣжная дружба къ товарищу по полку, Лукашеву. Сабуровъ былъ также красивый, ловкій, очень неглупый штабъ-офицеръ, окончившій курсъ въ юридической академіи. Всѣ они состояли по армейской кавалеріи и назначены были въ распоряженіе главнаго начальника хивинскаго отряда.

Библиотека "Руниверс"

На бивуакѣ въ Клахъ послѣ двухъ теплыхъ, даже, можно сказать, жаркихъ дней вдругъ наступила стужа; цѣлыя сутки лилъ дождь, ночью заревѣла буря, и къ утру выпалъ глубокій снѣгъ. Слѣдующій день, 12-го марта, было не легче. Вѣтеръ холодный и очень сильный рвалъ палатки и къ ночи снова нагналъ мятель и вьюгу. 13-го марта съ утра долженъ былъ выступить 1-й эшалонъ полковника Колокольцова, къ которому я приказомъ наканунѣ былъ назначенъ помощникомъ. Всю эту ночь бушевала страшная непогода, отразившаяся на ногѣ моей; отъ вечерней до утренней зари промучившись сверхъестественною болью, при усиленной опухоли, я съ великимъ трудомъ всталъ съ постели и увидавъ, что творится въ атмосферѣ, убаюкивалъ себя надеждой, что, авось, выступленіе будетъ отмѣнено. Намокшія отъ дождя и снѣга палатки и веревки къ нимъ, захваченныя утреннимъ морозомъ свыше 12°, обледенѣли и закорузли совершенно. Снять и развязать ихъ, казалось, невозможно, тѣмъ болѣе застывшими солдатскими руками, совершенно закоченѣвшими на мятели и порывистомъ при сильномъ морозѣ снѣгѣ. Разсуждать младшимъ да къ тому же въ военное время не полагается, а потому, дрожа отъ холода, солдатики послѣ неимовѣрныхъ усилій и борьбы съ разгулявшимися стихіями, сняли палатки, навьючили верблюдовъ и по колѣна въ снѣгу поплелись вереницей по бушующей степи. Мокрый снѣгъ билъ въ глаза, а пронзительный вихрь прохватывалъ насквозь, когда мы вытянулись изъ лагеря и шагъ за шагомъ, съ черепашьей быстротой, стали ползти по необъятной равнинѣ, представляющей въ это время хаосъ и запустѣніе. Стало смеркаться, когда послѣ мучительной пытки, длившейся болѣе десяти часовъ сряду, передовая кучка людей достигла ночлега съ очень скуднымъ запасомъ дровъ. Съ великимъ трудомъ разведя огонь, люди не помышляли о варкѣ себѣ горячей пищи, а употребивъ всѣ дрова на костры, лишь бы отогрѣть у нихъ свои заледенѣвшіе члены, стали глодать одни сухари.

Чуть живой отъ стужи, а особенно отъ нестерпимой боли въ ногѣ, я не слѣзъ, а свалился съ сѣдла на снѣгъ, и не помню хорошо, скоро ли затѣмъ уложилъ меня Кузьма въ джаломейку, взваливъ поверхъ меня цѣлую груду тяжелыхъ кошмъ, одѣялъ и попонъ. Ночью пришелъ я въ себя и, почувствовавъ усилившіяся страданія въ ногѣ, а вмѣстѣ и нестерпимое давленіе, сталъ взывать о помощи, но напрасно. Чудовищно-мучительная ночь эта, наконецъ, прошла, но съ наступленіемъ дня открылась грустная картина при видѣ страдальческихъ лицъ солдатъ. Изнобленныхъ въ 1-мъ эшалонѣ нашемъ оказалось до 18-ти человѣкъ, изъ которыхъ два солдата и пять лаучей отдали Богу душу, одинъ здѣсь на ночлегѣ, а прочіе въ степи...

Слѣдующій переходъ удалось совершить при нѣсколько лучшихъ

Библиотека "Руниверс"

условіяхъ, по крайней мѣрѣ безъ потери человѣческихъ жизней, а къ третьему ночлегу погода измѣнилась къ лучшему, и хотя снѣгъ, превратившійся въ жидкую слякоть, и затруднялъ движеніе, но не мѣшалъ варить горячую пищу и по ночамъ засыпать богатырскимъ сномъ русскому воинству.

Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ ночей съ проливными дождями, промочившими всѣ пожитки бѣдныхъ солдатъ, наконецъ, стихло, потеплѣло и уже стало сильно припекать на солнцѣ. Нога меня измучила, отекъ былъ такъ силенъ, что при крѣпкомъ бинтованіи утромъ и вечеромъ я все еще не могъ надѣть сапога и ходилъ въ валенкѣ.

Начальникъ 1-го эшалона, престарѣлый полковникъ Колокольцовъ, когда-то блестящій гвардейскій офицеръ, занималъ не послѣднее мѣсто въ средѣ золотой молодежи въ Петербургѣ, гдѣ по связямъ и состоянію игралъ роль. Впослѣдствіи по разстроеннымъ дѣламъ оставилъ службу, а затѣмъ вступилъ опять, но на дальнюю окраину, а именно въ Семирѣчье, гдѣ долго командовалъ батальономъ, по сдачѣ котораго на законномъ основаніи и состоялъ при Кауфманѣ во время похода. Ему, какъ старшему полковнику въ отрядѣ, поручена была 1-я колонна, которую онъ и велъ съ оригинальными пріемами и подражаніями великому Суворову. Всѣ же, коротко его знавшіе, отзывались о немъ, какъ объ очень добромъ и отлично-честномъ человѣкѣ.

Вскорѣ я получилъ самостоятельное командованіе надъ колонной и долженъ былъ на 11 дней отдѣлиться отъ главной квартиры и прочихъ эшелоновъ авангардомъ на 220 верстъ по сыпучимъ пескамъ, имѣя ночлеги съ мерзѣйшею водою. Въ Темиръ-Кабукѣ была общая дневка, на границѣ нашихъ владѣній. Это селеніе было послѣднее пристанище въ обитаемой мѣстности, и отсюда уже начиналась Кизиль-Кумъ, степь безлюдная, песчаная и пустынная, съ очень скуднымъ запасомъ воды, исключительно добываемой изъ колодцевъ, вырытыхъ по пути каравановъ къ Аму-Дарьѣ. Главной помѣхой въ движеніяхъ нашихъ было громадное число верблюдовъ, на которыхъ везлись всѣ тяжести: провіантъ, артиллерійскіе снаряды и паркъ, инженерные и интендантскіе транспорты и, наконецъ, пожитки частей войскъ и собственно наши. Верблюды эти были изнурены до крайности, а потому везли вьюки очень плохо. Значительное ихъ количество уже пало и многіе рѣшительно отказывались отъ дальнѣйшаго движенія. Впрочемъ, была у насъ надежда имѣть въ верблюдахъ подкрѣпленіе сначала отъ бухарскаго эмира, при пресѣченіи его владѣній, а потомъ въ Тамдахъ, гдѣ должны были быть верблюды киргизскіе. Про непріятеля циркулировали смутныя свѣдѣнія, что онъ готовился будто бы насъ встрѣтить, и что нѣсколько значительныхъ шаекъ уже рыскали по степи и портили намъ колодцы. Въ силу этихъ извѣстій и при-

Библиотека "Руниверс"

казано было мнѣ произвести движеніе авангарднаго моего эшелона со всѣми военными предосторожностями во избѣжаніе повторенія злополучнаго происшествія съ начальникомъ кавказскаго отряда, полковникомъ Маркозовымъ, у котораго, по слухамъ, отбилъ непріятель всѣхъ верблюдовъ. Въ Тамдѣ всѣ отряды должны были соединиться.

Итакъ съ 21 числа я двигался съ отдѣльнымъ отрядомъ моимъ по сыпучимъ пескамъ медленно, но благополучно, и на седьмомъ переходѣ дождался опять соединенія съ прочими эшелонами. Чрезмѣрная потеря верблюдовъ дѣлалась все чувствительнѣе, и вотъ, придумывая, какъ бы помочь горю, мы стали здѣсь, среди песчаной степи, гдѣ постоянно свирѣпствуютъ страшные вѣтры, поднимающіе цѣлыя тучи песка и въ то же время срывающіе юрты и палатки. За то вездѣ, въ глазахъ, ушахъ, носу, на столѣ и на кровати былъ густой слой пыли, пыли и пыли!

Въ теченіе послѣдней недѣли, вставая на ноги часа за два до разсвѣта, мы цѣлый день, качаясь на сѣдлѣ или пѣшеходомъ по щиколку увязая въ пескѣ, ползли по степи, одолѣвая переходы отъ 20 до 30 верстъ. Передъ вечеромъ съ трудомъ достигали колодцевъ, которые всѣ были на перечетѣ въ неизмѣримой Кизиль-Кумской степи, и тутъ-то, около этихъ единственныхъ признаковъ дѣянія рукъ человѣческихъ, изнуренные голодомъ и жаждой, мы засыпали до слѣдующаго утра, когда опять раздавались сигналы подъема и движенія впередъ, и снова мѣрнымъ алюромъ шагали по степи, наводящей уныніе. Не смотря на это, только прояснялась погода, люди были снова бодры духомъ и сильны надеждами; не умолкали удалыя пѣсни и на ночлегахъ, во время сборки или скучнаго развьючиванія верблюдовъ, раздавался смѣхъ и веселый говоръ. Молодцы солдаты русскіе! Чего, чего нельзя сотворить съ подобными героями! Горсть сухарей, плохихъ и черствыхъ, глотокъ воды, соленой и зловонной, а если въ добавокъ еще ласковое, одобрительное слово начальства, умѣющаго на самомъ себѣ дать примѣръ самоотверженія,—и солдатъ счастливъ и всѣмъ доволенъ. А подчасъ сидѣли мы и впроголодь, такъ какъ подвозъ провіанта былъ далеко не легокъ; къ тому же продовольственный транспортъ высланъ былъ по какому-то недоразумѣнію не непосредственно за нами, а недѣлю спустя. Въ ожиданіи его и соединились мы снова въ одинъ отрядъ. Больныхъ у насъ пока было мало, суровая погода смѣнилась теплыми, ясными днями, которые скоро должны были перейти въ грозныя жары. Приближался праздникъ Свѣтлаго Воскресенія. Недостатокъ во всѣхъ жизненныхъ припасахъ былъ очень чувствителенъ, но намъ обѣщали къ торжественнымъ праздникамъ подвезти отъ сосѣдей бухарцевъ муки и даже яицъ, чтобъ похристосоваться по формѣ.

О Казалинскомъ отрядѣ получены удовлетворительныя свѣдѣ-

Библиотека "Руниверс"

нія; 25 марта, на пути его слѣдованія степью, заложено было укрѣпленіе Благовѣщенское и черезъ нѣсколько дней ожидали его соединенія съ нами.

Въ Арестанъ-бель-Кудукѣ совершенно неожиданно оказался недостатокъ воды, и 1-й эшелонъ двинули опять на новый пунктъ къ колодцу Момандзанъ. Во всѣхъ колодцахъ вода изсякла до того, что ужъ не было возможности удовлетворить разомъ всѣхъ людей, верблюдовъ и лошадей, и потому передвиженіе наше было крайне необходимо. Новой контрибуціей съ сосѣднихъ и намъ подвластныхъ племенъ кочующихъ киргизъ каракалпаковъ отряды хотя и были снабжены свѣжими верблюдами, но такъ какъ это была весна, то животныя съ трудомъ переносили навьюченный на нихъ грузъ и кончали тѣмъ же падежомъ, какъ и предыдущіе. Оставалось всего шесть переходовъ до м. Халааты (уже въ предѣлахъ хивинскихъ) откуда до Аму-Дарьи было около 60 верстъ.

Хивинскій ханъ выслалъ русскихъ плѣнныхъ въ городъ Казалинскъ, а при нихъ и посольство для переговоровъ. Оставшійся въ Казалѣ за старшаго, нашъ воинскій начальникъ плѣнныхъ принялъ, но, не имѣя полномочія вступать въ переговоры, отправилъ посольство въ догоню Кауфману; тотъ же, по полученіи о томъ донесенія, послалъ къ нему на встрѣчу категорическое приказаніе обратиться восвояси, такъ какъ для всякихъ переговоровъ съ ханомъ теперь уже поздно и рѣшать вопросы о мирныхъ съ нимъ условіяхъ возможно только по взятіи Хивы.

Со дня на день ждали мы также прибытія интендантскаго транспорта съ провіантомъ, но еще раньше облетѣла весь лагерь вѣсть, что какая-то предпріимчивая личность изъ туземныхъ торговцевъ везетъ къ намъ въ отрядъ муку и яйца изъ предѣловъ Бухары. Все бросилось на встрѣчу оборотливаго героя, оказавшагося вовсе не туземцемъ, а москвичемъ, pur-sang, Громовымъ, главнымъ приказчикомъ Хлудова.

Во вновь сооруженномъ балаганѣ, за скудной трапезой, встрѣтило общество офицеровъ нашего эшелона день Воскресенія Христова. Послѣ взаимныхъ поздравленій и задушевнаго христосованія между собою провели мы эту ночь побратски, въ восторженномъ настроеніи духа. Ракета, высоко взлетѣвшая къ облакамъ, среди темной ночи возвѣстила отряду о великомъ событіи, и въ ту же минуту на всѣхъ фасахъ лагеря раздалось стройное пѣніе «Христосъ Воскресе», повторенное съ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ во всѣхъ юртахъ, палаткахъ, шатрахъ и балаганахъ, гдѣ только гнѣздилась живая душа нашего православнаго воинства. Первый день праздника, послѣ безсонной ночи, мы всѣ провели въ горизонтальномъ положеніи, а на второй день, въ видѣ развлеченія, я даже ѣздилъ за нѣсколько верстъ въ сторону на охоту, съ капитаномъ Рѣзвымъ. Наконецъ, послѣ длиннаго плаванія по морю пе-

Библиотека "Руниверс"

сковъ, достигли мы Халааты. Пора было перевести духъ, болѣе семи недѣль не слѣзали мы съ лошадей, кромѣ дневокъ, представляющихъ сами по себѣ ничтожное отдохновеніе утомленному тѣлу. Каждому изъ насъ опротивѣло смотрѣть на осѣдланную лошадь, безъ которой, однако, путешествіе это было бы совершенно немыслимымъ. Самое бойкое перо врядъ ли сумѣетъ описать всѣ переиспытанныя истязанія отъ зноя, вѣтра и особенно отъ сильнаго буруна, который нѣсколько дней свирѣпствовалъ въ степи, подымая тучи песку, затмевая собой солнце, страшно воспаляя глаза... Свѣта Божьяго не было видно, только высунешься изъ юрты на воздухъ, густая мгла охватываетъ съ ногъ до головы и легкимъ щебнемъ, какъ градомъ, хлещетъ по лицу, сильно, больно, до крови.

До Аму-Дарьи отсюда еще предстояла безводная степь, безъ всякихъ признаковъ какихъ бы то ни было источниковъ влаги. Пространство этой пустыни въ точности еще никто не зналъ. Нога русская здѣсь еще никогда не ступала, а проводники наши, то-есть киргизы-кочевники, давали самыя разнорѣчивыя показанія. Наступила тяжелая минута развязки сложнѣйшихъ соображеній, какъ преодолѣть предстоящія затрудненія къ достиженію спасительной Аму-Дарьи и затѣмъ какъ побѣдить не одну природу, но и врага, будто бы (опять таки по слухамъ) въ громадныхъ силахъ ожидающаго насъ на слѣдующихъ переходахъ, не желая допустить до рѣки своей. Онъ прибѣгъ уже къ самой дѣйствительной и болѣе другихъ вредной мѣрѣ—порчѣ и уничтоженію на пути нашемъ всѣхъ колодцевъ, чѣмъ и заставилъ насъ идти на турсукахъ, другими словами, съ запасомъ воды съ собою, что, конечно, при несостоятельныхъ перевозочныхъ средствахъ и совершенной неизвѣстности пространства, представляло опасныя усложненія. Кауфманъ сталъ очень озабоченъ и молчаливъ, и не мудрено, отвѣтственность была не шуточная. Одно можно было только сказать, что при полномъ недостаткѣ самаго необходимаго, продовольствія включительно, удивительно, какъ мало было больныхъ и смертныхъ случаевъ, а наступилъ уже пятидесятый день нашего скитанія и безпрерывной борьбы съ расходившимся стихіями. Какъ-то назначили меня предсѣдателемъ комиссіи для провѣрки доброкачественности сухарей въ интендантскомъ складѣ, что вызвано было скоропостижной смертью одного солдатика, при вскрытіи котораго въ желудкѣ найденъ сухарообразный камень, вовсе не поддавшійся дѣйствію пищеваренія. Утромъ, вмѣстѣ съ членами комиссіи, приходимъ къ мѣсту склада. На удачу выбранные мною мѣшки высыпаются на землю, и глазамъ нашимъ представляются сухари черствые, заплѣсневѣвшіе и частью зеленые. Пристальнѣе присматриваемся и видимъ, о ужасъ! они двигаются и ползутъ отъ насъ въ разныя стороны. Загадочная подвижность эта, впрочемъ, скоро объяснилась: черви, спокойно поселившіеся въ сухаряхъ, почуявъ свѣжій воз-

Библиотека "Руниверс"

духъ, пустились въ ходъ, увлекая за собой и временныя помѣщенія свои, очень любопытныя для наблюденій, но отнюдь не для удовлетворенія отощавшихъ солдатскихъ желудковъ.—«Какъ нашли вы сухари?»—спросилъ меня Кауфманъ.—«Удивительными, ваше высокопревосходительство, — отвѣтилъ я: — если только сумѣть дать имъ надлежащее направленіе, они безъ всякой посторонней помощи и перевозочныхъ средствъ сами дойдутъ до Хивы». Послѣ подробнаго объясненія Кауфманъ тотчасъ же велѣлъ предать ихъ истребленію, возложивъ ущербъ казны на счетъ виновныхъ интендантскаго вѣдомства.

Тогда же приступлено было и къ устройству печей, въ которыхъ пекли хлѣбъ и свѣжіе сухари для дальнѣйшаго движенія. 23 апрѣля заложена была нами новая крѣпость, Георгіевская, какъ стратегическій пунктъ опоры для дѣйствующихъ впереди войскъ и для склада вновь ожидаемаго провіанта.

25-го, какъ изъ земли выросъ передъ нами Попаригопуло, прибывшій въ отрядъ на курьерскихъ отъ Самары до Казалинска, а оттуда прыжками отъ одного эшелона къ другому. Послушать вновь прибывшаго собралась въ мою юрту большая компанія, вскорѣ засѣвшая за карты. Въ полночь усилившійся вѣтеръ перешелъ въ бурю и ежеминутно грозилъ снести бѣдную войлочную страдалицу. Вдругъ срѣди этого хаоса раздались выстрѣлы, и вслѣдъ за ними сигналы на рожкахъ тревоги. Струве, Голицынъ, Урусовъ и прочіе, а съ ними и я, стремглавъ ринулись изъ ярко освѣщенной юрты во тьму кромѣшную и среди общаго смятенія, барабаннаго боя, крика людей, бѣгущихъ и скачущихъ, толкотни и шума, едва нашли мы ближайшій, всего шаговъ за 50, фасъ лагеря, гдѣ съ неимовѣрною быстротой уже выстроились съ оружіемъ въ рукахъ солдаты, застигнутые звонкимъ призывомъ во время крѣпчайшаго ихъ сна. На дѣлѣ, впрочемъ, оказался чортъ не такъ страшенъ. Моментально выстроившіяся войска тщетно прождали непріятельскаго натиска, усиленно стараясь среди ночной темноты разсмотрѣть сквозь пыль и песчаную мятель грознаго супостата. Сигнальные рожки не переставали трубить тревогу. Только въ три часа утра разъяснилось смутившее весь лагерь обстоятельство: нѣсколько десятковъ туркменъ, отъѣхавшихъ далеко впередъ отъ своихъ авангардныхъ постовъ, встрѣтили казачьи пикеты, и случайно наѣхавъ на разъѣздъ, дали залпъ, а затѣмъ тягу, чѣмъ и взбудоражили весь лагерь.

Непріятель въ 50-ти верстахъ отсюда держалъ сильные пикеты, главныя же силы его придерживались Аму-Дарьи и ждали нашего приближенія. Намъ предстояла еще, какъ я уже сказалъ, страшная пустыня, страшная не встрѣчей съ полудикими ордами, а своимъ безводіемъ и неопредѣленностью протяженія. Любопытно было взглянуть и полюбоваться наружнымъ нашимъ видомъ. Безжа-

Библиотека "Руниверс"

лостное солнце сорвало съ каждаго не одну, а нѣсколько шкуръ. Носъ мой перемѣнилъ уже третью кожу, волоса, напудренные густою пылью и пескомъ, измѣнили свой цвѣтъ, глаза, воспаленные и опухшіе, плохо видѣли и слезились. Ко всему этому нестерпимая жара, доходящая въ послѣдніе дни до 47 град. и спадающая на ночь до 34-хъ.

Какъ грустный примѣръ губительнаго вліянія на нервы человѣческіе всей этой томительной обстановки, можетъ служить слѣдующая катастрофа съ инженернымъ полковникомъ Романовымъ, слѣдовавшимъ въ Казалинскомъ отрядѣ за нами. Въ Солтанъ-Биби онъ пулей изъ револьвера раскроилъ себѣ черепъ, оставивъ собственноручную записку, объяснявшую, «что пережить овладѣвшей имъ тоски въ степи онъ болѣе не можетъ, а потому прощается съ семьей и кладетъ конецъ этой пыткѣ»... По слухамъ, полковникъ Романовъ стоялъ въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ по службѣ, не былъ несчастенъ въ семейномъ быту и оставилъ послѣ себя много цѣнныхъ вещей и до четырехъ тысячъ наличными деньгами.

Постройка форта св. Георгія продолжалась недолго, и весь отрядъ двинулся къ Адамъ-Кылгану, куда еще 26 числа отправилась передовая колонна подъ начальствомъ генералъ-маіора Бардовскаго. Впереди этой колонны спокойно ѣхали подполковники Ивановъ и Тихменевъ, каждый съ двумя казаками и нѣсколькими киргизами проводниками. Въ 9-мъ часу вечера, entre chien et loup, еще до восхода луны, группа означенныхъ людей, незамѣтно отдѣлившаяся отъ головы колонны версты на двѣ, была внезапно окружена конными хивинцами, въ числѣ до 150 человѣкъ. Офицеры приказали казакамъ спѣшиться и пѣшкомъ вмѣстѣ съ ними составили тѣсную кучку, при чемъ изъ-за лошадей своихъ стали отстрѣливаться изъ ружей и револьверовъ въ надеждѣ на скорую себѣ помощь изъ идущей по ихъ слѣдамъ колонны. Толпы непріятельскихъ всадниковъ неоднократно бросались въ шашки на нашу горсть храбрецовъ, стойко отражавшихъ нападеніе. Врагамъ, однако, удалось холоднымъ оружіемъ нанести смертельные удары двумъ киргизамъ-проводникамъ, а остальныхъ всѣхъ безъ исключенія переранить ружейными пулями, пока подоспѣвшій взводъ пѣхоты не спасъ ихъ отъ окончательной гибели.

Въ этой неожиданной стычкѣ непріятеля съ ничтожной горстью нашихъ джигитовъ наглядно выказалась уже несостоятельность перваго. Хивинцы уронили традиціонную свою непобѣдимость, а также доказали, что огнестрѣльное оружіе ихъ ничего не стоитъ. Ивановъ впрочемъ былъ раненъ въ ногу и въ руку, а Тихменевъ въ голову и руку.

30-го и мы подтянулись къ нимъ и едва разбили бивуакъ и повалились на отдыхъ, крайне необходимый для всего утомленнаго тяжелымъ переходомъ отряда, какъ на разсвѣтѣ опять были раз-

Библиотека "Руниверс"

бужены рѣзкимъ сигналомъ тревоги. Непріятель, въ числѣ до 300 человѣкъ, сдѣлалъ нападеніе на лагерь, точнѣе сказать, на ночную цѣпь, но, встрѣченный мѣткимъ огнемъ стрѣлковъ, недолго держался и вскорѣ скрылся, оставивъ незначительный уронъ. Стоянка наша, на Адамъ-Кылганѣ (въ переводѣ: смерть человѣка), страшными красками описанномъ извѣстнымъ на востокѣ путешественникомъ Вамбери, замѣчательна была по подвижнымъ, изъ сыпучаго песка, барханамъ, при каждомъ степномъ буранѣ измѣняющимъ свои очертанія. Вся кругомъ мѣстность, безъ всякаго признака растительности, даже и колючки, представляла волнистую низменность, покрытую сплошь буграми, въ формѣ бородавокъ, рыхлыхъ, вязкихъ и неимовѣрно подвижныхъ. Нога вязла глубоко, не находя нигдѣ прочной точки опоры. Но зато вода добывалась здѣсь легче, и колодцы рылись не глубоко, что и исполнила заранѣе прибывшая сюда колонна генералъ-маіора Бардовскаго. Отсюда до Аму кто считалъ 50, кто 100 верстъ. Въ одномъ только показанія сходились, что до самой рѣки на пути не будетъ никакихъ колодцевъ, а потому необходимо было пустить въ ходъ, запасенные еще съ Ташкента, турсуки. Къ сожалѣнію, дорогой они сплюснулись, разсохлись, потрескались и, когда налили въ нихъ воду, то многіе оказались негодными.

За послѣднее наше движеніе къ Алты-Кудуку много видѣли мы горя, еще болѣе бѣдствій грозило намъ, но великъ Богъ русскій, всѣ мы остались живы, хотя до Аму все еще не дошли.

Въ ночь съ перваго на второе мая мы тронулись съ позиціи Адамъ-Кылганъ и потащились по глубокому, сыпучему песку, съ твердымъ намѣреніемъ во что бы ни стало одолѣть всѣ препятствія и достигнуть благодатнаго Аму, но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ. Взошедшее въ тотъ день солнце какъ-то раненько и особенно жестоко стало жечь насъ. Люди, лошади и верблюды сразу страшно утомились и съ великимъ трудомъ передвигали ноги, обливаясь потомъ. Авангардъ, не стѣсняясь обозомъ, значительно растянувшимся сзади, напрягалъ всѣ силы къ движенію впередъ и послѣ безостановочныхъ усилій въ теченіе 10 часовъ сряду проползъ 20 верстъ. Сдѣланъ былъ привалъ въ ожиданіи аріергарда, далеко отставшаго за нами. Группами повалились мы на раскаленную почву и, кое-какъ устроивъ холодки, т. е. развѣсивъ, что было подъ рукою, съ солнечной стороны, тоскливо ожидали, пока подтянутся наши вьюки. Былъ третій часъ по полудни, жажда мучила съ утра, во рту пересохло, но ни чая, ни воды на лицо не было! Въ тупомъ одурѣніи, обезсилѣвъ физически, мы молча лежали часъ, два, четыре, а аріергарда еще не было видно. Изрѣдка подходящіе изъ обоза люди передавали намъ сначала неутѣшительныя, а затѣмъ и самыя тревожныя свѣдѣнія объ отчаянномъ положеніи вьючнаго обоза, подъ которымъ верблюды

Библиотека "Руниверс"

падали сотнями, при чемъ вещи, казенныя и частныя, безмилосердно сожигались на мѣстѣ. Крайняя мѣра эта была объявлена въ приказѣ по отряду еще наканунѣ, но всякій лелѣялъ себя надеждой, что, авось, онъ избѣгнетъ злой участи. Старикъ Колокольцовъ, нетерпѣливо ожидавшій прихода своихъ трехъ верблюдовъ, обѣщалъ намъ, ближайшимъ сосѣдямъ, напоить насъ чаемъ, при чемъ похвалился исправностью своихъ турсуковъ, своевременно смазанныхъ, а потому вполнѣ надежныхъ. Съ завистью слушая его рѣчи, мы предвкушали обѣщанное имъ наслажденіе смочить глотку горячимъ и въ походѣ несравнимымъ ни съ чѣмъ чаемъ, когда наконецъ предсталъ предъ нимъ Жокрисъ его, но не съ тремя, а только съ двумя верблюдами. «Ну, Филатъ, давай живо чаю!» скомандовалъ ободрившійся полковникъ. «А вода-то, ваше высокоблагородіе?»—загадочно вопросилъ слуга. «Давай нашу, дуракъ, шевелись, ну, живо!»—отрѣзалъ баринъ. «У насъ ее нема, ваше высокоблагородіе, вся повытекла въ степу!»... «Какъ, что, почему, злодѣй, варваръ?»—посыпались на Филата грозные допросы... Объясненіе было коротко: одинъ изъ трехъ верблюдовъ Колокольцова зашатался, упалъ и издохъ, а расторопный Филатъ, обмѣнивъ съ него вьюкъ съ вещами на другаго верблюда, турсуки съ водою, какъ менѣе цѣнные, по его понятію, бросилъ, предварительно раскроивъ ихъ ножемъ, чтобы цѣлыми врагу не достались. Трагикомическій эпизодъ этотъ, однако, заставилъ насъ соблюдать возможную экономію съ драгоцѣнной влагой, тѣмъ болѣе, что она и такъ безостановочно сочилась изъ плохихъ турсуковъ.

Съ какимъ, о Боже, наслажденіемъ прильнули мы въ тотъ вечеръ къ мутному чаю и, отведя имъ душу, въ припадкѣ великодушія, предложили стаканъ этой горячей бурды злополучному Колокольцову. Между тѣмъ, давно миновалъ день, предназначенный для подъема и дальнѣйшаго движенія авангарда, а сигнала къ выступленію все не было. Около ставки начальника отряда мы замѣтили разныхъ киргизъ, изъ числа сопровождавшихъ отрядъ, а, подойдя ближе, услыхали скорбныя свѣдѣнія объ аріергардѣ, откуда Головачевъ запиской увѣдомилъ Кауфмана, что верблюды совершенно выбились изъ силъ, что значительная часть вьюковъ и казенныхъ тяжестей имъ уничтожена, а что съ остальными онъ хотя и подвигается, но на столько медленно, что ранѣе ночи не надѣется достигнуть нашей авангардной позиціи. Собственно о водѣ, везомой въ отрядныхъ турсукахъ, мы узнали, что она истекаетъ повсемѣстно, а потому остается ее слишкомъ мало не только на двое сутокъ, но даже на наступающую ночь. Положеніе становилось критическимъ.

До Аму оставалось еще слишкомъ 45—50 верстъ, которыя измученнымъ войскамъ и животнымъ безъ воды перейти было немыслимо, невозможно. Но и оставаться на мѣстѣ отряду оказывалось крайне опаснымъ, надо было предпринять что либо рѣшительное, но

Библиотека "Руниверс"

что? Одна надежда зиждилась на розыскахъ киргизъ, отправленныхъ во всѣ стороны съ порученіемъ найти воды, безъ которой угрожала намъ общая гибель. Мучительно долго тянулось время. Смеркалось, взошла луна и освѣтила серебристыми лучами жалкую картину разстроеннаго русскаго бивуака, среди унылой, Богомъ забытой степи. Но, нѣтъ, Богъ не оставилъ насъ! Вдали, съ сѣвера, показались въ тѣни силуэты быстро двигающихся къ намъ всадниковъ, послышался топотъ коней ихъ, и черезъ нѣсколько минутъ, утомленные отъ усиленной скачки, два киргиза, соскочивъ съ лошадей, скороговоркой и размахивая руками, бойко стали сообщать что-то очень важное. Подбѣжалъ переводчикъ и объяснилъ Кауфману, что эти молодцы нашли, за одинъ ташъ отсюда, пять отличныхъ колодцовъ, глубокихъ, но не маловодныхъ. Пока командированный съ этими добрыми вѣстниками баронъ Аминовъ дѣлалъ осмотръ указанныхъ колодцевъ, подошелъ, наконецъ, съ аріергардомъ Головачевъ. Жалкій видъ имѣли эти несчастные люди, безъ малаго цѣлыя сутки бившіеся изъ всѣхъ силъ съ обозомъ, подъ палящими лучами солнца, безъ воды, безъ пищи, почти и безъ отдыха. Всякое движеніе впередъ или въ сторону было для нихъ въ ту ночь невозможнымъ; требовался непремѣнно привалъ въ нѣсколько часовъ для возстановленія упавшихъ силъ этихъ героевъ-мучениковъ, а потому, когда присланный джигитъ съ запиской отъ Аминова рѣшилъ вопросъ о доступности колодцевъ, Кауфманъ двинулся туда съ главною квартирой и одною конвойною сотней, приказавъ Головачеву слѣдовать за нимъ съ отрядомъ только послѣ надлежащаго отдохновенія, т. е. раннимъ утромъ. Мы тронулись налегкѣ и часа черезъ полтора ѣзды, подъ прямымъ угломъ отъ нашего пути къ Аму-Дарьѣ, на сѣверъ, по холмистой, изъ сплошныхъ барханов, мѣстности достигли наконецъ обѣтованныхъ колодцевъ, носящихъ, какъ оказалось, названіе Алты-Кудукъ. Ту ночь всѣ, кромѣ Кауфмана, которому казаки привезли палатку на сѣдлахъ, провели подъ открытымъ небомъ, почти не смыкая глазъ, въ ожиданіи прибытія обоза. Солнце было уже высоко, когда услышали мы шумъ приближающагося отряда, медленно ползущаго по глубокимъ пескамъ волнистой мѣстности. Скоро, устроившись въ своей юртѣ, я вздохнулъ свободно и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ, но не надолго. Случайно начальникъ инженеровъ, полковникъ Шлейферъ, избралъ мѣстомъ своего горячаго разговора съ капитаномъ Рѣзвымъ стѣны моей юрты и оторвалъ меня отъ сладкихъ сновидѣній къ грустной дѣйствительности. Да, пробужденіе мое было тяжелое, такъ какъ я тутъ невольно услышалъ отчетливое и обстоятельное объясненіе положенія отряда: изъ пяти колодцевъ на Алты-Кудукѣ оказались годными только три, да и въ нихъ воды было такъ мало, что далеко не могло хватить для удовлетворенія всего стянувшагося числа людей и животныхъ всѣхъ эшелоновъ вмѣстѣ. При этомъ капи-

Библиотека "Руниверс"

танъ Рѣзвый докладывалъ Шлейферу, что всѣ усилія, предпринятыя имъ къ расчисткѣ двухъ засоренныхъ колодцевъ, оказались тщетными и очень опасными, такъ какъ въ одномъ изъ нихъ, на глубинѣ болѣе 20 аршинъ, двое саперъ задохлись отъ спертаго воздуха и на веревкахъ вытащены были бездыханные ихъ трупы. Шлейферъ волновался, спорилъ, и толки между ними еще не скоро прекратились; сонъ мой пропалъ безвозвратно, а въ головѣ зароились тревожныя мысли о дальнѣйшей нашей участи. Въ это время поспѣшно вошелъ ко мнѣ Струве и, усѣвшись на моей кровати, озабоченнымъ и взволнованнымъ тономъ сталъ посвящать меня въ отчаянное положеніе отряда. «Голубчикъ, Владиміръ Алексѣевичъ, ступай къ Кауфману, открой ему глаза на настоящее положеніе наше, ты не повѣришь, какое дѣйствіе на окружающихъ производятъ пропаганды нѣкоторыхъ. Они, какъ лава, расплываются по всему отряду, губительно заражая малодушныхъ и всюду наводя страхъ, уныніе, а главное полное сомнѣніе въ нашемъ спасеніи». На возраженія мои о неумѣстности соваться мнѣ не въ свое дѣло, безъ приглашенія Кауфмана, Струве настойчиво уговаривалъ меня идти непремѣнно и сейчасъ же; но адъютантъ начальника отряда, молодой Колокольцевъ, прервалъ разговоръ нашъ поспѣшнымъ вызовомъ меня къ Константину Петровичу. Я вскочилъ съ постели, живо одѣлся (умываться была роскошь недоступная) и черезъ пять минутъ подходилъ къ палаткѣ Кауфмана.

Константина Петровича засталъ я въ настежь открытой сартовской палаткѣ, задумчиво сидѣвшаго на своемъ chaise longue. Глаза его устремлены были въ одну точку, а мысли витали видимо далеко... Я подошелъ къ нему, въ двухъ шагахъ остановился, но онъ меня не замѣтилъ. Страшно измѣнился онъ за послѣдніе дни. Лицо осунулось и сморщилось, морщины на лбу обозначились рѣзкими чертами, а ввалившіеся глаза не горѣли обычнымъ огнемъ, а какъ будто померкли. Узнавъ меня, онъ привѣтливо протянулъ руку и впервые въ три послѣдніе года потоварищески обратился ко мнѣ: «Садись, Владиміръ Алексѣевичъ, и потолкуемъ. Я позвалъ тебя, такъ какъ глубоко цѣню твою боевую опытность и разсчитываю услышать твой взглядъ на настоящее положеніе. Къ четыремъ часамъ я назначилъ собраться военному совѣту».

Съ полною откровенностью рѣшился я по этому поводу высказаться передъ старымъ, уважаемымъ товарищемъ и ручался всѣмъ, что есть святого на землѣ, что отъ старшаго генерала до послѣдняго солдата, всѣ поголовно и безропотно исполнятъ святой долгъ присяги, преодолѣвъ всѣ бѣдствія въ десять разъ сильнѣйшія.

Ровно въ четыре часа собрались приглашенные на военный совѣтъ: наличный генералитетъ, всѣ баталіонные и батарейные командиры, начальники отдѣльныхъ частей и въ числѣ ихъ я. Столпились и кое-какъ размѣстились, кто сидя, кто стоя, а кто и лежа

Библиотека "Руниверс"

на коврѣ въ открытой настежь палаткѣ главнаго начальника отряда. Кауфманъ, усѣвшись посреди этой живописной группы, открылъ совѣтъ краткою рѣчью, которою выяснилъ настоящее, очень тяжелое положеніе отряда, при неизбѣжномъ условіи двигаться впередъ.

«Главною задачей въ настоящую минуту является у насъ, господа, — добавилъ онъ,—пріисканіе возможныхъ средствъ къ сокращенію потребнаго количества верблюдовъ для подъема необходимыхъ тяжестей; другими словами, я прошу вашего указанія на тѣ предметы нашего сложнаго обоза, безъ которыхъ мы могли бы обойтись въ предстоящемъ наступательномъ движеніи».

Водворилось глубокое молчаніе, никто не рѣшался высказать своего мнѣнія первымъ, какъ вдругъ одинъ изъ присутствовавшихъ, съ самодовольною улыбкой, вѣроятно, менѣе скромной, чѣмъ была она на лицѣ Колумба при открытіи имъ Америки, обратясь къ Кауфману, смѣло отчеканилъ предложеніе бросить и уничтожить запасный товаръ солдатскій. Ободренный этой мыслью, вскочилъ другой его товарищъ и поспѣшилъ высказать свое мнѣніе о пользѣ истребленія, помимо сапогъ, и вторыхъ солдатскихъ рубахъ... На губахъ Кауфмана мелькнула саркастическая улыбка, но онъ сдержался, я же не выдержалъ и поспѣшно спросилъ у обоихъ ревностныхъ отцовъ-командировъ, на сколько подобная утрата можетъ въ общемъ сократить верблюдовъ.

— Да не менѣе, какъ по семи верблюдовъ на каждыя двѣ роты,— былъ отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о сокращеніи сотенъ, если возможно, тысячи верблюдовъ, стоитъ ли бросать солдатское достояніе лишь изъ экономіи 40, что ли, верблюдовъ? По моему разумѣнію, ваше высокопревосходительство, — обращаясь къ Кауфману, горячо заговорилъ я,—слѣдуетъ сжечь и истребить все изъ офицерскаго имущества, но отнюдь не допускать и постыдной мысли объ уничтоженіи добра солдатскаго, какъ вѣрнѣйшаго средства къ полной деморализаціи войскъ.

Кауфманъ и всѣ его окружавшіе сочувственно отнеслись къ моему возраженію.

— Въ виду дознанной несостоятельности въ военныхъ доблестяхъ непріятеля, съ которымъ предстоитъ намъ драться,—вставилъ П.,— я предлагаю бросить здѣсь, конечно, не достояніе солдата, а всѣ запасы артиллерійскихъ снарядовъ, чѣмъ и сократится обозъ, по крайней мѣрѣ, на 600 верблюдовъ.

— Да, кстати уже, вмѣстѣ со снарядами бросить здѣсь и орудія, такъ какъ вторыя безъ первыхъ лишняя обуза!—иронически замѣтилъ одинъ изъ батарейныхъ командировъ.

Въ это время Кауфманъ вполголоса заговорилъ съ Головачевымъ.

Библиотека "Руниверс"

— Итакъ,—наконецъ громко сказалъ онъ:—вы обѣщаете, Николай Никитичъ, до вечера удовлетворить всѣхъ людей и лошадей, назначенныхъ мною къ дальнѣйшему слѣдованію къ Аму-Дарьѣ. Могу ли я положиться на ваши расчеты?

— Смѣло берусь исполнить приказанія вашего высокопревосходительства,—спокойно, похлопывая себя по животу, отвѣтилъ Головачевъ.—Сейчасъ же я сдѣлаю надлежащія распоряженія, и всѣ люди, лошади будутъ удовлетворены, а турсуки—снабжены водою.

— Въ такомъ случаѣ,—вставая объявилъ Кауфманъ,—извольте всѣ готовиться къ выступленію. Въ 11 часовъ подъемъ, въ половинѣ 12-го—сборъ, а ровно въ полночь—движеніе.

Но опять человѣкъ предполагаетъ, а Богъ...

Сколько бы ни было суждено мнѣ въ книгѣ судебъ маяться еще на бѣломъ свѣтѣ, но впечатлѣнія, испытанныя мною въ наступившіе затѣмъ часы знаменательнаго 3-го мая 1873 года, никогда до мельчайшихъ подробностей не забудутся мною. Они врѣзались не въ одну память, но и въ сердце мое, и пройдутъ многіе годы, а воображенію отчетливо будутъ представляться душу раздирающія картины страданій многихъ несчастныхъ жертвъ, свидѣтелемъ которыхъ пришлось мнѣ быть въ тотъ вечеръ.

Скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Раздача малаго количества наличной воды между всѣми потребителями въ отрядѣ, назначенномъ въ передовой легкій эшелонъ, оказалась на дѣлѣ не только затруднительной, но и просто невозможной. Точное и довольно быстрое распредѣленіе колодцевъ между частями войскъ и штабами, согласно обѣщанію Головачева, было исполнено добросовѣстно, но въ недостачѣ воды не онъ былъ повиненъ...

Когда при наступленіи сумерекъ Козьма мой прибѣжалъ объявить мнѣ, что на назначенномъ для главной квартиры колодцѣ воды не даютъ ни ему, ни людямъ Щербинскаго, мы опрометью бросились отстаивать на мѣстѣ законныя права наши. Добѣжавъ до колодца, мы сразу не могли до него протолкаться. Густая толпа людей сплошною стѣной окружала его, отчаянно защищая къ нему доступъ кого бы ни было. Ни просьбы, ни угрозы, ни ласки—ничто не подвинуло насъ на шагъ къ этому источнику не благъ земныхъ, а мутной жидкости, рѣшающей въ тѣ минуты вопросъ жизни и смерти.

Убѣдившись въ напрасныхъ усиліяхъ, мы съ Щербинскимъ порѣшили на время покориться необходимости выждать, пока отхлынетъ толпа, и отъ нечего дѣлать направили шаги въ сторону, къ коновязи казачьей батареи, съ которой какъ разъ въ это время не вели, а буквально тащили на арканахъ изнуренныхъ артиллерійскихъ лошадей на водопой къ другому, болѣе отдаленному колодцу. Всѣ офицеры батареи сами криками и понуканіемъ стара-

Библиотека "Руниверс"

лись содѣйствовать этой сложной операціи, но, не смотря на ихъ хлопоты, очень многія несчастныя клячи, тутъ же падая, издыхали. «Какъ же, однако, повезете вы орудія?»—невольно сорвалось у Щербинскаго.—«Рѣшительно и самъ не знаю!—отвѣчалъ старшій офицеръ батареи.—Лошади наши не только не напиваются вдоволь, но пятыя сутки не видѣли гарнца ячменя при этой трудности передвиженія, и какимъ образомъ они дотащили сюда орудія, мы и сами не постигаемъ».

Въ эту минуту взлетѣла сигнальная ракета, и во всѣхъ концахъ лагеря раздался бой вечерней зари, прерываемый слабымъ, болѣзненнымъ и унылымъ напѣвомъ въ ротахъ «Отче Нашъ». Сообразивъ, что въ настоящую минуту общей переклички людей отъ нашего колодца, вѣроятно, отступила толпа, мы поспѣшили туда и дѣйствительно на этотъ разъ встрѣтили препятствіе на пути къ колодцу только въ лицѣ лежащихъ людей, на которыхъ, при наступившей темнотѣ, мы натыкались ежеминутно. Не задолго передъ тѣмъ раздававшіеся здѣсь крики, брань и споры внезапно смѣнились глухимъ стономъ и отчаянными жалобами обезсиленныхъ страдальцевъ, тщетно старавшихся ползкомъ дотащиться до благодатнаго колодца. Въ минуту нашего появленія, подъ защитой сильнаго караула, удовлетворяли себя водой штабные топографы, но вскорѣ я убѣдилъ уступить и намъ очередь добыванія спасительной влаги, и съ помощью предложенной мною пятирублевой депозитки расторопному солдатику намъ удалось налить наши турсуки и отправить ихъ восвояси. Но въ это время опять со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться жаждущіе. Не обращая вниманія на то, что у нихъ было подъ ногами, они, на подобіе дикихъ звѣрей, ринулись къ водѣ, немилосердно топча почти безчувственныхъ товарищей. Съ выкатившимися наружу воспаленными глазами, эти злополучные страдальцы, казалось, ничего не видѣли и не соображали. Неистово напирая другъ на друга, они ломились впередъ, все ближе и ближе къ колодцу, а достигавшіе его падали отъ изнеможенія, при физической невозможности достать на свою долю воды, такъ какъ она струилась на глубинѣ 24 аршинъ. Убѣдившись въ своей безпомощности, нѣкоторые съ пронзительнымъ крикомъ стали отбивать выталкиваемые изъ колодца турсуки, что̀ послужило какъ бы сигналомъ къ общей, страшной свалкѣ...

Да нѣтъ! Живыми красками описать, что затѣмъ на нашихъ глазахъ произошло у этого колодца, сознаю, что не имѣю ни силъ, ни мужества. Не знаю, быть можетъ, я самъ отъ переиспытанныхъ въ послѣднее время истязаній слишкомъ раскисъ, разслабъ и раздражился, но на меня впечатлѣнія эти имѣли потрясающее дѣйствіе, и ночью, какъ и днемъ, во снѣ и наяву, я долго не переставалъ бредить и содрогаться отъ нихъ. Впрочемъ, сомнительно, чтобы нашелся человѣкъ здоровый, сильный, даже съ бычачьими нерва-

Библиотека "Руниверс"

ми, который былъ бы въ силахъ къ этому равнодушно отнестись, будучи невольнымъ зрителемъ мучительной борьбы насильственной смерти съ угасающею жизнью людей; слышать ихъ стоны, вопли и адскія страданія... Передо мною рельефно и во всѣхъ омерзительныхъ подробностяхъ мелькали обезображенныя лица, съ запекшимися губами и высунутыми, несообразно длинными, одеревенѣвшими, черными языками, въ предсмертной агоніи не перестающія еще явственно взывать: воды, воды, воды! Рядомъ съ этими, уже приговоренными жертвами, болѣе сильные, въ припадкѣ изступленія, бросались другъ на друга, царапались, грызлись и кусались, безсознательно надѣясь утолить свою жажду...

Всѣ старанія наши по мѣрѣ возможности водворить порядокъ и учредить очередь добыванія воды оказались здѣсь совершенно пока безуспѣшными. Въ возбужденномъ до сумасшествія настроеніи толпа людей этихъ не могла уже подчиниться ни дисциплинѣ, ни разсудку и, забывъ все на свѣтѣ, ради глотка воды, лѣзла на кулаки и зубы сосѣдей, на штыки отбивающагося у колодца караула.

Съ пробитія вечерней зари прошло около двухъ часовъ, времени до назначеннаго выступленія оставалось не много, а потому, потерявъ всякую надежду отвратить хоть частицу этого бѣдствія, ускоривъ добываніе этой по каплямъ струившейся на днѣ колодца влаги, мы съ сокрушеннымъ сердцемъ рѣшились сами оттуда выбраться и послѣ многихъ усилій, просьбъ и угрозъ протолкались черезъ эту живую изгородь у злополучнаго колодца и вздохнули наконецъ на свободѣ. Ночь была тихая, но очень темная. Ориентируясь огоньками въ палаткахъ, мы прямикомъ направились къ нашему бивуаку, но на полпути Щербинскій, проходя мимо палатки Фриде, зашелъ къ нему, а я одинъ поплелся далѣе. Приближаясь къ своей джаломейкѣ, я услыхахъ, что кто-то зоветъ меня. Я прислушался и узналъ голосъ Т.

— Я давно ищу васъ, Владиміръ Алексѣевичъ, и пришелъ не по секретному дѣлу, а по общему, близко касающемуся всего отряда. Сегодня утромъ вы были у командующаго войсками, движеніе впередъ было рѣшено и на военномъ совѣтѣ, ну, а теперь вы тоже того же мнѣнія?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, въ настоящую минуту я совершенно противоположнаго. Обстоятельства измѣнились, и если позволите высказать мое мнѣніе, я считаю сейчасъ движеніе впередъ совершенно невозможнымъ.

— А знаете ли вы въ точности положеніе отряда?—продолжалъ Т.—Выслушайте, что я сообщу вамъ.

— Позвольте, генералъ—перебилъ я,—полчаса назадъ Щербинскому и мнѣ пришлось видѣть то, отчего волосъ дыбомъ встанетъ.

И вслѣдъ за тѣмъ вкратцѣ я описалъ ему всѣ ужасы, которымъ былъ свидѣтелемъ.

Библиотека "Руниверс"

— Мнѣ кажется, — заключилъ я, — что войскамъ отступать нельзя ни на шагъ, этого требуетъ поддержка нравственнаго духа не только нашего, но и вліянія на непріятеля. Начальникъ отряда, генералъ Кауфманъ, мнѣ самъ говорилъ сегодня о своемъ намѣреніи только съ 8-ю ротами идти впередъ, а остальныя оставить на время здѣсь въ прикрытіе излишнихъ съ нами тяжестей. Въ 20 приблизительно верстахъ находятся пройденные нами Адамъ-Крылганскіе колодцы, не глубокіе, но обильные водою; слѣдовало бы отмѣнить всякое теперь движеніе впередъ, а предназначенныя остаться здѣсь роты сейчасъ же отправить обратно въ Адамъ-Крылганъ, какъ прикрытіе всѣхъ наличныхъ въ отрядѣ животныхъ, всѣхъ лошадей нашихъ, всей кавалеріи и артиллеріи. Отрядъ же, въ составѣ 8-ми ротъ пѣхоты, со всѣми тяжестями и складами пусть остается здѣсь на мѣстѣ, а на верблюдахъ и лошадяхъ отправлены должны быть въ Адамъ-Крылганъ всѣ турсуки и вся пустая посуда для воды. Такимъ образомъ, de facto, отрядъ нашъ, не отступая ни на шагъ, отдохнетъ здѣсь и оправится, а части, назначенныя въ прикрытіе животныхъ, сами по себѣ требующихъ не сравненно большаго количества пойла, чѣмъ люди, черезъ три, четыре дня, напоивъ всѣхъ вдоволь поголовно и наполнивъ свѣжею водою всю нашу посуду, вернутся къ намъ не только съ водою, но и съ провіантомъ, который долженъ подойти къ этому времени съ колонной Гринвальда. Сухарей у насъ теперь съ натяжкой на три дня. Впереди же навѣрняка разсчитывать на продовольственныя средства мѣстныхъ жителей, по меньшей мѣрѣ, рискованно; отъ артиллеріи же въ случаѣ боя потребовалась бы также еще и извѣстная подвижность, чтобы она дотащила орудія до непріятельской позиціи, немыслимая въ сущности до полученія ячменя, который также явиться долженъ вмѣстѣ съ сухарями. Конечно, тѣла орудій, ящики, лафеты и проч. пусть останутся здѣсь на мѣстѣ, а туда отправятся одни коноводы. Здѣсь же, стянувъ оставшійся отрядъ на болѣе тѣсный бивуакъ, учредить на колодцахъ правильную раздачу воды, которой, при наблюденіи дежурныхъ, хотя бы нашей братіи, состоящихъ при главной квартирѣ, должно хватить на всѣхъ людей лагеря.

Т. съ искреннимъ увлеченіемъ обнялъ меня и отправился къ командующему отряда.

Когда вопросъ о немедленномъ отправленіи части отряда, подъ командой генерала Бардовскаго, былъ рѣшенъ окончательно, мы тотчасъ же снарядили всѣ наши перевозочныя средства для слѣдованія съ пустою посудиной на Адамъ-Крылганъ, и въ минуту выступленія этой колонны сейчасъ же занялись распредѣленіемъ колодцевъ и раздачей воды, что̀, благодаря Бога, удалось сдѣлать правильно и въ удовлетворительномъ размѣрѣ.

Библиотека "Руниверс"

9-го мая, какъ ожидали, такъ и пришли обратно на Алты-Кудукъ колонна Бардовскаго, провіантъ и весь транспортъ Гринвальда, а также водяные наши запасы. Радостно привѣтствуя ихъ появленіе, мы стали собираться къ выступленію, назначенному въ тотъ же день, въ 5 часовъ по полудни. Ночевали мы на 10-е число въ степи, никѣмъ не тревожимые, а съ разсвѣтомъ потянулись далѣе, пока полуденная жара не вынудила остановиться на привалѣ. Отдохнувъ часа два, мы опять зашагали впередъ и, поднявшись на отлогій кряжъ, увидѣли на горизонтѣ три высокихъ и остроконечныхъ бархана. «Это Учъ-Учакъ!»—возвѣстилъ переводчикъ. Кауфманъ сейчасъ же разослалъ всѣхъ насъ по частямъ войскъ, поздравить ихъ съ достиженіемъ обѣтованнаго Учъ-Учака, стоявшаго преддверіемъ къ оазисамъ въ въ двухъ верстахъ отъ Аму-Дарьи. Дружное, по истинѣ восторженное солдатское «ура» со всѣхъ концовъ движущагося отряда потрясло воздухъ. На глазахъ многихъ я замѣтилъ слезы, обильно катившіяся по загорѣлымъ, дочерна обожженнымъ солнцемъ щекамъ такъ много перестрадавшихъ воиновъ-мучениковъ. Минута эта была высоко-торжественная и глубоко-трогательная, и было отчего.

Вскорѣ затѣмъ вдали показались непріятельскіе пикеты и густыя толпы всадниковъ. Перестроившись въ боевой порядокъ, мы продолжали наступленіе стройно, бодро и какъ-то особенно торжественно. Всѣ воскресли духомъ, прониклись вѣрой въ близость достиженія цѣли и въ окончаніе невѣроятныхъ, испытанныхъ мученій.

Былъ шестой часъ по полудни, когда въ виду зорко слѣдящаго за нашимъ движеніемъ непріятеля мы на ночлегъ заняли боевую позицію на возвышенности, съ которой открылся намъ видъ на темно-синюю, широкой лентой извивающуюся, Аму-Дарью. Враги стояли передъ нами въ одной верстѣ, самые отважные джигитовали ближе. Началась перестрѣлка, но слишкомъ неровная. Хивинцы, вооруженные винтовками стараго образца, изъ которыхъ пули летѣли на 120, много 150 шаговъ, не смѣли, конечно, соваться къ стрѣлкамъ, сильно и мѣтко сражавшимъ всадниковъ съ коней ихъ на 300 — 350 саженъ. Возможна ли была борьба при такихъ условіяхъ? Въ нѣсколько минутъ неравнаго этого состязанія непріятель на глазахъ всего отряда потерялъ трехъ человѣкъ убитыми и до восьми ранеными и благоразумно сталъ держаться на благородной отъ насъ дистанціи.

Съ наступленіемъ темноты во вражьемъ станѣ запылали костры на очень большомъ протяженіи и перестрѣлка въ цѣпи завязалась снова. Всю ночь трескотня не прекращалась, но въ сущности все дѣло ограничилось ружейнымъ огнемъ передовыхъ отъ отряда пикетовъ и два раза въ секретахъ, нагнавшихъ наконецъ страхъ на джигитовъ, дерзнувшихъ подъ прикрытіемъ темноты, слишкомъ

Библиотека "Руниверс"

близко подкрадываться къ цѣпи. Въ большинствѣ всѣ они дорого поплатились за свою отвагу, такъ какъ по утру ихъ тѣлъ подобрано было вокругъ лагеря болѣе двѣнадцати. Всю эту ночь напролетъ я не смыкалъ глазъ и, обойдя весь лагерь, для передачи словеснаго приказанія Кауфмана, чтобы войска, за исключеніемъ дежурныхъ частей на случай тревоги, не выходили въ ружье, а спокойно отдыхали, — имѣлъ не разъ случай, съ возвышенныхъ пунктовъ позиціи нашей, любоваться очень эфектнымъ зрѣлищемъ великолѣпной иллюминаціи. Количество и размѣры ярко пылающихъ костровъ все увеличивались, и огибая нашъ лагерь, костры почти охватывали его сплошнымъ кругомъ. Очевидно было, что непріятель прибывалъ и въ самомъ дѣлѣ намѣренъ былъ драться. Воображеніе мое рисовало живыя картины завтрашняго боя и, возбуждая нервы, лишало всякаго влеченія ко сну. Да не я одинъ, а многіе въ ту ночь не сомкнули глазъ, ожидая кровавой развязки, увы, не оправдавшей надеждъ нашихъ... За часъ до разсвѣта раздался сигналъ подъема, а съ первымъ мерцаніемъ утренней зари весь отрядъ зашевелился и воинственно сталъ наступать на врага, какъ казалось намъ, стойко выжидавшаго нашего приближенія. Издали полчища эти, по многочисленности своей, имѣли грозный видъ, внушающій если не страхъ, то уваженіе, но когда мы подошли ближе, разочарованіе воспослѣдовало полное.

Правда, хивинцы съ визгомъ и громкимъ крикомъ: уръ, уръ, уръ, большими массами бросались на насъ, но такъ нерѣшительно и робко, что огонь нашъ быстро обратилъ ихъ въ бѣгство. Въ безпорядкѣ отступали хивинцы вплоть до озера, близъ Учъ-Учака, не рѣшаясь нигдѣ дать намъ серьезнаго отпора, а здѣсь послѣ двухъ удачно разорвавшихся гранатъ нашихъ, среди столпившейся массы, они въ паникѣ разсѣялись окончательно. Кауфманъ отдалъ приказаніе подполковнику Главацкому вести кавалерію въ атаку, а мнѣ принять командованіе надъ пѣхотой, предназначенной къ штурму непріятельскихъ твердынь, на самомъ берегу рѣки. Начальникъ нашей кавалеріи, видя передъ собой за полъ-версты бѣгущаго непріятеля, бросился за нимъ въ атаку. Достигнувъ берега, хивинцы сѣли въ приготовленные каюки и бросились наутекъ, на противоположный берегъ. Трофеями остался одинъ непріятельскій каюкъ, при быстротѣ отступленія непріятеля сѣвшій на мель недалеко отъ берега. Графъ Бергъ очень удачно стрѣлялъ по немъ изъ штуцера, но нѣсколько человѣкъ хивинцевъ, составлявшихъ экипажъ этого судна, легли на дно его, всячески стараясь при томъ спихнуть его въ глубь. Подъѣхавшій съ остальнымъ отрядомъ Кауфманъ разрѣшилъ охотникамъ уральскихъ казаковъ вплавь подобраться къ каюку, и когда 10 молодцовъ, съ хорунжимъ Каменецкимъ во главѣ, въ костюмахъ Адама, подплыли къ нему, семь хивинцевъ бросились въ воду, но при страшной быстротѣ и глубинѣ ея на

Библиотека "Руниверс"

глазахъ нашихъ утонули. Казаки нашли на каюкѣ много разнаго имущества и до 30 головъ скота, очень цѣннаго при настоящей всеобщей голодухѣ.

Выпавшее же на мою долю лестное порученіе штурмовать непріятельскія твердыни потерпѣло фіаско, такъ какъ обнаружилось, что всѣ грозныя фортификаціонныя работы хивинцевъ заключались въ шалашахъ изъ прутьевъ, постыдно ими брошенныхъ.

Какъ бы то ни было, а рѣка шумѣла, ревѣла, и волны хлестали у самыхъ нашихъ палатокъ. И это не сонъ: теперь мы не можемъ умереть уже отъ жажды. Заколдованная, такъ долго не дававшаяся намъ рѣка наконецъ была въ рукахъ нашихъ, и мы твердою ногой стали на правомъ берегу этой широкой, быстрой и величественной Аму-Дарьи!

Нѣсколько приподнятое настроеніе появилось у насъ въ тотъ вечеръ 12 мая, когда при быстромъ переходѣ отъ бѣдственной обстановки въ Алты-Кудукѣ мы увидѣли себя въ чудную, лунную ночь среди богатой растительности оазиса, на берегу бушующей рѣки. Раздобывъ лодку, нѣсколько человѣкъ молодежи, съ Колокольцовымъ-сыномъ, нашимъ походнымъ трубадуромъ, отправились на середину рѣки; мы же, расположившись на коврахъ у самой воды, внезапно поражены были давно не слышанными, почти забытыми звуками хоровой всегда дорогой русскому сердцу пѣсни: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Мы обратились въ слухъ и вниманіе. Изъ туманной дали поднималось судно вверхъ по теченію и, рѣзко разсѣкая волны, неслось мимо насъ по широкому простору рѣки, фантастически отразившей въ водахъ своихъ дивные лучи красавицы луны. Пѣсня смолкла, но черезъ нѣсколько минутъ раздалась другая, на этотъ разъ исполненная на cornet à piston Колокольцовымъ: «Штендхенъ» Шуберта, мелодично и звучно, конечно, впервые со дня своего существованія огласила прелестный мотивъ свой въ этой дикой мѣстности, какъ будто жадно поглощающей незнакомые ей звуки, полные поэзіи и высокаго чувства мечтательности...

Послѣ долгихъ дней скорбной прозы, неотступно преслѣдовавшей насъ почти три мѣсяца сряду, «Штендхенъ» расшевелила ретивое и вызвала умиленіе и восторгъ. Знать, не на шутку натянула нервы намъ песчаная степь горемычная.

Выступленіе наше съ позиціи на другой день оттянулось до времени послѣ обѣда, по случаю отправленія нарочнаго въ Ташкентъ для донесенія на высочайшее имя о счастливомъ достиженіи туркестанскимъ отрядомъ Аму-Дарьи, равносильномъ занятію предмѣстья заколдованной Хивы. Опять зашагали мы, но при иныхъ условіяхъ, не по сыпучему песку, а по культурной мѣстности, не по мертвящей, безъ всякихъ признаковъ живой твари, унынiе наводящей пустынѣ, а по обработаннымъ полямъ, фруктовымъ садамъ

Библиотека "Руниверс"

и живописно-разбросаннымъ селеніямъ, хотя и покинутымъ пока жителями. Всѣ эти впечатлѣнія вызвали въ насъ отрадное расположеніе духа, поддержанное надеждами, что все должно измѣниться къ лучшему.

Подвигаясь все внизъ по рѣкѣ, мы пришли въ бывшее когда-то укрѣпленіе Акъ-Камышъ, разсчитывая въ тотъ же день занять городъ Шуруханъ, откуда предполагалась переправа на лѣвый берегъ, въ 60-ти верстахъ отъ Хивы. Но не такъ все осуществилось на дѣлѣ.

Только что разбили мы лагерь и всѣ повалились отъ зноя и сдѣланнаго нами 25-ти-верстнаго перехода отдохнуть въ палаткахъ, какъ насъ внезапно подняло приказаніе сопровождать начальника отряда на рекогносцировку. Нашъ бивуакъ на этотъ разъ былъ верстахъ въ восьми отъ Аму-Дарьи въ сторону, на большомъ арыкѣ, орошающемъ обработанную землю. Сюда-то прискакали съ берега доложить начальству о появленіи непріятеля по ту сторону рѣки, а такъ какъ русломъ ея ожидалось движеніе внизъ по теченію нашей маленькой, у непріятеля же взятой флотиліи (3 лодки и 1 баржа), то мы и пустились нарысяхъ съ двумя сотнями казаковъ высмотрѣть настоящее мѣстоположеніе, а равно и силы непріятеля. Что же представилось издали глазамъ нашимъ? На томъ берегу Аму-Дарьи, не менѣе 600 саженъ ширины, укрѣпленный лагерь и въ немъ масса шевелящагося люда, зорко слѣдящаго за нашимъ движеніемъ. Какъ только на одной съ нимъ высотѣ мы подъѣхали къ самому берегу, хивинцы открыли по намъ огонь изъ шести орудій. Стрѣляли они отлично мѣтко. Ни одно ядро не легло иначе, какъ среди насъ, но къ необычайному благополучію изъ 46 выпущенныхъ снарядовъ два только убили казачьихъ лошадей, а одно ядро, очень близко шлепнувшись около доктора Морева, испугало его коня, сбросившаго сѣдока на землю. Не имѣя съ собой артиллеріи, а потому представляя собою лишь безобидную мишень для непріятеля, мы шагомъ отошли изъ сферы дѣйствія хивинскихъ орудій, что, конечно, было наивно истолковано ими за громкую надъ нами побѣду. Въ лагерѣ ихъ раздались торжествующіе возгласы и неистово пронзительные звуки побѣдной трубы. Мой ходжентскій маленькій сѣрый, незнакомый со свистомъ снарядовъ, дѣлалъ неистовыя ланцады, почему я на нѣсколько минутъ лишнихъ проманежилъ его подъ выстрѣлами, а потомъ рысью нагналъ главную квартиру. Почтенному же нашему начальнику туркестанскаго отряда, Н. Н. Головачеву, Кауфманъ предоставилъ затѣмъ съ отдѣльною колонной артиллерійскій бой противъ укрѣпленной по ту сторону рѣки позиціи непріятельской. Съ 7-ми часовъ утра на слѣдующій день раздавалась на Аму-Дарьѣ сильная канонада и такъ близко отъ насъ, что Константинъ Петровичъ не выдержалъ и отдалъ приказаніе всей свитѣ сопровождать его на поле сраже-

Библиотека "Руниверс"

нія. Къ сожалѣнію, когда въ первомъ часу по полудни мы явились на мѣсто сраженія, Николай Никитичъ ужъ покончилъ съ хивинцами. Артиллерійскіе снаряды наши быстро выбили этихъ героевъ изъ ихъ мнимыхъ твердынь, и они, бросивъ крѣпость и орудія свои, пошли наутекъ. Жаль, что подъ рукой у насъ не было тогда перевозочныхъ средствъ для переправы, можно было бы свободно и безъ потерь завладѣть ихъ имуществомъ, оставленнымъ въ паникѣ на произволъ судьбы. Вновь созданная же флотилія наша подошла только вечеромъ, но слишкомъ поздно. Но каковы молодцы моряки наши, только три дня, какъ переименованные во флотъ изъ стрѣлковыхъ ротъ. Они явились не на 4-хъ, а на 16-ти судахъ, отбивъ у непріятеля съ обоихъ береговъ 12 баркасовъ, которые теперь вмѣстѣ съ захваченными здѣсь составили флотилію въ 19 штукъ. Въ лагерь же явились и представители всѣхъ сословій изъ города Шурахана, а съ ними вмѣстѣ подвезли оттуда разные съѣстные припасы. Пора, а то просто смерть! Послѣдніе дни не только у войскъ, то-есть у солдатъ, но у насъ, у всѣхъ офицеровъ, не было ничего. Мясо, сухари, ячмень, чай, сахаръ—все кончилось. Кауфманъ ужъ двѣ недѣли никого не кормилъ и голодалъ самъ, какъ и всѣ мы.

Дня черезъ три мы отошли отъ Акъ-Камыша всего на пять верстъ. Не много же,—подумаетъ каждый не знающій, что въ числѣ этихъ верстъ мы совершили великій подвигъ переправы на хивинскій берегъ. Напротивъ брошенныхъ хивинцами укрѣпленій, не смотря на ширину рѣки (до 600 саженъ), стянулся весь отрядъ, такъ какъ всѣ мы логически полагали, что именно тутъ-то въ виду бывшаго непріятельскаго лагеря и должно было быть самое удобное мѣсто. И дѣйствительно во многихъ мѣстахъ рѣки оказались отмели, и при широкомъ на этомъ пунктѣ разливѣ и сама глубина Аму была не такъ велика, какъ ниже, при суженіи ея между крутыми берегами. Не смотря на эти выгодныя условія, по причинѣ быстроты и той же широты рѣки, переправа производилась очень медленно. Главная задача состояла въ переправѣ верблюдовъ, изъ которыхъ многіе погибли въ быстрыхъ волнахъ Аму.

---

21 мая въ числѣ другихъ присутствовалъ я по обязанностямъ службы при церемоніалѣ навѣшиванія знаковъ отличія военнаго ордена на успѣвшихъ у насъ отличиться. Кауфманъ собственноручно возлагалъ кресты на выстроенныхъ нижнихъ чиновъ, причемъ уже вторые навѣсилъ на двухъ выдающихся ихъ прошлымъ: первый Квитницкій, второй Зубовъ. Оба они разжалованы были въ рядовые передъ самымъ хивинскимъ походомъ и оба были назначены къ участію въ немъ. Объ исторіи Квитницкаго такъ много говорили и даже писали, что мнѣ заносить о немъ въ запискахъ ничего не приходится. О Зубовѣ же, бывшемъ лейтенантѣ, хроника гласила,

Библиотека "Руниверс"

что онъ въ припадкѣ негодованія противъ старшаго офицера судна нанесъ ему личное оскорбленіе дѣйствіемъ, за что былъ преданъ суду и разжалованъ въ рядовые. Что касается до правъ на полученіе знаковъ отличія, то Зубовъ въ это короткое время успѣлъ блистательно оправдать и на дѣлѣ выказать не одно мужество, но и образцовую энергію и распорядительность при захватѣ съ боя непріятельскихъ баркасовъ, безусловно выручившихъ отрядъ, при сложной переправѣ войскъ черезъ Аму-Дарью. При этомъ несправедливо было бы не выставить того обстоятельства, что весь экипажъ подчиненной Зубову эскадры, надняхъ сформированный изъ строевыхъ солдатъ стрѣлковой роты, доказалъ въ эти дни, что русскій человѣкъ въ какомъ бы мундирѣ ни былъ, но подъ руководствомъ браваго начальника готовъ въ огонь и воду...

Оренбургскій отрядъ, по свѣдѣніямъ, недавно полученнымъ изъ Кунграда, соединился съ однимъ изъ кавказскихъ отрядовъ и находился не далеко отъ Хивы, на пути обративъ въ бѣгство непріятеля. Въ 15 верстахъ отъ насъ, въ крѣпости Хазарапсѣ, хивинцы бросили все имущество, даже орудія, снаряды, провіантъ и всѣ запасы.

Между тѣмъ, ходившій въ лѣсъ съ своей колонной на фуражировку, полковникъ Чайковскій встрѣтился тамъ съ большими скопищами непріятеля, который, съ цѣлью лишить насъ продовольственныхъ средствъ, добываемыхъ нами отъ сосѣднихъ мирныхъ жителей, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ конныхъ въ партіи, подошелъ къ ближайшимъ отъ насъ селеніямъ ночью и, принудивъ ихъ подняться со всѣмъ имуществомъ, наткнулся, прикрывая ихъ переселеніе, на колонну фуражировъ. Завязалась сначала ружейная перестрѣлка, но когда хивинцы вытянулись изъ лѣса на открытую плоскость, то раздались выстрѣлы изъ ихъ двухъ орудій, на которые не замедлилъ отвѣчать нашъ взводъ казачьей батареи.

Непріятель при всей поспѣшности не могъ скоро уходить по причинѣ связывавшаго его движеніе громаднаго транспорта съ домашнимъ скарбомъ, женщинами, стариками, дѣтьми и всякими животными. Всѣ и все кричало, шумѣло, галдѣло и ревѣло до безобразія, тѣснясь и толкая другъ друга. Смятеніе было общее. Препроводивъ въ лагерь раненаго въ первой стычкѣ штабсъ-капитана Скворцова, Чайковскій на словахъ донесъ о своемъ движеніи, требуя поддержки, вслѣдствіе чего Кауфманъ выслалъ къ нему двѣ роты стрѣлковъ. Непріятель бѣжалъ и здѣсь. Въ тотъ же вечеръ состоялся приказъ по отряду о выступленіи его въ 7 часовъ утра на крѣпость Хазарапсъ, а авангарду изъ трехъ стрѣлковыхъ и двухъ линейныхъ ротъ, подъ моей командой, выступить въ 5 часовъ утра. Я мечталъ встрѣтить сильный отпоръ непріятеля, но горько ошибся въ ожиданіяхъ. Послѣ 4—5 ружейныхъ выстрѣ-

Библиотека "Руниверс"

ловъ какихъ-то байгушей со стѣны крѣпости, она безъ боя была занята мною, а весь гарнизонъ, оставивъ намъ семь орудій, въ другія ворота бѣжалъ во всѣ ноги. Пороха, свинца, провіанта и прочаго имущества досталась намъ бездна, цѣною одного солдатика, легко раненаго. Простоявъ сутки въ Хазарапсѣ, мы съ подошедшимъ сюда остальнымъ отрядомъ вернулись обратнымъ путемъ и стали лагеремъ между крѣпостью и Аму-Дарьей. Комендантомъ же съ небольшимъ нашимъ гарнизономъ, оставленъ былъ въ Хазарапсѣ подполковникъ Принцъ.

При возвращеніи оттуда, насъ сильно поразилъ слѣдующій несчастный случай: полковникъ Веймарнъ, командиръ 2-го стрѣлковаго батальона, пожалѣвъ собственную свою лошадь, изъ Хазарапса отправился верхомъ на фурштатской клячѣ. Она чего-то испугалась, шарахнулась въ сторону и со всего размаха ударила сѣдока объ уголъ сакли, но такъ несчастно-жестоко, что сломала и вонзила ему внутрь два ребра. Злополучный Веймарнъ нѣсколько часовъ мучился страшно и на слѣдующій день на рукахъ своего друга Бутлера (адъютанта стрѣлковой бригады) отдалъ Богу душу. Вотъ, подумаешь, было изъ за-чего черезъ всю степь ломать походъ, чтобы сломать себѣ бока, въ 40 верстахъ отъ достиженія цѣли!... Царство ему небесное!

30-го мая. Хива.

Заголовокъ этотъ краснорѣчиво подтверждаетъ солдатское выраженіе: «хоть рыло въ крови, а наша взяла». Она, эта заколдованная, легендарная Хива, ровно три мѣсяца составлявшая цѣль, задачу, даже мечту нѣсколькихъ тысячъ людей, наконецъ-то пала передъ россійскимъ оружіемъ.

Еще въ бытность нашу на Аму-Дарьѣ начались дипломатическіе переговоры хана хивинскаго съ Кауфманомъ черезъ посланника, двое сутокъ таинственно шептавшагося съ Струве и начальникомъ отряда. Я даже сутками ранѣе переправился черезъ Аму, такъ какъ Константинъ Петровичъ поручилъ мнѣ означеннаго посла хивинскаго сопровождать, ограждать и выпроводить за цѣпь нашу въ обратный путь къ его властелину. Затѣмъ на стоянку нашу въ окрестностяхъ Хазарапса являлись новыя изъ Хивы личности, но опять съ секретными для насъ грѣшныхъ порученіями. Сношенія съ начальникомъ оренбургскаго отряда, генераломъ Веревкинымъ, за послѣдній періодъ похода установились правильныя, и Кауфманъ, зная изъ его донесеній о соединеніи отряда оренбургскаго съ кавказскимъ генерала-маіора Ломакина и совокупнаго ихъ наступленія на Хиву со стороны Кунграда,—предписалъ имъ остановиться въ 25-ти верстахъ отъ Хивы, въ м. Ханкахъ съ тѣмъ, чтобы одновременно съ нашимъ туркестанскимъ отрядомъ подойти къ Хивѣ съ разныхъ сторонъ и занять ее общими силами. Кауфманъ, согласно происходившимъ переговорамъ съ пред-

Библиотека "Руниверс"

ставителемъ высшей въ Хивѣ власти, былъ заранѣе твердо убѣжденъ, что при занятіи ея никакого сопротивленія не воспослѣдуетъ. И вотъ, двигаясь къ ней, мы слышимъ вдругъ усиленную канонаду по направленію къ Хивѣ. Идти сейчасъ самимъ было поздно, такъ какъ наступилъ уже вечеръ; разъясненіе же не замедлило явиться къ намъ въ лицѣ нѣсколькихъ растрепанныхъ посланцевъ изъ Хивы. Съ ужасомъ они передали, что русскій отрядъ подступилъ подъ самыя стѣны ихъ города и безмилосердно изъ большихъ пушекъ сталъ громить священную столицу, заставивъ тѣмъ войска ханскія (вопреки договора сдать городъ безъ выстрѣла) сдѣлать отчаянную противъ русскихъ вылазку, а самого высокостепеннаго хана, въ сопровожденіи своей гвардіи изъ храбрѣйшихъ трехсотъ туркменъ, бѣжать изъ своей резиденціи въ степи...

До 10-ти часовъ вечера доносились къ намъ артиллерійскіе выстрѣлы, неимовѣрно насъ дразнившіе, но вотъ послѣдовало приказаніе выступать отряду съ разсвѣтомъ, и это распоряженіе угомонило, наконецъ, расходившуюся публику.

До утренней зари отрядъ нашъ поднялся на ноги и усердно зашагалъ по дорогѣ къ Хивѣ. Казалось, всѣ до послѣдняго солдата рвались скорѣй на крыльяхъ летѣть впередъ. Но вотъ впереди насъ поднялся густой столбъ пыли, сквозь которую мы вскорѣ различили щегольскую конницу, въ почтительномъ разстояніи остановившуюся при нашемъ приближеніи. То были дядя и племянникъ хивинскаго хана, выѣхавшіе на встрѣчу привѣтствовать главнаго начальника русскихъ отрядовъ, а за ними слѣдовалъ почетный конвой, болѣе чѣмъ въ сто всадниковъ. Начались приторныя, въ азіатскомъ вкусѣ, любезности и цвѣтистыя фразы и увѣренія въ преданности, высокопочтеніи и проч. Вся процедура эта заняла не мало времени, но, слава Богу, раздалась команда: «маршъ». Прошли версты три, видимъ—скачетъ къ намъ всадникъ, всматриваемся и узнаемъ, кого же?—Глуховского, генеральнаго штаба полковника, состоящаго при Кауфманѣ, но запоздавшаго изъ Петербурга въ нашъ отрядъ, а потому и примкнувшаго къ оренбургскому. Глуховской, явившись къ своему прямому начальству, поспѣшилъ доложить его высокопревосходительству, что на встрѣчу къ нему выступилъ сводный отрядъ изъ частей оренбургскихъ и кавказскихъ войскъ, ожидающій прибытія его не вдалекѣ, за холмистымъ кряжемъ. Выслушавъ докладъ, Кауфманъ прибавилъ хода лошади и направился къ возвышенности, съ которой и увидѣли мы, выстроенный вдоль дороги, отрядъ, сразу изумившій насъ, замарашекъ, своимъ блестящимъ видомъ. Такого контраста между войсками трудно было вообразить себѣ. Мы—запыленные и загрязненные, въ кителяхъ, цвѣта вовсе не похожаго на бѣлый, оборванные и облинялые, безъ цѣльной обуви на ногахъ и всякой кожи на лицахъ; а они—выхоленные, чистенькіе, въ мундирахъ съ иголки, въ блестящей парадной формѣ.

Библиотека "Руниверс"

На правомъ флангѣ развернутаго вдоль дороги фронта стоялъ дивизіонъ конно-иррегулярнаго Дагестанскаго полка, имѣя передъ собою командира полка, стараго пріятеля моего, Дмитрія Теръ-Асатурова, а въ первыхъ рядахъ гусара германской арміи, гвардейскаго императора Вильгельма полка поручика Штума, рельефно выдающагося своею красивой и богатой формой. Рядомъ съ дивизіономъ дагестанскихъ наѣздниковъ стояли сотни молодцовъ линейцевъ, кизляро-гребенскихъ и горско-моздокскихъ казаковъ, затѣмъ батальоны Ширванскаго, Самурскаго и Апшеронскаго полковъ и линейные Оренбургскаго округа съ артиллеріей полевой и казачьей оренбургскаго войска. Но здѣсь вышли не въ полномъ составѣ оба отряда, а часть ихъ подъ командой полковника Саранчева [1]). Прочія же войска оставлены были при генералѣ Веревкинѣ, наканунѣ раненомъ и теперь лежащемъ въ лагерѣ всего въ пяти верстахъ отъ Хивы. Пока командующій отрядомъ медленно объѣзжалъ ряды и благодарилъ почти каждую роту за честно исполненный долгъ присяги, мы успѣли узнать всѣ подробности дѣла, бывшаго наканунѣ подъ стѣнами Хивы. Оказалось, что дѣйствительно Веревкинъ 28-го миновалъ Ханки и, не останавливаясь, подошелъ къ Хивѣ и сталъ громить городъ артиллерійскимъ огнемъ. Гарнизонъ сначала растерялся, и самъ ханъ обратился въ бѣгство, но затѣмъ оправился и сдѣлалъ съ своей стороны вылазку противъ атакующихъ. Загорѣлся сильный бой, при чемъ ширванцы и апшеронцы ходили нѣсколько разъ въ штыки и захватили два непріятельскихъ орудія, но понесли значительныя потери убитыми и ранеными; въ числѣ послѣднихъ: обоихъ своихъ батальонныхъ командировъ, многихъ офицеровъ, адъютанта намѣстника Алиханова и въ концѣ концовъ и самого начальника отряда Веревкина, сбитаго съ коня пулею въ щеку. Это-то послѣднее обстоятельство и было причиною прекращенія сраженія, которое несомнѣнно иначе кончилось бы наканунѣ нашего прихода окончательнымъ взятіемъ Хивы. Грѣшно радоваться чужому несчастью, но въ данномъ случаѣ намъ было слишкомъ не легко уступить имъ всѣ лавры побѣды послѣ столькихъ понесенныхъ невзгодъ и лишеній...

Послѣ краткаго отдыха мы двинулись, наконецъ, къ Хивѣ. На дорогѣ встрѣтили насъ посланные изъ города и представили Кауфману ключи отъ городскихъ воротъ, при чемъ, сильно размахивая руками, пояснили, что «опять урусъ много стрѣлялъ въ ихъ столицу».

Часа черезъ полтора хода мы подошли наконецъ и собственными очами узрѣли великую и славную столицу ханства Хивинскаго, издали не лишенную нѣкоторой живописности и даже внушительности, а вблизи оказавшейся фотографическимъ снимкомъ

[1]) Начальникъ штаба оренбургскаго отряда и старшій послѣ Веревкина.

Библиотека "Руниверс"

со всѣхъ городовъ Средней Азіи, не лучше Ташкента, Ходжента, а тѣмъ болѣе Самарканда. Какъ бы то ни было, но передъ нами отворились врата, и мы совершили черезъ нихъ въѣздъ въ покоренную Хиву съ подобающей торжественностью, при оглушительныхъ звукахъ барабановъ, музыки и неумолкаемыхъ крикахъ «ура». Только въ самомъ центрѣ города, на площади, противъ дворца ханскаго, остановилось движеніе войскъ, а Кауфманъ со свитой расположился на террасѣ ханскаго дворца для принятія поздравленій съ совершившимся фактомъ покоренія Хивы.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1].

XXIII.

Перенесеніе лагеря въ загородные сады.—Благодарственный молебенъ.—Осмотръ ханскаго дворца.—Назначеніе курьеромъ Флита.—Возвращеніе хивинскаго хана.—Поѣздка въ кавказскій отрядъ; пиръ у Теръ-Асатурова.—Отправленіе отряда Головачева.—Блокъ.—Скобелевъ.—Пріѣздъ А. Милютина и его разсказъ объ отрядѣ Маркозова.—Дѣло 15-го іюля.—Гибель Каменецкаго и казаковъ.—Бетманъ и Рейнау.—Отъѣздъ Скобелева въ Имды-Кудукъ и приключеніе съ нимъ.—Обѣдъ шахризябцевъ.—Пріѣздъ Флита и высочайшія награды.—Отъѣздъ.—Москва.—Опять Скобелевъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Обѣдъ во дворцѣ 26-го ноября.—Разговоръ со мной его величества.

ОКА Константинъ Петровичъ принималъ поздравленія, нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, пустились осматривать достопримѣчательности дворца. Пробираясь по лабиринту комнатъ парадно-пріемныхъ и жилыхъ, мнѣ случайно пришлось наткнуться на какой-то полумрачный чуланъ или кладовую, гдѣ совершенно неожиданно нашелъ я продуктъ, самый рѣдкій и дорогой, впродолженіе многихъ мѣсяцевъ сряду составлявшій несбыточную мечту каждаго изъ насъ... чтобы не томить долѣе, скажу прямо: кусокъ льда,—льда, за золотникъ котораго въ Кизилъ-Кумской степи никто бы не задумался предложить пять золотниковъ чистаго золота! Живо и жадно набросились на мою находку сотоварищи мои, и чѣмъ попало, шашкой и складнымъ ножемъ, но каждый изъ насъ успѣлъ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 414.

Библиотека "Руниверс"

отковырнуть изрядный кусокъ отъ найденной сплошной массы, и съ этимъ трофеемъ въ рукахъ мы вернулись на террасу. Тамъ многіе, увидѣвъ этотъ безцѣнный кладъ, тоже бросились по слѣдамъ нашимъ на поиски, но кладъ имъ не дался въ руки, такъ какъ ни они, ни мы не могли вторично доискаться таинственнаго хранилища этого сокровища.

Вскорѣ поднялся Кауфманъ и поѣхалъ въ лагерь оренбургскаго отряда къ раненому Веревкину, а насъ всѣхъ направилъ за городъ въ сады, гдѣ мы и расположились лагеремъ въ четырехъ верстахъ отъ Хивы. На слѣдующій же день послѣ обѣда (все еще soi-disant обѣда) на площади города отслужено было торжественное молебствіе съ салютаціей изъ орудій (взятыхъ здѣсь и въ Хазарапсѣ у непріятеля) по случаю совпавшаго празднованія нашего съ великимъ для всей Россіи днемъ рожденія великаго преобразователя нашего Отечества, которому пришла первая мысль о пользѣ завоеванія Хивинскаго ханства—императора Петра Великаго.

Расположились мы здѣсь лагеремъ не ахти какъ удобно! Садъ, примыкающій къ лѣтнему двору хана, довольно обширный и тѣнистый, засаженный почти исключительно урюкомъ (абрикосами), между которыми проведены арыки съ посредственной водой; но кругомъ сада воздвигнута высокая и сплошная стѣна, не дающая свободы движенію воздуха, что̀ грозило сильной духотой. Кауфманъ поселился въ кибиткѣ, около пруда, кругомъ обсаженнаго вѣтвистыми деревьями, а со всѣхъ сторонъ лѣпились къ его ставкѣ юрты и палатки главной квартиры. Какъ было уже извѣстно, ханъ съ тремя стами туркменъ, составлявшихъ его гвардію и оплотъ арміи, бѣжалъ къ воинственному племени іомудовъ; часть жителей тоже бѣжала, но тѣмъ не менѣе въ городѣ стали уже открываться базары, и у насъ явилась надежда пріобрѣсти жизненные припасы, если не европейскіе, то мѣстные. Вскорѣ узналъ я, что назначенъ въ числѣ 6 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Головачева, въ кавалерскую думу св. Георгія, для обсужденія многихъ подвиговъ, совершенныхъ въ сводномъ Оренбургско-Кавказскомъ отрядѣ, во время наступленія его отъ Кунграда къ стѣнамъ Хивы. Познакомился я тамъ съ очень симпатичною личностью, отличнымъ кавказскимъ офицеромъ, состоящимъ по особымъ порученіямъ при его высочествѣ намѣстникѣ, княземъ Вано Меликовымъ, сыномъ князя Левана. Много интереснаго разсказалъ онъ мнѣ про послѣдній походъ ихъ сюда съ Ломакинымъ, а такъ же объ участи другаго кавказскаго отряда, Маркозова, который, потерявъ громадную часть верблюдовъ, долженъ былъ сначала бросить тяжести, затѣмъ провіантъ и, наконецъ, по недостатку воды, не имѣя силъ дотащиться съ отрядомъ до колодца на пути слѣдованія, вынужденъ былъ вернуться назадъ. Еще узнали мы объ одномъ печальномъ эпизодѣ съ одною изъ частей войскъ, о кото-

Библиотека "Руниверс"

ромъ получены донесенія, не подлежащія никакому сомнѣнію. На одномъ изъ пароходовъ нашей аральской флотиліи (а ихъ всего-то было два: «Самаркандъ» и «Перовскій») произошла слѣдующая катастрофа. Пароходъ этотъ, вступивъ изъ Аральскаго моря въ устье Аму-Дарьи, ниже Кунграда, нуждался въ свѣдѣніяхъ о мѣстонахожденіи Оренбургскаго отряда, почему начальникъ флотиліи довѣрился прибывшему къ нему на пароходъ бію, предлагавшему провести нашихъ людей въ лагерь Оренбургскаго отряда, и высадилъ на берегъ офицера, топографа и десять матросовъ. Коварный бій повелъ ихъ какъ будто въ близъ расположенный отрядъ русскій, но вмѣсто того завелъ ихъ на засаду, гдѣ хивинцы внезапно бросились на горсть людей нашихъ, забрали ихъ въ плѣнъ, отвели въ Хиву и тамъ отрубленныя ихъ головы выставили, какъ трофей, на всеобщій позоръ.

Съ подробнымъ донесеніемъ государю императору о покореніи ханства и взятіи Хивы посланъ былъ Фанъ-деръ-Флитъ, адъютантъ и тезка Кауфмана, прекрасный человѣкъ и отличнѣйшій офицеръ. Въ дежурствѣ штаба шла усиленная работа, а у насъ 3-го іюня была кавалерская дума. Головачевъ прочиталъ предложеніе главнаго начальника отрядовъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана I-го разобрать въ думѣ представленіе начальника Оренбургскаго отряда генералъ-лейтенанта Веревкина къ Георгіевскому кресту 18 штабъ-офицеровъ, оказавшихъ подвиги въ разныхъ дѣлахъ противъ хивинцевъ, при слѣдованіи отрядовъ отъ Кунграда до Хивы. Но по рѣшенію думы оказались достойными не всѣ, а только одинъ Квинитадзе, подполковникъ, командиръ дивизіона, въ полку Теръ-Асатурова, «при атакѣ непріятеля зарвавшійся съ одною сотнею своихъ всадниковъ, окруженный вдесятеро сильнѣйшей массой хивинцевъ и пробившійся черезъ нихъ, не оставивъ въ ихъ рукахъ никакого трофея» (статья X, парагр. 6-й). Еще менѣе благопріятнаго результата дождались представленные кавказскіе штабъ и оберъ-офицеры Ширванскаго и Апшеронскаго полковъ. Частнымъ путемъ намъ не безъизвѣстно было объ истинныхъ заслугахъ ихъ при взятіи непріятельскихъ орудій подъ Хивой 28-го мая, но дума отказала имъ, такъ какъ по статуту ордена, ст. X, парагр. 9-й: «кто возьметъ съ боя орудія», былъ достоинъ креста, а они были только «при» взятіи орудій. Мнѣ было очень больно, что дума отказала этимъ, по словамъ Вана-Меликова, прекраснымъ офицерамъ, но одинъ въ полѣ не воинъ, и всѣ мои доводы не повели ни къ чему.

Прошла недѣля со взятія Хивы; за это время состоялось возвращеніе хана, явившагося къ намъ съ повинной, а также вмѣстѣ съ нимъ и нѣсколькихъ представителей особенно враждебныхъ къ намъ партій, смирившихся теперь передъ силой обстоятельствъ. Обсуждалось устройство временнаго правленія ханствомъ, посред-

Библиотека "Руниверс"

ствомъ чего-то въ родѣ дивана, въ которомъ должны были засѣдать три сановника-туземца и три чиновника-русскихъ, подъ предсѣдательствомъ, однако, помилованнаго уже хана. Цѣль этого учрежденія заключалась въ необходимости короче ознакомиться съ нынѣ покореннымъ, но намъ мало извѣстнымъ краемъ, его населеніемъ, средствами и богатствомъ; словомъ сдѣлать здѣсь то, чего, къ сожалѣнію, мы прежде никогда въ завоеванныхъ нами территоріяхъ не дѣлали! (Примѣръ: фортъ св. Николая, на рѣкѣ Чолокѣ, составлявшей нашу естественную границу съ 1829 года, вызвалъ потребность рекогносцировки, подъ непріятельскимъ огнемъ, 2-го января 1854 г., ровно черезъ 25 лѣтъ нашего имъ владѣнія!). Желаемыя свѣдѣнія о Хивинскомъ ханствѣ необходимы уже были хотя бы для того, чтобы опредѣлить срокъ времени, въ который мы можемъ собрать съ края предположенную военную контрибуцію въ 6 милліоновъ рублей.

У ставки Кауфмана я впервые увидѣлъ хана. Ему было лѣтъ 30, очень выразительной фигуры, со строгими, даже черствыми чертами и деспотическимъ выраженіемъ лица. Онъ былъ брюнетъ, съ отливомъ вороньяго крыла, высокъ ростомъ, очень статенъ; но что-то хищное преобладало въ глазахъ его, полныхъ блеска и силы воли. Движенія отличались достоинствомъ, но лишены были всякой привлекательности и мягкости, мало того напоминали ненасытную жажду власти и насилія... Помѣщался онъ пока на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ того же дворца, въ большой и роскошной по отдѣлкѣ палаткѣ, при которой soi-disant стоялъ почетный караулъ, а на дѣлѣ просто ханъ былъ подъ карауломъ. Хивинцы вообще, на сколько можно было узнать ихъ въ короткое время, народъ по наружности рослый и статный, всѣ брюнеты и всѣ очень суроваго вида, въ высокихъ, бараньихъ шапкахъ, придающихъ имъ жесткій, полу-дикій характеръ, но при этомъ всѣ коварны отъ природы, безсовѣстно лживы и вовсе не честны.

4-го іюня я въ первый разъ ѣздилъ съ Щербинскимъ въ Кавказскій отрядъ и день этотъ провелъ очень пріятно среди людей, меня помнящихъ или много обо мнѣ слышавшихъ. Само собою разумѣется, что старыхъ сослуживцевъ моихъ на Кавказѣ я не нашелъ, кромѣ Теръ-Асатурова, да и тотъ былъ юнкеромъ въ Нижегородскомъ полку, когда я уже былъ единицею—въ Куринскомъ. Послѣ нѣсколькихъ визитовъ съ Щербинскимъ къ общимъ знакомымъ, мы заѣхали къ командиру конно-дагестанскаго полка, Теръ-Асатурову, и здѣсь окончательно пустили корни. Гостепріимный и замѣчательно радушный хозяинъ позвалъ кличъ, собрались друзья-пріятели, явились пѣсенники и плясуны, полилось кахетинское изъ турьихъ роговъ, а шампанское изъ стакановъ, тулумбашъ провозгласилъ тостъ за дорогихъ гостей, и пошелъ дымъ коромысломъ. Тутъ представилось намъ смѣшеніе различныхъ не только формъ

Библиотека "Руниверс"

обмундированія, но и всѣхъ національностей, въ такомъ разнообразіи населяющихъ окраины обширной матушки Россіи. Здѣсь на одной террасѣ скучились: коренные русскіе, грузины, армяне, греки, хохлы, нѣмцы, имеретины, сарты и, наконецъ, въ большинствѣ горцы всѣхъ племенъ кавказскихъ, еще такъ недавно бывшихъ непримиримыми врагами нашими, изъ Гергебиля, Салтовъ, Чока, а теперь вѣрой и правдой служащихъ одному съ нами отечеству, одному бѣлому царю.

Конно-дагестанскій полкъ, недавно сформированный въ восточной части Кавказа и составленный исключительно изъ уроженцевъ когда-то страшныхъ воинственностью и недоступностью своею знаменитыхъ ауловъ въ Дагестанѣ,—въ короткое время сплотился въ прекрасную боевую часть, ничѣмъ не отличающуюся отъ любаго полка русскаго по дисциплинѣ, обученію и службѣ, что же касается военныхъ доблестей, то этотъ молодой легіонъ всадниковъ уже доказалъ и, безъ сомнѣнія, еще болѣе докажетъ въ будущемъ превосходныя свои качества, пользуясь громкой славой на Кавказѣ по лихости, отвагѣ и храбрости наѣздниковъ. Размѣстившись въ повалку на красивыхъ персидскихъ коврахъ, съ неизбѣжными мутаками въ головахъ, все общество, наэлектризованное радушнымъ угощеніемъ, задорными пѣснями линейцевъ и граціозно-воинственною лезгинкою дагестанцевъ, наслаждалось хорошими напитками, звучнымъ пѣніемъ, выражало шумными возгласами одобреніе увлекательному танцу или вело тихую дружескую бесѣду съ людьми съ душею нараспашку.

— Здоровье Чолокскаго героя, сегодня ровно 19 лѣтъ назадъ стяжавшаго себѣ громкую славу! — совершенно для меня неожиданно провозгласилъ Дмитрій Теръ-Асатуровъ, высоко поднявъ стаканъ съ шампанскимъ. Громкое «ура», тушъ трубачей и полудикій гикъ горцевъ слились въ оглушительный гамъ, разобрать который мнѣ пришлось съ высоты полета къ поднебесью. Послѣ дружнаго качанія меня и многихъ другихъ, общество какъ будто утомилось, и потому шумныя диверсіи смѣнились затишьемъ, но только на нѣсколько минутъ, и опять полилось вино и разсказы изъ боевой жизни и приключеній послѣднихъ дней. Рельефнѣе всѣхъ прочихъ повѣствованій, какъ по сути дѣла, такъ и по своеобразному изложенію, выдался эпизодъ, случившійся недѣли двѣ передъ тѣмъ, съ подполковникомъ Квинитадзе, очень игриво и въ лицахъ сообщившимъ его всему обществу.

При слѣдованіи своднаго отряда отъ Кунграда, непріятель зачастую безпокоилъ его своимъ появленіемъ въ значительныхъ силахъ и, всячески задирая наши разъѣзды, самъ уклонялся отъ дѣла съ сомкнутыми частями, а какъ только замѣчалъ намѣреніе нашихъ произвести атаку, показывалъ тылъ и, пользуясь отличною быстротой туркменскихъ скакуновъ, безслѣдно исчезалъ съ гори-

Библиотека "Руниверс"

зонта. Всѣ попытки нашихъ ловкихъ наѣздниковъ захватить или подстрѣлить какого нибудь изъ этихъ назойливыхъ туркменъ долго оставались безуспѣшными, но наконецъ Квинитадзе придумалъ пуститься на хитрость и во что бы то ни стало строго наказать ихъ за дерзость. И вотъ на ходу отряда, когда вдали показались непріятельскіе всадники и по обыкновенію стали джигитовать и заманивать нашихъ молодцовъ подальше отъ отряда,—подполковникъ, строго запретивъ своимъ людямъ соваться въ поле, самъ закурилъ короткую свою люльку, перекинулъ черезъ плечо двуствольный штуцеръ и, сначала рысью, а потомъ шагомъ, сталъ подъѣзжать въ степи къ гарцовавшимъ туркменамъ. Увидѣвъ одиночнаго всадника, такъ оплошно приближающагося прямо къ нимъ въ руки, и считая его своею вѣрною добычей, они пристально стали наблюдать за его движеніями. Тѣмъ временемъ Квинитадзе неторопливо снялъ съ плеча штуцеръ и, остановивъ лошадь, прицѣлился въ ближайшего врага, но вмѣсто того, чтобы нажать спускъ, онъ выпустилъ изо рта густую струю табачнаго дыма, который наивные туркмены приняли за вспышку на полкѣ кремневаго ружья, а потому смѣло бросились на обезоруженнаго по ихъ мнѣнію противника. Подпустивъ передоваго шаговъ на сто, Квинитадзе повторилъ тотъ же маневръ изъ другаго ствола, а затѣмъ, круто повернувъ коня, во всю прыть пустился скакать по направленію отряда. Какъ борзые псы за зайцемъ, вытянулись за нимъ въ погоню самые лихіе изъ туркменъ-джигитовъ, видимо очень быстро нагоняя спасавшагося отъ нихъ уруса. Передній изъ шайки уже очень близко, еще полъ-минуты, и онъ нагонитъ бѣглеца и сниметъ ятаганомъ его голову и отвезетъ кровавый трофей... но въ этотъ мигъ обернулся на сѣдлѣ къ нему лицомъ нашъ витязь и, почти въ упоръ пустивъ врагу пулю въ лобъ, ссадилъ съ лошади мертвое тѣло. Еще азартнѣе сталъ налегать второй туркменъ. Смерть на его глазахъ товарища только подзадорила его, разожгла въ немъ жажду мести, и онъ, нагнувшись на шею лошади, какъ вихрь, несется и достигаетъ жертву, но раздается второй штуцерный выстрѣлъ, и трупъ другаго туркмена камнемъ валится на землю. Внѣ себя отъ озлобленія, вся партія, издали слѣдившая за подвигами своихъ удальцевъ, видя трагическую развязку, забываетъ принятую тактику и, зажмуря глаза, несется прямо на Квинитадзе убить, изрубить, растерзать его. Но, разогнавъ коней своихъ, цѣликомъ нарѣзывается на сотню дагестанцевъ, шашками положившихъ всѣхъ 12 человѣкъ на мѣстѣ. Лошади, сѣдельный уборъ и оружіе со всѣхъ 14 туркменъ достались побѣдителямъ. Когда по окончаніи разсказа лихой подполковникъ приказалъ вывести на показъ отбитаго скакуна туркменскаго, съ которымъ не разставался, Теръ-Асатуровъ тоже представилъ мнѣ бѣлаго, какъ снѣгъ, коня, породы касара, убѣдительно прося меня принять его въ подарокъ.

Библиотека "Руниверс"

Приписывая неожиданную щедрость моего пріятеля минутному возбужденію, я упорно отклонялся отъ этого великолѣпнаго подарка, но въ силу настоятельныхъ его требованій принять отъ него хоть черкесское сѣдло на память 4 іюня, такъ весело и дружно проведеннаго вмѣстѣ,—я вынужденъ былъ согласиться и на утро вступилъ во владѣніе прекраснымъ, въ серебро оправленнымъ, настоящимъ кавказскимъ сѣдломъ.

Проснувшись на другой день въ прохладной и высокой комнатѣ ханскаго дворца (жить въ которой милостиво намъ разрѣшилъ Константинъ Петровичъ), мы переглянулись съ сожителемъ моимъ Щербинскимъ, оба сдѣлавъ кислыя рожи, при чемъ напрасно старались дать себѣ ясный отчетъ о послѣднихъ минутахъ вчерашняго пребыванія въ кавказскомъ отрядѣ, обратнаго путешествія въ нашъ строгій монастырь и т. д. «Ну, не все ли равно? мы здѣсь, и слава Богу!»—порѣшилъ Щербинскій, предавъ этотъ вопросъ забвенію.

Ну, однако, пришли мы и взяли Хиву, а о ней собственно я ничего еще не сказалъ, что̀ для порядка слѣдуетъ. Итакъ начинаю.

Городъ Хива, какъ и слѣдуетъ быть городу Средней Азіи, не красивъ правильною разбивкою площадей и улицъ, господствующей на нихъ чистотой, а тѣмъ менѣе изящною архитектурой своихъ зданій, но Хива—городъ большой, многолюдной, торговый, кругомъ обнесенный высокою стѣною, въ родѣ Кремлевской въ Москвѣ, съ съ башнями и бойницами, съ укрѣпленными воротами, батареями, бастіонными фасами и проч. Въ самомъ городѣ возвышаются выше ханскаго дворца минареты, мечети, медресе (школы) и разныя башни. Дворецъ хана—со многими внутренними дворами и двориками, съ цѣлымъ лабиринтомъ фантастическихъ пріемныхъ залъ, судилищъ, жилыхъ покоевъ ханскихъ и всякихъ отдѣльныхъ помѣщеній мужскихъ и совершенно въ сторонѣ—женскихъ, то-есть гарема. Изъ этихъ фей Магометова рая ни единой не узрѣлъ глазъ невѣрныхъ. Снаружи города, подъ самыя стѣны его прилегаютъ роскошные сады, густые и тѣнистые, всѣ перерѣзанные искусственными арыками, съ обильнымъ количествомъ воды, которою нѣсколько далѣе отъ Хивы залиты громадныя поля, исключительно засѣянныя рисомъ, главнымъ и неизбѣжнымъ разсадникомъ злокачественныхъ и почти повальныхъ лихорадокъ въ краѣ. Настой воды въ поляхъ этихъ, до полуаршина глубиной, отъ солнечныхъ лучей и возвышенной температуры воздуха, издаетъ вредныя испаренія, а гнилая жидкость на всей залитой почвѣ кишитъ міазмами, заражая всю окрестную атмосферу губительнымъ зловоніемъ... Съ перваго дня появленія нашихъ войскъ, испуганные нашествіемъ невѣрныхъ, жители въ разсыпную и толпами бѣжали изъ города, увозя съ собою все имущество, но мирныя прокла-

Библиотека "Руниверс"

ціи ери-шага (главнаго военноначальника) Кауфмана и къ тому же соблазнъ наживы, при выгодной съ урусомъ торговлѣ, взяли верхъ надъ страхомъ и мало-по-малу привлекли алчныхъ хивинцевъ обратно.

Во дворцѣ хана открыты были хранильницы немалыхъ сокровищъ, и для приведенія ихъ въ точную извѣстность и оцѣнку назначена была особая комиссія изъ многихъ лицъ главной квартиры, преимущественно гражданскихъ чиновъ, и спеціальнаго эксперта по части драгоцѣнныхъ камней—Мурза-Хакима, посла коканскаго. Говорили, что комиссіей этой уже было пока собрано разныхъ сокровищъ, большею частью состоящихъ изъ женскихъ украшеній благороднаго металла, съ богатыми колекціями алмазовъ, рубиновъ, изумрудовъ, сафировъ и проч., а въ особенности бирюзы, на сумму свыше 400 тысячъ русскихъ рублей, а къ оружію, коннымъ уборамъ и коврамъ она еще и не приступала.

Хивинская лихорадка уже дала себя чувствовать; я съ трудомъ могъ владѣть перомъ, меня бросало и въ жаръ и въ холодъ, пароксизмъ смѣнялся страшной слабостью, но, кромѣ этого, мнѣ пришлось еще испытать непріятность отъ другого частаго гостя этой страны. Однажды вечеромъ я вернулся отъ графа Берга въ свое помѣщеніе во дворцѣ и засталъ повсюду глубокую тишину и всеобщій сонъ. Изъ моей комнаты, гдѣ царила также тьма, доносился усиленный храпъ милаго сожителя, спозаранку завалившагося на покой. Ощупью отыскавъ сосѣднюю дверь въ помѣщеніе нашей прислуги, неистово во снѣ насвистывавшей на всѣ тоны, я позвалъ Козьму, и пока онъ протягивался, зѣвалъ и, наконецъ, впотьмахъ сталъ искать спичекъ, я въ разслабленіи прислонился плечомъ къ косяку двери, но въ то же мгновеніе пронзительно вскрикнулъ и отскочилъ въ сторону. Въ лѣвую руку мою, выше локтя, черезъ китель и рубашку, кольнуло чѣмъ-то очень острымъ, такъ глубоко и больно, что я не взвидѣлъ свѣта Божьяго и едва устоялъ на ногахъ. Выскочившій со свѣчей Козьма растерянно смотрѣлъ на меня, не понимая, въ чемъ дѣло, но когда я указалъ на косякъ, и онъ освѣтилъ его, загадка объяснилась. Громадной величины скорпіонъ недвижимо занималъ избранную имъ позицію. Онъ былъ преданъ казни, это правда, но мнѣ отъ того не стало легче. Не одно уязвленное на рукѣ мѣсто, но далеко выше, ниже и кругомъ, отъ локтя до плеча горѣло, какъ прижженное раскаленнымъ желѣзомъ, а въ то же время вздувалось опухолью съ замѣтною для глазъ быстротою. Поднялась тревога, вскочилъ и Щербинскій, послали за докторомъ, шумъ и суета кругомъ, а руку мозжитъ и жжетъ все сильнѣй. Вдругъ среди этого хаоса вижу передъ собою полуодѣтаго добрѣйшаго Меллера, прибѣжавшаго ко мнѣ

Библиотека "Руниверс"

на помощь съ откупоренною жестянкою сардинокъ, изъ-подъ которыхъ якобы масло непремѣнно должно было спасти меня. Но въ эту минуту подоспѣлъ докторъ Гримъ и приложилъ къ рукѣ пузырь со льдомъ. Всю ночь напролетъ мнѣ постоянно мѣняли ледъ подъ наблюденіемъ Грима, не отходившаго отъ моей постели. Боль къ утру стала утихать, а опухоль, потерявъ воспалительный цвѣтъ, видимо опадать; не смотря на то, страданія во всей рукѣ не дали мнѣ минуты сна, и я только днемъ на слѣдующій день забылся.

Къ тому же четырехмѣсячное невѣдѣніе о семействѣ наводило безотчетную грусть, а подчасъ и страхъ даже. Да, предчувствіе и безотчетное ожиданіе чего-то дурного не обмануло меня: мальчика моего Сережи уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ скончался отъ разрыва сердца и не на рукахъ своей матери, бывшей въ то время въ Петербургѣ, а дѣда, такъ старчески-страстно его любившаго.

Благодаря заботамъ врачей, особенно Грима, я довольно быстро началъ поправляться; но и средства, ими пущенныя, достойны замѣчанія по объему. Кто повѣритъ въ Россіи возможности пріема однимъ субъектомъ въ двое сутокъ до 160 гранъ хины? Здѣсь же, при исключительныхъ климатическихъ условіяхъ, эта доза не удивляетъ никого.

Во время моей болѣзни, былъ сформированъ, подъ начальствомъ Головачева, отрядъ, который выступилъ черезъ Хиву на западъ, къ іомудамъ. Начальникомъ кавалеріи этого отряда пошелъ не Главацкій, а мой ех-товарищъ, Блокъ. Этотъ отлично-добрый малый послѣднее время съ отчаяніемъ рвалъ на себѣ волосы по случаю своего бездѣйствія. Пріѣхалъ онъ къ намъ, конечно, съ пламеннымъ желаніемъ отличиться, а тутъ ему не давали назначенія, такъ какъ всѣ видныя мѣста уже были заняты. И вотъ ему устроили назначеніе временнаго начальника кавалеріи (сводной—изъ частей туркестанскаго, оренбургскаго и кавказскаго отрядовъ). Блокъ попалъ въ хивинскую экспедицію случайно, какъ исключеніе объявленнаго по гвардіи высочайшаго повелѣнія никого въ хивинскій походъ не откомандировывать, вслѣдствіе счастливой непредвидѣнности, а именно: государю императору угодно было назначить вторымъ шефомъ л.-гв. Гатчинскаго кирасирскаго полка ея величества—генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, въ томъ полку начавшаго (въ 1833 г.) военную службу свою. На парадѣ войскамъ петербургскаго округа государь, подъѣхавъ къ гатчинскимъ кирасирамъ, изволилъ поздравить ихъ съ новымъ шефомъ и тутъ же спросилъ командира полка Гревса, кто у него старшій штабъ-офицеръ? Выѣхалъ полковникъ Блокъ, которому его величество приказалъ ѣхать въ Скерневицы и отъ его имени отвести полковой мундиръ кн. Барятинскому.

Библиотека "Руниверс"

Князь Александръ Ивановичъ, само собою разумѣется, принялъ посланнаго государемъ со всѣмъ радушіемъ и ему свойственнымъ чарующимъ обращеніемъ, при чемъ во время пребыванія Блока у него въ Скерневицахъ, князь, разспрашивая его о службѣ и планахъ въ будущемъ, высказалъ свое мнѣніе, что будущему командиру полка непремѣнно слѣдуетъ прежде всего понюхать пороху не на маневрахъ, а при настоящихъ встрѣчахъ съ непріятелемъ. На это замѣчаніе закаленнаго въ бояхъ фельдмаршала Блокъ доложилъ князю о прискорбномъ для гвардейцевъ повелѣніи, на что его сіятельство обязательно предложилъ Блоку исходатайствовать эту милость, въ чемъ, конечно, и не было отказано его величествомъ не только относительно Блока, но и пріятеля его, Лукашевича. Вотъ какимъ путемъ оба кирасира, отчисленные, однако, по общей кавалеріи, попали къ намъ пожинать лавры.

Однажды, часу въ девятомъ утра, когда я лежалъ на террасѣ, торопливо вошелъ на дворъ Карлъ Васильевичъ Струве.

— Отгадай, о комъ я пришелъ предупредить тебя?—издали еще задалъ онъ мнѣ вопросъ.—Ну, не ломай себѣ голову, никогда не догадаешься! Гость сейчасъ будетъ къ тебѣ, сидитъ пока у Константина Петровича, который и поручилъ мнѣ предупредить тебя о его пріѣздѣ!—бросившись въ кресло, договорилъ Струве, усердно обмахивая себѣ лицо платкомъ.

— Но вѣдь ты не сказалъ главнаго?—нетерпѣливо замѣтилъ я.

— Чего же?—удивленно посмотрѣлъ Струве.

— Да кто таинственный гость?

— Ахъ, Боже мой, развѣ я не сказалъ?—добродушно расхохотался дипломатъ:—Алексѣя Дмитріевича Милютина изволь принять въ свои объятія.

— Какъ? Когда? Откуда?—посыпались вопросы, на которые черезъ нѣсколько минутъ далъ любопытные отвѣты самъ виновникъ переполоха. Исторія всѣхъ приключеній и усложненій, испытанныхъ Алексѣемъ до конечнаго достиженія имъ Хивы, стоитъ всевозможныхъ скачекъ съ препятствіями, когда либо существовавшихъ на всемірныхъ ипподромахъ. Правда, вѣдь и «дистанція огромнаго размѣра», особенно второго пути его изъ Тифлиса на Астрахань, Самару, Оренбургъ, Ташкентъ, черезъ Бухару—въ Хиву.

Собравшаяся компанія: Струве, Адеркасъ, Колокольцевы, père et fils, Аминовъ, Голицынъ, Скобелевъ и др., всѣ жаждали слушать изустное повѣствованіе Милютина.

Когда рѣшился вопросъ о командированіи его въ хивинскую экспедицію, онъ почему-то замѣшкался въ Петербургѣ и по разсчету времени, не имѣя возможности поспѣть въ отряды Оренбургскій или Туркестанскій, былъ направленъ въ Кавказскій—Маркозова, назначенный къ выступленію изъ Красноводска позже всѣхъ прочихъ.

Библиотека "Руниверс"

Отрядъ Алексѣй засталъ на мѣстѣ, быстро приготовился затѣмъ онъ съ сотоварищами своими, Корсаковымъ и Ореусомъ, составивъ артель, весело, свободно, полные надеждъ, тронулись въ путь. Сначала все шло, какъ по маслу, но вскорѣ начались загвоздки, быстро превратившіяся въ непреодолимыя препятствія. Прежде осложнили движеніе упрямые верблюды, упорно отказавшіеся тащить вьюки съ требуемой быстротой и при этомъ павшіе въ большомъ количествѣ; потомъ наступили страшные жары, на градусъ еще выше нашихъ. У нихъ ртуть показывала до $50^{3}/_{4}^{\circ}$, чего у насъ, слава Богу, не было; затѣмъ порча воды въ колодцахъ непріятелемъ, не упускавшимъ отряда изъ вида, и днемъ и ночью тревожившимъ его безпрерывно; наконецъ, болѣзни и полное истощеніе силъ въ пѣхотѣ и лошадей въ кавалеріи, словомъ вынужденная крайне тяжелыми обстоятельствами остановка машины совершилась сама собою... Главною причиною этого плачевнаго, но въ сущности неизбѣжнаго результата были затрудненія, встрѣченныя ими при движеніи отряда къ послѣднему колодцу Имды-Кудукъ, котораго, къ несчастью, проводники съ передовыми казаками не могли найти, а потому колонна, послѣ страшно томительнаго перехода, застигнутая наступившею ночью въ степи, не имѣя цѣлыя сутки капли воды и безъ надежды отыскать ее и завтра (такъ какъ проводники туземцы при общемъ смятеніи и темнотѣ ночи скрылись), обречена была тяжкой необходимости отступить. Всѣ неимовѣрныя усилія къ отстраненію этого жестокаго въ нравственномъ отношеніи рѣшенія были истощены напрасно. Но невозможное—невозможно!

Стойкость, самоотверженіе и примѣрныя военныя доблести русскаго солдата: мужество, выносливость, сила воли и терпѣніе при исполненіи, по долгу, святой присяги, такъ извѣстны всѣмъ и каждому, что никто никогда не допуститъ помышленія, чтобы и въ данномъ случаѣ онъ, солдатъ русскій, да еще кавказской арміи, оказалъ малодушіе. Вспомнимъ практическую истину: la critique est aisée, mais l'art est difficile. И потому я не могу не занести въ книгу бытія тѣ страданія человѣческія, которымъ подверглись люди несчастнаго отряда, при отступленіи ихъ безлюдною и безводною степью, подъ палящими лучами солнца, безъ перевозочныхъ средствъ, почти безъ пищи, безъ обуви и безъ надеждъ на славу! Но они, герои эти, не упали духомъ и, претерпѣвъ всѣ ужасы непомѣрныхъ лишеній и трудовъ, еле дотащились до Каспія... Слава тебѣ, солдатъ русскій! Во всѣхъ передрягахъ скитальческой, многострадальной жизни твоей, послѣ побѣды и пораженія, при торжествѣ и въ униженіи, въ минуты страданій и смерти, ты всегда и всегда одинаково великъ, солдатъ русскій.

Съ грустнымъ донесеніемъ о пораженіи ввѣреннаго ему отряда не врагами, а стихіями, Маркозовъ отправилъ въ Тифлисъ къ его императорскому высочеству, намѣстнику, флигель-адъютанта

Библиотека "Руниверс"

Милютина, который, садясь въ Баку на курьерскую тройку, въ твердомъ убѣжденіи, что перенесеннымъ въ походѣ истязаніямъ наступилъ конецъ, часть вещей своихъ продалъ, а остальныя отправилъ въ Петербургъ, и поскакалъ самъ въ перекладной телѣгѣ, съ однимъ чемоданомъ, въ которомъ увезъ мундиръ и двѣ перемѣны бѣлья. Въ Каджіорахъ, гдѣ находился тогда великій князь, Милютинъ представилъ офиціальное донесеніе и словесное дополненіе, какъ очевидецъ всего, постигшаго отрядъ полковника Марковова. Его императорское высочество, съ сердечнымъ прискорбіемъ и соболѣзнованіемъ выслушавъ очень огорчившія его извѣстія, милостиво изволилъ спросить Милютина: «желаетъ ли онъ ѣхать съ этимъ донесеніемъ къ его величеству за границу?».

Алексѣй признавался, что какъ ни тяжела ему была перспектива везти это безотрадное извѣстіе государю императору, но соблазнъ попасть за границу и въ Вѣнѣ на всемірную выставку взялъ верхъ, и онъ съ благодарностью согласился. «Но я не могу взять на себя отправленіе ваше безъ предварительнаго на то разрѣшенія его величества», добавилъ великій князь, при чемъ немедленно велѣлъ отправить депешу въ Эмсъ. Отвѣтъ получился слѣдующій: «Его величество приказать изволилъ флигель-адъютанта Милютина отправить черезъ Оренбургъ и Ташкентъ, въ отрядъ генералъ-адъютанта Кауфмана, подъ Хиву. Графъ Адлербергъ». Пораженный неожиданнымъ сообщеніемъ, Милютинъ въ первую минуту совершенно растерялся, но оставалось одно: ѣхать,—онъ и уѣхалъ... Дальнѣйшее странствованіе Алексѣя Дмитріевича по головоломному тракту бакинскому, плаваніе моремъ и вверхъ по Волгѣ, бѣшеная скачка степью оренбургской, медленное передвиженіе песками Кара-Кумскими и, наконецъ, отчаянная ѣзда съ киргизами до Ташкента—все это болѣе или менѣе переиспытано каждымъ счастливцемъ, служащимъ въ Средней Азіи; но вотъ тутъ раздалось «атанде». Какимъ путемъ и средствами препроводить флигель-адъютанта, согласно высочайшаго повелѣнія, въ отрядъ генерала Кауфмана, когда уже хорошо было извѣстно, что онъ находился не на пути, а въ самой Хивѣ, съ которой прямого сообщенія никогда не было и впредь еще не организовано? Препроводили его къ Абрамову, въ Самаркандъ, а тотъ на свой рискъ и страхъ рѣшился отправить его черезъ Бухару. Эмиръ бухарскій, предупрежденный Абрамовымъ, принялъ Алексѣя Дмитріевича со всѣмъ восточнымъ радушіемъ, и остальное уже путешествіе въ эмирскомъ каюкѣ, съ почетнымъ конвоемъ его высокостепенства, внизъ по Аму-Дарьѣ и потомъ по широкому арыку до самой Хивы, Милютинъ совершилъ спокойно, удобно и довольно быстро.

У насъ были получены свѣдѣнія, что іомуды въ большихъ силахъ заманиваютъ отрядъ Головачева въ глубь степи, гдѣ разсчиты-

Библиотека "Руниверс"

ваютъ нанести ему пораженіе. Вслѣдствіе этого на выручку нашихъ выступилъ отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ Кауфмана. Все это прекрасно, но мнѣ-то по болѣзни предложено было остаться, о чемъ и приходилъ сообщить самъ В. Н. Троцкій. Какъ ни скверно мнѣ было, какъ ни былъ я слабъ, но не идти съ отрядомъ я рѣшительно не могъ, а потому отправилъ К. П. Кауфману докладную записку съ удостовѣреніемъ доктора, что для пользы здоровья моего перемѣна мѣста жительства должна была подѣйствовать благотворно; въ отвѣтъ получилъ записку Троцкаго: «Его превосходительство начальникъ отряда разрѣшаетъ вамъ слѣдовать съ выступающимъ отрядомъ и проч., и проч.». Ну, и слава Богу! Сейчасъ же приступилъ къ сборамъ, а самъ далеко не былъ увѣренъ, вынесу ли ѣзду верхомъ, особенно большими переходами. Но взялся за гужъ... такъ именины свои (15-го іюля) празднуй на сѣдлѣ! «Оно не складно, да жалостливо!» И дѣйствительно первые дни похода я уставалъ до безобразія, чуть не до паденія съ лошади, но затѣмъ сталъ оправляться. На третій день ходьбы отряда встрѣтили нарочнаго отъ Головачева съ донесеніемъ о жаркомъ дѣлѣ, бывшемъ у него 15-го іюля (день нашего выступленія) съ большими скопищами іомудовъ, которые дрались, какъ львы. Въ числѣ раненыхъ самъ Головачевъ и Мейеръ (шашкой въ голову); потеря вообще у насъ не малая въ этотъ день, да наканунѣ убито 8 казаковъ и съ ними Каменецкій, такимъ молодцемъ отбившій съ уральцами первый каюкъ у непріятеля на Аму-Дарьѣ 11-го мая.

19-го соединились мы съ отрядомъ Головачева. Въ общихъ чертахъ, по разсказамъ участниковъ дѣла 15-го іюля, оно было такъ. Отрядъ Головачева занималъ на 14-е число для дневки позицію въ культурной части степи, въ пустомъ селеніи, окруженномъ садами. Ближайшія возвышенности заняты были сторожевыми пикетами казаковъ, не разъ въ теченіе этого дня дававшихъ въ штабъ свѣдѣнія о появленіи въ разныхъ направленіяхъ непріятельскихъ партій; но такъ какъ ни одна изъ нихъ не была значительною, то общее спокойствіе въ лагерѣ не нарушалось, и все ограничивалось изрѣдка раздающимися выстрѣлами на аванъ-постахъ. Со всѣмъ тѣмъ начальникъ кавалеріи, въ виду сохраненія въ цѣпи порядка, назначилъ послѣ обѣда два усиленныхъ разъѣзда. Съ однимъ изъ нихъ, въ восемь казаковъ, сотникъ Каменецкій, подъѣзжая къ кургану, менѣе версты отъ бивуака, встрѣтилъ постъ свой въ пять человѣкъ, быстро отступавшій къ лагерю. На вопросъ его, куда они направляются,—урядникъ отвѣчалъ, что «держаться на курганѣ не могимъ, онъ одолѣваетъ!».—«Пустяки, братцы, шашки вонъ и за мной!»—крикнулъ Каменецкій, бросаясь въ объѣздъ оставленнаго кургана, но тутъ же налетѣлъ на партію конныхъ іомудовъ, до сотни человѣкъ, которые въ виду всего отряда поголовно всѣхъ казаковъ срубили такъ быстро, что прискакавшій на помощь

Библиотека "Руниверс"

резервъ нашъ нашелъ одни обезглавленные трупы своихъ станичниковъ. Такъ погибъ лихой Каменецкій, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ восемь казаковъ. Сильное впечатлѣніе на всѣхъ зрителей этой кровавой драмы сдѣлали страшные удары выгнутыхъ ятагановъ іомудовъ, которыми они съ одного маха, какъ бритвой, снимали черепа...

Съ вечера 14-го на 15-е число отдано было приказаніе о подъемѣ отряда съ позиціи до разсвѣта, имѣя въ виду сдѣлать въ тотъ день передвиженіе на новый бивуакъ. Свѣдѣнія о непріятелѣ были, но самыя неопредѣленныя, не смотря на то, что всѣ военныя предосторожности были приняты во всѣхъ частяхъ отряда. Ночь прошла спокойно. Въ секретахъ и цѣпяхъ не дано ни одного выстрѣла. За часъ до утренней зари наши тихо стали собираться и вытягиваться по дорогѣ къ селеніямъ, нынѣ занятымъ нами. Въ полуверстѣ отъ лагеря былъ узкій мостъ черезъ арыкъ; около него остановился Блокъ, пропуская мимо себя сотни, справа по три, а за ними тянулась пѣхота, только что тронувшаяся съ бивуака, какъ вдругъ непріятель сплошною массой обрушился на выстроившіяся въ авангардѣ три сотни, смялъ ихъ и заставилъ въ безпорядкѣ податься назадъ. Еще было темно, когда произошла первая атака. Казаки скоро справились и съ подоспѣвшими къ нимъ остальными сотнями и ракетною командой на рысяхъ выдвинулись впередъ, очистивъ за собой мѣсто для пѣхоты, бѣгомъ строившейся въ боевой порядокъ. Второй натискъ іомуды произвели сомкнутыми частями, бѣшено врываясь въ средину нашей кавалеріи и даже пѣхоты, но тутъ на всѣхъ пунктахъ нападенія они были отбиты и въ безпорядкѣ отброшены назадъ. Стало разсвѣтать, когда іомуды выстроились вновь и стремительно съ трехъ сторонъ понеслись на наши фасы. Авангардъ нашъ, изъ кавалеріи, встрѣтилъ ихъ залпомъ ракетной батареи, при чемъ очевидцы указываютъ на разжалованнаго Квитницкаго, выказавшаго особенное мужество и присутствіе духа при станкахъ, съ которыхъ ракеты, много пострадавшія отъ дальней перевозки и утратившія свои качества, не хотѣли летѣть по направленію непріятеля и, разрываясь на мѣстѣ, поражали часто своихъ. При третьей же атакѣ исключительное вниманіе обратили на себя обѣ роты 1-го стрѣлковаго батальона, капитановъ: Батмана и Рейнау. Мѣткость выстрѣловъ изъ залповъ была замѣчательная, а стойкость и выдержка образцовыя, изумительныя. Роты эти, доведенныя до nec plus ultra, по отношенію обученія и дисциплины въ мирное время, оказались и въ минуты жаркой схватки съ врагомъ верхомъ совершенства. Разсказываютъ очевидцы, что эти замѣчательные молодцы хладнокровно и отчетливо, совершенно, какъ на домашнемъ ученіи, исполняли команду ротныхъ командировъ въ тѣ моменты, когда ломились на нихъ тучи отчаянно-дерзкаго непріятеля, нигдѣ на полшага не подаваясь назадъ. Въ этой атакѣ и іомуды оправдали блестящую о себѣ славу.

Библиотека "Руниверс"

Два раза уже отбитые съ большимъ урономъ, они снова сомкнулись и произвели не одно, а нѣсколько послѣдовательныхъ нападеній, съ такою отвагой и рѣшительностью, что будь у насъ не такія образцовыя роты и отличнѣйшіе офицеры, какъ Батманъ и Рейнау, то неизвѣстно, какъ бы все кончилось. Какъ доказательство необыкновеннаго духа и изумительной дисциплины въ названныхъ ротахъ, служатъ слѣдующіе факты: Батманъ, при видѣ густой противъ себя толпы іомудовъ, размашистымъ галопомъ направляющихся на его роту, предварительно командуетъ: «смирно», затѣмъ «клацъ» и послѣ выдержки: «пли!». Второй «клацъ» онъ провозглашаетъ съ внушеніемъ ротѣ «не торопиться», «цѣлить хорошенько», а непріятель уже несется на него въ ста шагахъ: «пли!»— раздается его могучій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ «клацъ». «Не суетись», слышится опять, а іомуды рубятся въ передніе ряды, на всемъ скаку сбрасывая сидящихъ за ихъ спиной товарищей, прямо на штыки русскіе. Рейнау, при такихъ же обстоятѣльствахъ, въ пылу же непріятельскихъ атакъ, подпустивъ ихъ на полвыстрѣла, командуетъ: «рота клацъ!» послѣ чего раздается одинъ выстрѣлъ. «Кто стрѣлялъ безъ команды? отставь!» и опять слышится допросъ: «Кто это осмѣлился выстрѣлить?». И только послѣ строгаго внушенія за одиночный выстрѣлъ онъ хладнокровно командуетъ «клацъ!» и «пли!» въ то мгновеніе, когда непріятель уже на носу и залпъ роты, дружный и въ упоръ, валитъ сотню людей.

Но доказательствомъ упорнаго мужества и іомудовъ служитъ то, что, не внемля замѣчательно стойкому имъ отпору славныхъ ротъ нашихъ, они въ бѣшеномъ изступленіи погибали на штыкахъ и даже прорывались сквозь фронтъ стрѣлковъ, за которымъ, по окончаніи дѣла, поднято до 80-ти ихъ трупов, проколотыхъ холоднымъ оружіемъ нашимъ. Здѣсь-то при одномъ изъ подобныхъ случаевъ раненъ былъ и Николай Никитичъ Головачевъ.

Всѣ разсказы объ описанномъ горячемъ дѣлѣ дополняются свидѣтельствомъ участниковъ, что во все время боя отчетливо было слышно пѣніе и пронзительные возгласы одобренія женщинъ, засѣвшихъ въ ближайшихъ садахъ и зорко слѣдившихъ за ходомъ боя, при чемъ въ самыя рѣшительныя минуты онѣ показывались на полѣ сраженія и, подъ свистомъ пуль, примѣромъ мужества ободряли отцовъ, мужей и братьевъ идти на смерть.

Вообще дѣло 15-го іюля совершенно измѣнило воззрѣніе наше на непріятеля. Презрительное мнѣніе объ его военныхъ качествахъ смѣнилось заслуженнымъ имъ должнымъ уваженіемъ.

Еще нѣсколько словъ о Батманѣ и Рейнау. Оба они уроженцы Швеціи, оба воспитывались въ финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ и съ одного дня оба подвизаются на военномъ поприщѣ, тѣломъ и душою отдавшись службѣ. Командуя въ одномъ чинѣ сосѣдними, въ томъ же батальонѣ, ротами съ большимъ усердіемъ и знаніемъ

Библиотека "Руниверс"

дѣла, они пріобрѣли себѣ извѣстность во всемъ округѣ, гдѣ разсказывали о нихъ любопытныя подробности. И въ штабъ-квартирѣ, и въ походѣ оба капитана не знали другого помѣщенія, какъ казарма и палатка, гдѣ они были въ безпрерывныхъ и самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ своими солдатами; ѣли кашу изъ общаго котла, пили квасъ и воду изъ общаго бака, хлебали щи однѣми съ ними ложками; жили, говорили, спали и думали за одно съ солдатомъ, который ихъ боготворилъ, но вмѣстѣ боялся. Подобный образъ жизни, безусловно благодѣтельный для познанія всѣхъ нуждъ и потребностей нижнихъ чиновъ ввѣренныхъ имъ частей, тѣмъ не менѣе отрывалъ у нихъ всякую возможность и время бывать въ обществѣ; они всецѣло отдались службѣ и добивались лишь одного—довести свои части до возможнаго совершенства.

Въ лагерѣ Ильялы получилъ я письмо отъ Софьи. Она писала, что стала покойнѣе духомъ, не плачетъ и смирилась передъ злой судьбой... Бѣдная моя!

Въ Ильялахъ господствовало пока бездѣйствіе, скука, жара и мухи. Но мухи—съ перваго мерцанія утренней Авроры и до заката солнца, вездѣ и всюду! Лѣзли въ лицо, глаза, носъ, ротъ, въ чай и супъ въ такихъ массахъ и съ такимъ остервенѣніемъ, что ничего подобнаго представить себѣ невозможно. Что мы ни предпринимали къ ихъ истребленію, и огнемъ, и мечемъ, и водой, и дымомъ, не было силъ ихъ уничтожить. Вечеромъ только и дышали мы, только и успокоивались отъ раздраженнаго дневного состоянія. Однажды за ужиномъ Милютинъ обратился къ Михаилу Дмитріевичу, нашему постоянному посѣтителю, съ слѣдующими словами:

— Вотъ, Скобелевъ, ты только понапрасну изощряешь умъ свой для достиженія завѣтной мечты твоей—заслужить георгіевскій крестъ, а возможность у тебя есть теперь подъ руками, а ты ее не хватаешь!

— Какъ? Гдѣ? говори, ради Бога!—вскочилъ Скобелевъ.

Милютинъ развилъ ему мысль, чтобы онъ взялся изслѣдовать отсюда путь, не пройденный отрядомъ Маркозова, до колодцевъ Имды-Кудукъ, и этою рекогносцировкой опредѣлилъ бы важный вопросъ для всѣхъ, а для кавказскихъ войскъ въ особенности, былъ ли этотъ путь доступенъ движенію отряда, или нѣтъ. Приблизительно отъ Ильялы до Имды-Кудука, судя по картѣ, было отъ 140 до 150 верстъ степи, переѣздъ черезъ которую, конечно, сопряженъ былъ съ очевидною опасностью встрѣчи съ шляющимися кругомъ насъ партіями іомудовъ, но «qui ne risque rien, ne gagne rien»,—повершилъ Милютинъ.

Какъ въ порохъ искра, такъ мысль эта воспламенила воображеніе Скобелева... Онъ въ мигъ преобразился, сталъ самъ не свой. На лету сдѣлавъ свои соображенія, онъ, кажется, въ ту же минуту

Библиотека "Руниверс"

не откладывая въ долгій ящикъ, готовъ былъ ринуться по направленію Имды-Кудука, и только, когда мы ему напомнили, что безъ разрѣшенія властей на это предпріятіе пуститься нельзя, а просить этого ночью немыслимо, пылкій Скобелевъ нѣсколько успокоился, съ твердымъ намѣреніемъ на другой день, раннимъ утромъ, бѣжать къ Троцкому просить, хлопотать, умолять объ отпускѣ его въ степь.

Но это оказалось не такъ легко. Константинъ Петровичъ сначала и слышать не хотѣлъ объ отпускѣ Скобелева и, только спустя нѣкоторое время, согласился на наши просьбы. Итакъ, наканунѣ нашего выступленія къ Хивѣ, всѣ мы были въ суетѣ, но Скобелевъ въ исключительной. Съ утра онъ леталъ по всѣмъ направленіямъ и только мелькомъ успѣлъ сообщить, что уже былъ у начальства, и что къ вечеру все будетъ готово къ его отъѣзду. У меня взялъ онъ лошадь, моего маленькаго сѣраго.

Въ ту же ночь, во время нашего ужина, послышался топотъ коня. Я вышелъ и въ темнотѣ не могъ разобрать, кто остановился у нашей палатки, и только по голосу узналъ всадника. Скобелевъ, въ туркменскомъ костюмѣ, высокой шапкѣ и вооруженный съ головы до ногъ, стоялъ передъ нами и просилъ благословенія на дальній, опасный путь... Мы вынесли ему стаканъ краснаго вина, чокнулись, онъ толкнулъ коня и былъ таковъ. Дай ему Богъ успѣха, но увидимся ли съ нимъ?—подумали, вѣроятно, всѣ.

Мы же, въ свою очередь, опять зашагали къ Хивѣ, но уже съ другимъ, болѣе спокойнымъ настроеніемъ. Шла рѣчь о предстоящемъ отступленіи отрядовъ по домамъ и отправленіи части главной квартиры на каюкахъ и пароходахъ въ Казалинскъ; Константинъ же Петровичъ хотѣлъ непремѣнно самъ вести туркестанскій отрядъ обратно въ Ташкентъ. Все время переходовъ Кауфманъ былъ очень милъ, любезенъ, внимателенъ, приглашалъ меня и Милютина на привалѣ прилечь на его коверъ, угощалъ походной закуской, увлекался обычнымъ краснорѣчіемъ и отъ души смѣялся, когда, въ свою очередь, слышалъ что нибудь комичное, ему незнакомое.

Переходъ до Хивы совершился бы вполнѣ благополучно и спокойно, если бы не грустное происшествіе съ Бергомъ, который при въѣздѣ на всемъ карьерѣ въ узкія улицы столицы упалъ съ лошади и безъ чувствъ былъ поднятъ съ разможенной щиколдкой правой ноги.

Всѣ опять размѣстились въ прежнемъ лагерѣ по своимъ мѣстамъ. На другой день, только что мы проснулись и изъ залы нашей вышли на террасу пить утренній чай, по плитамъ двора раздался топотъ лошади, и глазамъ нашимъ представился—Скобелевъ. Съ темнобронзовымъ отъ загара лицемъ, въ кителѣ, покрытомъ густымъ сло-

Библиотека "Руниверс"

емъ пыли, соскочилъ онъ съ лошади и бросился въ наши объятія. Никуда не заѣзжая, прямо изъ экскурсіи своей онъ явился къ намъ и, пока приводилъ туалетъ свой въ порядокъ, мылся и пилъ чай, успѣлъ подробно разсказать о всѣхъ приключеніяхъ съ нимъ, втеченіе девятидневной разлуки съ нами.

Скобелевъ предпринялъ экспедицію отъ Ильялы до Имды-Кудука, а оттуда обратно до Хивы, самъ-шесть, то-есть имѣя въ сопровожденіе трехъ туркменъ, льготнаго казака оренбургскаго войска и ex-крѣпостного форейтора, нынѣ служащаго при немъ по найму—Мишку. Вооруженные Скобелевымъ, всѣ они, какъ и самъ временный повелитель ихъ, одѣты были туркменами, съ соблюденіемъ всѣхъ мѣстныхъ условій до тонкости и имѣли подъ собою добрыхъ лошадей, взятыхъ въ лагерѣ подъ Ильялы. Выѣхавъ ночью съ 2-го на 3-е число, группа направилась на западъ и, осторожно подвигаясь впередъ, въ первый день благополучно достигла колодца, очень скуднаго водой, за 32 версты отъ нашей позиціи. Скобелевъ измѣрялъ разстоянія быстротой хода лошади и на всемъ пути наносилъ на планъ все, что онъ встрѣчалъ по дорогѣ или видѣлъ по сторонамъ, на горизонтѣ. Въ нѣсколько листовъ склеенный croquis всего пройденнаго пути до самыхъ колодцевъ Имды-Кудука отчетливо указывалъ на кряжи, возвышенности и барханы, занесенные Скобелевымъ съ поверстнымъ указаніемъ ихъ, отъ избраннаго имъ направленія. На второй день наши туристы проѣхали 37 верстъ и хотя на горизонтѣ, слѣва отъ себя, замѣтили нѣсколько человѣкъ конныхъ, но добрались до колодцевъ и переночевали на нихъ безъ всякихъ происшествій. Третій переѣздъ въ 34 версты совершился благополучно; но только что, напоивъ коней, они расположились на отдыхъ, вдали показалась партія іомудовъ, направлявшаяся прямо къ ихъ колодцу. Туркмены-проводники Скобелева, немедленно уложили его на землю и, накрывъ кошмами, категорически потребовали отъ него не подавать признаковъ жизни и недвижимо ожидать, пока непрошенные гости не уѣдутъ въ степь. Враговъ оказалось до 30 человѣкъ. Они тоже напоили лошадей изъ колодца и, усѣвшись кругомъ, завели разговоры и разспросы: куда и зачѣмъ ѣдутъ встрѣченные туркмены? Бойко отвѣчая имъ всякую небылицу и указывая на человѣка, скрытаго грудою кошмъ, проводники объяснили любопытнымъ, что это ихъ караванъ-башъ, жестоко заболѣвшій лихорадкой. По признанію этого больного, его дѣйствительно въ то время, около 5 часовъ сряду, бросало и въ жаръ и въ холодъ, не отъ одного удушья подъ войлоками, но и отъ меча Дамокла, висящаго надъ головой его... Но вотъ іомуды отдохнули и, слава Богу, по-добру, по-здорову убрались въ степь. Скобелевъ вздохнулъ свободно.

На четвертый день наши молодцы не видѣли никого, но на ночлегѣ нашли очень плохую воду и вообще замѣтили утомленіе ко-

Библиотека "Руниверс"

ней по причинѣ глубоко-сыпучаго песка на пути ихъ. На пятомъ переходѣ встрѣтили на перепутьи пять іомудовъ, съ которыми обмѣнялись пустыми вопросами и разъѣхались безъ послѣдствій. На шестой день очень большой перегонъ въ 40 верстъ наши всадники совершили съ великимъ затрудненіемъ, такъ какъ ихъ лошади до того измучились, что послѣднія двѣнадцать верстъ до цѣли имъ пришлось тащить ихъ въ поводу. Но какъ бы то ни было, Господь помогъ имъ достичь желаннаго пункта живыми и безъ пролитія крови, а все остальное было забыто.

Тутъ-то, на слѣдующее утро, когда они были такъ далеки отъ возможности трагической развязки и спокойно кейфовали у Имды-Кудука, перечисляя всѣ опасныя минуты, испытанныя ими на пройденномъ пути, едва, едва не случилось съ ними происшествіе, могущее имѣть страшныя послѣдствія.

Не стѣсняясь ничѣмъ, туристы, окрѣпнувъ послѣ продолжительнаго сна, весело и безпечно стали болтать между собою на природныхъ языкахъ и увлеклись до того, что не обратили должнаго вниманія, какъ молодой пастухъ, отдѣлившійся отъ своего стада барановъ, подошелъ къ колодцу, зачерпнулъ воды и, отойдя отъ нихъ нѣсколько шаговъ, растянулся на солнцѣ не спать, а внимательно слушать ихъ рѣчи. Прошелъ часъ или болѣе, какъ беззаботно галдѣвшая группа наша случайно увидѣла мальчишку, во всю прыть бѣгущаго мимо стада своего, въ степь, оглашая воздухъ пронзительными криками. Встревоженные туркмены въ одинъ мигъ сообразили грозившую имъ опасность, и вся компанія, не теряя минуты, вскочила на коней и въ карьеръ бросилась въ обратный путь. Терять время дѣйствительно было невозможно, потому что пастухъ, добѣжавъ до ближайшаго кочевья іомудскаго, поднялъ тамъ тревогу и болѣе сотни враговъ понеслись по пятамъ бѣглецовъ. Скобелевъ говорилъ, что они обязаны своимъ спасеніемъ единственно рѣзвости своихъ коней, вдоволь напившихся воды и съѣвшихъ наканунѣ усиленную дачу ячменя.

Окончивъ разсказъ, Скобелевъ поспѣшилъ свѣрить свой кроки съ общею картой степей хивинскихъ и пошелъ явиться начальнику штаба Троцкому, который, въ свою очередь, не замедлилъ доложить о томъ начальнику отряда. Кауфманъ, послѣ тщательной провѣрки всѣхъ фактовъ, поблагодарилъ всю команду и въ награду навѣсилъ на каждаго изъ подвижниковъ Скобелева по знаку отличія и вручилъ, кромѣ того, по 50 рублей на человѣка.

Миша Скобелевъ во время этой сцены издали слѣдилъ за ходомъ и развязкой дѣла, могущаго имѣть для него впослѣдствіи громадное значеніе. Для обсужденія же лично его подвига должна была быть назначена кавалерская дума, которая и состоялась уже въ Ханкахъ, въ 25-ти верстахъ отъ Хивы.

Библиотека "Руниверс"

Недоброжелатели Михаила Дмитріевича, конечно, горячились и представляли резоны, но послѣ бурнаго засѣданія все кончилось лаконическимъ приговоромъ большинства: «достоинъ по § 15-му статута».

Этотъ же день, 14-го августа, участники шахризябской экспедиціи праздновали обѣдомъ. Щербинскій, Фриде, Меллеръ и я устроили празднество въ нашей палаткѣ и пригласили Милютина. Троцкій же, къ сожалѣнію, долженъ былъ ѣхать съ Кауфманомъ вверхъ по Аму-Дарьѣ для избранія мѣста подъ крѣпость, которую, до отступленія нашихъ войскъ изъ ханства, должны были заложить здѣсь для помѣщенія гарнизона, остающагося въ краѣ для вящшей гарантіи нашего протектората надъ ханомъ и также взиманія военной контрибуціи.

Обѣдъ нашъ былъ веселый, оживленный и во всѣхъ отношеніяхъ обильный. Увидѣвъ мимо проходящаго Скобелева, мы захватили его къ себѣ, поздравляли, пили его здоровье, примѣривали на немъ мой крестъ, провозглашали тосты за Абрамова, Троцкаго и другихъ участниковъ побѣды, одержанной три года назадъ, и проч. и проч. Вдругъ въ самый разгаръ я увидѣлъ идущаго къ намъ въ парадной формѣ флигель-адъютанта. Не вѣрю глазамъ своимъ,— оказывается Флитъ.

Минуту спустя, мы обнимали его, и опять полились вино и поздравленія и не его одного, только что прибывшаго изъ Петербурга, а и многихъ другихъ. Головачевъ и Веревкинъ получили ордена св. Георгія 3-й степени и т. д. Намъ остальнымъ пока еще ничего не вышло, кромѣ поголовнаго пожалованія годоваго, не въ зачетъ, жалованья. Нижнимъ же чинамъ выслано было государемъ до тысячи георгіевъ и, кромѣ того, объявлено о медали въ память хивинскаго похода 1873 года.

Передъ вечеромъ вернулся на бивуакъ начальникъ отряда, очень обрадованный встрѣчей съ неожиданно вернувшимся Флитомъ, который, между прочимъ, лично поздравилъ Троцкаго съ монаршею милостью, назначеніемъ его въ свиту его величества.

Весь тотъ вечеръ и слѣдующій день продолжались поздравленія, ликованія и вспрыскиванія, а затѣмъ былъ парадъ, на которомъ Кауфманъ съ георгіевской звѣздой собственноручно навѣсилъ множество крестовъ на нижнихъ чиновъ, въ эту торжественную минуту забывшихъ навѣрное все горе, всю тяжесть и бѣдствія, перенесенныя ими и во все горло отъ глубины души кричавшихъ «ура».

Участь наша была рѣшена. Большая часть главной квартиры, всѣ больные и раненые и нѣкоторыя тяжести и трофеи, подъ начальствомъ генерала Бардовскаго, отправлялись на каюкахъ внизъ по Аму-Дарьѣ до пароходовъ «Самаркандъ» и «Перовскій», ожи-

Библиотека "Руниверс"

давшихъ насъ въ 60-ти верстахъ отъ устья въ Аральское море. Самъ Кауфманъ съ войсками туркестанскаго отряда, за исключеніемъ 5 ротъ, остающихся въ новой крѣпости нашей Петро-Александровкѣ, шелъ обратно тѣмъ же путемъ до Ташкента, а прочіе отряды должны были идти каждый въ свою сторону. Итакъ хивинскій походъ конченъ. Здѣсь оставался облеченный въ должность военнаго губернатора Н. А. Ивановъ, бывшій правитель дѣлъ Заравшанскаго округа.

Курьеромъ съ донесеніемъ о послѣднихъ дѣйствіяхъ и отступленіи отрядовъ ѣхалъ Дитмаръ. Милютинъ же предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ въ моемъ тарантасѣ, по его курьерской подорожной.

Каюковъ было снаряжено до 40 штукъ. На каждое подобное судно назначено было два лоцмана нашей аральской флотиліи; прислуга перетащила наше имущество, устроила пологъ, поставила кровати, а главное печь на носу для варки намъ пищи во время плаванія, которое должно было продолжаться не менѣе шести дней до встрѣчи пароходовъ.

Всѣ отъѣзжавшіе были собраны къ ставкѣ командующаго войсками. Онъ вышелъ и сказалъ напутственную рѣчь, но я замѣтилъ, что, прощаясь со мной, очень холодно отнесся къ моей особѣ. Я уже и раньше видѣлъ поворотъ въ расположеніи ко мнѣ начальника отряда и не безъ основанія предположилъ, что кто-то изъ друзей-пріятелей постарался удружить мнѣ. Подѣломъ тебѣ, Владиміръ Алексѣевичъ, практичнѣе было бы не соваться въ чужія дѣла, не принимать къ сердцу неловкихъ положеній, затрудненій и проч., а главное не горячиться и не кричать о своемъ мнѣніи на всѣхъ перекресткахъ,—вотъ я и прослылъ чуть ли не нарушителемъ общественнаго спокойствія. «Вѣкъ живи, вѣкъ учись!»—совѣтъ дѣльный, только не для «горбатыхъ, которыхъ одна могила исправитъ».

Шестидневное странствованіе наше внизъ по теченію Аму-Дарьи имѣло, какъ и все на свѣтѣ, свои хорошія и дурныя стороны. Рано утромъ, при восходѣ солнца, чистый и даже свѣжій воздухъ на водѣ имѣлъ безспорную прелесть, особенно при сравненіи съ удушіемъ въ пыльной степи. Но вотъ лучи солнечные начинаютъ вертикально пригрѣвать и печь наши пловучія скорлупы, очень прозрачно прикрытыя тонкимъ пологомъ, и вскорѣ заставляли забывать о мимолетной по утрамъ прохладѣ. Отъ полудня до пятаго часа дышалось съ трудомъ, и плывя по водѣ, плаваешь въ то же время и въ испаринѣ. Передъ вечеромъ и до заката солнца опять становилось легче, но тутъ появлялись предвѣстники, а въ слѣдъ за ними ужаснѣйшій бичъ камышей и низменныхъ береговъ рѣки—миріады злѣйшихъ комаровъ. Ни сѣтки, ни ѣдкій дымъ и всякое курево—ничто не умаляло ожесточеннаго натиска этихъ безпощадныхъ кровопійцъ, густою и непрерывною тучей проникающихъ

Библиотека "Руниверс"

всюду. Мнѣ кажется, что для нервнаго субъекта дѣйствіе комаровъ въ такомъ неизмѣримомъ количествѣ, какъ на Аму-Дарьѣ,—та же инквизиторская пытка. Теченіе Аму довольно быстрое, а фарватеръ ея, при настоящемъ разливѣ очень капризный, извилинами своими между тысячью мелкихъ острововъ, доступный лишь немногимъ мѣстнымъ рыболовамъ, изъ которыхъ двое проводниковъ и смѣнялись обязательно на передовомъ каюкѣ Бардовскаго.

На шестыя сутки пересѣли мы на пароходъ. Наша компанія попала на «Самаркандъ». Раненые же и больные размѣщены были на «Перовскомъ».

Въ морѣ дулъ вѣтеръ, но было до такой степени сносно, что мы въ каютѣ составили пульку въ преферансъ, Дитмаръ, Милютинъ, Голицынъ и я. Стало покачивать сильнѣе, но крупные ремизы и въ особенности «несчастные раздѣлы», на которые нарывался Голицынъ, отвлекали наше вниманіе отъ разгулявшейся стихіи, но наконецъ пароходъ начало такъ жестоко бросать и вверхъ и внизъ, что одновременно полетѣли со стола карты съ мѣлками, и насъ отбросило въ сторону. На палубѣ непривычнымъ рѣшительно нельзя было удержаться. «Самаркандъ» несло, какъ щепку, то поднимая высоко, то стремительно бросая внизъ. Со всѣхъ сторонъ слышались робкіе ахи или протяжные охи страждущихъ пассажировъ, но веселыхъ возгласовъ и рѣчей не было и быть не могло, такъ какъ моряки были слишкомъ заняты своимъ дѣломъ, а среди насъ не было ни одного равнодушнаго зрителя. Не смотря на то, что Аральское море очень мелко у береговъ, плаваніе по нему въ бурю не безопасно, особенно на такомъ плоскодонномъ пароходѣ, какъ «Самаркандъ». Быстро разыгралась буря, но еще быстрѣе успокоилась, ее смѣнилъ штиль полный, невозмутимый. Стала видна темная полоска на горизонтѣ. Мы были уже у устья Сыръ-Дарьи.

Въ Казалинскѣ ждалъ меня мой ташкентскій тарантасъ, доставленный сюда по ряспоряженію Медынскаго, при миломъ отъ него письмѣ, и скоро мы катили уже съ Алексѣемъ по широкой, знакомой степи.

Въ Москву я пріѣхалъ усталый и физически и нравственно. Докторъ уложилъ меня даже въ постель.

Разъ, послѣ обѣда, къ подъѣзду подкатилъ экипажъ, и Андрей доложилъ мнѣ: «полковникъ Скобелевъ». Представивъ его на ходу женѣ и дядѣ, я провелъ его къ себѣ въ гостиную, гдѣ онъ бросился обнимать и цѣловать меня. Престранная у него манера цѣловаться, тѣмъ болѣе, что кто же изъ насъ придаетъ вѣры въ его искреннее расположеніе? Онъ благодарилъ меня за нелицепріятное рѣшеніе въ кавалерской думѣ. Но вѣдь, умаляя въ нѣкоторомъ родѣ свою заслугу, онъ бросаетъ тѣнь на мое безпристрастіе и ставитъ меня въ неловкое положеніе. Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ без-

Библиотека "Руниверс"

спорно умный и очень образованный человѣкъ, природная даровитость и выдающіяся способности котораго, конечно, ставятъ его гораздо выше многихъ. Онъ дѣятеленъ, предпріимчивъ и очень энергиченъ, но для достиженія своихъ цѣлей не останавливается ни передъ какими средствами. Поэтому неудивительно, что Скобелевъ, съ выдающейся красивою наружностью, а особенно талантливостью и умомъ, нигдѣ не могъ ужиться, не перессорившись и не возстановивъ противъ себя многихъ, чему явнымъ доказательствомъ служитъ его скитальческая служба. Сначала кавалергардъ, потомъ гродненскій гусаръ, академикъ, строевой и штабный офицеръ, онъ переходилъ изъ одного военнаго округа въ другой, нигдѣ не удовлетворяя себя, но и наживая массу враговъ. Николаевская военная академія, признавъ блистательные успѣхи его въ наукахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пять лѣтъ тормозила переводъ его въ генеральный штабъ, и все это изъ-за его строптивости и безграничной предпріимчивости къ удовлетворенію страстей своихъ. Съ подобною настойчивостью онъ, вѣроятно, добьется очень многаго. Въ настоящую минуту Скобелевъ счастливъ. Государь императоръ, согласно постановленію думы, поздравилъ его въ Ливадіи съ георгіевскимъ крестомъ, и онъ, повидимому, вполнѣ доволенъ, но надолго ли. Ненасытная натура его начинаетъ снова работать, и онъ для удовлетворенія чудовищнаго честолюбія лбомъ пробьетъ стѣну, чтобы изобрѣсти путь къ дальнѣйшему ходу своей карьеры.

Оправившись и отдохнувъ, я поспѣшилъ отправиться въ Петербургъ и успѣлъ даже представиться въ числѣ прочихъ ташкентцевъ Константину Петровичу Кауфману, недавно сюда только прибывшему.

26-го ноября состоялся праздникъ георгіевскихъ кавалеровъ. Онъ начался выходомъ въ Зимнемъ дворцѣ и освященіемъ знаменъ, что тянулось очень долго. Знакомыхъ и друзей я, конечно, встрѣтилъ множество. Изъ дворца съ Абамеликомъ заѣхали къ Львовымъ, гдѣ я выждалъ до $5^1/_2$ часовъ и отправился на обѣдъ въ Зимній дворецъ. За обѣдомъ я сидѣлъ между Граббе и графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ и противъ Мезенцева. Послѣ обѣда, когда государь faisait salon, его величество подошелъ ко мнѣ и не менѣе 10 минутъ изволилъ милостиво разговаривать, начавъ вопросомъ:

— А развѣ ты еще не получилъ назначенія и все еще состоишь по арміи?

Потомъ послѣдовали другіе: о ранахъ, о здоровьѣ, о томъ, гдѣ началъ службу, въ Преображенскомъ или Куринскомъ полку (государь не разъ смѣшивалъ меня и раньше съ братомъ Алексѣемъ).

— Я знаю, что теперь ты изъ Хивы, и знаю это не по одной медали, которую на тебѣ вижу (наканунѣ Георгіевскаго праздника намъ, хивинцамъ, были доставлены медали).—Неужели ты въ Куринскомъ полку еще засталъ Меллера-Закомельскаго?—продолжалъ государь.

Библиотека "Руниверс"

На отвѣтъ мой, что при немъ я прослужилъ пять лѣтъ офицеромъ, его величество изволилъ полюбопытствовать, кто командовалъ батальономъ куринцевъ въ Чолокскомъ сраженіи.

— Несчастный флигель-адъютантъ вашего императорскаго величества Бреверн,—отвѣтилъ я.

— Представь себѣ,—замѣтилъ на это государь,—что ему по настоящее время ни на волосъ не лучше! Онъ въ maison de santé, около Митавы, и никакой надежды не подаетъ къ выздоровленію.

В. А. Полторацкій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПОЛТОРАЦКІЙ

дозв. ценз. спб., 16 іюня 1895 г.

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО [1].

XV.

Прикомандированіе меня къ Московскому военному округу.—Поѣздка въ Скерневицы.—Свиданіе съ княземъ А. И. Барятинскимъ.—Любезный пріемъ, оказанный мнѣ Барятинскимъ.—Жизнь въ Скерневицахъ.—Разсказы князя Барятинскаго.—Возвращеніе мое въ Москву.—Назначеніе въ Крымъ формировать крымско-татарскіе эскадроны.

ВОЗВРАЩАТЬСЯ служить въ Туркестанъ я по многимъ причинамъ не хотѣлъ и потому, впредь до какого либо особаго назначенія, съ удовольствіемъ принялъ прикомандированіе мое къ Московскому военному округу, что̀ давало мнѣ возможность пожить съ семьей въ Москвѣ и устроить свои личныя дѣла. Пользуясь же даннымъ мнѣ отпускомъ, я рѣшилъ навѣстить своего бывшаго начальника, князя А.И. Барятинскаго, и въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ посовѣтоваться насчетъ дальнѣйшей моей службы.

Недолго думая, послалъ я въ Скерневицы слѣдующую телеграму: «Давнишній подчиненный Куринскаго полка проситъ разрѣшенія представиться вашему сіятельству», на что̀ черезъ четыре часа получилъ отвѣтъ: «Очень буду радъ вашему посѣщенію. Барятинскій».

Въ 12 часовъ дня 11-го февраля (1874 г.) сѣлъ я въ вагонъ курьерскаго поѣзда и послѣ тридцати-одного часового пути пріѣхалъ въ Варшаву. Съ дебаркадера въ омнибусѣ отправился я въ

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 759.

Библиотека "Руниверс"

Европейскую гостинницу, гдѣ, поужинавъ довольно рано, уже въ 10 часовъ завалился спать, разсчитывая на слѣдующій же день продолжать свой путь въ Скерневицы, всего въ двухъ часахъ ѣзды отсюда. Всю дорогу до Варшавы, не встрѣтивъ души знакомой, я могъ, конечно, обдумать, что и какъ стану говорить фельдмаршалу, но остановился на томъ, что скажу ему, какъ Богъ на сердце положитъ, а загадывать впередъ всю нить объясненій рѣшительно не могъ. Къ тому же я вѣдь робокъ по натурѣ (вотъ чему бы не повѣрили враги мои!), и малѣйшее шиканье можетъ окончательно меня сбить съ толку.

На слѣдующій день, во второмъ часу, подкатываю я въ Скерневицы и прямо съ вокзала собираюсь идти во дворецъ къ фельдмаршалу, какъ объявляютъ мнѣ, что князь только-что уѣхалъ въ Варшаву на встрѣчу австрійскаго императора и пробудетъ въ отсутствіи болѣе сутокъ. Не зная сначала, на что рѣшиться, я пустился отыскивать Витгенштейна, такъ какъ и Кузнецовъ, по свѣдѣніямъ на станціи, уѣхалъ съ фельдмаршаломъ, и засталъ его въ суетѣ и хлопотахъ по случаю переѣзда его въ новое въ саду помѣщеніе. Дѣло въ томъ, что князь Барятинскій переломалъ всю внутренность дворца и передѣлывалъ его заново; во флигелѣ онъ помѣщался самъ съ княгиней и съ многими у него живущими, а всѣ остальныя комнаты завалены были ящиками, сундуками, мебелью, посудой и проч., до окончанія работъ во дворцѣ.

Витгенштейнъ любезно предложилъ мнѣ представиться княгинѣ Барятинской и затѣмъ дожидаться возвращенія князя Александра Ивановича; но я за лучшее счелъ съ первымъ же поѣздомъ ѣхать за его сіятельствомъ въ Варшаву. Такъ я и сдѣлалъ и въ тотъ же день, въ седьмомъ часу пустился въ Лазенки, мѣстопребываніе генералъ-фельдмаршала.

«Его сіятельства нѣтъ дома»,—было первое извѣстіе; но полковникъ Кузнецовъ, услышавъ о моемъ появленіи, приглашаетъ меня войти къ нему, объявивъ при этомъ, что князь непремѣнно обѣщалъ вернуться къ $7^1/_2$ часамъ.

Въ числѣ нѣсколькихъ ожидающихъ тамъ же возвращенія фельдмаршала былъ управляющій Варшавскими театрами, Мухановъ, съ которымъ хозяинъ и познакомилъ меня, и только когда онъ, не дождавшись князя, уѣхалъ, я вспомнилъ, что давно былъ съ нимъ знакомъ въ Москвѣ, когда еще былъ уланомъ.

Кузнецовъ, прочитавъ привезенное мною къ нему письмо Фадѣева, засыпалъ меня любезностями, при чемъ поспѣшилъ объяснить, что всякія рекомендаціи для меня лично совершенно излишни, такъ какъ онъ, Кузнецовъ, много наслышался о службѣ моей на Кавказѣ и даже неоднократно тамъ видѣлъ меня, когда еще былъ при штабѣ писаремъ, о чемъ онъ не разъ съ достоинствомъ заявлялъ. Теперь же Кузнецовъ былъ полковникъ, личный адъю-

Библиотека "Руниверс"

тантъ генералъ-фельдмаршала, довѣренный и совершенно свой человѣкъ въ домѣ князя Александра Ивановича, а что всего удивительнѣе—вполнѣ развитой, интеллигентный членъ общества, бѣгло объясняющійся на французскомъ и англійскомъ языкахъ и, что всего достойнѣе, пользующійся общимъ уваженіемъ, какъ личность разумная, милая и вполнѣ заслуживающая симпатіи по уму и умѣнью съ достоинствомъ всюду держать себя.

Въ началѣ 9-го часа послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа, и, минуту спустя, въ передней раздался нетерпѣливый голосъ: «Дайте мнѣ поскорѣе взглянуть на него!»,—а затѣмъ спѣшными шагами, не снявъ съ себя шинели, вошелъ въ комнату Кузнецова фельдмаршалъ и, схвативъ меня за руку, повлекъ ближе къ освѣщенію, чтобы, какъ выразился онъ, «хорошенько разсмотрѣть стараго пріятеля». Князь, любезно замѣтивъ, что я мало измѣнился, выразилъ полное удовольствіе меня видѣть, а когда я ему сказалъ, что сейчасъ изъ Скерневицъ, онъ воскликнулъ, что, не ожидая меня такъ скоро, не сдѣлалъ на мой счетъ никакихъ распоряженій.

Пригласивъ все общество къ себѣ на верхъ пить чай, князь усадилъ меня возлѣ себя и спросилъ, узналъ ли бы я его послѣ 18 лѣтъ, въ которыя будто бы онъ такъ страшно измѣнился и постарѣлъ. Я нашелъ противное: не то, чтобы князь помолодѣлъ, нѣтъ—но, слыша объ его болѣзняхъ и дряхлости, я по правдѣ не представлялъ себѣ его такимъ молодцомъ. Когда я выразилъ ему это мнѣніе, онъ очень любезно замѣтилъ: «видно, что Полторацкому я нуженъ, онъ противъ правилъ своихъ мнѣ льститъ!» И тутъ же, какъ бы изъ опасенія, что этимъ замѣчаніемъ мнѣ причинилъ неудовольствіе, усугубилъ свою привѣтливость и вниманіе. До десяти часовъ вечера, прерывая общій разговоръ съ присутствующими, князь неоднократно обращался ко мнѣ съ подробными разспросами о моей отставкѣ, женитьбѣ, дѣтяхъ, предводительствѣ и въ особенности объ опредѣленіи вновь на службу и хивинскомъ походѣ. Въ свою очередь князь разсказалъ всему обществу о разныхъ продѣлкахъ моей юности, не упустивъ, изъ ихъ перечня, эпизода на Гоитѣ и сумасброднаго прыжка въ тифлисскомъ театрѣ.

— Однако, послушайте, мой милѣйшій сослуживецъ, въ какомъ я передъ вами положеніи! Весь дворецъ переломанъ, и какъ ни странно оно покажется всѣмъ, но у князя Барятинскаго нѣтъ теперь свободнаго угла, и мы сами помѣщаемся, какъ сельди въ боченкѣ. Кузнецовъ, придумайте, какъ бы намъ устоить Полторацкаго.

Изъ Петербурга къ тому же надняхъ ожидали они родственницъ князя С. М. Воронцова (англичанокъ—мать съ дочерью), съ которыми послѣдніе дни въ Петербургѣ я встрѣчался у княгини Марьи Васильевны.

Библиотека "Руниверс"

— Я полагалъ, — при этомъ замѣтилъ князь,— что вы, Полторацкій, ѣдете къ намъ именно съ этими дамами; вашу депешу я одновременно получилъ съ увѣдомленіемъ князя Семена Михайловича о проѣздѣ и посѣщеніи Скерневицъ его родственницами, и зная, въ какихъ короткихъ отношеніяхъ вы всегда были съ семействомъ Воронцовыхъ, я вообразилъ себѣ, что вы любезно вызвались проводить путешественницъ... Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ онъ, ласково обнявъ меня, — я васъ скоро не выпущу. Ахъ, да, вѣдь бывшія Витгенштейновскія комнаты свободны!

И сейчасъ же онъ послалъ приказаніе привести ихъ въ приличный видъ и пригласилъ меня расположиться въ нихъ хорошенько «пожить» въ Скерневицахъ... Какъ ни любезенъ былъ до самой мелочи пріемъ князя Александра Ивановича, но слово «жить» въ Скерневицахъ и разные его планы играть съ нимъ въ пикетъ, ходить въ русскую баню, охотиться на кабановъ и фазановъ и проч., и проч. меня испугали. Нельзя и думать было къ воскресенью вернуться въ Петербургъ. Уже около полуночи, послѣ самыхъ привѣтливыхъ фразъ и пожатій, мы разстались, а на слѣдующій день ему рано нужно было вставать для встрѣчи императора Франца-Іосифа. Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій физически очень мало измѣнился: волосы на головѣ были съ просѣдью, усы и баки бѣлые, но цвѣтъ лица и вся фигура его еще живо напоминали красавца сороковыхъ годовъ. Жаловался онъ на свои ноги, отъ подагры будто бы плохо ему служащія при подъемахъ на лѣстницы, но при ходьбѣ по комнатѣ, въ мягкихъ бархатныхъ сапогахъ, ущербъ этотъ былъ не замѣтенъ, и вообще онъ смотрѣлъ бодро и свѣжо. Не то впечатлѣніе произвело его нравственное настроеніе. Когда онъ упомянулъ, что въ прошломъ году онъ «въ послѣдній разъ» ѣздилъ въ Петербургъ, въ его рѣчи проскользнуло явное неудовольствіе на свое бездѣйствіе. Видимо, честолюбіе съѣдало князя, и онъ только по неволѣ разыгрывалъ роль Цинцината, не соотвѣтствующую ни наклонностямъ его, ни вкусамъ... Не смотря, однако, на это, князь такой же былъ, если не болѣе, милый хозяинъ и очаровательнѣйшій собесѣдникъ.

Разсказывая о стѣсненномъ положеніи своемъ въ Скерневицахъ, Александръ Ивановичъ не разъ повторилъ qu' il était bien mieux logé à Hassaf-urt, comme colonel et chef du régiment au Caucase», но тутъ же прибавлялъ, что черезъ шесть недѣль у него все устроится, и, кромѣ великолѣпнаго расположенія дворца, гдѣ ему можно будетъ принять и помѣстить на временное пребываніе до ста гостей, онъ отдѣлываетъ прелестный театръ, въ который трупа варшавскаго императорскаго театра два раза въ недѣлю будетъ пріѣзжать на представленія. Да и теперь въ Скерневицахъ, помимо безконечныхъ гостей и временныхъ посѣтителей князя, ютилось множество

Библиотека "Руниверс"

проживающихъ на его иждивеніи, и постоянно содержался значительный почетный караулъ.

Однако, до моего переѣзда въ Скерневицы, avec tous mes paquets, какъ приглашалъ князь, я тщетно прорыскалъ по непривѣтливымъ улицамъ Варшавы, не найдя знакомой души. Усталый отъ безполезнаго шатанья, я, наконецъ, сѣлъ обѣдать въ общемъ залѣ Европейской гостинницы, гдѣ совершенно случайно наткнулся на личность нѣсколько мнѣ знакомую — Гоголя, бывшаго преображенца, а въ то время проживавшаго въ своемъ по близости маіоратствѣ. Онъ былъ товарищъ по полку покойнаго брата Алексѣя, но если я былъ доволенъ встрѣчей съ нимъ, то потому, что имѣлъ случай поговорить о почтенномъ отцѣ его, Иванѣ Ивановичѣ, и милѣйшей женщинѣ, его матери, Маріѣ Дмитріевнѣ, рожденной Есаковой. Обоихъ ихъ уже не было на свѣтѣ, но память о нихъ останется священной для всѣхъ ихъ знавшихъ. Въ тотъ же день вечеромъ встрѣтилъ я въ театрѣ Андрея Корфа, своего однокашника по Пажескому корпусу, командовавшаго въ Варшавѣ л.-гв. Литовскимъ полкомъ.

Пріѣхавъ на слѣдующій день въ Скерневицы, я нашелъ уже помѣщеніе, и при томъ прекрасное, готовымъ и, приведя себя въ порядокъ, немедленно отправился черезъ садъ во дворецъ князя. Фельдмаршалъ встрѣтилъ меня съ изысканнымъ радушіемъ и тотчасъ же подъ руку повелъ меня въ столовую, гдѣ поочередно представлялъ меня княгинѣ и прочимъ дамамъ, какъ стараго пріятеля и боеваго своего товарища. Не смотря на слабость ногъ своихъ, князь при появленіи всякаго экземпляра прекраснаго пола вскакивалъ съ кресла и повторялъ со мною ту же процедуру, но наконецъ, когда въ сборѣ оказался весь наличный комплектъ гостей его, онъ предложилъ мнѣ вести къ столу прелестную женщину, графиню Клейнмихель (рожденную гр. Келлеръ), его племянницу, и сѣсть между ней и княгиней, хозяйкой дома. Во временной, очень небольшой столовой флигеля, занимаемаго теперь княземъ, усѣлись за столъ: красивая Б., затѣмъ пріемная сестра княгини, совершенная красавица южнаго типа, Тебро, и мужчины: графъ Потоцкій (Морицъ), князь Витгенштейнъ, графъ Клейнмихель и Кузнецовъ. Самъ хозяинъ за общій столъ не садился, по запрещенію доктора, во избѣжаніе соблазновъ, что, однако, не мѣшало ему изъ сосѣдней комнаты, гдѣ стоялъ приборъ его, ежеминутно появляться къ намъ, угощать гостей и даже смачивать губы свои различными винами, появляющимися ежеминутно въ рукахъ мажоръ-дома. Со мною и хозяинъ и хозяйка были чрезвычайно милы. Я нѣсколько расчитывалъ на радушный пріемъ, но, признаюсь, и во снѣ не ожидалъ ничего подобнаго. Послѣ обѣда и кофе фельдмаршалъ, гр. Клейнмихель, Витгенштейнъ и я усѣлись играть въ пикетъ, la chouette, а хозяйка на диванѣ занимала разговоромъ старика

Библиотека "Руниверс"

Потоцкаго. Какъ только графъ раскланялся, за нимъ поднялась и княгиня Елизавета Дмитріевна и, пожелавъ намъ всѣмъ счастья въ картахъ, ушла на покой, въ свои комнаты.

— Теперь мы можемъ свободно курить! —объявилъ князь, вынимая портъ-сигаръ свой.

Не могу воздержаться, чтобы не отмѣтить этого, какъ бы казалось съ перваго взгляда, пустаго обстоятельства, но въ сущности служащаго неопровержимымъ доказательствомъ той степени почтительнаго вниманія и уваженія, которыя во всемъ, даже въ мелочахъ, выказывалъ онъ женѣ своей. Она не любила табачнаго дыма, и онъ, этотъ избалованный съ колыбели бояринъ, никогда не признававшій ни въ чемъ стѣсненій и препятствій, смиренно покорялся ея вкусамъ, не позволяя себѣ, точь въ точь, какъ благовоспитанный юноша, въ ея присутствіи закурить папироску... Игра въ chouette, сама по себѣ довольно занимательная, но мы невольно отвлекались отъ нея, вслушиваясь въ остроумныя вводныя предложенія краснорѣчиваго князя Александра Ивановича. Не помню, по какому поводу названа была фамилія Ш.

— A propos, cher ami,—обратился ко мнѣ князь,—знали ли вы Ш., онъ вѣдь, кажется, участвовалъ въ хивинскомъ походѣ?—На утвердительный отвѣтъ мой,—онъ продолжалъ:—Я очень интересуюсь этимъ молодымъ человѣкомъ, и вотъ вслѣдствіе какого обстоятельства, — и тутъ фельдмаршалъ, сложивъ свои карты на столъ, сталъ разсказывать, какъ въ прошломъ году, за границей, если не ошибаюсь, въ Эмсѣ или Баденѣ, сидя за высочайшимъ столомъ рядомъ съ государемъ, былъ внезапно удивленъ вопросомъ, громко сдѣланнымъ его величествомъ молодому человѣку, сидящему на противоположномъ концѣ стола: «а что, Ш., я слышалъ, ты вчера много выигралъ?» Слова эти привлекли мое вниманіе, и я съ любопытствомъ взглянулъ на незнакомаго мнѣ юношу, въ адъютантскомъ мундирѣ, ожидая почему-то отъ него бравднаго отвѣта. «Да, государь, мнѣ дѣйствительно вчера улыбнулось счастье, и я выигралъ до 40 тысячъ талеровъ»,—послѣдовалъ совершенно скромный и глубокопочтительный отвѣтъ баловня судьбы. «Кто такой?»—спросилъ я своего сосѣда справа. Онъ назвалъ фамилію. «Смотри же, Ш., воздержись», — милостиво посовѣтовалъ государь, ласково улыбаясь Ш., который, не обѣщая ничего, глубоко поклонился въ отвѣтъ. Toute la tenue du jeune homme à l'occasion dite мнѣ очень понравилась. На другой день, опять также за обѣдомъ, императоръ на этотъ разъ съ сожалѣніемъ обратился къ Ш.: «Ты не послушался меня и вчера за то наказанъ судьбою». — «Точно такъ, ваше величество, и своихъ даже 30 тысячъ прибавилъ»,—безъ малѣйшей афектаціи возразилъ молодой человѣкъ на милостивое къ себѣ участіе своего государя. Этимъ онъ еще больше понравился мнѣ, но впослѣдствіи, къ великому сожалѣнію, я узналъ о его другихъ сла-

Библиотека "Руниверс"

бостяхъ. Господа, скажите, онъ дѣйствительно такъ кутитъ? Опроверженія сказанному отъ насъ не воспослѣдовало, и князь Александръ Ивановичъ внушительно продолжалъ: «да, молодежь не хочетъ слушать благоразумныхъ совѣтовъ, предается невоздержанію и тѣмъ губитъ не только карьеру свою и репутацію, но и самое дорогое въ жизни—здоровье. Если бы она понимала... Ахъ, ахъ!»—вдругъ вскрикнулъ фельдмаршалъ, отчаянно схвативъ подъ столомъ свою ногу, конвульсивно дергающуюся отъ внезапнаго приступа подагры. Князь перемѣнился въ лицѣ, на которомъ крупными каплями выступилъ холодный потъ, и отчетливо отразились нестерпимыя страданія. Мы всѣ переполошились и растерянно глядѣли другъ на друга. Прошло минуты двѣ... и вдругъ веселый хохотъ князя разразился на всю комнату. «Voilà ce que c'est, quand le diable s'avise à faire morale!»—пояснилъ онъ удивленному его мужествомъ обществу. И дальше мучительная боль въ ногѣ князя не унималась; онъ страдалъ сильно, о чемъ можно было заключить изъ поддергиванія подъ столомъ бархатнаго сапога и по нерѣдкимъ гримасамъ на прекрасномъ лицѣ его, но онъ пересилилъ упрямую подагру и хотя съ меньшимъ увлеченіемъ въ разсказахъ, но добросовѣстно слѣдилъ за игрою въ chouette и прекратилъ ее только въ часъ ночи. За четверть часа до окончанія партіи застучалъ по стекламъ оконъ гостинной крупный дождь. Фельдмаршалъ всталъ и, не смотря на больныя ноги свои, вышелъ изъ комнаты, для чего?—чтобы распорядиться, какъ это оказалось нѣсколько времени спустя, объ экипажѣ для моей особы... Какъ, подумаешь, при сравненіи съ Барятинскимъ, этимъ во всемъ широкомъ значеніи, большимъ бариномъ, мизерны parvenus, съ ихъ заносчивостью и напыщенной гордостью.

Наутро я явился во дворецъ по приглашенію хозяевъ пить утренній чай въ десятомъ часу и затѣмъ до завтрака подъ руку (въ сущности для поддержки слабаго ногами фельдмаршала) прогуливался съ нимъ по парку и придворнымъ постройкамъ, гдѣ князь Александръ Ивановичъ являлъ собою типъ отжившихъ свое время крупныхъ помѣщиковъ, еще такъ недавно угощавшихъ дорогихъ гостей своихъ осмотромъ всѣхъ затѣй въ ихъ богатыхъ усадьбахъ. Но здѣсь, въ Скерневицахъ, было на что посмотрѣть. Помимо великолѣпнаго дворца, уже въ третій разъ нынѣ реставрируемаго, со времени владѣнія имъ княгиней Ловичъ, и всѣхъ соотвѣтствующихъ надворныхъ жилыхъ помѣщеній для штата царскаго, чего-чего не настроено было въ этой бывшей резиденціи въ Бозѣ почившаго великаго князя Константина Павловича и въ краткій срокъ настоящаго временнаго владѣльца князя Барятинскаго. Кромѣ массы строеній этого маленькаго городка, существовавшихъ съ давнихъ временъ, недавно воздвигнуты были обширныя помѣщенія для почетнаго при фельдмаршалѣ караула, въ составѣ 2-го

Библиотека "Руниверс"

стрѣлковаго, имени князя Барятинскаго батальона и команды лейбъ-казаковъ собственнаго его величества конвоя, и производились усиленныя работы при ломкѣ зданія бывшей желѣзнодорожной станціи для перестройки ея въ прелестный, судя по рисункамъ и плану, театръ, для котораго два раза въ недѣлю будутъ возить артистовъ императорскаго театра, а за неимѣніемъ достаточнаго на лицо количества живущихъ въ Скерневицахъ и зрителей.

По поводу настоящей резиденціи здѣсь фельдмаршала, князь по возвращеніи со мною во дворецъ разсказалъ мнѣ любопытный эпизодъ этотъ со слѣдующими подробностями.

— Надо вамъ, милый другъ, сказать, — такъ началъ хозяинъ, усѣвшись въ покойныя кресла гостинной,—что, получивъ въ наслѣдство отъ покойнаго дяди, графа Толстаго, маіоратство «Деревеньки» въ Курской губерніи, я нашелъ тамъ до того ветхій домъ и всѣ прочія постройки, что буквально рисковалъ быть задавленнымъ ими, en un mot c'étaient des ruines. Что дѣлать? Свободнаго капитала для сооруженія всѣхъ необходимыхъ зданій у меня тогда не было, а согласитесь, что мнѣ, въ моемъ положеніи, при обязательномъ большомъ пріемѣ и,не скрываю,свойственныхъ мнѣ привычкахъ жить не какимъ нибудь байгушемъ, а широко и открыто,— помѣщаться въ полуразрушенныхъ лачугахъ было бы неудобно и даже неприлично для генералъ-фельдмаршала всероссійской имперіи! Bref, tous ces ennuis me forcèrent à la longue de prendre une décision,—j'écris une lettre à sa majesté! Вотъ этотъ самый Кузнецовъ,— сказалъ онъ, указывая на Вавила Алексѣевича,—и повезъ государю письмо мое, въ которомъ я, отчетливо объяснивъ свое безвыходное положеніе, просилъ его величество заимообразно, entendons nous, заимообразно триста тысячъ рублей. Государь, вникнувъ въ дѣло et à fin de me tirer d'embarras, предложилъ министру финансовъ удовлетворить мою просьбу, mais R. avait des obstacles et force fut à l'Empereur de me la refuser! Вотъ тутъ-то, мой другъ, и слѣдуетъ достойно оцѣнить великодушіе и безпредѣльную деликатность по отношенію ко мнѣ возлюбленнаго нашего монарха! Его величеству благоугодно было, во-первыхъ, написать мнѣ собственноручное, въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ, соболѣзнованіе въ необходимости отказа, а,во-вторыхъ, почтить меня высочайшимъ предложеніемъ принять въ полное пользованіе и пожизненное владѣніе Скерневицы, гдѣ климатическія условія, лучшія, чѣмъ въ Курской губерніи, по мнѣнію его величества, должны были возстановить мое разстроенное здоровье. Но этимъ исторія не кончилась! Въ прошломъ году государю угодно было совершить путешествіе на возлюбленный нами Кавказъ. Намѣстникъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, въ виду посѣщенія края державнымъ гостемъ, возымѣлъ прекрасную мысль—громадными маневрами воспроизвести движенія, приступы и взятіе Гуниба, съ участіемъ въ нихъ именно тѣхъ войскъ, которыя такъ

Библиотека "Руниверс"

славно совершили великій подвигъ, при плѣненіи Шамиля, въ 1859 году. Въ день штурма, совпавшій съ тѣмъ же числомъ, 26-мъ августа, государь императоръ, въ прекрасномъ настроеніи отъ чудной картины величественной мѣстности и молодецкаго духа безподобной кавказской арміи, за большимъ завтракомъ на вершинѣ Гуниба, изволилъ многихъ присутствующихъ осыпать своими щедротами и соблаговолилъ провозгласить тостъ въ мою честь, при чемъ тутъ же былъ отправленъ фельдъегерь съ высочайшимъ министру финансовъ повелѣніемъ о препровожденіи мнѣ трехсотъ тысячъ рублей! Что вы на это скажете?»—Послѣ небольшой паузы князь продолжалъ:—«Ну, и, конечно, я почти всю сумму употребилъ на постройки здѣсь, въ Скерневицахъ!».

Сидѣвшая на диванѣ княгиня дѣлала въ это время знаки по моему адресу, знаменательно указывая головой на мужа, и когда онъ вышелъ изъ комнаты, Елизавета Дмитріевна въ полголоса объяснила мнѣ, что не «почти», а давно уже всѣхъ 300 тысячъ не существуетъ, и что на затѣи здѣсь князя Александра Ивановича убито еще чуть не столько же.

Когда насъ позвали въ столовую, князь Барятинскій взялъ меня подъ руку и увелъ въ сосѣднюю комнату.

— В. кое-что передалъ мнѣ о васъ, а вы сами, милый другъ, конфузились прямо говорить со мною. Знайте же, что я такъ расположенъ къ вамъ, что счелъ бы за личное себѣ оскорбленіе, если бы вы, имѣя въ томъ надобность, не обратились откровенно ко мнѣ... Впрочемъ теперь, une fois la glace rompue, мы успѣемъ все устроить. Поживите у меня, съ толкомъ поговоримъ и увидимъ, что надо дѣлать.

На мое возраженіе, что я не смѣю болѣе злоупотреблять его гостепріимствомъ, князь съ недовольной миной перебилъ меня и поспѣшно увлекъ въ столовую, поручивъ вести къ столу княгиню Елизавету Дмитріевну.

Вечеръ, какъ и раньше, посвященъ былъ chouette, за которой горячилась и серьезно распекала дядюшку за разсѣянность живая и очень умненькая племянница, графиня К.

Когда на слѣдующій день появился я въ прихожей княжескаго флигеля, мнѣ сказали, что его сіятельство два раза уже обо мнѣ спрашивалъ и приказалъ, какъ только я приду, пригласить меня къ нему въ спальную. Фельдмаршалъ ночью испыталъ сильнѣйшій приступъ подагры и теперь, слабый и страждущій, лежалъ на широкой постели, среди комнаты. Подходя къ двери, я отчетливо разслышалъ его стоны и жалобы сидѣвшей около него княгинѣ Елизаветѣ Дмитріевнѣ, но, когда я ему раскланялся, онъ подозвалъ меня къ себѣ, довольно крѣпко пожалъ руку и, пригласивъ занять уступленное мнѣ княгиней кресло, слабымъ голосомъ сталъ было описывать свои страданія, но княгиня его остановила, напомнивъ о строгомъ запрещеніи доктора, отнюдь не разговаривать.

Библиотека "Руниверс"

— Владиміръ Алексѣевичъ будетъ говорить, а ты, Alexandre, пожалуйста, только слушай!—съ милѣйшей улыбкой внушила князю заботливая жена и вышла изъ комнаты больного.

— Садитесь вотъ тутъ, поближе ко мнѣ,—прошепталъ князь,—и разскажите мнѣ подробно всѣ перипетіи хивинской экспедиціи. Молодой Меллеръ-Закомельскій кое-что мнѣ сообщилъ, онъ очень неглупъ, но я бы...

— Вамъ, князь, вредно разговаривать,—перебилъ я словоохотливаго больного.

— Хорошо, я буду молчать, но прежде встаньте и позвоните de grâce.

Я поспѣшилъ исполнить его желаніе, вполнѣ увѣренный, по судорожнымъ движеніямъ подъ простыней, о требованіи посторонней помощи, но когда на зовъ явился камердинеръ, я былъ не мало удивленъ приказаніемъ князя поставить около меня столикъ и принести графинъ съ портвейномъ, такого-то № и года.

— Faites, mon cher, honneur à ce liquide, il est très potable, — добавилъ онъ, когда мнѣ налили объемистую рюмку ярко-золотистаго вина.

По знаку хозяина, камердинеръ поставилъ около меня графинъ и неслышными шагами исчезъ за дверь, а я, осушивъ рюмку (при чемъ невольно вспомнилъ изреченіе кузена моего Павла Александровича Полторацкаго, когда онъ, садясь писать письма и выпивая предварительно спирта, приговаривалъ: «это для бойкости пера!), приступилъ къ разсказу. Князь все время внимательно слушалъ и хотя, при началѣ моей повѣсти, отъ усиленныхъ страданій, при одномъ прикосновеніи тончайшей простыни къ пальцамъ ноги, стоналъ и зачастую жалобно вскрикивалъ, а я въ этихъ случаяхъ прерывалъ рѣчь мою, князь спѣшилъ убѣждать меня «que ce n'est rien du tout, continuez, je vous prie», и я вновь наэлектризованный продолжалъ повѣствованіе. Долго князь молча слушалъ меня, но мало-по-малу и онъ сталъ оживляться, задавать вопросы и вставлять свои разсужденія. Среди нашей бесѣды фельдмаршалу подали телеграмму изъ Варшавы. Нетерпѣливо пробѣжавъ ее, князь просіялъ, ухмыльнулся и съ плохо скрытою улыбкой самодовольствія, молча ее мнѣ передалъ.

Она гласила: «Вчера прибывъ въ Варшаву, осмѣливаюсь просить позволенія въ четвергъ, 23-го, явиться въ Скерневицы вашему сіятельству. Коцебу».

— Voici, cher ami, ce que c'est que le sort ici bas! Помните въ 1848 году,—lui, aide de camp général, chef d'état major de l'armée, grand personnage, en un mot, — moi, petit colonel, un rien du tout! Et à l'heure qu'il est??.. Онъ разразился непритворно-счастливымъ смѣхомъ.—Il n'a qu'à venir, le petit homme!.. и тутъ же черкнулъ очень любезную отвѣтную телеграмму.

Библиотека "Руниверс"

— Mais voilà une idée,—вдругъ сообразилъ князь:—не согласитесь ли вы принять мѣсто и какое именно при Коцебу, въ Варшавѣ? Въ четвергъ онъ здѣсь обѣдаетъ... Хотите?..

Какъ снѣгъ на голову, свалилось мнѣ это внезапное предложеніе, я задумался, но вскорѣ, взвѣсивъ за и противъ, выразилъ князю мою глубокую благодарность, но отъ службы въ западномъ краѣ по многимъ причинамъ отказался. Князь обнялъ меня и тотъ часъ же перемѣнилъ разговоръ. Съ этой минуты роли наши измѣнились: фельдмаршалъ заговорилъ, а мнѣ оставалось только слушать. Изъ большинства предметовъ, краснорѣчиво имъ затронутыхъ, конечно, Кавказъ почти исключительно служилъ исходною точкой. Многое я зналъ и прежде, но были и очень любопытные эпизоды, еще мнѣ вовсе незнакомые про Евдокимова, Врангеля, Вревскаго, Бебутова, Веревкина, Іедлинскаго и др., изъ числа которыхъ уже многіе сошли съ жизненнаго поприща. Князь Барятинскій съ увлеченіемъ и полнѣйшей откровенностью вспоминалъ о живыхъ и мертвыхъ. Иныхъ восторженно восхваляя, а другихъ снисходительно щадя, онъ перенесся въ хорошее прошлое, оживился, воскресъ!..

За обѣдомъ въ тотъ же день я увидѣлъ новую для меня личность, старика кн. Орбельяни, Димитрія, отца княгини Барятинской. Познакомясь со мною, онъ поспѣшилъ объявить мнѣ, что только что вернулся изъ Варшавы, куда на три дня ѣздилъ «повеселиться». Выраженіе это, въ устахъ едва ли не 70-ти-лѣтняго старца, меня покоробило, но когда черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ и услышалъ обращеніе съ нимъ нѣкоторыхъ, я былъ просто возмущенъ.

Какъ бы ни былъ простъ, наивенъ жалкій представитель грузинской аристократіи, но въ уваженіе его лѣтъ почему бы не извинить безвредныхъ выходокъ впавшаго въ дѣтство старика, тѣмъ болѣе, когда онъ при этомъ и отецъ всѣми уважаемой хозяйки дома.

Сидя съ ней рядомъ и внимательно слѣдя за выраженіемъ ангельски-добраго лица ея, я безошибочно утверждаю, что она далеко не равнодушно выносила «милыя» шутки со старикомъ отцомъ ея...

На мой взглядъ, княгиня Елизавета Дмитріевна далеко не красавица и ею прежде не была; но рѣдко встрѣчалось существо наружности болѣе симпатичной, обходительной и довѣріе внушающей, чѣмъ она. При всемъ высокомъ своемъ положеніи, она замѣчательно проста была въ обращеніи и творила неисчислимыя благодѣянія, за что, разумѣется, ее боготворили въ краѣ... Княгиня представляла собой идеалъ доброты, скромности и благодушія, передъ которыми не преклонить колѣнъ было бы просто грѣшно.

Утро слѣдующаго дня я опять провелъ съ княгиней, и она совсѣмъ сумѣла обворожить меня своимъ умомъ, сердечнымъ тактомъ и теплымъ участіемъ, съ которымъ она меня разспрашивала

Библиотека "Руниверс"

про жену, дѣтей, настоящее положеніе и надежды на будущее. На этомъ насъ засталъ фельдмаршалъ, только что вернувшійся съ прогулки. Смѣясь вошелъ онъ въ гостинную и тотчасъ же весело разсказалъ про своего любимца, безсмѣннаго ординарца изъ лейбъ-казаковъ, урядника (фамиліи не помню).

— Представьте себѣ, до какой степени эти наивные люди заблуждаются, взирая на меня, не какъ на простого смертнаго, а какъ на что-то особеннее. Шутки въ сторону, mon cher, они себѣ ничего почти не представляютъ выше ихъ фельдмаршала, къ которому, по ихъ пониманію, они приставлены, чтобы ограждать, беречь, сдувать съ него пылинки, отнюдь не обращая вниманія на прочихъ. J'en ai eu mille preuves et en voilá de nouveau une! Ecoutez-donc! Сейчасъ подали къ подъѣзду тюльбери. Урядникъ подсадилъ меня, и пока я разбиралъ возжи, онъ перебѣжалъ на ту сторону экипажа, какъ я полагалъ, чтобы оправить платье моей спутницы, madame Бутурлиной. Совсѣмъ нѣтъ!.. Казакъ безцеремонно потыкалъ ее и, насильственно всунувъ ей въ руку мой портъ-сигаръ, внушительно скомандовалъ въ полъ-голоса: «Смотри, дорогой будетъ спрашивать, подавай ему!» N'est ce pas sublime?—залился смѣхомъ фельдмаршалъ...

Многіе изъ недоброжелателей князя А. И. Барятинскаго, какъ прежде, такъ и теперь, обвиняютъ его въ спеси, чванствѣ и чудовищномъ тщеславіи. Отрицать въ немъ ихъ существованіе было бы явнымъ пристрастіемъ, но ставить ему ихъ чуть ли не въ преступленіе—другая крайность, тѣмъ болѣе, если на вѣсы положить его достоинства, какъ полководца, какъ вельможи, какъ рыцаря, какъ честнѣйшаго человѣка... Пригласивъ меня въ свой кабинетъ «тряхнуть стариной», по его выраженію, князь много и мастерски разсказывалъ намъ (за нами вслѣдъ пришли и другіе гости князя) объ экспедиціи на Гунибъ, увѣнчавшейся плѣненіемъ Шамиля и умиротвореніемъ всей восточной части Кавказа, о торжественномъ въѣздѣ его въ Тифлисъ, когда у тріумфальной арки встрѣтило князя и забросало цвѣтами и лавровыми вѣнками все высшее общество города, а на разукрашенныхъ коврами улицахъ, вплоть до дворца намѣстника, шпалерами стояли войска, восторженнымъ «ура» привѣтствовавшія покорителя Кавказа и его имама, въ то время, какъ несмѣтныя толпы народа буквально ломились прорвать эту живую стѣну, чтобы только приблизиться къ нему... Послѣдовательно познакомивъ насъ съ главнѣйшими событіями послѣднихъ годовъ его пребыванія на возлюбленномъ Кавказѣ, онъ перешелъ къ описанію испытанныхъ имъ чувствъ упоенія и высшаго благополучія, при счастливомъ извѣстіи о всемилостивѣйшей наградѣ, фельдмаршальскомъ жезлѣ, а затѣмъ вызовѣ его въ Петербургъ. Здѣсь, по свойственному князю чистосердечію, онъ не скрылъ отъ насъ, что во все время длиннаго пути этого онъ не переставалъ

Библиотека "Руниверс"

заботиться и опасаться, какъ бы подъ вліяніемъ его опьянившаго счастья не впасть въ невольную ошибку, въ непредвидимый промахъ въ минуту, когда при пріемѣ его взоры всѣхъ будутъ устремлены на него одного. Здравый смыслъ подсказывалъ мнѣ,—пояснилъ князь,—крайнюю необходимость для самолюбія, чести и достойной поддержки высшаго званія, возложеннаго на меня державною милостью, всячески отстранить тѣ чувства зависти и досады, которыя неминуемо должны были преобладать въ высшихъ сферахъ петербургской бюрократіи къ молодому, сравнительно съ многими изъ нихъ, чуть ли не къ мальчишкѣ, но уже достигшему верховнаго въ военной іерархіи значенія, власти и почета. И знаете ли, господа, какимъ несложнымъ путемъ разрубилъ я этотъ Гордіевъ узелъ?

— Послѣ парадной, пышной и небывало-торжественной мнѣ встрѣчи въ Петербургѣ, гдѣ со станціи желѣзной дороги и до Зимняго дворца, предназначеннаго для моего помѣщенія, тріумфальный въѣздъ мой, среди духовенства, войска и народа, сопровождали всѣ высшія военныя и гражданскія власти и дипломатическій корпусъ,—наконецъ, самъ государь императоръ осчастливилъ меня своимъ посѣщеніемъ, изволивъ объявить, что онъ высочайше повелѣлъ на другой же день представиться мнѣ, какъ генералъ-фельдмаршалу, всѣмъ чинамъ министерствъ и гвардіи, арміи и флота; однако, я всеподданнѣйше испросилъ всемилостивѣйшаго соизволенія его величества, во вниманіе моей усталости и нездоровья, отложить означенный пріемъ до послѣзавтра. Государь соблаговолилъ пожаловать просимое разрѣшеніе, а я на другой же день, съ утра натянувъ на себя парадную форму, сѣлъ въ карету и объѣхалъ всѣхъ почетныхъ сановниковъ. Эффектъ былъ блестящій. Польщенные моимъ первымъ къ нимъ визитомъ, они растаяли et ça va sans dire, m'ont généreusement pardonnés le baton de maréchal, qu'une heure avant ils n'étaient que trop disposés à me jeter entre les roux!— Князь очень довольный послѣднимъ bon mot своимъ, разразился смѣхомъ и продолжалъ: но въ сущности, согласитесь сами, эта... какъ бы назвать? ну, хоть дипломатическая уловка, была съ моей стороны вызвана крайней необходимостью? Могъ ли я допустить, чтобы высокопоставленные въ государственномъ строѣ, заслуженные старцы, какъ Горчаковъ, Орловъ, Киселевъ, Меншиковъ и другіе, qui à la lettre m'avaient vu naitre et par conséquent me traitaient encore en gamin, явились бы первыми ко мнѣ въ шарфахъ?

— Особенно мнѣ врѣзался въ память пріемъ меня княземъ Орловымъ, когда-то нянчившимъ меня ребенкомъ на своихъ колѣнахъ. Послѣ самыхъ теплыхъ его изліяній въ любви, дружбѣ, уваженіи и проч., когда я, раскланявшись съ нимъ, вышелъ, маститый князь А. Ѳ. бросился за мною въ переднюю, собственноручно подалъ мнѣ шубу, и когда я, озадаченный этой выходкой, энергически

Библиотека "Руниверс"

откланялся, старикъ насильственно протестовалъ, шепнувъ мнѣ на ухо: «Taisez-vous, imbecile que vous êtes! Je sais bien ce que je fais!» и тутъ же подъ руку свелъ меня съ лѣстницы въ одномъ сюртукѣ, безъ шапки проводилъ до кареты, при столпившемся у подъѣзда любопытномъ народѣ. Il va sans dire qu'à la grande reception du lendemain, je n'ai plus aperçu le moindre indice d'hostilité, tous me témoignèrent éstime, respect et devouement!

Къ обѣду явились съ поѣзда приглашенные изъ Варшавы командиры: бригады — Эссенъ и полковъ лейбъ-уланскаго — князь Шаховской и Гродненскаго гусарскаго — де-Бальменъ. Прохаживавшійся кругомъ насъ фельдмаршалъ (хотя въ тѣхъ же бархатныхъ сапогахъ, но въ лейбъ-гусарской венгеркѣ, съ алмазными жезлами и шифромъ Е. В. на плечахъ) вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Cher Poltoratsky, узнали ли вы этотъ столъ?—при чемъ указалъ мнѣ на стоящій въ углу складной ломберный столъ съ инкрустаціей.

— Нѣтъ, князь, — удивленно отвѣтилъ я, — стола этого я не знаю.

— Да знаете ли, откуда онъ? Отъ вашего покойнаго дяди Константина Марковича Полторацкаго и пріобрѣтенъ мною, конечно, не отъ него самого, а отъ какой-то личности, въ наслѣдство его получившей въ числѣ прочей мебели. Мнѣ, какъ страстному любителю всякихъ рококо, и сообщили объ этомъ. A j'en ai fait l'acquisation pour une misére, 200 roubles à peu près; вѣдь прелестный столъ, съ чудной инкрустаціей временъ Елизаветы, подаренный дѣду вашему императрицей Екатериной II.

Когда черезъ нѣсколько дней я прощался съ радушнѣйшими хозяевами, фельдмаршалъ, обнимая меня, успѣлъ шепнуть: «будьте спокойны, я свято исполню обѣщаніе». Но не пришлось мнѣ воспользоваться такъ любезно предложеннымъ содѣйствіемъ въ устройствѣ дальнѣйшей моей карьеры: пріѣхавъ въ Москву, А. И. Гильденштубе, мой непосредственный начальникъ, вручилъ мнѣ слѣдующую телеграмму:

«Генералу Гильденштубе.

«Въ Крыму формируется эскадронъ изъ крымскихъ татаръ. Строй драгунскій, вооруженіе легко-кавалерійское, сѣдловка казачья. Желаетъ ли полковникъ Полторацкій и не имѣется ли препятствія къ назначенію его формировать и командовать означеннымъ эскадрономъ?

«Графъ Гейденъ».

Библиотека "Руниверс"

Оказалось, какъ я узналъ впослѣдствіи, что государю императору угодно было избрать меня изъ числа многихъ представленныхъ на выборъ его величества, и что высочайшее повелѣніе обо мнѣ состоялось въ Югенгеймѣ, отъ 12-го іюня. Предполагалось формировать сперва первый, потомъ 2-й и 3-й эскадронъ и такъ до полка. Часть эта въ Крыму впервые создавалась изъ мѣстныхъ татаръ, никогда еще не отбывавшихъ въ Россіи воинской повинности. Государь желалъ, чтобы Крымскій эскадронъ, хотя и регулярной кавалеріи, былъ сформированъ и обученъ непремѣнно по образу и подобію лихаго казачьяго линейнаго войска, словомъ, чтобъ въ немъ совмѣщалось молодечество, подвижность и наѣздничество линейныхъ кавказцевъ. Что касается избранія офицеровъ, то государь изволилъ представить оное личному усмотрѣнію командира. На состоявшемся затѣмъ представленіи моемъ государю, его величество милостиво, какъ всегда, обласкалъ меня.

— А, старый знакомый, здравствуй!—привѣтливо обратился ко мнѣ государь.—И въ новой формѣ! Ну, какъ-то, Полторацкій, ты справишься съ своими татарами?

— Надѣюсь, ваше императорское величество!

— Ты надѣешься, а я такъ увѣренъ, что ты справишься непремѣнно, — и съ этими словами государь сошелъ со ступенекъ крыльца (это происходило въ Красномъ Селѣ передъ общимъ всей кавалеріи ученьемъ) и, подойдя ко мнѣ, милостиво подалъ мнѣ руку.

— Ну, я не надолго съ тобой прощаюсь, скоро ли ты собираешься?

— Надняхъ ѣду на Кавказъ, ваше величество!

— Да, но ненадолго, конечно, и мы скоро увидимся въ Крыму и тамъ будемъ видѣться часто! До свиданія!—вторично подавъ мнѣ руку, проговорилъ государь.

Участь моя была рѣшена, и съ этого времени наступила новая эра моей служебной дѣятельности.

В. А. Полторацкій.

Библиотека "Руниверс"